Археологические вести

– 20 –

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

Archaeological news

20

(2014)

SAINT-PETERSBURG

2014

Археологические вести

20

(2014)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2014

УДК 902/904
ББК 63,4

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:
член-корреспондент РАН Е. Н. Носов (главный редактор),
академик РАН В. Л. Янин, академик РАН Н. А. Макаров, Н. В. Хвощинская (зам. главного редактора), М. Ю. Вахтина, Т. С. Дорофеева (ответственный секретарь), Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Рецензенты:
д. и. н. Д. Г. Савинов, к. и. н. В. А. Алёкшин

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — 1992. —
Вып. 20 / [Гл. ред. Е. Н. Носов]. — СПб. «Арт-Экспресс», 2014. — 452 с., ил.

«Археологические вести» 20 — очередной выпуск ежегодника ИИМК РАН. В него включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. В разделе «Новые открытия и исследования» впервые вводятся в научный оборот материалы археологических памятников от каменного века до новейшего времени в широком географическом диапазоне, рассматриваются вопросы методики изучения, классификации и интерпретации различных категорий археологических находок. В специальный раздел сборника вошли работы по актуальным проблемам археологии. Одна из них посвящена керамике протомеотского комплекса в Закубанье, вторая — скифским варнам и третья — формированию образа стрельца — кентавра в культурах I тыс. до н. э. В сборнике дан обзор новейших отечественных и зарубежных публикаций, представлены работы по истории и организации науки. Среди авторов ежегодника — ученые из России, Польши, Франции, Испании, Украины и Азербайджана.

Для археологов, этнографов, историков.

"Archaeological News" 20 is a regular issue of the year-book published by the Institute of the History of Material Culture RAS. The present volume includes articles concerned with the most recent studies in archaeology, history and culture. In the section "New discoveries and studies", among the presented materials are first scientifically published finds from archaeological sites beginning from the Stone Age until the most recent period and comprising a broad geographic scope. The discussion presented deals with problems of the methods of investigations, classification and interpretation of various categories of archaeological finds. A special section of this collection comprises papers on the urgent problems in archaeology. One of these articles is devoted to pottery of the proto-Maeotian complex in the Trans-Kuban region, a second — to Scythian varṇ as and a third one is concerned with the formation of the image of Sagittarius — Centaur in civilisations of the 1st millennium BC. This collection presents a review of the most recent Russian and foreign publications and the works on the history and organization of science. Among the authors of this year-book there are scholars from Russia, Poland, France, Spain, Ukraine and Azerbaijan.

The issue is intended for archaeologists, ethnographers and historians.

Обложка:
Лицевая сторона — зооморфная подвеска с Новгородского (Рюрикова) городища. Фото А. Н. Каменского (к статье С. Е. Торопова). Обратная сторона — макросъемка инкрустации на рукояти плети из кургана 100 Тимеревского могильника. Макрофотографии выполнены с помощью фотокамеры AxioCam ERc5s стереомикроскопа Carl Zeiss Stemi 2000C. Изображение обработано с помощью программы AxioVision LE (к статье С. С. Зозули).

© Институт истории материальной культуры РАН, 2014
© Коллектив авторов, 2014
© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2014
© Редакционно-издательское оформление «Арт-Экспресс», 2014

ISBN 978-5-4391-0121-4
ISSN 1817-6976

Содержание

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Вадим Андреевич Алёкшин. К 70-летию со дня рождения 11

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Е. Щелинский
Технология первичной обработки камня олдованской стоянки Родники 1 (Западное Предкавказье) 13

А. А. Зейналов, С. А. Кулаков, И. А. Идрисов, Т. М. Эйбатов, И. Н. Авшарова
Раннепалеолитические местонахождения в апшеронских отложениях Азербайджана 31

Н. К. Анисюткин
Клювовидные орудия в раннем палеолите Приднестровья 43

М. Н. Желтова
Костенки 4: опыт реконструкции участка культурного слоя 55

В. М. Лозовский
Технологический аспект кремневых индустрий рубежа мезолита-неолита Нижнего Дона и Верхней Волги 69

Н. Н. Скакун, М. Г. Жилин, В. В. Терёхина
История изготовления и использования одного наконечника из стоянки Ивановское VII 80

Е. М. Колпаков
«Кресты» и «колеса» в петроглифах Фенноскандии 96

А. Р. Канторович
Вариации на тему верблюда в восточноевропейском скифском зверином стиле 105

А. Е. Терещенко
Монетные суррогаты в денежном обращении Боспора Киммерийского 113

Н. А. Жогова (Кушакова)
Типология составных гребней эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая 116

Ю. А. Виноградов, К. К. Марченко
Северное Причерноморье в III в. до н. э. (взгляд из греческих государств) ..... .143

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко
Новые протомеотские комплексы Закубанья (могильник Железнодорожный-2) ..... .165

К. Яжецки
Клад боспорских монет из Андреевки Северной 183

С. В. Воронятов
Металлообработка Почепского селища: мастера культур западнобалтского круга и начальный этап стиля варварских выемчатых эмалей 189

Т. В. Рябкова
Три костяных псалия из Прикубанья в коллекции Эрмитажа 205

С. С. Зозуля
Плеть из Тимерева 217

С. Е. Торопов
Случайные находки скандинавских предметов эпохи викингов
в Приильменье: из коллекций Новгородского музея 225

В. М. Горюнова
Гончарные плитчатые крышки болгарской традиции на Рюриковом городище 253

Е. В. Торопова
Романские бронзовые сосуды XII в. на территории Новгородской земли ..... .259

М. А. Рудковская, Н. Н. Митина
Деревянные детали окон жилых построек Новой Мангазеи–Туруханска (XVII — XVIII вв.) 267

И. С. Жущиховская, Ю. Г. Никитин
Корейские поселения конца XIX — начала XX в. в Российском Приморье:
перспективы археологического изучения 277

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Ел. Н. Черных
К постановке вопроса о керамике раннего протомеотского комплекса финала эпохи
бронзы — начала раннего железного века в Закубанье 288

С. В. Кулланда
Скифские варны 318

С. А. Зинченко
Стрелец или кентавр: специфика формирования
и функционирования одного образа в культурах Древнего мира в I тыс. до н. э. 332

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Одиссея первых американцев
K. E. Graf, C. V. Ketron, M. R. Waters (eds.). Paleoamerican Odyssey. College Station: Center
for the study of the First Americans, 2013. 573 p.
(Рец. С. А. Васильева) 342

Фундаментальное исследование архаической керамики Ольвии
А. В. Буйских. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская,
коринфская, имитации). Киев: «Стародавній Світ»,
2013. ISBN: 978-966-2608-13-8. 246 с. 208 рис.
(Рец. М. Ю. Вахтиной) 347

Культура Северной Европы: традиции и приобретения
Harjula J. Before the heels. Footwear and shoemaking in Turku in the Middle Ages and at the
beginning of the Early Modern period. Turku: Suomen Keskiajan arkeologian seura, 2008.
(Archaeologia Medii Aevi Finlandiae, XV). 224 p. ISBN: 978-951-96801-7-0. ISSN: 1236-5882.
(Рец. А. В. Курбатова). 350

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

Хорхе А. Диаз Солер
Просветительская работа как метод обеспечения сохранности наскального искусства:
на примере деятельности Музея Аликанте (MARQ) в окрестностях неолитического
святилища в Пла де Петракос (Кастель де Кастельс, Аликанте, Испания) 361

В.С. Житенев, Т.Е. Солдатова, О.Я. Червяцова
Мониторинг состояния археологического ансамбля Игнатиевской пещеры в 2009–2012 гг. 364
Н.Н. Скакун, Х. Плиссон
Экспериментально-трасологическая экспедиция 2012 г. 368

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОСТОК — ЗАПАД

Г.И. Панахид, Г.Н. Поплевко
XXIX Жешувская международная конференция
«Археологические исследования на территории юго-восточной Польши, западной Украины и северной Словакии» (23–24 апреля 2013 г., Жешув, Польша) 373
Г.И. Поплевко, Г.Н. Панахид, П. Макарович
Юбилейная конференция «Археология запада Украины» (22–24 мая 2013 г., Львов, Украина) ..378

ИСТОРИЯ НАУКИ

Н.Ю. Скрипинская
Планы Новгорода Великого начала XVIII в. из Собрания иностранных рукописей Петра I Библиотеки Академии наук 384
М.В. Медведева, В.Ю. Соболев
Археолог Владимир Нилович Глазов 395

ПЕРСОНАЛИИ

Д.Г. Савинов
Памяти Галины Вацлавны Длужневской (10.03.1946–01.07.2014) 427
Ю.А. Виноградов
К 110-летию М.А. Наливкиной (1904–1981) 430
М.А. Наливкина
Памяти военных лет 1941–1945 гг. (Случай на Ладоге) 437

ХРОНИКА

С.А. Кулаков
Институт истории материальной культуры РАН в 2013 г. 440

Список сокращений 450

Content

OUR JUBILEES

Vadim Andreevich Alyokshin. To the 70th Anniversary 11

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

V. E. Shchelinskiy
Technology of initial stone knapping at the Oldowan site of Rodniki 1 (Western Ciscaucasia) 13

A. A. Zeynalov, S. A. Kulakov, I. A. Idrisov, T. M. Eybatov, I. N. Avsharova
Low-Palaeolithic sites in Apsheron deposits of Azerbaijan 31

N. K. Anisyutkin
Beaked tools in the Lower Palaeolithic of Transnistria 43

M. N. Zheltova
Kostyonki 4: Experiment for reconstruction of an area of a cultural layer 55

V. M. Lozovskiy
Technological aspect of the flint industries at the turn between the Mesolithic and Neolithic Ages on the Lower Don and Upper Volga rivers 69

N. N. Skakun, M. G. Zhilin, V. V. Terekhina
History of fabrication and utilisation of a bone point from the site of Ivanovskoye VII 80

E. M. Kolpakov
"Crosses" and "wheels" in the petroglyphs of Fennoscandia 96

A. R. Kantorovich
Variations on the subject of camel in East-European Scythian animal style 105

A. E. Tereshchenko
Monetary surrogates in the coin circulation of Cimmerian Bosporos 113

N. A. Zhogova (Kushakova)
Typology of composite hair combs from burial complexes of the Sayan/Altai of the epoque of early nomads 116

Yu. A. Vinogradov, K. K. Marchenko
Northern Black Sea Littoral in the 3rd century BC (a view from Greek states) ..... .143

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko
Newly discovered proto-Maeotian burials in the Trans-Kuban region (cemetery of Zheleznodorozhny-2) ..... .165

Krzysztof Jarzęcki
The Hoard of the Bosporan Coins from Andreyevka Severnaya 183

S. V. Voroniatov
Metalworking at the Pochep settlement: jewellery in cultures of the West Baltic circle and the initial evolution of the style of East European Enamelled Ornaments *189*

T. V. Ryabkova
Three bone cheek-pieces from the Kuban River region in the Hermitage collection 205

S. S. Zozulya
A lash from Timerevo *217*

S. E. Toropov
Chance finds of Scandinavian Viking Age objects in the Lake Ilmen region from collections of the Novgorod Museum *225*

V. M. Goryunova
Ceramic flat lids from Ryurik Gorodishche manufactured in Bulgarian tradition 253

E. V. Toropova
Romanic bronze pottery of the 12th century from Novgorod lands ..... .259

M. A. Rudkovskaya, N. N. Mitina. Wooden parts of windows in dwellings of New Mangazeya — Turukhansk (7th–18th centuries) 267

I. S. Zhushchikhovskaiya, Yu. G. Nikitin
Korean settlements of the end of the 19th and early 20th centuries in Primorye District of the Russian Far East: prospects of archaeological investigation 277

TOPICAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

El. N. Chernykh
Problem of the pottery of the early proto-Maeotian assemblage of the Final Bronze Age — Early Iron Age in the Trans-Kuban region..... 288

S. V. Kullanda
Scythian varṇas 318

S. A. Zinchenko
Sagittarius or Centaur: specifics of formation and functioning of an image popular in cultures of the Ancient World in the 1st millennium BC 332

REVIEW ARTICLES AND BOOK REVIEWS

Odyssey of the first Americans
K. E. Graf, C. V. Ketron, M. R. Waters (eds.). Paleoamerican Odyssey. College Station: Center for the study of the First Americans, 2013. 573 p.
(Rev. by S. A. Vasilyev) 342

Fundamental study of archaic ceramics from Olbia
A. V. Buyskikh. Archaic painted ceramics from Olbia (East-Greek, Laconic, Corinthian, imitations). Kiev: «Стародавній Світ», 2013. ISBN 978-966-2608-13-8. 246 pages, 208 figs.
(Rev. by M. Yu. Vakhtina) 347

Culture of Northern Europe: traditions and acquisitions
Harjula J. Before the heels. Footwear and shoemaking in Turku in the Middle Ages and at the beginning of the Early Modern period. Turku: Suomen Keskiajan arkeologian seura, 2008. (Archaeologia Medii Aevi Finlandiae, XV). 224 p. ISBN: 978-951-96801-7-0. ISSN: 1236-5882.
(Rev. by A. V. Kurbatov) 350

ORGANIZATION OF SCIENCE

Jorge A. Díaz Soler
Diffusion to ensure the preservation of Rock Art. With regard to the actions taken by the Archaeological Museum of Alicante — MARQ- around the Neolithic sanctuary in Pla de Petracos (Castell de Castells, Alicante, Spain) 361

V. S. Zhitenev, T. E. Soldatova, O. Ya. Cherviytsova
Monitoring of the archaeological ensemble of the Ignatiyevskaya cave in 2009–2012 364
N. N. Skakun, Kh. Plisson
Experimental tracewear studies by the expedition of 2012 368

THE EAST–WEST COOPERATION

G. I. Panakhid, G. N. Poplevko
XXIXth Rzeszów International Conference «Archaeological investigations in southeastern Poland, Western Ukraine and northern Slovakia» (April 23–24, 2013, Rzeszów, Poland)..... 373
G. I. Poplevko, G. N. Panakhid, P. Makarovich
Jubilee conference «Archaeology of Western Ukraine» (May 22–24, 2013, L'viv, Ukraine) 378

HISTORY OF SCIENCE

N. Yu. Skripinskaya
Plans of Veliky Novgorod of the early 18th century from the Collection of foreign manuscripts of Peter I in the Library of the Academy of Sciences 384
M. V. Medvedeva, V. Yu. Sobolev
The archaeologist Vladimir N. Glazov..... 395

PERSONALIA

D. G. Savinov
In memory of Galina V. Dluzhnevskaya (10.03.1946–01.07.2014) 427
Yu. A. Vinogradov
To the 110s anniversary of M. A. Nalivkina (1904–1981) 430
M. A. Nalivkina
In memory of the wartime years of 1941–1945. (An occurrence on the Ladoga) 437

CHRONICLE

S. A. Kulakov
Institute of the History of Material Culture (IIMK) RAS in 2013 440

List of Abbreviations 450

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Вадим Андреевич Алёкшин. К 70-летию со дня рождения

16 октября 2014 г. исполнилось 70 лет заведующему Отделом археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН Вадиму Андреевичу Алёкшину. Вся его жизнь неразрывно связана с Институтом. Он прошел путь от аспиранта до ведущего научного сотрудника. В стенах Института он не только успешно разрабатывал научную проблематику, связанную с археологией Центральной Азии и Ближнего Востока, но и активно занимался научно-организационной деятельностью. В разные годы он являлся ученым секретарем Отдела, на исполнительность которого всегда можно было положиться, а в течение пяти лет сложных общих академических сокращений он был заместителем директора Института по научной работе. В. А. Алёкшин вошел в первую редколлегию «Археологических вестей», и при нем были выпущены первые 11 номеров, как и 9 номеров продолжающихся «Записок ИИМК РАН». В. А. Алёкшин — талантливый и ответственный редактор научных трудов, не жалеющий своего времени на эту работу.

В сферу научных интересов В. А. Алёкшина попадали вопросы изучения погребальных обрядов каменного и бронзового веков населения Евразии, а также проблемы происхождения индоевропейцев. Им разработана методика социологической интерпретации древних захоронений, на основании которой написана первая в отечественной археологии работа по реконструкции общественных отношений земледельческих племен Центральной Азии и Ближнего Востока в эпоху неолита, энеолита и бронзового века.

Погребальный обряд раннеземледельческих и охотничьих обществ рассматривается в его работах с разных сторон: изучаются

отдельные культы, традиции, символика, рассматривается социальное положение умерших и вопросы хронологии.

Опубликованные им научные работы отличаются скрупулезностью, широтой эрудиции и основательностью методических приемов исследования. Они признаны специалистами не только в отечественной, но и зарубежной археологии. Занимаясь преподавательской деятельностью, В. А. Алёкшин щедро делился своими знаниями со студентами исторических факультетов ряда учебных заведений Санкт-Петербурга.

Вадим Андреевич — энергичный, импозантный, приятный в общении и ответственный человек. Редакция «Археологических вестей» от всей души поздравляет его с юбилеем, желает дальнейших творческих успехов, а главное — крепкого здоровья и кавказского долголетия!

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Технология первичной обработки камня олдованской стоянки Родники 1 (Западное Предкавказье)

В. Е. Щелинский[1]

В статье описываются и систематизируются нуклеусы, отщепы и другие продукты расщепления каменного сырья, а также реконструируется технология первичной обработки камня одной из древнейших в России (1,6–1,2 млн лет назад) раннепалеолитической (олдованской) стоянки Родники 1 в Западном Предкавказье. Технология первичной обработки камня стоянки сочетает в себе архаичные и прогрессивные признаки. Весьма архаичным признаком является массовое изготовление и использование в качестве заготовок для орудий обыкновенных обломков исходного сырья. Архаичны и нуклеусы, не подвергавшиеся обработке и оформлению. Вместе с тем характерно многообразие типов нуклеусов и превалирование нуклеусов с одной поверхностью скалывания (одноплощадочных), среди которых заметную роль играют нуклеусы плоскостного и грубопризматического расщепления. Отчетливо прослеживается нацеленность технологии расщепления нуклеусов на изготовление отщепов более или менее правильной формы и разных размеров, что является важным аргументом для отнесения индустрии стоянки к развитому олдовану.

Ключевые слова: ранний палеолит, развитой олдован, технология первичной обработки камня, стоянка Родники 1, Таманский полуостров, Западное Предкавказье.

This paper describes and systematizes nuclei, flakes and other debris of knapping and also presents a reconstruction of the technology of primary working of stone at the early Palaeolithic (Oldowan) campsite of Rodniki 1 in western Ciscaucasia. The site under study is one of the most ancient in Russia (1.6–1.2 millions BP). The technology of primary working of stone at this site combined archaic and progressive forms. Mass manufacture and use of ordinary debris of initial material as blanks for making tools may be considered as a very archaic feature. The cores subjected to no knapping nor shaping also are archaic. At the same time, of note is the diversity of the types of cores and the predominance of nuclei with a single surface of knapping (one-platform cores) among which nuclei of flat and roughly prismatic flaking are fairly numerous. Of note is the orientation of the technology of knapping cores toward making flakes of regular form and different sizes; this is an important argument for attributing the industry of this site to the advanced Oldowan.

Keywords: early Palaeolithic, advanced Oldowan, primary lithic working techniques, site of Rodniki 1, Taman Peninsula, western Ciscaucasia.

Введение. Технология обработки камня наряду с типологией орудий является важным критерием культурно-хронологического подразделения раннепалеолитических комплексов. Именно по технологическим показателям в развитии раннего палеолита (2,6 млн — 300 000 лет назад) различаются два основных эволюционных уровня — олдован (mode 1) и ашель (mode 2) (*Leakey*, 1967; 1971; *Clark,* 1977).

Между тем общепринятые принципы технологического изучения древнейших ка-

[1] Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Экспериментально-трасологическая Лаборатория.

менных индустрий пока не выработаны, что затрудняет сравнительный анализ этих индустрий. Известно, например, что М. Лики, впервые описавшая олдованские индустрии в Олдувайском ущелье в Танзании (Восточная Африка), не выделяла в них нуклеусы, служившие для изготовления отщепов, полагая, что главной целью обработки камня в этих индустриях было прежде всего изготовление чопперов, протобифасов, полиэдров, дискоидов, сфероидов и некоторых другие крупных орудий, тогда как отщепы были побочным продуктом изготовления этих орудий (*Leakey,* 1971; 1975). Через некоторое время после исследований М. Лики появилась другая крайность. Большинство крупных изделий в олдованских индустриях — чопперов, дискоидов, полиэдров и др. — было исключено из состава орудий и отнесено в разряд нуклеусов (*Toth*, 1985; *Semaw*, 2000; *Kimura*, 2002). Вследствие этого олдованские индустрии стали рассматриваться как очень простые и примитивные, что нашло отражение в их укоренившемся сейчас названии «индустрии нуклеуса и отщепа» (core-and-flake industries) (*Jöris*, 2008; *Bar-Yosef, Belmaker*, 2011).

Однако имеющиеся в настоящее время данные об олдованских индустриях указывают на то, что эти индустрии на самом деле не столь уж примитивны. На это, пожалуй, первым обратил внимание Г. П. Григорьев, обнаруживший в опубликованных материалах олдованских стоянок Олдувайского ущелья целый ряд довольно развитых категорий изделий, в том числе дисковидные и одноплощадочные нуклеусы, не замеченные М. Лики (*Григорьев*, 1977). Изучение древнейшей за пределами Африки стоянки Дманиси в Южном Закавказье на территории Грузии (около 1,8 млн лет назад) также показывает, что индустрия этой стоянки, при всей ее архаичности, состоит из разных категорий изделий, включая нуклеусы и хорошо выраженные орудия, такие как чопперы (*Lumley de et al.*, 2005).

Археологические материалы раннепалеолитических стоянок Таманского полуострова в Западном Предкавказье, относящиеся к олдовану, в свою очередь, указывают на разнообразие и технико-типологическую сложность изделий и относительную развитость индустрий этих стоянок (*Щелинский*, 2010).

Данная статья посвящена технологии первичной обработки камня олдованской стоянки Родники 1.

Расположение и геологическая позиция стоянки. Стоянка Родники 1 располагается в Западном Предкаказье на Азовском побережье Таманского полуострова в 25 км к западу от г. Темрюка и в 500 м к северу от пос. За Родину Темрюкского района Краснодарского края. Ее географические координаты: 45° 21′ 408″ северной широты и 37° 06′ 317″ восточной долготы. Рядом с ней находятся другие известные раннепалеолитические местонахождения таманской группы Богатыри и Кермек. Следует отметить, что район сосредоточения этих стоянок находится как раз на границе Западной Азии и Юго-Восточной Европы, обычно проводимой по Манычу и акватории Азовского моря.

Стоянка расположена в толще отложений наклоненного к морю участка берега высотой 32 м. Она раскапывалась в 2005, 2007–2009 гг. Ненарушенный культуросодержащий слой стоянки был исследован на площади около 40 кв. м.

Полный стратиграфический разрез на стоянке, полученный на южной стенке раскопа 2, включает в себя следующие отложения (сверху вниз):

	Характеристика стратиграфических слоев	Мощность, м
1.	Гумусированный слой современной почвы. Суглинок темно-серый песчанистый, с корнями растений и кротовинами, заполненными серым и желтым песком. Переход к нижележащему слою постепенный.	0,08–0,1
2.	Песок неоднородный, рыхлый, серый и желтый, пронизан кротовинами (делювий). Нижний контакт очень неровный, с глубокими эрозионными карманами, мощность неравномерная.	0,45–1,0
3.	Песок плотный, ненарушенный, желто-серый, косо- и горизонтальнослоистый («зеброидный»), состоит из чередующихся разноокрашенных прослоек, местами с кротовинами. Переход к нижележащему слою отчетливый, неровный. В восточном и северном направлениях слой становится тоньше из-за размыва его склоновыми процессами.	0,6–2,95

4.	Галечник рыхлый, слабоокатанный с глыбами до 20–25 см в поперечнике, многочисленными окатышами зеленовато-серой и желтовато-коричневой глины и серым песчано-гравийным заполнителем. Обломочный материал представлен исключительно доломитами. Обломки выветрелые, часто ломкие. Переход к нижележащему слою четкий лишь в крайней западной части стенки раскопа (квадраты 94–95/55). Восточнее этих квадратов контакт с нижележащим слоем менее отчетливый	0,1–0,25
5.	Гравий плотный, ожелезненный, слабоокатанный с серо-коричневым песком, мелкими окатышами серой глины и тонкими прослойками светло-серого алеврита. Гравийные зерна из доломита, выветрелые, ломкие. Слой прослеживается в западной части стенки раскопа (квадраты 94–95/55), в восточном направлении выклинивается. Контакт с нижележащим слоем отчетливый.	0,1–0,3
6.	Галечник рыхлый, слабоокатанный, слоистый, от мелкого (2–3 см) до крупного (10–15 см) с валунчиками и глыбами доломитов до 30–35 см в поперечнике, окатышами серой глины и серым песчано-гравийным заполнителем. Местами содержит мелкие линзы желтовато-серого и светло-серого песка. В крайней западной части разреза (квадраты 94–95/55) галечник постепенно выклинивается и замещается желто-серым песком. Обломочный материал представлен доломитами, обломки выветрелые и ломкие. В нижней части слоя, особенно на контакте с нижележащим слоем, встречаются фрагменты раковин дрейссен и унионид. Аналогичен галечнику слоя 4. Слой залегает на неровной поверхности темно-серой грязевулканической глины, наклоненной под значительным углом на юго-запад.	0,4–0,45

В представленном разрезе, типичном для стоянки, выделяются три генетически различные пачки отложений. Верхняя пачка представлена делювиальными отложениями со слабо развитой современной почвой (литологические слои 1 и 2). Ниже следует толща желтых и желто-серых («зеброидных») слоистых прибрежно-морских песков (литологический слой 3), перекрывающая базальную пачку субаквальных отложений (литологические слои 4–6), которая, в свою очередь, состоит из двух маломощных слоев слабоокатанных галечников, разделенных слоем гравия (5-й слой). Надо сказать, что этот слой гравия прослеживался только на нескольких квадратах вблизи южной и западной стенок раскопа. На большей же части раскопа он отсутствовал, и галечники слоев 4 и 6 сливались в один нерасчленимый слой. Слои базальной пачки, несомненно, представляют собой пляжевые отложения, сформировавшиеся на берегу опресненного и, вероятно, мелководного морского бассейна.

Культурные остатки стоянки связаны как раз с этой базальной пачкой отложений и залегают главным образом в самом нижнем слое галечника, подстилаемом грязевулканической глиной.

Возраст стоянки. Возраст стоянки определятся позицией ее в стратиграфической шкале эоплейстоцена и биостратиграфическими данными. Показательно, что культуросодержащий слой стоянки залегает под мощной толщей прибрежно-морских песков, сопоставляемых А. Е. Додоновым и А. С. Тесаковым с апшеронской трансгрессией Понто-Каспийского бассейна (*Shchelinsky et al.,* 2010а; *Shchelinsky et al.,* 2010б). Уже этот факт определенно указывает на то, что возраст стоянки составляет не менее 1 млн лет. Костные остатки крупных млекопитающих на стоянке малочисленны и в основном фрагментарны и, по мнению В. С. Байгушевой и В. В. Титова, недостаточны для сколько-нибудь существенных выводов. Основная часть остеологических находок представлена небольшими неопределимыми фрагментами трубчатых костей, эпифизов (суставных головок), ребер, и, возможно, позвонков. Среди более или менее определимых костей установлены остатки хищника (довольно крупного медведя *Ursus*?), хоботных (слонов?), мелких оленеобразных типа косули *Capreolus sp*. Ясно лишь то, что данный комплекс животных существовал в плейстоцене и в условиях лесостепи. Однако в культуросодержащем слое стоянки обнаружена многочисленная и более информативная фауна мелких млекопитающих, позволяющая уточнить и конкретизировать возраст стоянки. Эта фа-

уна включает *Allophaiomys cf. pliocaenicus, Lagurodon arankae, Mimomys cf. savini, M. cf. pusillus, Mimomys sp., Borsodia sp., Ellobius sp. и Allocricetus cf. ehiki*. Данные таксоны характерны для таманского фаунистического комплекса. При этом, учитывая эволюционный уровень выявленного *Allophaiomys*, возраст стоянки может быть уверенно определен в интервале 1,6–1,2 млн лет назад (*Додонов и др.,* 2008; *Shchelinsky et al.,* 2010a; *Титов и др.,* 2012). Поскольку микротериофауна стоянки принадлежит таманскому фаунистическому комплексу, развивавшемуся в условиях лесостепных и степных ландшафтов (*Додонов и др.,* 2007; *Додонов и др.,* 2008; *Тесаков и др.*, 2012; *Kahlke et al.,* 2011), можно предполагать, что стоянка существовала в окружении подобных ландшафтов. Это подтверждают и результаты палинологического анализа базальной пачки отложений стоянки. В спектрах из этих отложений преобладает пыльца *Pinus, Ulmus, Juglans cinerea, Carya, Pterocarya* и *Chenopodiaceae*. Травянистая группа разнообразна и содержит пыльцу *Artemisia*, *Asteraceae, Salsola*, *Brassicaceae, Plumbaginaceae, Polygonaceae*, *Thalictrum* и *Fabaceae*. Эти спектры указывают на широкое распространение лесостепных ландшафтов, представляющих собой сочетание смешанных лесов лугово-степной растительности (*Simakova,* 2009).

Характер культуросодержащего слоя. Культуросодержащим слоем стоянки, как отмечалось, является слоистый и слабоокатанный галечник, залегающий в основании толщи прибрежно-морских песков на поверхности вулканической темно-серой глины. Галечник этот местами разделен на две части слоем или линзой гравия. Общая мощность культуросодержащего слоя составляет около 80 см. Анализ состава и структуры этого слоя показывает, что он имеет субаквальное происхождение и сформировался в пляжевой зоне водного бассейна в условиях сравнительно невысокой активности прибойных потоков. На это указывают косая слоистость линз и прослоек гравия и песка, наличие в слое многочисленных глиняных окатышей, обломков раковин водных моллюсков, а также слабая окатанность обломочного материала. Обращает на себя внимание плохая сортированность материала и обилие грубообломочного материала в слое, безусловно местного происхождения. Вероятно, этот материал поступал на пляж с береговых обрывов. Однако выяснилось, что главным источником обломочного материала были все-таки грязевулканические глины, подстилающие культуросодержащий слой, в котором этот материал был обнаружен в довольно большом количестве. Глины размывались прибойными потоками, а обломочный материал оставался на пляже и частично окатывался.

Культурные остатки и обломки костей млекопитающих залегали в рыхлом песчано-гравийном заполнителе галечника среди крупного и мелкого обломочного материала, а также в линзах и прослойках песка и гравия. При этом распределялись они в слое и на площади раскопа неравномерно. В верхней части слоя (литологический слой 4) находки были единичными, а в слое гравия (литологический слой 5) они отсутствовали. Основная масса культурных остатков связана с нижней частью слоя, отвечающей литологическому слою 6 разреза. Но и здесь концентрация находок была неодинаковой. Вверху (1-й раскопочный горизонт) они залегали в рассеянном виде по 1–3 предмета на 1 кв. м и редко располагались на одном уровне; разница их нивелировочных отметок составляла от 3–5 до 15–20 см. Большая часть археологического материала была сосредоточена в нижней половине слоя (2-й раскопочный горизонт), где местами в основании слоя четко прослеживался горизонт находок толщиной 15–20 см. При этом часто культурные остатки были как бы втоптаны в подстилающую темно-серую глину. В этом горизонте количество находок на 1 кв. м составляло 5–10 предметов, а на отдельных квадратах — до 30–40 предметов. Причем на этих наиболее насыщенных находками квадратах, наряду с крупными изделиями, обнаружено много мелких отщепов. По-видимому, это были те места, где интенсивно обрабатывались и, возможно, использовались орудия. На некоторых квадратах находки совсем отсутствовали. Безусловно, залегание культурных остатков в пляжевых наносах не могло не приводить к их некоторому перемещению. В условиях периодически обводнявшегося пляжа это было неизбежно. Вместе с тем обнаруженные в слое каменные изделия на удивление в боль-

шинстве своем не имеют следов окатанности и прекрасно сохранились. Это однозначно свидетельствует о том, что перемещение их прибойными потоками было незначительным. Ясно, что главной причиной рассредоточения и относительной малочисленности культурных остатков на стоянке являются не естественные процессы, а особенности деятельности людей, и прежде всего кратковременный характер этой деятельности. Есть все основания для заключения, что стоянка раннепалеолитических людей располагалась непосредственно на пляже мелководного опресненного бассейна, каковым могла быть морская лагуна или эстуарий. На сильно опресненный характер бассейна указывают обломки раковин дрейссен, встречающиеся в слое вместе с культурными остатками.

Общие признаки каменной индустрии

Коллекция каменных изделий стоянки состоит из 710 предметов, включая:

- нуклеусы (52 экз.);
- отщепы (268 экз.);
- отбойники (5 экз.);
- орудия с вторичной обработкой (385 экз.).

Состав изделий ясно показывает, что целью обработки камня на стоянке было изготовление многообразных по форме орудий — от простых отщепов до сложных орудий, оформленных вторичной обработкой.

Изделия индустрии в основном крупные (5 см и больше). Таких изделий больше половины (375 экз., 52,8%). Остальные изделия мелкие (335 экз., 47,2%). Длина их меньше 5 см.

Индустрия стоянки в целом соответствует критериям олдована в понимании этого культурно-хронологического подразделения М. Лики (*Leakey*, 1971; 1975), Х. А. Амирханова (*Амирханов*, 2008; 2012) и в значительной степени А. де Люмлея с соавторами (*Lumley de et al.,* 2009). Ее олдованский характер хорошо выражен как в технологии обработки камня, так и в габитусе и основных типологических категориях орудий (*Щелинский,* 2010; 2013).

Исходное сырье. Исходным сырьем индустрии служил местный твердый окварцованный доломит, имевший по большей части форму плитчатых отдельностей и их обломков разных размеров. Это, безусловно, было существенной спецификой исходного сырья, что не могло не наложить свой отпечаток на технологию обработки камня и облик изделий в индустрии стоянки. Использовавшийся доломит часто тонкослоистый и содержит мелкие белесые червячковидные карбонатные включения. Коренные выходы этих доломитов на Таманском полуострове отсутствуют. Это сырье собиралось людьми в округе стоянки в обнажениях грязевулканических отложений, содержащих его в большом количестве, и отчасти на пляже на месте стоянки. Об этом свидетельствует весьма небольшое количество окатанных исходных отдельностей сырья, использованных для расщепления и изготовления орудий. Следы окатанности исходных отдельностей сырья зафиксированы лишь на 32 (4,5%) изделиях. 89,7% изделий изготовлено из однородной мелкозернистой разновидности доломита. Гораздо реже использовался менее качественный крупнозернистый и слоистый мелко-крупнозернистый доломит. Эти данные указывают на преднамеренный отбор наиболее качественного сырья. Недоломитовое сырье представлено одним-единственным мелким отщепом из черного лидита, явно неместного происхождения. Этот отщеп был сколот с гальки.

Сохранность изделий. Как отмечалось, культуросодержащий слой стоянки представляет собой субаквальные отложения, сформировавшиеся в пляжевой зоне мелководного бассейна. И, казалось бы, залегающие в них каменные изделия должны были быть окатанными. Однако таких изделий с более или менее выраженными признаками сглаженности поверхности водой в коллекции совсем немного (85 экз., 12%). В большинстве своем изделия совершенно не окатанные и не утратили острые края. Это указывает на то, что изделия, брошенные на пляже, практически не перемещались водой и были быстро «запечатаны» наносами. Вместе с тем они подверглись сильному химическому выветриванию (выщелачиванию), преобразовавшему первоначальную структуру исходной породы камня. На поверхности изделий нередко можно наблюдать мелкие и микроскопические трещинки от выщелачивания и усыхания горной породы. Изделия имеют коричневую, светло-коричневую, коричневато-серую и белесую с различными оттенками патину, варьирующую

в зависимости от структуры и плотности (степени окварцованности) исходного доломитового сырья, а также от условий залегания изделий. Например, патина изделий, находившихся в песке, чаще коричневая или светло-коричневая, тогда как на изделиях, залегавших в основании культуросодержащего слоя на глинах, она обычно коричневато-серая с теми или иными оттенками. Микрорельеф поверхности большинства изделий слегка сглажен, и по этой причине на них почти не сохранились микроследы изнашивания от использования в работе. Однако макропризнаки износа зафиксированы на многих орудиях.

Технология первичной обработки камня. Анализ представленных в индустрии стоянки орудий с вторичной обработкой (385 экз., 54,2% всей индустрии) показал, что при их создании использовались две категории заготовок — обломки плитчатых отдельностей сырья и отщепы. При этом из отщепов изготовлены 118 орудий (30,6%), тогда как из обломков — 267 орудий (69,4%). Таким образом, обломки сырья были наиболее востребованной категорией заготовок для орудий в индустрии стоянки. Выяснилось также, что большая часть обломков, использованных в качестве заготовок для орудий (79%), имеет искусственное происхождение и была получена намеренной разбивкой более крупных плитчатых отдельностей исходного сырья. На искусственное происхождение обломков указывают имеющиеся на них характерные разломы, весьма сходные с брюшковой поверхностью отщепов, причем сохранность и патина этих разломов ничем не отличаются от сохранности и патины негативов обработки и оформления орудий из этих обломков.

Применение разбивания плитчатого сырья было связано, надо полагать, не только с необходимостью выбора обломков-заготовок подходящего размера, но и с отбором наиболее качественного сырья. Дело в том, что качественное сырье, отличающееся высокой плотностью, отсутствием пористости и мелкозернистой структурой, и сырье менее качественное, имеющее меньшую плотность, пористость и крупнозернистую структуру, обычно включены в одни и те же плитчатые отдельности доломита. При этом плотная, качественная порода нередко находится в центральной части отдельностей, тогда как менее плотный, пористый и вязкий материал образует их периферию. Разбивание плиток позволяло отобрать лучшее сырье для изготовления орудий.

Однако в первичной обработке камня на стоянке, наряду с разбиванием плитчатых отдельностей и получением обломков сырья, важную роль играло и расщепление нуклеусов с целью изготовления отщепов.

В материалах стоянки имеется 52 хорошо выраженных нуклеуса (7,5% всей коллекции изделий) (рис. 1–3). Размеры их колеблются в значительных пределах. Большинство нуклеусов (42 экз.) крупных размеров (5 см и больше). При этом 12 экз. имеют особенно крупные размеры (больше 10 см). Мелких нуклеусов (меньше 5 см) — 10 экз. Длина семи из них не превышает 4 см. Все нуклеусы изготовлены из обломков плитчатых отдельностей сырья (естественных и искусственных).

Классификация нуклеусов производится по технологическим признакам, в частности по количеству имеющихся на них поверхностей скалывания, а также по системе расщепления. В соответствии с этими признаками выделяются четыре группы нуклеусов.

1.	Нуклеусы с одной поверхностью скалывания, в том числе:	36 экз.
	— плоскостного параллельного расщепления (рис. 1, 3, 6; 2, 3)	16 экз.
	— плоскостного встречного расщепления (рис. 2, 4)	1 экз.
	— грубопризматического расщепления (рис. 2, 2)	9 экз.
	— с негативом одного крупного скола (рис. 1, 1, 4)	10 экз.
2.	Нуклеусы с двумя поверхностями скалывания (рис. 1, 2, 5; 3, 2,3)	10 экз.
3.	Нуклеусы с тремя поверхностями скалывания (рис. 3, 1)	4 экз.
4.	Нуклеусы с четырьмя и больше поверхностями скалывания (многогранники) (рис. 2, 1)	2 экз.

Рис. 1. Стоянка Родники 1. Нуклеусы из окварцованного доломита.
Fig. 1. Site of Rodniki 1. Nuclei of silicified dolomite.

Рис. 2. Стоянка Родники 1. Нуклеусы из окварцованного доломита.
Fig. 2. Site of Rodniki 1. Nuclei of silicified dolomite.

Рис. 3. Стоянка Родники 1. Нуклеусы из окварцованного доломита.
Fig. 3. Site of Rodniki 1. Nuclei of silicified dolomite.

Привлекает внимание многообразие и сочетание архаичных и более прогрессивных типов нуклеусов. При этом превалируют относительно развитые нуклеусы с одной поверхностью скалывания (одноплощадочные), среди которых довольно много нуклеусов плоскостного параллельного, а также грубопризматического расщепления. Такие нуклеусы чаще встречаются в индустриях развитого олдована. Более архаичны, несомненно, нуклеусы, имеющие несколько поверхностей скалывания, иногда смежных, но чаще не связанных между собой. Примечательно наличие в индустрии единичных многогранников.

Вместе с тем нельзя не отметить общую особенность, характерную для всех нуклеусов рассматриваемой коллекции и указывающую в целом на довольно низкий уровень технологии расщепления нуклеусов в индустрии стоянки. Особенность эта заключается в следующем. Все нуклеусы не имеют какой-либо предварительной обработки. Ударная площадка/площадки на них обычно покрыта коркой (корковая) и иногда является гладкой поверхностью излома плитчатой отдельности сырья. Поверхность скалывания нуклеусов также не подвергалась обработке ни в начале, ни в процессе расщепления. Поэтому нуклеусы в основном слабо сработаны, и полезная масса их осталась далеко не исчерпанной.

Имеются в инвентаре стоянки и отбойники (5 экз.) — два орудия из доломита в виде гальки (длина 7,4 см) и обломка породы (длина 9,5 см). Доломитовый отбойник из обломка сильно изношен. Два других отбойника представляют собой гальки кварца (длина 6 см) и зеленовато-серой кристаллической породы (сохранился обломок длиной 4,2 см). Износ этих отбойников очень слабый. Гальки из недоломитовых пород, использованные в качестве отбойников, имеют, по всей вероятности, неместное происхождение.

Отщепы, специально полученные расщеплением нуклеусов, а также в результате оформления орудий, составляют весьма значительную часть инвентаря стоянки. Только необработанных отщепов 268 экз. (рис. 4, *1–8*; 5; 6, *2–6*). Кроме того, 118 отщепов были использованы в качестве заготовок для орудий, в той или иной степени оформленных вторичной обработкой (рис. 4, *9*; 6, *1*). Таким образом, больше половины изделий на стоянке (54,4%) составляют именно необработанные и обработанные отщепы. Размеры отщепов довольно сильно варьируют. Однако если учитывать только целые и почти целые экземпляры (всего 255 экз., 66,1%), включая некоторые хорошо определимые отщепы, превращенные в орудия, очевидно, что в индустрии приблизительно в одинаковых пропорциях представлены как мелкие (длиной от 1 до 5 см), так и крупные (длиной больше 5 см) отщепы. При этом довольно много отщепов длиной 1–3 см. В составе крупных отщепов отчетливо выделяется группа особенно крупных изделий (12 экз.) длиной больше 10 см.

Показательна ударная площадка, сохранившаяся на 246 крупных и мелких отщепах. На подавляющем большинстве отщепов (205 экз., или 83,3%) она лишена каких-либо признаков обработки и представляет собой остаток поверхности плитки, покрытой выветрелой коркой. При этом примерно в равных долях представлены отщепы с прямой и скошенной необработанной ударной площадкой. В небольшом количестве (31 экз., 12,6%) имеются отщепы с гладкой (прямой и скошенной) ударной площадкой и единичные отщепы с двугранной (3 экз.), частично фасетированной (1 экз.) и точечной (1 экз.) ударной площадкой.

По признакам огранки спинки отщепы (за исключением неопределимых фрагментов и мельчайших отщепов) разделяются на 6 групп:

первичные (спинка полностью покрыта коркой)	84 экз.
полупервичные (спинка приблизительно наполовину покрыта коркой)	80 экз.
с негативом одного крупного скола на спинке	16 экз.
с параллельной и конвергентной огранкой спинки	31 экз.
с параллельной встречной огранкой спинки	7 экз.
с разнонаправленной огранкой спинки	42 экз.
Всего	260 экз.

По форме отщепы также различаются (без учета первичных:

треугольные	3 экз.
подтреугольные	15 экз.
подчетырехугольные	86 экз.
овальные	11экз.
округлые	2 экз.
удлиненный	1 экз.
бесформенные	58 экз.
Всего	176 экз.

Значительная часть отщепов (50 экз.) имеет укороченные пропорции, т. е. ширина этих отщепов превышает их длину.

Следует также отметить, что на многих отщепах (48 экз.) хорошо выражены признаки скалывания от края плитки. Речь идет об отщепах с сохранившимися участками обеих поверхностей расщепляемой или обрабатываемой плитки. Одна сторона плитки фиксируется на ударной площадке отщепа, покрытой плитчатой коркой. Другая сторона плитки сохраняется в виде вертикальной или скошенной плоскости с корковым покрытием на дистальном крае отщепа. Такие отщепы, как правило, имеют подчетырехугольную форму и укороченные пропорции (рис. 4, *2–3, 7*; 5, *1, 5, 7*; 6, *3*).

Описанные отщепы ясно показывают, что весьма часто они изготавливались специально. И это было целенаправленное изготовление отщепов более или менее правильной формы, хотя наличие большого количества первичных, полупервичных и бесформенных отщепов, а также превалирование сколов с неподготовленной ударной площадкой свидетельствует о довольно низком уровне технологии расщепления нуклеусов на стоянке. Обращает на себя внимание существование практики изготовления особо крупных отщепов размером больше 10 см. Такие отщепы не могли быть получены расщеплением обычных нуклеусов. Их откалывали, скорее всего, от крупных глыб доломита, вероятно за пределами стоянки. Эти отщепы служили заготовками для макроорудий, но использовались также как готовые специализированные орудия. В инвентаре стоянки имеется 12 особо крупных отщепов, размеры которых варьируют от 10,4 см до 16,5 см. Только два из них не имеют вторичной обработки. Другие отщепы этой категории превращены в орудия. Из них изготовлены, в частности, два чоппера, одно чопперовидное скребло, один пик, одно кливеровидное орудие, одно массивное остроконечное орудие и четыре орудия, определяемые как отщепы с частичной обработкой.

Заключение. Технология первичной обработки камня на олдованской стоянке Родники 1 имела сложный характер. Изготавливались две категории заготовок для орудий: обломки плитчатых отдельностей доломита подходящих форм и размеров и отщепы. Обломки были основной категорией заготовок в индустрии стоянки. Из них изготовлено 69,4% орудий с вторичной обработкой, причем 79% использованных обломков имели искусственное происхождение. Из отщепов изготовлено 30,6% орудий. Обломки получали разбиванием плитчатых отдельностей сырья каменными отбойниками, в качестве которых обычно служили сами обломки доломита подходящего веса.

Отщепы изготавливали расщеплением нуклеусов. При этом использовались различные типы нуклеусов: архаичные с двумя, тремя, четырьмя и более поверхностями скалывания, включая единичные многогранники, и более прогрессивные нуклеусы с одной поверхностью скалывания (одноплощадочные). Среди этих последних нуклеусов, превалирующих в индустрии, много нуклеусов плоскостного параллельного и грубопризматического расщепления. Такого рода нуклеусы чаще встречаются в развитых олдованских индустриях. Несмотря на разнообразие типов, все нуклеусы стоянки имеют общую архаичную особенность — они лишены какой-либо предварительной обработки.

Отщепы составляют весьма значительную часть инвентаря стоянки (37,7% всех изделий). Кроме того, многие отщепы были превращены в орудия с вторичной обработкой. Изготовление отщепов, несомненно, было осмысленным и нацелено на получение сколов более или менее правильной формы. При этом существовала практика изготовления особо крупных отщепов размером больше 10 см, которые служили заготовками для крупноразмерных орудий и как готовые орудия, очевидно, специального назначения. Вместе с тем внимания заслуживает наличие

Рис. 4. Стоянка Родники 1. Изделия из окварцованного доломита: *1–8* — отщепы; *9* — отщеп с частичной обработкой.
Fig. 4. Site of Rodniki 1. Tools from silicified dolomite: *1–8* — flakes; *9* — flake with partial trimming.

Рис. 5. Стоянка Родники 1. Отщепы из окварцованного доломита.
Fig. 5. Site of Rodniki 1. Flakes of silicified dolomite.

Рис. 6. Стоянка Родники 1. Изделия из окварцованного доломита: *1* — отщеп с частичной обработкой; *2–6* — отщепы.

Fig. 6. Site of Rodniki 1. Tools from silicified dolomite: *1* — flake with partial trimming; *2–6* — flakes.

в индустрии большого количества первичных, полупервичных и бесформенных отщепов, а также превалирование сколов с неподготовленной ударной площадкой, что является показателем неразвитости технологии расщепления нуклеусов.

Таким образом, технология первичной обработки камня олдованской стоянки Родники 1 сочетает в себе как архаичные, так и прогрессивные признаки. К архаичным признакам следует отнести, прежде всего, массовое изготовление и использование в качестве заготовок для орудий обыкновенных обломков сырья. Архаичны и нуклеусы, не подвергавшиеся обработке рабочих частей, что отразилось на качестве и типологических характеристиках отщепов. Прогрессивной чертой технологии первичной обработки камня в ин-

дустрии стоянки является многообразие типов нуклеусов и превалирование среди них нуклеусов с одной поверхностью скалывания (одноплощадочных), среди которых заметную роль играют нуклеусы плоскостного параллельного и грубопризматического расщепления. Тем самым в индустрии стоянки очевидна нацеленность технологии расщепления камня на изготовление отщепов более или менее правильной формы и разных размеров.

Проследить аналогии олдованской индустрии стоянки Родники 1, помимо сходных с ней индустрий ряда других олдованских местонахождений Таманского полуострова, в настоящее время довольно трудно. Конечно, было бы интересно сопоставить ее в первую очередь с олдованскими индустриями, ставшими известными сейчас на Северном Кавказе в горном Дагестане. Однако, к сожалению, это пока невозможно по причине отрывочности опубликованных сведений об этих индустриях. Между тем сравнение индустрии Родников 1 с хорошо известной благодаря публикациям и более древней индустрией стоянки Дманиси в Южном Закавказье на территории Грузии показывает их значительное сходство, которое, впрочем, проявляется главным образом в технологии первичной обработки камня. Индустрия Дманиси основывалась на другой сырьевой базе. Исходным сырьем в ней служили исключительно местные речные гальки различных вулканических и метаморфизованных пород, Несмотря на это, как и в Родниках 1, в этой индустрии широко использовалась разбивка исходных отдельностей сырья с целью получения обломков (обломки галечного сырья составляют 30,4% коллекции). Поскольку разбивались гальки, использовались каменные наковальни в виде таких же, но более крупных галек (*Lumley de et al.,* 2005; *Jöris,* 2008). Многочисленны в индустрии Дманиси и нуклеусы (5% коллекции без учета целых и разбитых галек). Как и в Родниках 1, они неподготовленные и слабо сработанные. Среди них много односторонних и двусторонних типов, в небольшом количестве представлены многосторонние нуклеусы (*Lumley de et al.,* 2005). На этом сходство индустрий Родников 1 и Дманиси, пожалуй, и заканчивается. В Дманиси, в отличие от Родников 1, среди многочисленных отщепов преобладают бесформенные и преимущественно мелкие экземпляры. На многих отщепах имеются следы изнашивания в виде выкрашивания лезвий. При этом модифицированные отщепы (отщепы с вторичной обработкой) отсутствуют. Орудия представлены сравнительно немногочисленными чопперами, преимущественно односторонними (10% коллекции без учета целых и разбитых галек). Все это дает основание исследователям считать, что главной целью обработки камня в индустрии Дманиси было изготовление мелких отщепов, которые и служили в качестве различных орудий. Столь выраженные архаичные признаки индустрии Дманиси позволили А. де Люмлею с соавторами атрибутировать ее как преолдован (*Ibid.*). В индустрии Родников 1 гораздо больше орудий с вторичной обработкой и многие из них изготовлены из отщепов. При этом, наряду с простыми, представлены сложные и выработанные категории орудий, такие как пики, скребла различных модификаций и некоторые другие (*Щелинский,* 2010; 2013). Поэтому индустрия Родников 1 выглядит существенно более развитой и может быть отнесена к развитому олдовану.

Амирханов, 2008 — *Амирханов Х. А.* Сравнительная типолого-статистическая характеристика инвентаря стоянки Мухкай-I в Центральном Дагестане (по материалам раскопок 2007 года) // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Материалы междунар. конф. (Краснодар — Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.). Ростов-н/Д, 2008.

Амирханов, 2012 — *Амирханов Х. А.* Категория пика в технокомплексах олдована и раннего ашеля // РА. 2012. № 2.

Григорьев, 1977 — *Григорьев Г. П.* Палеолит Африки // Палеолит мира. Исследования по археологии древнего каменного века. Л., 1977.

Додонов и др., 2007 — *Додонов А. Е., Тесаков А. С., Титов В. В., Иноземцев С. А., Симакова А. Н., Никольский П. А., Трубихин В. М.* Новые данные по стратиграфии плиоцен четвертичных отложений низовьев Дона, разрезы побережья Цимлянского водохранилища // Геологические события неогена и квартера России: современное состояние стратиграфических схем и палеогеографические реконструкции: Материалы Всеросс. науч. совещ. (Москва, 27–30 марта 2007 г.). М., 2007.

Додонов и др., 2008 — *Додонов А. Е., Тесаков А. С., Симакова А. Н.* Таманское местонахождение фауны млекопитающих Синяя Балка: новые данные по геологии и биостратиграфии // Ранний палеолит

Евразии: новые открытия: Материалы Междунар. конф. (Краснодар — Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.). Ростов-н/Д, 2008.

Тесаков и др., 2012 — *Тесаков А. С., Фролов П. Д., Симакова А. Н.* Микротериофауны и палеосреда раннего плейстоцена Кавказа // Горные экосистемы и их компоненты: Материалы IV междунар. конф., посвященной 80-летию основателя ИЭГТ КБНЦ РАН чл.-корр. РАН А. К. Темботова и 80-летию Абхазского гос. ун. Нальчик, 2012.

Титов и др., 2012 — *Титов В. В., Тесаков А. С., Байгушева В. С.* К вопросу об объеме псекупского и таманского фаунистических комплексов (ранний плейстоцен, юг Восточной Европы) // Палеонтология и стратиграфические границы: Материалы LVIII сессии Палеонтологического общества при РАН (2–6 апреля 2012 г., Санкт-Петербург). 2012.

Щелинский, 2010 — *Щелинский В. Е.* Памятники раннего палеолита Приазовья // Человек и древности: Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010.

Щелинский, 2013 — *Щелинский В. Е.* Пики раннепалеолитической стоянки Родники 1 на Таманском полуострове // Записки ИИМК РАН. СПб., 2013. № 8.

Bar-Yosef, Belmaker, 2011 — *Bar-Yosef O., Belmaker M.* Early and Middle Pleistocene faunal and hominins dispersals through Southwestern Asia // Quaternary Science Reviews. 2011. Vol. 30, Iss. 11–12.

Clark, 1977 — *Clark G.* World Prehistory in new perspective. Cambridge, 1977.

Jöris, 2008 — *Jöris O.* Der altpaläolithische Fundplatz Dmanisi (Georgien, Kaukasus). Mainz, 2008.

Kahlke et al., 2011 — *Kahlke R-D., Garcia N., Kostopoulos D. S., Lacombat F., Lister A. M., Mazz P. P. A., Spassov N., Titov V. V.* Western Palaearctic paleoenvironmental conditions during the Early and early Middle Pleistocene inferred from large mammal communities, and implications for hominin dispersal in Europe // Quaternary Science Reviews. 2011. Vol. 30, Iss. 11–12.

Kimura, 2002 — *Kimura Y.* Examining time trends in the Oldowan technology at Beds I and II Olduvai Gorge // Journal of Human Evolution. 2002. Vol. 43, Iss. 3.

Leakey, 1967 — *Leakey M. D.* Preliminary survey of the cultural material from Beds I and II, Olduvai Gorge // Background to Evolution in Africa / W. W. Bishop and J. D. Clark (eds.). Chicago, 1967.

Leakey, 1971 — *Leakey M. D.* Olduvai Gorge: Excavations in Beds I and II, 1960–1963. Cambridge, 1971. Vol. 3.

Leakey, 1975 — *Leakey M. D.* Cultural Patterns in the Olduvai Sequence // After the Australopithecines. Stratigraphy, ecology, and culture change in the Middle Pleistocene / Eds. K. W. Butzer, G. L. Issak. Paris, 1975.

Lumley de et al., 2005 — *Lumley de H., Nioradze M., Barsky D., Caushe D., Celiberti V., Nioradze G., Notter O., Zvania D., Lordkipanidze D.* Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pléistocène inférieur du site de Dmanissi en Géorgie // L'Anthropologie. 2005. Vol. 109, Iss. 1.

Lumley de et al., 2009 — *Lumley de H., Barsky D., Cauche D.* Les premières étapes de la colonization de l'Europe et l'arrivée de l'Homme sur les rives de la Méditerranée // L'Anthropologie. Vol. 113, Iss. 1, 2009.

Semaw, 2000 — *Semaw S.* The world's oldest stone artifacts from Gona, Ethiopia: Their implications for understanding stone technology and patterns of human evolution between 2,6–1,5 million years ago // Journal of Archaeological Science. 2000. Vol. 27, Iss. 12.

Shchelinsky et al., 2010а — *Shchelinsky V. E., Dodonov A. E., Baigusheva V. S., Kulakov S. A., Simakova A. N., Tesakov A. S., Titov V. V.* Early Palaeolithic sites on the Taman Peninsula (Southern Azov Sea region, Russia): Bogatyri / Sinyaya Balka and Rodniki // Quaternary International. 2010. Vol. 223–224.

Shchelinsky et al., 2010б — *Shchelinsky V., Tesakov V., Titov V.* Early Paleolithic sites in the Azov Sea Region: stratigraphic position, stone associations, and new discoveries // Quaternary stratigraphy and paleontology of the Southern Russia: connections between Europe, Africa and Asia: Abstracts of the International INQUA — SEQS Conference (Rostov-on-Don, June 21–26, 2010). Rostov-on-Don, 2010.

Simakova, 2009 — *Simakova A.* Palynology study of the Early Pleistocene Bogatyry / Sinyaya Balka and Rodniki sites (Taman Peninsula, Russia) // The Quaternary of southern Spain: a bridge between Africa and the Alpine domain. Tarragona, 2009.

Toth, 1985 — *Toth N.* The Oldowan reassessed: a close look at early stone artifacts // Journal of Archeological Science. London, 1985. Vol. 12, Iss. 2.

Technology of initial stone knapping at the Oldowan site of Rodniki 1 (Western Ciscaucasia)

V. E. Shchelinskiy

This publication presents the results of studies of the technology of working of stone practised at the Oldowan site of Rodniki 1 situated on the Taman Peninsula in western Ciscaucasia and dated on the basis of biostratigraphic studies to within the range of 1,2–1,6 millions BP.

The technology of initial treatment of stone at the Oldowan site of Rodniki 1 was of a complicated character. Two types of blanks were used for making tools: flakes and debris of dolomite slabs with relevant shapes and dimensions. Debris is the main category of blanks. From it, 69,4 percent of tools were fabricated by secondary treatment; moreover, 79% of the employed debris was of natural origin. The debris was obtained by cleaving slabs of the raw material with stone hammers, in the quality of which other pieces of dolomite of suiting weight were used.

From flakes, 30,6% of tools were manufactured. The flakes were fabricated by cleaving cores. In this process, different types of nuclei were used: archaic ones with two, three, four and more striking platforms including rare polyhedrons and more advanced nuclei with a single platform (single-platform cores). Among the latter group of nuclei, predominant in this industry, there are many cores with planar parallel and roughly prismatic cleavage. Nuclei of this type are found in advanced Oldowan industries. Notwithstanding the variance of the types, all the cores from the site have a common archaic feature. They had not been subjected to any preliminary treatment. The striking platform or platforms on them are usually covered with a crust and occasionally bear a smooth surface of the fracture of the raw material slabs. The surface of the cleavage of the cores also was not subjected to any treatment either at the beginning or in the course of knapping. Therefore these nuclei are mostly incompletely used with their mass remaining actually non-exhausted.

Flakes constitute a very significant number of the tools from the site (37,7% of all finds). Moreover, many of the flakes became tools after a secondary treatment. Production of the flakes undoubtedly was a purposeful process intended for obtaining spalls of fairly regular shape. Simultaneously, there existed a practice of manufacturing especially large flakes measuring over 10 cm. These flakes were knapped probably from large boulders of dolomite procured, as it seems, from outside the limits of the campsite. The flakes obtained were blanks for making macro-tools but also they were used as completed specialized tools. Among the stock of the site there are 12 especially large flakes. Their dimensions vary from 10,4 cm to 16,5 cm. Only two of them were not subjected to secondary treatment. The other flakes of this category were manufactured into tools. Of these, two choppers were fabricated, one chopper-like scraper, one pic, one cleaver-like tool, one massive point and four tools identifiable as partially worked flakes. At the same time, of note is the presence of numerous primary, semi-primary and shapeless flakes, as well as predominance of spalls with an unprepared striking platform suggesting the underdevelopment of the technology of nuclei knapping.

Thus the technology of primary knapping of stone at the Oldowan site of Rodniki 1 combines both archaic and advanced features. The archaic features include firstly mass fabrication of ordinary debris and its use as blanks for making tools. Also archaic are nuclei which were not subjected to treatment of working edges that has reflected in the quality and typological characteristics of the flakes. Simultaneously, there is a progressive feature in the technology of initial knapping in the industry of the site which is expressed in the diversity of core types and the predominance of nuclei with a single flaking surface (one-platform cores) where nuclei knapped flatly parallel or roughly prismatically are notable. This fact tells distinctly about the orientation of core knapping towards making flakes of fairly regular shapes and differing sizes.

It is rather difficult to compare the industry of the site of Rodniki 1 with its Oldowan parallels save for a number of similar Oldowan sites on the Taman Peninsula. It is interesting to compare the

Rodniki industry firstly with the Oldowan ones recently discovered in the northern Caucasus in mountain Dagestan. Unfortunately, this comparison is so far impossible because of the fragmentary character of the published information on the latter industries.

Comparison of the industry of Rodniki 1 with the more ancient industry of the site of Dmanisi in southern Transcaucasia (Georgia), published in detail, demonstrates their considerable similarity. This similarity shows itself firstly in the technology of the primary knapping of stone. The industry of Dmanisi was based on other raw-material sources. Here, exclusively local river pebbles of different volcanic and metamorphized rock species were used as the initial material. Despite this fact, in this industry, breakage of initial materials in order to obtain debris was widely used likewise to Rodniki 1. Since it were pebbles that were knapped, similar but larger pebbles were used as the stone anvils. In the industry of Dmanisi, nuclei are also numerous. Like at Rodniki 1, these are unprepared and poorly worked. They are represented by numerous one-sided and two-sided types and, occasionally, by many-sided cores. This is, perhaps, the last of the similarities between the industries of Rodniki 1 and Dmanisi. In Dmanisy, by contrast to Rodniki 1, the numerous flakes are constituted by shapeless and predominantly small pieces. Many of the flakes show traces of wear in the form of chipped edges. At the same time, any modified flakes (flakes with secondary treatment) are absent. The tools are represented by relatively few choppers — mostly one-sided pieces. All these facts suggest to the researchers that the main purpose of knapping stone in the industry of Dmanisi was, in fact, to make small flakes which served as different tools. These distinctive archaic features of the Dmanisi industry have allowed Henry de Lumley and his co-authors to attribute it as a pre-Oldowan one (*Lumley et al.,* 2005).

In the industry of Rodniki 1, the tools showing secondary treatment are considerably more numerous and many of them were produced from flakes. Moreover, along with plainer categories of tools, complicated and advanced types are here represented including pics, scrapers of various modifications, etc. The industry of Rodniki 1 seems to have been considerably more progressive and possibly must be attributed as the advanced Oldowan.

Раннепалеолитические местонахождения в апшеронских отложениях Азербайджана

А. А. Зейналов, С. А. Кулаков, И. А. Идрисов, Т. М. Эйбатов, И. Н. Авшарова[1]

В 2012 г. Гянджа-Газахский отряд палеолитической археологической экспедиции Института археологии и этнографии НАНА проводил археологические разведки в Гянджа-Газахском регионе Азербайджана. Основной задачей работ был поиск новых палеолитических памятников, особенно периода раннего палеолита. В результате проведенных поисковых работ были открыты: пещерная стоянка времени верхнего палеолита — мезолита; два местонахождения среднего палеолита и три местонахождения раннепалеолитических артефактов и раннеплейстоценовой фауны.

Ключевые слова: палеолит, новые памятники, апшеронские и бакинские отложения, артефакты, плейстоценовая фауна.

In 2012, the Ganja-Gazakh detachment of the archaeological expedition of the Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Azerbaijan, carried out archaeological surveys in the Ganja-Gazakh region of Azerbaijan. The main task of these studies included reconnaissance of new Palaeolithic sites, particularly those of the Early Palaeolithic period. These researches resulted in the following discoveries: a cave site of the Upper Palaeolithic and Mesolithic ages; two Middle Palaeolithic sites and three sites with Low-Palaeolithic artefacts and Early Pleistocene fauna.

Keywords: Palaeolithic, new archaeological sites, Apsheron and Baku deposits, artefacts, Pleistocene fauna.

Летом 2012 г. Гянджа-Газахский отряд палеолитической археологической экспедиции Института археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана проводил археологические разведки в Гянджа-Газахском регионе Азербайджана. Основной задачей экспедиции был осмотр эоплейстоценовых и ранних неоплейстоценовых отложений (акчагыл-апшерон-баку) в местах их обнажения в западной части Куро-Араксинской низменности, в особенности в тех районах, где ранее были обнаружены костеносные линзы с остатками плейстоценовой фауны (*Ализаде*, 1973; *Кузьмина, Саблин*, 1991; *Саблин*, 1990; *Сотникова, Саблин*, 1993).

Было выбрано три основных маршрута поисковых работ (рис. 1).

1. Окрестности Мингячевирского (Мингечаурского) водохранилища.

2. Окрестности Шамкирского водохранилища.

3. Хребет Палантекян и Джейранчельская степь вдоль азербайджанско-грузинской границы.

Наряду с этими маршрутами целесообразным представлялся осмотр ряда археологических объектов, исследованных в

[1] Авшарова И. Н. — Азербайджанская Республика, Az1143, г. Баку, пр. Г. Джавида, 31, Институт археологии и этнографии Национальной АН Азербайджана, E-mail: iradaavshar@mail.ru

Зейналов А. А. — Азербайджанская Республика, Az1143, г. Баку, пр. Г. Джавида, 31, Институт археологии и этнографии Национальной АН Азербайджана, E-mail: azad2007@mail.ru

Идрисов И. А. — Россия, Республика Дагестан, 367030, г. Махачкала, ул. Ярагского, 75, Институт геологии ДНЦ РАН, E-mail: idris_gun@mail.ru

Кулаков С. А. — Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН, E-mail: academic.secretary@archeo.ru

Эйбатов Т. М. — Азербайджанская Республика, Az1143, г. Баку, пр. Г. Джавида, 31, Институт геологии Национальной АН Азербайджана, E-mail: t_eybatov@mail.ru

первой половине XX в. и интерпретированных как памятники каменного века. В частности «пещеру Бека» в долине р. Гянджачай, исследованную Я. И. Гуммелем (1937), но, к сожалению, информации о точном ее расположении, кроме того, что она находится на левом берегу реки, напротив города Еленендорф (в настоящее время город Гёйгёль), нет. «Пещеру Бека» обнаружить не удалось, однако при осмотре левого берега р. Гянджачай был обнаружен небольшой известняковый грот (рис. 1), в котором присутствовали артефакты верхнепалеолитического/мезолитического облика. Новая пещерная стоянка из-за специфического цвета известняка стен грота — красно-малинового — была названа Гырмызы гая (Красная скала).

Стоянка Гырмызы гая. Стоянка расположена на левом берегу р. Гянджачай, напротив города Гёйгёль, на расстоянии 250 м от реки, превышение от реки — около 40 м. Абсолютная высота — 647 м. Координаты стоянки — 40° 36′ 041″ северной широты, 46° 18′ 850″ восточной долготы (рис. 2).

Окружающая территория представлена предгорной наклонной равниной, перекрытой мощной толщей галечников неоплейстоцена. Эти галечники покрывают все пространство от передовых хребтов Малого Кавказа на юге и до долины р. Кура на севере (*Ализаде*, 1954). Поверхность равнины

Рис. 1. Археологические разведки в западной части Азербайджана: I — Малый Кавказ; II — Мингячевирское (Мингечаурское) водохранилище; III — Шамкирское водохранилище; IV — Джейранчельская степь. *1* — стоянка Гырмызы гая; *2* — хребет Палантекян, Джейранчельская степь, местонахождение Гара тепе; *3* — местонахождение на южном берегу Шамкирского водохранилища; *4* — Мингячевирское (Мингечаурское) водохранилище, южный берег, местонахождение Гараджа; *5* — местонахождение на северном берегу Шамкирского водохранилища; *6* — местонахождение фауны в районе сел. Пойлу.

Fig. 1. Archaeological reconnaissance in the western part of Azerbaijan: I — Maly Caucasus; II — Mingachevir reservoir; III — Shamkir reservoir; IV — Jeyranchel steppe. *1* — site of Gyrmyzy Gaya; *2* — Palantekyan ridge, Jeyranchel steppe, site of Gara-Tepe; *3* — site on the southern bank of the Shamkir reservoir; *4* — Mingachevir reservoir, southern bank, site of Garaja; *5* — site on the northern bank of the Shamkir reservoir; *6* — faunal site near the village of Poylu.

прорезают несколько параллельных долин рек, протекающих с юга на север, одна из них р. Гянджачай. В нижних частях долин рек вскрываются донеоплейстоценовые породы. В частности, в районе города Гёйгёль вскрываются меловые породы, которые образуют срезанный свод антиклинали. В осевой части вскрываются темно-серые глинистые сланцы. Северное крыло антиклинали образуют малиново-красные туффитовые известняки, падающие на север под углом 10–15°. Ось антиклинали вздымается в северо-западном направлении и погружается в юго-восточном. В связи с этим на правом (юго-восточном) берегу реки повсеместно выходят известняки, которые здесь образуют крутые берега с высотой обрывов в десятки метров. В северном направлении (по направлению к г. Гянджа) меловые породы погружаются, и вдоль бортов долины вскрывается мощная толща галечников. Ниже по течению в долине реки (в черте г. Гянджа) установлено несколько уровней речных террас. В районе стоянки Гырмызы гая наблюдается сужение долины реки в связи с прорезанием северного крыла антиклинали, бронируемой пачкой туффитовых известняков. Выше по долине в зоне выхода сланцев долина реки расширяется до 500–700 м. На этом участке выше уреза воды расположена первая речная терраса высотой 4–5 м. Русло реки выполнено крупнообломочным слабоокатанным аллювием (глыбами поперечником в дециметры и метры). Памятник находится на склоне южной экспозиции. Склон образован погружающимся на север и северо-восток пластом известняка. Пласт известняка с южной стороны образует уступ высотой 3–5 м. От этого уступа скалываются блоки, которые по падению слоя медленно сползают на восток в сторону долины р. Гянджачай (рис. 1).

При осмотре грота и наклонной площадки перед ним на дневной поверхности, на площади около 30 кв. м, была собрана представительная коллекция артефактов. Из 244 каменных предметов два были изготовлены из обсидиана, остальные — из светло-серого кремня. Среди них выделены нуклеусы, орудия, сколы, технические сколы и отходы про-

Рис. 2. Левый берег р. Гянджачай. Стоянка Гырмызы гая. Тут и далее белыми стрелками указано местонахождение; черными — места сборов артефактов.
Fig. 2. Left bank of the Ganjachay River. Site of Gyrmyzy Gaya. Here as below, white arrows indicate a site; black arrows — findspots of artefacts.

изводства. Морфологическая характеристика каменных изделий выглядит следующим образом.

Нуклеусы — 2 экз., оба из кремня. Один из них призматический в начальной стадии расщепления с подготовленной тыльной поверхностью (рис. 3, *7*). Второй — вторичный нуклеус на крупном отщепе (рис. 3, *5*).

Рис. 3. Стоянка Гырмызы гая. Каменные артефакты: *1* — скребок; *2–4, 6* — сколы; *5, 7* — ядрища. *1* — обсидиан, *2–7* — кремень.
Fig. 3. Site of Gyrmyzy Gaya. Stone artefacts: *1* — end scraper; *2–4, 6* — spalls; *5, 7* — cores. *1* — obsidian, *2–7* — flint.

Обсидиановый скребок на месте ударной площадки, рабочий край со следами утилизации (рис. 3, *1*).

Кремневая пластина со следами утилизации (рис. 3, *2*).

Отщепы — 54 экз., один из обсидиана, остальные из кремня (рис. 3, *3, 4*). На одном из краев отщепа из обсидиана заметна мельчайшая забитость — следы утилизации.

Пластины — 11 экз., все из кремня, самая крупная из них: 7,2 × 2,1 × 0,6 см (рис. 3, *6*), самая мелкая: 2,8 × 1,3 × 0,7 см.

Корочных сколов, или сколов первоначальной оббивки поверхности расщепления: 27 экз. Технологические сколы обработки и подправки поверхности расщепления на ядрищах представлены 15 экз. Невыразительные осколки и обломки составляют 133 экз.

Местонахождение Гара тепе. Как было сказано выше, одним из основных маршрутов археологической разведки являлась Джейранчельская степь (рис. 1), где и была обнаружена среднепалеолитическая стоянка открытого типа Гара тепе, названная по одноименной близлежащей горе. Стоянка расположена административно в Товузском районе Азербайджана на высоте 460 м над уровнем моря. Координаты стоянки 41° 11′ 538″ северной широты, 45° 41′ 240″ восточной долготы (рис. 4). Участок находится в междуречье рек Кура и Габырры (Иори). Междуречье образовано выровненными поверхностями, которые срезают дислоцированные породы плиоцен-плейстоцена. Непосредственно на участке исследований на поверхности вскрываются породы апшерона на максимальной высоте около 600 м. В эти выровненные поверхности врезаны многочисленные долы. Наиболее крупным является овраг Эйридере в 700 м восточнее места находок артефактов. Глубина оврага более 200 м, ширина более 500 м. Овраг древовидный с целой системой глубоких притоков — оврагов второго и последующего порядков. Склоны оврага повсеместно осыпные.

Находки были собраны на пологом склоне южной экспозиции небольшой балки глубиной до 10 м, которая является одним из подпритоков системы оврага Эйридере. Фаунистические находки представлены двумя неопределимыми фрагментами костей. На местонахождении Гара тепе было обнаружено 12 каменных изделий. Судя по сырью и его сохранности, вероятно, что здесь представлено два комплекса артефактов.

Первый комплекс (пять предметов) составляют: ядрище остаточное на кремне коричневого цвета с вкраплениями, с корочной тыльной поверхностью, с ретушированной ударной площадки нуклеуса снят один скол (рис. 5, *1*); нуклевидное изделие из кварца и три скола. Среди них отщеп из обсидиана со

Рис. 4. Джейранчельская степь. Местонахождение Гара тепе, места сбора артефактов.
Fig. 4. Jeyranchel steppe, site of Gara-Tepe, findspots of artefacts.

следами утилизации (?), дистальный (2/3) обломок крупного отщепа кремнистой породы, негативы предшествующих снятий на спинке которого позволяют говорить о его леваллуазском облике (рис. 5, *2*), корочный пластинчатый отщеп кремнистой породы с гладкой ударной площадкой, края несут следы утилизации (рис. 5, *4*).

Второй комплекс находок — семь предметов, сырьем для которых служили местные разнообразные гальки. Выделяются три крупных, сильно оглаженных отщепа. На спинке одного из них негатив предшествующего крупного скола. Второй — корочный скол бордового цвета с негативом предшествующего снятия и естественной коркой на спинке. Третий — представляет собой базальный фрагмент отщепа с ретушированной ударной площадкой на светло-серой гальке (рис. 5, *3*). Выделяется также базальный фрагмент оглаженного, с глубокой патиной крупного пластинчатого отщепа со свежим обломом ударной площадки. Две намеренно разбитые гальки: мелкая галька с негативом снятия отщепа и удлиненная с негативами пластинчатых снятий. Самая выразительная находка — клювовидное орудие на крупном нуклевидном обломке зеленовато-серой породы. Обломок имеет многочисленные негативы предшествующих снятий. Лезвие

Рис. 5. Местонахождение Гара тепе, каменные изделия: *1* — остаточное ядрище; *2–4* — сколы; *5* — клювовидное орудие. *1, 2, 4* — кремень; *3, 5* — галечное сырье.
Fig. 5. Site of Gara-Tepe, stone tools: *1* — residual core; *2–4* — spalls; 5 — beaked tool.
1, 2, 4 — flint; *3, 5* — pebble material.

орудия оформлено оббивкой и разновеликой чешуйчатой ретушью. Клюв выделен мелкой крутой ретушью. Изделие сильно оглажено (рис. 5, *5*).

Местонахождение на южном берегу Шамкирского водохранилища. Координаты местонахождения 40° 55′ 483″ северной широты, 46°09′ 439″ восточной долготы, 154 м над уровнем моря (рис. 6). Местонахождение расположено административно в Шамкирском районе Азербайджана, на южном берегу Шамкирского водохранилища, в 500 м к юго-западу от плотины (рис. 1). Участок сформирован горизонтально лежащими терригенными рыхлыми породами, мощностью 25–30 м, которые представлены преимущественно глинами желтого цвета с редкими прослоями песков и вулканических пеплов белого цвета. Глины эти, по всей видимости, являются аналогами пород, широко развитых вдоль северного берега Шамкирского водохранилища (*Ализаде*, 1973), т. е. принадлежат к апшеронскому ярусу эоплейстоцена. Следует отметить, что на Геологической карте Азербайджана развитие апшеронских пород вдоль южного берега р. Кура на этом участке не отмечается. Здесь это впервые было установлено нами. Вскрытие этих пород из-под кроющей толщи галечников произошло вследствие абразии берегов Шамкирского водохранилища. Выше апшерона лежат толщи галечников мощностью 7–8 м. Этот покров галечников залегает сплошным чехлом вплоть до северных отрогов Малого Кавказа и характеризуется большим временным интервалом накопления (от раннего до позднего неоплейстоцена включительно), в нескольких десятках километров ближе к областям сноса мощность этих галечников превышает 50 м.

Рис. 7. Южный берег Шамкирского водохранилища. Местонахождение артефактов. *1, 4* — сколы; *2, 3* — ядрища.
Fig. 7. Southern bank of the Shamkir reservoir. Findspots of artefacts: *1, 4* — spalls; *2, 3* — cores.

Рис. 6. Южный берег Шамкирского водохранилища. Место находок каменных орудий и зуба лошади.
Fig. 6. Southern bank of the Shamkir reservoir. Findspots of stone tools and of a horse tooth.

Местонахождение артефактов и фауны приурочено к активному абразионному клифу, выработанному в апшеронских отложениях, которые перекрываются мощной толщей галечников. Первая находка — классический леваллуазский отщеп из зеленоватой породы был обнаружен на кромке берега, в воде. Поверхность скола глубоко патинирована и сильно окатана, спинка отщепа несет следы центростремительных снятий, ударная площадка фасетированная выпуклая (рис. 7, *4*). Метрах в 50 восточнее места, где был найден леваллуазский отщеп, был обнаружен зуб копытного животного, с признаками Equus caballus — мелкой формы. По постоянной генерации это M^2, но ширина зуба указывает на его молочное происхождение, вероятно, это P^3, левый квадрант. Рядом с зубом лошади, компактно, на площади около 3 кв. м было собрано семь каменных предметов среднепалеолитического облика.

Изделия глубоко патинированы, но имеют различную степень окатанности. Два нуклеуса: первый, сильно окатанный, на гальке с негативами пластинчатых конвергентных снятий с подготовленной ударной площадки, тыл ядрища сохраняет естественную галечную поверхность (рис. 7, *3*). Второе ядрище — на гальке с негативом одного крупного снятия, также сильно окатано (рис. 7, *2*). Выделяются два сильно окатанных отщепа. Один — из сероватой кремнистой породы, с гладкой ударной площадкой в форме «летящей птицы». На спинке скола читаются негативы предшествующих конвергентных снятий (рис. 7, *1*). Второй отщеп представлен базальным фрагментом с гладкой ударной площадкой. Оставшиеся три предмета — маловыразительные окатанные обломки сколов.

Собранные находки не могут происходить из апшеронских отложений. Вдоль всего берега в данном месте тянется утес, на разрезе которого четко видны слои галечников и почвы, перекрывающие нижележащие апшеронские слои. Вероятней всего, что артефакты и зуб лошади происходят из этих галечников, в которых они, по всей видимости, и были так сильно окатаны.

Северный берег Шамкирского водохранилища. Интересные находки были сделаны на северном берегу Шамкирского водохранилища (рис. 1). О находках костей крупных животных нам сообщил житель села Искендерли Вахид Гамидов. Местонахождение — на территории Шамкирского района, на северном берегу Шамкирского водохранилища, на абсолютной высоте 150 м, около 1 км к западу от плотины на площади 10–15 м вдоль берега и 3 м вглубь берега. Координаты 40° 57′ 697″ северной широты, 46°09′ 002″ восточной долготы (рис. 8).

Участок относится к междуречью рек Куры и Габырры (Иори). Территория сложена терригенными породами эоплейстоцена — раннего неоплейстоцена. Среди пород доминируют глины желтого, светло-желтого и палевого цветов, среди них редкие прослои гальки и песка серого цвета, кроме того, выделяются несколько горизонтов вулканиче-

Рис. 8. Северный берег Шамкирского водохранилища. Место находок каменных предметов и фауны.
Fig. 8. Northern bank of the Shamkir reservoir. Findspots of stone artefacts and faunal remains.

ских пеплов белого цвета. Вскрытая мощность пачки апшеронских отложений вдоль берега водохранилища достигает 130 м. В тектоническом отношении породы слабо дислоцированы. Наблюдается небольшое вздымание слоев в южном направлении в сторону долины р. Куры (ныне затопленной водохранилищем), углы падения достигают 5°. В береговой зоне водохранилища развиты абразионные процессы с выработкой активных клифов и волноприбойных площадок. Клиф активно развивается и происходит размыв древних пород. В зонах выхода более устойчивых отложений образовались мысы, на которых происходит концентрация волновой нагрузки. Между мысами образовались бухты, берега которых сложены своеобразной глиняной галькой из интенсивно разрушаемых эскарпов, вырабатываемых в апшерон-акчагыльских слоях.

Место находок приурочено к мысу, сложенному относительно устойчивыми породами. Непосредственно вдоль уреза воды и ниже него вскрывается слой сцементированной глины желтого цвета с редкими включениями крупной гальки. Выше лежит слой сцементированной глины с большим количеством песка и мелкой гальки мощностью до 50 см, серо-желтого цвета. В этом слое и в верхней части нижележащего слоя глины встречена обильная фауна в виде крупных хорошо сохранившихся костей и их обломков. Перекрывает глину слой гравия с примесью песка серого цвета, в верхней части этого слоя возрастает примесь песчано-глинистого материала, в которой также встречены небольшие фрагменты костей. Описанные слои погружаются в северном направлении и постепенно срезаются береговой линией. Возраст слоев с фауной — предположительно апшерон.

Кости были обнажены благодаря спаду воды в водохранилище. Часть костей была вцементирована в брекчию, часть — собрана с прибрежной полосы. Собрано 36 фрагментов костей, среди которых определены южный слон (*Archidiskodon meridionales*), мелкая форма лошади Стенона (*Equus stenonis*) и костные остатки кабалоидной лошади (*Equus caballus*).

При осмотре апшеронских отложений на месте обнаружения костей (в тех же границах) было найдены три каменных предмета. Несмотря на сильную окатанность, два из них сохранили облик раннепалеолитических артефактов.

Нуклевидное изделие на угловатом обломке мелкозернистого песчаника (6,8 × 6,6 × 4,8 см). Предмет сильно окатан. Лезвие сформировано двусторонней оббивкой крупными и средними снятиями (рис. 9, *2*).

Рис. 9. Северный берег Шамкирского водохранилища. Каменные изделия: *1* — скол с ретушью, кварц; *2* — нуклевидное изделие, песчаник.
Fig. 9. Northern bank of the Shamkir reservoir. Stone tools: *1* — a spall with retouch, quartz; *2* — core-like tool, sandstone.

Отщеп из кварца (3,9 × 4,3 × 1,5 см) сильно окатан. Ударная площадка скола имеет корочную поверхность. Брюшко скола несет следы конусов предшествующих ударов. Противолежащий ударной площадке край имеет следы утилизации и, возможно, подправки (рис. 9, *1*).

Обнаружен также осколок кварцевого сырья, аналогичного тому, из которого изготовлен вышеописанный отщеп.

Местонахождение Гараджа в апшеронских отложениях Азербайджана. Как уже было отмечено выше, основной задачей Гянджа-Газахского отряда палеолитической археологической экспедиции был осмотр апшеронских отложений в местах их выхода на поверхность, особенно в местах находок костей плейстоценовой фауны. Одним из таких мест стала прибрежная полоса Мингячевирского водохранилища, где и было обнаружено

раннепалеолитическое местонахождение в апшеронских отложениях. Памятник расположен на южном берегу Мингячевирского водохранилища, у подножия хребта Боздаг, юго-восточнее горы Гараджа. Координаты местонахождения 40° 47′ 956″ северной широты, 47° 03′ 165″ восточной долготы, 90 м над уровнем моря (рис. 1).

Обследованный участок берега находится в западной части Куро-Араксинской низменности. В тектоническом отношении — это Боздагская антиклиналь. Структура вытянута с запада на восток более чем на 60 км, в восточной части ее прорезает долина р. Куры. Абсолютная высота хребта Боздаг к западу от долины реки — 524 м, к востоку — 296 м. Южные склоны хребта обработаны абразионными процессами неоплейстоценовых морей Каспия, в частности хвалынского. Переход к лежащим южнее морским террасам хвалынского возраста резкий. Хребет сложен терригенными породами эоплейстоценового, раннеоплейстоценового возраста (глина, песок, гравий), дислоцированными под углами 60–70° (Геология Азербайджана, 1998). В ходе избирательной эрозии поверхность хребта приобрела интенсивно расчлененный рельеф. Бронирующие пачки сцементированного гравия и песка образуют поверхности многочисленных, но небольших по размерам куэстообразных холмов. Слабоустойчивые пачки глин размыты, и по ним развиты понижения рельефа, поэтому весь хребет рассечен системой сухих долин, заложенных от осевой части хребта к периферии.

Район исследований находится на северном крыле антиклинали. В настоящее время рельеф представлен активным клифом (высотой уступа на отдельных участках до 15 м), вырабатываемым вдоль южного берега Мингячевирского (Мингечаурского) водохранилища, урез воды в котором из-

Рис. 10. Южный берег Мингячевирского (Мингечаурского) водохранилища. Местонахождение Гараджа. Места находок фауны и каменных изделий.
Fig. 10. Southern bank of the Mingachevir reservoir. Site of Garaja. Findspots of fauna and stone artefacts.

меняется с амплитудой до 5 м. Севернее клифа выработалась террасовая площадка с чередованием слоев глин желтого цвета, с вкраплениями линз и прослоев гальки, и песков серых крупнозернистых с мелкой галькой (рис. 10).

Местонахождение, которое получило название Гараджа, приурочено к одному из холмов между двумя сухими долинами, склоны которого интенсивно разрушаются в результате абразионных и оползневых процессов. В слое глины на северо-восточном склоне холма и рядом с ним совершены находки фауны и артефактов. На площади до 15 кв. м обнаружено семь костей, из которых определены три фрагмента коренных зубов южного слона (*Archidiskodon meridionalis*), обитавшего на территории Евразиии от 2–0,7 млн лет тому назад.

Вместе с костями на поверхности собрано пять артефактов раннепалеолитического облика.

Чоппер (7,9×6,7×3,1 см), выполненный на уплощенной гальке палевого цвета. На поверхности негативы нескольких сколов. Одна сторона несет следы трех последовательных снятий, противоположная — негативы двух последовательных снятий, которые образуют извилистое лезвие чоппера, со следами утилизации (рис. 11, *1*).

Чоппер (9,1×6,1×2,7 см) на уплощенной гальке серо-коричневого цвета. Орудие обработано с двух поверхностей. Один из краев гальки был обрублен для того, чтобы сузить лезвие орудия. После чего одним крупным сколом и двумя мелкими противолежащими снятиями было оформлено лезвие чоппера (рис. 11, *2*).

Долотовидное орудие (6,0×4,0×2,3 см) (использовавшееся в качестве клина ?) на мелкой уплощенной гальке черного цвета. Узкие концы гальки оббиты разновеликими сколами с двух сторон в противолежащих направлениях, как на долотовидных изделиях более поздних эпох (рис. 12, *3*).

Отщеп (4,8×4,0×1,6 см) на гальке темно-серого цвета, с гладкой, сильно скошенной ударной площадкой. Спинка скола несет негативы предшествующих снятий (рис. 12, *2*).

Скол трехгранный с гальки (4,5×2,8×2,1 см), с подготовленной ударной площадкой. На одном из краев, возможно, прослеживается ретушь утилизации (рис. 12, *1*).

Рис. 11. Местонахождение Гараджа: *1, 2* — чопперы.
Fig. 11. Site of Garaja: *1, 2* — choppers.

Рис. 12. Местонахождение Гараджа: *1* — скол с гальки с ретушью; *2* — отщеп; *3* — долотовидное орудие.
Fig. 12. Site of Garaja: *1* — pebble spall with retouch; *2* — flake; *3* — scaled piece.

Таким образом, в Гянджа-Газахском регионе Азербайджана первые же археологические разведки по поиску памятников каменного века Азербайджана дали положительные и весьма перспективные результаты. На Малом Кавказе, недалеко от г. Гянджа, был открыт новый пещерный памятник позднего каменного века — Гырмызы гая. Разведки в Джейранчельской степи преподнесли открытие вообще первого памятника эпохи камня в этом районе Азербайджана — местонахождения Гара тепе с индустрией среднепалеолитического облика. Показательно, что в инвентаре этого памятника четко прослеживается использование как местного, так и приносного каменного сырья. Маршрутами по берегам Шамкирского водохранилища были открыты два новых уникальных памятника. На его южном берегу — среднепалеолитическое местонахождение с четкой леваллуазской индустрией, базировавшейся на местном сырье. На северном берегу каменные изделия были собраны вместе с разнородной плейстоценовой фауной, однако малочисленность находок и неисследованность фауны пока не позволяют говорить о хронологических их привязках. Наиболее перспективным открытием разведок 2012 г. стало местонахождение Гараджа на Мингячевирском водохранилище, где с четко определяемой эоплейстоценовой фауной крупных животных совместно найдены артефакты, скорее всего, раннепалеолитического облика. Все обнаруженные пункты сборов каменных изделий весьма перспективны для дальнейших стационарных исследований.

Ализаде, 1954 — *Ализаде К. А.* Акчагыльский ярус Азербайджана. Баку, 1954.

Ализаде, 1973 — *Ализаде А. А.* Апшерон Азербайджана. М., 1973.

Геология Азербайджана, 1998 — Геология Азербайджана. Баку, 1998. Т. II: Литология.

Гуммель, 1937 — *Гуммель Я. И.* Пещера Бека в долине Ганджа-чая // Архив Института истории АН Азербайджана. № 688 (Рукопись). Баку, 1937.

Кузьмина, Саблин, 1991 — *Кузьмина И. Е., Саблин М. В.* О новой находке ископаемых остатков Equus stenonis cocchi в Закавказье. Палеотериологические исследования фауны СССР // Труды Зоологического института АН СССР. Л., 1991. Т. 238.

Саблин, 1990 — *Саблин М. В.* Остатки хищных и копытных из нижнеапшеронских отложений Азербайджана. Исследования по зоологии позвоночных // Труды Зоологического института АН СССР. Л., 1990. Т. 213.

Сотникова, Саблин, 1993 — *Сотникова М. В., Саблин М. В.* Поздневиллафранкская ассоциация хищных млекопитающих из местонахождения Палан-Тюкан (Восточное Закавказье, Республика Азербайджан). Материалы по мезозойской и кайнозойской истории наземных позвоночных // Труды Зоологического института РАН. СПб., 1993. Т. 249.

Low-Palaeolithic sites in Apsheron deposits of Azerbaijan

A. A. Zeynalov, S. A. Kulakov, I. A. Idrisov, T. M. Eybatov, I. N. Avsharova

In Summer of 2012, the Ganja-Gazakh detachment of the Palaeolithic-archaeology expedition of the Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Azerbaijan, carried out archaeological surveys in the Ganja-Gazakh region of Azerbaijan. The main task of these studies was to reveal Eopleistocene and early Neopleistocene deposits (Akchagyl-Apsheron-Baku) in the areas of their exposure in the western part of the Kura-Aras Lowland, particularly in those regions where lenses with skeletal remains of Pleistocene fauna have been discovered before. The reconnaissance explorations succeeded in discovery of a series of new sites of the Stone Age.

The cave site of Gyrmyzy Gaya (Red Rock) is situated on the left bank of the Ganjachay River opposite the city of Goygol. In the grotto and on the platform in front of it, a representative col-

lection of artefacts of the Upper-Palaeolithic and Mesolithic types has been collected (244 pieces).

The site of Gara-Tepe in the Jeyranchel steppe at the height of 460 m above sea level. The finds included 12 lithics of the Middle-Palaeolithic type found on the gentle slope of a small ravine which is one of the tributaries of the large canyon of Ovrag Eyridere.

At a site on the bank of the Shamkir water reservoir, 500 m south-west from the dam, were found a tooth of horse (*Equus caballus*) and 8 stone objects of the Levallois type.

A site on the northern bank of the Shamkir reservoir. One kilometre west from the dam, three lithic artefacts were found as well as 36 skeletal fragments: southern elephant (Archidiscodon meridionales), small species of Stenon's horse (*Equus stenonis*) and cabaloid horse (*Equus caballus*).

A site on the southern bank of the Mingachevir reservoir. Near the ridge of Bozdag, southeast of Mt Garaja, on one of the hills between two dry valleys, in a clay layer on the northeastern slope of the hill, were found remnants of fauna (three fragments of molars of southern elephant (*Archidisc odon meridionalis*) and five artefacts of the Early Palaeolithic type (choppers, spalls, a tool).

Клювовидные орудия в раннем палеолите Приднестровья

Н. К. Анисюткин[1]

Статья посвящена каменным орудиям клювовидных форм, происходящим из отложений эоплейстоценового возраста (0,9–1,1 млн) нового памятника раннего палеолита Байраки (Приднестровье). Эта многослойная стоянка была открыта в 2010 и изучалась в 2011, 2012 и 2013 гг. коллективом исследователей, включая археологов из Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург) и из Приднестровского государственного университета (Тирасполь), а также геологов и палеогеографов из институтов географии и геологии Российской академии наук (Москва). Проведенные междисциплинарные исследования дали возможность получить надежно обоснованную геохронологию стоянки.

За основу описания орудий взята классификация Н. К. Анисюткина 1973 г., которая базировалась на материалах группы среднепалеолитических стоянок с территории Восточной Европы. Среди 125 орудий, происходящих из слоя 5 стоянки Байраки, выявлены две группы клювовидных орудий, в их числе семь клювовидных остриев и 14 клювовидных резаков, аналогичных bill-hook английских исследователей. Последние, изготовленные преимущественно на отщепах небольших размеров, характеризуются высоким уровнем стандартизации.

Ключевые слова: клювовидные орудия, ранний палеолит, олдован, юго-запад Восточной Европы.

The present paper is devoted to lithic tools of the beak-like shape from deposits of the Eopleistocene Age (0,9–1,1 million BP) at the newly discovered Early Palaeolithic site of Bayraki (Dniester region). This camp-site of long occupation was discovered in 2010 and excavated in 2011, 2012 and 2013 by a team of researchers including archaeologists from the Institute of the History of Material Culture RAS (St. Petersburg) and Transnistria State University (the city of Tiraspol), as well as geologists and palaeogeographers from the Institute of Geography RAS and Institute of Geology RAS (Moscow). Interdisciplinary studies conducted here have succeeded in obtaining a reliably grounded geochronology of this site.

The basis of the description of the artefacts was constituted by classification of N. K. Anisyutkin published in 1973. This system was developed using materials of a circle of Middle Palaeolithic sites of Eastern Europe. Among the 125 tools retrieved from Stratum 5 at the site of Bayraki, two groups of beaked tools have been identified including seven beaked points and 14 beaked choppers similar to the bill-hooks of British researchers. The latter were manufactured mostly on small flakes and are characterized by a high level of standardization.

Keywords: beaked tools, the Early Palaeolithic Age, Oldowan, South-West of Eastern Europe.

С момента публикации в 1973 г. первой в отечественном палеолитоведении классификации клювовидных орудий прошло 40 лет (*Анисюткин*, 1973). За этот немалый срок накопилась значительная полезная информация, позволяющая сделать определенные уточнения и дополнения относительно этой категории орудий. В настоящее время можно считать установленным, что подобные формы по-разному группируются в комплексах среднего палеолита, образуя разные композиции. Так, в каменных индустриях большого мустьерского комплекса, включая варианты мустье типичного, ашельской традиции и шарантского, выделенных на материалах Западной Европы, клювовидные орудия единичны и даже случайны. В связи с этим показательно, что в известном атласе Франсуа Борда, изданном в 1961 г. и посвященном преимущественно среднему палеолиту, данные орудия представлены лишь единственной малоопределимой резцевидной формой, описанной как bec burinant alterne (*Bordes*, 1961. P. 37). Клювовидные формы также ред-

[1] Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

ки и атипичны в вариантах среднего палеолита с территории Восточной Европы, включая леваллуа-мустье и так называемый «восточный микок». Напротив, эти орудия обычны и разнообразны в комплексах тайякского типа, которые хронологически соответствуют начальной поре среднего палеолита, но по степени их архаичности вполне могут рассматриваться как пережиточный ранний палеолит. Сейчас можно определенно заявить, что данные орудия всегда характерны именно для раннего палеолита, включая одну из наиболее ярких форм — bill-hook, которая была впервые выделена в клектоне Англии более полувека тому назад (*Warren*, 1951). Как показали исследования российских ученых, эти клювовидные формы достаточно распространены в кавказском ашеле, включая пещеру Кударо 1, где они разнообразны и достаточно стандартизированы (*Любин, Беляева*, 2004). При общей оценке этих орудий было обращено особое внимание на «большую вариабельность кударских клювовидных форм, значительную массивность большинства этих орудий, фланкирование острых выступов главным образом посредством глубоких клектонских анкошей и наличие группы своеобразных подтреугольных “цельнокорпусных” клювовидных предметов, которые вызывают мысль о вероятности их намеренной стандартизации» (Там же. С. 221). Многочисленны и разнообразны клювовидные орудия и в таком известном раннепалеолитическом памятнике Кавказа, как Яштух (*Замятнин*, 1937; *Коробков*, 1967; *Любин, Беляева*, 2011).[2]

В целом они довольно широко распространены в раннем палеолите Старого Света, включая древнейшие этапы развития. К примеру, данные орудия отмечены в комплексах каменных орудий стоянки Карама на Алтае (*Деревянко и др.*, 2005), в олдоване Южной Аравии (*Амирханов*, 2006) и Восточной Африки, где они не всегда отчетливо отделяются от остроконечных чопперов, рабочие концы которых выделены крупными сколами оббивки. Для примера можно привести коллекцию каменных орудий со стоянки Гомборе (Gombore) 1 в Эфиопии, где серия клювовидных орудий достаточно хорошо представлена, включая формы, аналогичные типу bill-hook, которые, однако, там иначе названы (*Chavallion*, 2004. P. 371–435).

Анализ палеолитических индустрий юго-запада Восточной Европы показал, что клювовидные формы разнообразны и многочисленны именно в тайякском комплексе (Tayacien complex) типа Старые Дуруиторы в Молдавии, соответствующем начальному среднему палеолиту. Важно, что четко определенные композиции клювовидных форм, коррелирующие с рядом своеобразных орудий, распространены в группе региональных памятников с выраженными тайякскими элементами, включая как открытые, так и пещерные, которые существовали на данной территории в течение огромного отрезка времени — от рисса до начала вюрма (*Анисюткин*, 2001; 2011).

Учитывая обилие этих форм в раннем палеолите, очень важно проследить их в олдованском комплексе — древнейшем раннем палеолите, который недавно обнаружен и исследуется на Тамани, в Дагестане и в Приднестровье (*Амирханов*, 2006; 2007; *Щелинский, Кулаков*, 2007; *Анисюткин и др.,* 2011; 2012а; 2012б). Установлено, что каменные индустрии рассматриваемых олдованских комплексов с датировками 0,9–1,8 млн лет содержат серии выразительных клювовидных орудий, многие из которых достаточно стандартны.

Для демонстрации используется каменная индустрия слоя 5 стоянки Байраки, расположенной в окрестностях молдавского города Дубоссары, которая была открыта и исследовалась автором в 2010–2013 гг.

Еще раз о классификации. До начала 70-х гг. XX в. не было известно ни одной специальной работы, посвященной классификации клювовидных орудий. В их определениях царил хаос. Иногда они растворялись среди функционально близких, но типологически разных форм, включая обширную группу так называемых «резчиков» (*Кухарчук*, 2008). В процессе исследования каменных индустрий среднего палеолита на территории юго-запада Русской равнины особое внимание было обращено на серии ранее не описанных каменных орудий, которые позднее

[2] С коллекциями местонахождения Яштух я знакомился благодаря любезности их исследователя И. И. Коробкова, который одобрил мою классификацию, сделав ряд ценных и полезных замечаний.

были названы клювовидными. Аналогии этим формам были обнаружены среди одновременных палеолитических комплексов Европы, где они интерпретировались поразному. Особый интерес представляет опыт описания группы похожих орудий из раннего и среднего палеолита южной Франции, сделанный известным французским исследователем Анри де Люмлеем (Henry de Lumley), который предложил называть их массивными клювовидными остриями, рабочие элементы которых были образованы смежными клектонскими выемками (bec par encoches clactoniennes adjacentes) (*Lumley-Woodyear,* 1969. P. 200–213). Данные массивные острия обнаружены и описаны в комплексах эвенозийского (evenosien) и тайякского типа на местонахождении Сент-Анне-де Эвеноз (Seinte Anne d'Evenos) и в гроте Бом-Бон (Baume Bonne), датируемых рисским временем. Здесь важно отметить особо, что выемки использовались в качестве конструктивных элементов: две соприкасающиеся выемки образуют один отчетливый рабочий элемент — заостренный выступ. Иногда этот выступ, как было в наших коллекциях, имел дополнительную обработку (нередко двустороннюю) в виде подтески или крутой ретуши, формируя долотовидные или скребковидные рабочие элементы. Удалось установить, что аналогичным образом изготовленные орудия были широко распространены в группе специфических комплексов, относящихся к ранней поре среднего палеолита в юго-западной части Восточной Европы, в частности в Пруто-Днестровском междуречье, включая нижние слои гротов Старые Дуруиторы и Выхватинцы, а также на местонахождении Мерсына (*Анисюткин*, 1973). Кроме того, в изучаемых комплексах были выявлены и иные орудия, которые я также назвал клювовидными с учетом того обстоятельства, что рабочий элемент вновь выделялся выемкой, образуя угловую режущую кромку. Аналогичные орудия были ранее обнаружены и описаны английскими учеными в коллекции известной стоянки раннего палеолита Клектон под названием — bill-hook (*Warren*, 1951; *Collins*, 1968. P. 28). В данном случае выемка, приуроченная к дистальному концу заготовки, оформленному обломом или крутой ретушью, образует угловой режущий элемент клювовидной формы. Часто режущая кромка имела отчетливые следы утилизации в виде уплощенных фасеток или микрорезцовых сколов. Функция одного из таких орудий, обнаруженного в нижнем слое стоянки Стинка 1, была определена известным трасологом В. Е. Щелинским. Анализ следов работы показал, что острый (клювовидный) конец этого орудия использовался в качестве режущего инструмента (*Анисюткин*, 2005. Рис. 41, *2*). Это первоначальное определение в дальнейшем было подтверждено трасологическими исследованиями европейских ученых на материалах раннего палеолита Италии и Испании. Согласно их данным, угловая режущая кромка широко использовалась в древнейшем раннем палеолите часто даже у изделий без вторичной обработки (*Marquez et al.*, 2001. Fig. 11).

Итак, под клювовидными орудиями было предложено понимать массивные изделия на заготовках разного типа, рабочие элементы которых выделялись двумя типами смежных выемок — клектонскими или простыми. Это наиболее распространенная разновидность, отличающаяся характером оформления рабочего элемента, названного «клювом». Вторая разновидность отличается наличием одной выемки (клектонской или простой), примыкающей к дистальной части заготовки с поперечным усечением, выделяя угловое ножевидное лезвие. Сходные орудия с угловой режущей кромкой, но преимущественно без характерной выемки, Ю. В. Кухарчук называл «резчиками» (*Кухарчук*, 2008). Он подметил отчетливую тенденцию широкого использования в среднем и раннем палеолите углового режущего лезвия. Достаточно указать на включение в эту функциональную группу специфических ножей типа прондник (Там же. Рис. 11). Все группы клювовидных орудий, на основе которых создавалась классификация, представлены реально существующими сериями орудий, выявленными в коллекциях рассмотренных памятников среднего и раннего палеолита, распространенных на Русской равнине и Кавказе (*Анисюткин*, 1973; 2001).

Клювовидные формы были объединены в четыре группы — A, B, C, D, которые, в свою очередь, делились на условные типы, обозначаемые арабскими цифрами. В отличие

Рис. 1. Образцы основных форм клювовидных орудий: *1, 7* — резаки типа bill-hook; *2, 3* — стамескообразные орудия; *4* — скребок на нуклеусе с выделенным выемками клювовидным выступом; *5, 6, 9* — острия; *8* — долотовидное орудие.
1, 2 — местонахождение Осыпка; *3, 5–9* — нижний слой стоянки Стинка 1; *4* — верхний слой стоянки Стинка 1.
Fig. 1. Examples of the major forms of beaked tools: *1, 7* — choppers of the bill-hook type; *2, 3* — chisel-like tools; *4* — end-scraper on core with a beaked ledge marked out with grooves; *5, 6, 9* — points; *8* — scaled piece. *1, 2* — site of Osypka; *3, 5–9* — lower level of the site of Stinka 1; *4* — upper level of the site of Stinka 1.

от проколок или проверток, тонкие жальца которых оформлялись крутой или противолежащей ретушью, клювовидные острия характеризуются массивными и относительно короткими выступами-остриями ладьевидной формы (*Анисюткин*, 1973. С. 230).

Группа А (клювовидные острия) подразделяется на следующие условные типы (рис. 1*, 5, 6, 9*): 1) простые на отщепах, 2) нуклевидные ладьевидных форм, 3) острия с клектонскими выемками, нанесенными с вентральной плоскости, 4) острия-ножи дуруиторского типа, 5) с противолежащими выемками. Из выделенных типов наиболее распространенными являются простые на отщепах, нуклевидные с клектонскими выемками и формы с противолежащей обработкой. Острия-ножи дуруиторского типа следует рассматривать в качестве сугубо специфических орудий, а поэтому включение их в эту группу нежелательно.

Клювовидные острия, сопоставимые с клювовидными орудиями французского эвенозьена, типичны для индустрий из нижних слоев грота Старые Дуруиторы и местонахождения Мерсына в Молдавии, которые Н. А. Кетрару описал как тайякские (*Кетрару*, 1973). Правда, эти комплексы наиболее близки именно эвенозьену как по совокупности технико-морфологических признаков, так и хронологически (*Анисюткин*, 2001).

Группа В — долотовидные или стамесковидные орудия (рис. 1, *2, 3, 8*) отличаются от форм предыдущей группы лишь характером оформления рабочего конца («клюва») вторичной двусторонней или односторонней обработкой. Выделено два типа — 1) долотовидные с широким, относительно острым рабочим краем и 2) с узким рабочим краем. Нередко применялась двусторонняя обработка. Чаще всего оба типа дополнительно различаются по размерам заготовок. Мелкие размеры наиболее характерны для типа 2.

Группа С представлена особыми формами, названными «клювовидными резаками», или bill-hooks (рис. 1, *1, 7*). Эти орудия отмечены в публикации Франсуа Борда как характерные формы клектона (*Bordes*, 1984. P. 70). Основные признаки bill-hooks следующие: орудия крючковидной формы с выделенной выемкой угловой режущей кромкой, приуроченной к дистальному концу заготовки. Выемка может быть как клектонской (т. е. образованной одним сколом), так и ретушированной. Примыкающая к выемке поперечно расположенная плоскость может рассматриваться в качестве своего рода «обушка», который часто обработан крутой поперечной ретушью или представляет собой облом. Последний может быть как намеренным, так и естественным. Иногда функцию обушка выполняла ударная площадка. На рабочей поверхности кромки или «клюва» часто прослеживаются следы использования в виде фасеток плоской ретуши, реже — резцовых сколов.

Группа D. Скребки (рис. 1, *4*). Рабочий край («клюв»), расположенный между двумя смежными выемками, обработан скребковой ретушью. Можно выделить два типа: ладьевидные высокой формы и на плоских сколах. Нередко скребковый конец выделялся как элемент комбинированного орудия. Так, к примеру, в нижнем слое стоянки Стинка 1 найдено нуклевидное орудие с четырьмя четко выделенными остриями (рис. 1, *5*), одно из которых обработано отчетливой микроскребковой ретушью (*Анисюткин*, 2005. С. 115). Абсолютно тождественная форма обнаружена в тайякском слое пещеры Бом-Бон, расположенной на юге Франции (*Lumley, Bottet*, 1959. Fig. 2).

В данном случае нужно отметить, что выделяемые клювовидные скребки часто неотличимы от ориньякских форм верхнего палеолита, что позволяет ставить группу D под сомнение. Тем не менее следует отметить, что данные орудия, особенно с микроскребковыми концами, весьма распространены в тайяке и в раннем палеолите, часто в качестве элементов комбинированных орудий. Последнее обстоятельство указывает на то, что исключение этих форм из числа клювовидных орудий не является простым и единственно оправданным решением.

Клювовидные формы из коллекции раннего палеолита стоянки Байраки. Стоянка Байраки, расположенная в Нижнем Приднестровье, исследовалась научным коллективом специалистов смежных научных дисциплин из институтов Российской академии наук, в их числе Институт истории материальной культуры (Санкт-Петербург), Институты географии и геологии (Москва), а также из Приднестровского государственного университета (Тирасполь).

Рис. 2. Клювовидные орудия слоя 5 стоянки Байраки: *1* — острие на отщепе; *2* — острие на обломке мелкого отщепа; *3* — скребковидное орудие; *4* — обожженное клювовидное острие; *5* — острие на гальке; *6* — острие на обломке плоского нуклеуса; *7* — резак на остаточном нуклеусе.

Fig. 2. Beaked tools from level 5 of the site of Bayraki: *1* — point on flake; *2* — point on a fragment of a small flake; *3* — scraper-like tool; *4* — burned beaked point; *5* — point on pebble; *6* — point on a fragment of a flat nucleus; *7* — chopping tool on a residual core.

На стоянке выделено шесть культуросодержащих слоев, представляющих два уровня. Верхний или поздний (слои 1, 2, 3) связан с тремя ископаемыми почвами, нижний (ранний) — с аллювиальными отложениями. В результате междисциплинарных исследований, включая, в частности, данные по палеомагнитному датированию, удалось установить, что комплекс каменных изделий из нижних слоев изучаемого памятника располагается в пределах инверсии Харамилло (0,9–1,1 млн лет), являясь в настоящее время одним из самых ранних археологических объектов Восточно-Европейской равнины (*Чепалыга и др.,* 2012). В нижнем уровне, соответствующем пойменному (слой 4) и русловому (слои 5 и 6) аллювию высокой VII надпойменной террасы р. Днестр, лежащем на глубине около 6 м и перекрытом раннеплейстоценовыми почвами, найдено около 800 каменных изделий, включая выразительные галечные орудия, в их числе немногочисленные чопперы и относительно обильные кремневые отщепы и орудия из них. Более поздние верхние слои 1 и 2, в значительной мере связанные с красноцветной ископаемой почвой, относятся к раннему неоплейстоцену (500–700 тыс. лет назад).

Для каменной индустрии раннего комплекса характерно сочетание относительно крупных форм из некремневых пород и преобладающих орудий на отщепах мелких размеров. Обилие выразительных форм орудий на отщепах дает основание отнести индустрию к развитому или классическому олдовану (*Lumley et al.,* 2009). Среди 125 орудий выявлена серия выразительных клювовидных форм. Они представлены, если использовать для их подразделения признаки классификации 1973 г., простыми остриями (группа A), клювовидным скребком (группа D) и клювовидными резаками (bill-hooks). Последние могут быть охарактеризованы серией достаточно стандартизированных орудий группы C. Заготовками для этих орудий выступали преимущественно отщепы небольших размеров и реже — различные обломки, включая нуклевидные.

Шесть клювовидных остриев изготовлены на разных заготовках — два на небольших и плоских гальках косоуцкого песчаника и четыре — на кремневых отщепах и их обломках. Сюда условно можно добавить еще одно выразительное орудие, изготовленное на массивном подтреугольном отщепе с двумя остриями. Одно из них с обломанным в древности кончиком выделено сочетанием крупного клектонского скола и более мелкой выемки, а также дополненными фасетками ретуши, второе острие образовано тщательной уплощенной ретушью, переходящей на поперечный скребковидный конец на месте пересечения крупной клектонской выемки от более раннего скола (рис. 2, *3*). На брюшке прослеживается подтеска. Вполне возможно интерпретировать это орудие как двойной клювовидный микроскребок, соответствующий группе D моей классификации. Орудие имеет вполне хорошую сохранность поверхности, отличаясь лишь заметным люстражем. Очень интересно острие на обломке кремня, найденное на глубине около 7,5 м, в нижней части аллювиальных отложений (слой 6?). Оно сильно окатано и интенсивно обожжено. Его поверхность покрыта характерными трещинами (рис. 2, *4*). Напротив, острия из галек имеют достаточно хорошую сохранность поверхности (рис. 2, *5*). В свою очередь, острия на отщепах и их обломках отличаются заметной заполированностью поверхностей (рис. 2, *2*). В их числе имеется одно очень выразительное острие на мелком, но массивном кремневом отщепе (рис. 2, *1*). Интересно, что в сходной манере (при помощи противолежащих микровыемок) изготовлены проколки на мелких отщепах, отличающиеся от массивных клювовидных остриев тонкими и острыми жальцами.

Наибольший интерес представляет группа C, которая представлена выразительной серией из 15 орудий. В качестве заготовок использовались отщепы и их фрагменты, а также три обломка и один остаточный нуклеус. Исключение — одна плоская галька из черного кремня с обработанным интенсивной ретушью поперечным концом (рис. 3, *3*). Из всей серии особое внимание привлекает резак, изготовленный на остаточном нуклеусе — мелком обломке желвака сеноманского кремня черного цвета, который имел неправильную (подпирамидальную) форму (рис. 2, *6*). На данном предмете, имеющем относительно слабую заполированность граней, четко прослеживаются негативы трех

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

предшествующих сколов. Последний из них был очень рельефным, т. е. был сколот короткий, но массивный отщеп с мощным и выпуклым ударным бугорком. Сильный удар был нанесен по естественной площадке, покрытой желвачной коркой. Почти в самом центре негатива выявилась известковистая каверна, говорящая о плохом качестве использованного кремня. В результате этого или иного удара (контрудара?) на противолежащей плоскости образовался обширный позитив скола, который распространился по ранней трещине и выделил своего рода выступ, в результате чего край данного нуклеуса оказался более тонким. В дальнейшем этот естественный выступ был превращен клектонской выемкой в режущую кромку. Весьма показательно, что сильный удар для получения выемки, и тем самым острого края, был нанесен в нижнюю, массивную часть края позитива, поглотив его. Удар в тонкую часть сломал бы изделие. Поперечный конец, примыкающий к кромке, был достаточно интенсивно затуплен ретушью. На самом кончике имеются фасетки утилизации. Это очень выразительное орудие демонстрирует относительно высокую степень технического мастерства ископаемых людей, которые могли изготавливать вполне стандартные формы орудий. Следующее орудие является комбинированным, где сочетаются резак и скребло с выпуклым рабочим краем (рис. 3, *5*). Оно изготовлено на массивном отщепе небольших размеров с гладкой и скошенной ударной площадкой. В точке удара хорошо выражен конус. Рабочий край скребла обработан полукрутой ретушью, напоминающей скребковую, в то время как режущая кромка выделена небольшой клектонской выемкой. На острие заметны фасетки намеренной ретуши или следов использования. Обушком является ударная площадка, частично подправленная уплощенными предшествующими сколами. Почти у всех прочих орудий поперечные концы (обушки) были обработаны крутой ретушью, включая одно двойное, режущие кромки которого выделены на дистальном и проксимальном концах мелкого отщепа (рис. 3, *6*). Интерес представляет резак на мелком отщепе (17 × 21 × 8 мм), который, несмотря на такие размеры, сохраняет все отчетливо выраженные признаки (рис. 3, *1*).

По форме и характеру выделения рабочих элементов, преимущественно клектонскими выемками, и оформлению обушков все орудия отличаются достаточно высоким уровнем стандартизации, соответствуя группе С ранее предложенной классификации (*Анисюткин*, 1973. С. 232). Данная форма своеобразного клювовидного ножа, отличающаяся большей или меньшей выразительностью, широко распространена в раннем и среднем палеолите, хотя и не бывает особо многочисленной, что характерно и для клектона Англии (*Collins*, 1968. P. 28).

Аналогичные орудия отмечены не только в английском клектоне или в раннем ашеле пещерной стоянки Кударо 1 на Кавказе (*Любин, Беляева*, 2004), но и в более древних комплексах Евразии — на Караме (*Деревянко и др.,* 2005. Рис. 31, *2*), в Сельунгуре (*Анисюткин, Вишняцкий*, 2001) и на Тамани (*Щелинский, Кулаков*, 2007. Рис. 5, *11*).

В качестве исключения следует указать на наличие частично похожих форм, напоминающих bill-hook, даже в верхнем палеолите

Рис. 3. Клювовидные резаки (bill-hook) из слоя 5 стоянки Байраки: *1* — орудие на мелком отщепе с частичной подправкой обушка; *2* — орудие на обломке с необработанным обушком; *3* — орудие на кремневой гальке с ретушированным обушком; *4* — орудие на обломке пластинчатого отщепа с ретушированной выемкой; *5* — комбинированное со скреблом орудие на обломке отщепа; *6* — орудие с двумя рабочими краями и ретушированными площадками; *7* — орудие с обработанным обушком на отщепе; *8* — орудие на обломке отщепа; *9* — орудие с подправленным обушком на естественном обломке кремня; *10* — орудие с ретушированным обушком на обломке отщепа.

Fig. 3. Bill-hooks from level 5 of the site of Bayraki: *1* — a tool on a small flake with partial trimming of the back; *2* — tool on a flake with unworked back; *3* — tool on flint pebble with retouched back; *4* — tool on a fragment of a blade with retouched notch; *5* — a tool combined with a scraper on a fragment of a flake; *6* — tool with two working edges and retouched platforms; *7* — tool with worked back on flake; *8* — tool on a fragment of a flake; *9* — tool with trimmed back on a natural flint fragment; *10* — tool with retouched back on a fragment of a flake.

Франции, где они были отмечены на известной стоянке Корбияк и описаны как encoches cous cassures (*Bordes*, 1970. Fig. 5). Эти немногочисленные формы, но изготовленные на сечениях пластинок, были составной частью верхнепалеолитического комплекса. Данный пример косвенно как будто указывает на возможно более широкое распространение клювовидных форм как во времени, так и в пространстве. Но так ли это? Видимо, здесь следует говорить лишь о конвергенции, о случайном появлении сходных орудий, скорее всего, имеющих иное функциональное назначение.

Заключение. Клювовидные орудия широко распространены и относительно разнообразны в комплексах раннего палеолита, начиная с развитого или классического олдована. В коллекции стоянки Байраки клювовидные орудия представлены выразительной серией, но ограничены главным образом двумя характерными и достаточно стандартными формами — остриями и резаками. Лишь одно изделие можно интерпретировать как скребковидное. Отмечены клювовидные орудия и в коллекциях таманского олдована, в частности среди орудий стоянки Богатыри, где они могут быть охарактеризованы выразительными образцами, включая острия и резаки. Первые отличаются от приднестровских большей массивностью и часто более крупными размерами, что, возможно, связано с особенностями сырья. Вторые представлены единичными, но выразительными образцами, отличаясь от приднестровских менее четкой стандартизацией.

По обилию и выразительности форм типа bill-hooks индустрия Байраки может считаться уникальной.

В соответствии с современными наблюдениями клювовидные орудия деградируют и исчезают в значительной части комплексов среднего палеолита. В частности, в большинстве вариантов мустье, сохраняясь в виде пережитка лишь в тайяке (эвенозьене), где представлены разнообразными и типичными образцами. В своеобразном варианте приднестровского эвенозьена (дуруиторо-стинковское единство) эти формы развиваются до конца среднего палеолита и могут быть прослежены в редуцированном виде до начала верхнего палеолита. В региональном оринье-ке заметны сравнительно многочисленные и выразительные скребки «с носиком», чьи рабочие края выделены смежными выемками.

В отличие от раннего ашеля Кавказа и эвенозьена Приднестровья, где клювовидные формы многочисленны и разнообразны, их относительное однообразие, отмеченное в комплексе приднестровского олдована, трудно объяснить только тем, что олдован древнее. Подобная трактовка, которая вполне вероятна, требует более обоснованных доказательств.

Амирханов, 2006 — *Амирханов Х. А.* Каменный век Южной Аравии. М., 2006.

Амирханов, 2007 — *Амирханов Х. А.* Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе. М., 2007.

Анисюткин, 1973 — *Анисюткин Н. К.* Орудия клювовидных форм в раннем и среднем палеолите // СА. 1973. № 1.

Анисюткин, 2001 — *Анисюткин Н. К.* Мустьерская эпоха на Юго-Западе Русской равнины. СПб., 2001.

Анисюткин, 2005 — *Анисюткин Н. К.* Палеолитическая стоянка Стинка 1 и проблема перехода от среднего палеолита к верхнему на юго-западе Восточной Европы // Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции. СПб., 2005. Вып. 2.

Анисюткин, 2011 — *Анисюткин Н. К.* Среднепалеолитическое дуруиторо-стинковское единство на юго-западе Русской равнины // Stratum plus. СПб; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2011. № 1: На языке камня: от Днестра до Забайкалья.

Анисюткин, Вишняцкий, 2001 — *Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б.* Древнейшие палеолитические памятники северо-западного Тянь-Шаня // Stratum plus. 2001–2002. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2001. № 1: В начале был камень: к 90-летию Павла Иосифовича Борисковского.

Анисюткин и др., 2011 — *Анисюткин Н. К. Коваленко С. И., Бурлаку В. А.* Новые данные о раннем палеолите Приднестровья // Rivista Arheologica: Serie nova. Chisinau, 2011. Vol. VII. No 1–2.

Анисюткин и др., 2012а — *Анисюткин Н. К., Коваленко С. И., Бурлаку В. А., Очередной А. К., Чепалыга А. Л.* Байраки — новая стоянка раннего палеолита на нижнем Днестре // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2012. № 1 (49).

Анисюткин и др., 2012б — *Анисюткин Н. К., Чепалыга А. Л, Коваленко С. И., Очередной А. К.* Раскопки стоянки раннего палеолита Байраки в 2011 году. // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2012. № 4 (52).

Деревянко и др., 2005 — *Деревянко А. П., Шуньков М. В., Болиховская Н. С., Зыкин В. С., Зыкина В. С., Кулик Н. А., Ульянов В. А., Чирикин К. А.* Стоянка раннего палеолита Карама на Алтае. Новосибирск, 2005.

Замятнин, 1937 — *Замятнин С. Н.* Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937 (Труды Института Абхазской культуры; Вып. X).

Кетрару 1973 — *Кетрару Н. А.* Памятники эпох палеолита и мезолита // Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев, 1973. Вып. 1.

Коробков, 1967 — *Коробков И. И.* Итоги пятилетних исследований Яштухского палеолитического местонахождения // СА., 1967. № 4.

Кухарчук, 2008 — *Кухарчук Ю. В.* Різчики — типові знарядда мустьерськоі епохи. Археологический альманах. Донецк, 2008. № 19.

Любин, Беляева, 2004 — *Любин В. П., Беляева Е. В.* Стоянка Homo erectus в пещере Кударо 1 (Центральный Кавказ). СПб., 2004 (Труды ИИМК РАН; Т. XIII).

Любин, Беляева, 2011 — *Любин В. П., Беляева Е. В.* Страницы ранней преистории Абхазии. СПб., 2011 (Труды ИИМК РАН; Т. XXXVIII).

Чепалыга и др., 2012 — *Чепалыга А. Л., Анисюткин Н. К., Садчикова Т. А.* Древнейшая в Восточной Европе палеолитическая стоянка Байраки на Днестре: геохронология, палеосреда, археология // БКИЧП., 2012. № 72.

Щелинский, Кулаков, 2007 — *Щелинский В. Е., Кулаков С. А.* Богатыри (Синяя балка) — раннепалеолитическая стоянка эоплейстоценового возраста на Таманском полуострове // РА. 2007. № 3.

Bordes, 1961 — *Bordes F.* Typologie du Paléolithique ancien et moyen. Memoire 1. Bordeaux, 1961.

Bordes, 1970 — *Bordes F.* Observations typologiques et techniques sur Périgordien supérieure de Corbiac (Dordogne) // BSPF. 1970. T. 67. No 4.

Bordes, 1984 — *Bordes F.* Lésons sur la Paléolithique. Paris, 1984. T. II: Le Paléolithique en Europe. Cahiers du Quaternaire. No 7.

Chavallion, 2004 — *Chavallion N.* Prehistoric archaeology: The site of Gombore 1: Debitage and tools on flake // Studies on the Early Paleolithic site of Melka Kunture, Ethiopia / Ed. J. Chavallion and M. Piperno. Florence, 2004.

Collins, 1968 — *Collins D. M.* Metrischer und typologischer Beweis für die Selbständigkeit der Kulturtraditionen des Acheuleens und des Clactoniens in England und Deutschland // Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte. 52. Halle (Saale), 1968.

Lumley, Bottet, 1959 — *Lumley H. de, Bottet B.* Remplissage et evolution des industries de la Baume-Bonne // Congress Préhistorique de Monaco, XVI session. 1959.

Lumley et al., 2009 — *Lumley Henry de, Barsky D., Cauche D.* Les premieres étapes de la colonisation de l'Europe et l'arrivée de l'Homme sur les rives de la Méditerranée // L'Anthropologie. Paris, 2009. Vol. 113, No 1.

Lumley-Woodyear, 1969 — *Lumley-Woodyear H., de.* La Paléolithique inférieur et moyen du Midi Méditerranéen // Gallia Préhistoire. Paris, 1969.

Marquez et al., 2001 — *Marquez B., Olle A., Sala R., Verges J. M.* Perspectives méthodologiques de l'analyse fonctionnelle des ensembles lithiques du Pléistocène inférieur et moyen d'Atapuerca (Burgos, Espagne) // L'Anthropologie. Paris, 2001. Vol. 105. No 2.

Warren, 1951 — *Warren H.* The Clacton Flint Industry: A new interpretation. // Proceedings of the Geologists' Association. 1951. Vol. 62. No 2.

Beaked tools in the Lower Palaeolithic of Transnistria

N. K. Anisyutkin

This article describes the group of beaked tools from the fifth stratum at the recently discovered Palaeolithic site of Bayraki with a stratified sequence of occupation (Moldova). The deposits with containing lithic tools here are dated to the end of the Eopleistocene (Early Pleistocene) corresponding to the Jaramillo episode within the Matuyama Age (0,98–1,07 million BP). The lithic industry under study is comparable with the developed Oldowan complex, but differs in the absolute prevalence of small tools on flint flakes and relatively small number of larger pebble forms made mostly from non-flint rocks.

The collection from the layer under cosideration comprises about 800 lithic artefactes, including 12 choppers, about 30 cores and over 126 tools on small flakes and debris. Among these finds, 21 pieces are definable as beaked tools. According to the classification published as early as 1973,

these forms from our collection include 7 massive points and 15 specific types corresponding to the bill-hooks of British archaeologists who, in 1951, discovered this form in the Clactonian industry (England).

Similar forms of beaked tools are known for the early and middle Palaeolithic Age, including the industries of the developed Oldowan of Africa and Eurasia where they are often described otherwise. Moreover, while the beaked points in these cases often are fairly numerous, bill-hooks usually are represented by only single examples. The relative abundance of bill-hook forms in Bayraki makes its assemblage a unique one.

Similar forms of beaked tools are found in Oldowan complexes in Africa and Eurasia, including the Taman Peninsula. The peculiarity of the Dniester Oldowan is in the numerous finds of such standard beaked tools as bill-hooks which elsewhere are rare even in the Clacton complex of England. Preliminarily, it is suggested that beaked tools are most common and diverse in the Early Palaeolithic and among the Tayacian artefacts in Europe. The latter period may be considered as the remnant Early Palaeolithic one. In the majority of assemblages of the Middle Palaeolithic, firstly in the Levallois-Moustier industries, beaked tools are atypical and extremely rare.

Костенки 4: опыт реконструкции участка культурного слоя[1]

М. Н. Желтова[2]

Статья посвящена одному из аспектов решения проблемы горизонтов стоянки Костенки 4. Площадь основной части памятника составляет около 740 кв. м. Культурные остатки локализовались в двух углубленных длинных жилищах, расположенных слегка под углом друг к другу, с цепочкой очагов по центральной оси. Южное жилище подразделялось на три неравные секции, северное представляло собой единую структуру. Однако с юга и востока к нему примыкали два круглых жилых углубления, каждое с очагом в центре. Их заполнение по цвету отличалось от заполнения длинных жилищ. После долгих колебаний А. Н. Рогачев пришел к выводу, что Костенки 4 представляют собой памятник с двумя разновременными и разнокультурными слоями (горизонтами). Однако это положение до сих пор требует более весомой аргументации, чем была приведена в монографической публикации памятника.

Исходя из основной задачи исследования, южный жилой комплекс, не имеющий посторонних пристроек и примесей в коллекции, был принят за эталон. Соответственно, особую важность приобретает реконструкция культурного слоя на участке раскопов 1927–1928 гг., осуществленных С. Н. Замятниным и П. П. Ефименко без фиксации находок на планах.

Данная статья, посвященная вопросу реконструкции участка слоя, представляет собой часть большой работы, направленной на решение проблемы горизонтов. На основе изучения конструктивных особенностей жилищ, метрических параметров очагов, особенностей их расположения стало возможно предположительно обозначить место разрушенных раскопками 1927 г. трех очагов западной секции южного жилища. В качестве дополнительной аргументации привлекаются данные планиграфического анализа, осуществленного на уровне поквадратного состава находок.

Ключевые слова: верхний палеолит, планиграфический анализ, реконструкция объектов и участков культурного слоя, очаги.

This article is devoted to solution of the problem of horizons of the archaeological site of Kostyonki 4. The main area of the site is about 740 sq. m. The cultural remains were localized in two dug-into-earth elongated dwellings positioned at a slight angle to each other with a chain of fireplaces ranged along the central axis. The southern dwelling was divided into three unequal sections while the northern one constituted a single structure. From south and east, it was joined by two rounded dwelling pits, each with a fireplace in the centre. Their fill differed in its colour from the fills of the long dwellings. After certain doubts A. N. Rogachev arrived at the conclusion that Kostyonki 4 is a site composed of two layers (horizons) of differing periods and differing cultures. However, this statement until now needs a more grounded argumentation than that presented in the monograph describing the site.

Proceeding from the main object of this investigation, the southern dwelling assemblage with neither extraneous additions nor foreign items among its collection was taken as a reference one. Respectively, of special importance becomes the reconstruction of the cultural layer within the area of excavations of 1927–1928 conducted by S. N. Zamyatnin and P. P. Efimenko without recording the finds in plans.

The present paper devoted to reconstruction of some area of the cultural layer is part of an extensive study focused on solution of the problem connected with archaeological horizons. On the basis of studies of the structural features of the dwellings, metric parameters of the fireplaces, peculiarities of their arrangement, it has became possible to define

---

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 913–01–00292 «Граветтийская общность Костенковско-Борщевского района накануне последнего ледникового максимума: культурная дифференциация палеолитических охотников»).

[2] Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

presumably the locations of the three fireplaces in the western section of the southern house disturbed by excavations of 1927. As additional arguments, data of planigraphic analysis are employed in this study at the level of square-by-square composition of the finds.

Keywords: Upper Palaeolithic, planigraphic analysis, reconstruction of objects and areas of a cultural layer, fireplaces, Kostyonki (Kostenki).

Стоянка Костенки 4 (Александровская) была открыта в 1927 г. С. Н. Замятниным и исследовалась затем П. П. Ефименко в 1928 г. (*Ефименко,* 1928) и А. Н. Рогачевым в 1937, 1938, 1953, 1959 гг. В шурфе, выкопанном С. Н. Замятниным на левом борту широкого оврага, образованного слиянием Александровского и Бирючьего логов, у самого впадения его в пойму Дона, были обнаружены кремни и окрашенный красной охрой культурный слой, залегавший в непотревоженном виде в отложениях первой надпойменной террасы. Сразу же была заложена серия шурфов с таким расчетом, чтобы очертить границы памятника. Кремневые артефакты были встречены в 8 шурфах из 10. Но в большинстве случаев эти находки были единичны. Окрашенный культурный слой, содержащий расщепленный кремень и осколки костей, наблюдался лишь в VI, IX и X шурфах на глубине 1,20–1,50 м. Исходя из этого, шурф VI (АВ) 2 × 1 м, наиболее насыщенный находками, был преобразован в небольшой раскоп площадью 26 кв. м (рис. 1). В полевом дневнике С. Н. Замятнина нет информации о каких-либо объектах культурного слоя. Известно только, что перед началом раскопок в 1937 г. он устно сообщил А. Н. Рогачеву, что в западном и восточном углах раскопа наблюдал скопления угольков и зольной массы (Там же. С. 10). В монографической публикации Костенок 4 А. Н. Рогачев упоминает полный комплект документации работ С. Н. Замятнина, включающий план, разрезы и поквадратную опись находок (*Рогачев*, 1955. С. 9). Однако мне до сих пор не удалось обнаружить разрезов и плана культурного слоя, а также описания буровых скважин. Имеется лишь общий план памятника, схема раскопа, полная опись находок из всех шурфов и поквадратная опись находок из раскопа (*Замятнин*, 1927).

В 1928 г. П. П. Ефименко на Александровской стоянке было заложено два раскопа по 20 кв. м. Один из них, южный (раскоп I), примыкал к раскопу С. Н. Замятнина и был увязан с ним в единую квадратную сетку. Небольшая бровка между раскопами была намеренно оставлена в качестве контрольной полосы (рис. 1). Здесь был обнаружен тот же красноватый культурный слой, что и в раскопе С. Н. Замятнина. Он залегал на глубине 1,35–1,60 м от дневной поверхности, был неровным, мощность его существенно колебалась. По описанию П. П. Ефименко, культурный слой имел вид тонких, прерывающихся линз неправильной формы (*Ефименко*, 1928). Во втором раскопе, северном, культурный слой обнаружен не был, найдено лишь небольшое количество кремневых артефактов в черноземе и на контакте с суглинком. Полевая документация представляет собой дневник, схемы раскопов, где штриховкой отмечена интенсивность окраски культурного слоя и нанесены контуры ямы, «вырытой палеолитическими обитателями стоянки», разрезы и опись находок.

В дальнейшем работами А. Н. Рогачева на этом месте был открыт обширный жилой комплекс, состоящий из углубленного жилища из трех секций и внешних скоплений культурных остатков — по одному в двух метрах к северу и к югу от жилища. К востоку от длинного жилища находилось третье скопление, уходящее под стенку раскопа. Жилое углубление длиной 34 м и шириной 5,5 м было ориентировано в направлении юго-запад — северо-восток, границы прослеживались четко по заполнявшему его окрашенному красным культурному слою. По центральной продольной оси всего углубления шла цепочка из 10 углубленных очагов. Вне этих объектов окрашенности культурного слоя не наблюдалось, были встречены лишь отдельные кремневые артефакты. Общая площадь раскопа 1937 г. составила 401,5 кв. м.

В 1938 г. был заложен еще один большой раскоп, в 15–20 м к северу от раскопа 1937 г. Здесь было вскрыто 339 кв. м, открывших

намного более сложную картину, чем в предыдущем раскопе (рис. 1). Длинное жилое углубление, расположенное под небольшим углом к южному, почти параллельно, имело размеры 23 × 5,5 м и глубину 20–30 см. Заполнение, как и в южном жилище, было окрашено в ярко-красный цвет. Края углубления были хорошо выражены почти на всем протяжении. По его длинной оси располагались 9 очагов в лунках. В отличие от южного жилого комплекса, северное длинное углубленное жилище представляло собой единую структуру. Однако картина усложнялась тем, что с юга и востока к длинной жилой западине примыкали два круглых углубления диаметром 6 м и глубиной 40 см, каждое с очагом в центре. Культурный слой, заполнявший эти жилища и выходивший за их пределы, был окрашен темно-вишневой охрой с коричневатым оттенком. Между ними располагалась широкая яма с плоским дном, в заполнении которой были встречены кости мамонта, по предположению А. Н. Рогачева, представлявшие собой остатки конструктивных элементов перекрытия.

Рис. 1. Костенки 4: северный (1) и южный (2) жилой комплексы. Условные обозначения: *а* — очаги, *б* — ямки.

Fig. 1. Kostenki 4: northern (1) and southern (2) dwelling complexes. Notations: *а* — fireplaces, *б* — pits.

Возникшая в связи с этим обстоятельством проблема интерпретации структуры поселения решалась А. Н. Рогачевым в разное время по-разному (*Рогачев*, 1940. С. 40; 1955. С. 19, 22), но принятое им в конечном счете положение, что Костенки 4 представляют собой памятник с двумя разновременными и разнокультурными слоями (горизонтами), вызывает определенные сомнения. Иными словами, выдвинутая система аргументации представляется недостаточной и нуждается в подтверждении либо опровержении (*Желтова*, 2013. С. 87).

Говоря о культурных остатках нижнего горизонта (с длинными жилищами), А. Н. Рогачев отмечал, что «условия залегания, общий вид и состав культурных остатков не позволяли сомневаться в его единстве и принадлежности к одному поселению» (*Рогачев*, 1955. С. 89). Именно поэтому, исходя из основной задачи исследования, южный жилой комплекс был принят за эталон. Соответственно, особую важность приобретает реконструкция культурного слоя на участке раскопов 1927–1928 гг. Данная статья, посвященная этому вопросу, является частью большой работы, направленной на решение проблемы горизонтов.

К счастью, раскопки А. Н. Рогачева хорошо документированы. У нас имеются подробные полевые дневники с зарисовками квадратов в масштабе 1:10, разрезы, описи находок, фотографии. Поэтому восстановление участков южного комплекса, раскопанных в 1937 г., не вызывает затруднений. Опираясь на доступную нам информацию по структуре жилых комплексов и используя немногочисленные данные раскопок 1927–1928 гг., главным образом полевые шифры на предметах с номерами квадратов, попробуем выяснить, что представлял собой этот участок. Поскольку он приходится на западную секцию южного длинного жилища, имеет смысл коротко рассмотреть строение длинных жилищ нижнего горизонта. Три секции южного жилища неравнозначны как по размерам и количеству очагов, так и по количеству находок. Секции плотно примыкают друг к другу, окрашенный слой практически не выходит за их пределы. Расстояние между крайними очагами соседних секций составляет 3,5 м. Границы между секциями выражены очень четко. Западную и среднюю секции разделял крутой уступ высотой 0,1 м, а граница между средней и восточной секциями выглядела как плавное незначительное поднятие пола, где располагалась узкая полоса бледно окрашенного слоя, расширяющаяся к длинным краям жилища (Там же. С. 96).

Что касается внешних границ всего углубления, то в целом они были хорошо выражены, хотя в трех местах имелись разрушения: двумя округлыми ямами селища эпохи бронзы, слой которого находился в черноземе над палеолитическим поселением, и современной глинокопной ямой в западной части раскопа 1928 г. Кроме того, восточный конец жилища был сильно поврежден кротовинами, по которым растащен культурный слой. Западная стенка жилища была почти вертикальной, другие границы западной секции, существенно более пологие, почти плавно переходили в древнюю дневную поверхность. Конец западины скруглен. Судить о форме восточного конца невозможно из-за полного его разрушения кротовинами. Северная стенка на протяжении средней и восточной секций относительно крутая, в то время как южная полого повышалась к уровню древней дневной поверхности.

Северное длинное жилище при той же ширине и глубине имело меньшую длину и меньшее количество очагов. По аналогии с южным А. Н. Рогачев здесь также выделял три секции (Там же. С.112), однако реальных оснований для этого нет. На предполагаемых границах секций не было ни уступов, ни каких-либо изменений в характере культурного слоя. Расстояния между очагами также не позволяют разделить жилище на части, в отличие от южного. По всей видимости, мы имеем дело с жилищами разного функционального назначения (*Желтова*, 2009. С. 26). Тем не менее сходство этих объектов по многим признакам несомненно, начиная от метрических параметров (ширина, глубина) и заканчивая цветом и локализацией заполнения и составом находок.

Помимо устного сообщения С. Н. Замятнина об остатках костров и контуров глинокопной ямы, нанесенных на план

П. П. Ефименко, других описаний особенностей и каких-либо элементов культурного слоя здесь не существует. Однако, судя по составу находок и их количественному распределению, это был очень важный и насыщенный участок жилища. К сожалению, эти раскопы занимают большую часть площади западной секции жилища, практически всю ее северную часть (раскоп 1928 г.) и значительную площадь в центральной части по линии очагов (раскоп 1927 г.). Из очагов уцелели только половина очага 1, в 7,5 м к юго-востоку от него — очаг 2 и далее в том же направлении на расстоянии 1,5 м — очаг 3. А. Н. Рогачев высказывал предположение о наличии на раскопанном в 1927 г. участке «еще по крайней мере двух очагов, кроме вышеописанных» (*Рогачев*, 1955. С. 92). Предположительное количество и местоположение недостающих очагов можно попытаться рассчитать, опираясь на информацию о размерах и взаиморасположении остальных очагов на памятнике. Прежде всего, надо отметить, что, за исключением овального очага 8 северного комплекса, все остальные имеют округлую форму, заполнение и конструкции однотипны (кроме специально отмеченных случаев). Для удобства основные сведения об очагах сведены в таблицу (табл. 1). Среднее расстояние между очагами в южном комплексе составляет 1,66 м. Следует учесть, что в обоих случаях расстояние между крайними очагами соседних секций — 3,5 м. Кроме того, лакуна длиной 7,5 м остается на площади раскопа 1927 г. И наконец, расстояния между очагами в восточной секции равны друг другу и составляют 2 м, что вкупе с размерами очагов отличает ее от западной и средней секций. Учитывая эти факты, имеет смысл привлечь для анализа данные и северного комплекса. Здесь среднее расстояние между очагами составляет 1,57 м. Итоговое расстояние — 1,6 м, что указывает на то, что с большой долей вероятности между очагом 1 и очагом 2 западной секции южного жилища могли поместиться еще три очага. Поскольку в других секциях они расположены группами по прямым линиям, мы можем предположить местонахождение недостающих очагов на квадратах GH 10–11, IJ 10–11, KL 10–11 (рис. 1).

Косвенным аргументом в пользу нашего предположения служит большое количество обожженных кремней на квадратах, попадающих на эту гипотетическую линию очагов. Следовательно, стоит рассмотреть планиграфическое распределение находок, насколько нам позволяют поквадратные привязки. Оговоримся сразу, что находки с бровки между раскопами 1927 и 1928 гг. рассматриваются среди находок 1927 г., так как бровка занимала часть квадратов линии 11. В целом на этом участке найдено 194 обожженных кремня. В северной части раскопа, на линиях квадратов 16–15–14, кремня практически нет — всего один на F14. На линиях 13–10, в непосредственной близости от линии очагов, количество обожженных кремней возрастает до 10 и более на 1 кв. м. Причем на линиях 12–13 количество находок увеличивалось в западном направлении, достигая максимума на H 12–13, а на линиях 10–11 — на квадратах линии I. Немногочисленные костные угли, присутствующие в коллекции, также происходят именно с линии очагов (два — с J10, два — с L11) или были найдены в непосредственной близости к ней (два угля с M12), исключение составляет один уголь с Q12. Слой на этих линиях очень насыщен находками по сравнению с квадратами линий 14–15–16.

Судя по количеству соответствующих находок, на двух участках здесь происходило интенсивное расщепление кремня. Кусочки и осколки кремня (всего 480 предметов) распределены примерно так же. На линиях 14–16 находки единичны, на линии 13 пик приходится на квадраты H и Q, максимум распространения наблюдается на квадратах J11 (51), I10–11 (36, 33), H11 (27), G12 (36). Т. е. опять же в непосредственной близости к предполагаемым очагам, кроме квадрата G12.

Предметов расщепления и технологических сколов, имеющих поквадратную привязку, на рассматриваемом участке найдено 255 экз.: 17 кусков кремня со следами сколько-нибудь систематических снятий; 11 одноплощадочных нуклеусов и 10 двуплощадочных, 2 торцовых, 6 фрагментов нуклеусов; 69 сколов подправки края площадки нуклеуса, 13 сколов подправки фронта ну-

Таблица 1. Информация об очагах Костенок 4
Table 1. Positions of fireplaces at Kostyonki 4

№ очага ЮЖК	Диаметр (см)	Глубина (см)	Расстояние до следующего очага (м)	Конструктивные элементы	Заполнение	Находки в заполнении
1 з.с.	60 (?)	5 (?)	7,5	околоочажная ямка с золой	черная зольная масса	–
2 з.с.	60	9	1,5	–	черная зольная масса	5 кремней (4 обожженных)
3 з.с.	55	10	3,5	–	черная зольная масса	–
4 с.с.	55	12	2	–	черная зольная масса 4–5 см, поверх нее — 6–8 см стерильного суглинка	–
5 с.с.	45	10	1,5	рядом — овальное углубление 10×50 см с зольной массой	черная зольная масса	–
6 с.с.	55	8	1	–	черная зольная масса	крупный кусок обожженного кремня
7 с.с.	55	8	3,5	–	черная зольная масса	3 кремневых обожженных отщепа
8 в.с.	65	13	2	–	черная зольная масса	34 обожженных кремня
9 в.с.	65	13	2	–	черная зольная масса	170 обожженных кремней
10 в.с.	65	7	–	–	черная зольная масса толщиной 10 см	25 обожженных кремней
№ очага СЖК	**Диаметр (см)**	**Глубина (см)**	**Расстояние до следующего очага (м)**	**Конструктивные элементы**	**Заполнение**	**Находки в заполнении**
1	80	5–7	1,7	пекарная ямка 26 × 10 см с зольным заполнением толщиной 15 см	черная зольная масса толщиной 12 см	в слое поверх зольной массы — обломки костей и обожженные кремни
2	95–100	15	1,5	–	черная зольная масса, перекрытая коричневым суглинком, поверх него — кусок обожженного гранита	обожженные кремни
3	50–55	14	1,8	–	черная зольная масса, сверху — окрашенный слой	–
4	~80	~10	~1,4	пекарная ямка 22 × 12 см		–
5	~100	~10	~1,45	–		–
6	~80	~10	~1,8	–		–
7	~100	~10	~1,6	пекарная ямка 15 × 10 см		–
8	овальный 110 × 85	10	~1,35	–	черная зольная масса	поверх зольной массы лежали обломки необожженных костей
9	95	10	~1,6	рядом — слой охры толщиной 10 см, под ним — зольная масса толщиной 5 см	черная зольная масса толщиной 15 см	–

Список сокращений: з.с. — западная секция; с.с. — средняя секция; в.с. — восточная секция; южк — южный жилой комплекс; сжк — северный жилой комплекс

клеуса и 13 сколов подправки края площадки, снимающие часть фронта; 31 «таблетка» и 83 ребристые пластины. Плюс еще три неудачных скола с нырнувшим окончанием, снявшие значительную часть нуклеуса. Разумеется, их нельзя отнести к технологическим сколам. Это, скорее, фрагменты нуклеусов (рис. 2).

Распределение нуклеусов и технологических сколов неравномерно (табл. 2). Максимальное количество таких находок на квадрат составляет 19 (J11), на соседнем квадрате — 17 (I10), т. е. наиболее насыщенные участки располагаются возле гипотетического очага на IJ10–11. На J11–13 в целом 40 предметов: 4 двуплощадочных нуклеуса, 2 куска со следами снятий, 14 ребристых пластин, 3 «таблетки», 2 скола подправки фронта, один скол подправки площадки и фронта, 14 сколов подправки края площадки. Около десятка находок этой группы на квадратный метр представлено на квадратах H, J и N 12–13, I и K11 и 13, M 11–12. На остальных квадратах они единичны. Т. е. зона, связанная с расщеплением кремня, очерчивается достаточно четко вокруг третьего и четвертого гипотетических и пятого реального очагов западной секции.

Зона распространения орудий, не включая пластинки и микропластинки с притупленным краем (скребки, резцы и резцовые сколы, ножи костенковского типа, острия и pièces écaillées), примерно совпадает с зоной расщепления кремня, однако она несколько смещена к западу, распространяясь на линии F и G (около десятка кремней на квадратный метр) и не доходя до пятого очага (рис. 3, табл. 3). Максимальное количество

Рис. 2. Костенки 4: реконструкция очагов и распространение разных категорий каменных орудий на участке раскопов 1927–1928 гг.

Условные обозначения: *а* — нуклеусы; *б* — двухплощадочные нуклеусы; *в* — фрагменты нуклеусов; *г* — «таблетки»; *д* — сколы подправки края площадки нуклеуса; *е* — сколы подправки фронта нуклеуса; *ж* — ребристые сколы; *з* — куски породы со следами снятий.

Fig. 2. Kostenki 4: reconstruction of fireplaces and distribution of stone tools of different categories throughout the area excavated in 1927–1928.

Notations: *а* — nuclei; *б* — two-platform cores; *в* — fragmentary nuclei; *г* — «core tablets»; *д* — trimming of the edge of the core striking platform; *е* — trimming of the core front surface; *ж* — ribbed breaks; *з* — pieces of rock with indications of flake removals.

Таблица 2. Костенки 4, участок раскопов 1927–1928 гг.: количество нуклеусов и технологических сколов на кв. м
Table 2. Kostyonki 4, area excavated in 1927–1928: quantity of cores and technological spalls per 1 sq. m

	Нуклеусы одноплощадочные	Нуклеусы двуплощадочные	Фрагменты нуклеусов	Куски со следами снятий	Сколы подправки края площадки	«Таблетки»	Сколы подправки фронта	Ребристые пластины
F10	1		1		1			1
F11		1	1	1	1	1		1
F12					2			1
F13	1				1			1
F14				1				
F15				1				
F16								
G10								
G11						1		3
G12					2			2
G13			1					
G14		1		1	1			
G15			1			1		
G16	1				1			
H10				1	1	1		2
H11					2			
H12					2			7
H13				2	1	2	2	5
I10					6	3	3	5
I11				1	1	3	2	4
I12		1		1	1	2		2
I13					7	1		1
J10					1			2
J11		2		1	5	2	2	7
J12		1			6			3
J13		1		1	3	1	1	4
K10	1				2		1	2
K11	1			1	2	2	1	3
K12			1	1	3	1		2
K13		1	1		2	2		3
L10					1	2		
L11	1	1			2		2	1
L12	1						2	2
L13								1
M10				1	1			1
M11	1			1	4			5
M12			1		2	2	2	2
M13								
N12			2	1		1	3	3
N13		1		1	2		4	4
O12	1				1	1		2
O13	1					1		
P12					1			
P13						1		
Q12			1		1			1
Q13								

орудий (22 экз.) также приходится на квадрат J11. Всего орудий 243, среди них заметно преобладают pièces écaillées (140 экз.). Скребков разных типов всего 32 экз., резцов — 21 экз., резцовых сколов — 31 экз., 8 фрагментов орудий и 10 отщепов подживления рабочего края. Ножи костенковского типа редки (2 экз.), что характерно для Костенок 4 в целом. Острие на отщепе одно, остальные на пластинах и микропластинах и будут рассматриваться в контексте пластин со вторичной обработкой. Их количество очень велико, поэтому целесообразно уделить им особое внимание.

Пластин со вторичной обработкой на рассматриваемом участке 119. Пластинки с ретушью (в том числе с ретушью и подтеской) составляют 64 экз., просто с подтеской — 6 экз. Остальные 49 экз. — это пластинки с притупленным краем, в том числе острия на таких пластинках (8 экз.), пластинки с зубчатой или волнистой ретушью и острия на таких пластинках (16 экз.), с ретушированным концом или основанием (5 экз.). Микропластинки со вторичной обработкой насчитывают 199 предметов, причем основная масса — это различные типы с притупленным краем. Простых микропластинок с краевой ретушью всего 25 экз. Остальные 174 микропластинки имеют притупленный край. Среди них: 3 острия, 37 экз. с зубчатой и/или волнистой ретушью, 48 экз. микропластинок с ретушированным концом или основанием. Максимальное количество пластинок и микропластинок со вторичной обработкой приходится на квадраты I13 (22) и I10 (20). При этом можно заметить, что зона концентрации этих находок меньше, чем у орудий и технологических сколов, и также занимает участок между гипотетическими вторым и четвертым очагами и к северо-востоку от них (рис. 4, табл. 4).

Рис. 3. Костенки 4: распространение пластинок и микропластинок со вторичной обработкой на участке раскопов 1927–1928 гг.

Условные обозначения: *а* — скребки; *б* — резцы; *в* — резцовые сколы; *г* — ножи костенковского типа; *д* — pièces écaillées; *е* — фрагменты орудий; *ж* — сколы подправки рабочего края орудия.

Fig. 3. Kostenki 4: distribution of blades and microblades with secondary knapping throughout the areas excavated in 1927–1928.

Notations: *а* — end-scrapers; *б* — burins; *в* — pièces with burin blows; *г* — knives of the Kostenki type; *д* — pièces écaillées; *е* — fragmentary tools; *ж* — scars from trimming of the working edge of a tool.

Таблица 3. Костенки 4, участок раскопов 1927–1928 гг.: количество каменных орудий на кв. м
Table 3. Kostyonki 4, area excavated in 1927–1928: quantity of stone tools per 1 sq. m

	Pièces écaillées	Скребки	Ножи костенковского типа	Резцы	Резцовые сколы	Фрагменты орудий	Отщепы подправки рабочего края орудия
F10	1	1					
F11	6	1	1	2	1	1	
F12	3				1		
F13	1						
F14	1						
F15							
F16					1		
G10		1		1			
G11	6			2			
G12	6	2					
G13				1			1
G14	1			2	1		1
G15							1
G16	1						
H10	4	2	1			1	1
H11	6	2		2			
H12	9				2		
H13	3				1	1	
I10	5	1		3			
I11	6	2					
I12	3				2		
I13	8			1	2		
J10	3				1	1	
J11	14	2		1	1		2
J12	5			2	5		1
J13	5	2			2		1
K10	1					1	
K11	5	2		1			
K12	4	1		1	3		
K13	6				1		1
L10	2						
L11	3	2		1	2		
L12	4						
L13	4	1			1		
M10		2					
M11	3	2					
M12							
M13							
N12	6	3		1	1	1	
N13		1					
O12	1	1			1	1	1
O13	1				1		
P12	3				1		
P13		1				1	
Q12							
Q13							

Рис. 4. Костенки 4: распространение нуклеусов и технологических сколов на участке раскопов 1927–1928 гг.

Условные обозначения: *а* — пластинки и микропластинки с ретушью; *б* — микропластинки с притупленным краем / пластинки с притупленным краем (далее — МППК / ППК) с зубчатым или волнистым краем; *в* — МППК / ППК с концевой ретушью; *г* — острия на МППК / ППК; *д* — МППК / ППК; *е* — пластинки с подтеской.

Fig. 4. Kostenki 4: distribution of nuclei and technological breaks throughout the area excavated in 1927–1928.

Notations: а — blades and microblades with retouch; *б* — backed microblades / backed blades with a toothed or wavy edge; *в*-backed microblades / backed blades with retouched truncation; *г* — points on backed microblades / backed blades; *д* — backed microblades / backed blades; *е* — trimmed bladelets.

Что касается других категорий находок, то в археологических коллекциях имеются 53 находки костяных предметов: 28 фрагментов костей (в том числе 17 экз. обожженных) и 25 экз. изделий и предметов из кости и бивня со следами обработки. К сожалению, полевые шифры обнаружены только на 7 изделиях и 8 фрагментах костей. Все они, кроме двух предметов, относятся к раскопу 1928 г. Это заготовка изделия из стенки трубчатой кости с дугообразным асимметричным концом; крупный отщеп бивня; кусок трубчатой кости со срезанным эпифизом и такой же, обрезанный с двух сторон; поделка из стенки лучевой кости с плоским концом. В раскопе 1927 г. удалось определить местонахождение фрагмента костяной поделки с коническим закругленным концом (L10) и сегментовидной заготовки изделия, вырезанной из стенки трубчатой кости (M11). Другие интересные костяные артефакты, как, например, наконечник дротика, фрагмент стержня, шило, бивневые пластинки со следами резания, шифров не имеют.

На квадрате K12 было также найдено 3 кусочка охры, кусок оранжевого железистого песчаника и 3 куска керамической массы, имеющей признаки промешанности и формовки. Именно с этого же квадрата происходят 3 формованных шарика из белой массы, по определению Н. Д. Праслова, белая краска. Они были обнаружены мной в ящике с образцом культурного слоя из бровки, оставленной между раскопами 1927 и 1928 гг. Сочетание этих находок на одном квадрате и отсутствие подобных на других квадратах весьма примечательно, хотя мы и не располагаем возможностью интерпретировать этот факт.

Особо стоит отметить факт нахождения 17 отщепов и фрагмента шлифованного орудия из зеленоватого сланца. К сожалению, они также не могут быть соотнесены с кон-

Таблица 4. Костенки 4, участок раскопов 1927–1928 гг.: количество пластинок и микропластинок со вторичной обработкой на кв. м
Table 4. Kostyonki 4, area excavated in 1927–1928: quantity of blades and micro-blades with secondary knapping per 1 sq. m

	ППК	МППК	ППК с концевой ретушью	МППК с концевой ретушью	Пластинки с ретушью	Микропластинки с ретушью	Пластинки с зубчатой и волнистой ретушью	Микропластинки с зубчатой и волнистой ретушью	Острия на пластинках	Острия на микропластинках	Пластинки с подтеской
F10						1			1		
F11		2			1			1			
F12	1				2		1				
F13					1			2			
F14											
F15											
F16											
G10	1	1				1		1	1		
G11		5		1	2		1	1		1	1
G12		2						1			1
G13							1				
G14					1						1
G15											
G16											
H10	1	2	1		1	1		1			
H11	1	2		1	2	2		1			
H12	1	4		5	6	1	1	3			
H13		3		4		1		3			
I10	2	5		2	6	2	1	2			
I11	1	5		1	1		1	3			1
I12	2	3	1	5	2	2				1	
I13	2	7		3	3	1	1	2	2		2
J10		3		1		1					
J11		3		5	4	1		3			
J12		4		1		1	1	1	1		
J13		5		4	2	2		3	1		
K10	1	2				1	1	2			
K11		5		1	1	1		1			
K12		1		2	2	2		1	1		
K13		3		5	4			1			
L10	1	1		1	2		2				
L11		3	1	1	4	1		1		1	
L12		1		1	3		2	1			
L13		2	1		4						
M10			1		1	1	1				
M11	1	1		1				1			
M12		2		1	1				1		
M13						1					
N12		2									
N13	1	1									
O12	1	1		4	1	1					
O13		1					1				
P12	1	2		2	2			1			
P13	1	1			1						
Q12		1	1								
Q13											

Список сокращений: ППК — пластинки с притупленным краем; МППК — микропластинки с притупленным краем

кретными квадратами. Факт их нахождения на интересующем нас участке важен только потому, что сланцевые артефакты прочно связывались А. Н. Рогачевым с верхним горизонтом, который ни в какой форме не был обнаружен на рассматриваемой нами части поселения.

Полагаю, что приведенных примеров достаточно, чтобы проиллюстрировать, насколько интересующий нас участок был важен в хозяйственном отношении. К сожалению, невозможно реконструировать другие объекты слоя, кроме очагов, например ямки. Судя по остальной площади как южного, так и северного жилищ, их было здесь немало. Возможно, что найденные здесь в раскопе 1928 г. 7 черных галек залегали в ямках, как это было в длинном и восточном круглом жилищах северного комплекса (*Желтова*, 2009. С. 24).

Западная секция южного длинного жилища имела самые большие размеры, и если предложенные в этой работе построения верны, то и самое большое количество очагов. При этом реконструируемый участок секции, точнее его часть между гипотетическими вторым, третьим и четвертым очагами и к северу от линии очагов, наиболее насыщен находками и, очевидно, являлся зоной основной активности разного рода.

Ефименко, 1928 — *Ефименко П. П.* Полевой дневник по обследованию Костенок и Борщево в 1928 г. // РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1, д. 218. 1928.

Желтова, 2009 — *Желтова М. Н.* Костенки-4: взаиморасположение объектов в пространстве и времени (анализ культурного слоя) // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2009. № 2 (38).

Желтова, 2013 — *Желтова М. Н.* Место каменных индустрий Костенок 4 в контексте верхнего палеолита Европы // Проблемы заселения Северо-Запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). СПб., 2013.

Замятнин, 1927 — *Замятнин С. Н.* Материалы по раскопкам палеолитической стоянки Костенки IV (Александровская), Воронежской области. Экспедиция под руководством С. Н. Замятнина. План, поквадратное описание шурфов, список фауны стоянки // РО НА ИИМК РАН, ф. 2, оп. 1, д. 238. 1927.

Рогачев, 1940 — *Рогачев А. Н.* Палеолитическое поселение Костенки IV // КСИИМК. 1940. Вып. IV.

Рогачев, 1955 — *Рогачев А. Н.* Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону. М.; Л., 1955 (МИА; № 45).

Kostyonki 4: Experiment for reconstruction of an area of a cultural layer

M. N. Zheltova

The site of Kostyonki 4 (Aleksandrovskaya) was discovered in 1927 by S. N. Zamyatnin and afterwards investigated by P. P. Efimenko (1928) and A. N. Rogachev (1937–1938, 1953, 1959). Zamyatnin's excavation had uncovered an area of 26 sq. m, and Efimenko excavated still other 20 sq. m adjoining the excavation of Zamyatnin. Unfortunately, the field documentation covering these excavations is devoid of any information on the stratigraphic features.

In the course of field investigations of A. N. Rogachyov during 1937–1938, the previously excavated areas were included into the general excavation grid and an area of slightly over 740 sq. m adjoining them was archaeologically investigated. The cultural remains were localized in two dug-into-earth long houses arranged at a slight angle to each other with a chain of fireplaces along their central axis. The southern building was distinctly subdivided into three unequal sections. On the contrary, the northern long dwelling constituted a single structure. However, this situation was complicated by the fact that on the south and east, two rounded dwellings, each with a fireplace in the centre, adjoined the long dwelling dugout. The fills of these structures were brownish-bordeaux

coloured by contrast to the bright red fill of the long dwellings. The compositions of the collected artefacts was considered as rather discrepant by A. N. Rogachev notwithstanding that any sterile intercalation between these so-called cultural horizons was absent. The problem of interpretation of the settlement's structure was solved differently by Rogachev in different times but finally he arrived at the conclusion that Kostyonki 4 is a site with two strata (horizons) belonging to different periods and differing cultures. This hypothesis until now needs more weighty arguments than those presented in the monograph describing the site.

Proceeding from the main object of the present investigation, the assemblage from the southern dwelling having neither extraneous additions nor foreign items in its collection was taken as a reference one. Respectively, of special importance has become the reconstruction of the cultural layer within the area of excavations of 1927–1928. The present paper devoted to reconstruction of some area of the layer is part of an extensive study focused on solution of the problem connected with archaeological horizons. On the basis of studies of the structural features of the dwellings, metric parameters of the fireplaces and peculiarities of their arrangement, it has became possible to define presumably the positions of the three fireplaces in the western section of the southern house disturbed by excavations of 1927. Data of planigraphic analysis are employed as additional arguments in this study at the level of square-by-square composition of the finds. Fortunately, the majority of finds from the old excavations retain their field notations. In the area under consideration were found numerous pieces of scorched flint, burnt bone fragments and a few bone charcoals. In addition, it became possible to identify the concentrations of finds characterizing particular economic activities by having analysed the composition of technological flaking and knapped pieces, as well as tools and blades and micro-blades with secondary knapping. Thus it has been demonstrated that the excavations of 1927–1928 have uncovered a very rich area of the western section of the southern long dwelling suggesting very active and intensive activities of its dwellers here.

Технологический аспект кремневых индустрий рубежа мезолита-неолита Нижнего Дона и Верхней Волги

В. М. Лозовский[1]

В статье с точки зрения типологического и технологического методов анализируются каменные индустрии позднего мезолита — раннего неолита территорий Верхнего Поволжья (стоянка Замостье 2: два мезолитических слоя и ранненеолитический горизонт) и Нижнего Дона (стоянки Раздорская 2, нижние горизонты стоянки Ракушечный Яр). В результате проведенного исследования, с одной стороны, отмечаются сходные черты в каменных индустриях позднего мезолита и раннего неолита, с другой стороны — конкретные отличительные признаки, свойственные ранненеолитическим комплексам.

Ключевые слова: поздний мезолит, ранний неолит, Верхнее Поволжье, Нижний Дон, типологический анализ, технологический анализ, пластинчатые заготовки.

This paper is devoted to the technological analysis of the stone industries of Mesolithic and lower Neolithic sites in central and southern Russia. Two complexes of different cultures were selected for investigation: collections from two Mesolithic layers and the early Neolithic layer from the site of Zamostye 2; materials from Mesolithic settlement of Razdorskaya 2 and early Neolithic site of long occupation Rakushechnyi Yar. On the one hand, analysis shows certain similarities between Mesolithic and early Neolithic complexes and, on the other, distinct features in the knapping industry are traceable which differ Mesolithic industries from the early Neolithic ones. In the present author's opinion, such difference reflects a deep cultural tradition in each particular group of ancient people.

Keywords: central and southern Russia, Mesolithic and early Neolithic sites, technological analysis, flint-knapping, blade production.

Начальный этап раннего неолита в последнее десятилетие вызывает у исследователей все больший интерес. Данная проблематика освещается с точки зрения анализа самого раннего керамического материала — как типологического, так и технологического. Многочисленные серии новых радиоуглеродных дат позволяют выстраивать региональные и межрегиональные радиоуглеродные шкалы; данные естественно-научных анализов (в основном палинологического) дают материалы для реконструкции природных условий конца мезолита — начала неолита на огромной территории от северного Прикаспия до бассейна Западной Двины и верховьев Днепра. Благодаря работам А. А. Выборнова, П. М. Долуханова, Г. И. Зайцевой, А. Н. Мазуркевича, В. И. Тимофеева и многих других в настоящий момент имеется понимание хронологических рамок появления первой керамики на территории европейской части России, зафиксированы собственно ранние ее типы, разрабатываются технологические вопросы способов изготовления и получения сырья.

Исследователями на данный момент выделяются несколько основных очагов распространения керамического производства — район Нижнего Дона (стоянка Ракушечный Яр), Нижнее Поволжье или Северный Прикаспий (памятники круга стоянок Кугат 4, Кугалайси, Каиршак 3 и памятники круга стоянок Варфоломеевская и Джангар), Среднее Поволжье (Елшанская культура) и регионы, где ранненеолитические памятники несут керамические традиции первичных центров — Волго-Окское междуречье (верхневолжская культура), Днепро-Двинское междуречье (памятники с ранней керамикой типа Рудня Сертейская, Сертея 3–3, Сертея 14), Вал-

[1] Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита.

дайская возвышенность (памятники раннего этапа валдайской культуры) (*Выборнов*, 2008; *Mazurkevich, Dolbunova*, 2012. P. 143–159). Основой для выделения как первичных центров, так и регионов с керамическими традициями первичных центров является типологический и технологический анализ древнейшей керамики, скоррелированный с недавно полученными многочисленными данными радиоуглеродного анализа (в основном это касается регионов Нижнего и Среднего Поволжья и Днепро-Двинского междуречья) (*Выборнов*, 2008. С. 239–247; *Mazurkevich, Dolbunova*, 2012. P. 143–159). Зачастую радиоуглеродному анализу подвергались собственно образцы керамики и нагар с внутренней их части. Таким образом, на данный момент состояния источниковедческой базы решается вопрос, когда и какая керамика впервые появляется на этой территории. Вопросы механизма ее появления и распространения еще пребывают в стадии разработки и жарких дискуссий. Открытым также остается вопрос о характере кремневых индустрий, сопровождавших самую раннюю керамику. Несмотря на углубленные разработки по самому керамическому материалу и его радиоуглеродному датированию, анализ каменных коллекций практически отошел на второй план и пока не нашел своего должного отражения. Хотя, на наш взгляд, изучение комплексов кремневого и каменного инвентаря, сопровождавшего раннюю керамику, является одним из ключевых факторов понимания собственно процессов появления первой керамики. Очевидно, что в случае с анализом комплексов каменных изделий исследователь сталкивается с бóльшим количеством трудностей, чем в случае с керамикой. Тем не менее именно с изучением этих комплексов у нас появляется возможность всесторонне охватить процессы неолитизации Восточной Европы.

Анализ кремневых коллекций позднемезолитических и ранненеолитических памятников конкретных регионов с точки зрения типологического метода, и в особенности с точки зрения технологического подхода, позволяет выявить преемственность между комплексами (или отсутствие таковой) и нащупать те инновации, которые связаны с появлением первой керамики. В данной работе нами предпринята попытка подобного исследования на примере стоянки Ракушечный Яр (Нижний Дон) и стоянки Замостье 2 (бассейн Верхней Волги).

Каменный инвентарь нижних слоев стоянки Ракушечный Яр (слои 23–11) и его соотношение с материалами мезолитической стоянки Раздорская 2 (раскопки Т.Д. Белановской — *Белановская,* 1995. С. 46–88). Комплекс каменного инвентаря нижних слоев стоянки Ракушечный Яр выглядит однородным и обладает некоторыми специфическими чертами, которые в своей совокупности и характеризуют его. Эти черты прослеживаются в большинстве слоев: практически во всех слоях памятника для изготовления орудий использовался один и тот же кремень среднего качества серого неоднородного цвета с различными включениями. Шлифованные тесла и грузила с отверстиями изготавливались из камней песчанистых пород — алевролита (сланец и песчаник).

Непосредственно сам комплекс характеризуется следующими позициями:

1. Несомненно, данная индустрия была направлена на изготовление пластинчатых сколов. На это указывают как наличие регулярных пластинчатых сколов со следами тщательной подготовки площадки и зоны расщепления, так и наличие единичных монофронтальных нуклеусов с негативами пластинчатых снятий, другие нуклеусы в коллекции практически отсутствуют.

2. Особый интерес представляет большое количество изделий с вторичной обработкой по отношению к отщепам и осколкам. Совершенно очевидно, что на исследованных участках поселения не производилось никаких операций, связанных с первичной обработкой камня. В противном случае процент дебитажа был бы несоизмеримо выше.

3. Среди изделий с вторичной обработкой доминируют устойчивые серии пластин с краевой ретушью и пластин с притупленными краями (практически срубленными крутой ретушью краями). Последние нередко представляют собой сверла-проколки с невыделенным рабочим острием (рис. 1). В ряде случаев отмечено аналогичное изготовление сверл на заготовках из пластинчатых отщепов. В единичных случаях встречены геометрический микролит (трапеция, прямоугольник) и пластины с притупленным концом.

Рис. 1. Изделия из камня стоянки Ракушечный Яр.
Fig. 1. Stone tools from the site of Rakushechny Yar.

4. Представленные в коллекции скребки не образуют устойчивых серий и очень неоднородны по своему типологическому облику. Часто мы имеем дело просто с заготовкой, на которой присутствует участок скребковой притупляющей ретуши.

5. Отмечается практически полное отсутствие в коллекции резцов.

6. В большинстве слоев присутствуют шлифованные из камней мягких пород подпрямоугольные тесла-стамески и тесловидные орудия миниатюрных пропорций. Практически все предметы изготовлены по одному образцу — тщательной шлифовкой всей поверхности и боковых граней с выводом конечной формы изделия. На некоторых орудиях по одной из боковых граней нанесен орнамент в виде параллельных или угловых насечек (рис. 1).

7. Во многих слоях присутствуют грузила из мягких пород камня с просверленным двусторонним отверстием. Размеры и формы использованных галек всегда различны, они зачастую расколоты или несут следы грубого обкалывания. Просверленные отверстия имеют различные размеры и нестандартизованы.

8. Во всех слоях имеются обломки — фрагменты шлифовальных плит с обширными участками рабочих поверхностей. Эти находки сопровождаются отщепами со шлифовкой.

9. Показательно также полное отсутствие какой-либо бифасиальной обработки изделий из камня во всех представленных комплексах.

Пластинчатые заготовки среди изделий нижних слоев стоянки Ракушечный Яр демонстрируют необычайно высокий процент — около 30%. Собственно среди находок пластинчатых заготовок процент найденных изделий из них необычайно высок, и находки орудий на пластинах преобладают над находками «чистых» пластин в некоторых слоях в два раза, что абсолютно неестественно для памятников эпохи каменного века, где заготовки, как правило, преобладают над конечными изделиями.

Очевидно, это комплексы со специфической подборкой инвентаря, в которых представлены в основном завершенные изделия и минимальное количество заготовок. В пользу подобного утверждения свидетельствует практически полное отсутствие в изучаемых слоях нуклеусов и продуктов их подправки, что абсолютно нехарактерно для базовых памятников, где проводился полный цикл обработки кремня, начиная с конкреций сырья до завершенных орудий. Целых нуклеусов найдено всего два в слое 20, еще три — в обломках в слоях 15 и 13. В большинстве случаев это нуклеусы для отжима микропластин — об этом свидетельствуют характер негативов сколов (длинные при малой ширине), плоский фронт скалывания и тупой угол между площадкой и фронтом скалывания. Практически идентичный характер оформления нуклеуса и отжимной способ получения пластинчатых заготовок присутствует в материалах стоянки Матвеев Курган. Все изученные Е. Ю. Гирей нуклеусы этого памятника демонстрируют те же черты — плоский фронт, тупой угол между фронтом скалывания и площадкой, уплощение тыльной части нуклеуса и выведение бокового ребра (*Гиря,* 1997. С. 92–99).

Здесь необходимо отметить один удивительный факт — находки практически всех диагностически определимых нуклеусов демонстрируют технику расщепления путем отжима пластинчатых заготовок, в то время как в самой коллекции собственно отжимные микропластины практически отсутствуют. Об этом свидетельствуют как метрические показатели пластин (соотношение длины к толщине заготовок), так и анализ характера ударных площадок и прилегающей зоны. Наиболее показательны в этом плане промеры ширины и глубины ударных площадок заготовок. У большинства изученных экземпляров ширина площадки варьирует от 4 до 11 мм, при этом у некоторых экземпляров она еще больше и доходит до 20 мм. Пик значений глубины площадки приходится на 2–4 мм и доходит до 8 мм глубины. Подобные огромные размеры площадок пластинчатых заготовок малохарактерны для отжимной техники расщепления (рис. 2). Характер обработки ударных площадок указывает на их относительно тщательную подготовку — более половины изученных заготовок имеют ретушированную ударную площадку (59%), примерно столько же заготовок имеют следы редуцирования кромки ударной площадки (55%).

Рис. 2. Элементы технологического анализа пластинчатых сколов нижних слоев стоянки Ракушечный Яр, графики: *1* — редуцирование пластин; *2* — использование абразивной обработки площадок; *3* — характер подготовки площадки; *4* — распределение пластин по типу огранки; *5* — ширина площадок пластин; *6* — глубина площадок пластин.

Fig. 2. Results of technological analysis of blade removals from the lower levels of the site of Rakushechny Yar, plots: *1* — blade reduction; *2* — abrasive treating of the platforms; *3* — preparation of a striking platform; *4* –distribution of blades according to the type of cutting; *5* — breadth of blade platforms; *6* — depth of blade platforms.

Все наблюдения над характером подготовки зоны расщепления указывают на то, что хотя древние обитатели памятника и были знакомы со всеми необходимыми способами контроля процесса расщепления, широко их они не применяли и, по всей видимости, ограничивались достаточно простым способом ударного расщепления с помощью мягкого отбойника или, что вероятнее, с помощью посредника. Об этом ярко свидетельствуют большие размеры площадок изученных пластин и относительная бедность зафиксиро-

ванных приемов подготовки/подправки контроля процесса расщепления. В связи с этим вызывает удивление присутствие нуклеусов для отжима микропластин, которые были найдены хоть и не во всех слоях памятника, но все-таки распространены по всей изучаемой стратиграфической толще. Продуктов, связанных с этим процессом расщепления, нами не зафиксировано, таким образом, получается парадоксальная ситуация: с одной стороны, наличие нуклеусов для отжима микропластин, с другой — практически весь изученный массив пластинчатых заготовок указывает на ударную технику расщепления с помощью посредника. Примечательно, что в материалах расположенной по соседству стоянки Раздорская 2 присутствуют нуклеусы, связанные именно с ударным способом получения заготовок (*Цыбрий,* 2008. С. 134). На приведенных автором иллюстрациях мы видим нуклеусы для получения пластин, у которых угол между фронтом скалывания и площадкой составляет 45–50° с выпуклой тыльной частью. Практически все нуклеусы представляют собой конечную фазу расщепления в стадии крайней сработанности, когда дальнейшее снятие заготовок уже практически невозможно. Предварительный анализ пластинчатых заготовок стоянки Раздорская 2, напротив, показал, что основная масса пластин была снята отжимным способом, о чем свидетельствуют тщательность подготовки зоны расщепления и точечный характер ударных площадок.

Приведенные выше наблюдения позволяют констатировать, что кремневые комплексы нижних слоев стоянки Ракушечный Яр характеризуются исключительно специфическим набором продуктов расщепления, представляющих собой части различных технологических контекстов — контекст отжимной технологии расщепления, представленной единичными нуклеусами, и контекст ударного способа производства пластин, представленный только конечными заготовками и изделиями из них. Никаких других элементов этого последнего контекста на памятнике не фиксируется — нет ни нуклеусов, ни продуктов их подправок. На стоянке Раздорская 2 мы наблюдаем совершенно противоположную картину — имеющиеся нуклеусы демонстрируют ударный способ расщепления, а все пластинчатые заготовки сняты посредством отжима.

Типологический анализ коллекции нижних слоев стоянки Ракушечный Яр при рассмотрении его места в процессе неолитизации невозможен без учета материалов стоянки Раздорская 2 (Там же. С. 26–32). В. В. Цыбрием была проделана огромная работа и получен обширный материал, в полной мере характеризующий комплекс «ранней докерамической фазы неолита» памятника (Там же. С. 56). Он же напрямую связывает материалы стоянки Раздорская 2 с материалами Ракушечного Яра и говорит о «генетической связи стоянки Раздорская 2 и ракушечноярской культуры» (Там же. С. 59). При первом рассмотрении комплексов этих двух памятников прослеживаются достаточно определенные аналогии и не фиксировать их просто невозможно. Это касается, в первую очередь, серий шлифованных рубящих орудий и миниатюрных тесловидных изделий. Порой сходство столь очевидно, что создается впечатление, что они изготовлены одним мастером. Следующая категория орудий, которая присутствует в обоих комплексах, — сверла-проколки из пластин и сопряженная с ними группа обломков пластин с круто ретушированными краем или краями. В обеих стоянках они представлены в более чем достаточном количестве. Еще одна группа изделий — грузила из мягких пород камня с просверленным отверстием — также является характерной чертой каменного инвентаря обоих памятников. На этом сходство между этими памятниками заканчивается.

Самая многочисленная и типологически выраженная группа скребков на стоянке Раздорская 2 в материалах Ракушечного Яра занимает подчиненное место и не демонстрирует типологической устойчивости. Столь многочисленные и распространенные в Раздорской 2 геометрические микролиты — трапеции, сегменты, треугольники — в нижних слоях Ракушечного Яра представлены всего двумя экземплярами. Исключительно выразительная в Раздорской 2 группа резцов на стоянке Ракушечный Яр просто неизвестна. Это же касается и столь распространенных в Раздорской 2 бифасов — рубящих орудий с двусторонней обработкой, в нижних слоях стоянки Ракушечный Яр эти формы также отсутствуют. Складывается удивительная картина, когда

целые типологически устойчивые категории изделий, широко представленные в материалах стоянки Раздорская 2, исчезают в ранненеолитических слоях стоянки Ракушечный Яр, расположенной всего в 2 км от первой.

Таким образом, можно констатировать, что кремневая индустрия нижних слоев стоянки Ракушечный Яр, с одной стороны, демонстрирует несомненные черты сходства с материалами стоянки Раздорская 2, но с другой — прослеживаются отличия, в первую очередь в группе пластинчатых сколов и нуклеусов и в соотношении типологических групп орудий. Складывается впечатление, будто комплекс каменных изделий стоянки Ракушечный Яр — это крайне «обедненный» вариант комплекса стоянки Раздорская 2, в котором дополнительно присутствуют следы иного, отличного от стоянки Раздорская 2, технологического контекста.

Комплексы кремневого инвентаря эпохи позднего мезолита и раннего неолита стоянки Замостье 2. Другой пример взаимодействия кремневых комплексов периода позднего мезолита — раннего неолита можно увидеть в материалах стоянки Замостье 2 (регион бассейна Верхней Волги). В ходе многолетних исследований на этом памятнике были изучены обширные коллекции каменного инвентаря эпохи позднего мезолита (два слоя) и раннего неолита (*Lozovski,* 1996; *Лозовский,* 2001. С. 265–272; 2003. С. 219–240). Анализ кремневых индустрий этих комплексов позволяет однозначно утверждать наличие тесной преемственности между ними, что подтверждается следующими тенденциями.

В первую очередь, во всех трех слоях отмечается доминирование отщепа в качестве основной заготовки для изготовления орудий труда. Это выражается не только в преобладании отщепов во всех трех комплексах в процентном соотношении (везде более 50%), но и в том, что процент изделий на отщепах везде значительно преобладает над процентом орудий на пластинах. При анализе динамики изменения орудий на отщепах по слоям заметна тенденция увеличения процента от нижнего мезолита к раннему неолиту почти в два раза, что может быть связано с уже начавшимися изменениями самой структуры ранненеолитического комплекса и появлением в нем новых форм из отщепов. Процент орудий из пластин хотя и увеличивается от нижнего к верхнему мезолитическому слою, остается практически неизменным при переходе к раннему неолиту (рис. 3).

Характеризуя в целом группу изделий из пластин по всем трем слоям, нужно отметить, что подавляющее большинство заготовок лишь с натяжкой может быть отнесено к пластинам из-за массивности пропорций и грубости форм, в их числе нередки технологические отходы (реберчатые сколы, сколы подправок или подготовки нуклеусов). Большой процент изделий изготовлен из обломков пластин. Вторичная обработка изделий также в значительной степени носит небрежный характер. По данным технологического анализа, во всех трех слоях снятие пластинчатых заготовок не являлось основной целью расщепления (рис. 4). Снятие пластин или, скорее, микропластин было второстепенным, узконаправленным производством, которое не стояло на первом месте в кремневой индустрии. Остатки этого производства фиксируются по небольшим сериям нуклеусов для отжима микропластинок, находкам самих микропластин во всех трех слоях памятника и конечному продукту этого производства — находкам целых вкладышевых орудий с закрепленными в пазах микропластинами (верхний мезолитический комплекс) (*Гиря и др.,* 1997. С. 86–103; *Гиря,* 2001. С. 304–310).

Орудийный состав группы изделий из пластин однообразен и не отличается особой вариабельностью форм. Это скребки, пластины с ретушью, сверла-проколки и наконечники стрел. При этом последние появляются в значительном количестве только в верхнем мезолитическом горизонте и ранненеолитическом слое. И если для мезолитического слоя мы можем говорить об определенной монолитности этой группы в целом — листовидные и черешковые наконечники стрел, то для раннего неолита эта группа показывает уже большее разнообразие форм и появление с технологической точки зрения совершенно нового типа двусторонне обработанных наконечников. По остальным группам изделий из пластин можно говорить только о процентном изменении соотношений внутри группы, а каких-либо серьезных типологических изменений при переходе от мезолита к неолиту не происходит.

Рис. 3. Стоянка Замостье 2. Схема развития каменного инвентаря от нижнего мезолитического горизонта к ранненеолитическому.
Fig. 3. Site of Zamostye 2. Scheme of evolution of stone tools beginning from the lower Mesolithic horizon to the Early Neolithic one.

Рис. 4. Стоянка Замостье 2. Элементы технологического анализа пластинчатых сколов двух мезолитических и ранненеолитического слоев: *1* — распределение пластин по типу огранки; *2* — редуцирование пластин.

Условные обозначения: *а* — нижний мезолитический слой; *б* — верхний мезолитический слой; *в* — ранненеолитический верхневолжский слой.

Fig. 4. Site of Zamostye 2. Results of technological analysis of blade removals in two Mesolithic and one Early Neolithic horizons: *1* — distribution of blades according to the type of cutting; *2* — blade reduction.

Notations: a — lower Mesolithic level; *б* — upper Mesolithic level; *в* — Early Neolithic of the Upper-Volga level.

Ведущей технологией производства орудий из кремня на памятнике во всех трех слоях являлось изготовление шлифованных рубящих орудий. Этим объясняется наличие в коллекции значительного числа нуклевидных форм (облупни, пренуклеусы, заготовки нуклеусов и т. д.), которые зачастую сложно отделить от массивных бифасов. Последние, в свою очередь, уже являлись заготовками рубящих орудий. Процент рубящих орудий достаточно стабилен в обоих мезолитических слоях и почти вдвое увеличивается в ранненеолитическом горизонте. Этой же ориентированностью всех трех индустрий на производство рубящих орудий можно объяснить факт стабильного присутствия во всех комплексах обломков шлифовальных плит.

В связи с этим становится понятным факт определенной небрежности в выборе заготовок, отмеченный для групп орудий на отщепах. Нельзя напрямую говорить, что обитатели стоянок делали орудия из отходов производства рубящих орудий. Однако для всех слоев можно отметить отсутствие определенного стандарта в выборе заготовок для всех категорий орудий. Использовались как отщепы различной конфигурации, так и просто любые удобные обломки кремня. Вторая черта, характерная для орудий всех трех комплексов, — это стремление придать орудию определенную степень полифункциональности (что особенно ярко выразилось в значительной серии комбинированных орудий в верхнем мезолитическом горизонте).

Переходя от общих замечаний к конкретному анализу распределения типов орудий по слоям, надо отметить, с одной стороны, общие для всех трех слоев тенденции, с другой — разницу, которая проявляется не только между мезолитическими слоями и ранненеолитическим, но и между двумя мезолитическими слоями. Общим для всех комплексов является факт доминирования скребков среди прочих орудий. И если в нижнем мезолитическом горизонте их доля максимальна (61,9%), то в верхнем мезолитическом горизонте и ранненеолитическом их процент практически идентичен (44,4% и 42,9% соответственно). В верхних слоях появляются новые категории орудий: в верхнем мезолите — комбинированные орудия (17,3%), в раннем неолите — комбинированные орудия (5,7%), резцы (3,5%) и изделия с обработкой струйчатой ретушью и двусторонние наконечники

стрел (3,6%). Появление новых групп орудий послужило причиной уменьшения процента таких традиционных групп орудий, как проколки и сверла, с 11,1% (суммарно) — для нижнего мезолитического слоя до 5,7% — в верхнем мезолитическом слое и 6,4% — в слое раннего неолита.

Как видно из приведенного анализа, при наличии традиционных групп изделий и характера их изготовления прослеживается определенная динамика изменений. Это происходит как за счет появления новых групп изделий, которые сами по себе вполне вписываются в общую картину характера изготовления орудий на отщепах (комбинированные орудия, резцы), и исчезновения старых (например, скребла, которые полностью отсутствуют в ранненеолитическом горизонте), так и за счет увеличения или уменьшения процента традиционно многочисленных групп (скребки).

Последний момент — это факт появления новой технологии изготовления орудий с помощью струйчатой ретуши (1,9%). На наш взгляд, никаких предпосылок для появления этой техники в нижних слоях нет и можно говорить об этом факте как о привнесенном извне явлении. Это же относится и к двусторонним наконечникам стрел (1,7%), т. е. технике изготовления тонких бифасов, которая, по данным технологического анализа, появляется в ранненеолитическом комплексе как бы из ниоткуда. И если изменение процентных соотношений внутри комплекса, появление новых типов и исчезновение старых происходит в рамках одной индустрии, одной технологии, то зафиксированные в ранненеолитическом комплексе указанные выше находки кардинально отличают его от мезолитических.

Заключение. Проанализированные выше примеры показывают, что между кремневыми комплексами позднего мезолита и раннего неолита прослеживается несомненная связь. В данном случае совершенно не важно, что памятники, которые мы изучаем, удалены друг от друга на большое расстояние и в археологическом плане являются свидетельствами разных культурных явлений. Здесь нас в первую очередь интересует вопрос, возникают ли какие-либо изменения в кремневом инвентаре в связи с появлением первой керамики. И в обоих случаях на этот вопрос дается положительный ответ. Да, эти изменения пока не носят глобального характера и, по всей видимости, на начальном этапе не оказывали серьезного влияния на культурные и технологические привычки обитателей. Но сам факт их появления и то, что в дальнейшем именно они будут являться «лицом» каменных индустрий неолитической поры, нельзя не отметить.

Белановская, 1995 — *Белановская Т. Д.* Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. СПб., 1995.

Выборнов 2008 — *Выборнов А. А.* Неолит Волго-Камья. Самара, 2008.

Гиря, 1997 — *Гиря Е. Ю.* Технологический анализ каменных индустрий. СПб., 1997.

Гиря, 2001 — *Гиря Е. Ю.* Индустрии пластинчатые, отщеповые и ...? // Каменный век европейских равнин: Материалы междунар. конф. (1–5 июля 1997 г. Сергиев Посад). Сергиев Посад, 2001.

Гиря и др., 1997 — *Гиря Е. Ю., Лозовский В. М., Лозовская О. В.* Технологический анализ каменной индустрии стоянки Замостье 2 // Древности Залесского края: Материалы к междунар. конф. «Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры» (1–5 июля 1997, Сергиев Посад). Сергиев Посад, 1997.

Лозовский, 2001 — *Лозовский В. М.* Вопросы перехода от мезолита к неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2) // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры. Материалы междунар. конф. (1–5 июля 1997 г., Сергиев Посад). Сергиев Посад, 2001.

Лозовский, 2003 — *Лозовский В. М.* Переход от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2) // Неолит — энеолит юга и неолит севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб., 2003.

Цыбрий, 2008 — *Цыбрий В. В.* Неолит Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Ростов-н/Д, 2008.

Lozovski, 1996 — *Lozovski V. M.* Zamostje 2. Les derniers chasseurs — pkcheurs préhistoriques de la Plaine Russe. Guides archéologiques du “Malgré–Tout”. Treignes, 1996.

Mazurkevich, Dolbunova, 2012 — *Mazurkevich A., Dolbunova E.* The Most Ancient Pottery and Neolithisation of Eastern Europe // Fontes Archaeologici Poznanienses. Poznan, 2012. Vol. 48.

Technological aspect of the flint industries at the turn between the Mesolithic and Neolithic Ages on the Lower Don and Upper Volga rivers

V. M. Lozovskiy

During the recent decade, the initial phase of the Early Neolithic Age has been attracting ever greater interest among researchers. This problem is studied by analysis of the earliest ceramic materials, both in terms of their typology and technology. Numerous series of radiocarbon dates enable us to build regional and interregional radiocarbon scales while the results of other natural-science studies (mainly palynological) constitute a basis for reconstruction of environmental conditions of the late Mesolithic and early Neolithic throughout the vast territory from the northern Caspian Sea region to as far as the basin of the Western Dvina and upper reaches of the Dnieper River.

Pitifully, analysis of lithic collections of early Neolithic assemblages and their ties with Mesolithic stone industries now have sunk into the background and as yet are not properly considered. Meanwhile, it seems that studies of assemblages of lithic tools accompanying the early ceramics are one of the key factors for understanding of the processes of neolithization themselves.

The present study is devoted to typological and technological analysis of late Mesolithic and early Neolithic assemblages of lithic tools from two regions lying far from each other: the region of the Lower Don River (sites of Razdorskaya 2 and Rakushechnyi Yar) and the area of the Upper Volga (site of Zamostye 2). In the former instance, finds from the late Mesolithic site of Razdorskaya 2 are compared with materials from the lower early Neolithic strata of the site of Rakushechnyi Yar (layers 23–11), in the second case, materials from two Mesolithic and an early Neolithic horizons are considered for the site of Zamostye 2. Notwithstanding the considerable remoteness of these regions from each other, the present study has demonstrated certain commonness evicted in the lithic assemblages from the sites under consideration during the transition from the Mesolithic to Neolithic. This analysis resulted, on the one hand, in identification of similar features in the lithic industries of the late Mesolithic and early Neolithic periods and, on the other hand, particular characteristic features have been distinguished which are peculiar to the early Neolithic complexes where afterwards they were further developed.

История изготовления и использования одного наконечника из стоянки Ивановское VII[1]

Н. Н. Скакун, М. Г. Жилин, В. В. Терёхина[2]

В статье на примере уникального костяного наконечника из мезолитического поселения Ивановское VII продемонстрированы интерпретационные возможности применения комплексной методики при изучении древних предметов, включающей технико-морфологические, экспериментально-трасологические исследования, анализ археологического контекста, подробную характеристику всего производственного инвентаря. В результате проведенной работы удалось установить технологию изготовления и переоформления наконечника после поломки, выявить следы утилизации и определить способы его использования.

Ключевые слова: мезолит, составной наконечник, комплексный анализ, типология, технология, эксперименты, функция.

This paper illustrates, by the example of a unique bone point from the Mesolithic site of Ivanovskoye VII, the interpretation possibilities of interdisciplinary methods for studies of ancient objects employing technical, morphological and experimental tracewear methods, analysis of the archaeological associations and detailed characterization of the entire assemblage of manufacturing tools. The investigation here described has resulted in identification of the technology of manufacturing of a point and its remaking after having been broken, traces of its utilisation and defining of the way it was used.

Keywords: Mesolithic, composite point, interdisciplinary analysis, typology, technology, experimental tracewear studies, function.

В настоящее время изучение способов обработки костного сырья в древности, изготовления изделий из него и определение их назначения является одной из популярных тем в археологии. При этом часто упускается из вида тот факт, что данная проблематика активно обсуждалась уже на ранних стадиях развития первобытной археологии. В западной литературе сведения по этой тематике появились в конце XIX — начале XX вв. (*Martin,* 1906; *Möller,* 1911 и др.), в русскоязычной — в информационных статьях и специальных исследованиях в первой половине XX в. (*Бонч-Осмоловский,* 1931; 1940; *Гвоздовер,* 1953; *Герасимов,* 1941; *Семёнов*, 1947; 1950 и др.). Подчеркнем, что возможность визуального наблюдения искусственных следов на поверхностях разнообразных костяных артефактов стимулировала начало трасологических исследований (*Коробкова,* 1987. С. 3–45; *Семёнов*, 1957а. С. 175–177; 1968а. С. 124–132). Однако, несмотря на глубокий и разноплановый анализ обработки кости, рога, бивня, данный С. А. Семёновым (*Семёнов,* 1952; 1953; 1957а. С. 175–227; 1957б; 1968а. С. 128–152; 1968б), долгое время большинство технико-трасологических разработок в России и за рубежом было сфокусировано на изучении кремнево-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 11–2117003Fra) и частично РФФИ (грант № 12–06–00100).

[2] Скакун Н. Н. — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Экспериментально-трасологическая лаборатория.

Жилин М. Г. — Россия, 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19. Институт археологии РАН. Отдел археологии каменного века.

Терёхина В. В. — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

го материала. Изделиям из кости уделялось меньше внимания, но их многочисленность и разнообразие свидетельствуют о большой роли костного сырья в древности. В работах трасологов русской школы затрагиваются различные аспекты изучения костного инвентаря, ряд исследований посвящен проблемам обработки бивня (*Алексашенко,* 2006; 2011; *Волков, Жамбалтарова,* 2011; *Даниленко*, 1985; *Жилин*, 1997; 2001; 2006а; *Клементе Конте, Гиря,* 2003; *Коробкова*, 1960; 1964; 2001а; *Коробкова, Шаровская,* 2001; *Поплевко*, 2007; *Семёнов, Коробкова,* 1983. С. 20, 28, 55, 60–62; *Скакун и др.,* 2011; *Усачук,* 1996; *Филиппов,* 1977; 1978; 2003; *Филиппов, Любин*, 1994; *Хлопачев, Гиря,* 2010; *Skakun et al.,* 2011; *Zhilin,* 1998a; 1998b; 2001; 2008; 2010).

Для получения максимальной информации при изучении древних орудий труда применяется комплексная методика, включающая технико-морфологические исследования, трасологический анализ функций, экспериментальные работы, данные археологического контекста с планиграфией, этнографические наблюдении, а также сведения, полученные с помощью разнообразных методов естественных наук, применяемых в археологии. Многочисленность специальной литературы по этой проблематике не позволяет нам в данной работе дать ее полный перечень (*Коробкова*, 1969; 1987; *Семёнов*, 1957а; 1968а; *Семёнов, Коробкова,* 1983; *Скакун,* 2006; *Щелинский*, 1977; 1983; *Semenov,* 1964 и др.). Современный уровень подобных исследований демонстрирует публикация докладов международного трасологического конгресса 2005 г., проходившего в Вероне (*Скакун и др.,* 2010; *Longo, Skakun*, 2008). Положительные результаты применения такой комплексной методики были получены как при изучении массовых материалов того или иного памятника, целых археологических культур или крупных историко-культурных регионов (*Жилин,* 1983; *Коробкова*, 1987; 2001б; *Кравцов, Жилин*, 1995; *Поплевко*, 1998; *Семёнов*, 1957а, б; 1968а; *Скакун*, 1986, 1994, 2006; *Щелинский*, 1975, 1992, 1994 и др.), так и отдельно взятых предметов (*Волков, Жамбалтарова*, 2011; *Жилин*, 1997; *Коробкова,* 1978, *Коробкова, Ранов,* 1973; *Семёнов,* 1947; 1957а, С. 194, 200–227; 1968б; *Скакун,* 1972, 2001; *Щелинский*, 1972; *Skakun*, 1993a, b; 2003a, b; The Roots of Use-Wear Analysis... 2005; *Zhilin,* 2008 и др.).

Примером комплексного всестороннего анализа одного изделия могут послужить итоги изучения хорошо сохранившегося составного костяного наконечника, найденного на мезолитическом поселении Ивановское VII (рис. 1). Этот многослойный памятник, расположенный в европейской части России, в Верхнем Поволжье, включает остатки трех мезолитических, нескольких неолитических и более поздних культурных слоев. В результате исследований, осуществленных Д. А. Крайновым и М. Г. Жилиным (*Жилин и др.*, 2002), выяснилось, что здесь, в мезолите, на низком мысу озера, существовавшего в древности, находились три разновременные стоянки, культурные слои которых, разделенные стерильными прослойками, датируются в пределах 9700–7320 лет назад (даты некалиброванные). Палинологический анализ относит время формирования нижнего мезолитического слоя (культурный слой IV) к первой половине пребореального периода (9700–9600 лет назад). Берега озера были покрыты таежными лесами, значительные пространства были заняты разнотравными лугами и болотами. Многочисленные находки костей диких животных, птиц и рыб свидетельствуют о том, что основными жизнеобеспечивающими отраслями хозяйства мезолитического населения были охота и рыболовство (*Жилин и др.,* 2002).

Рис. 1. Месторасположение стоянки Ивановское VII.
Fig. 1. Location of the site of Ivanovskoye VII.

Раскопки этого слоя стоянки дали представительную коллекцию изделий из кости

Рис. 2. Костяной наконечник с вкладышами из стоянки Ивановское VII: I — лицевая сторона наконечника; II — профиль наконечника; III — оборотная сторона наконечника; IV — графическая прорисовка оборотной стороны наконечника. А — левая сторона наконечника: *1–4* — вкладыши; Б — правая сторона наконечника: *1–6* — вкладыши; *а, б* — место, с которого сделано микрофото следов утилизации на вкладыше.

Fig. 2. Bone point with inserts from the site of Ivanovskoye VII: I — front side; II — profile of the point; III — reverse side; IV — graphic representation of the reverse side. A — left side: *1–4* — inserts; Б — right side: *1–6* — inserts; *а, б* — the position from which the microphoto of the traces of utilisation on the insert was taken.

и рога: наконечники стрел и копий, зубчатые острия, гарпуны, кинжалы, рыболовные крючки, ножи, скребки, струги, лощила, шилья, игла и игольник; орудия из челюстей бобра; долотовидные орудия, топоры, тесла и муфты для их закрепления в рукоятях, посредники и ретушеры, украшения, вотивные предметы. Наконечники стрел, составляя большинство в группе вооружения, свидетельствуют о том, что лук и стрелы были основным охотничьим оружием (*Жилин,* 2004). Среди наконечников стрел представлены простые игловидные и составные игловидные типы с пазом для вкладышей; с утолщенной головкой биконической формы; составные узкие плоские с пазами для вкладышей; однокрылые с шипом на конце крыла и пазом для вкладышей на противоположном крае; мелкий зубчатый наконечник для охоты на рыбу (*Жилин и др.,* 2002).

Исследованный нами наконечник с кремневыми вкладышами в пазах является одной из наиболее выразительных находок из нижнего культурного слоя стоянки. Он относится к типу узких, плоских (рис. 2). Края изделия очень плавно сужаются к острию, его насад оформлен в виде короткого черешка. По обоим краям костяной оправы прорезаны длинные пазы, заполненные клеем, в который вставлены вкладыши — фрагменты микропластинок без ретуши или с очень мелкой краевой ретушью (рис. 3, *1, 2*). Длина наконечника — 10 см, длина черешка — 1,2 см, ширина черешка — 1 см, ширина пера в широкой части — 1,4 см, острия до вкладышей — 0,9 см. Вес наконечника — 7 г. Близкая аналогия этому орудию обнаруживается среди находок стоянки Становое 4. В ее культурном слое III были найдены обломки верхней и нижней частей двух узких плоских составных наконечников с вкладышами по обеим сторонам, каждый из них сломался примерно посередине (рис. 4). По длине и форме обломок верхней части соответствует орудию из Ивановского VII, что позволяет предполагать, что последний был сломан в древности и на месте слома был оформлен новый черешок. При этом острие не подверглось переоформлению, и наконечник продолжал использоваться, но в укороченном виде.

Рис. 3. Ретушь на кремневых вкладышах наконечника из стоянки Ивановское VII: *1* — макрофото ×20; *2* — макрофото ×30.
Fig. 3. Retouch on the flint inserts in the point from the site of Ianovskoye VII: *1* — macrophoto ×20; *2* — macrophoto ×30.

Наконечники стрел этого типа были широко распространены в мезолите в Северной и Восточной Европе (*Жилин,* 2001). Наиболее ранние из них найдены в нижнем культурном слое Станового 4, относящегося к переходному периоду от плейстоцена к голоцену (*Жилин,* 2001; 2006б). В пребореальном и бореальном периодах они встречаются в различных мезолитических культурах лесной зоны от Прибалтики до Зауралья (*Жилин, Савченко*, 2012). Во второй половине бореального периода такие наконечники появляются в Северной Европе, где они бытуют до начала атлантического периода, но в Восточной Европе они в это время исчезают.

Тщательное визуальное и микроскопическое изучение поверхности наконечника из Ивановского VII позволило по сохранившимся следам от обработки восстановить технологию его изготовления. Не исключено, что этот предмет, как и другие костяные изделия, был изготовлен на самой стоянке, так как среди производственного инвентаря трасологическим путем были обнаружены каменные костеобрабатывающие инструменты (*Скакун и др.*, 2011; *Skakun et al.*, 2011). Процесс изготовления наконечника был смоделирован с помощью экспериментов (рис. 5, *1, 2*), которые

Рис. 4. Обломки составных наконечников из слоя III стоянки Становое 4.
Fig. 4. Fragments of composite points from layer III at the site of Stanovoye 4.

позволили также выяснить приблизительные временные затраты на каждую из операций (*Zhilin*, 1998a; *Savchenko,* 2010). Кремневые орудия, использованные в опытах, аналогичные мезолитическим, были изготовлены из местного верхневолжского кремня.

Рис. 5. 1, 2 — Экспериментальные работы по изготовлению наконечника.
Fig. 5. 1, 2 — Experimental studies on fabricating a point.

Оправа изучаемого наконечника была сделана из пластины, вырезанной из диафиза трубчатой кости крупного зверя, наиболее вероятно лося. Обычно у таких пластин дорсальная поверхность выпуклая, а вентральная вогнутая в соответствии со строением трубчатой кости. Даже после тщательной обработки на наконечнике сохранилась некоторая асимметрия, хорошо заметная в профиль, унаследованная от исходной заготовки (рис. 2, *II*). Перед обработкой кости животных размягчали разнообразными способами (*Семёнов*, 1957a. С. 192–194; *Жилин,* 2001; *Zhilin*, 1998a;

Skakun et al., 2011). В нашем случае наиболее вероятно вымачивание, что подтверждается находкой трех метаподий лося, плотно прилегавших друг к другу, закопанных в яме, прорезавшей древний уровень грунтовых вод. Примечательно, что на одной из этих костей были нанесены продольные линии разметки перед разрезанием (*Жилин и др.*, 2002). Эксперименты показали, что эта простейшая техника размягчения кости довольно эффективна (*Жилин*, 2001; *Savchenko,* 2010).

После отделения пластины форма наконечнику придавалась при помощи строгания и скобления. Поверхность орудия была тщательно продольно выструганa, на что указывают плоские длинные срезы, образовавшиеся от работы строгальным ножом, лезвие которого двигалось под острым углом к обрабатываемой поверхности и «от себя» (рис. 6, *1, 3;* 7, *2*). В инвентаре Ивановского VII этот вид орудий выделен трасологическим путем среди фрагментов пластин и отщепов разной величины, имевших подходящее лезвие с небольшим углом заострения, некоторые из них имели отретушированный обушок. На рабочих частях строгальных ножей различимы плоские единичные выщербины утилизации на кромке и микроизнос в виде заполировки и линейных следов, направленных поперек лезвия или слегка под углом к нему (рис. 8, *1, 1а*). С помощью строгания выравнивали поверхности заготовок, убирали лишний материал, прорабатывали детали, например черешок на нашем наконечнике оформлен также при помощи строгания (рис. 6, *3*; 7, *1–3*). Этот прием обработки был подробно описан С. А. Семёновым (*Семёнов*, 1957а. С. 192).

На боковых сторонах наконечника имеются два продольных параллельных друг другу паза для вкладышей (длиной — 5,5 см, шириной — 0,3 см, глубиной у концов — 0,3 см) (рис. 2, *II*). На тех участках, где вкладышей

Рис. 6. Следы строгания и скобления на костяной оправе наконечника из стоянки Ивановское VII (макрофото ×20).
Fig. 6. Traces of planing and scraping on the bone casing of the point from the site of Ivanovskoye VII (macrophoto ×20).

Рис. 7. Следы от строгания и прорезания паза на насаде наконечника из стоянки Ивановское VII (макрофото ×20).
Fig. 7. Traces of planing and cutting a mortise on the arrowhead from the site of Ivanovskoye VII (macrophoto ×20).

нет, на боковых стенках пазов видны следы от работы резчиком с небольшой шириной рабочего лезвия (менее 1 мм). Пазы имеют трапециевидное сечение в средней части и V-образное на концах (рис. 7, *1*). Эксперименты показывают, что подобный паз мог быть получен при работе угловой кромкой орудия. С. А. Семёнов писал, что изобретение этих инструментов в верхнем палеолите имело большое значение для совершенствования приемов обработки рога и кости, и сравнивал их роль с ролью металлических

Рис. 8. Следы утилизации на кремневых орудиях, применявшихся в различных операциях костеобработки на стоянке Ивановское VII: *1* — строгальный нож (*1а* — микрофото следов использования — ×200); *2* — резец (*2а* — микрофото следов использования — ×200); *3* — скобель (*3а* — микрофото следов использования — ×200).

Fig. 8. Usewear traces on flint tools employed at different bone-working operations at the site of Ivanovskoye VII: *1* — planing knife (*1a* — microphoto ×200 of usewear traces); *2* — burin (*2a* — microphoto ×200 of usewear traces); *3* — drawknife (*3a* — microphoto ×200 of usewear traces).

резцов в современной промышленности (*Семёнов*, 1957а. С. 188). В инвентаре Ивановского VII следы использования в этой функции обнаружены на типологически выделяемых резцах, а также на обломках пластин и отщепах, имевших миниатюрный резцовый скол или удобную для работы острую кромку. Проведенные опыты показывают, что диапазон применения резцовых орудий может быть довольно широким и включает разрезание рога и кости на пластины, выравнивание поверхностей, проработку деталей предметов, проделывание пазов и прорезей, разметку поверхностей перед разными типами обработки, нанесение гравировки. Вероятно, небольшие орудия использовались в работе в рукоятях, об этом говорят специфические следы на их обушках, а также более четкий износ на рабочих частях. Признаки утилизации орудий для этих операций — редкие короткие царапины, направленные перпендикулярно или под углом к рабочему лезвию, и частичная заполировка на участках, прилегающих к нему (рис. 8, *2, 2а*).

После прорезания пазов поверхность наконечника была выровнена с помощью чи-

Рис. 9. Следы обработки и использования на острие наконечника из стоянки Ивановское VII: *1* — следы от пришлифовки; *2* — следы от скобления (вдоль длинной оси) и утилизации (поперек длинной оси) (макрофото ×50); *3* — следы утилизации (макрофото ×50); *4* — следы деформации кончика острия (макрофото ×40).

Fig. 9. Traces of working and use on the point from the site of Ivanovskoye VII: *1* — traces of grinding-in; *2* — traces of scraping (along the longer axis) and use (across the longer axis) (macrophoto ×50); *3* — traces of use (macrophoto ×50); *4* — deformity of the tip of the point (macrophoto ×40).

стового строгания и скобления. Продольные царапины, оставшиеся от лезвия скоблящего орудия, видны на некоторых участках обеих поверхностей предмета (рис. 6, *2;* 9, *2*). Обращает на себя внимание их четкая прочерченность, образовавшаяся от зубчиков выкрошившегося в ходе утилизации лезвия скобеля. Заготовками этих орудий, обнаруженных в материалах Ивановского VII, служили пластины и отщепы с плотным рабочим лезвием, нередко покрытым ступенчатыми фасетками высокой ретуши утилизации. В этой функции применялись также два типологически выраженных концевых скребка на отщепах. У скобелей, лезвие которых помещалось вертикально к обрабатываемой поверхности, на невыкрошившихся участках фиксируются короткие линейные следы, направленные поперек кромки, и пятна заполировки в прикромочной части (рис. 8, *3, 3а*).

Следующим этапом обработки была шлифовка и полировка, которые, являясь завершающими операциями по изготовлению оправы наконечника, уничтожили на большей части ее поверхности следы предыдущих операций. Среди каменных орудий Ивановского VII выделен ряд небольших абразивов — шлифовальных плиток из крупно- и мелкозернистого камня, которые использовались для обработки костяных изделий (рис. 10). Полировка, как свидетельствуют этнографические наблюдения, могла производиться с помощью древесного луба, кожи или шкуры. Интересно отметить, что на черешке наконечника удалось проследить факт снятия пришлифовки повторным выстругиванием (рис. 6, *3*). Это подтверждает предположение о переоформлении первоначально длинного наконечника в укороченный вариант. Острие же наконечника осталось без изменений, а на месте слома был сделан новый черешок, и наконечник продолжал использоваться. Следует отметить, что замена вкладышей после слома не производилась, на что указывает положение последнего сломанного вкладыша на левом крае наконечника (рис. 2, *IIIA, IV.A4*).

Таким образом, изучение поверхности наконечника и экспериментально-трасологические работы позволили по следам обработки выявить последовательность технологических операций, связанных с изготовлением его оправы: вырезание заготовки — костяной пластины, черновое оформление орудия строганием, вырезание пазов, чистовая обработка поверхности строганием и скоблением, шлифовкой и полировкой. А также установлен факт переоформления насада.

В обоих пазах оправы сохранились in situ вкладыши из микропластинок двух сортов местного кремня — красновато-коричневого и серого. Микропластины, точнее их части, представляют собой отличные экземпляры микролитической техники расщепления кремня. Они имеют правильные геометрические очертания, прямой профиль, треугольное или трапециевидное поперечное сечение, ровные прямые боковые края; там, где ударная площадка сохранилась, — она небольших размеров. Найденные на стоянке нуклеусы, посредник, применявшийся при расщеплении, отходы кремнеобработки свидетельствуют о местном производстве микро-

Рис. 10. Абразив для рога и кости из стоянки Ивановское VII.
Fig. 10. Abrasive tool for working horn and bone from the site of Ivanovskoye VII.

пластин. Вкладыши в пазах наконечника закреплены серо-коричневой клеящей массой. Клей, вероятно, состоял из хвойной смолы, пчелиного воска и угольной пыли.

Проведенные эксперименты по стрельбе из лука стрелами с наконечниками, закрепленными при помощи подобного клея, продемонстрировали его эффективные качества. Этот клей был также хорош для закрепления микропластинок-вкладышей в пазах составных режущих орудий. В наконечнике микропластинки шириной менее 0,8 см — точнее размеры установить невозможно — были подобраны с таким расчетом, что в левом пазу оправы все вкладыши установлены спинкой вниз, а в правом — спинкой вверх. Их выступающая часть составляет около 3–4 мм (рис. 2, *IА, IБ*).

На левом крае наконечника два верхних вкладыша, ближайшие к острию, — части одной и той же микропластины (рис. 2, *IА, IV. А1–2*; 11, *1*). Выступающий угол первого из них снят и скруглен очень мелкой крутой ретушью. О том, что это обработка производилась до установки вкладыша в оправу, говорит мельчайшая капля клея, застывшая и сохранившаяся на одной фасетке ретуши. Второй вкладыш без вторичной обработки, но на его боковой стороне обнаружена микровыкрошенность, плоские фасетки которой располагаются цепочкой друг за другом вдоль всей кромки. У третьего вкладыша концы подправлены мелкой крутой вентральной ретушью, а в центральной части имеется микровыкрошенность. От четвертого вкладыша в пазу сохранился обломок, не извлеченный после поломки наконечника. Это указывает на то, что после переоформления черешка кремневые вкладыши не менялись.

В правом пазу первые два вкладыша (рис. 2, *IV. Б1–2*) были вставлены после слома микропластинки, о чем говорят остатки смолы, покрывающие слом в месте их стыковки, также неплотное прилегание обломков друг к другу. Вероятно, эта микропластинка сломалась при ретушировании во время подготовки вкладышей к установке в оправу. Два вкладыша из одной микропластинки, а также четвертый подправлены по выступающему из оправы краю мельчайшей крутой вентральной ретушью, остальные — без вторичной обработки, но с краевой выкрошенностью в виде отдельных микрофасеток.

Тщательное изучение вкладышевых лезвий наконечника и проведенные эксперименты позволяют говорить о том, что пазы перед установкой микропластин заранее заполнялись приготовленным клеем, который разогревался до пастообразного состояния, после чего в пазы аккуратно вставлялись вкладыши (рис. 11, *3*). При этом клей выдавливался из оправы, его выплески разравнивались продольными движениями, в результате чего на поверхности вкладышей остались полосы клея (рис. 11, *2*). При изготовлении наконечника особое внимание обращалось на плотную стыковку вкладышей для получения прямого, ровного лезвия. Для этого вкладыши до постановки в пазы заранее подбирались, при необходимости целые пластинки разламывались на части, о чем свидетельствует смола, покрывающая сломы в местах их стыковки, и не совсем плотное прилегание обломков друг к другу (рис. 11, *1*).

Рис. 11. Следы фиксации вкладышей в пазу наконечника из стоянки Ивановское VII (макрофото ×20).
Fig. 11. Traces left by fixation of the inserts in the mortise of the point from the site of Ivanovskoye VII (macrophoto ×20).

На костяном острие наконечника отмечена тусклая заполировка, постепенно затухающая к центральной части орудия (рис. 9, *1*). В ее пределах на отдельных участках фиксируются два вида линейных признаков. Первые — тонкие короткие царапины, идущие от острия винтообразно под острым углом к длинной оси предмета (рис. 9, *2*). Судя по этим следам, стре-

ла в полете должна была вращаться. На других участках острия заметны другие следы — прямые тонкие царапины и отдельные борозды, направленные вдоль оси наконечника (рис. 9, *3*). Эти следы указывают на втыкание наконечника без вращения в момент попадания. Экспериментальным путем нами было установлено, что вращение стреле придает оперение, на экспериментальном наконечнике не удалось получить такое сочетание следов утилизации, как описанное выше на наконечнике из Ивановского VII. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что сочетание следов вращения и попадания без вращения, скорее всего, свидетельствует о смене оперения, а возможно, и древка в процессе эксплуатации данного наконечника. Вероятно, это связано с его поломкой и переоформлением насада. Следы на острие говорят как о многократных попаданиях в мягкий средне загрязненный материал, так и об единичных попаданиях в землю на незначительную глубину. На последнее указывают редкие борозды на кончике острия и их отсутствие на пере наконечника. На самом кончике острия имеется деформация в виде неглубоких ямок, а также скругленность и сглаженность (рис. 9, *4*). Помимо этого на поверхности изделия различаются следы, связанные как с его длительным использованием и хранением, так и с его нахождением в культурном слое.

Микроскопическое изучение кремневых вкладышей показывает, что на кромках имеется микровыкрошенность утилизации. На некоторых из них, особенно на втором вкладыше с левого края и третьем с правого, обнаружены полосы направленной заполировки, идущей от острия наконечника под острым углом к кромке вкладышей (рис. 2, *IV. А2, IV. Б3)*. Кроме того, там же обнаружены редкие тонкие короткие царапины, расположенные в том же направлении (рис. 2, *III. Аб*; 12, *2*). Подобные следы могли возникнуть от многократного скользящего контакта с твердым материалом, возможно, с костями, хрящами и сухожилиями животных при попадании наконечника в цель. Кроме того, на нескольких микропластинах отмечена легкая заглаженность прикромочной части. Эти признаки могут быть связаны с условиями нахождения наконечника вместе с другими подобными орудиями в колчане, т. е. трением предметов друг о друга (рис. 2, *I. Ба*; 12, *1*).

Рис. 12. Следы износа на вкладышах наконечника из стоянки Ивановское VII (микрофото ×100).
Fig. 12. Usewear traces on the inserts of the point from the site of Ivanovskoye VII (microphoto ×100).

Эксперименты, целью которых являлось выяснение процесса изготовления вкладышевых наконечников, а также определение их эффективности при стрельбе, показали, во-первых, что подобная оправа может быть изготовлена из предварительно размоченной кости опытным экспериментатором за несколько часов, при этом в работе использовался набор из 5–10 орудий, которые менялись по мере их изнашивания и выхода из строя, во-вторых, что баллистическая эффективность наконечников этого типа не вызывает сомнений.

Таким образом, всесторонние комплексные исследования костяного вкладышевого наконечника стоянки Ивановское VII позволили восстановить технологию его изготовления при помощи различных инструментов, применявшихся в этом процессе. Значительное число и разнообразие костеобрабатывающих орудий, обнаруженных в инвентаре Ивановского VII, свидетельствует о большой роли обработки кости на этой стоянке. Трасологи-

ческий анализ костяной оправы и кремневых вкладышей выявил следы утилизации наконечника, а экспериментальные работы показали его эффективность в использовании.

Алексашенко, 2006 — *Алексашенко Н. А.* Костяные изделия Усть-Полуя из собрания МАЭ (результаты трасологического изучения) // Свод археологических источников Кунсткамеры. СПб., 2006. Вып. 1.

Алексашенко, 2011 — *Алексашенко Н. А.* Лук и стрелы Усть-Полуя // Предметы вооружения и искусства из кости в древних культурах Северной Евразии (технологический и функциональный аспекты): Замятнинский сборник. СПб., 2011. Вып. 2.

Бонч-Осмоловский, 1931 — *Бонч-Осмоловский Г. А.* О нарезках на палеолитических костях // СГАИМК. 1931. № 8.

Бонч-Осмоловский, 1940 — *Бонч-Осмоловский Г. А.* Грот Киик-Коба // Палеолит Крыма. М.; Л., 1940. Вып. 1.

Волков, Жамбалтарова, 2011 — *Волков П. В., Жамбалтарова Е. Д.* Кинжалы фафоновского могильника из коллекции музея Бурятского научного центра СО РАН: экспериментально-трасологический аспект // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2011. № 4 (48).

Гвоздовер, 1953 — *Гвоздовер М. Д.* Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // Палеолит и неолит СССР. М.; Л., 1953 (МИА; № 39).

Герасимов, 1941 — *Герасимов М. М.* Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // Палеолит и неолит СССР. М.; Л., 1941. (МИА; № 2).

Даниленко, 1985 — *Даниленко Т. А.* Костяной инвентарь поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985.

Жилин, 1983 — *Жилин М. Г.* Результаты трасологического анализа каменного инвентаря стоянки Староконстантиновская 4 // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983.

Жилин, 1997 — *Жилин М. Г.* Орудия из нижних челюстей бобра из поселения Веретье 1 // Ошибкина С. В. Веретье 1. Поселение бореального времени на севере Восточной Европы. М., 1997.

Жилин, 2001 — *Жилин М. Г.* Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.

Жилин, 2004 — *Жилин М. Г.* Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М., 2004.

Жилин, 2006а — *Жилин М. Г.* Экспериментальная реконструкция орудий охоты и рыболовства, применявшихся в мезолите лесной зоны Восточной Европы, и техники их изготовления // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006.

Жилин, 2006б — *Жилин М. Г.* Природная среда и хозяйство населения бутовской культуры в финале плейстоцена (по материалам нижнего слоя Станового 4) // Тверской археологический сборник. Тверь, 2006.

Жилин и др., 2002 — *Жилин М. Г., Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энговатова А. В.* Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. М., 2002.

Жилин, Савченко, 2012 — *Жилин М. Г., Савченко С. Н.* Хронология некоторых типов мезолитических костяных наконечников стрел лесной зоны Восточной Европы и Зауралья // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. СПб., 2012.

Клементе Конте, Гиря, 2003 — *Клементе Конте И., Гиря Е. Ю.* Анализ орудий из ребер лося со стоянки Замостье 2 (7 слой, раскопки 1996–1997 гг.) // АВ. 2003. № 10.

Коробкова, 1960 — *Коробкова Г. Ф.* Определение функций каменных и костяных орудий с поселения Джейтун по следам работы // Труды ЮТАКЭ. 1960. Вып. X.

Коробкова, 1964 — *Коробкова Г. Ф.* Каменные и костяные орудия труда из энеолитических поселений Южной Туркмении // Известия АН ТССР: Серия обществ. наук. Ашхабад, 1964. № 3.

Коробкова, 1969 — *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Л., 1969 (МИА; № 158).

Коробкова, 1978 — *Коробкова Г. Ф.* Древнейшие жатвенные орудия и их производительность (в свете экспериментально-трасологического изучения) // СА. 1978. № 4.

Коробкова, 1987 — *Коробкова Г. Ф.* Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ Юга СССР. Л., 1987.

Коробкова, 2001а — *Коробкова Г. Ф.* Методика изучения каменных, костяных и других изделий из неметаллического сырья эпохи палеометалла // Особенности производств поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб., 2001 (Материалы ЮТАКЭ; Вып. 5.)

Коробкова, 2001б — *Коробкова Г. Ф.* Функциональная типология орудий труда и других неметаллических изделий Алтын-депе // Там же.

Коробкова, Ранов, 1973 — *Коробкова Г. Ф., Ранов В. А.* Древнейшие землекопные орудия из

Средней Азии // Археология Средней Азии, Сибири и Поволжья. М., 1973 (КСИА; Вып. 136.)

Коробкова, Шаровская, 2001 — *Коробкова Г. Ф., Шаровская Т. А.* Костяные орудия каменного века (диагностика следов изнашивания по археологическим и экспериментальным данным) // АВ. 2001. № 8.

Кравцов, Жилин, 1995 — *Кравцов А. Е., Жилин М. Г.* Опыт функционально-планиграфического анализа мезолитической стоянки Беливо 4г-северная // РА. 1995. № 2.

Поплевко, 1998 — *Поплевко Г. Н.* Кремневая индустрия хозяйственного комплекса поселения Константиновское на Нижнем Дону // Поселения: среда, культура, социум. СПб., 1998.

Поплевко, 2007 — *Поплевко Г. Н.* Трасологическое исследование изделий из кости и рога из могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря (предварительные наблюдения) // Кольский сборник. СПб., 2007.

Семёнов, 1947 — *Семёнов С. А* Костяные разбильники Роданова городища // КСИИМК. 1947. Вып. 15.

Семёнов, 1950 — *Семёнов С. А.* Верхнепалеолитические костяные рукоятки // КСИИМК. 1950. Вып. 35.

Семёнов, 1952 — *Семёнов С. А.* Костяные землекопные орудия из верхнепалеолитических стоянок Елисеевичи и Пушкари I // СА. 1952. Т. XVI.

Семёнов, 1953 — *Семёнов С. А.* Костяные орудия из палеолитических стоянок Киик-Коба и Кош-Коба // КСИИМК. 1953. Вып. XLIX.

Семёнов, 1957а — *Семёнов С. А.* Первобытная техника. М.; Л., 1957 (МИА; № 54.)

Семёнов, 1957б — *Семёнов С. А.* Техника обработки кости в палеолите // Труды комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР. М., 1957. Вып. 13.

Семёнов, 1968а — *Семёнов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.

Семёнов, 1968б — *Семёнов С. А.* Выпрямители эпохи палеолита // Вопросы антропологии. М., 1968. Вып. 28.

Семёнов, Коробкова, 1983 — *Семёнов С. А., Коробкова Г. Ф.* Технология древнейших производств. Л., 1983.

Скакун, 1972 — *Скакун Н. Н.* Функциональное исследование каменных наконечников стрел эпохи бронзы // Каракумские древности. Ашхабад, 1972. Вып. IV.

Скакун, 1986 — *Скакун Н. Н.* Орудия труда и хозяйство болградской (Алдени II) энеолитической культуры // Studia Praehistorica. София, 1986. № 8.

Скакун, 1994 — *Скакун Н. Н.* Результаты исследования производственного инвентаря неолитического поселения Усое I (Болгария) // Экспериментально-трасологические исследования в археологии. СПб., 1994.

Скакун, 2001 — *Скакун Н. Н.* Археологические вкладыши молотильной доски, эксперименты и этнографические параллели // АВ. 2001. № 8.

Скакун, 2006 — *Скакун Н. Н.* Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна). СПб., 2006 (Труды ИИМК РАН; Т. XXI)

Скакун и др., 2010 — *Скакун Н. Н., Васильев С. А., Плиссон Х., Клод Э.* К истокам трасологии: «“Первобытная техника” 40 лет спустя: функциональные исследования и русское наследие» (Верона, Италия, 20–30 апреля 2005 г.) // АВ. 2010. № 16 (2009).

Скакун и др., 2011 — *Скакун Н. Н., Жилин М. Г., Терехина В. В.* Обработка кости и рога в позднем мезолите Верхнего Поволжья (по материалам стоянки Ивановское VII) // Предметы вооружения и искусства из кости в древних культурах Северной Евразии (технологический и функциональный аспекты): Замятнинский сборник. СПб., 2011. Вып. 2.

Усачук, 1996 — *Усачук А. Н.* Коллекция костяных изделий срубного поселения Безыменское II // Северо-Восточное Приазовье в системе Евразийских древностей (энеолит — бронзовый век). Донецк, 1996.

Филиппов, 1977 — *Филиппов А. К.* Трасологический анализ каменного и костяного инвентаря из верхнепалеолитической стоянки Мураловка // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977.

Филиппов, 1978 — *Филиппов А. К.* Технология изготовления костяных наконечников в верхнем палеолите // СА. 1978. № 2.

Филиппов, 2003 — *Филиппов А. К.* Трасология верхнепалеолитических изделий из кости со стоянки Межирич (Украина) // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии. СПб., 2003.

Филиппов, Любин, 1994 — *Филиппов А. К., Любин В. П.* Костяные ретушеры из мустьерского слоя и пространственное размещение культурных остатков // Неандертальцы из Гупского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп, 1994.

Хлопачев, Гиря, 2010 — *Хлопачев Г. А., Гиря Е. Ю.* Секреты древних косторезов Восточной Европы и Сибири: приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке. СПб., 2010.

Щелинский, 1972 — *Щелинский В. Е* Изучение галечных орудий из позднепалеолитических стоянок Енисея // Палеолит и неолит СССР. Л., 1972 Т. VII. (МИА; № 185.)

Щелинский, 1975 — *Щелинский В. Е.* Трасологическое изучение каменных орудий Губской му-

стьерской стоянки в Прикубанье // Каменный век. М., 1975 (КСИА; Вып. 141.)

Щелинский, 1977 — *Щелинский В. Е.* Экспериментально-трасологическое изучение функций нижнепалеолитических орудий // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977.

Щелинский, 1983 — *Щелинский В. Е.* К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производств в эпоху палеолита. Л., 1983.

Щелинский, 1992 — *Щелинский В. Е.* Функциональный анализ орудий труда нижнего палеолита Прикубанья (вопросы методики) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1992.

Щелинский, 1994 — *Щелинский В. Е.* Каменные орудия труда ашельской эпохи из пещеры Азых // Экспериментально-трасологические исследования в археологии. СПб., 1994.

Longo, Skakun, 2008 — *Longo L., Skakun N.* "Prehistoric Technology" 40 years later: functional studies and the Russian Legacy interpreting Stone Tools // L. Longo, N. Skakun (eds.). "Prehistoric Technology" 40 Years Later: Functional Studies and the Russian Legacy. Oxford, 2008 (BAR International Series; 1783).

Martin, 1906 — *Martin H.* Présentation d'ossements de renne portant des lésions d'origine humaine et animale // Bulletin de la Société préhistorique de France. 1906. Vol. 3. No 9.

Möller, 1911 — *Möller A.* Zweite Tagung der deutschen Gesellschaft für Vorgeschichte in Erfurt, 1910. Würzburg, 1911.

Savchenko, 2010 — *Savchenko S. N.* Experimental reconstruction of the manufacture technique of slotted bone arrowheads // Ancient and Modern Bone Artefacts from America to Russia. Cultural, technological and functional signature / A. Legrand-Pineau, I. Sidéra, and N. Buc, E. David V. Scheinsohn (eds.). Oxford, 2010 (BAR International Series; 2136).

Semenov, 1964 — *Semenov S. A.* Prehistoric technology (An experimental study of the oldest tools and artifacts from traces of manufacture and wear). London, 1964.

Skakun, 1993a — *Skakun N.* Agricultural implements in the Neolithic and Eneolithic cultures of Bulgaria // Traces et fonction: les gestes retrouvés. Actes du colloque international de Liège 8-9-10 décember 1990. études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège. Liège, 1993. Vol. 2. No 50.

Skakun, 1993b — *Skakun N.* New implements and specialization of traditional industries in the Eneolithic of Bulgaria // Ibid. Vol. 1, 2. No 50.

Skakun, 2003a — *Skakun N.* Flint Arrowheads from the Bronze Age Settlement of Altyn Depe, Southern Turkmenia: Form and Uses // Paléorient. 2003. Vol. 29. No 1.

Skakun, 2003b — *Skakun N.* Threshing sledges in the Caucasus from Prehistory to the Present // Le traitement des récoltes: Un regards sur la diversité, du néolithique au présent XXIIIe recontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Antibes, 2003.

Skakun et al., 2011 — *Skakun N., Zhilin M., Terekhina V.* Technology of bone and antler processing at Ivanovskoje 7 Mesolithic site, Central Russia // Rivista di Scienze Preistoriche. 2011. Vol. LXI.

The Roots of Use-Wear Analysis... 2005 — The Roots of Use-Wear Analysis: Selected Papers of S. A. Semenov. Published in the occasion of the Congress "Prehistoric Technology" 40 Years Later: Functional Studies and the Russian Legacy. Verona, 20–23 April 2005 / L. Longo, N. Skakun (eds.). Memorie del Museo Civico di Storie Naturale di Verona (2. serie) Sezione scienze dell'uomo. Verona, 2005. No 7.

Zhilin, 1998a — *Zhilin M. G.* Technology of the Manufacture of Mesolithic Bone Arrowheads on the Upper Volga // European Journal of Archaeology. 1998. Vol. 1. No 2.

Zhilin, 1998b — *Zhilin M. G.* Artifacts, Made of Animals' Teeth and Jaws in the Mesolithic of Eastern Europe // Proceedings of the Third Annual Meeting of the European Association of Archaeologists, 1997, Ravenna. Oxford, 1998 (BAR International series; 717).

Zhilin, 2001 — *Zhilin M. G.* Technology of the manufacture of bone daggers in the Mesolithic of Upper Volga // Crafting bone: Skeletal Technologies through Time and Space / A. M. Choykie, L. Bartosiewicz (eds). Oxford, 2001 (BAR International series; 937).

Zhilin, 2008 — *Zhilin M. G.* Bone perforated plates and production of strings and ropes in the Mesolithic: a case study from Stanovoye 4 site, Upper Volga // "Prehistoric Technology" 40 Years Later: Functional Studies and the Russian Legacy / L. Longo, N. Skakun (eds.). Oxford, 2008 (BAR International Series; 1783).

Zhilin, 2010 — *Zhilin M.* Antler perforated staff heads from Central Russia and Eastern Urals area // Ancient and Modern Bone Artefacts from America to Russia. Cultural, technological and functional signature / A. Legrand-Pineau, I. Sidéra, N. Buc, E. D. V. Scheinsohn (eds.). Oxford, 2010 (BAR International Series; 2136).

History of fabrication and utilisation of a bone point from the site of Ivanovskoye VII

N. N. Skakun, M. G. Zhilin, V. V. Terekhina

Presently, one of the most popular trends in archaeology includes studies of the methods of working of bone and antler in antiquity, manufacture of objects from these raw materials and identification of their purpose. In order to obtain maximum information during studies of ancient tools, interdisciplinary methods are applied including technical and morphological investigations, tracewear analysis of their functions, experimental studies, evidence of the archaeological associations, ethnographic observations, as well as information obtained by various methods of natural science applied in archaeology. Satisfactory results of employing of the complex of these methods have been obtained both in studies of archaeological mass finds from particular sites, entire archaeological cultures or large historical and cultural regions, and investigations of single objects. An example of such interdisciplinary comprehensive analysis of a particular object is presented by the results of investigation of a composite bone point found at the Mesolithic site of Ivanovskoye VII.

The object under study is a narrow flat tanged point with flint inserts in situ. The excellent state of preservation of the find (length — 10 cm, width near the base — 0,9 cm) allowed thorough technical and tracewear analysis and experiments to be conducted which have succeeded not only in the clarification of the process of its manufacture but also in establishing the fact of its remaking and definition of the ways of its utilisation. The bone base of the point is constituted by a flat-convex plate carved from a tubular animal bone. It preserves traces of treatment by planing with subsequent finish by scraping, grinding of the entire surface with a fine-grained abrasive and polishing. In the lower part near a short tang, the polish was removed by subsequent planing suggesting that the object was broken and remade. On the two lateral sides, grooves were carved using a burin. From these grooves flint blades 5,4 cm and 4,3 long protrude to the length of 0,3 cm. In one of the two grooves, the inserts are set with the back upwards while in the other — back downwards. The blades are remarkable in their high regularity realized through special selection of the necessary parts of the micro-blades, cutting the complete objects into parts, finishing of the areas in places of their connection by fine retouch. This, moreover, was done before installation of the blades into the grooves since the glue which fixed them leaked onto the top of some of the faucets. The glue, composed of pine resin mixed with wax and charcoal dust, was applied after its heating.

The flint blades were blunted to a different extent and bore traces of micro-chipping. Studies under microscope suggest that there is an uneven stripe of polishing along the edges so that bands of directed lustre are distinctly discernible in some places. In some areas, single linear traces are visible located slanting or lengthwise along the long axis of the tool. Some areas of their edges are rounded, smoothed and show traces of wear. Possibly, these features are due to the point being held together with some other similar tools in a quiver where they were rubbing against each other. As mentioned above, the blades have micro-chipping on them produced by utilisation. Some of them, especially two of the pieces, show stripes of polishing directed from the point of the tool at an acute angle towards the edge of the inserts; in addition, in the same areas, sparse thin short scratches ranged in the same direction are discernible. Traces of this type can have been produced by repeated sliding contact with a hard material, perhaps animal bones, cartilages and tendons when the point was hitting target. On the bone part of the point, over the traces of manufacturing, distinct traces of wear have been identified. The very tip of the point is chipped, creased and rounded. These traces suggest numerous piercing by the point through a soft, moderately polluted material, perhaps also its hitting the soil to a very slight depth as is indicated by the presence of the furrows on the tip and their absence in the rear of the object. In addition, dull and gradually extinguishing polish is notable on the point comprising two discernible types of traces: thin short scratches directed in helical fashion at an acute angle to the long axis backwards from

the tip and thin sparse straight furrows. The helical scratches, as suggested by experiments, can have appeared due to revolution of a fletched arrow, while the longitudinal grooves possibly arose during the flight without revolution. The combination of traces of revolution and hitting the target without revolution suggests that possibly the shaft and fletching were replaced sometime in the course of the use of this point: before and after the remaking of the arrowhead.

Furthermore, on the surface of the object there are different deformations caused both by its long use and, perhaps, keeping it in a quiver together with other points. Also it may have been deformed naturally during its deposition in the cultural layer.

Thus the comprehensive study of this arrowhead has succeeded in determining the technology of its manufacturing, identification of its remaking and characterization of the traces of its use. The point from Ivanovskoye VII is an excellent example demonstrating the high-quality working of bone during the Mesolithic of Eurasia.

«Кресты» и «колеса» в петроглифах Фенноскандии

Е. М. Колпаков[1]

В наскальном искусстве Северной Фенноскандии открыто два новых типа «геометрических» фигур: «кресты» и «колеса». Основной целью данной статьи является привлечение внимания исследователей как к самим фигурам «крестов» и «колес», так и к их роли в композициях с другими изображениями. Анализ роли этих фигур в композициях приводит к выводу, что они обозначают какие-то магические предметы, которые могли и не существовать в повседневной реальности. «Колеса» в изображениях Канозера могут быть связаны с представлениями о загробном мире и погребальными ритуалами.

Ключевые слова: петроглифы, Фенноскандия, солярно-лунарные знаки, топор-жезл, антропоморфные фигуры, зооморфные фигуры.

In the rock art of northern Fennoscandia, two new types of "geometric" figures have been revealed: "crosses" and "wheels". The present paper is intended to attract attention of scholars both to the figures of "crosses" and "wheels" themselves and to their role in compositions comprising other images. Analysis of this role suggests the conclusion that these figures denoted some magic objects, which possibly did not exist in the everyday reality. The "wheels" found at Lake Kanozero can have been connected with notions about the other world and funerary rituals.

Keywords: petroglyphs, Fennoscandia, solar and lunar signs, axes/staves, anthropomorphic figures, zoomorphic figures.

Среди петроглифов Фенноскандии есть несколько типов «геометрических» фигур, изображения которых вполне отчетливы, но при этом совершенно непонятны. Наиболее известны солярно-лунарные знаки Онежских петроглифов, но они почти не зафиксированы на других памятниках (две лунарные фигуры на Канозере значительно отличаются от онежских). Кроме них есть два типа изображений, присутствие которых в наскальном искусстве каменного века удивительно. Это «кресты» и «колеса». Разумеется, такие названия всего лишь обозначают тип и кратко описывают форму этих фигур — их нельзя воспринимать как готовую интерпретацию или функциональную принадлежность. Открывались, фиксировались изображения «крестов» и «колес» постепенно, в течение последних сорока лет и пока еще не вошли в сферу аналитического рассмотрения.

Основной целью статьи является привлечение внимания исследователей как к самим этим символам, так и их роли в композициях петроглифических комплексов Северной Фенноскандии (рис. 1).

Кроме основной схемы представлены ее варианты. В одном случае на Канозере такой знак вписан в еще один контурный «крест» (рис. 3, *3*), а в другом — две лопасти внутреннего «креста» являются контурными (рис. 3, *2*). В Альте есть фигуры с одной или всеми незамкнутыми на концах лопастями (рис. 2, *5–8*), а у одной — имеются короткие перпендикулярные «отростки» на концах лопастей, превращающие его в фигуру, напоминающую свастику (рис. 2, *9*). Все эти изображения имеют несколько неправильную форму. Поражает невероятное сходство «крестов» Альты и Канозера по типологии, стилистике исполнения и размерам. Самый маленький «крест» в Альте в два раза меньше самого маленького «креста» с Канозера, а самый большой такой знак в Альте всего на четверть больше самого большого «креста» Канозера.

[1] Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры. Отдел палеолита.

Кроме собственно «крестов» в Альте есть три фигуры, основой которых является прямоугольник с вписанным в него по диагоналям косым крестом (рис. 2, *10–12*). К ним типологически примыкает изображение прямоугольника с вписанными в него пересекающимися линиями (рис. 2, *13*).

Рис. 1. Археологические памятники Фенноскандии, упоминаемые в тексте: *1* — Канозеро; *2* — Выг; *3* — Бесов Нос; *4* — Альта; *5* — Намфорсен; *6* — Флюхов; *7* — могильник Гуннарсторп.
Fig. 1. Archaeological sites of Fennoscandia mentioned in the article: *1* — Kanozero; *2* — Vyg; *3* — Besov Nos; *4* — Alta; *5* — Namforsen; *6* — Flyhov; *7* — cemetery of Gunnarstorp.

«Кресты». В петроглифах Фенноскандии эти знаки в основном представляют собой равнолучевой однолинейный крест, вписанный в контурный. Зафиксированы они только в норвежской Альте (Alta) и на Канозере (Кольский п-ов). В Альте — девять «крестов» и четыре фигуры с использованием этого символа (рис. 2). На Канозере — семь «крестов» (рис. 3).

Конечно, нельзя не упомянуть два восьмиконечных креста в петроглифах Бесова Носа Онежского озера, которыми православные монахи «окрестили бесов» (рис. 4). Они весьма поздние и не являются частью древнего комплекса наскальных изображений. В противоположность онежским «кресты» на Канозере и в Альте в большинстве своем связаны с другими фигурами, и их древность не вызывает сомнений. К христианской символике в наскальном искусстве они отношения не имеют. Если «кресты» в петроглифах Фенноскандии не являются христианскими символами, то что же они изображают или обозначают? Не будем строить догадки, основанные на далеких аналогиях, а рассмотрим контексты, в которых эти фигуры находятся на скалах.

«Кресты» в композициях. На Канозере четыре таких изображения несомненно входят в состав композиций и три — с большой вероятностью (рис. 5). Один «крест» как бы висит на лине, который держит в правой руке антропоморф (рис. 5, *1*). В другом случае

Рис. 2. Альта. «Кресты» и крестообразные фигуры: *1, 2, 3* — Storsteinen; *4, 7, 12* — Kåfjord; *5, 6, 8, 9* — Amtmannsnes; *10, 11* — Bergheim 1; *13* — Ole Pedersen 11. *1–13* — *Tansem,* 2009; *Helskog,* 2013.
Fig. 2. Alta. “Crosses” and crosslike figures: *1, 2, 3* — Storsteinen; *4, 7, 12* — Kåfjord; *5, 6, 8, 9* — Amtmannsnes; *10, 11* — Bergheim 1; *13* — Ole Pedersen 11.

Рис. 3. Канозеро. «Кресты»: *1* — Еловый 1; *2* — Еловый 2; *3* — Еловый 3; *4* — Каменный 1; *5, 6, 7* — Каменный 7. *1–7 — Колпаков, Шумкин,* 2012а. С. 75; 93; 105; 129; 199, 233.
Fig. 3. Kanozero. “Crosses”: *1* — Yelovy 1; *2* — Yelovy 2; *3* — Yelovy 3; *4* — Kamenny 1; *5, 6, 7* — Kamenny 7.

Рис. 4. Бесов Нос: два православных креста, перекрывающих древние выбивки (*Равдоникас,* 1936. Табл. 25).
Fig. 4. Besov Nos: two old orthodox crosses.

пара «крестов» также как бы висит на нити под левой рукой антропоморфного персонажа с поднятыми огромными руками (рис. 5, *6*). Четвертый знак включен в сложную композицию, в которой изображена «беременная женщина», по правую руку от нее — похожее на ящерицу антропоморфное существо с длинным хвостом-фаллосом, за который его держит обеими руками третий антропоморфный персонаж. У последнего — под правым предплечьем находится «крест», конец лопасти которого перебит лодкой (рис. 5, *4*). Все эти композиции с «крестами» расположены на одном острове — Каменном.

Три «креста», вероятно связанные с другими изображениями, зафиксированы на другом острове — Еловом. Одно изображение выбито вплотную к не полностью сохранившейся фигуре животного (рис. 5, *2*). Другое — на расстоянии не более полуметра от зооморфа (рис. 5, *5*). Предположение о том, что последние две фигуры связаны между собой, конечно, под вопросом. Однако же эта пара располагается на отдельной поверхности, отграниченной трещинами в скале от ближайших выбивок и на расстоянии трех метров от них. Поэтому допущение связи между этим «крестом» и ближайшим к нему зооморфом имеет основания. Третий знак расположен под изображением лодки в сцене охоты с гарпуном на китообразное (рис. 5, *3*).

В Альте с другими изображениями связаны пять «крестов» и четыре крестообразные фигуры (рис. 6). Один «крест» наложен прямо на фигуру оленя (рис. 6, *1*). Еще два таких знака выбиты между ногами оленей и в окружении этих животных (рис. 6, *2, 3*). В одном случае на концах лопастей «креста» выбиты овальные фигуры, нередко в Альте обозначающие жилище, а рядом с «крестом» помещена фигура оленя (рис. 6, *4*). Наконец, пятый знак находится на левой руке антропоморфа, а зооморф (лось) выбит рядом, соприкасаясь с его головой (рис. 6, *5*). Две крестообраз-

Рис. 5. Канозеро. Композиции с «крестами»: *1, 6* — Каменный 7; *2* — Еловый 1; *3* — Еловый 2; *4* — Каменный 1; *5* — Еловый 3. *1–6 — Колпаков, Шумкин*, 2012а. С. 166, 165; 118; 34; 107; 81.
Fig. 5. Kanozero. Designs with “crosses”: *1, 6* — Kamenny 7; *2* — Yelovy 1; *3* — Yelovy 2; *4* — Kamenny 1; *5* — Yelovy 3.

Рис. 6. Альта. Композиции с «крестами»: *1, 4, 7* — Kefjord; *2, 3, 5* — Storsteinen; *6* — Bergheim 1; *8* — Ole Pedersen 11 (*1–8 — Tansem,* 2009*; Helskog,* 2013).
Fig. 6. Alta. Designs with “crosses”: *1, 4, 7* — Kefjord; *2, 3, 5* — Storsteinen; *6* — Bergheim 1; *8* — Ole Pedersen 11.

ные фигуры расположены на спине и голове лося (рис. 6, *6*), третья — над спинами оленей (рис. 6, *7*) и четвертая — наложена на незаконченную зооморфную фигуру (рис. 6, *8*). Видовые определения зооморфов даются на основании изображенных признаков и типологии.

Рис. 7. Канозеро. «Колеса»: *1* — Горелый 2; *2, 3, 4* — Еловый 3; *5* — Каменный 6; *6* — Одинокая (*1–6 — Колпаков, Шумкин*, 2012а. С. 67; 102, 106; 160; 263).
Fig. 7. Kanozero. “Wheels”: *1* — Gorely 2; *2, 3, 4* — Yelovy 3; *5* — Kamenny 6; *6* — Odinokaya.

Анализ расположения «крестов» и крестообразных фигур по отношению к другим изображениям позволяет сделать некоторые заключения. В петроглифах Альты «кресты» и крестообразные фигуры уверенно связываются с изображениями северных оленей и лосей. Характер этой связи никак не обозначен, и нет оснований для выводов о каком-либо «натуральном» взаимодействии между «крестом» и животным.

На канозерских петроглифах также представлено два подобных сочетания. Но наиболее интригуют, конечно, три композиции, в которых «кресты» вовлечены в некие действия. Хотя их роль в этих действиях никак не обозначена, все же в двух композициях они в буквальном смысле связаны с антропоморфами, имеющими признаки мифических существ: необычные руки и ноги, хвост-фаллос, уникальную голову. Это наводит на

Рис. 8. Композиции с «колесами»: *1–3* — Канозеро (*1* — Горелый 2; *2* — Каменный 6; *3* — Еловый 3); *4* — Намфорсен: Brådön E: 4–6. *1–3 — Колпаков, Шумкин*, 2012а. С. 30; 162; 106; *4 — Larsson, Broström*, 2011. S. 97.
Fig. 8. Designs with “wheels”: *1–3* — Kanozero (*1* — Gorely 2; *2* — Kamenny 6; *3* — Yelovy 3); *4* — Namforsen: Brådön E: 4–6.

мысль, что «кресты» обозначают не реальные предметы, а мифические. Существовали ли они только в сверхъестественном мифическом мире или имели реальные «ритуальные» прототипы — трудно сказать. «Кресты» на скалах не имеют подходящих аналогий среди древних артефактов, в отличие от лосиноголовых топоров-жезлов в петроглифах Фенноскандии, для которых есть прототипы в артефактах из археологических раскопок памятников каменного века и эпохи раннего металла Евразийского Севера (*Hallström,* 1960. S. 311–317; *Мурашкин, Шумкин,* 2004. С. 97–101; *Жульников, Кашина,* 2010; *Lødøen, Mandt,* 2012. S. 107–108).

«Колеса». Наиболее близким к «крестам» типом изображений являются фигуры, которые можно условно называть «колесами», поскольку некоторые из них можно рассматривать как «крест», вписанный в окружность.

Канозерские «колеса» представляют собой выбитую окружность с обозначенным центром и несколькими радиусами (рис. 7). Обычно центр состоит из малой окружности, в которую упираются радиусы-спицы (от 5 до 10) и внутри которой может быть выбита точка. Всего таких знаков на Канозере — шесть. Разумеется, трудно допустить, что эти фигуры изображают реальные колеса. И сейчас, и в древности применение колеса в транспортных средствах на окружающей Канозеро заболоченной местности сложно представить.

Одна аналогичная фигура с четырьмя спицами есть в Намфорсене (Nämforsen) (рис. 8, *4*), а далее — только в петроглифических памятниках бронзового века Южной Швеции. Однако они отличаются от канозерских «колес» тем, что не имеют специально оформленного центра — окружности с точкой или без нее, а радиусы-спицы всегда просто пересекаются посередине изображения, и их насчитывается всего четыре. Из контекста самого изобразительного материала понятно, что в южношведских петроглифах такие фигуры обозначают колеса боевых колесниц и щиты. Изображение колеса из Намфорсена такое же, как и изображения колес-щитов в петроглифах бронзового века Южной Швеции. Более всего сходны с канозерскими «колесами» некоторые изображения во Флюхове (Flyhov), хотя это обусловлено всего лишь тем, что они имеют шесть или восемь радиусов-спиц (рис. 9).

«Колеса» в композициях. На Канозере три «колеса» из шести явно включены в однотипные композиции, которые уверенно определяются тем, что отделены от других фигур пространством без выбивок (рис. 8). В двух случаях рядом с «колесом» изображены антропоморф и профильный зооморф(ы) (рис. 8, *1, 2*). В одном из них с зооморфом связан еще и контурный прямоугольник, а рядом выбиты оленьи следы (рис. 8, *2*). В третьей композиции в непосредственной близости с «колесом» также изображены зооморф и, возможно, антропоморф (рис. 8, *3*). Причем присутствующие во всех этих композициях зооморфы отличаются от других зооморфных изображений, имеющихся на Канозере, в том числе и идентифицируемых как фигуры лосей и оленей.

Рис. 9. Флюхов. Фрагмент с «колесами» (Hallristningar..., 1989. S. 143).
Fig. 9. Flyhov. Fragment with “wheels”.

В Намфорсене «колесо» окружено изображениями лосей и выбитыми следами (footprints) антропоморфов (рис. 8, *4*). Их выделение в отдельную композицию совершенно условно, поскольку все они входят в плотное скопление из множества фигур, в основном зооморфов. А вот на Флюхов этот фрагмент из Намфорсена действительно очень похож. Не исключено поэтому, что «колесо» и следы (footprints) в Намфорсене заимствованы из наскального искусства шведского бронзового века.

Заключение. Невероятное сходство «крестов» Альты и Канозера по неписаным археологическим законам должно интерпретироваться как свидетельство тесных связей или прямое заимствование. Но этому мешает отсутствие подобного сходства с другими типами фигур и композиций этих памятников, которое могло бы сравниться по уровню со сходством «крестов». А ближайший к ним тип фигур — «колеса» — вообще отсутствует в Альте. При этом петроглифы Канозера по изображениям лодок и сцен морской охоты более сходны с петроглифами Выга (*Колпаков, Шумкин,* 2012б). Однако на Выге нет ни «крестов», ни «колес», подобных канозерским. Допущение того, что за изображениями «крестов» стоят реально существовавшие предметы, обусловливающие близкое сходство их изображений, выглядит правдоподобно, но не имеет опоры в археологических материалах, в отличие от лосиноголовых топоров-жезлов, известных в археологии Северной Европы. Единственное, что удается пока заключить из анализа самих изображений, их наиболее вероятный магический характер.

Интерпретация «колес» еще более проблематична. Единственная фигура в Намфорсене, вероятнее всего, действительно связана с такими же изображениями бронзового века Южной Швеции. Канозерские «колеса» отличаются от них значительно. При этом их стабильное положение в трех имеющихся сценах с участием антропоморфа и не совсем обычного зооморфа свидетельствует как о неслучайном использовании фигуры «колесо», так и о наличии фиксированного смысла в этих композициях, понимание и достоверная интерпретация которого, как и сцен с «крестами», на данном этапе исследования остаются пока недоступными.

Совершенно неожиданное и весьма близкое сходство со схемой изображения канозерских «колес» демонстрирует ряд каменных обкладок погребений эпохи поздней бронзы и раннего железа юго-восточной Норвегии (*Wangen,* 2009). В плане они представляют собой окружность с несколькими радиусами, которые упираются в малую окружность в центре (рис. 10). Таким образом, нельзя исключить, что «колеса» на Канозере связаны с представлениями о загробном мире и погребальными ритуалами.

Конечно, исследование «крестов» и «колес» должно быть продолжено в более широком контексте всех «геометрических» фигур петроглифов Фенноскандии. Тогда,

Рис. 10. Каменные обкладки погребений из могильника Гуннарсторп (Gunnarstorp) (*Wangen,* 2009).
Fig. 10. Stone kerbs of burials at the cemetery of Gunnarstorp.

очень вероятно, обнаружится связь «крестов» с антропоморфами, держащими в руках стержни с кольцами на концах — «pole-carriers» Г. Хальстрема (*Hallström*, 1960. S. 319–320), а через них и с некоторыми изображениями на саамских бубнах. Однако это выходит далеко за рамки статьи и должно быть рассмотрено в последующих работах.

Жульников, Кашина, 2010 — *Жульников А. М., Кашина Е. А.* «Лосиноголовые жезлы» в культуре древнего населения Зауралья, Северной и Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2010. № 2 (42).

Колпаков, Шумкин, 2012а — *Колпаков Е. М., Шумкин В. Я.* Петроглифы Канозера. СПб., 2012.

Колпаков, Шумкин, 2012б — *Колпаков Е. М., Шумкин В. Я.* Лодки в петроглифах Канозера и Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2012. № 1 (49).

Мурашкин, Шумкин, 2004 — *Мурашкин А. И., Шумкин В. Я.* Новые предметы древнего искусства из могильника Большого Оленьего острова в Баренцевом море // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: Материалы тематической науч. конф. СПб., 2004.

Равдоникас, 1936 — *Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л., 1936.

Hallristningar..., 1989 — Hällristningar och hällmålningar i Sverige / Ed. By S. Jansson, E. B., Lundberg, E. B. Janson, S., Bertilsson. Helsingborg, 1989.

Hallström, 1960 — *Hallström G.* Monumental Art of Northern Sweden from the Stone Age. Stockholm. 1960.

Helskog, 2013 — *Helskog K.* Samtaler med maktene: En historie om verdensarven i Alta. Tromsø, 2013 (Tromsø Museums Skrifter; XXXIII).

Larsson, Broström, 2011 — *Larsson T. B., Broström S. — G.* The Rock Art of Nämforsen, Sweden: The survey 2001–2003. Umeå, 2011 (Archaeological Reports from Umeå University; 62).

Lødøen, Mandt, 2012 — *Lødøen T. K., Mandt G.* Vingen — et naturens kolossalmuseum for helleristninger. Instituttet for sammenlignende kulturforskning. Trondheim, 2012 (Serie B: Skrifter Vol. CXLVI).

Tansem, 2009 — *Tansem K.* Alta museum archive. Tromsø. Tracing of 2009.

Wangen, 2009 — *Wangen V.* Gravfeltet på Gunnarstorp i Sarpsborg, Østfold. Et monument over dødsriter og kulturøvelse i yngre bronsealder og eldste jernalder. Oslo, 2009 (Norske Oldfunn; 27).

“Crosses” and “wheels” in the petroglyphs of Fennoscandia

E. M. Kolpakov

During several recent decades, two new types of “geometric” figures have been revealed in the rock art of northern Fenoscandia: “crosses” and “wheels”. The former are found in Alta and Kanozero, the latter — at Kanozero and Namforsen. The “crosses” from Alta are tied to images of elks and deer, at Kanozero they are connected with mythical anthropomorphs. Analysis of the role of these figures in different compositions suggests the conclusion that these figures denoted some magic objects, which possibly did not exist in everyday reality. However this supposition is not so far confirmed by archaeological materials by contrast to the elk-headed axes/staves encountered among archaeological finds from Northern Europe.

According to unwritten archaeological rules, the amazing similarity between “crosses” from Alta and Kanozero should be interpreted as evidence of close links or a direct borrowing. This supposition, however, is contradicted by the absence of similarity between other types of figures and the types of compositions at the abovementioned sites which would be comparable with the similarity level for the “crosses”.

The single “wheel” figure from Namforsen is probably related with similar figures of the Bronze Age in southern Sweden representing the wheels of battle chariots and shields. The Kanozero wheels differ from them considerably. Close similarity with the construction of Kanozero “wheels” is demonstrated by a series of stone kerbs of burials of the Late Bronze Age and Early Iron Age in southeastern Norway. Hence it seems probable that the “wheels” from Kanozero are related with notions about the next world and funerary rituals.

Investigations of the crosses and wheels must be continued within a wider context of the entire scope of the "geometric" figures in petroglyphs of Fennoscandia. Very possibly, a connection will then be revealed between the crosses and anthropomorphs handing rods with rings at their ends — "pole-carriers" of Gustav Halström, and through them with some representations on Saami tambourines. This supposition however is largely outside the frame of the present paper and will be discussed in future studies.

Вариации на тему верблюда в восточноевропейском скифском зверином стиле

А. Р. Канторович[1]

Статья характеризует мотив обособленной головы верблюда в ареале скифской культуры и в ее контактной зоне с кобанской и меотской культурами. Иконографический анализ позволил выявить единственный изобразительный тип верблюда в искусстве восточноевропейского варианта скифо-сибирского звериного стиля — тип «Уллу-Аксютинцы», включающий 6 оригинальных изображений (с учетом копий — 25 экземпляров), происходящих с территории Центрального Предкавказья, Прикубанья и Среднего Поднепровья и оформляющих бронзовые уздечные бляхи. Хронология изображений позволяет определить временные рамки данного типа как рубеж VI–V — середина V в. до н. э. Этот тип возник под влиянием искусства Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, но испытал воздействие местной иконографии грифона и лося.

Ключевые слова: скифский звериный стиль, образ верблюда, могильник Уллу, уздечные бляхи.

This paper discusses the motif of isolated camel head in the area of Scythian culture and in its contact zone with the Koban and Maeotic cultures. Iconographic analysis suggests a single figurative type of camel in the art of the East-European variant of the Scytho-Siberian animal style — the type of «Ullu-Aksyutintsy» — comprising six original representations (25 examples including the copies) originated from central Ciscaucasia, the Kuban River and middle Dnieper regions. These representations decorated bronze bridle mounts and are dated to the chronological span between the turn of the 6th/5th and mid-5th centuries BC. The type under consideration arose under the influence of the art of the Lower Volga and Southern Ural regions, however it was impacted by the local iconography of griffin and elk.

Keywords: Scythian animal style, camel motif, cemetery of Ullu, bridle plaques.

К образу верблюда в искусстве скифо-сибирского звериного стиля относятся изображения, наделенные, помимо диагностических показателей этого стиля[2], природными признаками вида двугорбого верблюда — бактриана (*Camelus bactrianus*) семейства верблюдовых отряда мозоленогих. Диагностические признаки образа верблюда в скифо-сибирском и сарматском зверином стиле были четко обоснованы Е. Ф. Корольковой (Чежиной), посвятившей этому мотиву целый ряд работ (*Чежина*, 1991; *Королькова*, 1998; 1999; 2006) и составившей наиболее полную на сегодняшний момент сводку полнофигурных и редуцированных изображений верблюда в зверином стиле скифской и сарматской эпох (к 2006 г. исследовательницей учтено 90 изделий из 35 памятников — см. *Королькова*, 2006.

[1] Россия, 119992, Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, исторический факультет, кафедра археологии.

[2] К таковым относятся: 1) специфические пропорции, такие как преувеличенность определенных частей тела — органов чувств, движения и поражения (в ущерб остальным): в первую очередь глаз, пасти, ноздрей, ушей, лопаток, бедер во всех образных группах, рогов и копыт у копытных, зубов и когтей у хищников, клюва и крыльев у птиц, всех вышеперечисленных деталей (при их наличии) у синкретических животных; 2) акцентирование определенных анатомических деталей (в первую очередь глаз, лопаток, бедер, копыт или лап) посредством рельефного выделения, линейного обрамления, намеренной геометризации или зооморфного превращения этой детали; 3) специфическая поза животного, соответствующая ограниченному набору канонических поз.

Если мы имеем дело с изображением, намеренно редуцированным по принципу «часть вместо целого», достаточно наличия у него двух первых признаков.

С. 88–104 сл.). Идентифицирующим признаком этого образа, естественно, является наличие двух горбов и другие исключительные элементы верблюжьего экстерьера. Однако для редуцированных изображений (обособленная голова), лишенных этих индикаторов, диагностическими признаками служат такие специфические верблюжьи природные черты, как «шапка» густой шерсти, переходящая в гриву, в виде «характерного «хохолка», заостренного и направленного вперед и подчеркнутого продольными плавными линиями, повторяющими его абрис; воспроизведение верблюжьей горбоносой загнутой морды, отличающейся утрировкой формы с приближением к облику грифона, а также «округлая выпуклость “щеки”, выделяемая наряду с гипертрофированным глазом и ухом» (*Ко-*

ролькова, 2006. С. 89–90). Добавим к этому списку также форму уха — оно полуовальное и короткое, не похожее на заостренные уши как копытных, так и хищников, представленных в скифском зверином стиле.

Верблюд не принадлежит ни к отряду парнокопытных, ни к отряду непарнокопытных, поэтому соответствующие изображения должны рассматриваться вне мегаобраза копытных. По мнению Е. В. Переводчиковой, основанному на морфологическом анализе, в сознании создателей искусства скифо-сибирского мира верблюд стоял скорее в одном ряду с хищником и грифоном и сближался в этой «народной классификации» с фантастическим существами (*Переводчикова*, 2009. С. 129–131).

Образ верблюда популярен в зверином стиле «савроматской» культуры (*Королькова*, 2006. С. 88–104). Известен он и в достаточно ранних образцах искусства более восточных вариантов скифо-сибирского звериного стиля — на бронзовой бляхе из Уйгарака (курган 47) (*Вишневская*, 1973. С. 40, табл. XV, *5*; XXVIII, *12*), а также на золотой гривне, золотой шпильке и на бронзовых бляхах из Аржана 2 (*Čugunov et al.*, 2010. Taf. 36, *6*; 56, *3e*; 142, *13*; 146, *5*) (эти комплексы датируются, при всей дискуссионности хронологии кургана Аржан 2, в пределах VII–VI вв. до н. э., т. е. временем «скифской архаики»).

Вместе с тем до недавних пор эта художественная тема считалась абсолютно не представленной в северопричерноморской и северокавказской зонах скифо-сибирского мира. Е. Ф. Королькова пришла к выводу, что в искусстве Северного Причерноморья образ верблюда появляется не ранее сарматского периода (*Королькова*, 2006. С. 104).

Однако находка в 2012 г. бронзовой уздечной бляхи с изображением головы верблюда в погребении 2 бескурганного могильника Уллу в Центральном Предкавказье (Зольский район Республики Кабардино-Балкария) заставляет по-новому рассмотреть этот вопрос[3]. Эта головка в сочетании с аналогичными изображениями на территории восточноевропейской зоны скифского звериного стиля[4] формирует определенный изобразительный тип, который можно именовать типом «Уллу-Аксютинцы» по местонахождениям наиболее показательных изображений этого типа.

Всего к данному типу относятся шесть оригинальных изображений (с учетом копий — 25 экз., см. ниже каталог изображений[5]) (рис. 1), происходящих с террито-

[3] Раскопки А. Б. Белинского, А. Р. Канторовича, В. Е. Маслова и С. Райнхольд в 2012 г. (см. подробнее о данном могильнике: *Белинский и др.,* 2013. С. 18–19).

[4] Охватывает зоны степного причерноморского, лесостепного и северокавказского локальных вариантов скифского звериного стиля.

[5] Порядковые номера каталога обозначают оригинальные изображения, без учета копий, они соответствуют изображениям, обозначенными номерами на рис. 1.

Рис. 1. Мотив головы верблюда в восточноевропейском скифском зверином стиле (тип «Уллу-Аксютинцы») и его генезис: *1* — Уллу, погребение 2 (раскопки А. Б. Белинского, А. Р. Канторовича, В. Е. Маслова и С. Райнхольд в 2012 г.; фото А. Р. Канторовича); *2* — Майкоп (Государственный Эрмитаж, 2509/5–6; фото А. Р. Канторовича; впервые опубликовано в: *Переводчикова*, 2000. Рис. 1, *9*); *3* — Гастон Уота, погребение 19 (*Мошинский*, 2006. Рис.15, *9*); *4* — Аксютинцы — Стайкин верх, курган 12 (прорисовка — *Шкурко*, 1976. Рис. 2, *11*); *5* — Броварки, курган 505 (*Галанина*, 1977. Табл. 30, *13*); *6* — Макеевка, курган (*Петренко*, 1967. Рис. 31, *13*). А — Пятимары I, курган 8 (*Смирнов*, 1976. Рис. 5, *7*); Б, В — Хошеутово (*Očir-Gorjaeva*, 2005. Cat. No 5, 118); Г — Филипповка, курган 1 (The Golden Deer of Eurasia, 2000. Cat. № 13); Д — Грищенцы, погребение 7 (*Петренко*, 1967. Табл. 31, *10*); Е — Журовка, курган 401 (*Петренко*, 1967. Табл. 31, *12*); Ж — Филипповка, курган 1 (The Golden Deer of Eurasia, 2000. Cat. № 98). Масштаб к № 1–6.

Fig. 1. Motif of camel head in the East-European Scythian animal style (type «Ullu-Aksyutintsy») and its genesis: *1* — Ullu, burial 2 (excavations by A. B. Belinskiy, A. R. Kantorovich, V. E. Maslov and S. Reinhold in 2012; Photo by A. R. Kantorovich); *2* — Maykop (State Hermitage, 2509/5–6; Photo by A. R. Kantorovich; first published in: *Переводчикова*, 2000. Fig. 1, *9*); *3* — Gaston Uota, grave 19; *4* — Aksyutintsy — Staykin Verkh, barrow 12 (detailed drawing — *Шкурко*, 1976. Fig. 2, *11*); *5* — Brovarki, barrow 505; *6* — Makeyevka, barrow. A — Pyatimary I, barrow 8; Б, В — Khosheutovo; Г — Filippovka, barrow 1; Д — Grishchentsy, burial 7; E — Zhurovka, barrow 401; Ж — Filippovka, barrow 1. Scale for № 1–6.

рии Центрального Предкавказья (могильник Уллу, погребение 2; могильник Гастон Уота, погребение 19) (рис. 1, *3*), Прикубанья (Майкоп, покупка) (рис. 1, *2*)[6] и Среднего Поднепровья (Аксютинцы — Стайкин верх, курган 12; Броварки, курган 505; курган у с. Макеевка) (рис. 1, *4–6*). Все они оформляют бронзовые уздечные бляхи. Во всех случаях здесь представлена обособленная голова некоего существа с сегментовидной верхней челюстью, нависающей верхней губой, с хохолком на темени («шапка» густой шерсти), с овальным ухом, что соответствует вышеперечисленным природным признакам двугорбого верблюда — бактриана и его полнофигурным и редуцированным отображениям в савроматской и сако-сибирской зоне скифо-сибирского мира.

Изображения рельефные, односторонние, с прорезью (рис. 1, *1, 4–6*) или с впадиной (рис. 1, *2, 3*) для обозначения рта, ракурс — строго профильный. Животное имеет горбатую морду с овальным завершением (но без явного перелома, характерного для иконографии лося), преувеличенный округлый концентрический глаз (выпуклость зеницы в рельефном ободке глазницы), овальное ухо с впадиной раковины, тесно примыкающее к глазу, и обозначенный поперечным рифлением гребень-хохолок непосредственно над глазом. Рот овальный, в изображении из Гастон Уота слабозаметный (рис. 1, *3*), в остальных случаях четко проработанный, причем в майкопском изображении рот зубастый, что имитировано тремя поперечными валиками, разделенными впадинами (рис. 1, *2*). В броварском изображении (рис. 1, *5*) у края носовой кости показана рельефная впадина.

Хохолок четче всего воспроизведен в изображениях из Уллу и Гастон Уота (рис. 1, *1, 3*) — он, как и в полнофигурных изображениях верблюда, сегментовидный, с крупным поперечным рифлением. Напротив, эта деталь гораздо схематичнее в майкопском, аксютинецком, броварском и макеевском изображениях, где хохолок либо овальный, с единственным желобком внутри, т. е. подобный уху (рис. 1, *2*), либо складывается из трех (рис. 1, *5*), четырех (рис. 1, *4*) и более (рис. 1, *6*) коротких вертикальных валиков, похожих в совокупности либо на гребень грифона, либо на пальметовидную рудиментарную «корону» лосиных рогов (рис. 1, *4, 5*).

Ближайшую аналогию типу «Уллу-Аксютинцы» составляют бронзовые уздечные бляхи, оформленные в виде головы верблюда из погребения у с. Хошеутово (*Očir-Gorjaeva*, 2005. Cat. № 98, 99, 118, 119) (рис. 1, В). Менее близки, но также сходны с типом «Уллу–Аксютинцы» головы верблюдов на бронзовых псалиях из Хошеутова (*Ibid*. Cat. № 45) (рис. 1, Б).

Хронологические рамки данного типа и всего мотива верблюжьей головы в восточноевропейском скифском зверином стиле определяются в пределах рубежа VI–V — середины V в. до н. э. на основании аналогии с Хошеутовом, датируемом в рамках V в. до н. э., возможно, его серединой (*Ibid*. S. 70–72), а также собственными хронологическими индикаторами комплексов типа «Уллу–Аксютинцы». Именно бляха с головой верблюда из Уллу (рис. 1, *1)* происходит из погребального комплекса с наконечниками стрел V в. до н. э. В целом могильник Уллу датируется в пределах V в. до н. э. по другим найденным здесь изображениям, выполненным в скифском зверином стиле, а также по закавказским импортам, наконечникам стрел и уздечным принадлежностям (*Белинский и др.,* 2013. С. 18–19). Комплекс, содержащий изображение из Броварок (рис. 1, *5*), по составу колчанного набора и типам бронзовых уздечных блях отнесен исследователями к первой пол. V в. до н. э. (*Ильинская*, 1957. С. 238; *Галанина*, 1977. С. 53). Изображения из Аксютинцев (рис. 1, *4*) и Макеевки (рис. 1, *6*), почти тождественные броварскому, должны датироваться аналогично, что не противоречит хронологическому определению аксютинецкого комплекса в работе В. А. Ильинской рубежом VI–V вв. до н. э. (*Ильинская*, 1968. С. 73)[7].

В литературе аксютинецкое изображение (рис. 1, *4*) трактуется как «голова грифона» (Там же. С. 31) или же как голова «лося с чубчиком» (*Могилов*, 2008. С. 48). Изображение

[6] Благодарю А. Ю. Алексеева и Т. В. Рябкову (Государственный Эрмитаж) за предоставленную возможность визуального ознакомления и фотофиксации данного изделия.

[7] Соответственно датировка А. Д. Могиловым аксютинецкого комплекса второй половиной VI в. до н. э. (*Могилов*, 2008. С. 48) представляется отчасти заниженной.

из Броварок (рис. 1, *5*) квалифицировано В. А. Ильинской и Л. К. Галаниной как голова грифона (*Ильинская*, 1957. С. 238; *Галанина*, 1977. С. 53); аналогично интерпретируют изображения из Майкопа и из могильника Гастон Уота (рис. 1, *2, 3*) их первые публикаторы Е. В. Переводчикова и А. П. Мошинский (*Переводчикова*, 2000. С. 231–232; *Мошинский, Переводчикова*, 2004. С. 10). Действительно, у представленных здесь животных загнутая морда напоминает клюв или лосиную морду с характерным переломом в верхней части, а рифленый выступ над глазом — гребень грифона (ср. изображения грифона на бронзовой бляхе из Грищенцев и лося на аналогичном предмете из Журовки — рис. 1, Д, Е). Однако короткое овальное ухо этих существ отличается от заостренного асимметрично ромбического уха грифонов и лосей. Поэтому, не отрицая влияния местной среднеднепровской иконографии грифона и лося на формирование этих изображений, все же следует объяснять их появление в этом регионе проникновением сюда, хоть и в искаженном виде, мотива головы верблюда, подобной изображениям из Уллу и Хошеутова[8].

Каковы же вероятные пути и причины заимствования этого мотива в восточноевропейском скифском зверином стиле? Ведь если восточнее на территории Средней Азии и Казахстана образ верблюда бактриана, при несомненном наличии здесь природного прототипа, разрабатывался еще в эпоху бронзы (*Кузьмина*, 1963. С. 38–40; *Королькова*, 2006. С. 84–85, табл. 52, *1*), то на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье, как в бронзовом веке, так и далее, в предскифскую и раннескифскую эпоху этот образ известен не был.

Е. Ф. Королькова показала, что районами наибольшей концентрации изображений верблюда в скифскую эпоху являются Южное Приуралье и Западный Казахстан, где образ верблюда воплощался постоянно с конца VI–V по IV в. до н. э. (*Королькова*, 2006. С. 99–100). Именно эта зона, по мнению исследовательницы, является очагом распространения данного образа в западном и восточном направлении в рамках скифо-сибирского мира, причем в качестве таких очагов Е. Ф. Королькова рассматривает также Приаралье и Туву, учитывая вышеупомянутые уйгаракское и аржанские изображения (Там же. С. 104). Надо полагать, что нижневолжские изображения из Хошеутова стали следствием первой волны продвижения образа верблюда в этот регион из Южного Приуралья и Зауралья, откуда происходят, в частности, очень точные в сюжетном отношении полнофигурные изображения борющихся верблюдов-самцов (ср. с фотографиями современных верблюжьих боев в Турции) на уздечных бляхах из Пятимар первой половины V в. до н. э. (рис. 1, А), нашедшие затем продолжение в более поздних изображениях из кургана 1 Филипповки на бронзовых фаларах (рис. 1, Г) и на золотых обкладках сосудов (рис. 1, Ж). В изображениях из Филипповки можно наблюдать дальнейшее усиление стилистического приема, отмеченного еще К. Ф. Смирновым для блях из Пятимар (*Смирнов*, 1964. С. 238), а именно наделения верблюда чертами хищника или грифона, вплоть до преобразования головы верблюда в голову хищника (золотые бляшки из Филипповки; ср.: *Переводчикова*, 2009. С. 129).

Данная сюжетика образа верблюда как агрессивного самца, сражающегося с другим самцом за самку, позволила Е. Ф. Корольковой (*Королькова*, 2006. С. 85–86) напрямую ассоциировать (но не отождествлять) образ верблюда в скифо-сибирском мире с одной из инкарнаций авестийского Вэртрагны (ср. *Кузьмина*, 1963. С. 43). Действительно, Вэртрагна, последовательно являющийся перед Заратуштрой в различных обличьях, в чет-

[8] Интересно, что Е. В. Переводчикова воспринимает изображения из Майкопа и из могильника Гастон Уота однозначно как передачу образа грифона и никак не связывает их с темой верблюда, несмотря на то что, как уже было сказано, в другой своей работе исследовательница четко обосновала «пограничный характер» образа верблюда в «савроматском» и «сако-сибирском» искусстве с темами хищника и грифона. Вероятно, это связано с мнением Е. В. Переводчиковой о том, что «там, где верблюда не знали и не могли видеть, его и не изображали» (*Переводчикова*, 2009. С. 130). Однако скифский звериный стиль дает нам примеры изображения (хотя и с искажением) горных козлов, горных баранов и львов в местах, где они не водились, например в лесостепном Поднепровье.

вертый раз предстает перед ним «неистовым» верблюдом, сильнейшим из всех верблюдов самцов, «объятым страстью», «стремящимся на самок, которых он пасет»; в другом стихе мощь царя Кави Усана сравнивается с силой, которой обладает «верблюд в порыве страсти» (Яшт 14 («Бахрам-яшт»), IV, 1113, 39, перевод И. М. Стеблин-Каменского) (Авеста..., 1998. С. 343–344, 350).

Вероятно, тип «Уллу-Аксютинцы» — результат заимствования образа верблюда с территории Нижнего Поволжья (куда он пришел из Южного Приуралья) и, далее, его переработки (порой с искажением) в ареале скифской культуры и в ее контактной зоне с кобанской (Гастон Уота, Уллу) и меотской культурами (Майкоп). Данная модификация — закономерное следствие того, что в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе (вплоть до сарматской эпохи) отсутствовал природный прообраз, но при этом, что показательно, степень искажения нижневолжско-южноуральского прототипа неодинакова: на Северном Кавказе, регионе, соседнем с Нижним Поволжьем, этот персонаж отображался все-таки ближе к бактриану, нежели в Среднем Поднепровье, более отдаленном от поволжско-приуральских художественных корней. Не случайно в Приднепровской лесостепи иконография верблюда, как мы видели, смешивается с местной иконографией грифона и лося и даже подчиняется ей. Однако и эта (вторичная) контаминация образов была уже «запрограммирована» в регионах, исходных для темы верблюда в скифскую эпоху в Южном Приуралье и в Западном Казахстане, — ибо здесь мотив верблюда, как мы видели, непосредственно граничил и смешивался с мотивами грифона и хищника (см. *Королькова*, 2006. С. 85 сл., 100–101; *Переводчикова*, 2009. С. 130–131), что, с учетом вышеприведенных авестийских параллелей, возможно, объясняется некими общеиранскими архетипическими представлениями о верблюде.

Итак, образ верблюда, в целом чуждый восточноевропейскому скифскому звериному стилю, тем не менее заимствуется этим локальным вариантом из более восточных зон скифо-сибирского мира в вариации pars pro toto (мотив обособленной головы). Здесь он ограниченно распространяется в рамках рубежа VI–V — середины V в. до н. э. Такое заимствование, вероятно, облегчалось тем, что изображения головы верблюда, служившие образцами для копирования, могли восприниматься как аллюзия на местные образы головы грифона и головы лося. Вопрос о более глубокой семантической основе распространения образа верблюда или верблюдо-грифона в восточноевропейском скифском зверином стиле остается открытым.

Каталог изображений головы верблюда («верблюдо-грифона») в восточноевропейском скифском зверином стиле

Catalogue of representations of camel head («camel-griffin») in East-European Scythian animal style

№ п/п	Происхождение изображения	Основные публикации изображения	Оформляемый предмет
1	Могильник Уллу, погребение 2	*Белинский и др.,* 2013. С. 18–19 (первое упоминание)	Бронзовая уздечная бляха, 1 экз.
2	Майкоп, покупка	*Переводчикова*, 2000, рис. 1, *9*	Бронзовая уздечная бляха, 1 экз.
3	Могильник Гастон Уота, погребение 19	*Мошинский*, 2006. С. 26, 27, рис. 15, *9, 10*	Бронзовые уздечные бляхи, 17 экз. (8 ориентированы влево, 9 вправо)
4	Аксютинцы — Стайкин верх, курган 12	*Самоквасов*, 1908. Альбом, № 1606; *Ильинская*, 1968. Табл. X, *6*; *Шкурко*, 1976. Рис.2, *11*; *Могилов*, 2008, рис.97, *7*	Бронзовая уздечная бляха, 1 экз.
5	Броварки, курган 505	*Галанина*, 1977. Табл. 30, *13*; *Могилов*, 2008. Рис. 97, *8*	Бронзовые уздечные бляхи, 2 экз.
6	Курган у с. Макеевка	*Покровська*, 1957. Рис. 3, *24*; *Петренко*, 1967. Табл. 31, *13*	Бронзовые уздечные бляхи, 3 экз.

Авеста..., 1998 — Авеста в русских переводах (1861–1996) / Сост., общая ред., примеч. и справочный раздел И. В. Рака. СПб., 1998.

Белинский и др., 2013 — *Белинский А. Б., Канторович А. Р., Маслов В. Е., Райнхольд С.* Раскопки могильника Уллу в Центральном Предкавказье // Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур: Тез. докл. (Сухум, 26–30 ноября 2013 г.) / Под ред. А. И. Габелия, А. И. Джопуа, Г. А. Сангулия, Р. М. Барцыца. Сухум, 2013.

Вишневская, 1973 — *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. М., 1973.

Галанина, 1977 — *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга). М., 1977 (САИ; Д–133).

Ильинская, 1957 — *Ильинская В. А.* Памятники скифского времени в бассейне р. Псел // СА. 1957. Т. XXVII.

Ильинская, 1968 — *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев, 1968.

Королькова, 1998 — *Королькова Е. Ф.* Образы верблюдов и их развитие в искусстве ранних кочевников // Археологические памятники Оренбуржья / Под ред. Н. Л. Моргуновой. Оренбург, 1998. Вып. II.

Королькова, 1999 — *Королькова Е. Ф.* Образы верблюдов и пути их развития в искусстве ранних кочевников Евразии // Материалы и исследования по археологии Евразии. Л., 1999 (АСГЭ; Вып. 34).

Королькова, 2006 — *Королькова Е. Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2006.

Кузьмина, 1963 — *Кузьмина Е. Е.* Древнейшая фигурка верблюда в Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов // СА. 1963. № 2.

Могилов, 2008 — *Могилов А. Д.* Спорядження коня скіфськоі доби у Лісостепу Східноі Европи. Київ; Кам'янець-Подільський, 2008.

Мошинский, 2006 — *Мошинский А. П.* Древности горной Дигории VII — IV вв. до н. э.: систематизация и хронология. М., 2006.

Мошинский, Переводчикова, 2004 — *Мошинский А. П., Переводчикова Е. В.* Скифский звериный стиль в кобанских могильниках Дигории // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2004. Вып. VII.

Переводчикова, 2000 — *Переводчикова Е. В.* К вопросу о связях Нижнего Поволжья, Прикубанья и Нижнего Подонья (по материалам скифского звериного стиля) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палоэкология, антропология и археология / Под ред. В. И. Гуляева, В. С. Ольховского. М., 2000.

Переводчикова, 2009 — *Переводчикова Е. В.* Верблюд в классификационной системе скифского звериного стиля // Старожитності степового Причорномор'я і Криму / Под ред. Г. Н. Тощева. Запоріжжя, 2009. Т. XV.

Петренко, 1967 — *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в VIII вв. до н. э. М., 1967. (САИ; Д–14).

Покровська, 1957 — *Покровська Е. Ф.* Розкопки курганів V ст. до н. е. поблизу Шполи // Археологія. Київ, 1957. Т. XI.

Самоквасов, 1908 — *Самоквасов Д. Я.* Могилы русской земли. М., 1908.

Смирнов, 1964 — *Смирнов К. Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

Смирнов, 1976 — *Смирнов К. Ф.* Савроматосарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Под ред. А. И. Мелюковой, М. Г. Мошковой. М., 1976.

Чежина, 1991 — *Чежина Е. Ф.* Образы верблюдов в искусстве ранних кочевников Евразии (пути распространения и развития) // Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции: Краткие тез. докл. науч. конф., посвящ. 60-летию Отдела археологии Восточной Европы и Сибири. Государственный Эрмитаж (4–5 декабря 1991 г., Санкт-Петербург). СПб., 1991.

Шкурко, 1976 — *Шкурко А. И.* О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Под ред. А. И. Мелюковой, М. Г. Мошковой. М., 1976.

Čugunov et al., 2010 — *Čugunov K. V., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva // Archäologie in Eurasien. Mainz, 2010. Bd 26.

Očir–Gorjaeva, 2005 — *Očir–Gorjaeva M.* Pferdegeschirr aus Chošeutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga // Archäologie in Eurasien. Mainz, 2005. Bd 19.

The Golden Deer of Eurasia..., 2000 — The Golden Deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes. New York, 2000.

Variations on the subject of camel in East-European Scythian animal style

A. R. Kantorovich

It was believed until recently that the image of camel is totally absent in the East-European sphere of the Scythian animal style, although it is well known from the animal style of the "Sauromatian" culture and more eastern regions of the Scytho-Siberian world. However a bronze bridle mount with a representation of a camel's head found in 2012 in the course of excavation of the cemetery of Ullu in central Ciscaucasia compels us to view this question in a different light. This representation together with similar ones from the area of the East-European variant of the Scytho-Siberian animal style (including zones of the steppe Black Sea littoral, forest-steppe and North-Caucasian areas of the Scythian animal style) constitute a particular figurative style which is proposed by the present author to be called "Ullu-Aksyutintsy" type after findspots of its most representative examples. This type comprises six original representations (or 25 examples if one takes the copies in account) originating from the central Ciscaucasia, Kuban and middle Dnieper regions. They all decorated bronze bridle plaques. The type of "Ullu-Aksyutintsy" is datable to within the turn of the 6th/5th and mid-5th centuries BC. The image of camel, although generally alien to the East-European Scythian animal style, nevertheless is borrowed by this local variant in the form of *pars pro toto* (motif of isolated head) from more eastern zones of the Scytho-Siberian world — the Lower Volga (to where it came, in turn, from the Southern Urals). It was reinterpreted in the area of the Scythian culture and in the latter's contact zone with the Koban and Maeotic cultures. There, merging of the motif of camel with those of griffin and elk took place. This borrowing possibly was facilitated by the fact that representations of a camel's head which were the paragons for imitation can have been perceived as an allusion to the local images of griffins' and elks' heads.

Монетные суррогаты в денежном обращении Боспора Киммерийского

А. Е. Терещенко[1]

В представленной заметке рассказывается о небольшом бронзовом артефакте с процарапанными рисунками. Предполагается, что эта вещица могла быть неким денежным знаком, изготовленным на основе бывшей монеты. Характер граффито определен как контаминация двух известных типов пантикапейских монет конца IV — начала III в. до н. э.

Ключевые слова: Боспор, суррогаты, монета, надчеканки, монеты-стрелки, денежный знак.

The notes here presented tell about a small bronze artefact covered with scratched drawings. Presumably, this small object was token money made from what earlier had been a coin. The character of the graffito is determinable as a contamination of two well-known types of Pantikapaion coins of the late 4th to early 3rd century BC.

Keywords: Bosporos, surrogates, coin, overstrikes, arrowhead coins, token money.

В сезоне 2013 г. мне удалось познакомиться с любопытной вещицей — небольшой бронзовой бляшкой с процарапанными рисунками (рис. 1, *1*). Вес 5,60 г, размеры — 17,4 × 18,5 мм. Исходным материалом, послужившим основой для этого предмета, стала монета, изображения на которой в процессе обращения оказались совершенно стерты.

Разумеется, предположения о назначении этой вещи могут варьироваться в довольно широком диапазоне: от амулета от сглаза до биты, используемой при игре. Тем не менее, на мой взгляд, перед нами денежный знак, изготовленный частным лицом. Граффито на бляшке, скорее всего, представляет собой контаминацию двух типов пантикапейских монет конца IV — начала III в. до н. э.

I) Av. Голова безбородого сатира в плющевом венке влево. Надчеканка в виде 12-лучевой звезды. Rv. голова льва влево, под ним осетр, по контуру буквы П-А-N. Надчеканка в виде горита (рис. 1, *2*). Датировка: начало III в. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 245, № 3; *Шелов*, 1956. С. 216, № 62), конец первой — начало второй четверти III в. до н. э. (*Голенко*, 1970. С. 23, приложение, № 2), 284–275 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986а. С. 141, № 130, 131). 309–302/1 гг. до н. э. (*А. Т.*)[2].

II) Av. Голова безбородого сатира в плющевом венке, влево. Rv. Лук и стрела вправо, снизу ПАN. Перечеканены из предыдущего типа (рис. 1, *3*). Датировка: 300–250 гг. до н. э. (*Зограф*, 1951. С. 245, № 4), первая половина III в. до н. э. (*Шелов*, 1956. С. 217, № 65), вторая четверть III в. до н. э. (*Голенко*, 1970. С. 23, приложение, № 4), 275–245 гг. до н. э. (*Анохин*, 1986а. С. 141, № 133), 300–284/3 гг. до н. э. (*А. Т.*).

Звезда на нашем экземпляре, очевидно, копирует соответствующую надчеканку на типе I. Реверсный (?) рисунок, вероятно, должен изображать лук и стрелу (хотя очертания предмета в верхней части монетного поля имеют некоторое сходство и с надчеканкой «горит»). Четыре вертикальных штриха, по всей видимости, подразумевают надпись ПАN (рис. 1, *1а*).

Таким образом, можно предположить, что рассматриваемый артефакт представляет собой, в некотором смысле, «реставрированный» тетрахалк II типа. Тем более что его вес и размер полностью вписываются в параметры, присущие этому виду монет.

---

[1] Россия, 191186, Санкт-Петербург. Инженерная ул., 4. Государственный Русский музей.

[2] Датировка, предлагаемая автором статьи, отмечена инициалами *А. Т.* — *Примеч. ред.*

Насколько реально функционирование суррогатов в денежном обращении? Ближайшей аналогией, подтверждающей возможность хождения такого рода предметов в качестве разменной монеты, выступают так называемые «монеты-стрелки». Например, имеются свидетельства о присутствии в составе кладов среди собственно «монет-стрелок» настоящих боевых двухлопастных или трехгранных наконечников стрел. Часть их намеренно монетизирована — острия обломаны, а втулки залиты свинцом (*Анохин*, 1986б. С. 76). Правда, эти артефакты обнаруживаются достаточно далеко от наиболее вероятного источника изготовления самих «монет-стрелок» — о. Березань.

Рис. 1. 1 — монетный суррогат; *1а* — увеличенное изображение; *2* — Пантикапей (последнее десятилетие IV в. до н. э.); *3* — Пантикапей (первая четверть III в. до н. э.).
Fig. 1. 1 — monetary surrogate; *1a* — magnified representation; *2* — Pantikapaion (last decade of the 4th century BC); *3* — Pantikapaion (first quarter of the 3rd century BC).

Вряд ли стоит сомневаться, что процесс перевода наконечников стрел из разряда функциональных вещей в ранг денежных знаков являлся делом сугубо частным и был вызван недостатком разменной монеты в местах, удаленных от центра ее производства. Что характерно, наша «монета», по словам нынешнего владельца, была найдена в районе между Нимфеем и Илуратом, на территории дальней хоры (?).

Подведем краткий итог. Безусловно, в глубинке сельской территории Боспорского царства имели хождение различного рода заменители денег, при расчетах которыми учитывался, главным образом, только вес металла. Тем не менее, судя по представленному экземпляру, иногда для придания большей значимости платежному средству на него наносили рисунки, подражающие облику официальной чеканки. Не исключено, что среди археологических находок уже имеются подобные предметы, пока не получившие должного определения.

Анохин, 1986а — *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.

Анохин, 1986б — *Анохин В. А.* Монеты-стрелки // Ольвия и ее округа. Киев, 1986.

Голенко, 1970 — *Голенко К. В.* К хронологии некоторых медных монет Боспора III в. до н. э. // НЭ. 1970. Т. 8.

Зограф, 1951 — *Зограф А. Н.* Античные монеты. М., 1951 (МИА; № 16).

Шелов, 1956 — *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М., 1956.

Monetary surrogates in the coin circulation of Cimmerian Bosporos

A. E. Tereshchenko

The notes here presented tell about a small round bronze object covered with scratched drawings (Fig. 1). Presumably, this small object may have been some token money made by a private person from what earlier had been a coin. The character of the graffito is determinable as a contamination of two well-known types of Pantikapaion coins of the late 4th to early 3rd century BC.

The present author supposes that in the remote rural territory of the Bosporan Kingdom, different substitutes for money may have been circulating. For their currency mainly the weight of the metal possibly was valued. However occasionally, in order to make this circulating medium more creditable it was covered with drawings imitating the features of the official coinage as possibly was the case with the artefact here published.

It seems that among the finds from archaeological expeditions in Bosporos, there can be found objects of similar type which so far have not been properly identified.

Типология составных гребней эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая[1]

Н. А. Жогова (Кушакова)[2]

В работе представлена типология составных гребней, происходящих из погребальных комплексов эпохи ранних кочевников Тувы и Алтая. В научный оборот вводятся вещи из новых раскопок и ранее неопубликованные материалы, значительно расширяющие базу источников. Выделенные типы составных гребней могут служить хронологическими индикаторами, особенно для культур эпохи ранних кочевников Тувы.

Ключевые слова: составные гребни, алды-бельская культура, уюкско-саглынская культура, озен-ала-белигский этап, пазырыкская культура, типология, относительная хронология.

This article presents the typology of composite hair combs from burial complexes of early nomads of Tuva and Altai. Finds from recent excavations, as well as materials unpublished before, are here described. These data considerably expand our source base.

The determined types of composite combs can be used as chronological markers particularly for the cultures of early nomads of Tuva.

Keywords: composite combs, Aldy-Bel culture, Uyuk-Sagly culture, Ozen-Ala-Belig stage, Pazyryk culture, typology, relative chronology.

Наши представления о такой категории материальной культуры, как гребни, в основном связаны с уникальными высокохудожественными роговыми и костяными изделиями из памятников Южной и Западной Сибири эпохи ранних кочевников и предшествующих периодов (*Грач*, 1980; *Новиков, Сергеева*, 2011; *Поляков*, 2005 и др.). Между тем в погребальных комплексах ранних кочевников Тувы и Горного Алтая обнаружены не менее интересные составные гребни.

Первую попытку проанализировать гребни как отдельную категорию погребального инвентаря для Тувы осуществил А. М. Мандельштам, на примере материалов из могильника эпохи ранних кочевников Аймырлыг. Он разделил гребни на металлические, костяные и деревянные. Последние могли быть как цельными, так и составными. По способу крепления А. М. Мандельштам выделил два варианта составных гребней: в первом случае в планке-основе, выполненной из тонкой деревянной палочки, вырезались отдельные гнезда-отверстия, в которые вставлялись зубцы; во втором случае в аналогичной планке вырезался паз, в который также вставлялись зубцы. Гребни, обнаруженные в погребениях, автор относил к предметам женского убора (*Мандельштам*, 1992. С. 190).

Для Горного Алтая подобную работу сделал В. Д. Кубарев на материалах из рядовых курганов пазырыкской культуры. Он выделил два типа деревянных и роговых гребней: 1) с полукруглым и 2) прямоугольным основанием (т. е. рукоятью). По мнению В. Д. Кубарева, такие гребни были широко распространены у населения Алтая и Тувы (*Кубарев*, 1987. С. 93; 1991. С. 95; 1992. С. 86–88).

---

[1] Работа выполнена при поддержке гранта на научные исследования СПбГУ «Этнокультурные контакты и взаимодействия в процессе возникновения и развития древнейших цивилизаций (по памятникам материальной культуры и письменным источникам древнего Ближнего Востока и Центральной Азии V–I тыс. до н. э.)» (шифр ИАС 2.38.525.2013).

[2] Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.

Рис. 1. Детали составных гребней эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая: *1* — гребень с составной рукоятью; *2, 3б* — детали составных рукоятей; *3а* — перекрывающая планка составной рукояти гребня; *3в, 8–10* — боковые зубцы; *4, 6* — цельные рукояти; *5* — гребень с цельной рукоятью; *7* — элемент декора; *11–14* — основные зубцы.

Fig. 1. Parts of composite combs of the period of the early nomads of Sayan-Altai: *1* — comb with composite handle; *2, 3б* — parts of composite handles; *3а* — covering plank of composite handle of a comb; *3в, 8–10* — lateral comb teeth; *4, 6* — one-piece handles; *5* — comb with a one-piece handle; *7* — element of decoration; *11–14* — main teeth.

Учитывая накопившийся за последние десятилетия новый материал, а также вводимые в статье в научный оборот старые находки, новая типология составных гребней из погребений эпохи ранних кочевников Саяно-Алтайского региона стала очевидной необходимостью.

Гребни, обнаруженные в погребениях на территории Саяно-Алтая, можно разделить на три класса: металлические, цельные роговые и составные комбинированные. Интересующие нас составные гребни по способу изготовления относятся к наиболее сложным изделиям. На сегодняшний день их насчитывается 47 экз., из них 40[3] происходит с территории Тувы и семь из Горного Алтая[4].

[3] Автор выражает благодарность В. А. Завьялову, М. Е. Килуновской, В. А. Киселю, П. М. Леусу, Л. С. Марсадолову, И. В. Рукавишниковой, Вл. А. Семенову, А. А. Тишкину, К. В. Чугунову за предоставленную возможность работать с неопубликованными материалами.

[4] Также в работе учтен один цельный деревянный гребень, имитирующий составные (табл. 1, 48).

Таблица 1. Каталог составных гребней эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая (1–48) и их аналогий из Северного Китая (49)
Table 1. Catalogue of composite combs of the epoch of early nomads from the Sayan-Altai (1–48) and their analogue from northern China (49)

п/№	Регион	Комплекс	Тип гребня	Пол погребенного	Размеры гребня (в см)	Кол-во зубцов		Дата комплекса (вв. до н. э.)	Источники	Расположение гребня в погребении
						Осн.	Бок			
1	Тува	Копто курган II, могила 2	I A	Ж, 18–20 лет	6,7×5,8 (без б. з.)	–	2	VIII–VII	*Чугунов*, 2005. С. 72, 90, илл. 4, *7*; 14.	Под левым крылом таза лежали зеркало и привязанный к нему гребень.
2	Тува	Сарыг-Булун, погребение 2	I A	Ж	5,6×4,6	> 7	–	V VIII–VII	*Семенов, Килуновская*, 1990. С. 39, 40, 46, рис. 2, 2. Чугунов, 2005. С. 90.	На тазовых костях лежало зеркало. Отдельно — гребень, шило и игла (очевидно, в одном мешочке).
3	Тува	Бай-Даг 8, погребение 1	I A	Ж, 50 лет	5,7–6×6,5	18	1	конец VII — начало VI	Рукавишникова, 2013. С. 219, 220, рис. 1, 2.	Между тазовыми костями и плитой ящика лежали зеркало и гребень (возможно, в одном мешочке).
4	Тува	Чинге-Тэй I, могила1	I B	М, 12–14 лет	Р.: 5,3×2,2, 5,6×2,5 Дл. б. з. — 4,6, дл. з. — 4,1	~20	1	начало VI	Чугунов, 2009. С. 10–11, рис. 53; 2011. С. 367–368.	Справа от черепа в углу сруба — зеркало с ремешком и гребень.
5	Алтай	Карасу II, курган 2	I C	Ж	5×2,5	–	–	IV–II	Могильников, 1994. С. 36, рис. 1, *5*, *6*.	Две пластинки — вдоль правой берцовой кости.
6	Тува	Аржан-2, могила 5 (гребень № 1)	II	Ж, 30–35 лет; М, 40-45 лет	Дл. ~7,8×5,4 (реконстр.); дл. з — 4,4	27	1	середина — вторая половина VII	*Čugunov u.a.*, 2010. St. 66, abb. 62, *12*; tabl. 80, *4*.	Гребень — в западном углу сруба, возможно, висел вдоль северо-западной стены сруба? Два зеркала — справа от черепов.
7	Тува	Аржан-2, могила 13а скелет 1	II	Ж, 16–18 лет	4,2×5	> 13	1	середина — вторая половина VII	*Čugunov u.a.*, 2010. St. 75, tabl. 89, *6*. ГЭ, инв. № 2917/ 69.	У левого бедра — зеркало и гребень.
8	Тува	Аржан-2, могила 13а, скелет 2	II	Ж, 45–50 лет	7,9×4,6	26	2	середина — вторая половина VII	*Čugunov u.a.*, 2010. St. 78, tabl. 90, *6*. ГЭ, инв. № 2917/ 59.	Рядом с тазовыми костями — нож, зеркало и гребень в остатках одной сумки. Разделены прослойкой ткани.
9	Тува	Аржан-2, могила 13в	II	Ж, 20-25 лет	7,6×5,5*	> 22*	1	середина — вторая половина VII	*Čugunov u.a.*, 2010. St. 82, tabl. 93, *4*. ГЭ, инв. № 2917/ 43.	Выше таза — зеркало и гребень, лежавшие, вероятно, в одной сумке.
10	Тува	Чинге-Тэй I, могила 2	II–III?	М	Дл. з. — 7	>3	–	начало VI	*Чугунов*, 2010а. С. 22, рис. 87; 2011. С. 367–368.	Под правым крылом таза — зеркало и гребень, вероятно, в одном футляре.

п/№	Регион	Комплекс	Тип гребня	Пол погребенного	Размеры гребня (в см)	Кол-во зубцов		Дата комплекса (вв. до н. э.)	Источники	Расположение гребня в погребении
						Осн.	Бок			
11	Тува	Саглы-Бажи II, курган 8	III B	М, ок. 50 лет	Дл. р. — 7,5 × 1,5	–	–	V–III	*Грач*, 1980. С. 30–31, 113, рис. 40	Зеркало, нож и подвеска в одном футляре — справа от тазовых костей, чуть выше две пластины.
12		Темир-Суг I, курган 18	III B		Дл. р. — 7; 4,3	–	–	вторая половина VI	*Кушакова, Чугунов*, 2010. С. 149, 151, рис. 4, *1, 2.*	Остатки гребня — между бедренными костями западного скелета, зеркала не найдено.
13		Аржан-2, могила 5 (гребень № 2)	III A	Ж, 30-35 лет; М, 40–45 лет	Ш ~ 7 Дл. з. –5,6	27	1	середина — вторая пловина VII	*Čugunov и.а.*, 2010. St. 66, abb. 69, *6*; tabl. 82, *1.* ГЭ, опись 360/ 2	Гребень — в западном углу сруба, возможно, висел вдоль северо-западной стены сруба? Два зеркала — справа от черепов.
14		Белое Озеро 4, курган 4–2–1, могила 4	III A	Ж	Дл. з. — ок. 3	24	2	конец VI–V	*Завьялов*, 2012. Рис. 236, *1–3*	Гребень и оселок — рядом с бедренной костью.
15		Сыпучий Яр, курган 5, погребение 1	III A	–	Дл. з. — 3–3,5	> 12	1	VI	*Семенов*, 1996. С. 7, рис. 54, *2*	Гребень — у позвонков поясного отдела.
16		Эки-Оттуг 1, объект 22	III A	–	5,5 × 3,5*	> 18*	–	VI–V	*Семенов, Килуновская*, 2013. С. 211	В заполнении сруба.
17		Аймырлыг, сооружение Д–2	III A	–	4 × 2,5	> 3	1	V–III	*Мандельштам,* 1974. С. 16	На полу среди скопления костей.
18		Догэ-Баары II, курган 17, могила 1	III A	Ж	3,5 × 3	> 10	–	V–IV	*Чугунов*, 2007. С. 134, 142	Гребень слева от черепа в З углу сруба, зеркало в районе пояса.
19		Догээ-Баары II, курган 21, могила 2	III A	Д	5 × 3,2	25	2	V–IV	*Чугунов*, 1999. С. 39; 2007. С. 134, 142, ил. 14, *4*	Гребень — в районе пояса.
20		Догээ-Баары 1, курган 12, могила 2	III A	Д (Ж?) 7–8 л.	Дл. р. — 2,3; дл. з — 2	> 5	1	конец VI–V	*Кисель*, 2012. Рис. 106	Гребень — в районе пояса.
21	Алтай	Коркечу I, курган 1	III A	–	Дл. з. — 3,2 3,5	> 11	1	IV–III	*Кубарев*, 1985. С. 133, 137, рис. 3, *1*	Гребень, бусина и веточка к северу от тазовых костей.
								вторая половина VI–первая половина V	*Кубарев, Шульга*, 2007. С. 34, рис. 18–*9,10*	
22		Кызыл-Джар V, курган 4	III A	Ж, 50 лет	Дл. з. — 2,8	> 6	1	IV–III	*Могильников*, 1983. С. 57, рис. 5, *11*	Гребень у локтя правой руки, зеркало — в кожаном футляре у правой тазовой кости.

Продолжение таблицы

п/№	Регион	Комплекс	Тип гребня	Пол погребенного	Размеры гребня (в см)	Кол-во зубцов		Дата комплекса (вв. до н. э.)	Источники	Расположение гребня в погребении
						Осн.	Бок			
23	Тува	Догээ-Баары II, курган 6, могила 1 (31)	IV	–	Дл. р. — 7,5; дл. з. — 2,3	19	2	V–IV	*Чугунов*, 1999, С. 39; 2007. С. 134, 142	На полу сруба.
24	Алтай	Юстыд XII, курган 25	V	М	Дл. р. — 7,5	–	–	V–IV	*Кубарев*, 1991. С. 95, 133, табл. LV, *21*	Гребень — над тазом, зеркало — под тазом.
25		Юстыд XII, курган 19	V	Ж	7,5×3,8	> 14	–	V–IV	*Кубарев,* 1991. С. 95, 133, табл. XLV, *23*	Гребень — ниже тазовых костей, зеркало ниже колен.
26		Олон-Курин-Гол 6, курган 2	V	Д	16×4,5	21	1	конец IV–первая треть III (388 г.)	*Молодин и др.*, 2012. С. 19, 51, 52 рис. 34, *4*	Гребень — среди детских костей.
27		Ташанта II, курган 4	V	–	3×2,5	>7	1	II–I	*Кубарев,* 1987. С. 93, 202, 132, табл. XCVI, *10*	Гребень — на тазовых костях рядом с зеркалом.
28	Тува	Суглуг-Хем I, курган 14	V	–	6,8×3,2	>18	1	IV–III	*Семенов*, 2003. С. 14, 81–82, табл. 13, *12*	Гребень, зеркало и стержень под раздавленным керамическим сосудом в изголовье.
29		Аймырлыг сооружение VIII, 4 (18)	V	–	Дл. з. — 2,2	> 7	1	V–III	*Мандельштам*, 1970. С. 24	Гребень — под черепом у плиты.
30		Аймырлыг сооружение VIII, 4 (47)	V	–	Дл. р. — 6,9	–	–	V–III	*Мандельштам*, 1970. С. 26	Гребень и зеркало на деревянном сосуде в изголовье скелета № 8 вдоль СЗ стенки сруба.
31		Аймырлыг сруб XX, 7	V	–	Дл. р. — 3	>1	–	V–III	*Мандельштам*, 1975. С. 16	Гребень — у левой тазовой кости, зеркало — у правой тазовой кости.
32		Аймырлыг сруб X, 12 — погребение X, 4	V		7,8×3,5	>16	1	V–III	Раскопки А. М. Мандельштама	Ничего не известно.
33		Догээ-Баары II, курган 18, могила 1	V	–	5,7×2,1	>16	1	V–IV	*Чугунов,* 1999. С. 39; 2007. С. 134, 142	Гребень вдоль СЗ стенки в изголовье рядом с деревянным сосудом и зеркалом.
34		Саглы-Бажи II, курган 3	V	М, 30 лет	Дл. р. — 10; дл. з. — 3	>16	1	V–III	*Грач*, 1980. С. 30–31, 111 ГЭ, инв. № 2351/ 60	Кинжал с зеркалом — ниже тазовых костей, гребень над левой тазовой костью.

п/№	Регион	Комплекс	Тип гребня	Пол погребенного	Размеры гребня (в см)	Кол-во зубцов		Дата комплекса (вв. до н. э.)	Источники	Расположение гребня в погребении
						Осн.	Бок			
35	Тува	Кош-Пей I, курган 1, № по полевой описи — 16	V	–	Дл. обкл. — 8,3	–	–	V–IV	*Семенов*, 1989. С. 8, рис. 26, *26*; 1992. С. 64	Обкладка гребня в заполнении сруба, несколько зеркал у западной стенки.
36		Кош-Пей I, курган 2, № по полевой описи — 53	V	–	Дл. обкл. — 8,5	–	–	V–IV	*Семенов,* 1989. С. 10–11, рис. 48–*17;* 1992. С. 64	В заполнении сруба.
37		Кош-Пей I, курган 2, № по полевой описи — 54	V	–	Дл. обкл. — 8,5	–	–	V–IV	*Семенов*, 1989. С. 10–11, рис. 48*, 18;* 1992. С. 64	В заполнении сруба.
38		Кош-Пей I, курган 1, № по полевой описи — 59	V	–	Дл. обкл. — 8,5	–	–	V–IV	*Семенов*, 1989. С. 7–8, рис. 23*, 16;* 1992, с. 64	Обкладка гребня в заполнении сруба, несколько зеркал у западной стенки.
39		Туран IV, курган 126	V	М/Ж	Дл. р. — 7,6; дл. з. — 2,2	~26	1	V–III	*Полторацкая*, 1966. С. 88, 97, рис. 6, *13* ГЭ, инв. № 5131/ 45	Гребень — вдоль СВ стенки сруба, два зеркала — вдоль СЗ стенки.
40		Туран I, курган 94	V	–	2,0 × 2,7	>11	1	V–III	*Полторацкая*, 1966. С. 83, рис. 5, *2* ГЭ, инв. № 4661/ 26	Гребень — у СВ стенки сруба.
41		Холаш, курган 83	V	–	8 × 3,5	22	2	IV–III	*Семенов,* 1997. С. 18–19, рис.24, *2*	Гребень — в наглухо зашитом кошельке у левой руки, чуть выше пояса.
42		Озен-Ала-Белиг, курган 1	V	Ж	6,5 × 5	> 16	–	IV–III	*Вайнштейн*, 1966. С. 145, 165, табл. I, *6*	Гребень в кожаном чехле с зеркалом под левой подвздошной костью.
43		Суме-Бэш 2, объект 9	V	М	6 × 2, 3	>15	1	VI–V	*Килуновская*, 2009.	Гребень и нож — под левой тазовой костью.
44		Аймырлыг, погребение III, 23	V	–	–	16	2	V–III	Раскопки А. М. Мандельштама	Ничего не известно.
45		Аймырлыг, XXV, 16	V	–	–	> 10	–	V–III	Раскопки А. М. Мандельштама	Ничего не известно.
46		Аймырлыг, сооружение Г–7	III–V?	–	Дл. з. — 2,3	1	–	V–III	*Мандельштам*, 1975. С. 5	Фрагмент гребня — среди скопления костей.

РУКОЯТИ
БОКОВЫЕ ЗУБЦЫ
ОСНОВНЫЕ ЗУБЦЫ
Пластины составных рукоятей
Цельные рукояти
Тип I
Тип II
Тип III
Тип IV
Тип V
IА
IБ
IВ
IIIА
IIIБ
Бз1
Бз2.1
Бз2.2
Бз3
Оз1
Оз2
Оз2.1
Оз2.2
Оз2.3

Окончание таблицы

п/№	Регион	Комплекс	Тип гребня	Пол погребенного	Размеры гребня (в см)	Кол-во зубцов		Дата комплекса (вв. до н. э.)	Источники	Расположение гребня в погребении
						Осн.	Бок			
47	Тува	Догээ-Баары II, курган 3, могила 1	III—V?	–	–	–	–	V–IV	*Чугунов*, 1999. С. 39; 2007. С. 134, 142	Гребень на полу сруба рядом с зеркалом, оселком.
48	Алтай	Юстыд I, курган 2	имитации	М/Ж	6,5 × 5	8	–	IV–II (II–I)	*Кубарев*, 1991. С. 95–98, 134, табл. V, *6*, рис. 24, *4*	Гребень — на полу сруба, два зеркала — в западном углу сруба.
49	Китай	Юйхуанмяо, участок «Север –1», могила М2	III А	Ж, 30–35 лет	Дл. з. — 4,7; дл. р. — 8,5	17 и 18	1	Раннее Чуньцю, т. е. VIII	*Могильник в горах Цзюньдушань*, 2007. С. 1362	Гребень (или два гребня?) слева от черепа в углу гроба.
								Первая половина VII	*Шульга и др.*, 2012. С. 316–320	

Сокращения:

в графе «Пол погребенного»: Ж — женщина; М — мужчина; Д — детское; М/Ж — парное погребение;

в графе «Размеры гребня»: дл. б. з. — длина бокового зубца; дл. з. — длина зубца; дл. р. — длина рукояти; ш. — ширина; дл. обкл. — длина обкладки;

в графе «Кол-во зубцов»: осн. — основные; бок. — боковые. Знаки обозначают, что: > — количество зубцов в наборе было больше указанной цифры; ~ — количество зубцов в наборе составляет, например, около 20 штук, но, возможно, было еще плюс или минус один-два зубца. * — размеры гребней и количество зубцов даны по полевым фотографиям.

Материалом для изготовления служили дерево, рог или кость. Гребни состояли из отдельных деталей: рукояти, основных и боковых зубцов (рис. 1). Рукоять могла быть цельной (рис. 1, *4–6*) или сборной (рис. 1, *1–3а,б*). Составные рукояти комплектовались из двух пластин (рис. 1, *1, 2, 3б*) и планки, закрывающей торцевые части зубцов сверху (рис. 1, *3а*). В редких случаях к рукояти приклеивались элементы декора (рис. 1, *7*). Боковые зубцы могли быть костяными, роговыми и деревянными, основные — всегда деревянные. В среднем размеры готового изделия составляли от 5 до 10 см в длину и от 3 до 8 см в высоту. Количество зубцов варьировало от 20 до 29 штук (табл. 1, *1–47*)[5]. Часть изделий сохранилась полностью, большинство — фрагментарно.

Имеющиеся составные гребни можно разделить на типы по таким признакам, как форма рукояти, зубцов, боковых и основных, и способ крепления деталей. Дополнительными признаками являются материал, из которого изготовлены изделия, и декор рукоятей.

[5] Здесь и далее в скобках указана ссылка на порядковый номер составного гребня в каталоге (табл. 1).

Рис. 2. Типология составных гребней эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая: *1–8* — пластины составных рукоятей; *9–10* — цельные рукояти; *11–15* — боковые зубцы *варианта Бз1*; *16* — боковые зубцы *подварианта Бз2.1*; *17–21* — боковые зубцы *подварианта Бз2.2*; *22, 23* — боковые зубцы *варианта Бз3*; *24–29* — основные зубцы *варианта Оз1*; *30, 34, 35–37* — основные зубцы *подварианта Оз2.1*; *31, 32, 38, 39* — основные зубцы *подварианта Оз2.2*; *33* — основные зубцы *подварианта Оз2.3*.

Fig. 2. Types of composite combs of the period of the early nomads of Sayan-Altai: *1–8* — plates of composite combs; *9–10* — one-piece handles; *11–15* — lateral prongs of *variant Бз1*; *16* — lateral prongs of *subvariant Бз2.1*; *17–21* — lateral prongs of *subvariant Бз2.2*; *22, 23* — lateral prongs of *variant Бз3*; *24–29* — main teeth of *variant Оз1*; *30, 34, 35–37* — main teeth of *subvariant Оз2.1*; *31, 32, 38, 39* — main teeth of *subvariant Оз2.2*; *33* — main teeth of *subvariant Оз2.3*.

Большое значение имеют форма и пропорции боковых и основных зубцов. Боковые зубцы (*далее Бз*) разделяются на три варианта: *Бз1* — с выделенной верхней частью, длина которой равна длине нижней части зубца (рис. 2, *11–15*); *Бз2* — верхняя часть с двумя перекрестиями (рис. 2, *16–21*); *Бз3* — с выделенной верхней частью, длина которой в два и более раз меньше длины нижней части зубца (рис. 2, *22, 23*). В свою очередь, *вариант Бз2* следует разделить на два *подварианта: Бз2.1 и Бз2.2.* В верхней части бокового зубца конусовидной формы *подварианта Бз2.1* с двух сторон вырезались пазы (рис. 2, *16*). У боковых зубцов *подварианта Бз2.2* верхняя часть оформлялась в виде четырех торцевых выступов (рис. 1, *3в;* 2*, 17–21*). В обоих случаях ими зажимались пластины рукояти (рис. 3, *3, 4*).

Основные зубцы (*далее Оз*) разделяются на два варианта: *Оз1* — с выделенной кону-

Рис. 3. Парадные составные гребни типа I, II, III и V эпохи ранних кочевников: *1–4* — реконструкции. *1* — Бай-Даг 8, погребение 1 (реконструкция после реставрации, фотография любезно предоставлена И. В. Рукавишниковой); *2* — Аржан-2, могила 5 (гребень № 1) (реконструкция после реставрации — *Čugunov u.a.*, 2010. Abb. 62, *12*); *3* — Аржан-2, могила 5 (гребень № 2) (реконструкция автора); *4* — Белое Озеро 4, курган 4–2–1, могила 4 (реконструкция автора по фотографии, любезно предоставленной В. А. Завьяловым); *5, 8* — Кош-Пей I, курган 1; *6, 7* — Кош-Пей I, курган 2 (*5–8* — фото автора).
Fig. 3. Type I, II, III and V ceremonious composite combs of early nomads: *1–4* — reconstructions. *1* — Bay-Dag 8, burial 1 (reconstruction after restoration, the photo was kindly presented by I. V. Rukavishnikova); *2* — Arzhan-2, grave 5 (comb № 1) (reconstruction after restoration — *Čugunov u.a.*, 2010. Abb. 62, *12*); *3* — Arzhan-2, grave 5 (comb № 2) (reconstruction by the author); *4* — Beloye Ozero 4, barrow 4–2–1, grave 4 (reconstruction by the author was kindly presented by V. A. Zav'yalov); *5, 8* — Kosh-Pey I, barrow 1; *6, 7* — Kosh-Pey I, barrow 2 (*5–8* — photo by the author).

совидной верхней частью, длина которой приблизительно равна длине нижней части зубца (рис. 2, *24–29*); *Оз2* — с выделенной прямоугольной верхней частью, длина которой в два и более раз меньше длины нижней части зубца (рис. 2, *30–39*). Основные зубцы *варианта Оз2* распадаются по форме верхней части как минимум на три *подварианта: Оз2.1* — форма верхней части зубца аналогична верхней части бокового зубца *варианта Бз3* (рис. 2, *30, 34–37*); *Оз2.2* — верхняя часть зубца вырезалась в виде объемного прямоугольника (рис. 2, *31, 32, 38, 39*); *Оз2.3* — в основании верхней части, аналогичной *подварианту Оз2.1*, имеется треугольный вырез (рис. 2, *33*).

Учитывая все вышесказанное, можно выделить пять типов составных гребней.

Тип I «деревянно-костяные» представлен изделиями, рукояти которых состояли из двух костяных пластин пятиугольной и четырехугольной форм и сквозным отверстием (рис. 2, *1–3*). Боковые зубцы — *варианта Бз1* из кости или рога с выделенной массивной верхней частью (рис. 2, *11–13*). Гребни набирались следующим образом: между двумя пластинами крепились боковые и основные зубцы *варианта Оз1* (рис. 2, *24–26*). Пластины склеивались[6] между собой, перекрывая таким образом торцевые части зубцов. По дополнительным признакам можно выделить три варианта гребней этого типа.

К *варианту А* относятся три гребня, рукояти и боковые зубцы которых украшены геометрическим орнаментом. Пластины рукояти пятиугольной формы и имеют отверстие для подвешивания (рис. 4, *1, 2а, б, 5*) (Копто, курган II, могила 2; Сарыг-Булун, погребение 2; Бай-Даг 8, погребение 1). Средний размер гребней: 6 × 6,5 см, в наборе до 18 зубцов (табл. 1, *1–3*).

Вариант Б представлен одним экземпляром, рукоять и боковые зубцы которого не орнаментированы. Пластины имеют четырехугольную форму и отверстие для подвешивания (рис. 4, *3 а–з*) (Чинге-Тэй I, могила 1). Размеры: 5,2 × 5 см, около 20 зубцов в наборе (табл. 1, *4*).

К *варианту В* относятся две орнаментированные костяные пластины (рис. 4, *4а, б*) (Карасу II, курган 2), которые, по мнению В. А. Могильникова, украшали «какой-то несохранившийся предмет» (*Могильников*, 1994. С. 36, рис. 1, *5, 6*). Ситуация их нахождения в женском погребении обращенными тыльными сторонами друг к другу и форма пластин, аналогичная таковой у гребней *варианта Б,* позволяют предположить, что они являлись деталями рукояти составного гребня. Отверстие для подвешивания отсутствовало. Основные и боковые зубцы, скорее всего, были деревянные, поэтому не сохранились. Размеры пластин: 5 × 2,5 см (табл. 1, *5*).

Тип II «аржанский» представлен изделиями, рукояти которых состояли из двух тонких деревянных пластин прямоугольной формы и узкой планки, перекрывающей торцевые части зубцов (рис. 1, *1*; 2, *4*). Боковые зубцы *варианта Бз1* — деревянные, с выделенной массивной верхней частью (рис. 2, *14, 15*). Гребни набирались следующим образом: между двумя пластинами и верхней планкой крепились основные зубцы *варианта Оз1* (рис. 2, *27*, *28*) и боковые. Последние, судя по аналогиям из Синьцзяна, частично или полностью могли выступать за края рукояти (рис. 5, *4–7*). Средний размер целого изделия — 8 × 5 см, количество зубцов до 29 (табл. 1, *6–9*).

К данному типу относятся четыре изделия, найденные в погребально-поминальном комплексе Аржан-2. Три гребня происходят из одной могилы, в которой были захоронены три женщины (рис. 5, *1, 3, 4;* табл. 1, *7–9*). Четвертый из «царского» погребения (могила 5, гребень № 1), где он был зафиксирован в западном углу сруба слева от женского черепа (рис. 5, *2*; табл. 1, *6*). Этот гребень можно отнести к числу парадных изделий. Рукоять его была украшена золотой обкладкой (рис. 3, *2*). Основные зубцы по своим пропорциям отличаются от зубцов *варианта Оз1*, они более утонченные (рис. 2, *27*).

Тип III «зажимной» представлен изделиями, рукояти которых состояли из двух пластин прямоугольной формы с выступами по бокам и узкой планки, перекрывающей торцевые части зубцов (рис. 2, *5–8*). Боковые зубцы — *подварианта Бз2.1 и Бз2.2* де-

[6] О том, что детали составных гребней склеивались, свидетельствуют нанесенные острым инструментом косые линии на внутренних поверхностях пластин и верхних частях зубцов — неглубокие надрезы для повышения сцепления клеящего состава и соединяемых частей (рис. 4, *2 а, б, справа*).

Рис. 4. Составные гребни типа I эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая: *1* — Сарыг-Булун, погребение 2; *2 а–д* — Бай-Даг 8, погребение 1; *3 а–з* — Чинге-Тэй I, могила 1; *4 а, б* — Карасу II, курган 2 (*Могильников,* 1994. Рис. 1, *5, 6*); *5 а–в* — Копто, курган 2, могила 2 (*Чугунов*, 2005. Ил. 4, *7*). Масштабы: *а* — к № 1, 2а, 2б, 3–5; *б* — к № 2 в, г, д. *1, 3 а-з* — рисунки С. Н. Матвеева; *2 а-д* — рисунки любезно предоставлены И. В. Рукавишниковой.

Fig. 4. Type I composite combs of the epoch of the Sayan-Altai early nomads: *1* — Saryg-Bulun, grave 2; *2 а–д* — Bay-Dag 8, grave 1; *3 а–з* — Chinge-Tey I, grave 1; *4 а, б* — Karasu II, barrow 2; 5 *а–в* — Kopto, barrow 2, grave 2. Scales: *а* — for № 1, 2a, 2б, 3–5; *б* — for № 2 в, г, д. *1, 3 а–з* — drawings by S. N. Matveev; *2 а–д* — drawings kindly presented by I. V. Rukavishnikova.

ревянные, с двумя перекрестиями в верхней части (рис. 2, *1б–21*). В одном случае зафиксирована ситуация, при которой обе пластины были двухчастными (рис. 2, *7;* 6, *5б–в*). Гребни набирались следующим образом: между двумя пластинами и верхней планкой закреплялись деревянные зубцы *варианта Оз1* или *Оз2.1–3.* Пластины рукояти зажимались боковыми зубцами *варианта Бз2* за счет выступов на торцах (рис. 3, *3*; 6; 7, *1–4*). По дополнительным признакам можно выделить два варианта.

Рис. 5. Составные гребни типа II эпохи ранних кочевников: *1–4* — Саяно-Алтай; *5–7* — Синьцзян.
1 — курган Аржан-2, могила 13а1; *2* — Аржан-2, могила 5 (гребень № 1); *3* — курган Аржан-2, могила 13а2 (*Čugunov и.а.*, 2010. Tabl. 90, *6*); *4* — курган Аржан-2, могила 13в; *5–6* — Загуньлюк или Чжагуньлукэ; *7* — Айсыкэсяэр (*5–7* — *Хань Цзянье*, 2007. P. 56, 92). *1, 2* — рисунки С. Н. Матвеева; *4* — прорисовка по полевой фотографии.
Fig. 5. Type II combs of the early nomads: *1–4* — Sayan-Altai; *5–7* — Xinjiang.
1 — Arzhan-2 barrow, grave 13a1; *2* — Arzhan-2, grave 5 (comb № 1); *3* — Arzhan-2 barrow, grave 13a2; *4* — Arzhan-2 barrow, grave 13б; *5–6* — Zagunlyuk or Zhagunluke; *7* — Aisikexiaer.
1, 2 — drawings by S. N. Matveev; *4* — detailed drawing after a field photograph.

Рис. 6. Составные гребни типа III эпохи ранних кочевников: *1–7* — Тува; *8–9* — Алтай.
1 — Догээ-Баары II, курган 17, могила 1; *2* — Белое Озеро 4, курган 4–2–1, могила 4 (*Завьялов,* 2012. Рис. 236, *1–3*); *3* — Аймырлыг, Д-2; *4* — Сыпучий Яр, курган 5, погребение 1; *5, 5 а–в* — Догээ-Баары II, курган 21, могила 2 (*Чугунов,* 2007. Ил. 14, *4*); *6* — Эки-Оттуг 1, объект 22; *7* — Догээ-Баары 1, курган 12, могила 2; *8* — Кызыл–Джар V, курган 4 (*Могильников*, 1983. Рис. 5, *11*); *9* — Коркечу I, курган 1 (*Кубарев, Шульга*, 2007. Рис. 18, *9, 10*). *1, 3, 4, 6* — рисунки С. Н. Матвеева; 7 — рисунок автора статьи.
Fig. 6. Type III composite combs of early nomads: *1–7* — Tuva; *8–9* — Altai.
1 — Dogee-Baary II, barrow 17, grave 1; *2* — Beloye Ozero 4, barrow 4–2–1, grave 4; *3* — Aymyrlyg, Д-2; *4* — Sypuchiy Yar, barrow 5, burial 1; *5, 5 а–в* — Dogee-Baary II, barrow 21, grave 2; *6* — Eki-Ottug 1, site 22; *7* — Dogee-Baary 1, barrow 12, grave 2; *8* — Kyzyl–Dzhar V, barrow 4; *9* — Korkechu I, barrow 1. *1, 3, 4, 6* — drawings by S. N. Matveev; 7 — drawings by the present author.

К *варианту А* относятся 10 гребней, детали которых вырезались только из дерева. Количество зубцов достигало 26–29 штук, длина их варьировала от 2 до 3,5 см, длина рукояти около 5–6 см, высота зубцов от 2 до 3,5 см (табл. 1, *13–22*).

Девять экземпляров, боковые зубцы которых относятся к *подварианту Бз2.2*, обнаружены в коллективных погребениях уюкско-саглынской культуры (рис. 6, *1–7*; Белое Озеро 4, курган 4–2–1; Сыпучий Яр, курган 5; Эки-Оттуг 1, объект 22; Аймырлыг, соору-

Рис. 7. Составные гребни типа III (*1–4*) и IV (*5*) эпохи ранних кочевников: *1, 3–5* — Саяно-Алтай; *2* — Северный Китай. *1* — Аржан-2, могила 5 (гребень № 2); *2* — Юйхуанмяо, участок «Север-1», могила М2 (Могильник в горах Цзюньдушань, 2007. С. 1362); *3* — Саглы-Бажи II, курган 8; *4* — Темир-Суг I, курган 18 (*Кушакова, Чугунов*, 2010. Рис. 4, *1, 2*); *5, 5 а, б* — Догээ-Баары II, курган 6, могила 1. *1, 3, 5* — рисунки С. Н. Матвеева.

Fig. 7. Type III (*1–4*) and IV composite combs (*5*) of the early nomads: *1, 3–5* — Sayan-Altai; *2* — Northern China. *1* — Arzhan-2, grave 5 (comb № 2); *2* –Yuhuangmiao, area «North-1», grave M2; *3* — Sagly-Bazhi II, barrow 8; *4* — Temir-Sug I, barrow 18; *5, 5 а, б* — Dogee-Baary II, barrow 6, grave 1. *1, 3, 5* — drawings by S. N. Matveev.

жение Д-2; Догээ-Баары II, курган 17 и 21; Догээ-Баары I, курган 12) и одиночных могилах пазырыкской культуры (рис. 6, *8, 9*; Коркечу I, курган 1; Кызыл-Джар V, курган 4). Возможно, сюда следует включить гребень, от которого сохранились только деревянные зубцы варианта *Оз1*, из кургана Чинге-Тэй I (могила 2) (табл. 1, *10*). Но в равной степени его фрагменты могут относиться к гребням типа II.

Десятый гребень происходит из парной могилы 5 кургана Аржан-2 (рис. 7, *1*), в которой также зафиксирован гребень типа II (рис. 5, *2*). Он выделяется среди изделий *варианта А* формой бокового зубца *подварианта Бз2.1* и размерами: длина планок рукояти составляет около 7 см, зубцов 5,6 см (рис. 7, *1*; табл. 1, *13*). Ближайшая параллель гребню по форме боковых зубцов и, скорее всего, рукояти принадлежит деталям составного гребня из могилы М2 могильника Юйхуанмяо, Северный Китай (рис. 7, *2*) (Могильник в горах Цзюньдушань, 2007. С. 1362).

К *варианту Б* относятся роговые пластины, поверхность которых украшена изображениями в зверином стиле, из комплексов уюкско-саглынского времени (рис. 7, *3, 4*; Саглы-Бажи II, курган 8; Темир-Суг I, курган 18). Форма пластин, аналогичная деталям рукояти «зажимных» гребней *варианта А*, декор, отверстие для подвешивания и ситуация нахождения в районе пояса погребенных позволяют отнести эти находки к деталям составных гребней (*Кушакова, Чугунов*, 2010. С. 151). Зубцы, скорее всего, были деревянные, поэтому не сохранились. Длина деталей около 7–7,5 см (табл. 1, *11–12*).

Тип IV «переходный» представлен единственным экземпляром из уюкско-саглынского комплекса (рис. 7, *5, 5 а, б*; Догээ-Баары II, курган 6). Рукоять гребня сделана из цельной деревянной палочки (веточки), круглой в сечении, в которой вырезан сквозной продольный паз. На торцах рукояти имеются четыре выступа. Боковые зубцы *подварианта Бз.2.2* — деревянные с четырьмя торцевыми выступами в верхней части. Выступы на торцах рукояти и боковые зубцы аналогичны деталям гребней «зажимного» типа. Вырезанный в планке паз характерен для гребней типа V. В него вставлялись основные зубцы *варианта Оз2.1*, по краям фиксировались боковые зубцы, зажимавшие рукоять (рис. 2, *9, 21, 34*). Длина рукояти гребня «переходного» типа — 7 см, длина зубцов около 2,5 см, их количество — 21 штука (табл. 1, *23*).

Тип V представлен гребнями, рукояти которых изготовлялись из цельной деревянной палочки (веточки), круглой в сечении, как у гребней типа IV, с вырезанным глухим продольным пазом (рис. 2, *10*). Боковые зубцы *варианта Бз3* деревянные, массивные, с выделенной верхней частью (рис. 2, *22, 23*). Гребни набирались следующим способом: в паз рукояти вставлялись основные деревянные зубцы *варианта Оз2.1–2* и боковые массивные зубцы. Средняя длина гребней от 6 до 10 см, зубцов от 2 до 3,5 см, в наборе от 17 до 24 штук (табл. 1, *24, 25, 27–45*). Среди изделий типа V выделяется один экземпляр, размеры которого составляют 16 × 4,5 см (табл. 1, *26*).

Рукояти гребней типа V, а также типа III украшались прочерченным геометрическим орнаментом (рис. 6, *3*; 8, *6, 7*), обматывались тонкими полосками бересты (рис. 6, *5а–б, 7*; 8, *1, 5*), покрывались лаком (рис. 8, *10*), окрашивались (рис. 9, *2*) (*Кубарев*, 1987. С. 202), декорировались по нижнему (?) краю деталями в виде полукруглых фестонов, которые приклеивались отдельно[7] (рис. 3, *4*; 6, *2*), или резьбой по самому предмету (резной фигурный край) (рис. 9, *4*), а также по металлической обкладке (рис. 3, *6*).

Из комплексов уюкско-саглынского и озен-ала-белигского времени происходит 18 гребней (рис. 8, *1, 2, 4–13*; Суглуг-Хем I, курган 14; Аймырлыг VIII, сооружение 4 (2 экземпляра); Аймырлыг XX, сооружение 7; Аймырлыг, погребение X, 4; Аймырлыг, погребение III, 23; Аймырлыг XXV, 16; Догээ-Баары II, курган 18; Саглы-Бажи II, курган 3; Туран IV, курган 126; Туран I, курган 94; Холаш, курган 83; Озен-Ала-Белиг, курган 1; Суме-Бэш 2, объект 9). От четырех гребней сохранились только золотые обкладки (рис. 3, *5–8*; Кош-Пей I, курганы 1 и 2). Четыре экземпляра найдены в памятниках пазырыкской культуры (рис. 9, *1–4*; Юстыд XII, курган 19 и 25; Олон-Курин-Гол 6, курган 2; Ташанта II,

[7] В результате определения древесины выяснилось, что элементы декора и рукоять гребня из погребального комплекса Белое Озеро-4 (табл. 1, *14*) вырезаны из разных пород древовидных кустарников (см. табл. 2).

Рис. 8. Составные гребни типа V эпохи ранних кочевников Тувы: *1* — Аймырлыг VIII, сруб 4 (18); *2* — Аймырлыг VIII, сруб 4 (47); *3* — Аймырлыг, Г-7; *4* — Аймырлыг XX, сруб 7; *5* — Суглуг-Хем I, сруб 14; *6* — Аймырлыг X, 4; *7* — Догээ-Баары II, курган 18, могила 1; *8* — Озен-Ала-Белиг, курган 1 (*Вайнштейн*, 1966. Табл. I, *6*); *9* — Холаш, курган 83 (*Семенов*, 1997. Рис. 24, *2*); *10* — Туран I, курган 126; *11* — Суме-Бэш 2, объект 9; *12* — Туран I, курган 94; *13* — Саглы-Бажи II, курган 3. *1–7, 11* — рисунки С. Н. Матвеева; *10, 12, 13* — рисунки автора статьи.

Fig. 8. Type V Composite combs of early nomads of Tuva: *1* — Aymyrlyg VIII, timber-grave 4 (18); *2* — Aymyrlyg VIII, timber-grave 4 (47); *3* — Aymyrlyg, Г-7; *4* — Aymyrlyg XX, сруб 7; *5* — Суглуг-Хем I, timber-grave 14; *6* — Aymyrlyg X, 4; *7* — Dogee-Baary II, barrow 18, grave 1; *8* — Ozen-Ala-Belig, barrow 1; *9* — Holash, barrow 83; *10* — Turan I, barrow 126; *11* — Sume-Besh 2, site 9; *12* — Tura I, barrow 94; *13* — Sagly-Bazhi II, barrow 3. *1–7, 11* — drawings by S. N. Matveev; *10, 12, 13* — drawings by the present author.

курган 4). Возможно, сюда следует включить гребни, от которых сохранились отдельные детали, из могильников Аймырлыг, сооружение Г-2 и Догээ-Баары II, курган 3 (рис. 8, *3*; табл. 1, *46–47*). Но в равной степени они могут относиться к гребням типа III–IV.

Ближайшие аналогии составным гребням II и V типов происходят из провинции Синьцзян, Китай (рис. 5, *5–7*; 9, *5–9*), из могильников Янхай-1, Айсыкэсяэр (*Шульга*, 2010. Рис. 38, *15*; 53, *3;* Silk..., 2011), Загунлюк или Чжагунлукэ (*Ван Бо и др.*, 2003. Рис. 26, *1–3, 5–8*; *Хань Цзянье*, 2007). Единственная аналогия гребням типа III происходит из могильника Юйхуанмяо, Северный Китай (рис. 7, *2*; табл. 1, *49*). Рукояти составных гребней типа V из Синьцзяна украшали аналогично саяно-алтайским изделиям типа III и V: на них процарапывался геометрический орнамент (рис. 6, *3*; 8; 9, *6, 7*), они обматывались тонкими полосками бересты (рис. 6, *5а–б, 7*; 8, *1, 5*; 9, *8–9*), также наносился или вырезался орнамент в зверином стиле (рис. 7, *3, 4*; 9, *5*). Среди синьцзянских гребней найден экземпляр, рукоять которого декорирована растительным орнаментом (Краткое сообщение..., 1992. С. 8, рис. 9, *5*).

Геометрический орнамент в виде ряда треугольников и заштрихованных фигур на рукоятях гребней типов III и V перекликается с орнаментом на роговых планках гребней типа I. Поверхности парных пластин составных частей рукоятей изделий *варианта I А* сплошь покрыты геометрическим орнаментом (рис. 4, *1, 2, 5а*). Наиболее близки друг другу гребни из Сарыг-Булуна и Бай-Дага 8. Одна пластина каждого гребня украшена рядами заштрихованных треугольников (рис. 4, *1, 2б*), вторая пластина — зигзагообразными полосками и треугольниками в разных плоскостях (рис. 4, *1, 2а*) (*Рукавишникова*, 2013; *Семенов, Килуновская*, 1990. С. 40). На поверхности пластины рукояти гребня из кургана 2 могильника Копто прочерчены заштрихованные в шахматном порядке прямоугольники (рис. 4, *5а*) (*Чугунов*, 2005. С. 72). Аналогичный орнамент встречается на боковых зубцах гребней из Копто и Бай-Дага (рис. 4, *2в, 5б*). В похожем стиле украшена рукоять рогового гребня из могилы 2, кургана 7 могильника Июсский, каменноложского этапа карасукской культуры (*Поляков*, 2005. Рис. 1, *13*). Аналогичный орнамент встречается на рукоятях цельных гребней кулайской культуры Новосибирского Приобья (*Сумин, Евтеева и др.,* 2013. С 208, рис. 145; *Троицкая,* 1979. Табл. XXXI, 5, 6). Декор в виде заштрихованных линий и треугольников, расположенных в шахматном порядке, является характерным орнаментом на керамике эпохи поздней бронзы (*Семенов, Килуновская*, 1990. С. 40; *Чугунов*, 2005. С. 90).

Зооморфный декор, встречающийся на деталях некоторых составных гребней (рис. 7, *3, 4*), не вызывает удивления, поскольку оформление рукоятей в зверином стиле характерно для цельных роговых гребней эпохи ранних кочевников Тувы (*Грач*, 1980. Рис. 110, *1, 3*; *Мандельштам*, 1992), Восточной Европы (*Фиалко*, 1999. Рис. 1, 2) и Южного Урала (*Боталов,* 1987).

На территории Синьцзяна встречаются высокие гребни, состоящие из пяти и более зубцов, окрашенные в красный цвет или украшенные орнаментом в виде горизонтальных линий в верхней части. Деревянные зубцы длиной около 15 см, напоминающие зубцы *варианта Оз1*, скреплялись между собой сухожильными нитями в основании верхней части. Китайские исследователи определяют время бытования комплексов, в которых они найдены, эпохой бронзы (Buried Past..., 2013. P. 50; *Хань Цзянье,* 2007. С. 47).

На могильнике Яломан-II усть-эдиганского этапа булан-кобинской культуры Горного Алтая обнаружены детали составного деревянного гребня, напоминающие по конструкции гребни «зажимного» типа (*Тишкин, Горбунов*, 2006. С. 31, 35, рис. 2, *22*). Боковые зубцы яломанского гребня, напоминающие зубцы *варианта Бз2*, выполнены в виде деревянных стержней, в верхней части которых имеется две пары отверстий. В них вставлялись деревянные штифты для крепления (рис. 10, *1*). Данные зубцы напоминают боковые зубцы составных гребней *варианта Бз2*. Рукоять состояла из двух деревянных пластин. Судя по сохранившимся фрагментам, по углам каждой имелись отверстия, за счет которых пластина скреплялась с боковыми зубцами. Фрагмент лакового изделия, найденный рядом с деталями гребня (устное сообщение А. А. Тишкина), позволил авто-

Рис. 9. Составные гребни типа V (*1–9*) и цельные гребни (*10–11*) эпохи ранних кочевников: *1–4, 10* — Алтай; *5–9* — Синьцзян; *11* — Монголия. *1* — Олон-Курин-Гол 6, курган 2 (*Молодин и др.*, 2012. Рис. 34, *4*); *2* — Ташанта II, курган 4 (*Кубарев*, 1987. Табл. XCVI, *10*); *3* — Юстыд XII, курган 19 (*Кубарев*, 1991. Табл. XLV, *23*); *4* — Юстыд XII, курган 25 (*Кубарев*, 1991. Табл. LV, *21*); *5–9* — могильник Загуньлюк или Чжагуньлукэ (*5–7, 9* — *Хань Цзянье*, 2007. P. 92; *8* — *Ван Бо и др.*, 2003. Рис. 26, *6, 5–8*); *10* — Юстыд I, курган 2 (*Кубарев*, 1991. Табл. V, *6*); *11* — могильник Улангом, Западная Монголия (*Цэвэндорж*, 1978. Рис. 4, *8*).

Fig. 9. Type V composite combs (*1–9*) and one-piece combs (*10–11*) of early nomads: *1–4, 10* — Altai; *5–9* — Xinjiang; *11* — Mongolia. *1* — Olon-Kurin-Gol 6, barrow 2; *2* — Tashanta II, barrow 4; *3* — Yustyd XII, barrow 19; *4* — Yustyd XII, barrow 25; *5–9* — cemetery of Zagunlyuk or Zhagunluke; *10* — Yustyd I, barrow 2; *11* — cemetery of Ulangom, Western Mongolia.

Рис. 10. Гребень из могильника Яломан булан-кобинской культуры Горного Алтая: 1 — фотография деталей (фотография любезно предоставлена А. А. Тишкиным); 2 — вариант реконструкции гребня (реконструкция автора).
Fig. 10. Comb from the burial ground of Yaloman of the Bulan-Koba culture of the Mountain Altai: 1 — photograph of the details (kindly presented by A. A. Tishkin); 2 — variant of reconstruction of a comb (reconstruction by the author).

рам публикации предположительно реконструировать верхнюю часть рукояти (*Тишкин, Горбунов*, 2006. Рис. 2, *22*) (рис. 10*, 2*).

Среди гребней типа II и V встречены экземпляры, которые относятся к числу парадных. Деревянные рукояти их покрыты золотыми обкладками (рис. 3, *2, 5–8*). Нижний край обкладки одного такого изделия оформлен в виде треугольных фестонов (рис. 3, *6*).

Парадные гребни фиксируются в памятниках Европейской Скифии V–IV вв. до н. э. (*Алексеев,* 2003*; Грач,* 1986; *Манцевич*, 1950. Рис. 3, 4, *а, б*; *Пузикова*, 2001. С. 66–68, рис. 40, *1*). Среди них выделяется группа наборных изделий, которые состояли из трех частей: костяной или деревянной основы (?) с длинными зубцами, двух узких костяных пластин, составляющих фриз, и рукояти, которая украшалась металлическими орнаментированными обкладками. Металлические и костяные детали соединялись гвоздиками, костяные и деревянные склеивались (*Грач,* 1986. С. 77–80, рис. 1, 2).

Часть составных гребней найдена в заполнении разрушенных могил (табл. 1, *16, 17, 26, 35–38, 40, 46*). В остальных случаях можно говорить о том, что в могилах гребням отводилось определенное место. Выделяются два варианта их расположения: около пояса и в районе головы погребенных.

В первой ситуации они найдены на тазовых костях, под ними или рядом, в одном футляре с бронзовым зеркалом (рис. 11, *6, 7*; табл. 1, *1, 3, 7–10, 27 (?), 42*) либо в отдельных сумочках (?) по разным сторонам от тазовых костей погребенных (рис. 11, *3, 8*; табл. 1, *2, 11, 22, 24, 25, 31, 34*). Находки данных гребней происходят из индивидуальных и коллективных захоронений. Есть все основания предполагать, что составные гребни и бронзовые зеркала носились в одном или в разных чехлах на поясе. Цельные роговые гребни из погребений I тыс. до н. э. Тувы и Алтая зафиксированы в схожих ситуациях (*Грач*, 1980; *Кубарев*, 1987. Табл. 1V, 12; табл. XXIV, 14; *Молодин и др.*, 2012. С. 31, рис. 103; Феномен алтайских мумий, 2000. С. 111, рис. 139; *Шульга*, 1998. С. 25, рис. 4, *3*). Предположительно в одном мешочке, на груди погребенной лежали вместе зеркало и роговой гребень в могиле каменноложского этапа карасукской культуры (*Поляков*, 2005. С. 107).

Составные гребни, размещавшиеся в районе пояса, также зафиксированы без зеркал (табл. 1, *5, 12, 15, 19–20, 41),* но с ножом (табл. 1, *43*), оселком (табл. 1, *14*), шилом и иглой в одной сумочке (табл. 1, *2*), бусиной и веточкой (табл. 1, *21*).

В матерчатых или кожаных чехлах хранились гребни, происходящие из скифских курганов Восточной Европы (*Фиалко*, 1999. С. 258).

Рис. 11. Местонахождение составных гребней в погребениях эпохи ранних кочевников: *1* — Северный Китай; *2–8* — Саяно-Алтай. Планы могил: *1* — Юйхуанмяо, участок «Север-1», могила М2 (Могильник в горах Цзюньдушань, 2007. С. 284, 285); *2* — Чинге-Тэй I, могила 1 (*Чугунов,* 2009. Рис. 161); *3* — Саглы-Бажи II, курган 8 (*Грач*, 1980. Рис. 21); *4* — Юстыд I, курган 2 (*Кубарев*, 1991. Табл. IV); *5* — Аржан-2, могила 5 (*Čugunov u.a.*, 2010. S. 29, Abb. 37); *6* — ситуация обнаружения гребня, зеркала и ножа в одной сумочке на тазовых костях скелета 2 могилы 13а кургана Аржан-2 (из личного архива К. В. Чугунова); *7* — Аржан-2, могила 13а (*Čugunov u.a.*, 2010. S. 74, Abb. 71); *8* — Аймырлыг XX, сруб 7 (*Мандельштам*, 1975. Рис. 90а); *9* — Аймырлыг VIII, сруб 4 (*Мандельштам*, 1970. Рис. 123). Условные обозначения*: а* — гребни; *б* — зеркала.

Fig. 11. Findspots of composite combs in burials of the period of early nomads: *1* — Northern China; *2–8* — Sayan-Altai. Plans of the graves: *1* — Yuhuangmiao, area «North-1», grave M2; *2* — Chinge-Tey I, grave 1; *3* — Sagly-Bazhi II, barrow 8; *4* — Yustyd I, barrow 2; *5* — Arzhan-2, grave 5; *6* — archaeological context with a comb, mirror and knife found in a single bag on the pelvic bones of the skeleton 2 in grave 13a of barrow Arzhan-2 (from K. V. Chugunov's private archives); *7* — Arzhan-2, grave 13a; *8* — Aymyrlyg XX, timber grave 7; *9* — Aymyrlyg VIII, timber grave 4. Notations*: a* — combs; *б* — mirrors.

Во второй ситуации изделия обнаружены в районе головы погребенных вдоль стенок или в углу срубов, а также под черепом. В двух случаях гребни лежали слева от женских черепов в углу сруба, отдельно от зеркал (рис. 11, *5*; табл. 1, *6, 13, 18*). В аналогичной ситуации найдены остатки двух (?) гребней в могиле М2 могильника Юйхуанмяо[8] (рис. 11, *1*; табл. 1, *49*).

В мужских погребениях встречены случаи положения гребней справа от черепа ближе к углу или вдоль стенки сруба вместе с зеркалом (рис. 11, *2*; табл. 1, *4*) либо отдельно от зеркала (табл. 1, *39*). В похожей ситуации, вероятно, найдены фрагменты составного гребня[9] из кургана Иссык (*Акишев*, 1978. Рис. 13). Описанная выше ситуация нахождения гребней была характерна в основном для парных или индивидуальных захоронений (табл. 1, *4, 6, 13, 39, 49*).

В трех коллективных могилах гребни зафиксированы на или рядом с сосудами[10], стоящими вдоль стенок срубов, в комплекте с зеркалами (рис. 11, *9*; табл. 1, *28, 30, 33*).

В одном случае детали составного гребня были обнаружены под черепом погребенного (табл. 1, *29*). В аналогичном положении зафиксированы цельные роговые изделия в могилах карасукской культуры, где, вероятно, они играли роль украшения прически (*Поляков*, 2005. С. 107, табл. 1). Возможно, аналогичное назначение имели цельные роговые гребни, найденные рядом с плечом и лопаткой похороненных в погребениях 9 и 13 курганов 1 и 2 могильника Хемчик-Бом III (*Грач*, 1980). В средневековых погребениях Горного Алтая также встречаются случаи положения гребней под черепом или на месте отсутствующего черепа при сохранности посткраниального скелета в женских погребениях (*Новиков, Сергеева*, 2011. С. 114).

Несомненно, гребни, обнаруженные в районе пояса и головы погребенных, выполняли как ритуально-магическую, сакральную функцию (*Кубарев*, 1987. С. 128; *Грач,* 1986. С. 81), так и утилитарную, а именно служили для расчесывания волос. Для сравнения, аналогичную функцию выполняли деревянные гребни из средневековых погребений Горного Алтая (*Новиков, Сергеева*, 2011. С. 113). Аргументом в пользу такого предназначения служила общая пропорция изделий, обозначенная как «широкие» гребни. Под категорию «широких» попадают изделия, максимальная ширина которых равна или превышает длину гребня (Там же. С. 107, табл. 1). Составные гребни Тувы и Алтая можно отнести к категории «широких».

Среди саяно-алтайских изделий следует выделить гребни с отверстиями на костяной или роговой рукояти, которые могли использоваться в роли подвесок-расчесок, привязанных, вероятно, либо к самому поясу (табл. 1, *11*), либо ремешком к зеркалу (табл. 1, *1, 4*). Не исключено, что эти гребни также могли выполнять функцию украшения прически, в пользу чего может свидетельствовать орнамент, нанесенный на рукояти изделий. Аналогичную роль, очевидно, выполняли «узкие»[11] гребни из средневековых погребений Горного Алтая (Там же. С. 113).

Предположение о принадлежности гребней к предметам женского туалета (*Мандельштам*, 1992. С. 190), равно как и распределение типов гребней на мужские и женские (*Кубарев*, 1991. С. 98), полностью не подтверждается. Изделия III–V типов встречаются как при женских, так и при мужских, а также детских костяках. В аналогичной ситуации встречены, например, костяные гребни в погребениях скифского времени Восточной Европы (*Фиалко*, 1999. С. 258), в отличие от парадных изделий из царских погребений V–IV вв. до н. э. Европейской Скифии, которые обнаруживаются, как правило, в числе мужского сопроводительного инвентаря (*Грач*, 1986. С. 81).

Гребни «аржанского» типа и орнаментированные «деревянно-костяные» (*варианта I А*

[8] Автор выражает благодарность П. И. Шульге за предоставленную информацию.

[9] В книге К. А. Акишева «Курган Иссык» на рис. 13 справа от зеркала просматриваются детали составного гребня (зубцы), но среди описанных находок таковой нигде не упоминается.

[10] Сосуды представлены как деревянными изделиями (табл. 1, *30, 33),* так и керамическими (табл. 1, *28*).

[11] Под «узкими» гребнями подразумеваются изделия, максимальная ширина которых меньше максимальной длины гребня (*Новиков, Сергеева*, 2011. С. 113, табл. 1).

и В) зафиксированы на данный момент только в женских погребениях алды-бельской культуры Тувы. Схожая традиция наблюдается в карасукской культуре, где гребни обнаружены исключительно в женских и детских могилах (*Поляков*, 2005. С. 107).

Возрастные характеристики погребенных различны. Гребни встречаются у девочек, девушек и женщин (от 16 до 50 лет), у юношей и мужчин (от 12 до 50 лет). Для сравнения, в памятниках карасукской культуры роговые гребни встречаются в погребениях женщин среднего возраста и детских могилах (*Поляков*, 2005. С. 107, табл. 1).

Временной интервал существования составных гребней на территории Саяно-Алтая приходится на I тыс. до н. э. Наиболее ранними могут считаться уникальные орнаментированные изделия типа I *вариант А* (рис. 4, *1, 2, 5*), обнаруженные в комплексах раннего этапа алды-бельской культуры (табл. 1, *1–3*) (*Рукавишникова*, 2013. С. 220; *Чугунов*, 2005. С. 90). Гребень типа I *варианта Б* зафиксирован в погребении, датируемом началом VI в. до н. э. (*Чугунов*, 2011. С. 367–368). Детали же гребня типа I *варианта В*, обнаруженные в комплексе пазырыкской культуры, могут являться поздним подражанием «деревянно-костяным» изделиям.

Гребни «аржанского» и «зажимного» типов на территории Тувы, вероятно, появляются синхронно. Нижняя граница их бытования определяется по дате кургана Аржан-2 серединой VII в. до н. э. (Евразия в скифскую эпоху..., 2005. С. 137). Интересно заметить, что оба гребня (типа II и III), найденных в «царской» могиле кургана Аржан-2, имеют аналогии в разных регионах Китая: Синьцзяне (тип II) и Северном Китае (тип III) (*Ван Бо и др.*, 2003. С. 136; *Шульга*, 2010. С. 17–18; *Шульга и др.,* 2012. С. 316–320). Очевидно, что для гребней типов I (*варианты А и Б*), II и III (табл. 1, *3, 4, 7–10*, *13, 15 (?))*, обнаруженных в памятниках алды-бельской культуры, были характерны определенные формы зубцов: боковых — *варианта Бз1 и Бз2.1* (рис. 2, *11–16*), основных — *варианта Оз1* (рис. 2, *24–29*).

Гребни «аржанского» типа в поздних комплексах пока не встречены. «Зажимные» изделия получают распространение на территории Алтая в памятниках пазырыкской культуры, Тувы — в переходный период от алды-бельской культуры к уюкско-саглынской, продолжая существовать, видимо, на всем ее протяжении (*Грач*, 1980; *Чугунов*, 2007), а также в комплексах, близких по обряду памятникам коргантасского типа (*Кушакова, Чугунов*, 2010; *Шульга*, 2010). Одновременно намечается тенденция в изменении способов оформления верхней части боковых зубцов (*подвариант Бз2.1* — рис. 2, *16* — сменяется на *Бз2.2* — рис. 2, *17–21*) и общей пропорции «зажимных» гребней, длина зубцов постепенно уменьшается с 5,6 до 2 см (табл. 1, *10, 13–22*).

Единственный гребень типа IV, сочетающий в себе признаки изделий типов III и V, относится к уюкско-саглынскому времени[12].

Гребни типа V, схожих пропорций с изделиями типа III, распространяются в памятниках уюкско-саглынского времени Тувы, пазырыкской культуры Алтая и синхронных культур Синьцзяна. Видимо, сначала сосуществуя с «зажимными», а затем вытесняя их. Верхняя граница бытования изделий типа V определяется концом существования перечисленных культур (*Вайнштейн*, 1966. С. 165; *Молодин и др.*, 2012. С. 19, 51, 52; *Шульга*, 2010).

Для гребней типа III–V были характерны следующие формы зубцов: боковых — варианта *Бз2.2* и *Бз3* (рис. 2, *17–23*) и основных — варианта *Оз2.1–3* (рис. 2, *30–39*).

Видимо, на завершающем этапе развития составных гребней появляются цельные деревянные изделия, скорее всего, имитирующие гребни типа V. Единственный такой экземпляр зафиксирован в позднем комплексе пазырыкской культуры — кургане 2 могильника Юстыд I (рис. 9, *10*; табл. 1, *48*). Причем в поздних комплексах могиль-

[12] С одной стороны, можно предположить, что гребень типа IV действительно является переходным от III-го к V типу. Данное предположение верно в том случае, если принять за исходную территорию появления гребней типа V Туву. С другой стороны, если изделия типа V распространяются с территории Синьцзяна, гребень из кургана 6 могильника Догээ-Баары II, можно отнести к некому экспериментальному изделию. Автор склоняется в пользу первого предположения, но не исключает и второго варианта развития событий.

ников Уландрык и Юстыд имитировались не только составные деревянные гребни, но и цельные роговые (*Кубарев*, 1987. Табл. LXXXII, *4*; 1991. Табл. V, *7* и др.). Цельный деревянный гребень зафиксирован в могильнике Аймырлыг[13] (*Мандельштам*, 1992. С. 190). Вероятно, в эту группу следует включить находку из могильника Улангом, в Западной Монголии[14] (рис. 9, *11*) (*Цэвэндорж*, 1978. Рис. 4, *8*).

Некоторые образцы деталей гребней были отобраны для анализа на определение таксономической принадлежности древесины по анатомическим признакам (табл. 2). Исследования показали, что рукояти составных изделий вырезались из березы (три образца), жимолости (два образца), можжевельника (два образца), крушины и ивы (по одному образцу). Зубцы и декор вырезались из жимолости (девять образцов), березы (два образца), можжевельника (два образца) и таволги (один образец). Гребни могли изготовлять из одного материала или комбинировать разные. Например, крушина–жимолость, ива–жимолость, береза–жимолость. В трех последних случаях из жимолости были вырезаны зубцы и декор (табл. 2). Выбор древесины для изготовления зубцов в пользу жимолости может быть обусловлен большой прочностью и упругостью данного материала. Для сравнения, например, детали гребня из могильника Юйхуанмяо были выполнены из бамбука (Могильник в горах Цзюньдушань, 2007. С. 1362). Из ивы вырезаны детали высокого гребня из коллекции Института археологии Синьцзяна (Buried Past... 2013. P. 50), а деревянный гребень из кургана 32/32 могильника Мастюгино, скифского времени Среднего Подонья — из клена (?) (*Пузикова*, 2001. С. 66–68).

Составные комбинированные гребни, найденные в курганах эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая, представлены разнообразными и сложными по конструкции изделиями. Составные гребни алды-бельской культуры Тувы найдены преимущественно в женских погребениях, что, возможно, свидетельствует о влиянии некоторых традиций погребального обряда карасукской культуры. Вероятно, начиная с памятников переходного периода от алды-бельской культуры к уюкско-саглынской и в пазырыкское время гребни фиксируются также в мужских и детских погребениях. Вне зависимости от временных границ и типов изделий в могилах они укладывались в районе пояса или головы погребенных, выполняя как утилитарную, так и ритуально-магическую функцию.

С технологической точки зрения выделенные пять типов гребней представляют собой довольно сложные в изготовлении предметы. Прямые аналогии им происходят из синхронных, а возможно, и более ранних комплексов Китая. К поздним аналогиям можно отнести яломанский гребень, свидетельствующий, скорее всего, о преемственности идеи или самой традиции изготовления составных гребней на территории Саяно-Алтая, но уже в ином виде. Детали яломанского гребня склеивались и соединялись четырьмя деревянными гвоздиками-стерженьками.

Металлическими гвоздиками скреплялись детали рукояти составных гребней из престижных погребальных комплексов V–IV вв. до н. э. Восточной Европы, представляющие собой уникальные образцы греко-варварского искусства и изготовленные на заказ греческими мастерами (*Грач,* 1986. С. 81; *Фиалко*, 1999. С. 258). Трехчастная структура и способ крепления деталей данных гребней отличает их от изделий саяно-алтайского региона. Однако совершенно очевидно, что мы имеем дело с распространением единой идеи составных комбинированных гребней.

В памятниках позднеримского времени Восточной Европы в значительном количестве фиксируются роговые и костяные составные гребни совершенно других типов, но которые также набирались из отдельных деталей, соединяясь между собой металлическими штифтами-заклепками (*Щукин*, 2005. С. 175).

На территории Тувы встречены все пять типов, на Алтае только типы I (*вариант В*), III и V. Концентрация разнотипных составных гребней на территории Саяно-Алтая, аналогии которым происходят из разных регионов

[13] К сожалению, изображения данного гребня нет, в эту группу он отнесен условно.

[14] Если гребень является составным, чего по рисунку нельзя сказать с уверенностью, то его следует отнести к типу V.

Таблица 2. Данные анализа определения таксономической принадлежности древесины по анатомическим признакам деталей составных гребней эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая
Table 2. Results of analysis of the taxonomic belonging of wood through anatomic features of details of composite combs of the epoch of early nomads from the Sayan-Altai

п/№ по табл. 1	**Памятник**	**Материал изготовления**			**Регистрационные №**
		рукояти	**зубцов**	**элементов декора**	
3.	Бай-Даг 8, погребение 1		Таволга		Д 7269
6.	Аржан-2, могила 5 (гребень № 1)	Береза	Жимолость		Д 4228–4229
9.	Аржан-2, могила 13в	Можжевельник	Можжевельник		Д 7424–7425
10.	Чинге-Тэй I, могила 2	Береза	Береза		Д 6633–6634
13.	Аржан-2, могила 5 (гребень № 2)	Жимолость	Жимолость		Д 7422–7423
14.	Белое Озеро 4, курган 4–2–1, могила 4	Крушина	Жимолость	Жимолость	Д 7285–7296
15.	Сыпучий Яр, курган 5, погребение 1	Можжевельник	Можжевельник		
20.	Догээ-Баары 1, курган 12, могила 2	Береза	Береза		
23.	Догээ-Баары II, курган 6, могила 1		Жимолость		
28.	Суглуг-Хем I, курган 14		Жимолость		
34.	Саглы-Бажи II, курган 3	Жимолость	Жимолость		
39.	Туран IV, курган 126	Ива	Жимолость		
43.	Суме-Бэш 2, объект 9		Жимолость		Д 7426

Определение М. И. Колосовой, к. б. н., н. с. Государственного Эрмитажа.

Китая, Монголии и, возможно, Южного Казахстана, может указывать на направление контактов населения в эпоху ранних кочевников. Исходная территория формирования этой традиции, как и истоки самой идеи составных гребней, неясна. Возможно, ответ на этот вопрос дадут новые исследования. В будущем автор надеется осуществить публикацию и представить типологию цельных роговых и металлических гребней эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая.

Акишев, 1978 — *Акишев К. А.* Курган Иссык. М., 1978.

Алексеев, 2003 — *Алексеев А. Ю.* Гребень из кургана Солоха и скифские цари V–IV веков до н. э. // АСГЭ. 2003. Вып. 36.

Боталов, 1987 — *Боталов С. Г.* Раскопки курганов в Варненском районе Челябинской области // АО за 1985 год. М., 1987.

Вайнштейн, 1966 — *Вайнштейн С. И.* Памятники кызылганской культуры // Труды ТКАЭЭ. М.; Л., 1966. Т. II.

Ван Бо и др., 2003 — *Ван Бо, Лу Липэн и др*. Сообщение о раскопках могильника Загуньлюк — 1 (Синьцзян, Черчен) // Каогу сюэбао. Пекин, 2003. № 1. (王博 鲁礼鹏 新疆且末扎滚鲁克一号墓地发掘报告 考古学报) (на китайском яз.).

Грач, 1980 — *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

Грач, 1986 — *Грач Н. Л.* Гребень и ожерелье из кургана Куль-Оба // Античная торевтика. Л., 1986.

Евразия в скифскую эпоху..., 2005 — Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.

Завьялов, 2012 — *Завьялов В. А.* Отчет о раскопках могильника Белое Озеро 4 в Пий-Хемском районе Республики Тыва РФ в 2012 г.// Архив ИА РАН. Материалы в обработке.

Килуновская, 2009 — *Килуновская М. Е.* Отчет Тувинской экспедиции в 2009 г.// Архив ИА РАН. Материалы в обработке.

Килуновская, Семенов, 2013 — *Килуновская М. Е., Семенов В. А.* Исследования Тувинской археологической экспедиции по трассе железной дороги Кызыл-Курагино // Бюллетень ИИМК РАН. СПб., 2013. № 3.

Кисель, 2012 — *Кисель В. А.* Отчет о работах археологического отряда Тувинской археолого-этнографической экспедиции МАЭ РАН на территории Республики Тыва в Пий-Хемском кожууне в 2012 г. // Архив ИА РАН, Р-1, д. № 34689.

Краткое сообщение..., 1992 — Краткое сообщение о работах 1989 года на могильнике Загуньлюк (Синьцзян, Черчен) // Синьцзян вэньу. Пекин, 1992. № 2. (且末县扎滚鲁克古墓葬1989年清理简报) (新疆文物) (на китайском яз.).

Кубарев, 1985 — *Кубарев В. Д.* Археологические исследования у бома Коркечу // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985.

Кубарев, 1987 — *Кубарев В. Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.

Кубарев, 1991 — *Кубарев В. Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.

Кубарев, 1992 — *Кубарев В. Д.* Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992.

Кубарев, Шульга, 2007 — *Кубарев В. Д., Шульга П. И.* Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007.

Кушакова, Чугунов, 2010 — *Кушакова Н. А., Чугунов К. В.* Погребальные комплексы с черепами животных в Центральной Туве // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2010.

Мандельштам, 1970 — *Мандельштам А. М.* Отчет о полевых работах 2-го отряда СТАЭ в 1970 г. // Архив ИА РАН, Р-1, д. №4142, д. №4142-а.

Мандельштам, 1974 — *Мандельштам А. М.* Отчет о полевых работах 2-го отряда СТАЭ в 1974 г. // Архив ИА РАН, Р-1, д. № 5593, 5593а (альбом ил.).

Мандельштам, 1975 — *Мандельштам А. М.* Отчет о полевых работах 2-го отряда СТАЭ в 1975 г. // Архив ИА РАН, Р-1, д. №5780, д. №5780-а.

Мандельштам, 1992 — *Мандельштам А. М.* Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992 (Археология СССР; Т. 10).

Манцевич, 1950 — *Манцевич А. П.* Гребень и фиала из кургана Солоха // СА. 1950. № XIII.

Могильник в горах Цзюньдушань, 2007 — Могильник в горах Цзюньдушань: Юйхуанмяо // Труды Пекинского городского института культурного наследия. Пекин, 2007. В 4-х т. (北京市文物研究所编。军都山墓地：玉皇庙。北京：文物出版社, 2007. 10) (на китайском яз.).

Могильников, 1983 — *Могильников В. А.* Курганы Кызыл-Джар II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тысячелетия до н. э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983.

Могильников, 1994 — *Могильников В. А.* Курган-2 могильника Карасу II и некоторые аспекты внешних контактов населения Алтая второй половины I тысячелетия до н. э. // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994.

Молодин и др., 2012 — *Молодин В. И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д.* Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). М., 2012.

Новиков, Сергеева, 2011 — *Новиков А. В., Сергеева Ю. К.* Гребни Западной Сибири эпохи раннего железа — средневековья (опыт классификации и семантического анализа) // Древнее искусство в зеркале археологии. Кемерово, 2011 (Труды САИПИ; № VII).

Полторацкая, 1966 — *Полторацкая В. Н.* Памятники эпохи ранних кочевников в Туве // АСГЭ. 1966. № 8.

Поляков, 2005 — *Поляков А. В.* Гребни из комплексов карасукской культуры // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005.

Пузикова, 2001 — *Пузикова А. И.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М., 2001.

Рукавишникова, 2013 — *Рукавишникова И. В.* Архитектура и последовательность сооружения ритуально-погребального комплекса алдыбельской культуры // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013.

Семенов, 1989 — *Семенов В. А.* Отчет о полевых археологических исследованиях на могильнике Кош-Пей и стоянках Азас I и Азас II в 1989 г. // Архив ИА, Р. 1, д. № 13635. 1989.

Семенов, 1992 — *Семенов Вл. А.* Уюкские курганы // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 1992. Ч. 2.

Семенов, 1996 — *Семенов В. А.* Отчет о полевых археологических исследованиях на могильнике Сыпучий Яр в Республике Тыва в 1996 году // Архив ИА, Р. 1, д. № 20705. 1996.

Семенов, 1997 — *Семенов Вл. А.* Монгун-Тайга. СПб., 1997.

Семенов, 2003 — *Семенов Вл. А.* Суглух-Хем и Хайрыкан — могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб., 2003.

Семенов, Килуновская, 1990 — *Семенов Вл. А., Килуновская М. Е.* Новые памятники раннего железного века в Туве // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М., 1990. № 17.

Сумин, Евтеева и др., 2013 — *Сумин В. А., Евтеева Е. М., Ануфриев Д. Е., Росляков С. Г.* Археологические памятники Коченевского района Новосибирской области // Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». Новосибирск, 2013. Вып. 9.

Тишкин, Горбунов, 2006 — *Тишкин А. А., Горбунов В. В.* Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // РА. 2006. № 3.

Троицкая, 1979 — *Троицкая Т. Н.* Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.

Феномен алтайских мумий, 2000 — Феномен алтайских мумий. Новосибирск, 2000.

Фиалко, 1999 — *Фиалко Е. Е.* Костяные гребни из скифских памятников // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б. Н. Гракова). Запорожье, 1999.

Хань Цзянье, 2007 — *Хань Цзянье.* Культуры эпохи бронзы и раннего железа на территории Синьцзяна. Пекин, 2007 (на китайском яз.).

Цэвэндорж, 1978 — *Цэвэндорж Д.* Чандманская культура // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978.

Чугунов, 1999 — *Чугунов К. В.* Некоторые итоги исследований могильника Догээ-Баары II // Круг знания: Научно-информационный сборник. Кызыл, 1999. № . 2.

Чугунов, 2005 — *Чугунов К. В.* Курганы раннескифского времени могильника Копто и вопрос синхронизации алды-бельской и тагарской культур // АСГЭ. 2005. № 37.

Чугунов, 2007 — *Чугунов К. В.* Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990–1998 гг.) // А. В.: Сб. науч. трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб., 2007.

Чугунов, 2009 — *Чугунов К. В.* Отчет о раскопках Южно-Сибирской археологической экспедиции в 2009 году в Алтайском крае и Республике Тыва // Архив ИА РАН, Материалы в обработке. Р-1.

Чугунов, 2010 — *Чугунов К. В.* Отчет о раскопках Южно-Сибирской археологической экспедиции в Республике Тыва в 2010 г. // Архив ИА РАН. Р-1. д. № 30830.

Чугунов, 2011 — *Чугунов К. В.* Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени // TERRA SCYTHICA: материалы междунар. симпозиума / Отв. ред. В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск, 2011.

Шульга, 1998 — *Шульга П. И.* Раннескифская упряжь VII — начала VI вв. до н. э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998.

Шульга, 2010 — *Шульга П. И.* Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул, 2010.

Шульга и др., 2012 — *Шульга П. И., Гирченко Е. А., Шульга Д. П.* О хронологии могильника Юйхуанмяо (Китай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2012. Т. XVIII.

Щукин, 2005 — *Щукин М. Б.* Готский путь. СПб., 2005.

Buried Past, 2013... — Buried Past in Desert: Textiles from the Small River Cemetery. China National Silk Museum, 2013 (на китайском яз.).

Čugunov u.a., 2010 — *Čugunov K. V., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Mainz, 2010.

Silk... 2011 — Silk Road treasures: fine collection of cultural relics in Xinjiang. Xinjiang, 2011 (на китайском яз.).

Typology of composite hair combs from burial complexes of the Sayan/Altai Scythian period

N. A. Zhogova (Kushakova)

In the age of the early nomads of Tuva and Altai, there was a burial tradition of putting hair combs into graves as funerary offerings. In everyday life, combs of this type were probably worn on the belt in a small bag both by women and males, as well as children. This fact is indicated by their positions in the graves.

These combs were manufactured from different materials: horn, wood or metal. Composite combs are the most interesting finds in terms of

technology. They were assembled of separate pieces (the hilt and prongs), which often were made from differing materials or wood species. Objects of this type appeared in the 8th–7th century BC in Tuva and since the 6th century BC in the Altai region. They were in use evidently until the turn of the eras.

The closest parallels of the composite combs from Tuva and Altai come from synchronous burials of China (provinces of Xinjiang and Inner Mongolia) and thus they indicate the direction of cultural contacts of the population of the Sayan-Altai regions during the age of early nomads.

Северное Причерноморье в III в. до н. э. (взгляд из греческих государств)

Ю. А. Виноградов, К. К. Марченко[1]

В III в. до н. э., т. е. после падения Великой Скифии, в Северном Причерноморье сложилась чрезвычайно необычная ситуация. Ее своеобразие заключается в том, что степи региона запустели практически до конца этого столетия. Есть основания считать, что объяснение такого положения надо искать в сложившейся тогда военно-политической ситуации. Северному Причерноморью угрожали вторжения с двух сторон — с востока (со стороны кочевников-сарматов) и с запада (со стороны кельтов).

Ключевые слова: скифы, сарматы, меоты, галаты, древнегреческие государства, аристократические курганы, сельские поселения, хлебная торговля, монетный кризис.

In the 3rd century BC, i.e. after the fall of Great Scythia, a very uncommon situation arose in the northern Black Sea littoral. Its peculiarity is in the fact that the steppe lands of this region had been depopulated before the end of the century specified. Presumably this was due to the military and political situation which had then been established. The northern Black Sea region was threatened by invasions from two sides: from the east (on the part of Sarmatian nomads) and from the west (from the Celts).

Keywords: Scythians, Sarmatians, Maeotians, Galatians, ancient Greek states, aristocratic barrows (kurgans), rural settlements, grain trade, monetary crisis.

Проблема III в. до н. э. в истории народов северного берега Понта, объективно существующая в науке вот уже полвека, в последнее время стала отраслью почти исключительно сарматологии, что вполне объяснимо, но все-таки несправедливо. Такое положение усугубляется тем, что сарматологи, уделяющие внимание раннему этапу сарматской истории, в последние годы как будто сосредоточились всего на одной научной проблеме — проблеме запустения (хиатуса) III в. до н. э. в степях Северного Причерноморья (*Полин*, 1992. С. 111 сл.; *Полин, Симоненко,* 1990. С. 43; *Симоненко,* 1994. С. 34–35; 2000. С. 158; *Глебов*, 2002. С. 194), а также и на прилегающих к нему с востока территориях (*Берлизов*, 1996. С. 30; 1998. С. 53; *Зуев*, 1999. С. 306; 2000а. С. 88; 2000б. С. 84). Последнее, надо признать, вызывает возражения у специалистов по этому вопросу (*Скрипкин,* 1990. С. 192; *Клепиков*, 2000а. С. 97–106; 2000б. С. 116–124; 2000в. С. 87–94; *Скрипкин, Клепиков*, 2004. С. 97; *Демиденко*, 2007. С. 53; *Беглова*, 2013. С. 34). Обозначенная проблема, разумеется, заслуживает внимания, но, на наш взгляд, и сторонники гипотезы «запустения», и ее противники несколько упрощают военно-политическую и этническую ситуацию, сложившуюся в степном коридоре в это время. Дело в том, что глобальные перемены в истории региона, пришедшиеся на это столетие, не следует рассматривать исключительно на материалах степей. Здесь важно знать не только ситуацию в мире кочевников, но также и в мире оседлых и полуоседлых варварских народов (Прикубанье, лесостепь Северного Причерноморья), а кроме того, и в греческих государствах региона. Последним мы намерены уделить основное внимание и уже через призму античных письменных источников и античной археологии взглянуть на ситуацию в хинтерлянде.

Современное скифоведение признает, что Великая Скифия не пережила рубежа IV–III вв. до н. э. или, возможно, первой четверти III в. до н. э. (*Алексеев*, 2003. С. 277).

[1] Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

Важный признак этой глобальной катастрофы — прекращение возведения скифских царских курганов в Северном Причерноморье. Хорошо известно, что подавляющее число этих погребальных памятников в Поднепровье относится к IV в. до н. э. (*Ильинская, Тереножкин*, 1983. С. 124 сл.). Наиболее поздним из них обычно признавали Александропольский или Луговую могилу. По находкам амфорной тары этот комплекс когда-то относили к первой четверти III в. до н. э. (*Брашинский*, 1965. С. 102), затем — к рубежу IV–III вв. до н. э. (*Алексеев*, 1986. С. 37; *Монахов*, 1999. С. 438). Некоторое время спустя было высказано предположение, что все погребения этого кургана совершены между 320 и 300 гг. до н. э. (*Алексеев*, 2003. С. 270). На этом удревнение памятника не остановилось, и украинские скифологи утверждают, что дату кургана нельзя выводить за пределы 340–330 гг. до н. э. (*Полин, Драган*, 2010. С. 208). Таким образом, Александропольский курган со всем его любопытнейшим вещевым комплексом уже нельзя уверенно считать самым поздним в ряду царских скифских курганов. Правда, необходимо признать и иное — в современных хронологических схемах скифских древностей, как правильно указал А. Ю. Алексеев, практически отсутствуют памятники последней четверти IV и рубежа IV–III вв. до н. э. (*Алексеев,* 2013. С. 350–351).

Очень близок к Александропольскому кургану по составу находок (бронзовые литые навершия и пр.) комплекс в Каменской Близнице, который датируется рубежом IV–III вв. до н. э. (*Андросов, Мухопад,* 1987. С. 73). Наиболее поздний аристократический курган в южной части Правобережной лесостепи, Большой Рыжановский, С. А. Скорый склонен относить к первой четверти III в. до н. э. (*Скорый*, 1999. С. 241). На этом история скифских царей и скифской аристократии в степях Северного Причерноморья закончилась.

Та же самая картина фиксируется и в Прикубанье. Здесь приблизительно в конце IV в. до н. э. исчезла традиция возведения меотских царских курганов типа Елизаветинских, Курджипса или Карагодеуашха с их характерным скифоидным обликом культуры (*Ждановский*, 1990. С. 39; *Ждановский, Марченко*, 1988. С. 48; *Марченко И.,* 1996. С. 117). Погребения новой элиты, появившиеся здесь позднее, имели немало специфических черт (*Анфимов*, 2011. С. 183, сл.).

В современной историографии существуют четыре точки зрения, объясняющие причины названных масштабных перемен. Первая связывает их с продвижением на запад сарматских племен, вторая — с опустошительными рейдами кельтов-галатов из Карпато-Дунайского бассейна, третья объясняет крушение Великой Скифии негативными климатическими изменениями, а четвертая — экологическим кризисом, разразившимся из-за перенапряжения степной экосистемы в IV в. до н. э. (см.: *Виноградов и др.,* 1997а. С. 93, сл.; 1997б. С. 6; *Бруяко,* 1999а. С. 84–88). Сарматскую гипотезу, которую для отечественной науки можно признать традиционной, мы, в принципе, продолжаем поддерживать сейчас, хотя и с некоторыми существенными оговорками. Сарматы, на наш взгляд, сыграли существенную роль в разразившейся тогда региональной катастрофе, и первую волну сарматских миграций можно связать с продвижением на запад сираков и аорсов, распространивших к концу IV в. до н. э. свою власть на земли Восточного Подонья и Прикубанья (*Виноградов*, 2004. С. 20–28; *Vinogradov*, 2003. P. 217–226).

Важным свидетельством в пользу такого понимания развития исторической ситуации мы считаем одно в высшей степени показательное событие в истории Боспорского царства, происшедшее в 310/309 г. до н. э. Имеется в виду усобица сыновей царя Перисада I — Сатира, Притана и Евмела, о которой сохранился рассказ историка Диодора Сицилийского (Diod. XX, 20–24), ставший объектом пристального научного внимания (*Латышев,* 1909. С. 67; *Гайдукевич,* 1949. С. 73; *Жебелев,* 1953. С. 177; *Блаватский,* 1954. С. 85; *Струве,* 1968. С. 151; *Десятчиков,* 1977. С. 46; *Шелов-Коведяев,* 1985. С. 150; *Молев,* 1994. С. 45, сл.; *Виноградов,* 2003. С. 77, сл.; *Завойкин,* 2010. С. 33–34; *Rostovtzeff,* 1930. P. 577; *Mielczarek*, 1999. P. 62; *Olbrycht,* 2001. S. 444). Боевые действия, вероятнее всего, развернулись в Прикубанье. Хорошо известно, что Сатира и Притана в этой борьбе поддержали скифы, а Евмела некие варвары во главе с царем Арифарном. Диодор назвал их фракийцами, что, как следует полагать, является

ошибкой автора или опиской переписчиков текста. Об этнической принадлежности этих варваров ученые ведут неутихающие споры, считая их либо фатеями, либо сираками. Мы склоняемся к точке зрения, что это были не фатеи, т. е. одно из меотских племен Прикубанья, а сираки, т. е. сарматы, уже продвинувшиеся к этому времени в Прикубанье (*Виноградов*, 2003. С. 82–86). Фатеи, как известно, входили в состав Боспорского государства (КБН: 9, 25, 972, 1015) и, на наш взгляд, вряд ли могли противостоять объединенному боспоро-скифскому войску.

Противники этой гипотезы в последние годы обратили внимание на такую любопытную деталь рассказа Диодора, как большой обоз с провиантом, который подготовил Сатир перед походом на Евмела и Арифарна. На основании этого свидетельства исследователи гадают, через какие безлюдные области Прикубанья должна была пройти армия Сатира перед тем, как вступить в непосредственный контакт с противником, т. е., на их взгляд, с фатеями (*Балахванцев, Беглова*, 2011. С. 575–578). Действительно, для региона, населенного земледельцами, этот пассаж Диодора выглядит несколько странно, поскольку войско могло получить или захватить необходимый провиант у местных крестьян. Война, фигурально выражаясь, должна кормить сама себя. Смысл этого свидетельства сицилийского историка совсем в другом. Главными противниками Сатира были не земледельцы, а недавно появившиеся в Прикубанье кочевники во главе с Арифарном, уже успевшие подчинить себе часть местных земледельческих племен. Именно им боспорский царь стремился нанести решительное поражение, в чем нашел полную поддержку у скифов. Однако весь опыт войн земледельцев с кочевниками убеждает нас в том, что последние в случае неудачи могли уйти в степи, затеряться среди ее бескрайних просторов, обрекая противника на очень опасное для него преследование (см.: *Виноградов*, 2009. С. 46–47). Весьма вероятно, что Сатир, прекрасно зная тактику кочевников, допускал подобный поворот событий, но все-таки надеялся на успех преследования. Для этого маневра на территориях, далеко отстоящих от подвластных Боспору, разумеется, нужен был большой обоз с провиантом. Данное обстоятельство, на наш взгляд, придает рассказу Диодора особую ценность: в нем зафиксирован момент появления сарматов в Прикубанье, когда общей дестабилизации военно-политической ситуации в регионе еще не произошло.

Судьба распорядилась так, что в междоусобной борьбе победил Евмел, опиравшийся, как мы считаем, на поддержку сираков. Важным археологическим памятником, относящимся к этому времени, является курган, раскопанный на мысе Ак-Бурун под Керчью в 1875 г., который надежно датируется концом IV — началом III в. до н. э. (*Виноградов*, 1993; *Виноградов и др.,* 2012. С. 117 сл.). Открытое здесь богатое воинское погребение демонстрирует удивительное смешение деталей, характерных для савромато-сарматского мира и племен Прикубанья, при наличии явных черт эллинизации. По этой причине вслед за В. Ф. Гайдукевичем можно считать, что Ак-Бурунский курган (1875 г.) принадлежит одному из союзников Евмела, т. е. вождей сираков, поддержавших его в борьбе с братьями (*Gajdukevič*, 1971. S. 142). Более того, допустимо предположение о том, что со времени Евмела традиционная ориентация Боспора на союз со скифами ушла в прошлое и главная роль в боспорской политике по отношению к варварскому миру надолго стала принадлежать сарматам (*Виноградов*, 2005. С. 294–296).

Такое понимание ситуации, сложившейся в системе взаимоотношений Боспорского царства с варварами после усобицы сыновей Перисада, как представляется, находит подтверждение в материалах, полученных во время исследований одного очень важного археологического памятника, расположенного на территории европейского Боспора. Имеется в виду святилище Нимфея, ставшее знаменитым благодаря изображению корабля «Исида». Археологические материалы дают практически бесспорную дату существования этого святилища — вторая половина III в. до н. э. (*Грач*, 1984. С. 81; 1987. С. 83; *Sokolova*, 2000. S. 172; 2003. P. 772–773). Помимо кораблей, животных и пр. на штукатурке были прочерчены изображения всадников и противостоящих им пеших воинов-лучников (*Hockmann,* 1999. P. 340–342, fig. 10*; Виноградов, Горончаровский,* 2009. С. 106, рис. 52). Всадники имеют на головах конические шле-

мы, они облачены в тяжелые доспехи и вооружены длинными копьями. Все это позволило Ю. Г. Виноградову видеть в них сарматов-катафрактариев (*Виноградов Ю. Г.,* 2000. С. 274). Пешие воины-лучники — это, вероятнее всего, скифы. Напомним, что скифское войско, поддержавшее боспорского царя Сатира в конфликте с братом в 310/309 г. до н. э., в основном состояло из пехотинцев (Diod. XX. 22). Нимфейские граффити при всей их условности позволяют считать, что в запечатленных на стенах святилища сражениях побеждают сарматские всадники. Мы уверены при этом, что вряд ли кому-нибудь из боспорских жителей могла прийти в голову идея «увековечить» таким образом победы своих врагов.

Вновь возвращаясь к скифским царским курганам, следует обратить внимание на то, что в их ряду лишь Чертомлык соответствует скифской погребальной традиции, прочие памятники (Огуз, Александропольский) отличаются присутствием чужеродных элементов (*Алексеев и др.*, 1991. С. 143–144). В Александропольском кургане, как известно, были обнаружены любопытные украшения конской узды в виде фаларов, нехарактерные для более ранней скифской традиции (*Алексеев*, 1993). Кроме Александропольского кургана, фалары происходят из таких памятников времени заката Великой Скифии, как Большая Близница (ОАК за 1865 г., 1866. С. 164, сл.; *Артамонов*, 1966. С. 70, табл. 298; *Власова*, 2010. С. 224, 227, рис. 62; *Piotrovsky*, *Galanina, Grach*, 1986. Pl. 200, 201) и сравнительно недавно исследованного кургана Бабина Могила (Золото степу, 1991. С. 323, 400, кат. 139).

Появление этих любопытнейших предметов в восточноевропейских степях трактуется по-разному. М. И. Ростовцев связывал их с проникновением сюда новой волны иранских кочевых племен — сарматов, принесших новую моду и новый стиль конских украшений (*Ростовцев*, 1993. С. 44; ср.: *Смирнов*, 1984. С. 74, сл.; *Мордвинцева*, 1998; *Pfrommer*, 1993. P. 5 ff.; *Mordvinceva*, 2001. S. 53, 69). А. Ю. Алексеев в находках из Александропольского кургана склонен видеть не свидетельство появления новой волны кочевников, а следствие сложившейся в последней трети IV в. до н. э. кратковременной исторической ситуации, особенностью которой было расширение внешнеполитических контактов скифских владык, в том числе и с Александром Македонским во время его Среднеазиатского похода (*Алексеев*, 1993. С. 74–75). Иными словами, самые ранние фалары или, по крайней мере, часть из них могли быть дипломатическими дарами великого завоевателя, который, по свидетельству Арриана, действительно проявлял интерес к Северопонтийскому региону (Arr. Anab. IV. 15. 4–5). Вторая точка зрения, однако, вызывает немалые сомнения. Во-первых, фалары из перечисленных памятников отличаются явной разностильностью, они даже изготовлены из разных материалов — золото и бронза (Александропольский курган), серебро с позолотой (Бабина Могила), бронза (Большая Близница). Логичнее же было бы ожидать, что Александр направлял в Скифию драгоценные дары, приблизительно одинаковые по составу и оформлению, во всяком случае, выполненные в одном стиле, как, к примеру, хорошо известные наборы из горитов и мечей чертомлыцкой серии (*Алексеев*, 2003. С. 240–241). В данном случае, однако, этого нет. К тому же имеются веские основания полагать, что фалары, которые использовали воины македонского царя, изготавливались в основном из серебра. Древние авторы сохранили свидетельство, что перед Индийским походом или даже ранее Александр приказал своему войску посеребрить бляхи конской сбруи (Diod. XVII. 57; Curt. VIII. 9; Just. XII. 7. 4). Если исходить из этих свидетельств, на которые сарматологи не обращают никакого внимания, то с большим основанием к категории даров великого завоевателя владыкам Скифии можно относить одни лишь фалары из Бабиной Могилы.

В этом отношении чрезвычайно любопытны более поздние фалары, происходящие из кладов, обнаруженных на территориях Подонья-Прикубанья: Федуловский, Старобельский, Янчокракский и др. (*Спицын*, 1909; *Farkas*, 1973; *Mordvinceva*, 2001). Наиболее ранние из них, Федуловские, сейчас датируются концом III в. до н. э. (*Берхин*, 1962. С. 39; *Засецкая*, 1965. С. 36; ср.: *Mordvintseva*, 1999. P. 139, 8), и тогда в развитии традиции украшений конской узды, появившейся в степях Северного Причерноморья на закате Великой Скифии и затем ставшей характер-

ной особенностью сарматского культурного комплекса, приходится признать наличие векового разрыва. Более того, в самом существовании такой единой традиции уже возникают немалые сомнения. На наш взгляд, такие сомнения напрасны, поскольку Федуловский клад допустимо относить не к концу III в. до н. э., а к первой половине этого столетия (*Виноградов*, 2006а. С. 217). И фалары, происходящие из этого клада, как и все перечисленные чуть выше, серебряные!

В высшей степени любопытно, что крушение Великой Скифии не привело к немедленным негативным переменам в греческих государствах региона. В этом правиле, правда, есть одно исключение, связанное с ситуацией в финансовой системе, но о ней будет сказано чуть ниже. По-настоящему катастрофические перемены произошли здесь лишь приблизительно через 25 лет. Что касается сельскохозяйственной округи всех античных государств региона, то в конце IV в. до н. э. и даже в первой четверти III в. до н. э. она по существу процветала. Этот факт заслуживает особого внимания, поскольку неукрепленные сельские поселения чрезвычайно уязвимы при нападениях неприятеля и всегда очень чутко реагировали на негативные изменения военно-политической ситуации.

Более того, в отношении Боспора необходимо указать на определенное усиление его экономических, а вероятно, и политических устремлений. Вспомним информацию Диодора о Евмеле, победившем в борьбе с братьями, вероятнее всего, при поддержке сираков. Историк сообщает о деяниях Евмела после этой победы: «Он присоединил значительную часть соседних варварских земель и доставил своему царству гораздо большую (чем прежде) известность. Он вздумал было вообще покорить все племена, окружающие Понт, и скоро привел бы в исполнение свой замысел, если бы скоропостижная смерть не пресекла его жизнь» (Diod. XX. 25; пер. В. В. Латышева). Евмел, как известно, погиб от нелепой случайности в 304/303 г. до н. э. (Diod. XX. 100. 7). Мы не знаем всего расклада военно-политических сил на карте Северного Причерноморья во время его правления, а этот расклад, конечно, был весьма сложным. Однако вполне может быть, что некая эйфория от победы в борьбе с братьями, а также осознание силы союза с сираками, сложившегося в ходе этой борьбы, позволили Евмелу строить весьма амбициозные, хотя и вряд ли в полной мере реалистичные планы.

Боспорские устремления на восток хорошо отражают и археологические источники. Очень важным в связи с этим представляется тот факт, что в конце IV в. до н. э. в Прикубанье на месте меотского поселения возникло Елизаветинское городище. Археологические материалы достаточно наглядно демонстрируют, что этот центр, расположенный в самой гуще прикубанских племен, стал форпостом боспорского экономического влияния в этом районе (*Анфимов*, 1966. С. 161; 1967. С. 130).

Другой вектор боспорских устремлений в это время был связан с Донской дельтой. Расположенное здесь Елизаветовское городище было оставлено варварским населением приблизительно на рубеже IV–III вв. до н. э. Жизнь здесь прекратилась, но ненадолго. Вскоре был основан «боспорский эмпорий», просуществовавший приблизительно 25–30 лет (*Марченко,* 1992. С. 176 сл.; *Марченко и др.,* 1988. С. 75 сл.; 2000. С. 252). Эта попытка упрочения боспорского влияния в дельте Дона не была успешной, и поселение погибло в 80–70–х гг. III в. до н. э., вероятно, в результате неожиданного нападения сарматов (*Марченко,* 1992. С. 184–186; *Марченко и др.,* 2000. С. 258; ср.: *Кац,* 2001. С. 90). Несмотря на это, сам факт создания «эмпория» чрезвычайно показателен для понимания основных направлений греко-варварских контактов начала III в. до н. э., тем более что полным успехом было ознаменовано выведение другого боспорского центра в дельте Дона — Танаиса (Strab. XI. 2. 3), что обычно датируют первой четвертью III в. до н. э. (*Шелов*, 1970. С. 23; 1989. С. 47; *Арсеньева и др.,* 1996. С. 54; *Арсеньева и др.*, 2010. С. 13; *Arsenyeva*, 2003. P. 1052).

В конце первой трети III в. до н. э., по выражению А. Н. Щеглова, «происходит тотальное уничтожение сельских поселений на хоре всех северопричерноморских греческих государств» (*Щеглов*, 1985. С. 192). Правильность такой точки зрения демонстрируют археологические материалы, полученные на сельских поселениях Боспора (*Масленников*, 1998а. С. 88; *Гаврилов*, 2013. С. 39), Херсонеса (*Виноградов Ю. Г., Щеглов,* 1990.

С. 362; *Пуздровский*, 1995. С. 142; *Туровский*, 2012. С. 172–173) и Северо-Западного Причерноморья (*Крыжицкий и др.,* 1989. С. 100; *Okhotnikov*, 2001. P. 115). Это повсеместное и в целом синхронное явление А. Н. Щеглов связывал с сарматским опустошением Скифии, что, на наш взгляд, верно лишь отчасти, о чем подробнее речь пойдет чуть ниже.

Крушение хоры, вне всяких сомнений, привело к ухудшению экономического положения греческих государств, что проявилось, прежде всего, в кризисе денежного обращения III в. до н. э. во всех античных государствах Северного Причерноморья (*Щеглов*, 1989). Кризис связан с прекращением чеканки монеты из драгоценных металлов, широком выпуске меди с частой сменой типов, использованием перечеканок и надчеканок. Нет сомнения, что он стал следствием уменьшения хлебного экспорта из Северного Причерноморья и, соответственно, уменьшения притока сюда драгоценных металлов. Однако устоявшуюся точку зрения, что финансовый кризис последовал за изменениями на хоре греческих городов (*Зубарь*, 1999. С. 109), нельзя признать вполне верной. Д. Б. Шелов отмечал в связи с этим, что факторы, приведшие к плачевному положению в денежной системе, начали действовать намного раньше, еще в последней четверти IV в. до н. э. (*Шелов*, 1956. С. 117). Более того, современная античная археология демонстрирует, что монеты, явно относящиеся к времени монетного кризиса, встречаются на сельских поселениях греческих государств (*Масленников,* 1998б. С. 207–208; *Виноградов, Терещенко*, 2009. С. 142–143), т. е. монетный кризис наступил раньше крушения хоры по крайней мере на 10–15 лет. Изучение конкретных материалов этого времени позволили С. Г. Демьянчуку и Е. Я. Туровскому высказать гипотезу, что начало монетного кризиса было связано с ухудшением греко-варварских взаимоотношений в регионе, разрушением существовавшей системы взаимовыгодных торговых связей, резком сокращении доходов греческих государств. «Вероятно, следует думать, — пишут авторы, — что весь регион уже с начала 80-х гг. III в. до н. э. пребывал в преддверии скоро последовавшей катастрофы» (*Демьянчук, Туровский,* 1999. С. 93). Окончательный удар по монетной системе нанесла первая волна варварской экспансии против греческих государств региона, которая пришлась на рубеж первой и второй четвертей III в. до н. э. (*Туровский*, 2013. С. 152).

Такому пониманию ситуации вполне соответствует информация, содержащаяся в афинском декрете в честь боспорского царя Спартока III (МИС. 4; CIG. II². 653). Декрет был принят в 288 г. до н. э., т. е. относится ко времени, когда боспорская хора еще вполне процветала. Из этого документа явствует, что хлебный экспорт из Боспора в Афины тогда продолжался, и в коллективной памяти афинян спартокиды еще продолжали играть роль «кормильцев» города. В сравнении со временем Левкона I, однако, боспорские поставки начала III в. до н. э. выглядят весьма скромными — всего 15 тыс. медимнов (*Хайнен*, 1999. С. 161; *Завойкин,* 2010. С. 35). Напомним, что, по свидетельству Демосфена, при Левконе в Афины ежегодно вывозилось 400 тысяч медимнов (Dem. XX. 32). Обозначившееся уменьшение «зернового потенциала» спартокидов следует связывать не с крушением хоры (*Зубарь,* 1999. С. 109), которое будет иметь место приблизительно через 15 лет, а с негативными изменениями на варварских территориях Прикубанья и Северного Причерноморья. В этом контексте можно указать на то, что хлеб, получаемый от местных земледельческих племен, в боспорском экспорте, скорей всего, составлял немалую долю. Этот важнейший факт в научной литературе последних лет стал почти игнорироваться, но, на наш взгляд, абсолютно неоправданно (*Виноградов*, 2010).

Еще раз подчеркнем, что негативная ситуация в степях Северного Причерноморья наступила уже приблизительно на рубеже IV–III вв. до н. э., и она в первую очередь была связана с продвижением на запад сарматских племен. Приведенные археологические данные, на наш взгляд, вполне согласуются с сообщением Диодора Сицилийского о том, что савроматы (сарматы) «опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (Diod. II. 43. 7; пер. В. В. Латышева).

Д. А. Мачинский, основываясь на разрозненных свидетельствах античной письменной традиции, пришел к выводу, что сарматы стали господствующей силой на пространстве от Дона до Днепра к 310 г. до н. э. (*Мачинский*, 1971. С. 46, 51).

Противники концепции о ранней дате сарматского вторжения в Северное Причерноморье, рассматривая свидетельство Диодора как полулегендарное, упорно указывают на то, что не существует абсолютно надежных сведений письменных источников, а также и археологических данных об их пребывании здесь вплоть до II в. до н. э. (*Полин,* 1992. С. 94; *Симоненко*, 1994. С. 33–34; *Simonenko*, 1994. P. 279; *Skripkin*, 1994. P. 103). Отсутствие археологических памятников в этом регионе, которые можно было бы связать с ранними сарматами, однако, не означает того, что «новые номады» здесь вовсе не появлялись.

Ю. Г. Виноградов, анализируя текст давно известного херсонесского декрета «О несении Диониса» (IOSPE. I². 343), указал, что в его строке 15 говорится именно о сарматах, которые готовили вторжение на запад. Этот декрет он склонен датировать первой четвертью III в. до н. э., не исключая и более широкую атрибуцию вплоть до середины III в. до н. э. (*Виноградов Ю. Г.,* 1997. С. 111). Основываясь на сведениях надписи, можно заключить, что сарматы тогда совершили нападение на Северное Причерноморье и, вероятно, уже не первое (Там же. С. 122; 1999а. С. 59–62). В результате этих походов Скифия действительно была превращена в пустыню. Степное Поднепровье надолго запустело, археологические памятники здесь практически отсутствуют вплоть до II в. до н. э. В связи с этим, однако, приходится признать, что, несмотря на победоносные походы, в III в. до н. э. сарматы не заняли этих земель. Вопрос о причинах такого необычного положения чрезвычайно сложен, но мы склонны связывать его с другой экспансией, устремленной навстречу сарматской. Имеется в виду экспансия кельтов. Двойная угроза для Северного Причерноморья с востока (сарматы) и с запада (галаты), на наш взгляд, может объяснять некоторые важные моменты сложившейся здесь военно-политической ситуации (*Виноградов и др.,* 1997а, С. 102; *Виноградов,* 1999. С. 80; *Виноградов, Горончаровский,* 2009. С. 110–111; *Бруяко*, 1999б. С. 329; 2005–2009. С. 344).

О кельтской угрозе для Ольвии, а вероятно, и для других греческих центров Северо-Западного Причерноморья говорится в декрете в честь Протогена (IOSPE. I². 32), к которому мы еще неоднократно обратимся ниже. Вряд ли эта угроза исходила от неких «иллирийских банд», не имевших отношения к собственно кельтам-галатам (*Rodway*, 2010. P. 25). Кельтскую экспансию в Северное Причерноморье, как представляется, следует связывать не с ними, а с государством кельтов (галатов) с центром в Тиле, существовавшим во Фракии в 280–213 гг. до н. э. и ставшим там главным политическим и военным фактором (*Мачинский,* 1973. С. 52–53; *Лазаров,* 1996. С. 121; *Виноградов,* 1999. С. 70–73). Об этом государстве, его границах, локализации столицы и т. д. в научной литературе ведутся споры (*Boteva*, 2010; *Dimitrov,* 2010; *Emilov*, 2010; *Lazarov,* 2010; *Manov,* 2010), но возможность походов галатов с этой территории на восток представляется вполне допустимой. По этой причине мы склоняемся к мысли, что запустение хоры Ольвии в конце первой трети III в. до н. э. было следствием военной угрозы, исходившей как с востока, со стороны сарматов, так и с запада, со стороны галатов. Последнее, надо признать, уже предполагалось ранее (*Рубан*, 1985. С. 43–44; *Яйленко*, 1990. С. 274–275).

У концепции двойной угрозы, в которой оказалось Северное Причерноморье в III в. до н. э., имеются критики (*Тельнов и др.,* 2012. С. 11–12), но мы все-таки склонны считать, что в районе Поднепровья столкнулись два вектора варварских экспансий — сарматская с востока и галатская с запада. Как представляется, ни одна из этих этнических группировок не смогла одержать полной победы и закрепиться в Северном Причерноморье. Области Поднепровья, оказавшиеся, так сказать, между молотом и наковальней, надолго запустели. Никакая стабильная жизнь здесь существовать просто не могла! Если рассматривать на этом фоне ситуацию на хоре Ольвии и других греческих государств Северо-Западного Понта, то приходится признать, что в прекращении жизни на сельских поселениях были повинны не только сарматы, но и галаты.

Для лучшего понимания положения в Северо-Западном Причерноморье, а отнюдь не только в районе Ольвийского полиса, следует обратиться к уже упоминавшемуся эпиграфическому документу — ольвийскому декрету в честь Протогена (IOSPE. I². 32). Археологи-сарматологи придерживаются поздней даты документа, определяя ее в пределах конца III — первых десятилетий II в. до н. э. (*Полин,* 1992. С. 27; *Симоненко,* 1994. С. 33) или просто первых десятилетий II в. до н. э. (*Симоненко, Лобай*. 1991, С. 76–77; *Skripkin,* 1994. P. 179). Эпиграфист Ю. Г. Виноградов, однако, упорно настаивал на дате 20–10 гг. III в. до н. э. (*Виноградов Ю. Г.,* 1989. С. 182; 1997. С. 106), близкую дату иногда называл и П. О. Карышковский (*Карышковский, Клейман,* 1985. С. 71; но ср.: *Карышковский,* 1988. С. 93). Декрет, как представляется, был принят в конце III в. до н. э., но реальные события, связанные с деятельностью Протогена, которые описаны в этом документе, конечно, имели место в более раннее время, вероятнее всего, во второй половине III в. до н. э. (*Русяева, Супруненко*, 2003. С. 150–151), а может быть, и в середине этого столетия (*Щукин,* 1993. С. 105–106; *Бруяко*, 2005–2009. С. 357).

Во всей совокупности этих событий обратим внимание на некоторые. Во-первых, галаты вместе с какими-то скирами «составили союз и собрали большие силы», чтобы совершить зимний поход на Ольвию, что вызвало страшный испуг не только среди ольвиополитов, но и окружающих варваров (фисаматов, скифов и савдаратов). Воплощение этих агрессивных планов на практике вызывает немалые сомнения (*Виноградов Ю. Г.,* 1989. С. 182; *Русяева,* 1993. С. 15), но логично ожидать, что ранее греки и варвары района Нижнего Побужья неоднократно страдали от подобных вторжений. Во-вторых, галаты собирались в поход вместе со скирами, т. е. сами, вероятно, не считали себя способными на такую акцию. Кем являлись эти скиры, нам неизвестно (*Щукин,* 1993. С. 97), но можно предположить, что галаты могли оказаться в затруднительном положении, если бы те вдруг стали противиться этой акции.

Другой опасной силой, угрожавшей Ольвии с востока, были сайи, в которых, вероятнее всего, следует видеть племя царских сарматов (*Карышковский,* 1971. С. 44; *Карышковский, Клейман,* 1985. С. 67–68; *Мачинский*, 1971. С. 47; *Смирнов*, 1981. С. 8; 1984. С. 119; *Виноградов Ю. Г.,* 1997. С. 106). При всей опасности для греков приходов царя сайев Сайтафарна они уже укладываются в рамки, так сказать, обычных, регулируемых какими-то соглашениями или, по крайней мере, прецедентами. Сайтафарну необходимо было платить дары по случаю его проездов, очевидно, мимо города на запад; за подарками он приходил на «ту сторону», по всей видимости, Гипаниса — Южного Буга, в резиденцию царя ольвиополиты направляли посольство.

Иногда считают, что кочевья сайев находились поблизости от Ольвии, к востоку от Южного Буга (*Латышев,* 1887. С. 90; *Мачинский,* 1973. С. 53; *Смирнов,* 1981. С. 8). Однако фиксируемое археологически запустение этих областей в рассматриваемое время заставляет усомниться в бесспорности данной точки зрения. Вполне возможно, что сайи базировались на кочевьях Дона, откуда без особого труда могли совершать походы на античные города Северного Причерноморья, в том числе на Ольвию, и даже еще дальше на запад (*Симоненко, Лобай,* 1991. С. 78; *Полин, Симоненко,* 1997. С. 92).

Для понимания сармато-кельтских контактов в это время большое значение имеют находки кельтских или, правильнее сказать, кельто-италийских шлемов, происходящих в основном с территории сарматских кочевий в Подонье-Прикубанье. Их датировка в отечественной научной литературе изменилась от второй половины I в. до н. э. (*Шилов,* 1978. С. 112) до конца III — I вв. до н. э. (*Симоненко*, 1987. С. 110) и, наконец, до IV–III вв. до н. э. (*Raev*, 1986. P. 85–86). Действительно, в хронологическом отношении эти шлемы охватывают почти всю эпоху эллинизма, но большинство из них относится к типам Монтефортино А и В, которые датируются IV–III вв. до н. э. (*Robinson,* 1973. P. 15–19). Происходят они, однако, из сравнительно поздних сарматских памятников, которые обычно атрибутируют в пределах II–I вв. до н. э., и этот хронологический разрыв, разумеется, должен быть как-то объяснен (*Бруяко,* 2005–2009. С. 341–343). В этом

отношении обратим внимание на упоминавшиеся выше граффити с изображением сарматских всадников из нимфейского святилища второй половины III в. до н. э. На головах у этих всадников надеты шлемы конической формы, которые очень похожи на кельтские.

Одно из объяснений факта наличия кельтских шлемов в относительно поздних сарматских погребениях сводится к тому, что шлемы были захвачены сарматами во время походов Митридата VI Евпатора или же понтийский царь снабдил их этими шлемами из своих арсеналов при подготовке похода на Рим (*Раев и др.,* 1990. С. 124; *Симоненко,* 2001. С. 96; *Редина, Симоненко,* 2002. С. 86). Сарматы при таком понимании оказались владельцами шлемов, которые были на 100–200 лет древней этих походов, что выглядит чрезвычайно странно (*Виноградов и др.,* 1997а. С. 102).

Наиболее правдоподобное объяснение этого феномена, на наш взгляд, в свое время было предложено А. В. Симоненко, который связывал появление ранних кельтских шлемов с сарматскими набегами из районов Подонья-Прикубанья на запад, в частности в Поднепровье, где они сталкивались с галатами. Боевые трофеи этих походов попадали в погребальные комплексы в местах постоянных кочевий сарматов (*Симоненко,* 1987. С. 112). Правда, позднее этот автор отказался от обозначенной точки зрения и присоединился к идее Митридатовых войн. Объяснение такой метаморфозе можно найти разве что в факте явной немногочисленности находок шлемов типа Монтефортино в археологических памятниках, расположенных к западу от Днепра, но они здесь все-таки имеются (*Раев и др.,* 1990. С. 128–129; *Бруяко, Росохацкий,* 1993. С. 80).

Очень важными для понимания сложной этнополитической ситуации в Северо-Западном Причерноморье представляются памятники III–II вв. до н. э., которые М. Б. Щукин назвал «странными» (*Щукин*, 1994. С. 97–98). Все они представляют собой «клады» с предметами конского снаряжения, оружия (в том числе шлемов), дорогих украшений и пр., в которых очень заметны восточные и западные культурные импульсы.

Трактовка всех этих «странных» памятников как воинских погребений вызывает немалые сомнения. Есть основания считать, что некоторые из них могли быть жертвоприношениями, совершенными в честь бога Арея и связанными с каким-то конкретным военным событием (*Субботин, Охотников,* 1981. С. 111). Не исключено, что эти жертвоприношения появились в результате удачных акций сарматов в Северо-Западном Причерноморье. Совсем не случайно, что в составе некоторых из этих памятников можно выделить реальные свидетельства походов сарматов из района Подонья-Прикубанья на запад. Прежде всего, это находки удил с крестовидными псалиями прикубанских типов. Удила этого типа столь показательны, что И. И. Марченко рассматривает их в контексте военных акций сарматов (*Марченко И.*, 1996. С. 75), а А. В. Симоненко даже называет этнографическим знаком сираков (*Симоненко*, 1994. С. 44; 2001. С. 93). Для понимания этих памятников принципиальное значение имеет изучение происходящей из них античной импортной керамики, что позволяет ограничить их хронологический диапазон в пределах III — первой половины II вв. до н. э. (*Зайцев*, 2012а. С. 65; 2012б. С. 69; *Полин, Карнаух,* 2012. С. 143). Такая коррекция даты, на наш взгляд, имеет принципиальное значение, заставляя усомниться в гипотезе о безусловной связи сарматских комплексов, содержащих кельтские шлемы, с событиями Третьей Митридатовой войны 70–60-х гг. I в. до н. э. (*Зайцев*, 2012а. С. 65).

Обращаясь к ситуации в Крыму, в первую очередь зададимся вопросом, какой из варварских народов виновен в гибели поселений на сельских округах греческих государств полуострова? Выше было сказано, что в отношении Ольвии эту вину можно в равной степени возлагать на сарматов и на кельтов (галатов). Из упомянутого выше «Декрета о несении Диониса» (IOSPE. I². 343) можно сделать заключение, что сарматы досаждали населению Херсонеса, теоретически это можно допустить и для европейского Боспора. Однако вряд ли всю вину за ухудшение военно-политической ситуации в Крыму следует возлагать только на сарматов.

Одним из важнейших последствий сарматских вторжений в Северное Причерно-

морье, как известно, стало оттеснение в Крым части скифов, где со временем сложилось скифское государство, так называемая «Малая Скифия» (Strab. VII. 4. 5). Это царство, об особенностях и времени формирования которого не умолкают споры (*Щеглов,* 1978. С. 128; *Высотская,* 1979. С. 190*; Зайцев, Пуздровский*, 1994. С. 232–235; *Виноградов Ю. Г.,* 1997. С. 122; *Зайцев,* 1999. С. 128; *Пуздровский*, 1999. С. 101), впоследствии стало серьезной политической силой, одним из важных факторов, влиявших на исторический процесс в регионе. Нетрудно представить, что скифы, вытесненные из степей Северного Причерноморья, в условиях сравнительно небольшой территории Крыма вынуждены были начать жестокую борьбу за расширение своего жизненного пространства. Надо думать, что в результате этой борьбы погибли сельские поселения Херсонесского государства и Боспора, точнее европейского Боспора, поскольку в азиатской его части угроза могла исходить как от сарматов, так и от меотов, но там эта угроза, как сейчас представляется, была достаточно кратковременной (*Виноградов*, 2005. С. 285, 287; однако см.: *Журавлев и др.,* 2010. С. 73). Между Боспором и сарматами, как уже говорилось, достаточно быстро были установлены договорные или даже союзнические отношения. В связи с этим еще раз напомним о нимфейских граффити, на которых изображены катафрактарии (сарматы), побеждающие пеших воинов (скифов).

Сугубо теоретически можно считать, что дестабилизация, вызванная вторжением восточных номадов, в степях Северного Причерноморья должна завершаться приблизительно через 30 лет с момента ее начала; после такого перерыва в регионе складывается относительно мирная обстановка (*Виноградов*, 2006б. С. 55; 2009. С. 27–28, 34; ср.: *Бруяко,* 2005–2009. С. 346). Сарматская экспансия на запад, как уже говорилось, встретила серьезное препятствие в виде кельтских походов на восток, что в немалой степени усугубило общую дестабилизацию военно-политической ситуации на северном берегу Понта. Тем не менее даже в этом случае имеются основания полагать, что стабилизация в степях Северного Причерноморья наступила приблизительно в середине III в. до н. э. и продолжалась около 100 лет вплоть до середины II в. до н. э. Правда, следует оговориться, что эта стабилизация весьма относительна (*Марченко К.*, 1996; *Виноградов*, 1999).

Наиболее выразительные памятники сарматов III в. до н. э. фиксируются, прежде всего, на территории Правобережья Прикубанья. Как уже частично говорилось, предположительно именно здесь сформировался сиракский союз племен (*Виноградов В.*, 1963; *Десятчиков,* 1974; *Ждановский,* 1990. С. 36–39; *Марченко И.*, 1996. С. 113 сл.; *Лимберис, Марченко,* 2010. С. 261 сл.), а к середине III в. до н. э., вероятно, сложилось сарматомеотское объединение, ставшее весьма влиятельной силой в регионе (*Ждановский,* 1990. С. 41; *Ждановский, Марченко,* 1988. С. 48; *Марченко И.,* 1996. С. 119).

В высшей степени любопытно, что сходные явления, т. е. консолидация некой сильной этнополитической группировки варваров, наблюдается в это время в Северо-Западном Причерноморье, где особый интерес представляют памятники Тираспольской группы (*Бруяко*, 2005–2009. С. 333–337). В. И. Кац, изучивший материалы керамической эпиграфики из этих памятников, убедительно показал, что жизнь на скифских поселениях этого района прекратилась к концу 70-х гг. III в. до н. э., но новый этап возрождения приходится на 240–160 гг. до н. э. (*Кац*, 2012. С. 95; ср.: *Фидельский*, 2012. С. 19). Памятники второй хронологической группы представляются для нас особенно важными, и неудивительно, что вокруг их этнической и культурной принадлежности разгорелась серьезная дискуссия. Некоторые исследователи считают, что они оставлены «смешанным населением с преобладанием савроматских (сарматских) черт» (*Яровой, Четвериков*, 2000. С. 20), указывается также на наличие кельтских особенностей (*Воротинская*, 2013). Другие археологи уверенно связывают поселения и могильники Поднестровья со скифами, и эта точка зрения как будто становится господствующей (*Горбенко*, 2000; *Кишлярук, Кузьминкова*, 2000; *Редина*, 2000; *Синика, Алемша*, 2000; *Бруяко*, 2005–2009. С. 333–337). Более того, сторонники этой концепции признают, что скифская культура на обозначенном хронологическом отрезке абсолютно доми-

нировала на пространствах от Дуная на западе до Дона на востоке (*Тельнов и др.,* 2012, С. 12). Скифскими были и упомянутые выше «странные» (вотивные) памятники (*Тельнов и др.,* 2012. С. 12; но см.: *Симоненко*, 2013. С. 378), которые, вероятно, маркировали торговые пути, существовавшие в регионе в III–II вв. до н. э. (*Зайцев*, 2012б. С. 71).

С этим утверждением полностью согласиться вряд ли возможно. После сарматских и кельтских ударов остатки скифского этноса, конечно, могли сохраниться в степях Северного Причерноморья, но они уже по большей мере должны были входить в состав новых этнических образований, о которых мы, к сожалению, знаем очень и очень мало. И. В. Бруяко, на наш взгляд, высказал верную мысль, что в формировании Тираспольской группы «могли принимать участие различные децентрализованные или попросту «бродячие» племена скифского континуума, а возможно, и не только его» (*Бруяко*, 2005–2009. С. 358). Последняя оговорка в высшей степени важна, поскольку без нее очень трудно понять, каким образом в культуру кочевников Северо-Западного Причерноморья проникли очевидные савромато-сарматские черты, с одной стороны (*Яровой, Четвериков*, 2000), и кельтские — с другой (*Воротинская*, 2013).

Надо признать, что представление о скифском доминировании на пространствах от Дуная до Дона в III в. до н. э. мало соответствует информации нашего важнейшего источника — декрета в честь Протогена (IOSPE. I². 32). Из него мы знаем, что во второй половине III в. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье обитали не только скифы, но и миксэллины, фисаматы, савдараты. На фисаматов, скифов и савдаратов военная угроза, исходившая со стороны галатов, навела такой ужас, что они искали убежища в каком-то «укрепленном месте». Такое поведение скифов, на наш взгляд, не вяжется с представлением об их сильном объединении, контролировавшем весь степной регион. Логичней ожидать, что это были разрозненные группы, обитавшие в степи к западу от Южного Буга, т. е. практически на пути похода галатов против Ольвии (*Мачинский,* 1973. С. 53).

В качестве направления для иной, нескифской атрибуции Тираспольской группы укажем на возможность ее увязки с теми самыми скирами, вошедшими в угрожавший Ольвии союз с галатами. Информация о скирах, помимо протогеновского декрета, практически отсутствует. Обычно указывают, что они действовали в составе германских группировок в эпоху переселения народов (*Щукин*, 1993. С. 97). Логично считать, что во второй половине III в. до н. э. они занимали территорию, расположенную к северо-западу от Ольвии (*Мачинский*, 1973. С. 52). На наш взгляд, Тираспольские памятники под это определение подходят в полной мере. Если наша догадка верна, то приходится признать, что против Ольвии сложился действительно опасный военный союз. От осознания столкновения со столь мощным противником многие из ольвиополитов, как сказано в декрете, «впали в отчаяние и приготовились покинуть город», а соседние варвары стали искать «укрепленное место».

До полной публикации материалов раскопок памятников Тираспольской группы в обозначенной дискуссии точку поставить невозможно. В этом отношении еще раз следует обратить внимание на тот факт, что явные признаки относительного замирения степи во второй половине III в. до н. э. лучше фиксируются в восточной и западной частях региона. А вот его «корневая» часть (Поднепровье) демонстрирует полное запустение.

Вновь возвращаясь к греческим государствам северного берега Понта, можно сказать, что относительная стабилизация военно-политической ситуации в степях хорошо проявляется на Боспоре Киммерийском и все менее и менее ощутима по мере передвижения к западу. Такая тенденция зарождения условий стабилизации, впрочем как и дестабилизации, именно на востоке региона была характерна и для более ранней эпохи, что на ряде примеров уже было нами показано (*Виноградов, Марченко*, 1991. С. 151), но на сей раз обозначенное явление выделяется ощутимым своеобразием.

В отношении Боспорского царства М. И. Ростовцев писал более 80 лет назад, что в первой половине II в. до н. э. его культура переживала своего рода возрождение (*Rostovtzeff*, 1930. P. 581; *Rostovtzeff*, *Ormerod,* 1932. P. 227). Современные археологические исследования полностью подтверждают эту точку зрения, хотя и позволяют сместить

нижнюю хронологическую грань периода до второй половины III в. до н. э.

В плане понимания исторического процесса, как уже отмечалось, чрезвычайно ценны материалы исследования сельских поселений, которые весьма чутко реагируют на все крупные изменения военно-политической обстановки в регионе. После катастрофы, постигшей хору европейского Боспора, очевидно, в конце первой трети III в. до н. э., возрождение жизни на этих территориях связывается со строительством во второй половине III в. до н. э. крупных укрепленных усадеб в удобных для обороны местах (*Кругликова,* 1975. С. 101; *Масленников*, 1998а. С. 208). Такое положение, конечно, следует связывать с весьма тревожной, чреватой военными конфликтами обстановкой, которая сохранялась в регионе. Жизнь на сельских поселениях, однако, была уже вполне возможна.

Знаменитые боспорские курганы в это время демонстрируют важные изменения. В III в. до н. э. продолжают возводиться склепы с уступчатым перекрытием, но, по верному определению В. Ф. Гайдукевича, они теряют свою строгость; входы в склеп получают архитектурное оформление, некоторые из них расписаны (*Гайдукевич*, 1949. С. 250; *Савостина*, 1986; *Виноградов,* 2013а). Весьма симптоматично, что наиболее показательным типом погребального сооружения с этого времени являются так называемые «склепы македонского типа» с арочным перекрытием и делением камеры на два отделения (*Савостина*, 1984. С. 14; *Виноградов*, 2013б). Самые богатые из них при этом концентрируются на азиатской стороне Боспора: склепы Васюринской горы, Артюховского кургана и др.

Некоторая стабилизация экономической ситуации в Херсонесе приходится на рубеж второй и последней третей III в. до н. э. (*Туровский*, 2012. С. 175). В 30-х гг. этого столетия начинает возрождаться хора государства (Там же. С. 175–176). В этом отношении следует указать на факт строительства целой серии укрепленных усадеб на Гераклейском полуострове (*Золотарев, Туровский,* 1990. С. 84; *Туровский*, 1994. С. 17; *Кузищин, Иванчик*, 1998. С. 209), хотя жизнь возрождается и на более отдаленных территориях (*Золотарев,* 1989. С. 55–56; *Голенцов*, 1994. С. 82; *Щеглов*, 1988. С. 273–274). На городище «Чайка» во второй половине III–II в. до н. э. существовала традиционная греческая усадьба (*Попова*, 2007; *Егорова*, 2012). В общем, имеются основания считать, что Херсонесу в это время удалось полностью восстановить свои владения на побережье Западного Крыма, хотя количество выведенных здесь поселений в сравнении с периодом расцвета IV в. до н. э. становится заметно меньшим (*Ланцов*, 1991. С. 14).

Отмеченная тенденция еще более наглядно проявляется при изучении Ольвии. Освоение сельскохозяйственной территории этого греческого государства всегда было самым тесным образом связано со стабилизацией военно-политической ситуации в степи (*Виноградов, Марченко,* 1991. С. 148, сл., 152, сл.; 1995. С. 80, сл.). На сей раз этот процесс происходил в весьма ограниченных масштабах (*Крыжицкий и др.,* 1989. С. 101). По существу в Ольвийском регионе, помимо самого города, сейчас известны лишь два памятника, на которых отмечаются бесспорные следы жизнедеятельности во второй половине III — первой половине II в. до н. э. Первый — это городище Станислав, расположенное на мысу, образованном слиянием Днепра и Южного Буга. Эллинистические материалы отсюда в основном принадлежат первой половине II в. до н. э. (*Виноградов*, 2002. С. 95; 2007а. С. 45–49; *Виноградов, Соловьев*, 1996. С. 182, 185). Второй памятник — это поселение Матвеевка II, расположенное на восточном берегу Бугского лимана, которое датируется концом III — началом II в. до н. э. (*Никитин, Снытко,* 1991. С. 63–64). Следует отметить, правда, что находки эллинистической керамики встречаются и на некоторых других памятниках левобережья Бугского и устья Днепровского лиманов, в частности на поселении Сиверсов Маяк I (*Снытко,* 1995. С. 148), но они очень немногочисленны.

Для понимания исторической ситуации в этом районе имеет значение не только очевидная немногочисленность сельских поселений, но и то, что расположены они весьма далеко от центра, то есть от Ольвии, что, конечно, нельзя считать случайным (*Марченко К.,* 1996. С. 75). Неслучайно также и то, что на правом берегу Бугского лимана и к западу от Ольвии их нет вовсе (*Крыжицкий и др.,* 1989. С. 101; но ср.: *Снытко*, 1997. С. 245–246).

В высшей степени показательная, на наш взгляд, ситуация сложилась в это время в расположенном западнее Ольвии греческом городе Никоний. Из декрета, найденного в Тире в 1986 г. (*Виноградов Ю. Г.,* 1999б), известно, что жители Никония вынуждены были покинуть свой город где-то в начале III в. до н. э., но при поддержке Истрии вернулись в него в 70-х гг. этого столетия (Там же. С. 65). Однако прошло совсем немного времени и приблизительно в середине III в. до н. э. Никоний прекратил свое существование (*Секерская,* 1997. С. 10; *Бруяко*, 2005–2009. С. 360; *Sekerskaya,* 2001. P. 87; см. также: *Бруяко, Тункина*, 1997. С. 54; *Мартыненко*, 1997. С. 59–60). Основной причиной этой катастрофы, вероятно, была военная угроза со стороны варваров.

По мнению И. В. Бруяко, на этом фоне существование Тиры во второй половине III в. до н. э. видится «если не идиллическим, то довольно безмятежным или, во всяком случае, вполне благополучным» (*Бруяко*, 2005–2009. С. 351). Это утверждение, на наш взгляд, не вполне корректно. Сельские поселения хоры Тиры прекратили свое существование к середине III в. до н. э. (когда на Боспоре, напомним, обозначился новый этап подъема), сельскохозяйственная территория этого полиса уменьшилась до размеров ближайшей к городу округи (*Самойлова*, 2012. С. 148), так что о полном благополучии здесь вряд ли можно говорить. Вообще же лишь на некоторых сельских поселениях Нижнего Поднестровья были найдены незначительные материалы конца III — начала II вв. до н. э., прежде всего амфорные клейма Родоса (*Okhotnikov,* 2001. P. 115).

Подводя итог, заметим, что взгляд на ситуацию в степях из античных государств Северного Причерноморья позволяет утверждать, что никакого «хиатуса» в степях не было, да и не могло быть. Первая волна сарматских миграций натолкнулась на противодействие галатов, и «новые» номады вынуждены были сосредоточиться в районах Подонья-Прикубанья. Степи северного Понта для них на некоторое время превратились в коридор для походов на запад. В сложившейся ситуации ни одна из сторон не могла одержать решительной победы и закрепиться здесь на сколь-либо продолжительное время. По этой причине район Поднепровья на десятилетия стал как бы «ничейной» землей, на которой любое самостоятельное развитие любых сравнительно многочисленных этнических групп было практически невозможным. Устойчивые и, как показывает археология, весьма военизированные сообщества сформировались в это время на востоке региона (Прикубанье) и на западе (Тираспольская группа).

Как видим, военно-политическую и демографическую ситуацию, сложившуюся в Северном Причерноморье в III в. до н. э., следует рассматривать скорей не как «хиатус», а как результат некоего противостояния, фигурально выражаясь, Востока и Запада, в котором в конечном счете выиграл Восток.

Такое состояние стало основной причиной того, что период стабилизации в регионе, начавшийся приблизительно в середине III в. до н. э., был весьма относительным, к тому же значительно более заметным в его восточной части, нежели в западной. Даже относительная стабилизация в регионе, начало которой можно датировать серединой III в. до н. э., не означала полного замирения степи. Заселение сарматами земель к западу от Дона, как уже неоднократно говорилось, начинается не ранее конца III — начала II в. до н. э. Реальное объяснение такой ситуации следует искать в контексте тех исторических процессов, которые имели место в Подунавье, — сарматскую экспансию сдерживали походы галатов из Фракии и, возможно, противодействие скиров (?) из района Поднестровья. Крушение государства галатов в конце III в. до н. э. сделало возможным постепенное продвижение кочевников на запад. Только с этого времени ситуация в степях стала изменяться к лучшему. Определенную роль в этом сыграло, по всей видимости, и продвижение бастарнов, которые объективно препятствовали кельтским попыткам проникновения вглубь Северного Причерноморья (*Shchukin*, 1995. P. 217).

Около 150 г. до н. э. ситуация в степях вновь была дестабилизирована, причиной чему стала вторая волна сарматских миграций. На сей раз она была связана с роксоланами, языгами и др. (см.: *Виноградов*, 2004; *Vinogradov*, 2003). Эта дестабилизация привела к системному кризису в греческих государствах Северного Причерноморья (*Виноградов*, 2007б), приведшему, в конце концов, к их подчинению понтийскому царю Митридату Евпатору.

Алексеев, 1986 — *Алексеев А. Ю.* Греческая керамика из Александропольского кургана // СГЭ. 1986. Вып. 51.

Алексеев, 1993 — *Алексеев А. Ю.* Уникальные украшения конской узды из Александропольского кургана // ПАВ. 1993. Вып. 6: Скифы, сарматы, славяне, Русь.

Алексеев, 2003 — *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб., 2003.

Алексеев, 2013 — *Алексеев А. Ю.* «Центростремительная» и «центробежная» хронология скифских древностей Северного Причерноморья // БФ: Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы Междунар. науч. конф. 2013.

Алексеев и др., 1991 — *Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р.* Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев, 1991.

Андросов, Мухопад, 1987 — *Андросов А. В., Мухопад С. Е.* Скифский аристократический курган Каменная Близница // Памятники бронзового и раннего железного века Поднепровья. Днепропетровск, 1987.

Анфимов, 1966 — *Анфимов Н. В.* Денежное обращение на Елизаветинском городище — эмпории Боспора на Средней Кубани // ВДИ. 1966. № 2.

Анфимов, 1967 — *Анфимов Н. В.* Меоты и их взаимодействие с Боспором в эпоху Спартокидов // Античное общество. М., 1967.

Анфимов, 2011 — *Анфимов Н. В.* Древнее золото Кубани. 2-е изд. Краснодар, 2011.

Арсеньева и др., 1996 — *Арсеньева Т. М., Бетгер Б., Виноградов Ю. Г.* Новые исследования в Танаисе // ВДИ. 1996. № 3.

Арсеньва и др., 2010 — *Арсеньва Т. М., Ильяшко С. М., Науменко С. А.* Археологические исследования и открытия о хронологии древнего Танаиса // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новые находки и открытия. М.; Киев, 2010.

Артамонов, 1966 — *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л., 1966.

Балахванцев, Беглова, 2011 — *Балахванцев А. С., Беглова Е. А.* Арифарн — царь фатеев или сираков? // БФ: Население, языки, контакты: Материалы м еждунар. науч. конф. 2011.

Беглова, 2013 — *Беглова Е. А.* Выделение и датирование комплексов III в. до н. э. в памятниках Закубанья // Шестая Междунар. Кубанская археологическая конф.: Материалы конф.. Краснодар, 2013.

Берлизов, 1996 — *Берлизов Н. Е.* Сарматы и Предкавказье. Некоторые аспекты исследования // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX Крупновские чтения): Тез. докл. М., 1996.

Берлизов, 1998 — *Берлизов Н. Е.* Относительная хронология азиатской Сарматии VII в. до н. э. — IV в. н. э. // Историко-археологический альманах. Армавир — М., 1998. Вып. 4.

Берхин, 1962 — *Берхин И. П.* О месте производства серебряных фаларов из Федуловского клада // СГЭ. 1962. Вып. 22.

Блаватский, 1954 — *Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.

Брашинский, 1965 — *Брашинский И. Б.* Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья // Eirene. Praha, 1965. IV.

Бруяко, 1999а — *Бруяко И. В.* О событиях III в. до н. э. в Северо-Западном Причерноморье // ВДИ. 1999. № 3.

Бруяко, 1999б — *Бруяко И. В.* От панорамы к диораме (О перспективах на пути развития проблемы северопонтийского кризиса III в. до н. э.) // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. № 3: Скифский квадрат.

Бруяко, 2005–2009 — *Бруяко И. В.* От Скифии к Сарматии: десять лет спустя // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2005–2009. № 3: Скифские интерпретации.

Бруяко, Росохацкий, 1993 — *Бруяко И. В., Росохацкий А. А.* Кельто–италийский шлем из коллекции Белгород-Днестровского музея // ПАВ. 1993. Вып. 7.

Бруяко, Тункина, 1997 — *Бруяко И. В., Тункина И. В.* Комплекс эпохи раннего эллинизма из Никония // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997.

Виноградов В., 1963 — *Виноградов В. Б.* Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. 1963. № 1.

Виноградов, 1993 — *Виноградов Ю. А.* Курган Ак-Бурун (1875 г.) // Скифия и Боспор: Материалы конф. памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1993.

Виноградов, 1999 — *Виноградов Ю. А.* Северное Причерноморье после падения Великой Скифии (Своеобразие стабилизации в регионе второй половины III — первой половины II вв. до н. э.) // Hyperboreus. Petropoli, 1999. Vol. 5. Fasc. 1.

Виноградов, 2002 — *Виноградов Ю. А.* Городище Станислав (Основные итоги исследований 1982, 1988–1991 гг.) // Археологічна збірка. Херсон, 2002. № 2.

Виноградов, 2003 — *Виноградов Ю. А.* Усобица сыновей боспорского царя Перисада I // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2003. Вып. 3.

Виноградов, 2004 — *Виноградов Ю. А.* О двух волнах сарматских миграций в причерномор-

ских степях доримского времени // Херсонесский сборник. Севастополь, 2004. Вып. XIII.

Виноградов, 2005 — *Виноградов Ю. А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.

Виноградов, 2006а — *Виноградов Ю. А.* Еще раз о дате Федуловского клада // In situ: К 85-летию профессора А. Д. Столяра. СПб., 2006.

Виноградов, 2006б — *Виноградов Ю. А.* Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н. э. — IV в. н. э.). СПб., 2006.

Виноградов, 2007а — *Виноградов Ю. А.* Эллинистические материалы с городища Станислав I // ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ. Антиковедческо-историографический сборник памяти Я. В. Доманского. СПб., 2007.

Виноградов, 2007б — *Виноградов Ю. А.* Северное Причерноморье в условиях кризиса второй половины II в. до н. э. // Из истории античного общества. Нижний Новгород, 2007. Вып. 9–10.

Виноградов, 2009 — *Виноградов Ю. А.* Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2009. Вып. XXII.

Виноградов, 2010 — *Виноградов Ю. А.* Некоторые современные тенденции в изучении экономики Боспорского государства IV в. до н. э. // Античный мир и археология. Саратов, 2010. Вып. 14.

Виноградов, 2013а — *Виноградов Ю. А.* Уступчатые склепы III в. до н. э. на Боспоре // БФ: Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2013.

Виноградов, 2013б — *Виноградов Ю. А.* О склепах македонского типа на Боспоре // Боспорские чтения. Керчь, 2013. Т. XIV: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Археологический объект в контексте истории.

Виноградов, Горончаровский, 2009 — *Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.* Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.). СПб., 2009. (Труды ИИМК РАН; Т. XXV).

Виноградов и др., 1997а — *Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я.* Сарматы и гибель Великой Скифии // ВДИ. 1997. № 3.

Виноградов и др., 1997б — *Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я.* Сарматы и гибель Великой Скифии // Донские древности. Азов, 1997. Вып. 5.

Виноградов и др., 2012 — *Виноградов Ю. А., Зинько В. Н., Смекалова Т. Н.* Юз-Оба: Курганный некрополь аристократии Боспора. Симферополь; Керчь, 2012. Т. I: История изучения и топография.

Виноградов, Марченко, 1991 — *Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. 1991. № 1.

Виноградов, Марченко, 1995 — *Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* Греки и скифы в Северо-Западном Причерноморье в V в. до н. э. // ВДИ. 1995. № 1.

Виноградов, Соловьев, 1996 — *Виноградов Ю. А., Соловьев С. Л.* Археологические исследования на городище Станислав // РА. 1996. № 3.

Виноградов, Терещенко, 2009 — *Виноградов Ю. А., Терещенко А. Е.* Монеты с поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2009. Вып. XXII.

Виноградов Ю. Г., 1989 — *Виноградов Ю. Г.* Политическая история ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. М., 1989.

Виноградрв Ю. Г., 1997 — *Виноградов Ю. Г.* Херсонесский декрет «О несении Диониса» IOSPE. I². 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3.

Виноградов Ю. Г. 1999а — *Виноградов Ю. Г.* Разгром сарматами Великой Скифии: следы орды ведут в Тавриду // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова). Запорожье, 1999.

Виноградов Ю. Г., 1999б — *Виноградов Ю. Г.* // Истрия, Тира и Никоний, покинутый и возрожденный // Нумизматика и эпиграфика. М., 1999. Т. XVI.

Виноградов Ю. Г., 2000 — *Виноградов Ю. Г.* Херсонес, Боспор и их варварское окружение в III в. до н. э. // Межгосударственные отношения и дипломатия в античном мире. Казань, 2000.

Виноградов Ю. Г., Щеглов, 1990 — *Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н.* Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990.

Власова, 2010 — *Власова Е. В.* Древности эллинские и местные // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. III.

Воротинская, 2013 — *Воротинская Л. С.* К вопросу о кельто-скифских взаимодействиях в Северном Причерноморье в III–II вв. до н. э. // БФ: Греки и варвары на евразийском перекрестке. Материалы Междунар. науч. конф., 2013.

Высотская, 1979 — *Высотская Т. Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979.

Гаврилов, 2013 — *Гаврилов А. В.* Античные археологические памятники Юго-Восточного Крыма (современное состояние, изученность, перспективы сохранения) // Таврійські студіп. Истричні науки. Симферополь, 2013. № 1 (4).

Гайдукевич, 1949 — *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.

Глебов, 2002 — *Глебов В. П.* Еще раз о проблеме III в. до н. э. // БФ: погребальные памятники и святилища: Материалы Междунар. науч. конф.: Ч. 2., 2002.

Голенцов, 1994 — *Голенцов А. С.* Охранные раскопки античного Кульчукского городища и могильника в 1989–1993 гг. // Археологические исследования в Крыму. Симферополь, 1994.

Горбенко, 2000 — *Горбенко С. А.* Краниологическое изучение и пластическая реконструкция черепа скифского племенного вождя III в. до н. э. // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья: Материалы полевого семинара. Тирасполь, 2000.

Грач, 1984 — *Грач Н. Л.* Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1.

Грач, 1987 — *Грач Н. Л.* Нова пам'ятка елліністиного часу з Німфею // Археологія. Київ, 1987. № 57.

Демиденко, 2007 — *Демиденко С. В.* Об одном из аспектов «проблемы III в. до н. э.» в сарматской археологии // РА. 2007. № 2.

Демьянчук, Туровский, 1999 — *Демьянчук С. Г., Туровский Е. Я.* Греко-варварские взаимоотношения в Северном Причерноморье III в. до н. э. и их влияние на монетное дело эллинских государств региона // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова). Запорожье, 1999.

Десятчиков, 1974 — *Десятчиков Ю. М.* Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дис. ... к. ист. н. М., 1974.

Десятчиков, 1977 — *Десятчиков Ю. М.* Арифарн — царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977.

Егорова, 2012 — *Егорова Т. В.* Комплекс помещений позднего греческого периода (вторая половина III — первая половина II в. до н. э.) в юго-восточной части городища // Древности Северного Причерноморья. Тирасполь, 2012.

Ждановский, 1990 — *Ждановский А. М.* К истории сиракского союза племен (по материалам курганных погребений Среднего Прикубанья) // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-н/Д, 1990.

Ждановский, Марченко, 1988 — *Ждановский А. М., Марченко И. И.* Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории: Тез. докл. конф.. Азов, 1988.

Жебелев, 1953 — *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953.

Журавлев и др., 2010 — *Журавлев Д. В., Шлотцауер У., Кельтербаум Д.* Новые данные о Таманском полуострове в VI в. до н. э. // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новые находки и открытия. М.; Киев, 2010.

Завойкин, 2010. *Завойкин А. А.* Архаический, классический и эллинистический периоды (VI–II вв. до н. э.) // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. II.

Зайцев, 1999 — *Зайцев Ю. П.* Скилур и его царство (Новые открытия и новые проблемы) // ВДИ. 1999. № 2.

Зайцев, 2012а — *Зайцев Ю. П.* Античная керамика в ритуальных (вотивных) кладах Северного Причерноморья // Древности Северного Причерноморья. Тирасполь, 2012.

Зайцев, 2012б — *Зайцев Ю. П.* Северное Причерноморье в III–II вв. до н. э.: ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы) // Там же.

Зайцев, Пуздровский, 1994 — *Зайцев Ю. П., Пуздровский А. Е.* Неаполь Скифский в эпоху Диофантовых войн // Северо–Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994.

Засецкая, 1965 — *Засецкая И. П.* Назначение вещей Федуловского клада // АСГЭ. 1965. Вып. 7: Материалы и исследования по археологии европейской части СССР.

Золотарев, 1989 — *Золотарев М. И.* О политической ситуации в Крыму в III в. до н. э. // Скифия и Боспор: Археологические материалы конф. памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.

Золотарев, Туровский, 1990 — *Золотарев М. И., Туровский Е. Я.* К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове // Древнее Причерноморье: Материалы I Всесоюзных чтений памяти проф. П. О. Карышковского. Одесса, 1990.

Золото степу, 1991 — *Золото степу.* Археологія Украпни: Каталог выставки «Gold der Steppe. Arheologie der Ukraine» (15.06–30.09.1991 г., Земельный Археологический музей Кильского университета, г. Шлезвиг, ФРГ). Київ; Шлезвіг, 1991.

Зубарь, 1999 — *Зубарь В. М.* Боспорское царство и варвары в конце IV — первой половине III вв. до н. э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова). Запорожье, 1999.

Зуев, 1999 — *Зуев В. Ю.* О путях решения «проблемы» III в. до н. э. в периодизации археологических памятников сарматской эпохи // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса, 1999. № 3: Скифский квадрат.

Зуев, 2000а — *Зуев В. Ю.* Основные проблемы хронологии «раннесарматской» культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Самара, 2000. Вып. 1.

Зуев, 2000б — *Зуев В. Ю.* К вопросу о выделении памятников III в. до н. э. в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Самара, 2000. Вып. 2.

Ильинская, Тереножкин, 1983 — *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983.

Карышковский, 1971 — *Карышковский П. О.* История и ее соседи на рубеже III–II вв. до н. э. // ВДИ. 1971. № 2.

Карышковский, 1988 — *Карышковский П. О.* Монеты Ольвии. Киев, 1988.

Карышковский, Клейман, 1985 — *Карышковский П. О., Клейман И. Б.* Древний город Тира. Киев, 1985.

Кац, 2001 — *Кац В. И.* К вопросу о времени существования боспорской колонии на Елизаветовском городище // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства: Материалы междунар. науч. конф., 2001.

Кац, 2012 — *Кац В. И.* Амфорные клейма из Поднестровья // Древности Северного Причерноморья. Тирасполь, 2012.

Кишлярук, Кузьминова, 2000 — *Кишлярук В. М., Кузьминова Н. Н.* Растительные остатки из курильниц могильника позднескифского времени у с. Глиное // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья: Материалы полевого семинара. Тирасполь, 2000.

Клепиков, 2000а — *Клепиков В. М.* К проблеме выделения сарматских памятников III в. до н. э. // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2000. Вып. 3.

Клепиков, 2000б — *Клепиков В. М.* Памятники III в. до н. э. в Нижнем Поволжье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Самара, 2000. Вып. 1.

Клепиков, 2000в — *Клепиков В. М.* К вопросу о проблемах хронологии раннесарматской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Самара, 2000. Вып. 2.

Кругликова, 1975 — *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.

Крыжицкий и др., 1989 — *Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М.* Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.

Кузищин, Иванчик, 1998 — *Кузищин В. И., Иванчик А. И.* «Усадьба Басилидов» в окрестностях Херсонеса // ВДИ. 1998. № 1.

Лазаров, 1996 — *Лазаров М.* О кельтском государстве с центром в Тиле // ВДИ. 1996. № 1.

Ланцов, 1991 — *Ланцов С. Б.* Западный Крым в составе Херсонесского государства: Авт. дис. ... к. ист. н. Киев, 1991.

Латышев, 1887 — *Латышев В. В.* Исследование об истории и государственном строе города Ольвия. СПб., 1887.

Латышев, 1909 — *Латышев В. В.* Краткий очерк истории Боспорского царства // В. В. Латышев. ΠΟΝΤΙΚΑ. СПб., 1909.

Лимберис, Марченко, 2010 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Сарматы // Античное наследие Кубани. М., 2010. Т. I.

Мартыненко, 1997 — *Мартыненко А. И.* Последний этап фасосского импорта в Никоний // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997.

Марченко И., 1996 — *Марченко И. И.* Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996.

Марченко, 1992 — *Марченко К. К.* Боспорское поселение на Елизаветовском поселении // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.

Марченко К., 1996 — *Марченко К. К.* Третий период стабилизации в Северном Причерноморье античной эпохи // ВДИ. 1996. № 2.

Марченко и др., 1988 — *Марченко К. К., Житников В. Г., Яковенко Э. В.* Елизаветовское городище — греко-варварское торжище в дельте Дона // СА. 1990. № 3.

Марченко и др., 2000 — *Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П.* Елизаветовское городище на Дону. Pontus Septentrionalis. II, Tanais. Moskau, 2000.

Масленников, 1998а — *Масленников А. А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998.

Масленников, 1998б — *Масленников А. А.* Монетные находки и денежное обращение в Крымском Приазовье в античную эпоху // ДБ. 1998. Т. I.

Мачинский, 1971 — *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. 1971. Вып. 13.

Мачинский, 1973 — *Мачинский Д. А.* Кельты на землях к востоку от Карпат // АСГЭ. 1973. Вып. 15.

Молев, 1994 — *Молев Е. А.* Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994.

Монахов, 1999 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов, 1999.

Мордвинцева, 1998 — *Мордвинцева В. И.* Сарматские парадные упряжные наборы и некоторые вопросы истории сарматов // НАВ. 1998. Вып. 1.

Никитин, Снытко, 1991 — *Никитин В. И., Снытко И. А.* Древнегреческая землянка у с. Матвеевка // Древнее Причерноморье: II чтения памяти проф. П. О. Карышковского: Тезисы докладов конференции. Одесса, 1991.

ОАК за 1865 г., 1866 — Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1865 г. СПб., 1866.

Полин, 1992 — *Полин С. В.* От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.

Полин, Драган, 2010 — *Полин С. В., Драган М. Н.* Работы на Александропольском кургане в 2008 г. // ΣΥΜΒΟΛΑ: Античный мир Северного Причерноморья: Новые находки и открытия. М.; Киев, 2010.

Полин, Карнаух, 2012 — *Полин С. В., Карнаух Е. Г.* Гордашевский «клад» // Древности Северного Причерноморья. Тирасполь, 2012.

Полин, Симоненко, 1990 — *Полин С. В., Симоненко А. В.* «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1990.

Полин, Симоненко, 1997 — *Полин С. В., Симоненко А. В.* Скифия и сарматы // Донские древности. Азов, 1997. Вып. 5.

Попова, 2007 — *Попова Е. А.* Греческое поселение на городище «Чайка» во второй половине III — II вв. до н. э. // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. М., 2007.

Пуздровский, 1995 — *Пуздровский А. Е.* О скифо-херсонесском конфликте III–II вв. до н. э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995.

Пуздровский, 1999 — *Пуздровский А. Е.* Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н. э. — III в. н. э. // ВДИ. 1999. № 4.

Раев и др., 1990 — *Раев Б. А., Симоненко А. В., Трейстер М. Ю.* Этрусско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.

Редина, 2000 — *Редина Е. Ф.* К вопросу о формировании Тираспольской группы скифских памятников // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья: Материалы полевого семинара. Тирасполь, 2000.

Редина, Симоненко, 2002 — *Редина Е. Ф., Симоненко А. В.* «Клад» конца II — I в. до н. э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 2. 2002.

Ростовцев, 1993 — *Ростовцев М. И.* Сарматские и индо-скифские древности // ΣΚΥΘΙΚΑ. Избранные работы академика М. И. Ростовцева. ПАВ. 1993. № 5.

Рубан, 1985 — *Рубан В. В.* Проблемы истории развития ольвийской хоры в IV–III вв. до н. э. // ВДИ. 1985. № 1.

Русяева, 1993 — *Русяева А. С.* Протоген Ольвійский // Археологія. Київ, 1993. № 2.

Русяева, Супруненко, 2003 — *Русяева А. С., Супруненко А. Б.* Исторические личности эллино-скифской эпохи (культурно-исторические контакты и взаимовлияния). Киев; Комсомольск, 2003.

Савостина, 1984 — *Савостина Е. А.* Боспорские склепы (типология, эволюция, историческая интерпретация): Авт. дис. ... к. ист. н. М., 1984.

Савостина, 1986 — *Савостина Е. А.* Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // СА. 1986. № 2.

Самойлова, 2012 — *Самойлова Т. Л.* Хора Тиры и проблема ее организации // Древности Северного Причерноморья. Тирасполь, 2012.

Секерская, 1997 — *Секерская Н. М.* Итоги исследования Никония за 40 лет (1957–1997). Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997.

Симоненко, 1987 — *Симоненко А. В.* Кельто-италийские шлемы на территории Восточной Европы // Памятники бронзового и раннего железного века Поднепровья. Днепропетровск, 1987.

Симоненко, 1994 — *Симоненко О. В.* Ранньосарматський період у Північному Причорномор'ї // Археологія. Київ, 1994. № 1.

Симоненко, 2000 — *Симоненко А. В.* Особенности раннесарматской культуры Северного Причерноморья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Самара, 2000. Вып. 1.

Симоненко, 2001 — *Симоненко А. В.* Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков до н. э. // НАВ. 2001. Вып. 4.

Симоненко, 2013 — *Симоненко А. В.* Еще раз о налобниках с крючком // Шестая Междунар. Кубанская археологическая конф.: Материалы конф. Краснодар, 2013.

Симоненко, Лобай, 1991 — *Симоненко А. В., Лобай Б. И.* Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. Киев, 1991.

Синика, Алемша, 2000 — *Синика В. С., Алемша А. Н.* Женское погребение с оружием позднескифского могильника у с. Глиное // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья: Материалы полевого семинара. Тирасполь, 2000.

Скорый, 1999 — *Скорый С. А.* Дата Большого Рыжановского кургана // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б. Н. Гракова). Запорожье, 1999.

Скрипкин, 1990 — *Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.

Скрипкин, Клепиков, 2004 — *Скрипкин А. С., Клепиков М. В.* Хронология раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Доклады 5 Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004.

Смирнов, 1981 — *Смирнов К. Ф.* Ольвийский декрет в честь Протогена и сарматы // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.

Смирнов, 1984 — *Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.

Снытко, 1995 — *Снытко И. А.* Исследования поселения Сиверсов Маяк I на Бугском лимане // Античный полис и местное население Северного Причерноморья. Севастополь, 1995.

Снытко, 1997 — *Снытко И. А.* К вопросу о причинах прекращения жизни на хоре Ольвии во второй половине III в. до н. э. // Никоний и античный мир в Северном Причерноморье. Одесса, 1997.

Спицын, 1909 — *Спицын А. А.* Фалары Южной России // ИАК. 1909. Вып. 29.

Струве, 1968 — *Струве В. В.* Древнейший историк СССР // *В. В. Латышев.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. М., 1968.

Субботин, Охотников, 1981 — *Субботин Л. В., Охотников С. Б.* Скифские погребения Нижнего Поднестровья // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981.

Тельнов и др., 2012 — *Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С.* Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днепра (предварительные итоги исследования) // Древности Северного Причерноморья. Тирасполь, 2012.

Туровский, 1994 — *Туровский Е. Я.* Хронология сельских усадеб на Гераклейском полуострове в IV–II вв. до н. э.: Авт. дис. ... к. ист. н. СПб., 1994.

Туровский, 2012 — *Туровский Е. Я.* Херсонес Таврический в III–II вв. до н. э. // Древности Северного Причерноморья. Тирасполь, 2012.

Туровский, 2013 — *Туровский Е. Я.* Кризисные тенденции в нумизматике Боспора и Херсонеса в IV–III вв. до н. э. (опыт сравнения) // Таврійські студії. Истричні науки. Симферополь, 2013. № 1 (4).

Фидельский, 2012 — *Фидельский С. А.* Поселение Чобручи на Нижнем Днестре в III–II вв. до н. э. // Древности Северного Причерноморья. Тирасполь, 2012.

Хайнен, 1999 — *Хайнен Х.* Афинский почетный декрет в честь Спартока III (CIG. II. 653) // Древнейшие государства Восточной Европы, 1996–1997 гг. М., 1999.

Шелов, 1956 — *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н. э. М., 1956.

Шелов, 1970 — *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М., 1970.

Шелов, 1989 — *Шелов Д. Б.* Танаис — эллинистический город // ВДИ. 1989. № 3.

Шелов-Коведяев, 1985 — *Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI–V вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР, 1984. М., 1985.

Шилов, 1978 — *Шилов В. П.* «Кельтские» бронзовые шлемы в степях Восточной Европы // Проблемы советской археологии. М., 1978.

Щеглов, 1978 — *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.

Щеглов, 1985 — *Щеглов А. Н.* О греко-варварских взаимоотношениях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985.

Щеглов, 1988 — *Щеглов А. Н.* Большой Кастель и святилище II в. до н. э. в урочище Джангуль // Проблемы античной культуры: Тез. докл. конф. Симферополь, 1988.

Щеглов, 1989 — *Щеглов А. Н.* Еще раз о причинах денежного кризиса III в. до н. э. в античных центрах Северного Причерноморья // Древнее Причерноморье: Чтения памяти проф. П. О. Карышковского: Тез. докл. конф.. Одесса, 1989.

Щукин, 1993 — *Щукин М. Б.* О галатах и дате декрета Протогена // Скифия и Боспор: материалы конф. памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1993.

Щукин, 1994 — *Щукин М. Б.* На рубеже эр. СПб., 1994.

Яйленко, 1990 — *Яйленко В. П.* Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990.

Яровой, Четвериков, 2000 — *Яровой Е. В., Четвериков И. А.* К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья: Материалы полевого семинара. Тирасполь, 2000.

Arsenyeva, 2003 — *Arsenyeva T. M.* Tanais // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Thessaloniki, 2003. Vol. II.

Boteva, 2010 — *Boteva D.* The Ancient Historians on the Celtic Kingdom in South–Eastern Thrace // In Search of Celtic Tylis in Thrace (III C BC): Proceedings of the international colloquium arrenged by the National Archaeological Institute and Museum at Sofia and the Welsh Department, Aberystwyth University. Sofia, 2010.

Dimitrov, 2010 — *Dimitrov K.* Celts, Greeks and Thracians in Thrace during the Third Century BC // In Search of Celtic Tylis in Thrace (III C BC): Proceedings of the international colloquium arrenged by the National Archaeological Institute and Museum at Sofia and the Welsh Department, Aberystwyth University. Sofia, 2010.

Emilov, 2010 — *Emilov Ju.* Ancient Textes of the Galatian Royal Residence of Tylis and the Context of La Tène Finds in Southern Thrace: A Reappraisal // Ibid.

Farkas, 1973 — *Farkas A.* Sarmatian Roundles and Sarmatian Art // Metropolitan Museum Journal. 1973. Vol. 8.

Gajdukevič, 1971 — *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971.

Höckmann, 1999 — *Höckmann O.* Naval and Others Graffiti from Nymphaion // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 1999. Vol. 5. No 4.

Lazarov, 2010 — *Lazarov L.* The Celtic Tylite State in the time of Cavarus // In Search of Celtic Tylis in

Thrace (III C BC): Proceedings of the international colloquium arrenged by the National Archaeological Institute and Museum at Sofia and the Welsh Department, Aberystwyth University. Sofia, 2010.

Manov, 2010 — *Manov M.* In Search of Tyle (Tylis). Problems of Localization // Ibid.

Mielczarek, 1999 — *Mielczarek M.* The Army of the Bosporan Kingdom. Łódź, 1999.

Mordvintseva, 1999 — *Mordvintseva V.* A Typology of the Sarmatian Phalerae III Century BC // Acta Archaeologica. Munksgaard, 1999. Vol. 70.

Mordvinceva, 2001 — *Mordvonceva V.* Sarmatische Phaleren. Archäologie in Eurasien. Rahden, 2001. Bd 11.

Okhotnikov, 2001 — *Okhotnikov S. B.* Settlements in the Lower Reaches of the Dniester (6th–3rd Centuries BC) // North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies. Brill: Leiden; Boston; Köln, 2001.

Olbrycht, 2001 — *Olbrycht M. J.* Die Aorser, die Oberen Aorser und die Siraker bei Strabon. Zur Geschichte und Eigenart der Völker in nordostpontischen und nordkaukasischen Raum in 2. —1. Jh. v. Chr. // Klio. Berlin, 2001. Vol. 83.

Pfrommer, 1993 — *Pfrommer M.* Metalwork from the Hellenized East. Catalogue of the Collection. Malibu, California: The J. Paul Getty Museum, 1993.

Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986 — *Piotrovsky B. Galanina L., Grach N.* Scythian Art. The legacy of the Scythian world: mid–7th to 3rd century B.C. Leningrad, 1986.

Raev, 1986 — *Raev B. A.* Celtic "Jockey-Cap" Helmet in the Don Area // *Raev B. A.* Roman Imports in the Lower Don Basin. London, 1986 (BAR International Series; No 278).

Robinson, 1973 — *Robinson R.* The Armour of Imperial Rome. London, 1973.

Rodway, 2010 — *Rodway S.* Celtic — Definitions, Problems and Controversies // In Search of Celtic Tylis in Thrace (III C BC). Proceedings of the international colloquium arrenged by the National Archaeological Institute and Museum at Sofia and the Welsh Department, Aberystwyth University. Sofia, 2010.

Rostovtzeff, 1930 — *Rostovtzef M.* The Bosporan Kingdom // Cambridge Ancient Histoty. London, 1930. Vol. VIII.

Rostovtzeff, Ormerod, 1932 — *Rostovtzeff M. I., Ormerod H. A.* Pontus and Its Neighbours: The First Mithridatic War // Cambridge Ancient Histoty. London, 1932. Vol. IX.

Sekerskaya, 2001 — *Sekerskaya N. M.* Nikonion // North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies. Brill: Leiden; Boston; Köln, 2001.

Shchukin, 1995 — *Shchukin M.* The Celts in Eastern Europe // Oxford Journal of Archaeology. 1995. Vol. 14.

Simonenko, 1994 — *Simonenko A. V.* The problem of the Sarmatian penetration in the North Pontic area according to archaeological data // Il Mar Nero. I. Roma, Paris, 1994.

Skripkin, 1994 — *Skripkin A.* The Sarmatian Phenomenon // The Archaeology of the Steppes. Methods and socio-political change. Cambridge, 1994.

Sokolova, 2000 — *Sokolova O. Yu.* Investigations of an Early Hellenistic Schrine in Nymphaeum of the Bosporus // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2000. Vol. 6. No 3–4.

Sokolova, 2003 — *Sokolova O. Yu.* Nymphaeum // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. Thessaloniki, 2003. Vol. II.

Vinogradov, 2003 — *Vinogradov Yu. A.* Two Waves of Sarmatian Migrations in the Black Sea Steppes during the Pre-Roman Period // The Cauldron of Ariantas. Studies presented to A. N. Ščeglov on the occasion of his 70th birthday. Aarhus University Press, 2003.

Northern Black Sea Littoral in the 3rd century BC (a view from Greek states)

Yu. A. Vinogradov, K. K. Marchenko

In the modern Sarmatian studies, the problem of depopulation of the steppe of the northern Black Sea littoral in the 3rd century BC, as well as of the territories adjoining the latter on the east, is actively discussed. However this historical situation can be seen in a different light when one is viewing this problem through the prism of ancient Greek written sources and archaeology.

The break-up of Great Scythia seems to have occurred around the turn between the 4th and 3rd centuries BC, the major stroke having been inflicted by the Sarmatians (Siraces and Aorsi) who were the new wave of nomads coming from the east. Information on the penetration of the region of the Kuban River by Sarmatians can be found in the tale by Diodorus about the feud between the sons of Bosporan king Pairesades I in 310/09 BC (*Diod.* XX, 20–24). However the archaeological evidence convincingly suggests that the Sarmatians cannot have seized the steppe of the northern Black Sea littoral until the turn between the 3rd and 2nd centuries BC so that their nomadic territories were concentrated in the regions of the Don and Kuban rivers. This situation was possibly due to the fact that the first wave of Sarmatian migrations encountered an opposition of the Galatians. The latter had established their state in Thrace wherefrom they made raids to the east. Under these circumstances, neither the Sarmatians nor Galatians were able to gain a decisive victory and to consolidate their grip here for any long period. Thus the Dnieper region became for decades as if a "nobody's land" where no independent development of any relatively numerous ethnic groups was possible. The double menace thus arisen for Olbia is mentioned in the decree in honour of Protogenes (IOSPE. I². 32); this situation must be dated to the second half of the 3rd century BC.

The destabilization in the steppe of the region under consideration negatively effected the economic situation in the Greek states on the northern littoral of the Black Sea. Crisis in the monetary system here is traced from approximately 10–15 years before the devastation of the rural territories, which circumstance was possibly due to the destruction of the established pattern of Graeco-barbarian interrelations in the given region. The rural surroundings of all Greek states were annihilated under strikes of the barbarians at the turn of the first and second thirds of the 3rd century BC.

Certain stable and, according to archaeological evidence, very militarized communities arose in the same period in the east (Kuban River) and in the west (Tiraspol group) of the region. The Kuban River was firmly occupied by the Siraces and gradually a Maeotian-Siracian alliance was here established. The Tiraspol group is usually considered as a Scythian community, but in our opinion, it seems to have been connected rather with Sarmatians, who, as stated in the Protogenes decree, intended to make a raid to Olbia together with the Galatians.

The military-political and demographic situation arisen in the northern Black Sea region in the 3rd century BC should not be considered as some "hiatus" but rather as a result of a certain confrontation, figuratively speaking, between the East and the West, where the East won in the end of ends. This state was the predominant reason why the period of stabilization in this region, which started approximately in the mid-3rd century BC, became very precarious and, moreover, more pronounced only in its eastern part as compared with the western one. In the second half of the 3rd and first half of the 2nd century BC, Bosporos enjoyed a new cultural and economic upheaval, a similar situation is known for Chersonesos, whereas Olbia turned to be unable to restore its rural surroundings and the city of Nikonion ceased to exist altogether about the mid-3rd century BC.

Any complete peace did not take place during that period. Occupation of the lands west of the Don River by the Sarmatians started not earlier than the end of the 3rd or beginning of

the 2nd century BC. Until that time, their expansion was probably hindered by raids of the Galatians from Thrace and, perhaps, by the confrontation with the Skiroi (?) from the Dniester region. About 250 BC, the situation in the steppe was again destabilized owing to the second wave of the Sarmatian migrations which comprised Roxolans, Yazygs etc. This destabilization resulted in a system crisis in the Greek states of the northern Black Sea region that led to their subduing to the Pontic king Mithridates Eupator.

Новые протомеотские комплексы из Закубанья (могильник Железнодорожный-2)

Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко[1]

В статье публикуются материалы 22 погребений протомеотского периода из новых раскопок в Крымском районе Краснодарского края. Дается подробный анализ погребального обряда и сопровождающего инвентаря. Для определения хронологических позиций погребений в пределах протомеотского периода большое значение имеют принадлежности конской узды и наконечники стрел, характерные для памятников Северного Кавказа предскифского и раннескифского времени. Узкие даты комплексов, в которых встречены наконечники стрел и детали конской узды, укладываются в рамки последней четверти VIII в. до н. э. и середины VII в. до н. э.

Ключевые слова: меоты, керамика, наконечники стрел, удила, псалии, погребальный обряд.

This paper is a publication of materials from 22 burials of the proto-Maeotian period from recent excavations in the Krymsky district of the Krasnodar Kray. Detailed analysis of the burial rite and grave offerings is presented. In identification of chronological positions of the burials within the proto-Maeotian period, of much importance are horse bridle sets and arrowheads peculiar to sites in the Northern Caucasus of the pre-Scythian and early Scythian period. The assemblages where arrowheads and details of horse bridle have been encountered are narrowly dated to the time span from the last quarter of the 8th century BC to mid-7th century BC.

Keywords: Maeotians, pottery, arrowheads, horse bits, cheek-pieces, burial rite.

В 2012 г. Краснодарской экспедицией НИИ археологии КубГУ были проведены раскопки курганов № 2 и 3 могильника Железнодорожный-2 на левобережье Кубани в Крымском районе Краснодарского края. Здесь было открыто 22 протомеотских погребения. В основании курганов находились невысокие холмики, подсыпанные после совершения основных погребений. Использование естественных возвышенностей для сооружения курганов типично для степных кочевников Прикубанья, начиная с эпохи ранней бронзы. Заболоченность и постоянные подтопления нередко заставляли и оседлое население устраивать свои могильники на возвышенных местах, включая и древние курганы. Оба исследованных кургана невысокие, так как насыпи их длительное время подвергались распашке. Из-за особенностей почвы и высокого уровня грунтовых вод пятна могильных ям, как и выкиды из них, не прослеживались.

Высота кургана № 2 — 0,6 м, диаметр — 42 м. В кургане было исследовано 21 погребение, из которых 15 являются протомеотскими. Погребений эпохи бронзы не выявлено, но в пахотном слое и в насыпи были обнаружены два каменных терочника. Так что, возможно, сооружение насыпи все-таки связано с погребением эпохи бронзы, которое было разрушено в древности или уничтожено распашкой. К протомеотскому периоду относятся погребения № 1, 3, 4, 6, 8, 9, 11–18, 20. Причем погребения № 1 и 20 представляют собой ритуальные захоронения лошадей (рис. 1; 2). Если допустить, что подсыпка холмика была сделана над одним из протомеотских погребений, то, скорее всего, это было погребение № 8 и связанное с ним захоронение трех лошадей № 20. В пользу этого могут косвенно свидетельствовать небольшая глубина (20–25 см), на которую они были впущены в древний холмик, что требо-

[1] Россия, 350040, Краснодар, Ставропольская ул., 149. Кубанский государственный университет, НИИ археологии.

Рис. 1. Могильник Железнодорожный-2, курган 2: *1–3* — погребение 1: план (захоронение шкуры лошади, сопровождавшее погребение 9) (*а* — удила; *б* — псалий костяной) и инвентарь; *4–8* — погребение 9: план (*а* — черпак; *б* — наконечник копья; *в* — нож) и инвентарь; *9* — наконечник копья из кургана 1, погребения 3 у с. Юровка; *10–12* — погребение 4: план (*а* — черпак; *б* — пряслице) и инвентарь; *13–16* — погребение 3: план (*а, б* — черпаки) и инвентарь.

Fig. 1. Cemetery of Zheleznodorozhny-2, barrow 2: *1–3* — burial 1: plan (buried horse hide pertaining to burial 9) (*a* — horse's bit; *б* — bone cheek-piece) and grave-goods; *4–8* — burial 9: plan (*a* — ladle; *б* — spear-head; *в* — knife) and grave-goods; *9* — spear-head from barrow 1, burial 3 near the village Yurovka; *10–12* — burial 4: plan (*a* — ladle; *б* — spindle-whorl) and grave goods; *13–16* — burial 3: plan (*a, б* — ladles) and grave goods.

вало подсыпки, центральное расположение и богатый, по сравнению с окружающими могилами, погребальный обряд.

Высота кургана № 3–0,34–0,43 м, диаметр 44–39,5 м, здесь исследовано 12 погребений, в том числе 7 протомеотских. Самые ранние — два погребения эпохи средней бронзы (№ 7 и 11). Над первым из них была сооружена курганная насыпь, в которую были впущены протомеотские погребения № 1–3, 5, 6, 8, 9 (рис. 3; 4).

Большинство (15) протомеотских погребений — одиночные и принадлежат взрослым людям (антропологические исследования пока не сделаны). Есть также два детских захоронения (3/5, 3/9). В ограбленном

Рис. 2. Могильник Железнодорожный-2, курган 2: *1–28* — наконечники стрел из погребения 8; *29–33* — конская упряжь из погребения 20.

Fig. 2. Cemetery of Zheleznodorozhny-2, barrow 2: *1–28* — Arrowheads from burial 8; *29–33* — horse harness from burial 20.

Рис. 3. Могильник Железнодорожный-2, курган 3: *1, 2* — погребение 1: план (*а* — черпак) и инвентарь; *3, 4* — погребение 2: план (*а* — черпак) и инвентарь; *5, 6* — погребение 3: план (*а* — черпак) и инвентарь; *7–10* — погребение 5: план (*а–в* — черпаки) и инвентарь; *11, 13* — погребение 6: план (*а* — черпак, *б* — кружка) и инвентарь.

Fig. 3. Cemetery of Zheleznodorozhny-2, barrow 3: *1, 2* — burial 1: plan (*a* — ladle) and grave goods; *3, 4* — burial 2: plan (*a* — ladle) and grave goods; *5, 6* — burial 3: plan (*a* — ladle) and grave goods; *7–10* — burial 5: plan (*a–в* — ladles) and grave goods; *11–13* — burial 6: plan (*a* — ladle, *б* — mug) and grave goods.

погребении 2/16 вместе с костями взрослого человека, лежавшими не в анатомическом порядке, находился череп ребенка. В другом случае (2/15), возможно, было совершено подзахоронение, так как кости двух скелетов лежали друг на друге, и нижний, от которого сохранились кости ног, был обрезан верхним. В погребении 3/8 присутствовали три скелета — один целый и два неполных. Слева от главного погребенного лежали череп и сложенные вместе длинные кости ног, а вдоль правой ноги — череп и берцовые кости в анатомическом порядке. Похоже, что черепа и кости ног были отчленены от туловища. Можно предполагать разные причины захоронения отдельных частей тела, в том числе нельзя исключить и жертвоприношение. Случаи человеческих жертвоприношений известны в протомеотских и меотских памятниках VIII–II вв. до н. э. (*Эрлих*, 2013. С. 73).

Все взрослые погребения — вытянутые на спине. Только один скелет, по-видимому, лежал с приподнятыми коленями (3/6). Зафиксировано также положение детского скелета на левом боку (3/9). Для трех взрослых и одного детского захоронения положение неясно из-за неудовлетворительной сохранности. Ориентировка установлена для 18 погребений: южная — 3, юго-юго-восточная — 1, юго-восточная — 1, юго-западная — 1, северная — 2, северо-северо-восточная — 3, северо-северо-западная — 2, северо-восточная — 5.

В курганах были исследованы также ритуальные захоронения лошадей с удилами и псалиями, которые соотносятся с конкретными погребениями. Символическое захоронение шкуры лошади 2/1 можно связать с погребением 2/9, а трех целых лошадей 2/20 — с погребением 2/8. Шкура лошади, но без удил (они лежали в другом месте), сопровождала также тройное погребение 3/8. Отдельный череп и фаланги лошади (2/А), возможно, также являются остатками шкуры. Но не исключено, что это — следы тризны. Остатки мясной напутственной пищи (кости овцы/козы), находившиеся в головах и в ногах погребенных, выявлены только в двух случаях (2/9, 2/17).

В каждом погребении (кроме захоронений лошадей) присутствовали керамические сосуды, которые, независимо от вида, устанавливались в ногах или в головах погребенных. В большинстве случаев сосуды стояли в ногах — 11, в головах — 6, в головах и в ногах — 1, у левой руки и в ногах — 1. Основной вид сосудов — черпаки с высоко поднимающейся над краем устья ручкой (всего их 22), которые различаются по форме ручки (гладкая или с выступами) и тулова (округлое или широкое чашевидное). Отметим также, что все черпаки имеют уплощенное дно без ямки (рис. 5).

У десяти черпаков — ручки гладкие петельчатые, в сечении плоские или уплощенно-овальные; иногда встречается и вогнутый профиль. Высота — 7,6–8,7 см, наибольший диаметр тулова — 10,3–13,5 см.

Морфология черпаков 2/15 № 2 и 3/5 № 2 (рис. 3, *9*; 6, *7*) с округлым туловом и отогнутым краем сопоставима с некоторыми сосудами из могильника Черноклен (*Анфимов, Пьянков*, 1989. Табл. I, *11*, V, *7*). В. Р. Эрлих считает, что типологически профилированные сосуды с округлым туловом являются наиболее ранней формой, восходящей к черпакам периода финальной бронзы — перехода к раннему железу (*Эрлих*, 2007. С. 75, рис. 134, *22*; 138, *15*). Нужно сказать, что эта форма сосудов продолжала развиваться в раннемеотский период, просуществовав на правобережье Кубани до середины VI в. до н. э. Раннемеотские черпаки-кружки отличаются от протомеотских менее приподнятыми над краем ручками, не плоскими, а утолщенными в сечении, нередко имеющими бугорок или выраженный выступ в верхней части (*Лимберис, Марченко*, 2012. С. 18, 19, рис. 8).

Черпак, найденный в погребении 2/4, имеет расширенное в нижней части тулово и вертикальный край (рис. 1, *12*). По форме тулова ему аналогичны сосуды из могильников Черноклен и Холмский, отличающиеся слабо отогнутым венчиком (*Анфимов, Пьянков*, 1989. Табл. IV, *9, 11,* 12; *Василиненко и др.*, 1993. С. 26, рис. XVII, *2*).

Черпаку № 2 из комплекса 2/3 со слабовыпуклыми стенками и слегка отогнутым краем (рис. 1, *13*) по форме тулова наиболее близки сосуды из Абинского могильника, среди которых имеется и черпак с гладкой ручкой (*Анфимов*, 1981. С. 49, рис. 2), а также из разрушенного погребения 1958 г. Николаевского могильника (*Анфимов*, 1961. Табл. I, *2*).

Черпак 3/5 № 3 отличается приземистым округлым туловом и загнутым краем с глад-

Рис. 4. Могильник Железнодорожный-2, курган 3: *1–10* — погребение 8: план (*а* — черпак; *б* — сосуд; *в* — наконечник копья; *г* — удила; д — нож; е — наконечник стрелы; ж — булавка) и инвентарь; *11–13* — погребение 9: план (*а, б* — черпаки) и инвентарь.

Fig. 4. Cemetery of Zheleznodorozhny-2, barrow 3: *1–10* — burial 8: plan (*а* — ladle; *б* — jar; *в* — spear-head; *г* — bit; *д* — knife; *е* — arrowhead; *ж* — pin) and grave goods; *11–13* — burial 9: plan (*а, б* — ladles) and grave goods

Рис. 5. Могильник Железнодорожный-2. Черпаки и кружки: *1* — курган 2, погребение 15 (№ 2); *2* — курган 3, погребение 5 (№ 2); *3* — курган 2, погребение 16; *4* — курган 2, погребение 3 (№ 1); *5* — курган 2, погребение 6; *6* — курган 3, погребение 6; *7* — курган 2, погребение 14; *8* — курган 3, погребение 5 (№ 1); *9* — курган 2, погребение 8 (№ 2); *10* — курган 2, погребение 18; *11* — курган 3, погребение 1; *12* — курган 2, погребение 8 (№ 5); *13* — курган 3, погребение 9 (№ 2); *14* — курган 2, погребение 9.

Fig. 5. Cemetery of Zheleznodorozhny-2. Ladles and mugs: *1* — barrow 2, burial 15 (№ 2); *2* — barrow 3, burial 5 (№ 2); *3* — barrow 2, burial 16; *4* — barrow 2, burial 3 (№ 1); *5* — barrow 2, burial 6; *6* — barrow 3, burial 6; *7* — barrow 2, burial 14; *8* — barrow 3, burial 5 (№ 1); *9* — barrow 2, burial 8 (№ 2); *10* — barrow 2, burial 18; *11* — barrow 3, burial 1; *12* — barrow 2, burial 8 (№ 5); *13* — barrow 3, burial 9 (№ 2); *14* — barrow 2, burial 9.

ким округленным венчиком (рис. 3, *10*). Аналогии нам пока неизвестны.

Среди черпаков с гладкими ручками выделяются шесть сосудов (2/3 № 1, 2/6, 2/12 № 1, 2/15 № 1, 3/5 № 1, 3/9 № 2), которые по сравнению с вышеописанными имеют широкое чашевидное тулово (рис. 1, *14;* 3, *8*; 4, *11*; 6, *6*; 7, *2, 11*). Однако по пропорциям их нужно считать глубокими (высота — 7,1–9,1 см, наибольший диаметр — 12,5–17,1 см). Морфологически близкий сосуд происходит из погребения 10 могильника Псыбе (*Тешев*, 1983. С. 212, рис. 2, *1*). Подобная форма тулова в дальнейшем становится характерной для раннемеотских ковшей VI в. до н. э. с «рогатыми» выступами на ручках. Также в это время еще попадаются экземпляры с плоским дном (*Лимберис, Марченко*, 2012. С. 10, 12, 16, 17, рис. 2, *6*; 3, *7, 8, 10*).

Черпаков, ручки которых оформлены выступами разной формы, всего пять экземпляров. Округлым туловом отличается только сосуд из погребения 2/16 (рис. 6, *9*), что сближает его с описанными выше черпаками с гладкими ручками (2/15 № 2, 3/5). Ручка раздвоена в виде коротких «рожек». Высота — 10,7 см, наибольший диаметр — 15,5 см. В какой-то степени по форме тулова его можно сопоставить с сосудом из погребения 48 могильника Ахтырский Лиман I, имеющим «двурогий» вертикальный выступ на стенке. Авторы публикации считают этот сосуд промежуточной формой между ковшами и мисками (*Беглова и др.*, 1997. С. 79, рис. 4, *4*), а В. Р. Эрлих относит к черпакам 1 группы (*Эрлих*, 2007. Рис. 138, *2*).

В погребении 2/8 были найдены два одинаковых по форме тулова мелких черпака (высота — 8,4–9,1 см, наибольший диаметр — 21 см) с плавно загнутым краем, различающиеся оформлением ручек. Ручка одного из них (№ 2) имеет длинные узкие раздвоенные «рожки» (рис. 8, *9*). «Рожки» второго сосуда (№ 5) соединены перемычкой, в результате чего конец приобрел трапециевидные очертания с треугольным отверстием (рис. 8, *8*). Похожим образом соединены «гвоздевидные» окончания ручек ковшей из уже упомянутого погребения 48 в Ахтырском Лимане (*Беглова и др.*, 1997. С. 78, рис. 4, *3*) и геленджикских дольменов (*Аханов*, 1961. С. 147, рис. 7, *6*).

Были встречены также два глубоких черпака с «гвоздевидными» выступами на ручках (высота — 8,8; 8,6 см, наибольший диаметр — 17,8–18,5 см). Причем один черпак (2/14) — с округленной придонной частью и вертикальным краем — имеет один выступ на ручке (рис. 7, *7*), другой (2/9) — с сильно округленными стенками и отогнутым краем — два (рис. 1, *8*). В протомеотских памятниках оформление концов ручек «гвоздевидными» выступами отмечено только на сосудах приморско-абинского варианта, но они имеют отличную от наших форму тулова (*Эрлих*, 2007. С. 76, рис. 138, *1, 9, 10*). Возможно, парные «гвоздевидные» выступы — это наиболее поздний вариант ручек с подобным оформлением, который сосуществовал с «рогатыми» ручками, что демонстрирует нам погребение 48 из Ахтырского Лимана (*Беглова и др.*, 1997. Рис. 4, *2, 3*). Очевидно, ручки с «гвоздевидными» выступами (как и ручки с перемычкой) бытовали на ограниченной территории и постепенно были вытеснены единственным вариантом — в виде «рожек».

Обратим внимание, что в нескольких комплексах (2/3, 2/15, 3/5, 3/9) сочетаются черпаки с округлым и чашевидными туловом, причем только с гладкими ручками. Черпаки же с гладкими ручками и ручками с выступами вместе найдены не были[2]. Однако эти обстоятельства вряд ли указывают на значительную хронологическую разницу между погребениями могильника Железнодорожный-2. Нужно отметить и полное отсутствие орнаментации на черпаках. Сосуды без орнамента присутствуют во всех трех группах протомеотских ковшей, выделенных В. Р. Эрлихом, но наименее он характерен для черпаков 2-й группы приморско-абинского варианта (*Эрлих*, 2007. С. 76, рис. 134–139).

Кружки в протомеотское время использовались в погребальном обряде гораздо реже, чем черпаки. Из погребений могильника Железнодорожный-2 известно пять экземпляров. По сути, кружки представляют собой трансформацию черпаков: имея ту же форму тулова, они отличаются расположением маленькой петельчатой ручки, верхний конец которой крепится ниже края (под венчиком). В трех погребениях (2/18, 3/1, 3/3) были найдены крупные сосуды (высо-

[2] Справедливости ради нужно признать, что в погребениях 2/12 и 3/9 форма ручек второго черпака осталась неизвестной.

Рис. 6. Могильник Железнодорожный-2, курган 2: *1–7* — погребение 15: план (*а, б* — черпаки; *в* — горшок; *в* — фрагмент ножа; *г* — кремень) и инвентарь; *8–9* — погребение 16: план (*а* — черпак) и инвентарь; *10–13* — погребение 17: план (*а, б* — горшки; *в* — пряслице) и инвентарь; *14–15* — погребение 18: план (*а* — черпак) и инвентарь.

Fig. 6 Cemetery of Zheleznodorozhny-2, barrow 2: *1–7* — burial 15: plan (*а, б* — ladles; *в* — pot; *в* — fragmentary knife; *г* — flint) and grave goods; *8–9* — burial 16: plan (*а* — ladle) and grave goods; *10–13* — burial 17: plan (*а, б* — pots; *в* — spindle-whorl) and grave goods; *14–15* — burial 18: plan (*а* — ladle) and grave goods.

Рис. 7. Могильник Железнодорожный-2, курган 2: *1–2* — погребение 6: план (*а* — черпак) и инвентарь; *3–6* — погребение 11: план (*а* — черпак; *б* — миска; *в* —оселок) и инвентарь; *7–8* — погребение 14: план (*а* — черпак) и инвентарь; *9–12* — погребение 12: план (*а, б* — черпаки; *в* — горшок) и инвентарь; *13–14* — погребение 13: план (*а* — сосуд; *б* — черпак; *в* — наконечник копья) и инвентарь.
Fig. 7. Cemetery of Zheleznodorozhny-2, barrow 2: *1–2* — burial 6: plan (*а* — ladle) and grave goods; *3–6* — burial 11: plan (*а* — ladle; *б* — bowl; *в* — whetstone) and grave goods; *7–8* — burial 14: plan (*а* — ladle) and grave goods; *9–12* — burial 12: plan (*а*, *б* — ladles; *в* — pot) and grave goods; *13–14* — burial 13: plan (*а* — jar; *б* — ladle; *в*-spear-head) and grave goods.

Рис. 8. Могильник Железнодорожный-2, курган 2: *1–5, 7–9* — погребение 8: *1* — план (*а, в* — корчаги; *б* — черпак; *г* — миска; *д* — черпак; *е* — фрагмент меча; *ж* — наконечники стрел) и инвентарь; *6* — погребение 20, план (*а* — удила бронзовые с костяным псалием; *б* — фрагмент удил железных; *в, д, ж* — наконечники стрел; *г* — псалии железные; *е* — удила железные).

Fig. 8. Cemetery of Zheleznodorozhny-2, barrow 2: *1–5, 7–9* — burial 8: *1* — plan (*а, в* — large earthenware jars; *б* — ladle; *г* — bowl; *д* — ladle; *е* — fragment of a sword; *ж* — arrowheads) and grave goods; *6* — burial 20, plan (*а* — bronze bit with a bone cheek-piece; *б* — fragment of iron bit; *в, д, ж* — arrowheads; *г* — iron cheek-piece; *е* — iron bit).

та — 10,3–11,5 см, наибольший диаметр — 16,8–18,5 см) с сильно округленными стенками и отогнутым краем (рис. 3, *1, 6*; 6, *14*). К ним примыкает меньший по размерам сосуд (высота — 7,9 см, диаметр устья — 14 см) со слабо округленными стенками и широким плоским дном из погребения 3/6 (рис. 3, *11*). До настоящего времени было известно только две кружки этого типа из могильников Ахтырский Лиман I и Большие Хутора (*Беглова и др.*, 1997. С. 79. Рис. 1, *3*; *Эрлих*, 2007. С. 80. Рис. 143, *10*). В комплексе 3/2 (рис. 3, *3*) представлен другой тип кружек — со слабо округленными стенками и слегка отогнутым краем (как у глубоких черпаков с гладкими ручками). Высота — 8,5 см, наибольший диаметр — 11,2 см. Только в одном погребении (3/6) вместе с кружкой был найден чашевидный черпак, но его ручка, к сожалению, не может быть восстановлена (рис. 3, *13*).

Миски были найдены только в двух погребениях (2/8, 2/11). Как отмечает В. Р. Эрлих, они встречаются редко и нехарактерны для ранних протомеотских комплексов (*Эрлих*, 2007. С. 80, 81. Рис. 144, 145). Обе наши миски имеют округлый загнутый бортик, причем у одной (рис. 7, *4*) также сильно округлены и стенки (тип I по В. Р. Эрлиху), у другой (рис. 8, *4*) — стенки ровные (тип II по В. Р. Эрлиху). Миска II типа имеет ручку, крепящуюся нижним концом чуть ниже перегиба бортика, что особенно сближает ее с мисками из Кубанского могильника (*Анфимов*, 1975. С. 38, 39. Рис. 1, *6*). Наличие ручки позволило В. Р. Эрлиху назвать их мисками-черпаками (*Эрлих*, 2007. С. 81, 82. Рис. 144, *12–14*). В раннемеотских погребениях правобережья миски без ручки с сильно округленными стенками и бортиком (ранняя серия мисок III типа) существовали до середины VI в. до н. э. (*Лимберис, Марченко*, 2012. С. 42, рис. 23, *9–12*).

Горшки представлены всего 3 экз. (2/12, 2/15, 2/17) небольших размеров (высота — 8,4–8,9 см, наибольший диаметр — 11–12,2 см), с округлым туловом. У двух сосудов венчик слегка отогнут (рис. 6, *4, 12*), у одного выделено короткое широкое горло (рис. 7, *9*). Аналогию горшкам со слабо отогнутым венчиком опять-таки находим в могильнике Ахтырский Лиман (*Беглова и др.*, 1997. Рис. 4, *1*), а горшку с широким горлом — в Николаевском (*Анфимов*, 1961. Табл. I, *5*).

Кроме того, были найдены четыре сосуда, которые мы называем корчагообразными, с округлым или биконическим туловом (2/8 № 1, 3, 2/17, 3/7). Целый сосуд из погребения 2/17 (рис. 6, *13*) имеет короткое горло с отогнутым краем (высота — 15,4 см, наибольший диаметр — 15,8 см). Сосуд № 1 из комплекса 2/8 с биконическим туловом и коротким, расширяющимся к устью горлом (рис. 8, *7*), по размерам сопоставим с корчагой (высота — 30,8 см, наибольший диаметр — 33,3 см). В протомеотских памятниках подобных сосудов до сих пор не было известно. По нашему мнению, они занимают промежуточное положение между корчагами и горшками. Дальнейшее развитие этих форм прослеживается на материалах VI–V вв. до н. э. (*Лимберис, Марченко*, 2012. Рис. 11, *1–5*).

Другие изделия из керамики — это лепные пряслица, которых найдено всего 3 экз. (2/4, 2/15, 2/17), но разной формы: округлое с ровными торцами (рис. 1, *11*), округлое поперечно-сжатое мягких очертаний (рис. 6, *10*) и усеченно-биконическое с округленным ребром (рис. 6, *2*). Такие же типы известны в раннемеотских и меотских памятниках. Ассортимент пряслиц со временем становится более разнообразным (особенно для IV в. до н. э.), но в целом эта категория предметов редко имеет выраженные хронологические отличия. Для всех этапов развития меотской культуры нужно отметить особую популярность усеченно-биконического и усеченно-конического типов. Хотя пряслица традиционно считаются женским орудием труда, нередко попадаются они в мужских и детских захоронениях, так как, несомненно, играли неоднозначную роль в погребальном ритуале меотов (*Лимберис, Марченко*, 2002. С. 175, 176).

Железные ножи, встреченные в четырех погребениях (2/8, 2/9, 2/15, 3/8), различаются по форме спинки и черенка: с прямой спинкой, прямым лезвием и коротким прямоугольным черенком, выделенным уступом со стороны лезвия (рис. 8, *2*), со слабоокругленной спинкой, прямым лезвием и слабовыделенным в основании коротким черенком (рис. 1, *5*), с сильноизогнутым клинком и длинным утолщенным черенком (рис. 4, *3*). Размеры ножей, судя по двум целым экземплярам, небольшие (от 4 до 7,5–8 см). Лежали ножи в ногах (под корчагой), у левого бе-

дра, на правом бедре и у правого предплечья. Их непосредственная связь с жертвенной пищей, которую обычно отмечают исследователи (*Анфимов*, 1975. С. 47; *Галанина*, 1989. С. 85), в погребениях могильника Железнодорожный-2 не прослеживается. В. Р. Эрлих выделил два подтипа железных ножей из протомеотских памятников — слабоизогнутые и сильноизогнутые (*Эрлих*, 2007. С. 153, рис. 213, *10–21*). Среди наших материалов присутствует нож с прямой спинкой (2/8), которому имеется аналогия из погребения 18 Келермесского грунтового могильника (*Галанина*, 1989. С. 85, рис. 15, *7*). Похоже, что нож из комплекса 2/15 тоже имел прямой клинок, но утверждать это наверняка нельзя, так как фрагмент очень маленький (рис. 6, *1*).

Оселки с отверстием для подвешивания (рис. 1, *16*; 7, *5*), изготовленные из удлиненной гальки и прямоугольного бруска (тип I по В. Р. Эрлиху), были найдены в двух погребениях под черепом (2/3) и у правого бедра (2/11). Ножей с ними не было. Оба оселка имеют гладкую отшлифованную поверхность, на которой визуально не просматриваются следы от заточки. Не исключено, что данные предметы были изготовлены специально для ритуальных целей. На сакральное значение по крайней мере одного из них, вероятно, может указывать положение под головой погребенного. Разные исследователи неоднократно обращали внимание на культовое значение оселков в погребениях Северо-Кавказского региона предскифского и раннескифского времени. В. Р. Эрлих назвал оселки с отверстием «характерным признаком эпохи» для протомеотских памятников (*Эрлих*, 2007. С. 154, 155, рис. 214, *1–6*). Подвесные оселки отсутствуют в известных раннемеотских комплексах правобережья Кубани, но изредка встречаются в ранней хронологической группе Уляпского могильника (*Лесков и др.*, 2005. Рис. 100, *2*; 127, *3*; 172, *16*). В правобережных погребениях IV в. до н. э. единичными находками представлены как тяжелые удлиненные гальки без отверстий, которые, очевидно, предназначались для заточки оружия, так и маленькие подвесные оселки. Причем последние — со следами интенсивного использования. Более или менее регулярное использование оселков с отверстиями отмечается только с I в. н. э. для погребений с ножами, фибулами, зеркалами-подвесками, оружием и конской упряжью. Как правило, поверхность оселков носит следы сработанности.

Бронзовая булавка из комплекса 3/8 с раскованным овальным навершием (рис. 4, *5*) соответствует 3-му варианту I-го типа (Сукко) по В. Р. Эрлиху (*Эрлих*, 2007. С. 159, рис. 220). Эти булавки могут различаться как по форме навершия (круглое, овальное или листовидное), так и по форме выступа над ним. Ранее А. М. Новичихин разделил булавки из коллекции Сукко на три типа по форме навершия, а тип III, к которому относится и наша булавка, — на три варианта по форме выступов (*Новичихин*, 1995. С. 65, 66, рис. 3). У нашей булавки — выступ в виде гладкой трапециевидной рамки, что является новым вариантом оформления.

Конская упряжь присутствовала в трех погребениях. В комплексе 2/1 были найдены бронзовые однокольчатые удила с внешними окончаниями, близкими к треугольной форме, и округлыми шипами на грызлах (рис. 1, *3*). Удила «с треугольноконечными окончаниями» (тип III-1 по В. Р. Эрлиху) характерны для протомеотских и кобанских памятников Северного Кавказа. Наиболее близкие аналогии происходят из могильников приморско-абинского варианта Ахтырский Лиман I (погребение 35) и Большие Хутора (*Беглова и др.*, 1997. С. 79, рис. 2, *10*; *Эрлих*, 2007. С. 118, рис. 176, *4, 5*). Роговой псалий из этого набора (2/1) фрагментирован (рис. 1, *2*). Прямоугольные отверстия сближают его с псалием из погребения 31 могильника Фарс, которое относится к его наиболее ранней хронологической группе первой половины — третьей четверти VIII в. до н. э. Один конец нашего псалия заострен, а другой оформлен плоской округлой «шляпкой», как у псалия из погребения 155 Николаевского могильника (*Анфимов*, 1971. С. 173, рис. 2, *2*; *Лесков, Эрлих*, 1999. С. 67–71; *Эрлих*, 2007. С. 123, рис. 183, *5, 6*).

Из комплекса 3/8 происходят бронзовые удила с двукольчатыми внешними окончаниями и с округлыми шипами на грызлах. Псалии трехпетельчатые с раскованной лопастью на одном конце и гвоздевидной шляпкой на другом (рис. 4, *4, 7, 8*). Такие удила В. Р. Эрлих отнес к типу I, а псалии — к классическим новочеркасским типа IB (*Эрлих*, 2007. С. 115–117, 125, рис. 167–169, 187).

Захоронение трех лошадей 2/20 сопровождалось соответственно тремя комплектами упряжи. Первый (рис. 2, *32, 33*) состоит из бронзовых удил со стремечковидными окончаниями и гладкими грызлами и костяного псалия с плоским округлым окончанием и четырьмя круглыми отверстиями, расположенными попарно (второй конец утрачен). Удила относятся к типу III-2 по В. Р. Эрлиху, широко распространенному в раннескифский период (Там же. С. 119, 120, рис. 178). Прямые аналогии псалию нам неизвестны. Близким по расположению отверстий и треугольному сечению является трехдырчатый псалий, найденный у с. Жаботин, — с заостренными концами «в виде копыта». М. И. Вязьмитина первой обратила внимание, что в Жаботинском кургане 2 вместе с «костяными пластинами» находились бронзовые двухпетельчатые и стремечковидные удила, которые и позволили ей датировать комплекс концом VII в. до н. э. (*Вязьмитина*, 1963. С. 159, 165, рис. 1, *2*; 6). Нужно отметить, что стремечковидные удила из Жаботина однотипны удилам из погребения 2/20. Жаботинский псалий А. Д. Могилов относит к III архаическому (*келермесскому*) этапу/группе раннескифского времени, хронологические рамки которого определены им в пределах середины VII — середины VI вв. до н. э. (*Могилов*, 2008. С. 28, 98–100, рис. 52, *6*).

Два других набора упряжи из комплекса 2/20 представлены железными однокольчатыми удилами, сохранность которых позволила сделать только графическую реконструкцию. Похоже, что их окончания были треугольноконечными (рис. 2, *30, 31*). Второй паре удил сопутствовали псалии, также железные, стержневидные трехпетельчатые, с одним отогнутым концом и окончаниями в виде «шишечек». Восстановлен псалий с прямым коротким концом и плавно отогнутым длинным (рис. 2, *29*). Судя по аналогиям из раннескифских памятников, длинный конец псалия должен быть загнут в сторону петель. Такие железные псалии в комплекте с железными стремечковидными удилами были найдены в наиболее ранних курганах I и II Келермесского могильника, раскопанных Н. И. Веселовским, датировка которых по уздечным наборам тяготеет к середине — третьей четверти VII в. до н. э. (*Галанина*, 1983. С. 43, 52, 53, табл. 5–7), а также в комплексе кургана 20 у с. Нартан вместе с бронзовым шлемом кубанского типа (*Батчаев*, 1985. С. 48, 51, 52, рис. 48).

Захоронение лошадей 2/20 сопровождало ограбленное в древности погребение человека 2/8. В обоих комплексах присутствуют бронзовые наконечники стрел, которые составляют единый набор (28 экз.): 11 двухлопастных с лавролистным пером (большинство — с шипом на втулке), 6 трехгранных с треугольной и сводчатой головкой, один трехгранно-лопастной со сводчатой головкой, 4 трехлопастных с листовидным контуром головки и шипом на втулке, 4 трехлопастных со сводчатой головкой и два пулевидных (рис. 2, *1–28*). Почти все эти типы находят аналогии в колчанных наборах предскифского и раннескифского времени из Закубанья и Центрального Предкавказья (Там же. Рис. 33, 39, 41, 43, 48 и сл.; *Василиненко и др.*, 1993. Рис. IV–VII; *Галанина*, 1995. Рис. 2, 3; 1997. С. 104–110; *Эрлих*, 1988, рис. 1–3; 2007. С. 99–104, рис. 13, 17, 113, 161). Однотипные двухлопастные бронзовые наконечники стрел присутствуют и в погребении конца VII — первой четверти VI в. до н. э. у хут. Ленина на правобережье Кубани, где они встречены вместе с железными (*Каминский*, 1987. С. 257, 258, рис. 2; *Лимберис, Марченко*, 2012. С. 54–57, 84, 85, рис. 110). Нужно отметить, что большинство двухлопастных наконечников (7 экз.) из нашего набора (2/8 и 2/20) выделяется массивностью и крупными размерами (длиной до 5,5 см), что, по-видимому, можно считать архаичным признаком. Что касается коротких пулевидных наконечников, то они представляют собой редчайшую форму в наборах предскифского и раннескифского времени. Короткие наконечники близких пропорций происходят из могилы 4 кургана Аржан-1 и кургана 23 могильника Сакар-Чага 6 в Южном Приаралье (*Грязнов*, 1980. Рис. 11, *12*; *Членова*, 1997. С. 13, рис. 1, *7–9*; *Яблонский*, 1996. С. 42, рис. 19, *6*). Другие известные нам наконечники из памятников Центрального Предкавказья, Нижнего Дона и Днепровской Лесостепи имеют удлиненные пропорции (*Абрамова*, 1974. С. 201, рис. 2, *19*; *Батчаев*, 1985. Рис. 33, *16*; *Дараган*, 2011. С. 564, рис. V. 34, *7*; *Шарафутдинова*, 1980. С. 61, табл. XXXIII, *7*; *Шрамко*, 1984. Рис. 6, *9*). В Закубанье мы до сих пор знали лишь костяные пулевидные наконечники, также удлиненные,

которые бытовали на юге Восточной Европы вплоть до позднескифского времени (*Василиненко и др.*, 1993. С. 32, рис. VII, *19–24*; *Галанина*, 1995. С. 46, рис. 3, *20, 65*).

В целом состав колчанного набора из комплексов 2/8 и 2/20 указывает на раннескифское время. Скорее всего, его можно датировать в пределах раннекелермесского периода (середина — третья четверть VII в. до н. э.), а если принять во внимание предлагаемую А. Ю. Алексеевым и Т. В. Рябковой датировку «старших» курганов Келермесского могильника ранее 670-х гг. до н. э., то и более широко, первой половиной — третьей четвертью VII в. до н. э. (*Алексеев, Рябкова*, 2013. С. 16, 17).

Большие колчанные наборы вообще нехарактерны для протомеотских памятников левобережья Кубани. Находки наконечников стрел здесь чрезвычайно редки, встречаются в погребениях по одному экземпляру. Причем известны они пока только в памятниках центрального и приморско-абинского вариантов. На этом основании В. Р. Эрлих сделал вывод о том, что лук и стрелы всегда были для меотов лишь вспомогательным видом вооружения, а кратковременное возрастание значения этого вида оружия в келермесский период, очевидно, связано с завершением переднеазиатских походов (*Эрлих*, 1988. С. 101; 2007. С. 100, 104). Однако широкая датировка колчанного набора из комплексов 2/8 и 2/20 позволяет высказать предположение, что в Закубанье еще в «допоходное» время существовал всаднический контингент, профессионально владевший луком и стрелами. В раннемеотских погребениях правобережья Кубани большие колчанные наборы присутствуют редко (*Лимберис, Марченко*, 2012. С. 54–57). Но в IV в. до н. э. лук со стрелами становится таким же важным оружием, как меч и копье, о чем свидетельствуют многочисленные наборы стрел в погребениях воинов этого времени. В дальнейшем наконечники стрел также обычно сопутствуют погребениям с мечами и наконечниками копий, но встречаются и в захоронениях, где нет другого оружия.

В комплексе 3/8 был найден кремневый наконечник стрелы (рис. 4, *2*). Другие случаи использования кремневых наконечников из протомеотских памятников нам неизвестны. Каменные наконечники присутствуют в слое X–VII вв. до н. э. Сержень-Юртовского поселения. Их исчезновение, по мнению В. И. Козенковой, относится к VIII–VII вв. до н. э. (*Козенкова*, 1982. С. 13, табл. X, *1*). По форме (треугольные с арочной выемкой) они отличаются от нашего экземпляра.

Бронзовые цельнолитые наконечники копий были обнаружены в трех погребениях (2/9, 2/20, 3/8), из них — два целых с пером остролистной формы. По типологии В. Р. Эрлиха — это тип II (*Эрлих*, 2007. С. 96, рис. 154–156). Длинному наконечнику (общая длина — 17,2 см, длина пера — 8,5 см) из комплекса 3/8 (рис. 4, *6*) имеются многочисленные аналогии среди наконечников из протомеотских могильников. Второй наконечник (2/9) — очень маленький (общая длина — 7,6 см, длина пера — 4,8 см), такие размерные варианты довольно редки (рис. 1, *6*). Недавно небольшой наконечник этого типа (длина — 10,8 см) был найден в кургане 1 у с. Юровка (Анапский р-н) в ограбленном каменном ящике (рис. 1, *9*).

В комплексе 2/13 имеется железный наконечник копья с бронзовым кольцом на основании втулки (рис. 7, *14*). Предмет очень плохой сохранности, поэтому рисунок и замеры были сделаны in situ (общая длина — 18,5 см, длина пера — 12 см). До настоящего времени было известно только два таких наконечника из протомеотских могильников. В Николаевском могильнике железный наконечник с «бронзированной» втулкой был найден вне комплекса (*Анфимов*, 1961. С. 116, 117; *Эрлих*, 2007. С. 99, рис. 160, 11). Другой наконечник «с бронзовым кольцеобразным основанием втулки» происходит из погребения 15 (2004 г.) могильника Пшиш (*Эрлих*, 2007. С. 99, рис. 160, *12*). По-видимому, оба описания подразумевают, что бронзовое кольцо было надето на основание железной втулки. Кольца орнаментированы «рельефными полосами». В предскифское время существовали также биметаллические наконечники, изготовленные по другой технологии: железное перо вставлено в верхнее отверстие бронзовой цельнолитой втулки. Об их использовании свидетельствует наконечник из комплекса 2/2 курганной группы Фурожан-3 в Закубанье (*Иванов*, 2013. С. 151, рис. 1, *1*).

В. Р. Эрлих считает, что биметаллические наконечники копий появились в период перехода от бронзовых наконечников к железным

как дань белозерской традиции (*Эрлих*, 2007. С. 99, рис. 160, *11, 12*). Его точка зрения, вероятно, может быть подтверждена единственной пока находкой из могильника Фурожан. Относительно наконечников с бронзовым кольцом на основании железной втулки мы позволим себе более простое предположение — кольцо было блестящим украшением, которое могло служить и для обжима втулки и древка путем обматывания тонкой веревкой (для чего и могли предназначаться продольные бороздки). Такой прием оформления втулки сохранялся и в среднемеотский период. К примеру, наконечник копья с гладкой бронзовой обоймой был найден в погребении 39 могильника Прикубанский IV в. до н. э.

Из ограбленного в древности комплекса 2/8 происходят также фрагменты нижней части клинка железного меча с бронзовым литым наконечником ножен, овальным в сечении (рис. 8, *5*). Подобных деталей оформления ножен в раннескифских памятниках мы не знаем. Но форма наконечника, сужающегося к концу, близка обложенному золотым листом наконечнику меча из кургана 16 могильника Нартан (*Батчаев*, 1985. С. 36, рис. 41, *2*).

На данном этапе исследования мы ограничимся узкими датировками только для погребений с предметами конской упряжи. Наиболее ранние комплексы можно датировать последней четвертью VIII в. до н. э. Древнейшими из них являются погребение 2/9 и связанное с ним захоронение шкуры лошади 2/1. По однокольчатым удилам с шипастым рифлением и роговому псалию эти комплексы относятся к предклассическому/переходному горизонту по хронологии В. Р. Эрлиха (*Эрлих*, 2007. С. 177, 178, табл. V). В погребении 2/9 был встречен черпак с двумя «гвоздевидными» выступами на ручке.

В следующем по времени погребении 3/8, также сопровождавшемся шкурой лошади, были найдены двукольчатые удила с псалиями классического новочеркасского типа и булавка типа Сукко, характерная для предыдущего предклассического/переходного горизонта. К сожалению, неизвестна форма ручки черпака из этого погребения. По наблюдению В. Р. Эрлиха, в эти периоды встречаются исключительно черпаки поздней формы с «рогатыми» ручками (Там же. С. 178, 179, табл. V). Но пример комплекса 2/9 демонстрирует, что «гвоздевидные» выступы еще имели право на существование.

Погребение 2/8 и связанное с ним захоронение лошадей 2/20 мы склонны отнести к финальному этапу протомеотского периода, предпочтительно около середины VII в. до н. э., на основании хронологии колчанного набора и конской упряжи раннекелермесских типов. Такая датировка согласуется со временем широкого распространения в Закубанье ковшей с «рогатыми» ручками (*Лимберис, Марченко*, 2012. С. 16).

В целом по ряду признаков, выявленных в погребальном обряде и формах керамических сосудов, погребения из курганного могильника Железнодорожный-2 обнаруживают наибольшее сходство с приморско-абинским вариантом протомеотской группы памятников, к которой они принадлежат и территориально.

Абрамова, 1974 — *Абрамова М. П.* Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА. 1974. № 4.

Алексеев, Рябкова, 2013 — *Алексеев А. Ю., Рябкова Т. В.* Относительная хронология скифских Келермесских курганов // Шестая Междунар. Кубанская археологическая конф.. Краснодар, 2013.

Анфимов, 1961 — *Анфимов Н. В.* Протомеотский могильник с. Николаевского // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Т. 2.

Анфимов, 1971 — *Анфимов Н. В.* Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. М., 1971.

Анфимов, 1975 — *Анфимов Н. В.* Новый памятник древнемеотской культуры (могильник хут. Кубанского) // Скифский мир. Киев, 1975.

Анфимов, 1981 — *Анфимов И. Н.* Древнемеотский могильник близ г. Абинска // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981.

Анфимов, Пьянков, 1989 — *Анфимов Н. В., Пьянков А. В.* Протомеотские погребения в курганах эпохи бронзы Закубанья // Меоты — предки адыгов. Майкоп, 1989.

Аханов, 1961 — *Аханов А. А.* Геленджикские подкурганные дольмены // СА. 1961. № 1.

Батчаев, 1985 — *Батчаев В. М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1985. Т. 2.

Беглова и др., 1997 — *Беглова Е. А., Орловская Л. Б., Сорокина И. А.* Протомеотские древности в Закубанье // Памятники предскифского

и скифского времени на Юге Восточной Европы. МИАР. М., 1997. № 1.

Василиненко и др., 1993 — *Василиненко Д. Э., Кондрашев А. В., Пьянков А. В.* Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья // Понтийско-кавказские исследования. Краснодар, 1993. Вып. 1.

Вязьмитина, 1963 — *Вязьмитина М. И.* Ранние памятники скифского звериного стиля // СА. 1963. № 2.

Галанина, 1983 — *Галанина Л. К.* Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. 1983. Вып. 24.

Галанина, 1989 — *Галанина Л. К.* Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты — предки адыгов. Майкоп, 1989.

Галанина, 1995 — *Галанина Л. К.* Раннескифские стрелковые наборы из Келермесских курганов // АСГЭ. 1995. Вып. 32.

Галанина, 1997 — *Галанина Л. К.* Келермесские курганы. «Царские погребения раннескифской эпохи». М., 1997.

Грязнов, 1980 — *Грязнов М. П.* Аржан. Л., 1980.

Дараган, 2011 — *Дараган М. Н.* Начало раннего железного века в Днепровской Левобережной Лесостепи. Киев, 2011.

Иванов, 2013 — *Иванов А. В.* О погребениях предскифского времени из раскопок курганной группы могильника «Фурожан-3» // Шестая Междунар. Кубанская археологическая конф. Краснодар, 2013.

Каминский, 1987 — *Каминский В. Н.* Погребальные комплексы из окрестностей Краснодара // СА. 1987. № 2.

Козенкова, 1982 — *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М., 1982 (САИ; В 2–5).

Лимберис, Марченко, 2002 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* О назначении некоторых предметов инвентаря и роли жертвенных животных в погребальном ритуале меотов IV в. до н. э. (по материалам Прикубанского могильника) // БФ: Погребальные памятники и святилища: Ч. 2. 2002.

Лимберис, Марченко, 2012 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Меотские древности VI–V вв. до н. э. Краснодар, 2012.

Лесков и др., 2005 — *Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р.* Меоты Закубанья в середине VI — начале III века до н. э. Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. М., 2005.

Лесков, Эрлих, 1999 — *Лесков А. М., Эрлих В. Р.* Могильник Фарс/Клады: памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М., 1999.

Могилов, 2008 — *Могилов О. Д.* Сподрядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець Подільский, 2008.

Новичихин, 1995 — *Новичихин А. М.* Материалы первой половины I тыс. до н. э. из долины Сукко // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1995. Вып. 1.

Тешев, 1983 — *Тешев М. К.* Новый памятник поздней бронзы на Западном Кавказе // СА. 1983. № 4.

Членова, 1997 — *Членова Н. Л.* Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М., 1997. Т. I.

Шарафутдинова, 1980 — *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура). Л., 1980 (САИ; Вып. В 1–11).

Шрамко, 1984 — *Шрамко Б. А.* Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984.

Эрлих, 1988 — *Эрлих В. Р.* Бронзовые наконечники стрел и проблема хронологического распределения комплексов раннескифского времени Среднего Закубанья // Материальная культура Востока. М., 1988. Ч. I.

Эрлих, 2007 — *Эрлих В. Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М., 2007.

Эрлих, 2013 — *Эрлих В. Р.* Святилища в меотской культуре // *Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р.* Меоты Закубанья IV–III вв. до н. э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. М., 2013.

Яблонский, 1996 — *Яблонский Л. Т.* Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М. 1996.

Newly discovered proto-Maeotian burials in the Trans-Kuban region (cemetery of Zheleznodorozhny-2)

N. Yu. Limberis, I. I. Marchenko

This article describes finds from 22 newly excavated burials in the Krymsky district of the Krasnodar Kray. Detailed analysis of the burial rite and accompanying grave goods is presented. The most numerous group of grave offerings was represented by handmade pottery. The latter included mostly scoops and mugs differing in the shape of their body and handle (Fig. 5). This ware has parallels from proto-Maeotian burial grounds in the Trans-Kuban region. In identification of chronological positions of burials within the proto-Maeotian period, of much importance are the accessories of horse bridle sets and arrowheads (Figs. 1, *2, 3*, *6, 9*; 2; 4, *4, 6–8*) peculiar to sites in the Northern Caucasus of the pre-Scythian and early Scythian times. The assemblages where arrowheads and details of horse bridle sets were encountered are narrowly dated to the time span from the last quarter of the 8th century BC to mid-7th century BC. In terms of the series of features identified in the burial rite and forms of pottery, the burials under study are most similar to the coastal-Abinsk variant of the proto-Maeotian group of sites. To the latter they belong also territorially.

Клад боспорских монет из Андреевки Северной

Кшиштоф Яжецки[1]

Работа посвящена кладу, состоящему из 12 боспорских статеров, который был обнаружен ок. с. Андреевка Северная (Ленинский р-н АР Крым). Самой ранней монетой клада является статер Фофорса (285/6–308/9 гг. н. э.) 594 г. боспорской эры (297/8 н. э.), остальные принадлежат эмиссии Рескупорида V (314/5–342/3 гг. н. э.), самая ранняя 616 г. б. э. (319/20 г. н. э.), самая поздняя 623 г. б. э. (326/7 г. н. э.). Клад хранится в частной коллекции.

Ключевые слова: Боспор, боспорская эра, комплекс, клад, статер, эмиссия.

This paper is dedicated to a hoard composed of 12 Bosporan staters which was found near the village of Andreyevka Severnaya (Leninsky district, Crimea). The most ancient coin in the hoard was presented by a stater of Thothorses (285/6–308/9 AD) of the year 594 of the Bosporan Era (297/8 AD), the other coins belong to the issue of Rhescuporis V (314/5–342/3 AD), the earliest dating to 616 of the Bosporan Era (319/20 AD) and the latest — to 623 of the Bosporan Era (326/7 AD). The hoard is housed in a private collection.

Keywords: Bosporos, Bosporan Era, association, hoard, stater, series of coins.

В частной коллекции на территории Украины находится клад из двенадцати боспорских статеров, обнаруженный при помощи металлодетектора вблизи с. Андреевка Северная (Ленинский р-н, АР Крым). По словам владельца монет, который купил их у поисковика, статеры были разбросаны в виде линии, «как бы потерянные во время быстрой верховой езды». Самой ранней монетой клада является статер Фофорса (285/6–308/9 гг. н. э.) 594 г. боспорской эры (далее б. э.) (297/8 н. э.), остальные принадлежат эмиссии Рескупорида V (314/5–342/3 гг. н. э.), самая ранняя 616 г. б. э. (319/20 г. н. э.), самая поздняя 623 г. б. э. (326/7 г. н. э.). Общий вес монет составляет 87,48 г. Владелец коллекции любезно предоставил мне возможность изучить эти монеты.

Клад из окрестностей Андреевки Северной:

1. Фофорс, 594 г. б. э. (297/8 н. э.).

Л. с. — бюст царя вправо, справа три шара треугольником, ВАСІΛЕО.. ΘО (ΘОР) СОУ.

О. с. — бюст императора вправо, слева три шара треугольником, справа тамга (?), внизу дата Δq (Ф), точечный ободок.

Бронза, 6,93 г, 19,0×19,9 мм, соотношение осей 0° (*Анохин*, 1986. 742б; *Фролова*, 1997. С. 300. — рис. 1, *1*).

2. Рескупорид V, 616 г. б. э. (319/20 г. н. э.).

Л. с. — бюст царя вправо, справа трезубец, ... АСІΛЕУ... ... НСКО...

О. с. — бюст императора вправо, справа двузубец, внизу дата ϛIX.

Бронза, 7,86 г, 19,4×19,7 мм, соотношение осей 0° (*Анохин*, 1986. 765а; *Фролова*, 1997. С. 325 — рис. 1, *2*).

3. Рескупорид V, 611–619 гг. б.э. (314/15–322/23 гг. н. э.).

Л. с. — бюст царя вправо, справа венок из пяти лепестков, ... ΛЕУС РНСКОУП...

О. с. — бюст императора вправо, по сторонам дата (?) I–X.

Бронза, 6,49 г, 18,2×19,4 мм, соотношение осей 0° (рис. 1, *3*).

4. Рескупорид V, 620 г. б. э. (323/4 г. н. э.).

Л. с. — бюст царя вправо, справа венок из шести лепестков, ВАСІΛЕУ... ....ОРІ.

О. с. — бюст императора вправо, по сторонам дата K-X, точечный ободок.

---

[1] Польша, Торунь, член Польского нумизматического общества.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12

Бронза, 7,72 г, 19,0×20,5 мм, соотношение осей 0° (*Анохин*, 1986. 769 — рис. 1, *4*).

5. Рескупорид V, 620 г. б. э. (323/4 г. н. э.).

Л. с. — бюст царя вправо, справа венок из пяти лепестков, ΒΑϹΙΛΕΥϹ (Ρ)ΗϹΚΟΥΠΟΡΙ.

О. с. — бюст императора вправо, по сторонам дата Κ–Χ, точечный ободок.

Бронза, 7,03 г, 18,5×19,5 мм, соотношение осей 0° (*Анохин*, 1986. 769; *Фролова*, 1997. С. 337 — рис. 1, *5*).

6. Рескупорид V, 620 г. б. э. (323/4 г. н. э.).

Л. с. — бюст царя вправо, справа трезубец, (ΒΑϹ) ΙΛΕΟϹ ΡΗ (ϹΚΟΥ...), точечный ободок.

О. с. — бюст императора вправо, справа орел (?), внизу дата ΚΧ.

Бронза, 8,21 г, 19,1×19,6 мм, соотношение осей 0° (*Анохин*, 1986. 769а, *Фролова*, 1997. С. 342 — рис. 1, *6*).

7. Рескупорид V, 621 г. б. э. (324/5 г. н. э.).

Л. с. — бюст царя вправо, справа венок из пяти лепестков, ... ϹΚΟΥΠ...

О. с. — бюст императора вправо, по сторонам дата ΑΚ–Χ, точечный ободок.

Бронза, 7,37 г, 19,2×20,4 мм, соотношение осей 0° (*Анохин*, 1986. 770 — рис. 1, *7*).

8. Рескупорид V, 621 г. б. э. (324/5 г. н. э.).

Л. с. — бюст царя вправо, справа венок из шести лепестков, ... ΗϹΚΟΥΠΟΡΙ...

О. с. — бюст императора вправо, по сторонам дата ΑΚ— (Χ).

Бронза, 7,49 г, 18,7×19,2 мм, соотношение осей 0° (*Анохин*, 1986. 770 — рис. 1, *8*).

9. Рескупорид V, 621 г. б. э. (324/5 г. н. э.).

Л. с. — бюст царя вправо, справа трезубец (?), Β... ... ΗϹΚΟΥΠΟΡΙ..., точечный ободок.

О. с. — бюст императора вправо, справа орел на шаре, внизу дата ΑΚΧ.

Бронза, 6,95 г, 18,6×19,8 мм, соотношение осей 0° (*Анохин*, 1986. 770а. — рис. 1, *9*).

10. Рескупорид V, 622 г. б. э. (325/6 г. н. э.).

Л. с. — бюст царя вправо, справа венок из пяти лепестков, ... ΗϹΚΟΥ...

О. с. — бюст императора вправо, справа Ника на шаре с венком в руке, внизу дата ΒΚΧ.

Бронза, 6,30 г, 18,1×18,5 мм, соотношение осей 0° (*Анохин*, 1986. 771д; *Фролова*, 1997. С. 353. — рис. 1, *10*).

11. Рескупорид V, 622 г. б. э. (325/6 г. н. э.).

Л. с. — бюст царя вправо, справа шестилучевая звезда, ... ΗϹΚΟΥΠΟΡΙ, точечный ободок.

О. с. — бюст императора вправо, справа Ника на шаре с венком в руке, внизу дата ΒΚΧ, точечный ободок.

Бронза, 8,15 г, 19,3×19,9 мм, соотношение осей 0° (*Фролова*, 1997. С. 354 — рис. 1, *11*).

12. Рескупорид V, 623 г. б. э. (326/7 г. н. э.).

Л. с. — бюст царя вправо, справа венок из пяти лепестков, ΒΑϹΙΛΕΥ (ϹΡΗϹ) ΚΟΥΠΟΡΙϹ.

О. с. — бюст императора вправо, по сторонам дата ΓΚ–Χ, точечный ободок.

Бронза, 6,98 г; 19,9×19,7 мм, соотношение осей 0° (*Анохин*, 1986. 772б — рис. 1, *12*).

К сожалению, точный археологический контекст комплекса неизвестен, однако хронологически он весьма компактен. Во всяком случае время тезаврации можно определить по самой поздней монете не ранее 326/7 г. н. э. Таким образом, публикуемый клад датируется более поздним временем, чем прекращение существования боспорского поселения Андреевка Северная, погибшего в III в. н. э. (Античные государства... 1984. С. 77; см. также *Кругликова*, 2000)[2]. Правда, следует учесть и то обстоятельство, что статеры Фофорса и Рескупорида V обращались в течение длительного времени, еще при византийских императорах Юстине I (518–527) и Юстиниане I (527–565) (*Фролова, Николаева*, 1978. С. 174–175; *Фролова*, 1998. С. 247–248).

[2] Ближайшими поселениями, продолжавшими существовать в IV в., являются Артезиан (*Винокуров,* 1998), Михайловка и Илурат (*Айбабин*, 1999. С. 28, 60).

Рис. 1. Клад из окрестностей Андреевки Северной: *1* — Фофорс, 594 г. б. э. (297/8 н. э.); *2* — Рескупорид V, 616 г. б. э. (319/20 г. н. э.); *3* — Рескупорид V, 611–619 гг. б.э. (314/15–322/23 гг. н. э.); *4–6* — Рескупорид V, 620 г. б. э. (323/4 г. н. э.); *7–9* — Рескупорид V, 621 г. б. э. (324/5 г. н. э.); *10* — Рескупорид V, 622 г. б. э. (325/6 г. н. э.); *11* — Рескупорид V, 622 г. б. э. (325/6 г. н. э.); *12* — Рескупорид V, 623 г. б. э. (326/7 г. н. э.). *1–12* — бронза.

Fig. 1. Hoard (bronze) from the vicinity of Andreyevka Severnaya: *1* — Thothorses, 594 of the Bosporan Era (297/8 AD); *2* — Rhescuporis V, 616 BE (319/20 AD); *3* — Rhescuporis V, 611–619 BE (314/15–322/23 AD); *4–6* — Rhescuporis V, 620 BE (323/4 AD); *7–9* — Rhescuporis V, 621 BE (324/5 AD); *10* — Rhescuporis V, 622 BE (325/6 AD); *11* — Rhescuporis V, 622 BE (325/6 AD); *12* — Rhescuporis V, 623 BE (326/7 AD). 1–12 — bronze.

Таблица 1. Позднебоспорские клады с монетами Фофорса и Рескупорида V
Table 1. Late Bosporan hoards with coins of Thothorses and Rhescuporis V

№	Название клада, место находки	Год находки	Хронологические рамки клада	Общее кол-во монет	Кол-во монет Фофорса	Кол-во монет Радамсада	Кол-во монет Рескупорида V
1	Таракташский клад, Дачное вблизи г. Судак	1908	210 (?) — 328 гг.	ок. 2000	134	37	340
2	3-й Керченский клад, Керчь	1870	253–336 гг.	ок. 1500	?	?	?
3	Кепский клад, Кепы, Краснодарский край	1962	276–336 гг.	745	206	35	401
4	Батарейский клад, Батарейка, Краснодарский край	1976	286–336 гг.	500	57	5	87
5	2-й Патрейский клад, Патрей, Краснодарский край	1951	275–336 гг.	397	119	28	247
6	Керчь	1995	45–341 гг.	Более 320	87	11	213
7	Шумреченский клад, Гай-Кодзор, Краснодарский край	1972	286–336 гг.	233	58	13	150
8	Тиритакский клад, Аршинцево	1946	276–328 гг.	227	32	14	155
9	1-й Керченский клад, Керчь	1852	286–328 (?) гг.	Несколько сотен	?	?	?
10	2-й Керченский клад, Керчь	1869	253–336 гг.	180	47		
11	Феодосийский клад, Куру-баш под Феодосией	1927	286–327 гг.	136	28	9	96
12	Ильичевский клад, Ильич, Краснодарский край	1975	262–565 гг.	135	18	10	100
13	Гайкодзорский клад, Гай-Кодзор, Краснодарский край	1977	286–341 гг.	104	44	5	52
14	5-й Керченский клад, Керчь	1961	286–328 гг.	90, из них 20 пропало	20	3	47
15	Фонталовский клад, Краснодарский край	1878	286–336 гг.	70	?	–	?
16	4-й Керченский клад, Керчь	1904	286–336 гг.	?	?	–	?

Какая-либо информация о других кладах из окрестностей Андреевки Северной на сегодняшний день отсутствует. Наиболее близким (территориально) является илуратский клад статеров Рескупорида IV (242/3–276/7 гг. н. э.) (*Абрамзон, Фролова*, 2008. С. 401–403), но, по понятной причине, он не может быть принят во внимание.

Итоги анализа нашего клада наиболее информативны в контексте других комплексов с монетами Фофорса и Рескупорида V (табл. 1; см. также *Абрамзон, Фролова*, 2008. С. 468–571). Весьма любопытен тот факт, что до сих пор неизвестны клады, включающие только чеканку Рескупорида V. Везде присутствуют статеры Фофорса.

Самым большим и самым западным комплексом интересующего нас периода является Таракташский клад, найденный вблизи Судака и состоящий из приблизительно 2000 монет. Всего же известно 16 подобных кладов. Один обнаружен под Феодосией, 6 в Керчи, один в Тиритаке и 7 в азиатской части Боспора.

Как археологический контекст кладов, так и число монет, их составляющих (самый малочисленный включает 70 экз.), дают основания считать, что подавляющая их часть была сокрыта в связи с военными действиями. Так интерпретированы Судакский (Таракташский), Феодосийский, 1-й, 2-й и 3-й Керченские, Фонталовский, Тиритакский (1946) клады (*Голенко,* 1960. С. 238–239). Их тезаврацию исследователи относят к периоду войн 20 — начала 30-х гг. IV в. (*Болгов*, 2004. С. 46), или к переселению гуннов (*Голенко,* 1960. С. 244).

С другими событиями, вероятно, можно связать клад с Ильичевского городища[3]. Клад датируется периодом после 565 г. по самой молодой монете (*Фролова, Николаева,* 1978. С. 175).

Хотя сокрытие указанных комплексов можно отнести к разным историческим событиям, в их структуре видна определенная закономерность. Среди эмиссий трех последних боспорских правителей, чеканивших свою монету, самыми многочисленными являются статеры Рескупорида V. Гораздо меньше статеров Фофорса, но меньше всего монет приходится на правление Радамсада (309/10–322/3 гг. н. э.) (см. табл. 1). Пропорция количества статеров Радамсада к статерам Рескупорида V в кладах приблизительно составляет 1:10.

Клад из Андреевки Северной резко отличается от вышеперечисленных кладов своей малочисленностью. Это исключает возможность проведения более серьезных статистических анализов. Тем не менее сходство его структуры с более крупными комплексами очевидно. Поэтому нет ничего удивительного в том, что на одиннадцать статеров Рескупорида V приходится только один статер Фофорса и ни одного Радамсада. Таким образом, рассматриваемый клад достаточно адекватно отражает процентное соотношение монет разных правителей, находившихся в обращении в IV в. на Боспоре.

Из-за небольшого количества монет в кладе, вероятно, правильней считать его не депозитом (такой характер имеют клады, приведенные в табл. 1), а потерей. Конечно, разброс монет в виде линии (к сожалению, ее протяженность неизвестна) можно объяснить не только верховой ездой, но и пахотными работами. Что касается времени, когда монеты попали в землю, то из-за отсутствия информации об археологическом контексте мы вынуждены искать другой ответ на этот вопрос. Примечательна хорошая сохранность монет из Андреевки Северной. Это позволяет предположить, что статеры были изъяты из обращения вскоре после их изготовления (ср. *Голенко*, 1967. С. 269). Таким образом, если клад связан с военно-политическими событиями, наиболее вероятно его соотнесение с бурным периодом 20–30-х гг. IV в. Впрочем, это только один из возможных вариантов интерпретации данного комплекса.

[3] Был обнаружен в кувшине, лежащем на полу помещения в слое пожара толщиной более метра. (*Фролова, Николаева*, 1978. С. 173).

Абрамзон, Фролова, 2008 — *Абрамзон М. Г., Фролова Н. А.* Корпус Боспорских кладов античных монет. Симферополь; Керчь, 2008. Т. I.

Айбабин, 1999 — *Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Анохин, 1986 — *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.

Античные государства... 1984 — Античные государства Северного Причерноморья / Под ред. Г. А. Кошеленко и др. М., 1984 (Археология СССР; Т. 9).

Болгов, 2004 — *Болгов Н.* Между империей и варварами: Финал античности на Боспоре Киммерийском // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ. 2004. Вып. 4.

Винокуров, 1998 — *Винокуров Н. И.* Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М., 1998.

Голенко, 1960 — *Голенко К. В.* Второй патрэйский клад монет // НЭ. 1960. № 1.

Голенко, 1967 — *Голенко К. В.* Клад позднебоспорских монет, найденных в Керчи в 1961 г. // Византийский временник. 1967. Т. 27.

Кругликова, 2000 — *Кругликова И. Т.* Раскопки поселения Андреевка Северная // Древности Боспора. 2000. № 3.

Фролова, 1997 — *Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. — середина IV в. н. э.). М., 1997. Ч. II: Монетное дело Боспора 211–341/342 гг. н. э.

Фролова, 1998 — *Фролова Н. А.* 1998. Проблема континуитета на позднеантичном Боспоре // ВДИ. 1998. № 1.

Фролова, Николаева, 1978 — *Фролова Н. А., Николаева Э. Я.* Ильичевский клад монет 1975 г. // Византийский временник. 1978. Т. 39.

The Hoard of the Bosporan Coins from Andreyevka Severnaya

Krzysztof Jarzęcki

In a private collection in Ukraine there is a hoard of twelve ancient bosporan coins (fig. 1). The coins were found near the village Andreevka Severnaya (Lenine Raion, Crimea) with a metal detector. According to owner of the collection, the hoard at the moment of finding formed a line of the coins.

The hoard consists of one bronze stater of the king Thothorses (285/6–308/9 AD) form the year 594 of the Bosporan Era = 297/8 AD and eleven bronze staters of Rhescuporis V (314/5–342/3 AD) — 611–619 BE (1), 616 BE = 319/20 AD (1), 620 BE = 323/4 AD (3), 621 BE = 324/5 AD (3), 622 BE = 325/6 AD (2), 623 BE = 326/7AD (1). Total weight of the coins is 87,48 gm. The hoard is slightly later than the ancient bosporan settlement Andrevka Severnaya, which fell in the 3rd century AD.

Металлообработка Почепского селища: мастера культур западнобалтского круга и начальный этап стиля варварских выемчатых эмалей

С. В. Воронятов[1]

Памяти старшего товарища и друга —
Владимира Евгеньевича Еременко посвящается

«Слона-то я и не приметил»
«Любопытный», И. А. Крылов

Статья посвящена рассмотрению следов и находок, относящихся к металлобработке постзарубинецкого Почепского селища. Исследование уникального инструмента, найденного на памятнике, позволяет связать его с пластинчатыми вещами круга восточноевропейских выемчатых эмалей. Инструменты, характеризуемые как импортные, свидетельствуют о том, что ювелирную традицию варварских выемчатых эмалей принесли с собой в Поднепровье пришлые мастера. Сделанные наблюдения и приведенные доказательства указывают на правоту тех исследователей, которые считают, что истоки стиля восточноевропейских выемчатых эмалей находятся в Прибалтике.

Ключевые слова: римское время, Среднее Поднепровье, постзарубинецкие памятники, Почепское селище, металлообработка, ювелирный инструмент, мастера, тремоло-орнамент, стиль восточноевропейских выемчатых эмалей, клад, Южная Прибалтика, миграция, культуры западнобалтского круга.

This paper is devoted to discussion of finds concerned with metalworking of the post-Zarubintsy Pochep settlement. Examination of a unique tool found at the site suggests its relation to manufacture of plated objects of the circle of East European champlevй enamelled ornaments. Similar tools, which are considered as imports, indicate that the jewellery tradition of barbarian email champlevй was brought to the Dnieper area by foreign artisans. The observations and arguments here presented confirm the opinion of those researchers who hold that the origins of East European enamelled ornaments must be sought in the Baltic region.

Keywords: Roman period, Middle-Dnieper region, post-Zarubintsy sites, Pochep settlement, metalworking, jeweller's tool, artisans, tremolo-ornamentation, style of East European Champlevй Enamelled Ornaments, hoard, southern Baltic region, migration, cultures of the West Baltic circle.

Почепское селище (вторая половина I — начало II вв. н. э.) — эпонимный памятник (рис. 1, *1*) деснинской постзарубинецкой группы поселений — было открыто брянским археологом Ф. М. Заверняевым в 1952 г. и исследовалось в 1955–1959 гг. (*Заверняев*, 1954. С. 143, 144). Значительная вскрытая площадь селища — 2100 кв. м и представительная серия индивидуальных находок выделяют Почепское селище среди синхронных поселенческих памятников Восточной Европы. Несмотря на то что итоговая работа по результатам исследований была опубликована более 40 лет назад (*Заверняев*, 1969. С. 88–118) и материалы раскопок фигурируют в многочисленных работах, посвященных римскому времени Днепровского региона, информационный потенциал памятника остается в полной мере не исчерпанным. Настоящая работа посвящена

[1] Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.

одному из объектов и уникальным, но пока не оцененным материалам Почепского селища, которые следует связывать с инновационными для территории Днепровского бассейна чертами металлообработки.

Заложив в 1952 г. небольшой раскоп на дюнном всхолмлении в пойме р. Судость, Ф. М. Заверняев вскрыл остатки некоего сооружения (рис. 2) и обнаружил фрагменты грубой лепной и лощеной посуды и различные металлические предметы. Среди находок особо выделялись два глиняных тигля (рис. 3, *1*, *2*). Кроме того, в раскопе было встречено большое количество железных шлаков и капли застывшей бронзы. Об обнаружении интересного памятника в журнале КСИИМК была опубликована заметка (*Заверняев*, 1954. С. 143, 144). С 1955 г. начались планомерные раскопки.

Объект (рис. 2, *А*), открытый на площади раскопа 1952 г., исследователь охарактеризовал как остатки металлообрабатывающей мастерской зарубинецкого времени, сооруженной на месте существовавшей в эпоху бронзы землянки. В итоговых публикациях была дана развернутая характеристика следов сооружения и всех находок, обнаруженных в его заполнении. Кроме упомянутых в первоначальной заметке находок в котловане помещения были найдены: небольшие крицы, фрагменты оплавленной глиняной обмазки с круглым отверстием от сыродутного горна, серповидный нож, обломок серпа, часть бронзового браслета, кусок бронзы и невыразительные костяные орудия. В северной части котлована было обнаружено пятно темно-серых известковых конкреций с частицами древесного угля, которое Ф. М. Заверняев предполо-

Рис. 1. Памятники с находками вещей круга восточноевропейских эмалей и предметов с S-видным орнаментом: *1* — Почепское селище; *2* — Усухский клад; *3* — Глажевский клад; *4* — Мощинский клад; *5* — Межигорский клад; *6* — Жукин; *7* — Басовка; *8* — могильник Гриневичи Вельки; *9* — могильник Нетта; *10* — могильник Швайцария; *11* — могильник Большое Исаково/Lauth; *12* — Сандраусишке.

Fig. 1. Sites with finds of East European enamelled ornaments and objects with S-shaped decorations: *1* — Pochep settlement; *2* — Usukh hoard; *3* — Glazhev hoard; *4* — Moshchina hoard; *5* — Mezhigorsk hoard; *6* — Zhukin; *7* — Basovka; *8* — cemetery of Hryniewicze Wielkie; *9* — cemetery of Netta; *10* — cemetery of Shwaytsariya; *11* — cemetery of Bolshoye Isakovo /Lauth; *12* — Sandrausiške.

Рис. 2. Раскоп 1952 г. на Почепском селище. А — остатки мастерской, Б — котлован землянки, В — зольно-известковое образование (остатки печи) (*Заверняев*, 1960а. Рис. 3).
Условные обозначения: *а* — гумусированный песок; *б* — темно-коричневый песчаный подпочвенный грунт; *в* — углистый песок; *г* — известковые конкреции; *д* — желтый песок.
Fig. 2. Excavation of 1952 at the Pochep settlement. А — remains of a workshop, Б — the pit of a dugout, В — ash and lime concentration (remains of an oven). Notations: *а* — humic sand; *б* — dark brown sandy subsoil layer; *в* — sand with pieces of charcoal; *г* — limy concretions; *д* — yellow sand.

Рис. 3. Находки Почепского селища, связанные с бронзолитейным ремеслом: *1, 2* — фрагменты тиглей; 3, *4* — фрагменты льячек (рисунки автора).
Fig. 3. Finds from the Pochep settlement associated with bronze-casting: *1, 2* — fragments of crucibles; *3, 4* — fragments ladles for molten metal (drawings by the author).

жительно связал с остатками печи (*Заверняев*, 1960а. С. 184; 1960б. С. 181, 182; 1969. С. 100, 101). Более подробно были описаны глиняные тигли и их обломки: «На оплавленной их поверхности заметны квадратные углубления с рубчатыми отпечатками — следы какого-то инструмента (щипцов), которыми тигли извлекались из печи. На одном тигле и на нескольких обломках сохранились застывшие капли бронзы» (*Заверняев*, 1969. С. 100).

В процессе вскрытия площади памятника в последующие годы коллекция находок, относящихся к металлообрабатывающему ремеслу, значительно возросла. Пополнение было не только количественным, но и качественным. В заполнениях котлованов жилых и хозяйственных построек и в ямах каждый полевой сезон обнаруживались довольно редкие предметы[2]. Среди них — фрагменты трех глиняных льячек (рис. 3, *3*, *4*), обломки двух молотков[3] (рис. 4, *2*) и маленькое зубильце для ювелирных работ (рис. 4, *3*) (*Заверняев*, 1956. С. 31; 1957. С. 16, 38; 1958. С. 78; 1959. С. 27; 1969. С. 112, рис. 13, *22*, *28*; *Гопак, Заверняев*, 1981. С. 187, рис. 1, *898*, *897*, *902*). Уникальной находкой является фигурный чекан или пуансон (рис. 4, *4*) (*Заверняев*, 1969. С. 112, рис. 13, *27*; *Гопак, Заверняев*, 1981. С. 187, рис. 1, *896*).

Следует сказать, что положительная динамика в развитии металлопроизводства и металлообработки в постзарубинецкое время отражена не только в материалах Почепского

[2] Пользуюсь случаем поблагодарить сотрудников Брянского Государственного объединенного краеведческого музея Н. Е. Ющенко и Е. А. Чеплянскую за возможность работать с материалами Почепского селища.

[3] В текстах полевых отчетов упоминаются фрагменты трех, а не двух молотков, как в публикации (*Гопак, Заверняев*, 1981. С. 187, рис. 1, *897*, *898*).

Рис. 4. Металлообрабатывающий инструмент Почепского селища: *1* — долотовидный инструмент; *2* — фрагмент молотка; *3* — зубильце; *4* — пуансон (*4* — *Гопак, Заверняев*, 1981. Рис. 1). *1–3* — рисунки автора.
Fig. 4. Metalworking tool from the Pochep settlement: *1* — chisel-like tool; *2* — fragment of a hammer; *3* — small gouge; *4* — puncheon. *1–3* — drawings by the author.

селища. Для этого времени прогресс в металлургическом ремесле более масштабен. Исследованы два постзарубинецких центра производства черного металла: поселок Лютеж в Среднем Поднепровье и памятники Умань I и II в Южнобужском регионе (*Бидзиля, Пачкова*, 1969. С. 51–74; *Пачкова*, 1970. С. 140–151; *Паньков*, 1982. С. 206, 207; *Бидзиля и др.*, 1983. С. 41–48, 61, рис. 7, *3*). По сравнению с классическими зарубинецкими памятниками на постзарубинецких обнаружено значительно больше изделий из железа (*Гопак, Заверняев*, 1981. С. 181–191; *Розанова, Терехова*, 1997. С. 99, табл. 2; *Воронятов, Еременко*, 2013. С. 53), ассортимент которых существенно расширился. На постзарубинецких памятниках найдено небольшое количество высококачественных железных изделий.

Однако материалы Почепского селища выделяются даже на фоне глобальных перемен в железообработке постзарубинецкого периода. Если такие находки, как ювелирное зубильце, тигли и льячки, известны в материалах Лютежского металлургического поселка и Синьковского селища (*Бидзиля, Пачкова*, 1969. С. 71, рис. 11, *19*, *28*; *Амброз*, 1964. С. 64), то молотки и пуансон с Почепского селища являются вещами исключительными. Особенно интересен уникальный железный пуансон с S-видным рабочим торцом (рис. 4, *4*). Функция этого инструмента была

Рис. 5. Пластинчатые гривны стиля восточноевропейских выемчатых эмалей: *1* — Жукин (*Ханенко Б. Н., Ханенко В. И.*, 1907. Табл. XXXI, *538*); *2* — Басовка (*Левада*, 2010. Рис. 10, *6*); *3* — Межигорский клад (*Хойновский*, 1896. Табл. XIX, 855). *1, 2* — без масштаба.
Fig. 5. Lamellar neck-rings in the style of Eastern champlevé enamels: *1* — Zhukin; *2* — Basovka; *3* — Mezhigorsk hoard. *1, 2* — without scale.

определена в специальной работе (*Гопак, Заверняев*, 1981. С. 187). Однако насколько мне удалось проследить в литературе постзарубинецкой и «киевской» тематики, этот предмет не привлекал внимания исследователей, хотя упомянутая выше работа, несомненно, известна и изредка цитируется (*Терпиловский*, 2004. С. 78). Одна из ключевых находок Почепского селища оказалась незамеченной исследователями. Между тем трудно переоценить значение этого инструмента не только для изучения металлообрабатывающего ремесла постзарубинецкой эпохи, но и для более глобальных этнокультурных процессов.

Поскольку такой инструмент, как пуансон, предназначен для оставления следов на металле, в нашем случае — характерного S-видного раппорта орнамента, то логичным будет поискать среди относительно синхронных археологических материалов изделия, декорированные подобным орнаментом. В классических зарубинецких древностях такой элемент отсутствует. На постзарубинецких памятниках Южного Побужья, Среднего Поднепровья и Подесенья его также нет. Но очень близкий S-видный раппорт орнамента неожиданно нашелся на пластинчатых предметах кладов круга восточноевропейских выемчатых эмалей, случайно обнаруженных более 100 лет назад. Речь идет о бронзовых пластинчатых гривнах (венчиках?) (рис. 5, *3*) Межигорского клада из Среднего Поднепровья (*Хойновский*, 1896. С. 167, табл. XIX, *854*, *855*), пластинчатой гривне (рис. 5, *1*) из погребения (?) у с. Жукин Нижнего Подесенья (*Ханенко*, *Ханенко*, 1907. С. 32, табл. XXXI, *538*; *Корзухина*, 1978. С. 43, 71) и об одной из пластинчатых гривен (рис. 5, *2*) из Басовки Сумской области (*Левада*, 2010. С. 568, рис. 10, *6*).

Интересным выглядит описание орнамента на пластинчатой гривне Межигорского клада, опубликованное И. А. Хойновским в 1896 г.: «Часть бронзового пояса, сделанного из бронзовой листовой полосы в 4,9 см ширины, на которой отчеканен обронным способом (re poussèe) орнамент, состоящий: по краям из концентрических кругов и линий, а по середине орнаментированный полосками, составленными из ряда знаков на подобие букв SSS. Перерывы между полосками украшены поперек пояса горошинами, концентрическими кругами и линиями» (*Хойновский*, 1896. С. 167). Каким бы удивительным это ни показалось, но это описание соответствует характеристике пуансона (рис. 4, *4*) с Почепского селища, данной В. Д. Гопаком и Ф. М. Заверняевым 85 лет спустя: «Он представляет собой плавно суживающийся к концу стержень с закругленными гранями. На плоской поверхности рабочего торца выгравирован элемент узора, близкий по форме к латинской букве S. Находки аналогичных инструментов на зарубинецких памятниках нам неизвестны. Чекан, очевидно, был вставлен в деревянную рукоятку и предназначался для оттиска узора на каком-то мягком материале, вероятнее всего, чеканка по медному листу» (*Гопак, Заверняев*, 1981. С. 187, рис. 1, *896*). Для полноты совпадения стоит добавить, что масштаб позитива и негатива S-образного элемента сопоставляемых предметов, судя по фотографиям и рисункам в публикациях, очень близок.

Какие последствия влечет за собой сделанное наблюдение? Прежде всего, следует сформулировать вывод о том, что при изготовлении бронзовых пластинчатых вещей круга варварских выемчатых эмалей использовались инструменты, подобные обнаруженным на постзарубинецком Почепском селище. Более того, объекты и материалы памятника свидетельствуют о том, что на поселении жили и работали квалифицированные мастера (Там же. С. 191), способные осуществить всю цепь технологического процесса изготовления бронзовых пластинчатых украшений.

В нашем распоряжении есть сведения о том, что в одном из сооружений поселения плавили цветной металл (рис. 6, *1*). Также можно с уверенностью говорить о том, что с помощью зубильца и молотка можно было вырубить заготовку необходимой формы из листа цветного металла (рис. 6, *2*). Одна из заключительных операций процесса — нанесение орнамента — также была обеспечена соответствующим инструментом (рис. 6, *3*). Следует еще упомянуть, что на Почепском селище обнаружено большое количество разных по размеру железных стержней (более 20 экз.), которые *a priory* считают шильями (*Заверняев*, 1969. С. 112, рис. 14, *1–15*; *Гопак, Заверняев*, 1981. С. 185). В связи с открывшимися обстоятельствами следует допустить, что некоторые из них могли использоваться

в качестве ювелирного и слесарного инструмента: чертилки и пробойники по металлу, кернеры, канфарники для нанесения орнамента в виде мелких жемчужин или горошин. Среди материалов памятника есть еще инструменты (рис. 4, *1*), которые также могли использовать при металлообработке, но они не имеют современных аналогий и не совсем понятно, как именно они применялись.

Еще одно следствие из сделанного наблюдения заключается в том, что оно с некоторым трудом согласуется с существующей хронологией древностей круга выемчатых эмалей. Самые ранние предметы этого стиля датируются серединой II — второй половиной II в. н. э. (*Гороховский*, 1988. С. 18; *Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 123), современным арсеналом методов датирования эти хронологические построения подтверждаются (*Кренке*, *Румянцева*, 2008. С. 97, рис. 4; *Кренке*, 2011. С. 91). Материалы же Почепского селища относятся к периоду от середины I в. н. э. до первой четверти II в. н. э. Часто этот период растягивают до конца II в. н. э., но, на мой взгляд, это допущение не имеет твердых оснований. Отсутствие перестроек, прослеженное по планиграфии большой площади памятника (*Заверняев*, 1969. Рис. 2, 3, 4), свидетельствует о том, что селище вряд ли просуществовало многим более полувека. Таким образом, наши представления о нижней дате пластинчатых вещей круга выемчатых эмалей в Поднепровье нуждаются в некоторой корректировке.

Основания для того, чтобы сомневаться в нижней дате пластинчатых вещей круга выемчатых эмалей Среднего Поднепровья, дает не только уникальный инструмент Почепского селища. Среди его материалов имеются изделия данного стиля и их фрагменты. Они неброские и никогда не привлекали внимания исследователей, однако имеют прямые аналогии среди предметов убора крупных кладов и отдельных находок круга восточно-

Рис. 6. Некоторые операции технологического процесса изготовления пластинчатых украшений с помощью инструментов Почепского селища: *1* — плавка цветного металла в керамическом тигле; *2* — вырубка заготовки для пластинчатого украшения с помощью зубила и молотка; *3* — нанесение S-видного орнамента с помощью пуансона и молотка (рисунки А. А. Евдокимовой).

Fig. 6. Some operations of the technological process of manufacturing of lamellar ornaments using tools from the Pochep settlement: 1 — melting of a non-ferrous metal in a ceramic crucible; *2* — cutting of a blank for a lamellate ornament using a gouge and a hammer; *3* — applying S-like pattern using a puncheon and a hammer (drawings by A. A. Evdokimova).

Рис. 7. Пластинчатые гривны с декором в виде концентрических кругов и тремоло-орнамента и их фрагменты: *1* — Почепское селище; *2, 5* — могильник Гриневичи Вельки (*Andrzejowski*, 1999, rys. 6, *5*; 9, *4*); *3* — Усухский клад; *4, 6–7* — Троицкое городище (*4* — *Смирнов*, 1974, табл. VI, *12*; *6–7* — *Розенфельдт*, 1982, рис. 13, *9, 11*). *1, 3* — рисунки автора. *4–5* — без масштаба.
Fig. 7. Lamellate neck-rings and their fragments with decoration in the form of concentric circles and tremolo ornamentation: *1* — Pochep settlement; *2, 5* — cemetery of Hryniewicze Wielkie; *3* — Usukh hoard; *4, 6–7* — Troitskoye settlement-site. *1, 3* — drawings by the author. *4–5* — without scale.

европейских выемчатых эмалей. Речь идет о бронзовом фрагменте пластинчатой гривны с декором в виде концентрических кругов и тремоло-орнамента (рис. 7, *1*), об отдельных бронзовых пластинчатых обоймах для некой органической основы (рис. 8, *1–5*) и бронзовой рельефной «шайбе» с точечным орнаментом, вероятно, также входившей в состав какого-то украшения (рис. 8, *10*). Все перечисленные предметы обнаружены в заполнениях остатков жилых или хозяйственных построек Почепского селища, в отдельных случаях вместе с упомянутыми ювелирными инструментами (Там же. С. 118).

Фрагмент пластинчатой гривны (рис. 7, *1*) имеет аналогии среди сломанных пластинчатых гривен (рис. 7, *3*) крупнейшего Усухского клада Суземского района Брянской области, среди предметов Глажевского клада Трубчевского района той же области (*Корзухина*, 1978. С. 72), в кладе медных и серебряных украшений и среди отдельных находок (рис. 7, *4, 6, 7*) Троицкого городища Подмосковья (*Дубынин*, 1964. С. 192, рис. 10, *16*; *Смирнов*, 1974. С. 51, 85, табл. VI, *12*; *Розенфельдт*, 1982. С. 58–60, рис. 13, *6, 9–11*; *Воронятов*, 2012. С. 426, рис. 15, *1*). Аналогичная гривна была также найдена на городище Поречье в Поочье (*Никольская*, 1959. С. 112; рис. 15, *1*). Концентрическими кругами декорирована одна из пластинчатых гривен Мощинского клада Моссальского района Калужской области (*Булычов*, 1899. С. 18, табл. VIII, *6*).

Пластинчатые обоймы (рис. 8, *1–5*) аналогичны более длинным обоймам (рис. 8, *8*) венчика (пояса?) из Мощинского клада (Там же. С. 19, табл. XII, *7*; *Спицын*, 1903. С. 177, 178, рис. 243). Бронзовые рельефные «шайбы» (рис. 8, *9*, *11*), аналогичные найденной на Почепском селище, присутствуют в материалах насыпи вала городища Мощины (*Булычов*, 1899. С. 19, табл. XIV, *5*; *Спицын*, 1903. С. 178, 179, рис. 246) и среди находок с Щербинского городища Подмосковья (*Розенфельдт*, 1982. С. 121, рис. 29, 33).

Перечисленные предметы круга выемчатых эмалей с Почепского селища, вероятно, следует расценивать как малую утерянную часть бытовавших у обитателей поселения украшений и (или) как ювелирный лом.

Следующий вытекающий из сделанных наблюдений вывод касается одного из самых дискуссионных вопросов темы изучения вещей круга восточноевропейских выемчатых эмалей — более чем столетнего вопроса о территории рождения традиций стиля и регионе изготовления конкретных вещей. С начала XX в. существуют два ответа на данный вопрос: Южная Прибалтика (*Moora*, 1934. S. 88–90; 1938. S. 109–113; *Моора*, 1954. С. 21;

Рис. 8. Детали украшений круга восточноевропейских выемчатых эмалей: *1–5, 10* — Почепское селище (*1–5* — рисунки автора; *10* — *Заверняев*, 1969. Рис. 15, *15*); *6, 7* — могильник Гриневичи Вельки (*Andrzejowski*, 1999. Ryc. 3, *11*, 3, *3*); *8* — Мощинский клад (*Булычов*, 1899. Табл. XII); *9* — городище Мощины (*Спицын*, 1903. Рис. 246); *11* — Щербинское городище (*Розенфельдт*, 1982. Рис. 29, *33*). *6–9, 11* — без масштаба.

Fig. 8. Parts of ornaments in the style of Eastern champleve enamels: *1–5, 10* — Pochep settlement; *6–7* — cemetery of Hryniewicze Wielkie; *8* — Moshchina hoard; *9* — settlement-site of Moshchina; *11* — settlement-site of Shcherbinskoye Gorodishche. *6–9, 11* — without scale.

1958. С. 27, 28; *Корзухина*, 1978. С. 58–62; *Ščukin*, 2000. P. 347) и Среднее Поднепровье (*Рыбаков*, 1948. С. 53; *Даниленко*, 1976. С. 85, 86; *Гороховский*, 1982а. С. 136; 1982б. С. 143; *Гороховський*, 1982. С. 35, 36; *Максимов, Терпиловский*, 1993. С. 114 и др.[4]).

Отсутствие следов производства бронзовых предметов с эмалью и без при наличии большого количества находок в Прибалтике и в Среднем Поднепровье не позволяло уверенно решить проблему. Г. Ф. Корзухина отмечала ограниченность сведений о ювелирном производстве в Днепровском регионе (*Корзухина*, 1978. С. 61, 62). Е. Л. Гороховский в одной из своих статей сетовал на то, что недостаточное изучение культуры Среднего Поднепровья II в. н. э. не дает возможности судить о существовании местного бронзолитейного производства и стекловарения (*Гороховський*, 1982. С. 34).

Рассматриваемые материалы Почепского селища, на мой взгляд, дают исследователям очень важную зацепку и столь необходимый вектор поиска, способные повлиять на решение вопроса о территории рождения стиля выемчатых эмалей и регионе их производства.

Приведенные доказательства существования на Почепском селище производства, по крайней мере пластинчатых украшений круга выемчатых эмалей, дают утвердительный ответ на вопрос о месте возникновения одной из составляющих данного стиля и регионе производства. Но он не так однозначен, как может показаться. Дело в том, что металлографические характеристики упомянутых металлообрабатывающих инструментов Почепского селища вносят интересные и важные коррективы в найденное решение. В. Д. Гопак

[4] Более подробную историографию проблемы смотри в работах И. В. Зиньковской (2011а; 2011б).

и Ф. М. Заверняев в специальном исследовании многочисленных железных изделий, обнаруженных на памятнике, пришли к следующим выводам: 1) несмотря на большое число находок железных изделий, уровень развития железообработки был сравнительно невысоким; 2) низкокачественная продукция местных металлургов была изготовлена из кричного железа, полученного из одного исходного сырья при близких технологических параметрах металлургического процесса; 3) местные металлурги, скорее всего, еще не умели получать сталь; 4) в числе высококачественных цельножелезных предметов и орудий, выполненных с выделяющейся на фоне массы железных изделий технологией применения стали, оказались три ножа, игла, пинцет, зубильце и пуансон. Лишь в отношении этих предметов можно с уверенностью говорить о наличии функциональной, т. е. связанной с улучшением рабочих характеристик изделия, сварке железа со сталью и термической обработке; 5) немногочисленные высококачественные стальные и некоторые цельножелезные изделия являются импортными и поступили в Деснинский регион извне (*Гопак, Заверняев*, 1981. С. 187, 190, 191).

В одной из недавних работ мы предполагали, что расширение ассортимента постзарубинецких железных изделий и повышение качества некоторых из них произошло из-за интенсификации занятий металлургией, вызванной необходимостью выплаты дани алано-сарматам металлургическим сырьем (*Воронятов, Еременко*, 2013. С. 58). Следует признать, что ситуация оказывается куда более сложной, и, помимо южного алано-сарматского фактора, на прогресс в металлопроизводстве и металлообработке существенно влияло и появление в Днепровском регионе высококачественного импортного инструмента.

Приведенные обстоятельства позволяют выдвинуть гипотезу о месте зарождения одной составляющей стиля варварских выемчатых эмалей и месте производства, которая, возможно, способна примирить два старых взаимоисключающих мнения о прибалтийских и среднеднепровских истоках данной ювелирной традиции: *Вещи круга восточноевропейских выемчатых эмалей уже на раннем этапе существования стиля изготовлялись и в Прибалтике, и в Поднепровье, но на территорию Днепровского региона традиции и технологии стиля принесены извне*.

Металлообрабатывающий инструмент для столь древней эпохи, как римское время, является очень важной компонентой материальной культуры. Предполагать, как это делают В. Д. Гопак и Ф. М. Заверняев, что в это время можно было купить или обменять специализированный ювелирный инструмент, было бы ошибкой. Уровень технологического производства и торговли на территории Среднего Поднепровья в I в. н. э. вряд ли позволял приобретать металлообрабатывающий инструмент. Попасть на данную территорию он, вероятно, мог только вместе с владельцами, т. е. с профессиональными мастерами.

Е. Л. Гороховский в одной из своих работ приходит к «заключению об усвоении среднеднепровскими мастерами техники выемчатой эмали и форм изделий, известных им по римским импортам уже во второй половине II в. н. э.». В этот период, пишет автор, возникают ранние формы эмалей, эпизодически проникающие в Прибалтику и найденные там в комплексах второй половины II — первой половины III в. (*Гороховский*, 1982а. С. 126). Сделанные наблюдения позволяют усомниться в процитированном заключении. Похоже, следует говорить не об усвоении среднеднепровскими мастерами ювелирной техники по римским образцам, а о появлении в Среднем Поднепровье пришлых мастеров, и не во второй половине II в. н. э., а несколько раньше. Эти мастера еще не владели техникой выемчатой эмали, но уже умели изготовлять пластинчатые украшения, которые позже стали неотъемлемой составляющей развитого стиля варварских выемчатых эмалей.

Откуда и при каких обстоятельствах могли появиться мастера, принесшие с собой черты технологии, оформившей целую эпоху материальной культуры огромной территории Днепро-Окского региона? Ответить на этот вопрос, на мой взгляд, можно, обратившись к импортным предметам Почепского селища и всего Днепровского региона, появившимся на данной территории в середине — второй половине I в. н. э.

Кроме южных алано-сарматских импортов (*Воронятов*, 2008. С. 352) на Почепском селище обнаружено два предмета североевропейского происхождения. Маркоманская пряжка

I в. н. э. и уже упомянутый пинцет. Пряжка типа 14 группы А по классификации Р. Мадыды-Легутко имеет аналогии в Повисленье (Golebiewo Wielkie, Rządz) и на территории среднего течения Варты (Wesółki) (*Madyda-Legutko*, 1986. S. 7, 211, Taf. 2, Typ 14, Karte 5, *477*, *711*, *780*). Наиболее близкие аналогии почепскому пинцету также находятся на территории культур западнобалтского круга.

Одной же из самых заметных и характерных инновационных черт материальной культуры Поднепровья второй половины I в. н. э. являются поздние глазчатые фибулы основной и прусской серий. Первые небольшие сводки появившихся с запада в середине I в. н. э. фибул были сделаны еще в 60-е гг. XX в. (*Амброз*, 1966. С. 35, 36, табл. 6, *20, 21*; *Сымонович*, 1973. С. 24, рис. 9, *1–3*). С тех пор их количество существенно возросло (*Горюнова*, 2004. С. 48, рис. 5, *1*; Археалогія… 2009. Т. 1, с. 194; Т. 2, с. 114). Появилась новая сводка находок (*Кропотов*, 2010. С. 329–331). Следует упомянуть, что к находке фибулы основной серии на селище Синьково Брянской области (*Амброз*, 1964. С. 63, 64, рис. 7, *15*) добавилась находка обломка глазчатой фибулы прусской серии из раскопок селища Курово-6 в Погарском районе той же области[5]. Оба памятника культурно и территориально близки Почепскому селищу и расположены в долине одной реки — Судости.

Объяснение причин появления глазчатых фибул на территории бассейнов Среднего и Верхнего Днепра и Южного Буга в свое время изложил М. Б. Щукин. В своей программной статье «Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования» исследователь выстроил цепочку взаимосвязанных этнокультурных изменений на протяженной территории от Прибалтики до Поднепровья. Регионом начала бурных событий, развивавшихся по принципу «домино», М. Б. Щукин определил территорию Польского Поморья, где в 20-х гг. I в. н. э. был запущен процесс образования вельбаркской культуры. За этим событием, по мнению исследователя, могли последовать перемещения носителей пшеворской культуры, смещение части оксывско-вельбаркского населения из низовьев Вислы к востоку, появление курганов, близких западнобалтским в Центральной Литве, революционные процессы в культуре штрихованной керамики и, наконец, распространение глазчатых фибул на актуальной для нас территории бассейна Днепра (*Щукин*, 1986. С. 31; 1987. С. 109, 110; 1998. С. 204).

М. Б. Щукин, начиная с середины 1980-х гг., в большинстве своих работ, касающихся Южной Прибалтики и Поднепровья, акцентировал внимание на распространении поздних глазчатых фибул в Днепровском регионе «какими-то группами выходцев из Прибалтики» (*Щукин*, 1994а. С. 282; 1994б. С. 115; 1998, С. 202; 2005. С. 70; *Ščukin*, 2000. P. 345, 346 и др.).

Именно в этих группах мигрантов из культур западнобалтского круга могли присутствовать мастера, обладавшие навыками раннего этапа стиля восточноевропейских выемчатых эмалей. Находки глазчатых фибул могут маркировать маршрут миграции из Прибалтики, который, по мнению М. Б. Щукина, пролегал через территорию современной Белоруссии.

Особо значимым пунктом на пути реконструируемой миграции является памятник Гриневичи-Вельки в Подлясье (рис. 1, *8*), который точно и удачно определен Я. Анджеевским как долговременный могильник на пограничье двух миров. Кроме того, что в погребениях № 13, 25, 43 были обнаружены глазчатые фибулы и их обломки, следует акцентировать внимание на том, что в погребении № 14 был обнаружен фрагмент пластинчатой гривны, декорированный концентрическими кругами и строчками тремоло-орнамента (рис. 7, *5*). Фрагменты грибовидных окончаний (рис. 7, *2*), возможно, от таких же гривен, обнаружены в погребениях № 28 и 43. Среди инвентаря погребений № 14, 24, 25, 28 найдены бронзовые пластинчатые обоймы (рис. 8, *6*, *7*) и бронзовые спиральки (*Szmit*, 1922. S. 111–119; *Andrzejowski*, 1999. S. 20–40, rys. 3, 6, 8), которые в значительном количестве фигурируют в Усухском, Мощинском кладах и Жукинском комплексе. Интересны маленькие керамические, очень похожие на тигли, сосудики-приставки из погребения № 13 (*Andrzejowski*, 1999. S. 21, rys. 4, *3*, *4*). В этом же погребении обнаружен некий сильно заржавевший шиловидный

[5] Благодарю В. Н. Гурьянова за сообщение о находке фрагмента фибулы.

Рис. 9. Аналогии S-видному орнаменту на предметах римского времени культур западнобалтского круга: *1, 4* — могильник Нетта (*Bitner-Wróblewska*, 2007. Pl. XXX, *16*; LXXII, *19*); *2* — могильник Швайцария (*Jaskanis*, 2013. Tab. CLXVI, *1*); *3, 5* — могильник Большое Исаково/Lauth (*Skvorzov*, 2007. Taf. 26, *7*; 66, *35*). *4, 5* — без масштаба.

Fig. 9. Parallels of S-shaped design on objects from cultures of the West-Baltic circle of the Roman period: *1, 4* — cemetery of Netta; *2* — cemetery of Shwaytsariya; *3, 5* — cemetery of Bolshoye Isakovo / Lauth. *4, 5* — without scale.

инструмент, который, возможно, использовался при ювелирных работах. Не является ли кремация № 13 погребением мастера-литейщика!? Кроме того, среди случайных находок на площади могильника присутствует пластинчатая лунница раннего этапа стиля восточноевропейских выемчатых эмалей (*Ibid*. S. 30, rys. 9, *6*).

Еще одним важным пунктом является широко известный комплекс погребения 6 кургана 11 могильника Сандраусишке на территории Литвы (рис. 1, *12*). Кроме двух бронзовых браслетов в комплексе присутствуют две глазчатые фибулы и пластинчатая гривна, декорированная разнообразным орнаментом, среди элементов которого большое количество концентрических кругов (*Гей, Бажан,* 1993. С. 56, рис. 3, *а*; *Ščukin*, 2000. P. 347, fig. 5).

Упомянутый тремоло-орнамент на фрагменте пластинчатой гривны играет особую роль в реконструируемой миграции западнобалтских мастеров. Этот специфический вид орнамента, наносимый на металл с помощью штихеля со специальной режущей кромкой[6], до распада классической зарубинецкой культуры на территории к востоку от Западного Буга встречается очень редко. Р. С. Минасян в своей монографии, ссылаясь на заметку Ф. М. Заверняева (*Заверняев*, 1970. С. 22–25, рис. 2), отмечает, что тремоло-орнамент бытовал в зарубинецкой культуре (*Минасян*, 2014), под которой, конечно, подразумевается культура постзарубинецкого Почепского селища.

Тремоло-орнамент — один из стилеобразующих признаков ювелирной традиции восточноевропейских выемчатых эмалей. В Днепровском регионе он появляется на заметном количестве предметов, судя по всему, вместе с глазчатыми фибулами с территории Южной Прибалтики, где он бытует в раннеримское время не только в культурах западнобалтского круга, но и в пшеворской и вельбаркской (*Juga*, 2003. Taf. I, 33, 67; *Szymański*, 2007. S. 171, tabl. VI, 4; *Andrzejowski*, 1998. S. 25, taf. XXVIII, 40, *3*, *4*; *Jaskanis,* 1996. S. 67, 68, taf. LXI, 500, *1*; LXII, *2*, *4*; *Kontny, Natuniewicz-Sekuła*, 2011. S. 280, rys. 2; *Natuniewicz-Sekuła*, *Okulicz-Kozarin*, 2011. Pl. LXIX, *2*, CXCV, *2* и др.).

В Южной Прибалтике и в Поднепровье тремоло-орнамент часто коррелирует на изделиях с концентрическими кругами различного размера. Сочетание хорошо представлено не только на пластинчатых гривнах и их фрагментах в материалах Почепского селища, могильника Гриневичи Вельки, Усухского и Троицкого кладов (рис. 7, *1, 3–7*), но и в комплексе из Жукина. Сужающийся пластинчатый щиток жукинской фибулы орнаментирован концентрическими кругами, рельефными линиями и строчками тремоло-орнамента (*Ханенко, Ханенко*, 1907. С. 32, 33, табл. XXXI, *537*). На территории Юго-Восточной Польши это сочетание фиксируется на глазчатых и других фибулах, на поясной гарнитуре (*Dąbrowska*, 1997. S. 23, taf. XXXIV, *2*; *Andrzejowski*, 1998, S. 25, Taf. XXVIII, 40, *3*, *4*; *Jaskanis,* 1996. S. 67, 68, Taf. LXII, *4* и др.).

В заключение рассмотрим также некоторые прибалтийские аналогии S-видному орнаменту на бронзовых пластинчатых украшениях из Среднего Поднепровья. Пуансон с S-видным рабочим торцом, близкий почепскому, использовался при нанесении орнамента на серебряную пластинчатую деталь оковки рога для питья (рис. 9, *4*), обнаруженную в погребении № 57 (ступень C3-D) кургана № 1 балтского могильника Нетта в Северо-Восточной Польше (рис. 1, *9*) (*Bitner-Wróblewska*, 2007. S. 22, pl. XXX, *16*, pl. CXXV, *1*, *2*). Таким же пуансоном орнаментирован клинок ножа (рис. 9, *1*) из погребения 138B (ступень C1b-C2) того же могильника (*Ibid*. S. 37, pl. LXXII, *19*).

S-видный раппорт орнамента используется в оформлении обоймы бронзовой пряжки (рис. 9, *2*) из погребения в кургане № 27 могильника так называемой судавской культуры Швайцария в Северо-Восточной Польше (рис. 1, *10*) (*Jaskanis*, 2013. S. 94, 95, tabl. CLXVI, *1*).

Небольшая серия железных ножей (рис. 9, *5*) из погребений могильника Большое Исаково / Lauth в Калининграде (рис. 1, *11*) украшена S-видным орнаментом по верхнему краю клинка (*Skvorzov*, 2007. S. 122, 127, 142, Taf. 15, *18*, *19*, 28, *6,* 67, *1*). S-видный мотив присутствует на бронзовом пластинчатом на-

[6] Пользуюсь случаем поблагодарить Р. С. Минасяна за многочисленные консультации по вопросам древней металлообработки.

конечнике ремня (рис. 9, *3*) из погребения L-53 (ступень C1b/C2) того же могильника (*Ibid*. S. 142, 212, Taf. 66, *35*, *39*).

Приведенные аналогии существовали в Южной Прибалтике синхронно с развитым стилем восточноевропейских выемчатых эмалей.

Подводя итог исследованию, необходимо сказать, что сумма сделанных наблюдений, на мой взгляд, обозначает направление для разрешения давнего спора по вопросу поиска истоков стиля восточноевропейских выемчатых эмалей. Но вместе с тем она вызывает новые вопросы, ответить на которые подробно и обоснованно я надеюсь в будущих работах. Одним из таких вопросов является наметившаяся особенность раннего этапа стиля варварских выемчатых эмалей, заключающаяся в том, что данному этапу несвойственно производство и бытование украшений именно с эмалью. Судя по отсутствию находок и следов производства вещей с эмалью на Почепском селище, отсутствию эмалевых украшений в погребениях могильника Гриневичи-Вельки и в комплексе предметов из Жукина, в ювелирной традиции стиля выемчатых эмалей и в Прибалтике, и в Поднепровье существовал ранний безэмалевый период. Уточнение его хронологических границ — важная задача ближайшего будущего. Насущной необходимостью также являются: четкое и развернутое оформление перечня признаков прибалтийской миграции в Среднее Поднепровье в I в. н. э.; определение роли данной миграции в финале полесского и верхнеднепровского вариантов классической зарубинецкой культуры и формировании постзарубинецких культурно-хронологических горизонтов.

Амброз, 1964 — *Амброз А. К.* К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. // СА. 1964. № 1.

Амброз, 1966 — *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР. М., 1966 (САИ; Вып. Д1–30).

Археалогія... 2009 — Археалогія Беларусі: Энцыклапедыя ў двух тамах. Мінск, 2009. Т. 1, 2.

Бидзиля и др., 1983 — *Бидзиля В. И., Вознесенская Г. А., Недопако Д. П., Паньков С. В.* История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н. э. — III в. н. э.). Киев, 1983.

Бидзиля, Пачкова, 1969 — *Бидзиля В. И., Пачкова С. П.* Зарубинецкое поселение у с. Лютеж // Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье. Л., 1969 (МИА; № 160).

Булычов, 1899 — *Булычов Н. И.* Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.

Воронятов, 2008 — *Воронятов С. В.* Ромб с крючками — сарматский след // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2008. Вып. I.

Воронятов, 2012 — *Воронятов С. В.* О проблеме появления сарматских тамг и антропоморфных изображений в ареалах позднедьяковской и мощинской культур // РАЕ. 2012. № 2.

Воронятов, Еременко, 2013 — *Воронятов С. В., Еременко В. Е.* «Плавильщики» царя Фарзоя» // Варварский мир Северопонтийских земель в сарматскую эпоху. Киев, 2013.

Гей, Бажан, 1993 — *Гей О. А., Бажан И. А.* Захоронение с комплексом вещей круга эмалей на Нижнем Днепре // ПАВ. 1993. Вып. 3.

Гопак, Заверняев, 1981 — *Гопак В. Д., Заверняев Ф. М.* Железные изделия Почепского селища // СА. 1981. № 1.

Гороховский, 1982а — *Гороховский Е. Л.* Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982.

Гороховский, 1982б — *Гороховский Е. Л.* О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев, 1982.

Гороховский, 1988 — *Гороховский Е. Л.* Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н. э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: Авт. дис. ... к. ист. н. Киев, 1988.

Гороховський, 1982 — *Гороховський Е. Л.* Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виїмчастою емаллю // Археологія. Київ, 1982. № 38.

Горюнова, 2004 — *Горюнова В. М.* Поселение Картамышево II (постзарубинецкая эпоха на Верхнем Псле) // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб., 2004.

Даниленко, 1976 — *Даниленко В. Н.* Пізньозарубинецьки пам'ятки київського типу // Археологія. Київ, 1976. № 19.

Дубынин, 1964 — *Дубынин А. Ф.* Троицкое городище Подмосковья // СА. 1964. № 1.

Заверняев, 1954 — *Заверняев Ф. М.* Археологические находки возле города Почепа // КСИИМК. 1954. № 53.

Заверняев, 1956 — *Заверняев Ф. М.* Отчет об археологических исследованиях в бассейне

реки Судость в 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1, д. № 1237.

Заверняев, 1957 — *Заверняев Ф. М.* Отчет об археологических исследованиях в бассейне реки Судость в сезон 1957 г. // Архив ИА РАН. Р-1, д. № 1439.

Заверняев, 1958 — *Заверняев Ф. М.* Отчет об археологических исследованиях Брянского краеведческого музея в 1958 г. // Архив ИА РАН. Р-1, д. № 1731.

Заверняев, 1959 — *Заверняев Ф. М.* Отчет об археологических исследованиях Брянского областного краеведческого музея, проведенных в 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1, д. № 1881.

Заверняев, 1960а — *Заверняев Ф. М.* Селища бассейна р. Судости // СА. 1960. № 3.

Заверняев, 1960б — *Заверняев Ф. М.* Почепское селище первых веков нашей эры // СА. 1960. № 4.

Заверняев, 1969 — *Заверняев Ф. М.* Почепское селище // Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье. Л., 1969 (МИА; № 160).

Заверняев, 1970 — *Заверняев Ф. М.* Зарубинецкие памятники Верхнего Подесенья // Древние славяне и их соседи. М., 1970 (МИА; № 176).

Зиньковская, 2011а — *Зиньковская И. В.* Новые находки украшений круга выемчатых эмалей в Верхнем Подонье // АВ. 2011. № 17.

Зиньковская, 2011б — *Зиньковская И. В.* О новом ареале украшений круга выемчатых эмалей // РА. 2011. № 2.

Корзухина, 1978 — *Корзухина Г. Ф.* Предметы убора с выемчатыми эмалями V — первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л., 1978 (САИ; Вып. Е 1–43).

Кренке, 2011 — *Кренке Н. А.* «Сарматский след» в Подмосковье и особенности позднедьяковского культового комплекса // *Кренке Н. А.* Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвареки в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. М., 2011.

Кренке, Румянцева, 2008 — *Кренке Н. А., Румянцева О. С.* Стеклянные бусы Дьякова городища // РА. 2008. № 2.

Кропотов, 2010 — *Кропотов В. В.* Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010.

Левада, 2010 — *Левада М. Е.* Сухоносивка // Terra Barbarica. Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina. Łódź; Warszawa, 2010. T. II.

Максимов, Терпиловский, 1993 — *Максимов Е. В., Терпиловский Р. В.* Киевская культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. М., 1993 (Археология СССР).

Минасян, 2014 — *Минасян Р. С.* Металлообработка в древности и средневековье. СПб., 2014

Моора, 1954 — *Моора Х. А.* Археологические памятники I — IV вв. в Прибалтике // КСИИМК. 1954. Вып. 53.

Моора, 1958 — *Моора Х. А.* О древней территории расселения балтийских племен // СА. 1958. № 2.

Никольская, 1959 — *Никольская Т. Н.* Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н. э. М., 1959 (МИА; № 72).

Обломский, Терпиловский, 2007 — *Обломский А. М., Терпиловский Р. В.* Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (Дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III — начало V в. н. э.). М., 2007. (РСМ; 10).

Паньков, 1982 — *Паньков С. В.* О развитии черной металлургии на территории Украины в конце I тысячелетия до н. э. — первой половины I тысячелетия н. э. // СА. 1982. № 4.

Пачкова, 1970 — *Пачкова С. П.* Металлургический центр зарубинецкой культуры у села Лютеж // СА. 1970. № 1.

Розанова, Терехова, 1997 — *Розанова Л. С., Терехова И. Н.* Характеристика железообрабатывающего производства в лесостепной зоне // *Н. Н. Терехова, Л. С. Розанова, В. И. Завьялов, М. М. Толмачева.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997.

Розенфельдт, 1982 — *Розенфельдт И. Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья. М., 1982.

Рыбаков, 1948 — *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.

Смирнов, 1974 — *Смирнов К. А.* Дьяковская культура (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974.

Спицын, 1903 — *Спицын А.* Предметы с выемчатой эмалью // ЗРАО. 1903. Т. V, вып. 1.

Сымонович, 1973 — *Сымонович Э. А.* Древности Скандинавии и Прибалтики на территории культур полей погребений // Железный век Восточной Европы. М., 1973 (КСИА; 133).

Терпиловский, 2004 — *Терпиловский Р. В.* Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. Lublin, 2004.

Ханенко, Ханенко, 1907 — *Ханенко Б. Н., Ханенко В. И.* Древности Приднепровья и побережья Черного моря. Собрание Б. Н. и В. И. Ханенко. Киев, 1907. Вып. VI.

Хойновский, 1896 — *Хойновский И. А.* Археологические сведения о предках славян и Руси и опись древностей, собранных мною, с объяснениями и XX таблицами рисунков. Киев, 1896. Вып. I.

Щукин, 1986 — *Щукин М. Б.* Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.

Щукин, 1987 — *Щукин М. Б.* О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути // АСГЭ. 1987. № 28.

Щукин, 1994а — *Щукин М. Б.* На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.

Щукин, 1994б — *Щукин М. Б.* Некоторые замечания о хронологии городищ культуры штрихованной керамики // ПАВ. 1994. Вып. 9.

Щукин, 1998 — *Щукин М. Б.* Янтарный путь и венеды // Проблемы археологии. СПб., 1998. Вып. 4.

Щукин, 2005 — *Щукин М. Б.* Готский путь. Готы, Рим и Черняховская культура. СПб., 2005.

Andrzejowski, 1998 — *Andrzejowski J.* Nadkole 2. A Cemetery of the Przeworsk Culture in Easten Poland. Kraków, 1998 (MAB; T. V).

Andrzejowski, 1999 — *Andrzejowski J.* Hrzniewicze Wielkie — cmentarzysko z pogranicza dwóch światów // COMHLAN. Studia z archeologii okresu przedrzymskiego i rzymskiego w Europie Środkowej dedykowane Teresie Dąbrowskiej w 65. rocznięe urodzin. Warszawa, 1999.

Bitner-Wróblewska, 2007 — *Bitner-Wryblewska A.* Netta. A Balt Cemetery in Northeastern Poland. Warszawa, 2007 (MAB; T. XII).

Dąbrowska, 1997 — *Dąbrowska T.* Kamieńczyk. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Ostmasowien. Kraków, 1997 (MAB; T. III).

Jaskanis, 1996 — *Jaskanis J.* Cecele. Ein Gräberfeld der Wielbark-Kultur in Ostpolen. Kraków, 1996 (MAB; T. II).

Jaskanis, 2013 — *Jaskanis J.* Szwajcaria. Cmentarzysko baltyjiskie kultury sudowskiej w północnowschodniej Polsce. Warszawa, 2013.

Juga, 2003 — *Juga A.* Rollenkopfnadel des Typs Beckmann A im westbaltischen Kulturkreis // Archaeologia Lituana. Vilnius, 2003. No 4.

Kontny, Natuniewicz-Sekuła, 2011 — *Kontny B. Natuniewicz-Sekuła M.* Weklice, st. 7, woj. Warmińsko-Mazurskie. Badania w roku 2009. (Pl.150) // Światowit. Rocznik Instytutu archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 2011. T. VIII (XLIX) (2009–2010).

Madyda-Legutko, 1986 — *Madyda-Legutko R.* Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford, 1986 (BAR International Series; 360).

Moora, 1934 — *Moora H.* Zur Frage nach Herkuft des ostbaltischen emailverzierten Schmucks // SMYA. 1934. T. 40.

Moora, 1938 — *Moora H.* Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. Teil II: Analyse. Tartu, 1938.

Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozarin, 2011 — *Natuniewicz-Sekuła M., Okulicz-Kozarin J.* Weklice. A Cemetery of Wielbark Culture on the Eastern margin of Vistula Delta (Excavations 1984–2004). Warszawa, 2011 (MAB; T. XVII).

Ščukin, 2000 — *Ščukin M.* Three ways of the contacts between the Baltic and the Black Sea littorals in the Roman Period // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Łódź, 2000.

Skvorzov, 2007 — *Skvorzov K.* Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Boľšoe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus den Grabungen 1998 und 1999 // Offa. 2007. No 61/62, 2004/05.

Szmit, 1922 — *Szmit Z.* Sprawozdanie z poszukiwań archeologicznych w Hryniewiczach Wiekich koło Bielska Podlaskiego // WA. 1922. T. VII.

Szymański, 2007 — *Szymański P.* Stan badań nad osiedlami kultury bogaczewskiej // Kultura bogaczewska w 20 lat później. Warszawa, 2007.

Metalworking at the Pochep settlement: jewellery in cultures of the West Baltic circle and the initial evolution of the style of East European Enamelled Ornaments

S. V. Voroniatov

At the post-Zarubintsy Pochep settlement (second half of the 1st — early 2nd century AD) (Fig. 1, *1*) excavated in the 1950s, were found remains of a bronze-casting workshop (Fig. 2, *A, 3*) and rare metalworking tools (Fig. 4, *2–4*). Among the latter, a unique find is represented by an iron puncheon with an S-shaped working butt (Fig. 4, *4*). For a long time these important finds have not attracted proper attention of researchers. In the present article, the ties between the metalworking at the Pochep settlement and the style of East European Enamelled Ornaments are discussed (Fig. 5, *7, 8*). It is exactly the lamellar ornaments in the latter style (Fig. 5, *1–3*) that demonstrate imprints similar to those which the puncheon found in the Pochep settlement would have left. The technological parameters of the jewellery tools (Figs. 4, *3, 4*) attest that these instruments were imported to the Dnieper region, therefore they presumably came there together with the artisans — natives of cultures of the west Baltic circle. The foreign masters can have come to the Dnieper owing to the migration of groups of Baltic people in the 1st century AD as it was reconstructed by M. B. Shchukin on the basis of late eye brooches from the Dnieper region. The present study adds a weighty argument for the hypothesis that the origins of East European Enamelled Ornaments were in the southern Baltic region.

Три костяных псалия из Прикубанья в коллекции Эрмитажа

Т. В. Рябкова[1]

Работа является первой публикацией псалиев из коллекции Государственного Эрмитажа, поступивших из склада древностей ГАИМК в 1926 и 1934 гг. Несмотря на то что это беспаспортные предметы, анализ их конструктивных признаков и декора позволил установить, что их происхождение может быть связано с Кубанью. Один из них (инв. № ГЭ 2534/42) относится к типу редких подражаний трехмуфтовым псалиям с орнаментом в виде линий на муфтах, бытовавших в конце VIII — первой половине VII в. до н. э. Два других (инв. № ГЭ 2533/1, 2) относятся к числу редких для Закубанья роговых псалиев с зооморфно оформленными концами и могут быть датированы второй половиной VII в. до н. э.

Ключевые слова: псалии, предскифский и раннескифский период, миграции кочевников, Закубанье, Уашхиту, Келермес, звериный стиль, мотив головы хищной птицы, зооморфный декор концов псалиев.

This paper is the first publication of the cheek-pieces from the collection of the State Hermitage obtained from the Depot of Antiquities of the State Academy of the History of Material Culture (GAIMK) in 1926 and 1934. Notwithstanding the fact that these objects are undocumented, analysis of their design and decoration has enabled us to define that their findspot may have been in the Kuban River region. One of the objects (Inv. № ГЭ 2534/42) belongs to the rare type of imitations of the three-hole cheek-pieces decorated with a pattern of lines on the sleeves. This type was in use in the late 8th to first half of the 7th century BC. Two other examples (Inv. № . ГЭ 2533/1, 2) are fairly uncommon throughout the Trans-Kuban area. These are antler cheek-pieces with zoomorphic ends. They are dating presumably from the second half of the 7th century BC.

Keywords: Cheek-pieces, pre-Scythian and early Scythian period, nomadic migrations, Trans-Kuban region, Uashkhitu, Kelermes, animal style, motif of the head of a bird of prey, zoomorphic decoration of the ends of cheek-pieces.

В фондовой коллекции Государственного Эрмитажа «Памятники Прикубанья» хранятся предметы из кости и рога, являющиеся фрагментами архаических кочевнических псалиев (рис. 1). Два псалия поступили в Эрмитаж из ГАИМК по акту от 05.06.1926 г., а один — по акту от 17.04.1934 г. Все три были внесены в инвентарную книгу КУ (Кубань) под коллекционными номерами КУ 1914 7/3, 4 и КУП 1934 2/42. В 1981 г. при реинвентаризации коллекции псалии были перешифрованы и ныне хранятся под инв. № 2533/1, 2 — фрагменты трехдырчатых псалиев (рис. 1, *2, 3, 5, 6*) и № 2534/42 — обломок предмета призматического, с двумя отверстиями, резным орнаментом и изображением голов хищных птиц (рис. 1, *1, 4*). Необходимо отметить, что в описи к акту передачи из бывшей коллекции склада древностей ГАИМК последний предмет фигурировал как «обломок псалия костяного с резьбой в виде голов птиц». Место находки двух трехдырчатых псалиев (рис. 1, *2–3, 5, 6*) с Прикубаньем связывается условно: несмотря на то что в инвентарных книгах сохраняется запись об их покупке у Роленко на Кубани в 1914 г., в описи вещей, переданных в Эрмитаж в 1926 г., данные о покупке у Роленко были зачеркнуты. В отчете Археологической комиссии за 1914 г. среди случайных находок и приобретений они не значатся (ОАК за 1913–1915 гг., 1918. С. 207–208). Происхождение обломка костяного псалия

[1] Россия, 190000, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 34. Государственный Эрмитаж. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.

с резьбой в виде голов птиц (рис. 1, *1, 4*) вообще не установлено — об этом есть отметка в инвентарной книге, где записано, что это предмет неизвестного происхождения, и в описях бывшей коллекции склада древностей ГАИМК он не значится. Вероятно, именно из-за неустановленного происхождения эти псалии никогда ранее не были опубликованы, хотя сами по себе чрезвычайно интересны, и детальный анализ может помочь в их атрибуции.

1. Псалий с орнаментом на муфтах (№ 2534/42).

Обломок псалия с резьбой представляет собой округлый в сечении, слабо изогнутый стержень (длина 6,6 см, диаметр — 1, 8 см) (рис. 1, *1, 4*), выполненный из кости животного. На нем сохранились два просверленных насквозь равных по величине круглых отверстия (диаметр 0,7 см), третье, вероятно, было на отломившейся части. Все отверстия находились в одной плоскости. Расстояние между двумя сохранившимися (1,3 см) показывает, что отверстия были смещены к центру стержня. Следы бронзовых окислов, хорошо заметные на поверхности псалия между двумя сохранившимися отверстиями, свидетельствуют о том, что в этом месте крепились бронзовые удила. На вогнутой средней части псалия под отверстиями рельефом переданы квадратные муфтообразные выступы, орна-

Рис. 1. Псалии из коллекции Государственного Эрмитажа: *1, 4* — ГЭ, инв. № 2534/42; *2, 5* — ГЭ, инв. № 2533/2; *3, 6* — ГЭ, инв. № 2533/1. Фото и прорисовки.

Fig. 1. Cheek-pieces from the State Hermitage collection: *1, 4* — State Hermitage, Inv. № 2534/42; *2, 5* –State Hermitage, Inv. № 2533/2; *3, 6* — State Hermitage, Inv. № 2533/1. Photo and detailed drawings.

ментированные врезными вертикальными полосами. Сохранившаяся часть стержня украшена изображениями голов хищных птиц с массивным загнутым клювом и выступающим над контуром головы большим глазом с углубленным зрачком. Окончания псалия утрачены. Имеющихся данных тем не менее достаточно для того, чтобы определить этот псалий как стержневидный трехдырчатый, с одинаковыми отверстиями в одной плоскости и зооморфно оформленной частью стержня.

Стержневидные трехдырчатые псалии с равными по величине отверстиями в одной плоскости, выполненные из рога и кости (отдел 2, группа 1, тип 2 по классификации С. Б. Вальчака), имеют широкий территориальный и хронологический диапазон (*Вальчак*, 2009. С. 64). Отметим тем не менее, что округлые в сечении «скульптурные» роговые (Рысайкино) и деревянные псалии (от которых сохранились лишь верхние и нижние костяные детали в старших курганах Келермеса), вероятно, использовались ранее плоских — имеющих в сечении форму полукруга[2]. Для уточнения культурно-хронологической позиции эрмитажного экземпляра необходимо определить круг аналогий таким ярким и редким его признакам, как наличие орнаментированных муфт и стержня.

Само по себе наличие муфтообразных выступов демонстрирует, что мастер ориентировался на форму бронзовых трехмуфтовых псалиев, выделенных С. Б. Вальчаком в типы 3 (Жаботин 524) и 4 (Уашхиту) *(Вальчак*, 2009. С. 66–67). Отличие костяных псалиев сходной схемы с отверстиями в муфтах (тип 2, Малая Цимбалка, по С. Б. Вальчаку) из Адамовского и Субботовского городищ, относящихся ко второй ступени чернолесской культуры (*Тереножкин*, 1961. С. 102, рис. 67, *2–5*; 68, *4*), и погребения 155 Николаевского могильника (*Эрлих*, 2007. Рис. 71, *4*) состоит в том, что отверстия имеют овальную форму и разнесены по стержню, а декор на муфтах отсутствует. Если учесть, что общая тенденция развития стержневидных псалиев заключается в постепенном смещении отверстий к центру стержня (*Медведская*, 2005. С. 107), то очевидно, что псалии типа Малая Цимбалка являются более ранними, нежели псалии типов Жаботин 524 и Уашхиту на шкале относительной хронологии.

Прямоугольные выступы на внутренней части напротив отверстий для ремней оголовья — признак, часто встречающийся у трехдырчатых костяных (роговых) псалиев раннескифского времени Приднепровья (*Ілліньска*, 1961. С. 46; сводку см. *Могилов*, 2008. Табл. 40–47). Изготовление выступов требовало вырезания части костяной основы из заготовки, что само по себе делало псалий более тонким и хрупким. Таким образом, предположение, что выступы должны придавать костяному псалию дополнительную прочность, представляется ошибочным — вероятнее всего, муфтообразные выступы воспроизводили схему бронзового псалия с отверстиями в муфтах.

Дополнительным аргументом в пользу того, что выступы на костяных (роговых) псалиях — это воспроизведение муфт, является их орнаментация изображениями, которые присутствуют на бронзовых экземплярах. Самое распространенное изображение такого рода — ромбовидный знак, часто редуцированный до косого креста или кружка (рис. 2, *11–14, 20, 23*). Иногда встречаются горизонтальные полосы (рис. 2, *2–3*) и изображение конского копыта — так называемый сердцевидный знак (*Полидович*, 2004. С. 147) (рис. 2, *15–17*). Бронзовые псалии с изображением ромбовидного знака довольно редки, они входят в комплекс кургана 524 у с. Жаботин в Приднепровье и погребения 37 могильника Пшиш I в Закубанье (рис. 2, *9–10*), костяные (роговые) их аналоги многочисленны и распространены исключительно в Приднепровье. Бронзовые экземпляры с рельефными поперечными полосками (рубчатой орнаментацией) на муфтообразных выступах и расширениях у отверстий (типы III Б и IV В по В. Р. Эрлиху — *Эрлих*, 2007. С. 127, 129) пока известны лишь в памятниках Закубанья (Хаджох, курган 2, случайная находка на могильнике Пшиш, Уашхиту, курган 1, Нико-

[2] Существуют серьезные основания для смещения начала «келермесского» этапа раннескифской культуры к VIII в. до н. э. (*Иванчик*, 2001. С. 115, 136; *Алексеев, Рябкова*, 2013), равно как и для датирования псалия из Рысайкино началом VII в. до н. э. (*Балахванцев*, 2012. С. 360).

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30

лаевский могильник, погребение 39) (рис. 2, *4–7*). Кроме этого, из Приаралья (курган 51 могильника Уйгарак) происходят псалии другого типа, но с аналогичной орнаментацией муфт (рис. 2, *8*). Неоднократно отмечалось, что у черногоровских псалиев встречается орнаментация утолщений у отверстий поперечными рельефными полосками (*Эрлих*, 2007. С. 127; *Вальчак*, 2009. С. 58), и возможно, что эта традиция сохраняется в Закубанье до раннескифского времени. Любопытно, что в кости эта традиция получила весьма незначительное развитие: в Приднепровье известны лишь два комплекса (Аксютинцы, курган 1[3], Медвин 1, курган 23) с роговыми псалиями, муфтообразные выступы которых орнаментированы горизонтальными полосками (рис. 2, *2–3*). Объяснить вертикальное, а не горизонтальное, как на остальных псалиях этой серии, расположение полос на муфтах эрмитажного экземпляра на данный момент сложно. Можно лишь предположить, что это обусловлено свойствами полой кости: размещение глубоких горизонтальных борозд, намечающих пространство муфт рядом с отверстиями, могло привести к излому отверстий.

Изображения голов хищных птиц на стержне псалия выполнены в технике объемной резьбы, основным техническим приемом которой был подрезной рельеф. Фон вырезался для создания объемных основных форм изображения (*Бородовский*, 2007. С. 103). Орнамент, судя по всему, был нанесен вкруговую. Орнаментация стержней костяных псалиев с зооморфными окончаниями различными изображениями — прием, довольно распространенный в раннескифское время (рис. 2, *16, 18, 19, 21–30*). Гравированный орнамент в виде наклонных и горизонтальных линий, циркульных кружков с отверстием в центре, выемчатых треугольников, зигзагообразных полос может быть расположен как сверху, так и снизу от отверстий на стержне. Иногда орнаментировалась вся видимая часть стержня (рис. 2, *16, 20, 23–26*), но значительно чаще простой

[3] Псалий хранится в Киевском национальном музее (*Могилов*, 2008. С. 181). Он не опубликован В. А. Ильинской среди вещей из кургана 1 у с. Аксютинцы (Старшей Могилы) (*Ильинская*, 1968. Табл. IV) и не может относиться к комплексу кургана 1 у с. Аксютинцы, раскопанному Мазараки (*Там же*. С. 34). Таким образом, соотнесение его с комплексом довольно условно.

Рис. 2. Псалии с тремя отверстиями: *1* — ГЭ, инв. № 2534/42; *2* — Аксютинцы, курган 1 (*Могилов*, 2008. Рис. 47, *8*); *3* — Медвин 1 курган 23 (*Могилов*, 2008. Рис. 53, *2*); *4* — Уашхиту I, курган 1; *5* — Кубанский могильник, погребение 39; *6* — Псекупский могильник, случайная находка; *7* — Хаджох, курган 2 (*Эрлих*, 2007. Рис. 192, *12*, *4, 3, 8*); *8* — Уйгарак, курган 51 (*Вишневская*, 1973. Табл. XVI, *10*); *9* — ГЭ, инв. № Дн 1913 2/24; *10* — Пшиш I, погребение 37 (*Эрлих*, 2007. Рис. 66, *26*); *11* — Немировское городище (*Смирнова*, 1998. Рис. 30); *12* — Аксютинцы, курган 468; *13,14* — Аксютинцы, курган 470 (*Галанина*, 1977. Табл. 19, *2*; 20, *2, 3*); *15* — Бельск, ур. Царина, зольник 1 (*Могилов*, 2008. Рис. 43, *6*); *16* — Новозаведенное II, курган 16 (*Петренко и др.*, 2000. Рис. 4, *8*); *17* — Гуляй-город, курган 38 (*Ильинская*, 1975. Табл. II, *41*); *18–19* — Аксютинцы, курган 467 (*Галанина*, 1977. Табл. 18, *8*, *9*); *20* — Аксютинцы, курган 2 (*Ильинская*, 1968. Табл. XX, *12*); *21* — Журовка, курган 432 (*Ильинская*, 1975. Табл. XII, *1*); *22* — Жаботин, курган 2 (*Вязьмитина*, 1963. Рис. 5); *23* — Роменский повет; *24* — Аксютинцы, курган 2 *(Могилов*, 2008. Рис. 42, *10*; 43, *16*); *25–26* — Нартан, курган 16 (*Батчаев и др.*, 1985. Табл. 41, *28–30*); *27* — Капланту (*Иванчик*, 2001. Рис. 27, *3*); *28* — Волковцы, курган 4 (?) (*Могилов*, 2008. Рис. 43, *5*); *29–30* — Самтавро, погребение 106 *(Иванчик*, 2001. Рис. 21, *2–3*). *1–3, 11–30* — кость (рог); *4–10* — бронза. *3* — без масштаба.

Fig. 2. Cheek-pieces with three holes: *1* — State Hermitage, Inv. № 2534/42; *2* — Aksyutintsy, barrow 1; *3* — Medvin 1, barrow 23; *4* — Uashkhitu I, barrow 1; *5* — Kuban burial ground, burial 39; *6* — Psekup cemetery, stray find; *7* — Khadzhokh, barrow 2; *8* — Uygarak, barrow 51; *9* — State Hermitage, Inv. № Дн 1913 2/24; *10* — Pshish I, burial 37; *11* — settlement-site of Nemirovskoye; *12* — Aksyutintsy, barrow 468; *13, 14* — Aksyutintsy, barrow 470; *15* — Belsk, Urochishche Tsarina, ash dump 1; *16* — Novozavedennoye II, barrow 16; *17* — Gulyay-Gorod, barrow 38; *18–19* — Aksyutintsy, barrow 467; *20* — Aksyutintsy, barrow 2; *21* — Zhurovka, barrow 432; *22* — Zhabotin, barrow 2; *23* — Romenskiy Povet; *24* — Aksyutintsy, barrow 2; *25–26* — Nartan, barrow 16; *27* — Kaplantu; *28* — Volkovtsy, barrow 4 (?); *29–30* — Samtavro, burial 106. *1–3, 11–30* — bone (horn); *4–10* — bronze. *3* — without scale.

1a
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16

орнамент в виде горизонтальных линий покрывал лишь внутреннюю часть, в одной плоскости с муфтообразными выступами — возможно, таким образом передавалась шерсть животного (рис. 2, *14, 15, 20*).

Уникальной и самой интересной чертой эрмитажного экземпляра является орнаментация стержня мотивом головы хищной птицы. Псалиев с зооморфными изображениями на стержнях помимо этого вообще неизвестно, кроме того, мотив головы хищной птицы, в целом популярный в скифском зверином стиле (*Членова*, 1993. С. 71), на костяных псалиях раннескифского времени встречается редко (*Полидович*, 2004. С. 147). Собственно, значительная часть известных изображений головы хищной птицы архаического периода — это бронзовые клювовидные пронизи (*Рябкова*, 2005. С. 48, табл. 4). Важным отличительным признаком декора стержня псалия из Эрмитажа является заполнение всего орнаментируемого пространства повторяемыми изображениями головы птицы с выступающим над контуром головы большим глазом и клювом с резко загнутым концом. В анализируемую сводку предметов вошли лишь те, где изображение птицы имеет такие же, как и на эрмитажном псалии, признаки (рис. 3). Передача глаза животного выпуклым кружком с отверстием в центре, выступающим над контуром головы, — прием, характерный в большей степени для стилистики аржано-майэмирского этапа и зафиксированный уже на наиболее ранних петроглифах, оленном камне из Аржана 1, оленных камнях, вторично использованных при сооружении Аржана 2 (*Чугунов*, 2008. С. 64). Показательно, что на предметах из кости изображения головы птицы редки (Жаботин, курган 2, Грушевка, курган 1, Красное Знамя, курган 1, Тли, погребение 246) (рис. 3, *2, 5, 6, 10*); гораздо чаще ими декорированы предметы из металла, причем типы предметов, равно как и ареал памятников, весьма показательны. Памятники встречаются на протяженной территории от восточного Казахстана (Чиликты, курган 5 и 7) (рис. 3, *3*) и Приаралья (Уйгарак, курганы 83, 84) (рис. 3, *11, 15*), через Волго-Камье (Ананьинский могильник, погребения G, C) (рис. 3, *12, 13*) до Закубанья (Кубанский, погребение 39; Келермес, курган 1 B) (рис. 3, *8, 16*), Закавказья, Передней Азии (Кармир-Блур, Тлийский могильник, погребение 246, Имирлер, Зивийе и др.) (рис. 3, *4, 7, 9, 10*) и Приднепровья (Герасимовка, курган 1) (рис. 3, *14*). Несмотря на сходство изображений головы птицы на предметах данной серии, отличия все же есть — так, у некоторых заметна восковица на клюве (рис. 3, *3–8, 11, 13, 15*), отсутствующая на других (рис. 3, *2, 10, 12, 14, 16*). На клювах птиц эрмитажного экземпляра есть едва различимые из-за сильной потертости горизонтальные полосы, вероятно, также изображающие восковицу. По мнению В. А. Ильинской, именно обозначение восковицы поперечной чертой является важным признаком архаических изображений, так как на более поздних она выделяется в качестве самостоятельной детали (*Ильинская*, 1965. С. 103).

Рис. 3. Предметы, декорированные изображениями хищной птицы: *1* — ГЭ, инв. № 2534/42 (деталь); *2* — Красное Знамя, курган 1 (*Петренко*, 2006. Табл. 74, *61*); *3* — Чиликты, курган 5 (*Черников*, 1965. Табл. XIII, *4*); *4, 7* — Зивийе (детали) (*Ghirchman*, 1964. P. 142, 147); *5* — Жаботин, курган 2 (*Вязьмитина,* 1963. Рис. 5, *1*); *6* — Грушевка, курган 1 (*Іллінська*, 1961. Рис. 7, *5*); *8* — Кубанский, погребение 39 (*Эрлих*, 2007. Рис. 192); *9* — Кармир-Блур (*Пиотровский*, 1950. Рис. 64); *10* — Тли, погребение 246 (*Техов*, 1980. Рис. 23, *6*); *11, 15* — Уйгарак, курганы 83, 84 (*Вишневская*, 1973. Табл. XIX, *5;* XX, *1*); *12–13* — Ананьинский могильник, погребение G, C (*Кузьминых*, 1983. Табл. LVI, *10, 12*); *14* — Герасимовка, курган 1 (*Ильинская*, 1968. Табл. XLVI, *1*); *16* — Келермес, курган 1 B (*Галанина*, 1997. Табл. 6, кат. 218). *1–2, 5–6, 10* — кость (рог); *3, 7* — золото; *4* — бронза, золото; *8, 9, 11, 14* — бронза; *12–13, 15–16* — бронза, железо. Масштаб изображений произвольный.

Fig. 3. Objects decorated with images of a bird of prey: *1* — State Hermitage, Inv. № 2534/42 (detail); *2* — Krasnoye Znamya, barrow 1; 3 — Chilikty, barrow 5; *4, 7* — Ziviye (details); *5* — Zhabotin, barrow 2; *6* — Grushevka, barrow 1; 8 — Kuban, burial 39; *9* — Karmir-Blur; *10* — Tli, burial 246; *11, 15* — Uygarak, barrows 83, 84; *12–13* — cemetery of Ananyino, burial G, C; *14* — Gerasimovka, burial 1; *16* — Kelermes, barrow 1 B. *1–2, 5–6, 10* — bone (horn); *3, 7* — gold; *4* — bronze, gold; *8, 9, 11, 14* — bronze; *12–13, 15–16* — bronze, iron. The scale is arbitrary.

Итак, изображением головы хищной птицы декорированы: а) предметы из центральноазиатских памятников; б) предметы из памятников на других территориях, генезис которых, однако, связывается с Центральноазиатским регионом. Это дисковидные зеркала с ручкой-петелькой; навершия; биметаллические клевцы (чеканы «сибирского типа») (*Алексеев*, 2003. С. 46–47) (рис. 3, *12–14, 16*). Установлено, что находки биметаллических клевцов маркируют исходную территорию, направление и маршрут ранней волны кочевников (Там же. С. 50). Есть основания полагать, что именно клевцы яв-

ляются элементом материальной культуры исторических киммерийцев, так как они отсутствуют в собственно скифских памятниках, но обнаружены в тех районах Передней Азии, где письменные источники фиксируют киммерийцев (*Иванчик*, 2001. С. 49). Очевидно, что и изображения головы хищной птицы, чаще всего встречающиеся именно на архаических клевцах, своим происхождением связаны с Центральноазиатским регионом, и предметы с подобными изображениями также маркируют начальный этап кочевнического появления в Передней Азии, на Кавказе, в Предкавказье и в Приднепровье.

Таким образом, анализ формы, типа, декора предмета № 2534/42 из коллекции Государственного Эрмитажа позволяет утверждать, что это трехдырчатый стержневидный псалий, изготовленный как подражание бронзовым трехмуфтовым экземплярам типа Уашхиту. Происхождение его может быть связано с Закубаньем, так как это единственный пока регион, где известны бронзовые псалии с орнаментом в виде горизонтальных полос на муфтах и выступах у отверстий. Декор стержня изображениями головы хищной птицы указывает на весьма раннюю, в рамках предскифско-раннескифского горизонта, датировку предмета, которая должна быть сопряжена с датами комплексов Уашхиту, курган 1, Хаджох, курган 2, Кубанский, погребение 39, относимых к позднейшему новочеркасскому и раннежаботинскому горизонту, и укладываться в границы конца VIII — первой половины VII в. до н. э. (*Алексеев*, 2003. С. 59; *Эрлих*, 2007. С. 179, 185). Характерно, что возможность сопоставления декора эрмитажного псалия с изображением птицы на навершии из Келермеса 1В является дополнительным аргументом в пользу отнесения старших курганов Келермеса к этому же горизонту.

2. Псалии с зооморфными изображениями на концах (№ 2533/1,2).

Два других предмета представляют собой фрагменты роговых трехдырчатых псалиев (рис. 1, *2, 3, 5, 6*). У одного — № 2533/2 (рис. 1, *2, 5*) сохранилась верхняя часть, на стержне два отверстия, напротив одного — муфтообразный выступ и часть такого же над сломанной петлей. Конец псалия оформлен в виде головы животного с прижатым ухом и вытянутой мордой, чрезвычайно напоминающего лошадь. Тем не менее длинные закрученные рога (на оборотной стороне, несмотря на рыхлую структуру рога, резчик вырезал второй рог), идущие полукругом от затылка, указывают на то, что изображен баран. Псалий объемный, а не пластинчатый. Голова животного выполнена в технике высокого рельефа, глаз передан циркульным кружком с отверстием в центре, удлиненное ухо вписано в плоскость головы и соприкасается с рогом, пасть передана двумя овалами с углублениями посередине. На внутренней поверхности стержня псалия — рельеф из прямоугольных зубцов. Основным признаком, выделяющим изображение на этом псалии из числа прочих, весьма распространенных

Рис. 4. Элементы декора зооморфно оформленных псалиев и пронизей: *1, 8* — ГЭ, инв. № 2533/2, 1 (*детали*); *2–5* — Келермес, курган 1В, курган 24 (*Галанина*, 1997. Табл. 21, кат. 166, 170, 191; табл. 24, кат. 378); *6* — Трахтемировское городище (*без масштаба)* (*Ковпаненко*, 1967. Рис. 14); *7* — Аксютинцы, курган 2 (*деталь*) (*Ильинская*, 1968. Табл. XX, *15*); *9–10* — грунтовый могильник Келермеса, погребение 5 (ГЭ, инв. № 2736/10; *Галанина*, 1985. Рис. 3, *6*); *11* — Немировское городище (*Смирнова*, 1998. Рис. 30, *2*); *12* — Тли, погребение 68 (*Техов*, 1980. Рис. 2, *9*); *13* — Гуляй-город, курган 38 (*Ильинская*, 1975. Табл. II, *39*); *14–15* — Келермес, курганы 1 В и 2 В (*Галанина*, 1997. Табл. 23, кат. 293; 21, кат. 186); *16* — названия частей копыта лошади: а — пяточный угол, б — внешняя часть стенки, в — стрелка; *17* — Минусинский музей № 4904 (*Шульга*, 2013. Рис. 37, *3*); *18* — Уйгарак, курган 26 (*Вишневская*, 1973. Табл.VIII, *5*); *19* — Нартан, курган 15 (*Батчаев и др.*, 1985. Табл. 39, *44*).

Fig. 4. Elements of decoration of zoomorphic cheek-pieces and threads of beads: *1, 8* — State Hermitage, Inv. No 2533/2, 1 (*details*); *2–5* — Kelermes, barrow 1B, barrow 24; *6* — town-site of Trakhtemirovo (*without scale*); *7* — Aksyutintsy, barrow 2 (*detail*); *9–10* — flat-grave burial ground of Kelermes, burial 5 (State Hermitage, Inv. No 2736/10); *11* — townsite of Nemirov; *12* — Tli, burial 68; *13* — Gulyay-Gorod, barrow 38; *14–15* — Kelermes, barrows 1 B and 2 B; *16* — parts of a horse hoof: a — calcaneal angle, б — external part of the wall, в — horny frog; *17* — Minusinsk Museum, № 4904; *18* — Uygarak, barrow 26; *19* — Nartan, barrow 15.

в эпоху скифской архаики вариаций барана (*Рябкова*, 2005. С. 46, табл. 2), является голова удлиненных пропорций и заостренное овальное ухо. Обязательное наличие ушей — характерный признак наконечников псалиев и пронизей из Келермесских курганов (*Галанина*, 1997. Кат. 166–170, 232, 234, 291, 292). На серии псалиев из Приднепровья баран, как правило, изображен вообще без уха (рис. 2, *12, 14, 19, 21, 23, 24*), изредка ухо обозначалось кружком (Журовка, курган 432, Трахтемировское городище) (рис. 2, *21*; 4, *6*). Заостренные овальные уши изображены лишь на серии верхних частей составных псалиев и пронизей из курганов Келермеса 1В и 24 (рис. 4, *2, 3, 5*). Псалий из кургана 2 у с. Аксютинцы с аналогичным изображением уха у основания рога отличается расширенной нижней частью морды (рис. 4, *7*). Таким образом, полных аналогий эрмитажному псалию неизвестно. Значительное распространение псалиев с зооморфно оформленными концами в памятниках Приднепровья, редкость их в Закубанье (*Галанина*, 1985. С. 162) и в ареале кавказских культур (*Есаян, Погребова*, 1985. С. 92–99) на первый взгляд позволяют связать происхождение этого экземпляра именно с Приднепровьем. Тем не менее стилистические особенности передачи образа животного, наиболее близкие келермесским, и признаки, отличающие этот предмет от серии предметов из памятников Приднепровья, позволяют допустить его происхождение из региона Северо-Западного Кавказа.

Подтверждает предположение о том, что описанный псалий действительно мог иметь отношение к закубанским псалиям, второй, тоже значащийся как купленный у Роленко, псалий (№ 2533/1). Это фрагментированный объемный (округлый в сечении) экземпляр, от которого сохранилась нижняя часть с одним целым и одним фрагментированным отверстиями. Конец псалия оформлен в виде схематически переданного копыта, над которым невысоким рельефом, вероятно, изображена задняя поверхность пястной или плюсневой кости (рис. 1, *3, 6*), как и у псалиев из Немирова и погребения 68 Тлийского могильника (рис. 4, *11, 12*). Аналогией ему по форме стержня и петель является псалий из погребения 5 Келермесского грунтового могильника (рис. 4, *10*), составлявший комплект с непарным пластинчатым экземпляром (рис. 4, *9*). Так что весьма вероятно, что оба псалия из коллекции 2533 также могли составлять комплект.

Традиция декорирования псалиев изображением копыта была широко распространена в скифо-сибирском мире. Как и другие мотивы скифо-сибирского звериного стиля, изображения копыта изменялись с течением времени: от анатомически точной передачи формы на псалиях из Минусинского музея, на удилах с жестко скрепленными псалиями в кургане 26 могильника Уйгарак (рис. 4, *17, 18*) и др. до схематичного изображения копыта. Так, например, у большинства псалиев из курганов Посулья копыто можно определить лишь как «копыто травоядного животного» (*Іллінська*, 1961. С. 47) (рис. 2, *12–14, 20*). Наконечники псалиев в виде копыта, представленные в келермесских курганах, раскопанных Н. И. Веселовским (*Галанина*, 1997. С. 120), при всем их разнообразии передают форму копыта лошади натуралистично (см. рис. 4, *16*): рельефом выделены внешняя часть боковой стенки, пяточный угол, клинообразная стрелка (рис. 4, *14–16*). Также анатомически правильно передано копыто на псалии из Немировского городища (рис. 4, *11*). У псалия из кургана 38 у с. Гуляй-Город рельефная стрелка доходит до внешней части боковой стенки, в результате чего изображение становится похожим на копыто парнокопытного, хотя сохраняются пяточные углы (рис. 4, *13*), у псалия из кургана 15 у с. Нартан копыто совсем схематично: оно имеет подтреугольную форму и разделено углублением на две части (рис. 4, *19*). У эрмитажного псалия копыто вытянутой овальной формы, по краю невысоким рельефом обозначена внешняя часть боковой стенки, пяточный угол не обозначен, стрелка намечена глубокой врезной линией, которая не доходит до внешней части стенки, — и хотя не вызывает сомнений, что это копыто лошади, заметна стилизация. Таким образом, учитывая сходство публикуемого псалия с экземпляром из грунтового могильника Келермеса, а также схематичность в изображении копыта, можно с известной долей вероятности синхронизировать его с материалами грунтового могильника Келермеса, отнесенного Л. К. Галаниной ко второй половине VII в. до н. э. Оба псалия из коллекции 2533 действительно могут относиться к числу древностей Закубанья.

Алексеев, 2003 — *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.

Алексеев, Рябкова, 2013 — *Алексеев А. Ю., Рябкова Т. В.* Относительная хронология скифских Келермесских курганов // Шестая междунар. Кубанская археологическая конф.: материалы конф. Краснодар, 2013.

Балахванцев, 2012 — *Балахванцев А. С.* Арамейская надпись из Рысайкино (к вопросу о скифских походах в Переднюю Азию) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: материалы междунар. науч. конф. СПб., 2012. Т. 2.

Батчаев и др., 1985 — *Батчаев В. М., Барцева Т. Б., Керефов Б. М.* Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1985. Т. 2.

Бородовский, 2007 — *Бородовский А. П.* Древний резной рог Южной Сибири. Новосибирск, 2007.

Вальчак, 2009 — *Вальчак С. Б.* Конское снаряжение в первой трети 1-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М., 2009.

Вишневская, 1973 — *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. М., 1973.

Вязьмитина, 1963 — *Вязьмитина М. И.* Ранние памятники скифского звериного стиля // СА. 1963. № 2.

Галанина, 1977 — *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга). М., 1977 (САИ; Вып. Д1–33).

Галанина, 1985 — *Галанина Л. К.* К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА. 1985. № 3.

Галанина, 1997 — *Галанина Л. К.* Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997.

Есаян, Погребова, 1985 — *Есаян С. А., Погребова М. А.* Скифские памятники Закавказья. М., 1985.

Иванчик, 2001 — *Иванчик А. И.* Киммерийцы и скифы. М., 2001.

Іллінська, 1961 — *Іллінська В. А.* Скіфська вузда VI ст. до н.е. (За матеріалами Посулля) // Археологія. Київ, 1961. Вып. XIII.

Ильинская, 1965 — *Ильинская В. А.* Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. 1965. № 1.

Ильинская, 1968 — *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.

Ильинская, 1975 — *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975.

Ковпаненко, 1967 — *Ковпаненко Г. Т.* Раскопки Трахтемировского городища // Археологические исследования на Украине 1965–1966 гг. Киев, 1967. Вып. 1.

Кузьминых, 1983 — *Кузьминых С. В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1983.

Медведская, 2005 — *Медведская И. Н.* Сиалк В и Хасанлу IV: вопросы хронологии // Древности Евразии: от ранней бронзы до средневековья: памяти В. С. Ольховского. М., 2005.

Могилов, 2008 — *Могилов О. Д.* Сопрядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський, 2008.

ОАК за 1913–1915 гг., 1918 — Отчет Археологической комиссии 1913–1915 гг. Пг.,1918

Петренко, 2006 — *Петренко В. Г.* Краснознаменский могильник. М.; Берлин; Бордо, 2006.

Петренко и др., 2000 — *Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р.* Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. М., 2000.

Пиотровский, 1950 — *Пиотровский Б. Б.* Кармир-блур. Ереван, 1950. Т. 1.

Полидович, 2004 — *Полидович Ю. Б.* Зооморфно оформленные псалии как феномен скифской эпохи // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности: Археологический альманах. Донецк, 2004. № 15.

Рябкова, 2005 — *Рябкова Т. В.* Образы звериного стиля в эпоху скифской архаики // АСГЭ. 2005. Вып. 37.

Смирнова, 1998 — *Смирнова Г. И.* Скифское поселение на Немировском городище: общие данные о памятнике // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1998. Вып. VI.

Тереножкин, 1961 — *Тереножкин А. И.* Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев, 1961.

Техов, 1980 — *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н. э. М., 1980.

Черников, 1965 — *Черников С. С.* Загадка золотого кургана. М., 1965.

Членова, 1993 — *Членова Н. Л.* О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // ПАВ. 1993. Вып. 7.

Чугунов, 2008 — *Чугунов К. В.* Плиты с петроглифами в комплексе Аржан-2 (к хронологии аржано-майэмирского стиля) // Тропою тысячелетий. Кемерово, 2008.

Шульга, 2013 — *Шульга П. И.* Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова). Новосибирск, 2013.

Эрлих, 2007 — *Эрлих В. Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М., 2007.

Ghirchman, 1964 — *Ghirchman R.* The Arts of Ancient Iran. New York, 1964.

Three bone cheek-pieces from the Kuban River region in the Hermitage collection

T. V. Ryabkova

This article is devoted to publication and attribution of unpublished before cheek-pieces from the collection of the State Hermitage (Fig. 1). Consideration of the shape, type and decoration of one of the items (Inv. № ГЭ 2534/42) has led us to the conclusion that this three-hole rod-like cheek-piece was an imitation of bronze three-sleeved examples of the Uashkhitu type. Its origin is probably in the Trans-Kuban area, since the latter is as yet the single region where bronze psalia are known ornamented with bands on the sleeves. The decoration of the rod with representations of the head of a bird of prey suggests a very early date within the pre-Scythian or early Scythian period i.e. the late 8th or the first half of the 7th century BC. Two other items (Inv. № ГЭ2533/1,2) have the closest parallels in the shape of their zoomorphic terminals among the examples from the kurgan and flat-grave cemeteries of Kelermes. Thus they probably must be attributed to the group of antler psalia rare in the Trans-Kuban area and dated to the second half of the 7th century BC.

Плеть из Тимерева[1]

С. С. Зозуля[2]

В камерном захоронении № 100 Тимеревского могильника была обнаружена плеть, переделанная из редкого для территории Восточной Европы наконечника копья типа I. Повторная фрагментарная расчистка позволила выявить и реконструировать сложный рисунок сплошной инкрустации поверхности. С помощью рентгенофлюоресцентного анализа удалось установить, что для инкрустации использовались проволочки из серебра и сплава на основе меди (плотность проволочек инкрустации — 3 шт. на 1 мм).

Контекст находки позволяет предположить, что наконечник копья типа I, дорогостоящий эффектный предмет вооружения, попал на территорию Древней Руси вместе с владельцем-скандинавом или вследствие торговых (или каких-либо еще) операций. Видимо, здесь наконечник был сломан, оставшаяся втулка и нижняя часть пера были переделаны в плеть, и уже в таком виде предмет был положен вместе с его последним владельцем в захоронение последней четверти X в.

Ключевые слова: вооружение эпохи викингов, Тимеревский археологический комплекс, инвентарь камерных захоронений.

In chamber burial № 100 at the cemetery of Timerevo, was found a quirt remade from a spear-head of type I which is very rare in Eastern Europe. A second cleaning enabled to discern and reconstruct a complicated pattern of continuous inlay on its surface. X-Ray fluorescent analysis established that wires of silver and a copper-based alloy were used for inlaying (the number of wires used for inlaying was 3 pieces per 1 mm).

The association tied with the find under consideration suggests that the spear-head of type I, which must have been a precious and distinctive piece of weaponry, was brought to Old Rus either by its Scandinavian owner or during some trade/exchange. It seems that the tip was broken and the remaining sleeve and the lower part of the blade were remade into a quirt. In this latter form the object was put into the grave of its last owner in the fourth quarter of the 10th century.

Keywords: arms of the Viking Age, Timerevo (Timeryovo) archaeological complex, grave goods from chamber tombs.

Полевой сезон 1974 г. стал важной вехой в археологическом изучении погребальных памятников Ярославского Поволжья эпохи сложения Древнерусского государства. Последним курганом, исследованным в конце июля 1974 г. экспедицией Исторического музея под руководством М. В. Фехнер в Тимерево, стал курган 100, расположенный на юго-восточной окраине могильника. Под насыпью было выявлено первое для Тимерева камерное захоронение, отличающееся богатством и разнообразием погребального инвентаря.

Курган не выделялся размерами на фоне остальных насыпей некрополя, центральная часть кургана, как это неоднократно зафиксировано в Тимерево, была повреждена крупной ямой. В насыпи была выявлена погребальная камера (ее размеры — 5,2 × 3,75 м), содержащая захоронение по обряду трупоположения. Описание камеры и многочисленного инвентаря, обнаруженного в ней, неоднократно приводилось в археологической литературе (рис. 1; *Фехнер*, 1974; *Фехнер, Янина*, 1978; *Недошивина, Фехнер*. 1985, С. 108, 110–112; *Фехнер, Недошивина*, 1987. Рис. 1, 2, 5; *Недошивина*, 1991. С. 166–173. Рис. 1, *1*; 2, *1–3*; 4, *1–3*; *5*; *Недошивина, Зозуля*, 2012. С. 183–184. Рис. 3–6).

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14–01–18083е).

[2] Россия, 109012, Москва. Красная пл., 1. Государственный Исторический музей, отдел археологических памятников.

Эта работа посвящена одной находке из захоронения — плети (ГИМ 103390 оп. «В» 2129/147; рис. 2). Стоит напомнить, что, кроме плети, в погребении находился представительный набор конского снаряжения (два комплекта) и предметов вооружения (несколько категорий) (*Недошивина*, 1991. С. 166–167, 169–172, рис. 1, *1*; 2; 4–5).

По типологии А. Н. Кирпичникова плеть относится к типу I — «звучащие»[3] металлические кнутовища с кольцом и закрепленными на нем обоймой для бича и привесками. Утилитарная функция привесок заключалась в том, что они приучали коня слушаться не

[3] В современной историографии более распространен термин «шумящие».

Рис. 1. План камерного погребения в кургане 100 Тимеревского могильника: *1* — меч; *2* — два ножа; *3* — два височных кольца; *4* — шашка; *5* — вставка перстня; *6* — бусы; *7* — гирька, замок; *8* — весы; *9* — семь монет; *10* — цепь; *11* — наконечник копья; *12* — стремена; *13* — плеть; *14* — удила; *15, 16* — наконечники стрел; *17* — детали колчана; *18* — уздечный набор; *19* — свеча; *20* — поднос (?); *21* — горшок; *22* — кости крупного рогатого скота; *23* — предмет неизвестного назначения. *а* — обгоревшая плаха; *б* — камень.
Fig. 1. Plan of chamber burial in barrow 100 of the Timeryovo cemetery: *1* — sword; *2* — two knives; *3* — two temporal rings; *4* — playing checker; *5* — insert to a signet-ring; *6* — beads; *7* — balance weight, lock; *8* — scales; *9* — seven coins; *10* — chain; *11* — spear-head; *12* — stirrup; *13* — lash; *14* — horse bit; *15, 16* — arrowheads; *17* — parts of a quiver; *18* — bridle set; *19* — candle; *20* — tray (?); *21* — pot; *22* — bones of horned cattle; *23* — object of unknown purpose. *а* — burnt wooden block; *б* — stone.

только удара, но и звука плети. По мнению некоторых исследователей, подвески могли выполнять и некую магическую функцию. Подобные плети найдены на широкой территории от Юго-Восточного Приладожья до Смоленщины и были известны автору в количестве 16 экз. Среди этих находок выявлены как состоящие из железного стержня, т. е. представляющие собой законченное изделие, не нуждающееся в снабжении деревянной рукоятью, так и пять втульчатых плетей, как раз предполагающих деревянное продолжение (*Кирпичников*, 1973. С. 71–72, 109–110, рис. XXIII)[4].

Рис. 2. Плеть из кургана 100 Тимеревского могильника (прорисовка А. С. Дементьевой).
Fig. 2. Lash from barrow 100 of the Timeryovo burial ground (detailed drawing by A. S. Dement'yeva).

Рассматриваемая нами плеть относится ко второму варианту. Находка сильно корродирована. На поверхности плети заметны следы реставрации, заключавшейся в консервации вздутой поверхности при минимальной ее расчистке. Последнее обстоятельство крайне затрудняет работу с находкой.

Общая длина изделия — 21,2 см. Вес — 233 г. Наибольший внешний диаметр втулки — 2,4 см. Толщина стенки втулки 0,2 см. Втулка плавно сужается, изделие заканчивается плоской площадкой 3,7 см длиной, 2 см шириной и 0,5 см толщиной с отверстием. В отверстие, расположенное на расстоянии 1,3 см от верхнего края изделия, продето кольцо для крепления бича и привесок. Диаметр кольца — 4,5 см. Длина двух сохранившихся шумящих привесок, имевших восьмерковидную форму с разомкнутым снизу краем, оформленным «завитками», — 4,2 см. Обойма для крепления кожаного бича сохранилась на длину 7,3 см. Бич зажимался между створками обоймы, а створки, в свою очередь, крепились между собой, с помощью как минимум одной железной заклепки[5].

На втулке плети фрагментарно сохранилась инкрустация желтым и белым металлами[6] (см. фото на обратной стороне обложки). Рисунок инкрустации группируется в уступчатые ромбовидные фигуры в горизон-

[4] В задачи настоящей работы не входил сбор и обобщение всей информации о новых находках плетей и их деталей, хотя, очевидно, к настоящему моменту их выявлено больше, чем было известно А. Н. Кирпичникову в 1973 г.

[5] Скорее всего — двух. Диаметр шляпки сохранившейся заклепки составляет 0,5 см, она выступает над поверхностью обоймы всего на 0,01 см. Само изделие обломано, соответственно, вторая заклепка могла располагаться на утраченной части, быть разрушена коррозией или просто оказаться незаметной на коррозированной неровной поверхности.

[6] Для выявления характера инкрустации С. Ю. Каиновым была проведена механическая расчистка участка в нижней части находки. Пользуясь случаем, приношу С. Ю. Каинову благодарность за реставрационную работу и ценные советы в процессе написания статьи.

Таблица 1. Результаты микрорентгенофлюоресцентного анализа
Table 1. Results of X-ray micro-fluorescence analysis

	Cu	Zn	Sn	Pb	Bi	Ag	Au
Анализ 1	43,72	0,13	0,04	0,37	0,49	54,96	0,29
Анализ 2	13,14	—	0,07	0,17	0,49	85,82	0,31

тальной развертке, заходящие друг за друга. Плотность инкрустации составляет три проволочки на 1 мм. Края фигур оконтурены узкой полосой проволоки желтого металла. Заполнение ромбов в нижней части втулки (шесть рядов ромбов) выполнено из проволочек белого металла, на всей остальной площади поверхности рисунок усложняется. В горизонтальной плоскости поочередно меняют друг друга пояски ромбов (по 4 экз.), заполненные инкрустацией из проволочек белого металла, и пояски ромбов (по 4 экз.), заполнение которых выполнено из перекрученных проволочек желтого и белого металлов. Размеры ромбовидных фигур уменьшаются пропорционально сужению втулки.

Подобный рисунок инкрустации встречается также на деталях мечей (навершие, перекрестие, накладки на рукоять) и известен в том числе по материалам Ярославского Поволжья X–XI вв. (*Kainov*, 2012. Fig. 29–31, 34–36, 39; *Каинов, Зозуля*, 2014. Рис. 1, *2*; 2, *2*; 4; 6).

В результате анализа металла инкрустации установлено, что проволока желтого металла является, скорее всего, сплавом на основе меди, а проволока белого металла, бесспорно, — серебром (см. фото на обратной стороне обложки; табл. 1)[7]. Анализ проволоки желтого металла (анализ 1) показал, что кроме мелких примесей в проволоке присутствует 54,96% серебра и лишь 43,72% меди. Анализ белого металла (анализ 2) выявил, что количество серебра в образце достигает 85,82%. Общее загрязнение поверхности, коррозия металла, деформация самой инкрустации на участке отбора анализа 1, весьма небольшая площадь, пригодная для анализа, высокая плотность инкрустации все же позволяют интерпретировать желтый металл как сплав на основе меди (несмотря на присутствие меди в результатах в количестве менее 50%). В пользу этого мнения также свидетельствует результат визуального осмотра при большом увеличении и традиция использования сплава на основе меди при инкрустации такого типа на других предметах этого круга древностей (ср. *Arbman*, 1940. Taf. 7, *3–8*; 9, *2–9*). Интересным фактом является присутствие небольшого количества висмута в составе серебра: скорее всего, для инкрустации использовано монетное серебро — переплавленные дирхемы (*Ениосова, Митоян*, 2011).

На втулке заметны отверстия, проходящие насквозь изделия. Сохранность находки вызывает определенные сложности в работе с ними. Очевидно, что их не менее 10 пар, и расположены они несколько неаккуратно, т. е. не выдержано ровное расстояние между ними (0,7 см с небольшим отклонением и в сторону увеличения, и в сторону уменьшения расстояния), заметны отступы от вертикальной оси ряда. Диаметр отверстий составляет чуть менее 3 мм.

Наличие сплошной инкрустации втулки изделия и не менее 10 пар сквозных отверстий позволяют определить находку как переделанную в плеть втулку наконечника копья типа I по типологии Я. Петерсена[8]. Видимо, перо копья было сломано, пышная инкрустация легкоплавкими металлами не позволила произвести кузнечные ремонтные работы, и втулку переделали в рукоять плети, проделав в сохранившемся небольшом фрагменте пера отверстие. Не исключено, что оставшийся единым с втулкой обломок пера подвергся каким-то более сложным операциям по изменению его формы или выравниванию слома, но, к сожалению, судить об этом

[7] Анализы выполнены с помощью микрорентгенофлюоресцентного спектрометра Bruker M1 Mistral. Макрофотографии сделаны с помощью стереомикроскопа Carl Zeiss Stemi 2000C.

[8] Б. Солберг предложил свою, более дробную типологию наконечников копий типа I по Я. Петерсену. По типологии Б. Солберга, втулка копья относится к типу VII. 2A. К. Кройц указывала, что копья типа I делятся на 3 группы. Основным критерием разделения является форма лезвия, утраченного для находки из Тимерева (*Solberg*, 1984. P. 85; *Creutz*, 1996. P. 325–326).

в данный момент нельзя. Неудивительно, что место слома приходится на переход от втулки копья к перу, т. е. на самый уязвимый с конструктивной точки зрения участок.

Для наконечников копий этого типа характерны длинная втулка и длинное узкое перо с ровным переходом между ними. В парные отверстия на втулке вставлялись небольшие отрезки проволоки, обычно бронзовой. Как правило, в момент находки отрезки проволоки отсутствуют и реконструируются по отверстиям. Количество пар отверстий на втулках колеблется от 4 до 15, но чаще около 11. Инкрустация втулки серебром и бронзой или только серебром для этого типа копий обычна, но необязательна (*Петерсен*, 2005. С. 63–64).

К. Кройц считала, что проволочки могли служить не только утилитарным или декоративным целям, но и магическим (*Creutz*, 1996. P. 327–329). Оставляя в стороне вопрос о магических функциях, хотелось бы отметить, что отрезки проволоки выполняли скорее декоративную функцию, чем утилитарную: тонкие бронзовые проволочки вряд ли серьезно влияли на скрепление втулки копья с древком по причине собственной хрупкости[9].

На находке из Тимерево отрезки проволоки с внешней стороны отсутствуют. Однако внутри втулки видны два железных гвоздика, вставленных в нижнюю пару отверстий с разных сторон (см. фото на обратной стороне обложки). Гвоздики могут не относиться к первоначальному изделию. Ими, через уже существующие отверстия, могла быть закреплена новая деревянная рукоять плети[10].

Интересные данные дает полевая документация. На плане камерного погребения из кургана 100 плеть изображена довольно схематично, однако совершенно очевидно наличие нескольких пар проволочек (рис. 1, *13*)[11]. Небольшая их толщина (в диаметре менее 3 мм, исходя из размера отверстий для них, обычно — 1,5–2 мм) делает их крайне хрупкими и ломкими. Проволочки могли быть утрачены еще в поле или же в процессе транспортировки, реставрации, хранения или неоднократного экспонирования.

Наконечники копий типа I относятся к довольно редкому типу. На территории Древней Руси известен еще только один экземпляр, с большой долей вероятности определяющийся как тип I, который происходит из знаменитейшего кургана Черная Могила (*Каинов, Щавелев*, 2005)[12]. В целом копья типа I характерны для территории Норвегии (62 экз.) (*Solberg*, 1984. P. 85). На территории Швеции известно 25–30 наконечников, единичные находки происходят из Латвии (3 экз.), Финляндии, Белоруссии и Эстонии (по 1 экз.) (*Creutz*, 1996. P. 326)[13]. Таким образом, к настоящему моменту мы располагаем данными о находках не менее 90 наконечников копий типа I. Концентрация наконечников этого типа на территории Скандинавского полуострова позволяет считать находку из Тимерева импортом для древнерусской территории.

За пределы работы выходит вопрос об общей хронологии этого типа наконечников, так как датировка захоронения в камере кургана 100 не вызывает сомнений (последняя четверть X в.) (*Фехнер, Янина*, 1978. С. 186–187). Можно отметить, что тимеревская находка подтверждает мнение Б. Солберга о бытовании этого типа наконечников на протяжении всего X в., а не только его первой

[9] Определенные сложности должен также вызывать процесс вбивания хрупких тонких проволочек из легко поддающейся деформации бронзы в деревянное древко.

[10] Очевидно, что наличие выступающих проволочек не позволяет держать плеть в руках за металлическую втулку, поэтому втулка снабжалась деревянным продолжением. Служило ли им укороченное до необходимого размера древко копья или монтировалась новая рукоять, сказать невозможно. К примеру, длина целиком сохранившейся рукояти плети из Новгородского Кремля первой половины XIII в. превышает 30 см (*Родионова, Гиппиус*, 2013).

[11] Там же указано, что плеть была снабжена *тремя* привесками и обоймой для крепления бича.

[12] После выхода статьи С. Ю. Каинова и А. С. Щевелева была проведена частичная расчистка копья из Черной Могилы. Выявлена непростая ситуация. Втулка и нижняя часть пера принадлежат копью типа I. Верхняя часть пера копья, скорее всего, относится к какому-то другому изделию и ошибочно соединена с втулкой.

[13] К сожалению, неизвестно общее количество находок копий типа I на территории Дании. Сомневаться в их наличии не приходится.

Рис. 3. Реконструкция схемы инкрустации и общего вида наконечника копья типа I из кургана 100 Тимеревского могильника: *1* — втулка; *2–3* — схемы инкрустации (*а* — серебро; *б* — медь; *в* — серебро/медь); *4* — общий вид наконечника копья типа I (прорисовка и графическая реконструкция выполнены А. С. Дементьевой).

Fig. 3. Reconstruction of the inlay scheme and the general appearance of a type I spear from barrow 100 of Timeryovo burial ground: *1* — socket; *2–3* — schemes of inlay (*a* — silver; *б* — copper; *в* — silver/copper); *4* — general appearance of type I spearhead (detailed drawing and graphic reconstruction by A. S. Dement'yeva).

половины, как считал Я. Петерсен (*Solberg*, 1984. P. 95; *Петерсен*, 2005. С. 64)[14].

Итак, в камерном погребении кургана 100 Тимеревского некрополя была обнаружена рукоять плети, переделанная из нижней части (втулки и небольшого фрагмента пера) наконечника копья типа I (рис. 3). Видимо, перо копья сломалось, оставшуюся втулку, украшенную сплошной инкрустацией, в том числе серебром, переделали в плеть. Немногочисленность этих наконечников и сложность изготовления заставляют трактовать подобные предметы как «статусные». Это мнение, в случае с курганом 100 из Тимерева, подтверждает как камерный обряд захоронения, так и разнообразие погребального инвентаря, включающего еще целый ряд импортных вещей и предметов, определяющихся в современной литературе именно как «статусные».

[14] Хотя вопрос о продолжительности бытования импортного предмета, изменившего свои функции в процессе использования, остается для археологии неразрешимым.

Ениосова, Митоян, 2011 — *Ениосова Н. В., Митоя Р. А.* Арабское серебро как источник сырья для славянских и скандинавских ювелиров (по материалам гнездовских кладов X в.) // От палеолита до Средневековья. М., 2011.

Каинов, Зозуля, 2014 — *Каинов С. Ю., Зозуля С. С.* Накладки на рукояти мечей (по материалам раскопок гнездовского и петровского некрополей) // Славяне и иные языцы... М., 2014.

Каинов, Щавелев, 2005 — *Каинов С. Ю., Щавелев А. С.* Изображение креста на наконечнике копья из Черной Могилы (технология и семантика) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 г. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005.

Кирпичников, 1973 — *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973 (САИ; Вып. Е 1–36).

Недошивина, 1991 — *Недошивина Н. Г.* Предметы вооружения, снаряжение всадника и верхового коня Тимеревского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991.

Недошивина, Зозуля, 2012 — *Недошивина Н. Г., Зозуля С. С.* Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.

Недошивина, Фехнер, 1985 — *Недошивина Н. Г., Фехнер М. В.* Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. № 2.

Петерсен, 2005 — *Петерсен Я.* Норвежские мечи эпохи викингов. СПб., 2005.

Родионова, Гиппиус, 2013 — *Родионова М. А., Гиппиус А. А.* Плеть с Владычного двора // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Материалы науч. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения М. Х. Алешковского (Новгород, 22–24 января 2013 г.). В. Новгород, 2013. Вып. 27.

Фехнер, 1974 — *Фехнер М. В.* Отчет о раскопках Большого Тимеревского могильника Ярославской области и района // Архив ИА РАН. Р-1, д. №5979.

Фехнер, Недошивина, 1987 — *Фехнер М. В., Недошивина Н. Г.* Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. № 2. 1987.

Фехнер, Янина, 1978 — *Фехнер М. В., Янина С. А.* Весы с арабской надписью из Тимерева // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.

Arbman, 1940 — *Arbman H.* Birka I. Die Graber. Stockholm, 1940.

Creutz, 1996 — *Creutz K.* An I-type spearhead revealed by the X-ray method // Proceedings of the Estonian Academy of Sciences: Humanities and Social Sciences. Tallinn, 1996. No 45, 3.

Kainov, 2012 — *Kainov S. Yu.* Swords from Gnezdovo // Acta Militaria Mediaevalia VIII. Kraków; Rzeszów; Sanok, 2012.

Solberg, 1984 — *Solberg B.* Norwegian Spear–heads from the Merovingian and Viking Periods. Bergen, 1984.

A lash from Timerevo

S. S. Zozulya

In late July, 1974, the first chamber burial was excavated in Timerevo (Timeryovo). Among the numerous and miscellaneous grave offerings there was found a metal quirt. With that find the present article is concerned. The quirt was remade from the sleeve and lower part of the broken tongue of a spear tip. A complicated pattern of the inlay executed mainly of silver and the presence of 10 pairs of holes suggest that the tip was of type I according to Jan Petersen's typology. Within the ancient Rus territory, there is known only one other spear tip of type I. Its provenance is from the Chernaya Mogila barrow. Rare finds (1–3 pieces) come from Belorussia, Latvia, Estonia and Finland. In Norway and Sweden, about 90 spears of type I have been found.

Thus in Temerevo, a quirt has been discovered remade from a spear-head of a type very rare in Rus. The geographic distribution of this category of spear-heads throughout Europe and the inlay of precious metal attribute this find as an imported object of "high status".

Случайные находки скандинавских предметов эпохи викингов в Приильменье: из коллекций Новгородского музея

С. Е. Торопов[1]

В статье представлен обзор случайных находок североевропейского происхождения с территории Приильменья, датируемых эпохой викингов и хранящихся в фондах Новгородского государственного объединенного музея-заповедника. Основная часть рассматриваемых предметов относится к категориям металлических украшений и деталей костюма, а также поясной и упряжной гарнитуре. Наряду с Рюриковым городищем выделяются еще две зоны концентрации артефактов скандинавского происхождения: Ильменское Поозерье и Южное Приильменье.

Ключевые слова: археология, эпоха викингов, Новгородская земля, Приильменье, случайные находки, датировка, Ильменское Поозерье, Рюриково городище, подвески, фибулы.

This paper presents a review of stray finds of North-European origin from the territory around Lake Ilmen dating from the Viking Age and kept in the collections of the Novgorod State United Museum-Preserve. The most of the objects here considered are metal ornaments and parts of costume, as well as belt and bridle trappings. Along with Ryurik Gorodishche, still two other zones of concentration of artefacts of Scandinavian provenance are now known: Ilmen Poozerie and southern Ilmen area.

Keywords: archaeology, Viking Age, Novgorod lands, Lake Ilmen area, Ilmen Poozerie, chance archaeological finds, dating, Ryurik Gorodishche, pendants, brooches.

Начиная с 1990-х гг. частные археологические коллекции, ассортимент антикварных магазинов и интернет-аукционов в России и других странах постсоветского пространства активно пополняются за счет так называемых «случайных находок», среди которых немало уникальных артефактов из сплавов цветных и благородных металлов. Основное их число добывается грабителями, скромно называющими себя «любителями металлопоиска». Они бесцеремонно вторгаются в культурные напластования средневековых поселений или разрушают древние погребальные памятники. В результате вырванные из сопутствующего археологического контекста предметы теряют основную часть археологической и исторической информации, а сам контекст чаще всего просто уничтожается. Таковы современные российские реалии, обусловленные целым рядом причин — таких как несовершенство законодательства, бездействие/беспомощность государственных органов, отвечающих за охрану археологического наследия, коррупция, бесконтрольность антикварного рынка, низкий образовательный уровень общества и пр. В настоящее время разграбление памятников археологии в России достигло уровня, близкого к национальной катастрофе. Часть предметов различными путями попадает в музейные хранилища. Однако значительное их число находится и в частных коллекциях, далеко не всегда доступных исследователям.

Новгородская область, географически охватывающая основную территорию Ильменского бассейна, не является исключением в списке регионов, археологическое наследие которых безжалостно уничтожается.

Среди случайно найденных в Приильменье металлических предметов эпохи викингов, как хранящихся в настоящее время в фондах Новгородского музея, так и лишь

[1] Россия, 173007, Великий Новгород. Кремль, 11. Новгородский государственный объединенный музей-заповедник. Фонд археологических коллекций.

временно попавших в поле зрения исследователей, можно выделить группу изделий, связанных с североевропейскими ремесленными традициями. Они изготовлены скандинавскими мастерами или местными ремесленниками по престижным североевропейским образцам. Автору на данный момент известно около 70 таких предметов, найденных за два последних десятилетия. В основном это украшения, детали костюма, элементы поясной и упряжной гарнитуры. Некоторые из находок, о которых пойдет речь ниже, к настоящему моменту уже опубликованы или упоминались в археологической литературе (*Дорофеева,* 2010. С. 30, рис. 2, *14; Новиков,* 2009. С. 59; *Носов, Хвощинская,* 2007. С. 12, 14, табл. 5, *2–3*; *Соболев, Торопов,* 2010; *Хвощинская,* 1997. С. 176–179; 1999; 2007. С. 129–130, рис. 2; *Янссон,* 1999).

Географически основная часть рассматриваемых артефактов связана с Новгородским (Рюриковым) городищем и ближайшей округой Новгорода. Присутствие скандинавов, в том числе и ремесленников, на Городище, а также, видимо, и среди древнейшего населения Новгорода зафиксировано многолетними археологическими исследованиями (*Носов,* 1990. С. 155–163; *Носов и др.,* 2005. С. 28–32).

Рис. 1. Пункты находок отдельных предметов и комплексов скандинавского происхождения эпохи викингов на территории Приильменья (*а* — современные населенные пункты; *б* — пункты находок отдельных предметов и комплексов скандинавского происхождения эпохи викингов; *в* — зоны концентрации «случайных» скандинавских находок).

Fig. 1. Findspots of single objects and assemblages of the Scandinavian provenance dated to the Viking Age throughout Lake Ilmen region (*а* — modern settlement points; *б* — findspots of single objects and assemblages of Scandinavian provenance dated to the Viking Age; *в* — areas of concentration of «stray» Scandinavian finds).

Другим регионом, где за последние два десятилетия обнаружено значительное количество находок североевропейского происхождения, является Ильменское поозерье. Эта относительно небольшая по площади территория между северо-западным берегом оз. Ильмень и р. Веряжей насыщена археологическими памятниками эпохи викингов (*Носов,* 1991; *Носов и др.,* 2005. С. 122–146). Третьей зоной, откуда также происходят некоторые предметы, можно считать Южное Приильменье и, прежде всего, район нижнего течения р. Псижи, где у деревень Старое Солобско и Устрека расположен довольно крупный для этого региона комплекс памятников конца I — начала II тыс. н. э. (рис. 1). Подобная локализация артефактов скандинавского происхождения объясняется не только высокой концентрацией и уровнем изученности местных археологических объектов, но и активной деятельностью грабителей на этой территории. Необходимо также учитывать, что в большинстве случаев место обнаружения находки известно исключительно со слов ее владельца.

Наиболее представительной частью коллекции случайных находок, хранящейся в фондах Новгородского музея-заповедника, можно считать клад серебряных изделий X–XI вв. общим весом около 800 г, собранный на поле у д. Горошково и Любоежа в 2001 г. Очевидно, что клад связан с расположенным здесь же комплексом памятников, состоящим из двух сопок и синхронных им поселений (*Носов,* 1991. С. 19–20, № 32–33, рис. 6). На селище у д. Горошково экспедиция ЛОИА АН СССР проводила археологические исследования в 1977 г. В небольшом раскопе площадью 20 кв. м были открыты основания двух построек и артефакты IX–X вв. (*Носов и др.,* 2005. С. 146, рис. 24, табл. 168–169).

В 2008 г. основная часть клада поступила в фонды музея и стала доступна исследователям (НГМ КП 45351 / А 215 — (1–112))[2]. В составе комплекса насчитывается 112 предметов, представленных как целыми экземплярами, так и отдельными фрагментами (*Торопов,* 2008; *Toropova, Toropov,* 2011). Среди них: бусы, в том числе с зернью и сканью, подвески разных типов, монеты, обломки височных колец, перстни, фрагменты шейных гривен, подковообразная фибула, кусочки серебряного крученого и граненого дрота (рис. 2). Еще более 10 предметов, входивших в состав клада, находятся в различных частных коллекциях.

Учитывая фрагментарность большинства украшений, можно предполагать, что на момент сокрытия ценность клада для его владельца определялась, прежде всего, количеством драгоценного металла, который можно было использовать либо в качестве платежного средства, либо как сырье для производства новых изделий. В составе комплекса отразилась многокомпонентность материальной культуры, складывавшейся в Приильменье на рубеже I–II тыс. н. э. Наряду с украшениями, относящимися к славянской культурной традиции (лунницы, височные кольца), и подвесками из накладок восточного происхождения, клад содержит предметы, явно изготовленные скандинавскими мастерами.

Монетная часть комплекса представлена 12 серебряными монетами, чеканенными в VIII–X вв. на территории современных Ирака, Узбекистана, Афганистана и Пакистана, и двумя восточноевропейскими односторонними подражаниями (брактеатами) X в. Все монеты, кроме одного обломанного брактеата, превращены в подвески с рифлеными ушками.

Среди восточных монет три являются индийскими драхмами (джиталями) раджей Охинда (две из них: НГМ КП 45351/А215 — (93–94) — типа «Шри Спалапати Дева» второй половины VIII — IX в., одна: НГМ КП 45351/А215-95 — типа «Шри Саманта Дева» второй половины IX–X в.), остальные — куфическими дирхамами, относящимися к чекану Умаййадов (первая половина VIII в., 1 экз.), ранних Аббасидов (вторая половина VIII в., 1 экз.) и Саманидов (конец IX–X в., 7 экз.). Среди саманидских монет представлены дирхамы времени Исма‘ила ибн Ахмада и Ахмада ибн Исма‘ила (конец IX — начало X в., 3 экз.) и так называемые «большие дирхамы» времени Нуха ибн Насра, ‘Абд ал-Малика ибн Нуха и Мансура ибн Нуха (середина — третья четверть X в., 4 экз.). Старшая монета комплекса (НГМ КП 45351/А215-104) — умайадский дирхам, чеканенный в ал-Басре в 128 г.х. (745/746 г.), младшая монета (НГМ КП 45351/А215-97) — саманидский «большой дирхам»

[2] Здесь и далее — инвентарный номер хранения в Новгородском государственном объединенном музее-заповеднике.

Рис. 2. Клад серебряных украшений и монет из Ильменского поозерья.
Fig. 2. Hoard of silver ornaments and coins from the Ilmen region.

Рис. 3. Предметы из клада, найденного в 1906 г. у мызы Собачьи Горбы на правом берегу р. Волхов, севернее Новгорода (ОАК за 1906, 1909).
Fig. 3. Objects from the hoard found in 1906 near the farmstead of Sobach'yi Gorby on the right bank of the Volkhov River north of Novgorod.

Мансура ибн Нуха без читаемого места и года чеканки (третья четверть X в.)[3].

Еще с одним комплексом предметов, к сожалению, не попавшим в фонды музея, автору удалось ознакомиться в 2002 г. Со слов владельца, находки происходят из урочища Собачьи Горбы близ Новгорода. Известно, что здесь в 1906 г. был найден крупный денежно-вещевой клад, содержавший 336 монет 898–1075 гг. (в том числе 267 дирхамов, 67 европейских и две византийские монеты), фибулу с зернью и сканью, серебряные шейные гривны, браслеты, серебряные позолоченные бусины с зернью (рис. 3) (*Корзухина,* 1954. С. 100–101, кат. № 55; ОАК за 1906, 1909. С. 117–118, рис. 159–160). Ставшая известной исследователям часть находки 2002 г. включала в себя серебряную подвеску-монету с приклепанным ушком для подвешивания, которую можно определить как милиарисий византийских императоров Василия II и Константина VIII (976–1025) или подражание ему[4], фрагменты трех металлических бусин, одна из которых изготовлена из рубчатой проволоки, и обломки нескольких полых привесок с гроздевидными окончаниями (рис. 4).

Среди прочих металлических находок скандинавского происхождения эпохи викингов, обнаруженных на территории Приильменья, преобладают украшения и детали костюма (подвески, фибулы, булавки), а также элементы поясной и упряжной гарнитуры. Зафиксированы также отдельные фрагменты

[3] Автор благодарит сотрудника Государственного Эрмитажа В. С. Кулешова за определение монет и любезные консультации. На территории Древней Руси индийская монета, превращенная в подвеску, известна в кладе из Гнездова, найденном в 1867 г. (*Корзухина,* 1954. С. 87, № 23; *Гущин,* 1936. С. 53, табл. III, *15*). Еще одна индийская монета происходит из денежно-вещевого клада, найденного в Эрра-Лиива около Кохтла-Ярве в Эстонии в 1939 г., младшая монета которого датируется 945–959 гг. (*Кропоткин,* 1965. С. 184, № 113 (335)).

[4] Автор благодарит сотрудника Государственного Эрмитажа В. В. Гурулеву за определение монеты и любезные консультации.

бытовых предметов и три связки серебряного дрота, которые можно с осторожностью рассматривать как средства платежа. Охарактеризуем все эти категории более подробно.

I. Подвески

Наиболее представительной группой предметов данной категории можно считать круглые прорезные подвески с зооморфным орнаментом, характерным для скандинавского прикладного искусства эпохи викингов, в отечественной археологии известные как «подвески гнездовского типа». Не так давно информация о 129 таких подвесках с территории Древней Руси была проанализирована и обобщена А. С. Дементьевой (*Дементьева*, 2007). Предложенная исследовательницей классификационная схема отличается значительной дробностью[5]. Находки с территории Приильменья в ее каталоге представлены одной подвеской и фрагментом литейной формы с Рюрикова городища (*Носов и др.,* 2005. С. 64, 201, табл. 29, *9*), а также еще двумя — из Новгорода (*Дементьева,* 2007. С. 24, 233, 240, рис. 1, *5*; 9, *3;* 10, *7;* 12, *6,* кат. № 5, 76, 100). В настоящий момент каталог можно дополнить данными о еще 13 предметах из Приильменья. К сожалению, лишь один экземпляр из них обнаружен в ходе археологических раскопок.

Рис. 4. Комплекс предметов из ур. Собачьи горбы (2002).
Fig. 4. Assemblage of finds from Urochishche Sobach'yi Gorby (2002).

Семь подвесок из серебра высокой пробы с позолотой, орнаментированных в стиле Борре, входят в состав охарактеризованного выше клада из Поозерья. Шесть из них (диаметр — 2,5 см)[6], идентичные по размерам и характеру изображения (рис. 5, *2–7*), можно отнести к группе B, типу Riddarholmen, по типологии Й. Калльмера (*Callmer,* 1989. S. 24, 41; Abb. 3, *25, 33*), или типу A IV по классификации А. С. Дементьевой (*Дементьева,* 2007. С. 214, рис. 3, *6–7*). На тулове таких подвесок помещено изображение тела зверя, а голова занимает лицевую сторону ушка для привешивания. Само ушко представляет собой отлитую вместе с подвеской «п»-образную в сечении пластинку, в боковых стенках которой проделаны отверстия для пропускания

[5] В составе каждого типа на основании так называемых «деталей второго порядка», характеризующих особенности изображения, «которые часто зависят от мастерства изготовителя и понимания им декора», исследовательницей выделено несколько вариантов. Подобный выбор признаков, на наш взгляд, вряд ли можно считать правильным, так как по мере увеличения количества находок, учитывая отсутствие «стандартов» при изготовлении подвесок, дробность классификации неизбежно будет нарастать. В составе типа A IV А. С. Дементьева выделяет четыре варианта, ни к одному из которых в чистом виде рассматриваемые нами подвески отнести нельзя. По морфологическим особенностям наиболее близкими являются варианты 1 и 4, различающиеся шириной ушка и характером орнаментального заполнения туловища изображенного зверя (*Дементьева*, 2007. С. 214). Так, подвески клада 2001 г., найденного в Поозерье, имеют широкое ушко (признак варианта 1), четыре прерывающих ободок выступа в виде трехлепестковых «цветков» (признак обоих вариантов) и заполнение туловища зверя в виде рельефной поперечной штриховки (вариант 1) с каймой из фигурных бугорков (вариант 4). Возможно, на не очень удачный выбор признаков, на основе которых выделяются варианты, и не следовало бы обращать внимания, если бы не разница в предлагаемых датировках. Вариант 1 типа A IV А. Дементьева датирует серединой X — первой половиной XI в., а вариант 4 — XI — первой половиной XII в. (*Там же*. С. 231). Й. Калльмер относит все подвески выделенной им группы B с зооморфным орнаментом к середине — второй половине X в. (*Callmer*, 1989. S. 29).

[6] Пять подвесок хранятся в фондах НГОМЗ — КП 45351/А 215 — (87–91) и еще одна находится в частной коллекции.

нити (рис. 5, *1*). Такие «псевдоушки», как считал Ю. М. Лесман, — признак скандинавской ремесленной традиции (*Лесман,* 2003. С. 74). Период бытования рассматриваемых экземпляров, с учетом общей датировки комплекса, можно определить как середину X — XI в. Украшения данного типа обнаружены в основном на территории Восточной Европы (*Дементьева,* 2007. С. 229–230, табл. 2).

Еще одна подвеска (НГМ КП 45351/А 215–92) с изображением зверя из того же клада (рис. 5, *8*) относится к более редко встречающемуся типу. Размеры подвески (без учета высоты ушка) — 2×1,9 см. Она также изготовлена из высокопробного серебра с позолотой и аналогична подвеске из камерного погребения кургана Ц-198 могильника Гнездово, выделенной А. С. Дементьевой как вариант 2 типа A V (*Дементьева,* 2007. С. 221, рис. 7, *12,* кат. № 72). Гнездовское погребение датируется серединой X в. Вероятно, к этому же времени можно отнести и наш экземпляр.

Помимо предметов из охарактеризованного выше клада с территории Поозерья происходят еще две подвески «гнездовского типа», относящиеся к типу A IV по классификации А. С. Дементьевой или к группе B, типу Riddarholmen по Й. Калльмеру. Первая (НГМ КП 42495), также с «псевдоушком» для подвешивания (рис. 5, *9*), несмотря на значительные утраты, сохранила на лицевой стороне следы хорошо проработанных деталей декора и частички позолоты. Размеры: 3,2×2,6 см. Можно предположить, что она была выполнена мастером высокой квалификации. Вторая подвеска (рис. 5, *10*), обнаруженная предположительно в окрестностях д. Ракомо и находящаяся в частной коллекции, представляет собой грубую отливку, сделанную, вероятно, по оттиску в глине. Насколько можно судить по фотографии, размеры предмета примерно 3×2,5 см. Моделью могла служить оригинальная подвеска или, что мне кажется более вероятным, другая подобная отливка. «Псевдоушко» заменено обычным литым ушком, декоративные элементы на лицевой поверхности читаются плохо, изображение тулова зверя почти утратило внутреннюю логику. Создается впечатление, что изготовитель подвески не понимал смысла изображения, а просто пытался копировать некий образец. Как уже отмечалось, Й. Калльмер датирует подвески группы B с зооморфной орнаментацией серединой — второй половиной X в., однако отливка из Ракомо могла быть изготовлена значительно позднее этого периода.

Очевидно, таким же способом были изготовлены и две подвески (НГМ КП 42416, 42417, размеры: 3,1×2,6 см), предположительно происходящие с Рюрикова городища (рис. 5, *11–12*). Они относятся к выделенному А. С. Дементьевой четвертому варианту типа A IV. «Псевдоушко» на отливках заменено цельнолитым петлевидным ушком, элементы декора прослеживаются плохо. Если эти подвески действительно были найдены на Рюриковом городище, то, вероятно, и сделаны они были на месте. Подтверждением производства подобных украшений на Городище является уже упоминавшийся фрагмент глиняной литейной формы (НГМ КП 46748 — рис. 5, *13*). Замена «псевдоушка» более привычным в древнерусской среде цельнолитым ушком, как и на подвеске из Ракомо, также может свидетельствовать о местном происхождении подвесок (*Лесман,* 2003. С. 74).

Среди известных мне случайных находок непосредственно из Новгорода присутствует еще одна подвеска из частной коллекции (рис. 5, *14*). Размеры (с учетом высоты ушка) — 2,7×3,3 см. Подвеска изготовлена из сплава белого цвета, вероятнее всего серебра. На лицевой стороне изображен зверь с повернутой назад головой и широко открытой пастью. Сильно затертый или плохо проработанный при изготовлении литейной формы ободок, вероятно, был оформлен в виде ряда перлов. Прорезка фона в виде отверстий разного размера, скорее всего, производилась на завершающей стадии изготовления подвески. Фон частично сохранился в нижней части изображения. Для подвешивания служило узкое ушко, с рельефным орнаментом на внешней стороне. Подвеска близка украшениям группы A, варианта 3, типа Kipplingeberg по Й. Калльмеру, которые, как и упоминавшиеся ранее подвески группы B с зооморфной орнаментацией, бытуют в середине — второй половине X в. (*Callmer*, 1989. S. 23, 29. Abb. 3, *6–8, 19–21, 31*). А. С. Дементьева выделяет такие подвески как вариант 1 типа A II и в целом датирует серединой X — XI в. (*Дементьева*, 2007. С. 214, 231, табл. 3). По ее под-

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16

счетам, на территории Восточной Европы зафиксировано 18 экземпляров украшений данного типа, что более чем в два раза превышает число находок в Скандинавии (Там же. С. 230, табл. 2). Территориально ближайшей к Новгороду аналогией можно считать случайную находку с Рюрикова городища, отличающуюся рядом деталей и отнесенную на этом основании к другому типу (тип А I, вариант 1) (Там же. С. 213, 216, рис. 1, *5;* 3, *4*, кат. № 5).

Насколько позволяют судить опубликованный рисунок и описание, экземпляр с Городища имеет меньшие размеры и «псевдоушко». Изображенный на лицевой стороне зверь кусает свисающую с ободка ленту (в интерпретации А. С. Дементьевой это длинный язык зверя — Там же. С. 212), что, как и наличие «псевдоушка», позволяет сблизить городищенскую находку с подвесками, найденными на территории Скандинавского полуострова. В то же время уменьшение размеров по сравнению с другими подвесками данного типа, по мнению А. С. Дементьевой, является следствием усадки материала при отливке и свидетельствует о том, что этот экземпляр — далеко не первая копия какого-то образца. На этом основании исследовательница датирует находку с Городища более поздним временем, чем другие подвески, относящиеся к типу А I, варианту 1, — «возможно, первой половиной XI в.» (Там же. С. 240). Новгородский экземпляр также, вероятно, изготовлен по оттиску другой подвески. Можно предполагать, что в данном случае речь идет о новом явлении в среде древнерусских украшений, развивающих в переработанном виде северо-европейскую культурную традицию и датируемых XI–XII вв. (*Лесман,* 2010. С. 482).

В Приильменье близкая по иконографии подвеска (НГМ КП 35773–68; размеры 2,4 × 2,5 см) была обнаружена в женском погребении в кургане № 8 могильника Заручевье, расположенного в бассейне среднего течения р. Мсты (рис. 5, *15*). В состав погребального комплекса входили стеклянные бусы (пастовые оранжевые; одно- и двучастная полосатые лимоновидные; прозрачная голубая 14-гранная; граненая зеленая) и лепной сосуд. Погребение можно датировать серединой — второй половиной XI в. Подвеска из позолоченой бронзы имеет округлую форму. Ушко отсутствует или, возможно, было утрачено еще в древности. Для привешивания могло использоваться одно из прорезанных в фоне отверстий. На лицевой стороне прослеживается изображение зверя с повернутой назад головой и открытой пастью.

Среди подвесок других типов, представленных в коллекции случайных находок, две относятся к категории амулетов. Щитообразная подвеска (НГМ КП 45351/А 215–82; размеры 2,6 × 2,7 см — рис. 5, *16*) входит в состав клада, найденного у деревень Горошково и Любоежа. Это круглая подвеска из тонкого серебряного листа с умбоновидной выпуклостью в центре и точечным орнаментом в виде многолучевого «сегнерова колеса». На противоположных краях подвески пробиты четыре отверстия, связанные, вероятно, с приклепыванием несохранившегося ушка или продольной металлической пластины, использовавшихся для привешивания. Следы приспособления для привешивания прослеживаются также на лицевой стороне в виде царапин, а на оборотной — в виде пятен окислов. Вполне возможно, что первоначаль-

Рис. 5. Подвески скандинавского типа и глиняная формочка для их изготовления: *1* — схема «псевдоушка»; *2–12, 14–16* — подвески; *13* — фрагмент литейной формы. *2–8,16* — клад из Поозерья (*2–6, 8, 16* — НГМ КП 45351/А 215–87–91, 92, 82; *7* — частная коллекция); *9* — Поозерье (НГМ КП 42495), *10* — Ракомо (частная коллекция); *11–13* — Рюриково городище (НГМ КП 42416, 42417, 46748); *14* — Новгород (частная коллекция); *15* — Заручевье (НГМ КП 35773–68). *2–9, 11–12, 14, 16* — серебро; *13* — глина; *15* — медный сплав (?), позолота.

Fig. 5. Pendants of Scandinavian type and a clay mould for their casting: *1* — drawing of «pseudo-ear»; *2–12, 14–16* — pendants; *13* — fragment of a casting mould. *2–8, 16* — hoard from Ilmen Poozerie (*2–6, 8, 16* — Novgorod State Museum КП 45351/А 215–87–91, 92, 82; *7* — private collection); *9* — Ilmen Poozerie (Novgorod State Museum КП 42495), *10* — Rakomo (private collection); *11–13* — Ryurik Gorodishche (Novgorod State Museum КП 42416, 42417, 46748); *14* — Novgorod (private collection); *15* — Zaruchevye (Novgorod State Museum КП 35773–68). *2–9, 11–12, 14, 16* — silver; *13* — clay; *15* — copper alloy (?), gilding.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14

но это была пластина, а затем в ходе ремонта к подвеске было приделано обыкновенное ушко. Существует мнение, что подобные украшения могли также нашиваться на одежду (*Stenberger,* 1958. S. 159).

В отечественной историографии наиболее подробное исследование щитообразных подвесок было проведено Г.Л. Новиковой (*Новикова Г.*, 1998). Судя по материалам погребений, такие подвески были исключительно женским украшением, входившим в состав ожерелий. Есть случаи находок в ногах, у пояса и сбоку от погребенной. По подсчетам исследовательницы, в Северной Европе щитообразные подвески зафиксированы в количестве 69 экз.. Из них две найдены в культурном слое поселений, 34 — в составе кладов, а остальные (33 экз.) — в погребальных комплексах. Большая часть (25 из кладов и 29 из погребений) происходит с территории Средней Швеции. В Норвегии обнаружена всего одна подвеска (погребение), в Дании — 9 (клады). Единичные находки разбросаны по побережью Балтики. На территории Древней Руси насчитывается около 60 экз., происходящих из 23 пунктов, в том числе по одному из Новгорода и Пскова. Основная часть подвесок связана с погребениями. В составе кладов и на поселениях обнаружено всего 7 предметов. Хронологические рамки бытования щитообразных подвесок для Северной Европы охватывают конец IX — первую половину XII в. (клад из Йоханнисхюс в Южной Швеции датируется от 1120 г.). Для Древней Руси исследовательница сужает этот период до X — середины XI в., при этом большинство «относятся к середине — второй половине X в.» (Там же. С. 166–169).

Другая подвеска-амулет, происходящая, вероятно, с Рюрикова городища, вместе с еще одной подобной находкой, обнаруженной здесь же в ходе раскопок, опубликована Т.С. Дорофеевой (*Дорофеева*, 2010. С. 28, рис. 2, *14*). Подвеска (НГМ КП 42494 — рис. 6, *1*) представляет собой кольцо диаметром 1,8 см из рубчатой серебряной проволоки с завязанными в виде двойной петли концами, на которое надеты четыре серебряных миниатюрных стерженька — посоха длиной 1,2–1,3 см. Они изготовлены из серебряной проволоки диаметром около 2 мм. В средней части каждого стерженька сделано уплощение, сквозь которое пробито отверстие для надевания на кольцо. Концы декорированы 3–5 параллельными кольцевыми канавками, у двух с одной стороны и у двух остальных — с обеих. Подвески такого типа обычно рассматриваются исследователями как «жезлы Вельвы» и атрибуты скандинавской магии (*Price,* 2002. P. 203–204).

С территории Поозерья, вероятно, происходит еще одна подвеска из серебряной рубчатой проволоки в виде кольца с надетой на него спиральной бусиной из такой же проволоки и завязанными петлей концами (НГМ КП 42493; размеры 3,3×2 см — рис. 6, *4*). Очень близкое по форме украшение происходит из датируемого IX в. погребения Bj 66 могильника Бирки (*Arbman,* 1940. Taf. 114, *1*). Спиральные бусы из серебряной рубчатой проволоки содержатся и в других погребальных комплексах некрополя (*Arbman*, 1940. Taf. 114, *7, 9, 11–12*). Аналогичные находки зафиксированы в Норвегии, материковой Швеции, на Готланде и Аландских островах, а также на территории Древней Руси: в Гнез-

Рис. 6. Детали ожерелий: *1–6, 8, 10–14* — подвески; *7* — фрагмент бусины; *9* — ожерелье. *1, 3* — Рюриково городище (НГМ КП 42494, 25770); *2* — клад из Поозерья (НГМ КП 45351/А 215–81); *4* — Поозерье (НГМ КП 42493); *5, 10–14* — Дрегли, погребение № 18 (НГМ КП 31900/А 83–20, 22); *6, 8* — окрестности Новгорода (НГМ КП 44618, 38308); *7* — ур. Собачьи горбы (2002 г.); *9* — Бирка, погребение Bj 632 (Наследие варягов... 1996. С. 18). *1–5, 7* — серебро; *6, 8* — медный сплав (?); *9* — серебро, сердолик, горный хрусталь; *10–14* — медный сплав (?), стекло.

Fig. 6. Parts of necklaces: *1–6, 8, 10–14* — pendants; *7* — fragmentary bead; *9* — necklace. *1, 3* — Ryurik Gorodishche (Novgorod State Museum КП 42494, 25770); *2* — hoard from Ilmen Poozerie (Novgorod State Museum КП 45351/A 215–81); *4* — Ilmen Poozerie (Novgorod State Museum КП 42493); *5. 10–14* — Dregli, burial № 18 (Novgorod State Museum КП 31900/A 83–20, 22); *6, 8* — surroundings of Novgorod (Novgorod State Museum КП 44618, 38308); *7* — Urochishche Sobach'yi Gorby (2002); *9* — Birka, burial Bj 632. *1–5, 7* — silver; *6, 8* — copper alloy (?); *9* — silver, cornelian, rock crystal; *10–14* — copper alloy (?), glass.

дове, Шестовицах, Тимереве, урочище Плакун в Старой Ладоге. В целом период бытования этого типа бус можно обозначить как вторую половину IX — XI вв., хотя вопросы их хронологии во многом остаются дискуссионными (*Френкель,* 2010. С. 551–557). Стоит добавить, что в окрестностях Новгорода известен пока лишь один фрагмент аналогичной бусины, входящий в состав комплекса находок из Собачьих Горбов (рис. 4, *5*; 6, *4*, *7*).

Фрагмент серебряной дисковидной подвески (НГМ КП 45351 / А 215–81; размеры 2,9 × 2,4 см), декорированной четырьмя волютами в технике филиграни, также входит в состав клада 2001 г., найденного в Поозерье (рис. 6, *2*). Подобные украшения с орнаментом из трех или четырех волют довольно часто встречаются на памятниках Северной Европы и в составе кладов. Считается, что истоки этой декоративной традиции, широко использовавшейся скандинавскими ювелирами эпохи викингов, находятся за пределами региона, на территории материковой Европы периода Меровингов (*Duczko,* 1985. S. 106–112). В Древней Руси такие подвески появляются, видимо, в X в. Наиболее ярко они представлены в кладах и погребениях Гнездова (*Гущин,* 1936. С. 56, табл. IV, *19–23*; Путь из варяг... 1996. С. 57, № 334–337), а также среди находок из Владимирских курганов (*Спицын,* 1905. С. 115, 141, рис. 172–175, 177). На территории Новгородской земли находки серебряных подвесок со сканым волютообразным орнаментом единичны. Помимо указанной подвески из клада, автору известно еще о двух предметах, датируемых XI в. Это подвески из кургана № 27 могильника Которск-III, расположенного в бассейне р. Плюссы (*Кузьмин и др.*, 2007. С. 92), и погребения № 18 могильника у с. Дрегли в верховьях Сяси (*Конецкий,* 1978а. С. 2–4; 1978б. С. 23, рис. 33). Дрегельская подвеска (НГМ КП 31900 / А 83–20; размеры: 3,1 × 2,4 см — рис. 6, *5*) входила в состав женского серебряного убора одного из древнейших в изученной части некрополя погребений (вероятно, первой половины XI в). Скань на ее поверхности частично утрачена, сохранившиеся элементы декора несут следы сильной потертости. Прежде чем попасть в состав погребального комплекса, украшение могло использоваться в течение длительного периода времени, охватывающего жизнь нескольких поколений. Все это позволяет с осторожностью предположить, что подвеска могла быть изготовлена в конце X — на рубеже X–XI вв.

Волютообразный орнамент присутствует и на цельнолитых украшениях, вероятно, подражающих технике филиграни. В 2008 г. в фонды Новгородского музея поступила маленькая шестиугольная подвеска из медного сплава, найденная в окрестностях Новгорода (НГМ КП 44618; размеры: 2,5 × 1,7 см — рис. 6, *8*). В центре ее лицевой стороны находится ромб, окруженный четырьмя соприкасающимися волютами. По углам располагаются литые бугорки, окаймленные колечками, видимо, имитирующими гранулы зерни, которые соединены между собой бороздчатыми линиями в подражание проволочкам скани. В основании ушка для привешивания размещена личина-маска. Очень близкая по своим морфологическим особенностям подвеска, но изготовленная из серебра и на гораздо более высоком художественном уровне, была найдена в ходе исследований Рюрикова городища (*Носов,* 1990. С. 126, рис. 48, *14*). Известны две аналогичные шведские находки. Одна входит в состав комплекса погребения Bj 861 могильника Бирки (*Arbman,* 1940. Taf. 96, *13*), а другая происходит с территории Южной Швеции (*Hårdh,* 1976. S. 71, Taf. 50, *4*). Стилистически декор этих миниатюрных подвесок близок орнаменту маленьких круглых фибул группы IV по типологии И. Янссона[7] (*Jansson,* 1984a. S. 62, 64. Abb. 8, *2*).

Элементы декора позволяют соотнести с только что охарактеризованной группой подвесок и фибул еще одну маленькую круглую подвеску из позолоченной бронзы, найденную на берегу р. Волхов предположительно напротив Юрьева монастыря (НГМ КП 38308, диаметр 2,3–2,4 см — рис. 6, *6*). По орнаменту она наиболее близка фибулам типов 131 JP, а также 3C IJ и IVB IJ. Наиболее вероятная датировка предмета — X в.

Говоря о случайных находках с Городища под Новгородом, нельзя не вспомнить об объемной подвеске-маске в виде головы дракона, поступившей в фонды музея еще в 1974 г. (НГМ КП 25770; размеры 3,8 × 1,8 × 1,2 см —

[7] Далее по тексту типы по классификации И. Янссона (*Jansson*, 1984а; 1984б) обозначены IJ, Я. Петерсена (*Petersen*, 1928) — JP.

Рис. 7. Фибулы, цветной металл: *1–2* — Поозерье (НГМ КП 42637, 42638); *3–10* — Рюриково городище (НГМ КП 38331, 40289, 39977, 39975, 41481–29, 42410, 40229).
Fig. 7. Brooches, nonferrous metal: *1–2* — Ilmen Poozerie (Novgorod State Museum КП 42637, 42638); *3–10* — Ryurik Gorodishche (Novgorod State Museum КП 38331, 40289, 39977, 39975, 41481–29, 42410, 40229).

рис. 6, *3*). Подвеска выполнена из листового серебра и богато декорирована зернью и сканью. Впервые предмет был опубликован Т.А. Пушкиной (*Пушкина,* 1988). Наряду с аналогичными находками с территории Эстонии и других регионов Северо-Запада России подвеска рассматривалась также Е.Ю. Новиковой (*Новикова Е.,* 1999. С. 50, рис. 1, *4*). Исследовательница сближает городищенскую находку с подвесками-масками из клада рубежа X–XI вв., обнаруженного в Фельхагене на о. Готланд. Особенностью этой группы изделий также является сочетание североевропейского зооморфного стиля и «славянской геометрической зерни» (*Ениосова,* 2011. С. 215). В то же время необходимо отметить, что подвеска с Городища довольно заметно отличается от всех приводимых исследователями аналогий, хотя технологические особенности и орнаментальное сходство все же позволяют отнести эту находку к числу произведений готландских мастеров конца X — рубежа X–XI вв.

Что касается возможного использования охарактеризованных выше украшений, то они могли бы быть частью сложного по составу ожерелья, включающего в себя серебряные, хрустальные, стеклянные и сердоликовые бусы, подвески различных типов, а также проволочные кольца с бусинами. В качестве примера можно привести знаменитое ожерелье из погребения Bj 632 могильника Бирки конца IX в. (*Arbman,* 1940. Taf. 119; Наследие варягов... 1996. С. 18) (рис. 6, *9*). Скандинавские истоки многих из типов этих украшений вполне очевидны. Некоторые получили в Древней Руси дальнейшее развитие, как, например, подвески с изображением зверя или с волютообразным орнаментом, выполненным в технике скани. Вероятно, скандинавские корни имеет и традиция надевания стеклянных, янтарных или металлических бусин на проволочное кольцо, зафиксированная в некоторых погребальных комплексах на территории Приильменья, датируемых XI в. Правда, в отличие от североевропейских украшений, кольца выполнены не из рубчатой, а из гладкой проволоки и не имеют завязанных в виде петли концов. Бронзовое кольцо со стеклянной бусиной (НГМ КП 25294 / А11–36) происходит из погребения № 1 кургана № 2 могильника у д. Устрека на южном берегу оз. Ильмень, четыре стеклянные бусины на бронзовых кольцах (НГМ КП 31900 / А83–22) входили в состав ожерелья из упоминавшегося выше погребения № 18 могильника у с. Дрегли (рис. 6, *10–14*), подвеска с янтарной бусиной (НГМ КП 36697/А–109–372) была обнаружена и в культурном слое Новгорода (*Рыбина, Хвощинская,* 2010. С. 74, рис. 4, *9*).

II. Фибулы

Фибулы различных типов являются еще одной довольно многочисленной категорией случайных находок скандинавского происхождения на территории Приильменья. На настоящий момент можно говорить о находках как минимум 16 равноплечных фибул, включая фрагменты. Из них 10 были найдены на Рюриковом городище в ходе археологических исследований (*Янссон,* 1999. С. 24; *Носов,* 2007. Рис. 10, *2*), одна поднята со дна р. Волхов (*Амброзиани и др.,* 1994), три являются случайными находками с Городища и два экземпляра — из Поозерья. Из двух последних, поступивших в фонды музея в 2002 г., одна принадлежит к редко встречающемуся типу Вальста и относится к раннему периоду эпохи викингов (НГМ КП 42637; размеры: 5,9 × 2,5 см — рис. 7, *1*) (*Носов, Хвощинская,* 2007. С. 14, табл. 5, *3*). Это четвертая по счету находка фибулы такого типа в регионе. Фрагменты еще двух были найдены на Городище, а третья, как указывалось выше, поднята с грунтом со дна Волхова. Другая фибула из Поозерья (НГМ КП 42638, размеры: 7,3 × 2,4 см — рис. 7, *2*), так же как и две находки с Городища (НГМ КП 38331; размеры: 4 × 2,1 см и КП 40289; размеры: 7,8 × 2,7 см — рис. 7, *4, 5*), относится к категории застежек, которые исследователи связывают с территорией Юго-Западной Финляндии (*Носов, Хвощинская,* 2007. С. 11–12, рис. 2, *4,* табл. 5, *2*). Фрагмент еще одной фибулы с Городища относится к типу 58 JP или IA:1 по типологии Г.-Б. Агорд (*Aagård,* 1984. S. 98, 100, fig. 11, *1*) (НГМ КП 39977; размеры: 2,8 × 2,7см — рис. 7, *3*).

Скорлупообразные фибулы в Приильменье также представлены фрагментами не менее чем 15 экз., из которых обломки двух застежек происходят с новгородских раскопов (*Рыбина, Хвощинская,* 2010. С. 71, 73, рис. 4, *1–2*), а остальные найдены на Рюриковом

Рис. 8. Фибулы, цветной металл: *1, 3, 5, 7, 9* — Рюриково городище (НГМ КП 402743, 40240, 39978, 39867–1, 40850–4); *2* — Ракомо (частная коллекция); *4* — клад из Поозерья (частная коллекция); *6* — Боково, курган № 43 (НГМ КП 31550/А79–55); *8, 10–12* — окрестности Новгорода (НГМ КП 44530, 7398, 37932/А 135–20, временное хранение).

Fig. 8. Brooches, nonferrous metal: *1, 3, 5, 7, 9* — Ryurik Gorodishche (Novgorod State Museum КП 402743, 40240, 39978, 39867–1, 40850–4); *2* — Rakomo (private collection); *4* — hoard from Ilmen Poozerie (private collection); *6* — Bokovo, barrow № 43 (Novgorod State Museum КП 31550/А79–55); *8, 10–12* — surroundings of Novgorod (Novgorod State Museum КП 44530, 7398, 37932/А 135–20, temporary storage).

городище. Среди находок с Городища, судя по опубликованным материалам, фрагменты 10 фибул обнаружены в ходе раскопок и еще одной, связываемой с разрушенным погребением, — на пашне, на северном склоне городищенского холма (*Янссон,* 1999. С. 23, 36; *Носов,* 2007. Рис. 10, *4–5, 8*; *Носов и др.,* 2010. С. 22). Еще две находки случайны. Это два фрагмента фибулы (НГМ КП 39975; размеры 2,5×3,8 и 3,8×4,3 см), относящейся к типу 51 JP (рис. 7, *6*), и обломок нижней части внутренней конструкции (подложки) еще одной однотипной застежки (НГМ КП 41481–29; размеры 5,5×4,2 см — рис. 7, *7*). Найденные фрагменты можно датировать в рамках X в.

Кольцевидные булавки представлены двумя фрагментами колец с медвежьими мордами (НГМ КП 42410; размеры 5,4×4,1 см и КП 42411; размеры 3,1×2,4 см) и обломком иглы (НГМ КП 40229; размеры 3,8×1,3 см) (рис. 7, *8–10*). Все они, определенно, были найдены на Рюриковом городище и могут быть отнесены к типу V по классификации Л. Тунмарк-Нюлен (*Thunmark-Nylén,* 1984. S. 6, 9). Концентрация этих деталей скандинавского мужского костюма на Городище очень высока. По подсчетам Е. Н. Носова и Н. В. Хвощинской, всего оттуда происходит 24 экз. булавок, более половины из них орнаментированы в стиле Борре. Предметы датируются концом IX — X в. (*Янссон,* 1999. С. 28–29; *Носов, Хвощинская,* 2006. С. 133, 137).

Случайной находкой с Рюрикова городища является и фрагмент трилистной фибулы (НГМ КП 42743; фрагмент, размеры 2,5×2,2 см — рис. 8, *1*). Насколько мне известно, в настоящее время это единственная находка подобной фибулы в Приильменье. На лицевой стороне фрагмента прослеживается плохо сохранившийся орнамент в стиле Борре, а на оборотной — обломанная петелька для цепочки. Вероятнее всего, обломок с Городища принадлежит фибуле типа 97 JP (группе 5 по типологии Б. Хорд) (*Hårdh,* 1984a. S. 87, 90–91. Abb. 10, *5*). Ближайшей аналогией с территории Древней Руси является случайная находка из Гнездова (*Пушкина,* 1999а. С. 40, рис. 3, *4*). Это бронзовая позолоченная фибула, центр которой украшают обращенные затылками друг к другу три маски в стиле Борре, а каждый лепесток покрывает тугое ленточное плетение с поперечной штриховкой и небольшими лапками. Я. Петерсен называет этот тип «характерным норвежским» (*Petersen*, 1928. S. 104). Однако подобные фибулы были найдены и на территории Швеции и Аландских островов. В Восточной Европе они датируются X в.

К числу редко встречающихся находок относится бронзовая дуговидная фибула (Bügelfibel) без иглы с изображением звериной морды в верхней части рамки, происходящая с Рюрикова городища (НГМ КП 39978; размеры 8,6×2 см — рис. 8, *5*). Видимо, это вторая известная находка с территории Приильменья. Первая фибула также была найдена на Городище. Ее упоминает в небольшой статье, посвященной находкам дуговидных фибул на территории Древней Руси, Т. А. Пушкина (*Пушкина,* 1999б. С. 82), а изображение опубликовано Е. Н. Носовым (*Носов,* 1990. Рис. 44, *4;* 2007. С. 29, рис. 3, *6*). Конструктивно подобные застежки состоят из широкой бронзовой или железной рамки с расширяющимися концами и длинной железной изогнутой иглы, прикрепленной при помощи простого шарнира к одному из концов. На противоположном конце расположен боковой вырез для закрепления острия иглы при ношении фибулы. Кроме Городища, 11 дуговидных фибул было найдено в Гнездове (*Ениосова,* 2001. С. 84, табл. 1) и одна в Пскове (*Лабутина и др.,* 1981. С. 72, рис. 3, *6, 75; Пушкина,* 1999б. С. 82, рис. 1, *6*). Большая их часть и в Скандинавии, и в Древней Руси зафиксирована в мужских погребениях. По материалам могильника Бирки, где всего найдено 18 экз., фибулы датируются в пределах последней четверти IX — X в. (*Arrhenius,* 1984. S. 43–44).

Большая круглая фибула, найденная предположительно в черте Новгорода на берегу р. Волхов, поступила в музей в 2007 г. (НГМ КП 44530; размеры 5,7×6 см — рис. 8, *8*). Фибула сильно деформирована. Ее лицевая сторона орнаментирована в стиле Борре, на обороте сохранились остатки иглодержателя и петельки для привешивания цепочки. Типологически наиболее близка этой находке фибула из погребения Bj 857 могильника Бирки, типа II A 4 IJ (*Jansson,* 1984б. S. 77, 79–81. Abb. 9, *1*). Датировать новгородскую фибулу можно X в.

На территории Приильменья известно несколько находок маленьких круглых фибул. Одна из них, из окрестностей с. Ракомо в Поозерье, находится в частной коллекции (рис. 8, *2*). Она относится к типу 128 JP или 2A IJ, одному из самых массовых. По подсчетам И. Янссона, из погребений некрополя Бирки происходит 21 экз. таких фибул, еще два найдено на территории поселения «Черная земля», 40 экз. известно в Исландии, Норвегии, Северной Германии (Хедебю), на Аландских островах и в Восточной Европе (*Jansson,* 1984a. S. 62–63, Abb. 8, *3*). На Северо-Западе аналогичная застежка была найдена в Юго-Восточном Приладожье, в кургане № 2 могильника Шангеничи Село, в погребении по обряду трупосожжения, датируемом X — началом XI в. (*Кочкуркина, Линевский,* 1985. С. 65, 69, рис. 29, *20*). Основной период распространения таких фибул — X в., хотя, по всей видимости, они бытовали и позднее. Интересно отметить влияние этого типа застежек на местную материальную культуру. В погребении № 2 кургана № 43 древнерусского могильника у д. Боково, расположенного в бассейне р. Полы, была найдена накладка, по своей форме и декору абсолютно идентичная описываемым фибулам, имеющая, однако, с обратной стороны штифты для крепления. Вероятно, для ее отливки использовался оттиск аналогичной фибулы (НГМ КП 31550 / А79–55; диаметр 2,5 см — рис. 8, *6*). Это женское погребение с богатым инвентарем, датируемое XI в. Накладка находилась в области таза погребенной, хотя, как отмечается в полевом отчете, предметы могли быть растащены корнями деревьев или грызунами (*Пронин,* 1979. С. 44–45, рис. 179, 213, *4*). Говоря о возможности местного изготовления такого рода украшений, стоит отметить мастер-модель для маленьких круглых фибул, близких по типу к фибулам I A 1 IJ, найденную на Рюриковом городище и не так давно опубликованную Н. В. Хвощинской (НГМ КП 40240; диаметр 2,7 см — рис. 8, *3*). На лицевой стороне модели помещено выполненное в стиле Еллинге изображение двух переплетающихся и кусающих себя за хвосты драконов или змей (*Хвощинская,* 2007. С. 130–131, рис. 2).

Аналогичный сюжет в рамках того же орнаментального стиля, но выполненный в иной манере, можно увидеть на еще одной фибуле с Рюрикова городища, поступившей в фонды музея в 1999 г. (НГМ КП 40850–4; размеры: 3 × 2,8 см — рис. 8, *9*). Судя по плохой проработке деталей, она представляет собой далеко не первую по счету отливку с оригинальной фибулы, точно такой же, как в погребении Bj 1087 могильника Бирки (*Arbman,* 1940. Taf. 85, *1*). На обороте застежки сохранились остатки иглодержателя, иглоприемника и петельки для привешивания цепочки. Любопытно, что точно такая же фибула невысокого качества была найдена в Новгороде на Посольском раскопе в 2008 г. в напластованиях X — первой половины XI в. (*Петров,* 2009. С. 83, рис. 4). Е. А. Рыбина и Н. В. Хвощинская соотнесли эту находку с фибулами типа I B IJ (*Рыбина, Хвощинская,* 2010. С. 73). Нельзя исключать, что оба новгородских экземпляра были изготовлены в одной мастерской, расположенной, например, на Городище.

К категории маленьких круглых фибул принадлежит и уникальная серебряная застежка из клада близ деревень Горошково и Любоежа, оставшаяся, к сожалению, в частной коллекции (диаметр ок. 4 см) (рис. 8, *4*). Она относится к типу V D IJ и полностью идентична фибуле из другого погребения некрополя Бирки — Bj 642, датируемого средним периодом эпохи викингов (конец IX — вторая половина X в.) (*Arbman,* 1940. Taf. 70, *1*). Исследователи отмечают необычность изделия. Серебряные украшения эпохи викингов, изготовленные из щитообразных пластин, хорошо известны, однако особенностью этой фибулы является декор в виде филигранных конусов из серебряной рубчатой проволоки и шариков зерни, выполненный на высоком художественном уровне. Фибулы такого типа обнаружены в комплексе погребения № 45 могильника Хедебю, относящегося к раннему периоду эпохи викингов, и в погребении X в. у Тумби-Бинебек к северо-востоку от Хедебю. Фрагмент с двумя рядами филигранных конусов происходит также из клада в Терслев (*Duczko,* 1985. S. 86–88, fig. 114–115; *Arents, Eisenschmidt,* 2010. S. 33–34, 306, Taf. 8, *3a–3b*).

Еще одна категория фибул представлена кольцевидными застежками с зооморфными головками. Одна из них (НГМ КП 39867–1; размеры: 3,9 × 4,5 см), с уплощенным и орна-

ментированным в стиле Борре кольцом, без иглы, была найдена на Рюриковом городище и поступила в фонды музея в 1997 г. (рис. 8, *7*). Об этой находке упоминает Н. В. Хвощинская (*Хвощинская,* 1999. С. 45). Фрагмент абсолютно такой же фибулы удалось найти среди предметов из довоенных раскопок (НГМ КП 7398; размеры: 3,7 × 1,9 × 1 см — рис. 8, *12*), к сожалению, место этой находки пока установить не удалось. Еще один обломок с зооморфными головками происходит откуда-то из окрестностей Новгорода (НГМ КП 37932 / А 135–20; размеры: 2,7 × 2 см — рис. 8, *11*). Эта застежка по своей форме близка фибулам со звериными головками из Бирки, в частности из погребения Bj 628 (*Arbman,* 1940. Taf. 48, *1*). Подобные фибулы в целом датируются X в., а наиболее вероятным местом их производства исследователи считают Среднюю Швецию и Готланд (*Хвощинская,* 1997. С. 176–177; 1999. С. 44–45).

Маленькая кольцевидная застежка (диаметр 3 см) с тремя обращенными внутрь медвежьими (?) головками была найдена в 2010 г. на берегу р. Волхов, в черте Новгорода (рис. 8, *10*)[8]. Единственной известной на данный момент автору аналогией является фибула из погребения № 2 кургана № 54 могильника у д. Щуковщина, в Юго-Восточном Приладожье, датируемая XI в. (*Бранденбург,* 1895. С. 55, 111, рис. 14; Путь из варяг... 1996. С. 41, № 42). Небольшой диаметр, специфическая форма и отсутствие иглы у новгородского экземпляра позволяют, как мне кажется, предположить возможность первоначального использования этих предметов в качестве ременных разделителей.

III. Элементы поясной и упряжной гарнитуры

Следующей представительной группой находок североевропейского происхождения являются элементы поясов и конской упряжи. В настоящий момент мне известно 11 отдельных предметов и один набор упряжных накладок, происходящий предположительно из разрушенного и разграбленного погребения в могильнике у д. Устрека на южном берегу оз. Ильмень.

С Рюрикова городища происходят упряжные накладки: целая (НГМ КП 42413, размеры 4,3 × 1,7 см) и фрагментированная (НГМ КП 39852, размеры 2,5 × 21,7 см), орнаментированные в стиле Борре (рис. 9, *1–2*). Они аналогичны накладкам из известного Супрутского клада (*Изюмова,* 2002. С. 90, рис. 4; *Мурашева,* 2008). Необходимо отметить, что это не первые такие находки на памятнике (*Носов,* 1990. С. 120, рис. 48, *2; Янссон,* 1999. С. 31, рис. 1, *5*). В Бирке две подобные накладки зафиксированы в погребении Bj 644 (*Arbman,* 1940. Taf. 28, *6*).

На Рюриковом городище найдены еще три ременные накладки. Две — квадратной формы из позолоченного медного сплава, с зооморфным орнаментом. По углам накладок просверлены отверстия для крепления к ремню заклепками (НГМ КП 39867–3; размеры 2,6 × 2,5 см; КП 40516–8; размеры 2,7 × 2,8 см). По мнению В. В. Мурашевой, подобный крепеж характерен для поясной гарнитуры именно североевропейского происхождения (рис. 9, *3–4*) (*Мурашева,* 1998. С. 155). Имитация такого же способа крепления хорошо прослеживается на еще одной городищенской находке (НГМ КП 42922; размеры: 2,7 × 1,9 см). Эта бракованная бронзовая отливка, вероятно, сделана по оттиску прямоугольной скандинавской бляшки, орнаментированной в стиле Борре. Четыре штифта по углам предмета полностью повторяют форму маленьких заклепок, вставленных в отверстия (рис. 9, *6*). Фрагмент очень похожей накладки был обнаружен в ходе исследований на Городище в 2006 г. при разборке напластований конца IX — X в. (*Носов и др.,* 2007. С. 15, 22, рис. 1, *9*).

Две другие накладки (НГМ КП 42414 и КП 45511; диаметр 2,2 см — рис. 9, *5, 8*) почти абсолютно идентичны, но имеют, однако, разное происхождение. Они изготовлены из медного сплава с золочением, круглой формы и орнаментированы в стиле Еллинге. На обратной стороне прослеживаются следы двух штифтов для крепления. Одна из них поступила в музей в 2002 г. как находка с Рюрикова городища. В древности из этой накладки пытались сделать подвеску, о чем свидетельствуют остатки приклепанного ушка. Другая была найдена в 2009 г. на пашне у деревень Горошково и Любоежа в Поозерье, там же, где в 2001 г. был обнаружен клад.

Помимо накладок в коллекции случайных находок представлены и другие элементы поясной гарнитуры. Среди них фрагмент

[8] Передана в НГОМЗ и сейчас находится на временном хранении.

скобы из медного сплава с плетеным орнаментом, который также был найден на Рюриковом городище (НГМ КП 40237, размеры: 2,1 × 1,8 × 1,3 см — рис. 9, *7*). Аналогичные скобы, датируемые X в., присутствуют, например, среди находок из кургана № 16, раскопанного С. И. Сергеевым в Гнездовском могильнике в 1900 г. (Путь из варяг... 1996. С. 50, № 213).

Фрагмент поясного наконечника (размеры: 4 × 1,3 см — рис. 9, *9*), найденный в окрестностях Новгорода и хранящийся в частной коллекции, представляет собой бракованную отливку или, возможно, подражание одному из типов англосаксонских ременных наконечников. Один такой наконечник был найден при раскопках Рюрикова городища в 1999 г. на берегу Сиверсова

Рис. 9. Поясная и упряжная гарнитура, цветной металл: *1–7, 10* — Рюриково городище (НГМ КП 42413, 39852, 39867–3, 40516–8, 42922, 42414, 40237, 41321–9); *8* — Горошково (Поозерье) (НГМ КП 45511); *9* — окрестности Новгорода (частная коллекция); *11–15* — Устрека (Южное Приильменье).
Fig. 9. Belt and harness fittings, nonferrous metal: *1–7, 10* — Ryurik Gorodishche (Novgorod State Museum КП 42413, 39852, 39867–3, 40516–8, 42922, 42414, 40237, 41321–9); *8* — Goroshkovo (Ilmen Poozerie) (Novgorod State Museum КП 45511); *9* — surroundings of Novgorod (private collection); *11–15* — Ustreka (Southern Ilmen region).

канала и опубликован К. А. Михайловым (*Михайлов*, 2003). Как отмечает исследователь, от скандинавских накладок он отличается орнаментацией и изображением головы животного в проекции сверху. На территории Скандинавии находки гарнитуры этого круга единичны. Наконечник с Городища ближе всего к находкам из округи Йорка и мог попасть на Русь через Бирку. Британские исследователи датируют подобные ременные наконечники IX — началом X в. Судя по стратиграфии находки 1999 г., она относится к первой половине — середине X в. Вероятно, случайную новгородскую находку также можно отнести к этому периоду.

Деталь ременного разделителя (НГМ КП 41321–9; размеры: 4,1 × 1,2 × 1,3 см — рис. 9, *10*) в виде объемной головы дракона, выполненной в стиле Урнес, найденная на Рюриковом городище и поступившая в фонды Новгородского музея в 2002 г., относится к поясной гарнитуре готландского типа. По терминологии Ю. М. Лесмана, это так называемая петля-обойма, соединявшая конец ремня с кольцом или приемником пряжки. Готланд считается наиболее вероятным местом происхождения металлических элементов поясов в стиле Урнес, там же сосредоточено наибольшее число находок. В остальных регионах Скандинавии встречены лишь единичные предметы. За пределами острова больше всего находок зафиксировано в Юго-Западной Финляндии, есть они и в Прибалтике, где присутствуют также местные подражания. На территории Древней Руси основное количество таких ременных разделителей и отдельных обойм найдено в погребальных комплексах Ижорского плато (*Лесман,* 2004. С. 234–235). Возможно, крайней юго-западной точкой распространения элементов поясной гарнитуры готландского типа на сегодняшний день можно считать древнерусский Галич, столицу Галицко-Волынского княжества, на территории которого также был найден поясной разделитель с аналогичными обоймами-петлями (*Пастернак,* 1944. С. 182, рис. 70, *25*; *Парчевский,* 2011). По мнению Ю. М. Лесмана, наиболее вероятное время попадания готландских поясов на Русь — середина — третья четверть XII в. Обойма с Рюрикова городища, отличающаяся высоким качеством изготовления, могла быть произведена непосредственно на о. Готланд (*Лесман,* 2004. С. 235–236).

Комплекс накладок от конской упряжи был найден грабителями на территории могильника у д. Устрека в устье р. Псижа, на южном берегу о. Ильмень в мае 2009 г. В состав комплекса входит бляха оголовья упряжи со звериной мордой (5,3 × 1,7 см), одна удлиненная накладка (3,5 × 1 см) и 3 квадратные накладки (1,2 × 1,2 см). Все они изготовлены из медного сплава, орнаментированы в стиле Борре и, возможно, были позолочены. Скорее всего, набор происходит из разрушенного погребения (рис. 9, *11–15*)[9]. Аналогии ему известны в материалах погребальных комплексов из Борре (Вестфолл, Норвегия) (From Viking to Crusader... 1992. P. 178, fig. 2, 272–273, cat. No 169), Скопинтулл (Уппланд, Швеция) (*Rydh,* 1936. S. 117–118), трупосожжения в Ире (о. Готланд, Швеция). Необходимо отметить, что уздечная гарнитура аналогична известной упряжи из Гнездова (*Новиков,* 2009). В. В. Новиков вслед за А. Н. Кирпичниковым связывает гнездовский комплекс с большим курганом № 65 (7), раскопанным С. И. Сергеевым в 1900 г. Налобные украшения этого типа известны также среди случайных находок из Белоозера и в Вологодской области. По мнению исследователя, эти уздечные наборы — продукт скандинавского ремесла и связаны с присутствием на Руси выходцев из Скандинавии, обладавших особым социальным статусом или наделенных властными полномочиями. Все комплексы, за редкими исключениями, могут быть отнесены ко второй четверти — концу X в. (*Новиков,* 2009. С. 66). Однако, как мне кажется, в данном случае смущает некоторая нехарактерность подобных находок для территории самой Скандинавии.

IV. Различные предметы

Среди случайных находок известны и другие предметы. Например, фрагмент булавки или пинцета с антропоморфной головкой (группа Е тип 31 по классификации

[9] В настоящее время, благодаря коллегам из Северо-Западной археологической экспедиции НИИКСИ СПбГУ, предметы стали доступны для изучения и, вероятно, скоро будут переданы в фонды музея.

Рис. 10. 1–2 — навершия пинцетов; *3* — накладка кресала; *4* — головка булавки; *5–8* — фрагменты дрота. *1–2, 4* — Рюриково городище (НГМ КП 39853, 42412, 39855); *3* — Поозерье (НГМ КП 42355); *5–6* — Южное Приильменье (НГМ КП 46276, 46275); *7–8* — Южное Приильменье (частная коллекция). *1–4* — цветной металл, *5–8* — серебро.

Fig. 10. 1–2 — head of pincers; *3* — fire-steel mount; *4* — pin head; *5–8* — fragments of a dart. *1–2, 4* — Ryurik Gorodishche (Novgorod State Museum КП 39853, 42412, 39855); *3* — Ilmen Poozerie (Novgorod State Museum КП 42355); *5–6* — Southern Ilmen region (Novgorod State Museum КП 46276, 46275); *7–8* — Southern Ilmen region (private collection). *1–4* — nonferrous metal, *5–8* — silver.

Ю. Валлер), найденный в окрестностях Рюрикова городища (НГМ КП 39853; размеры: 2,1×1,1×0,8 см — рис. 10, *1*). По материалам могильника Бирки этот тип булавок является наиболее многочисленным (*Waller,* 1984. S. 184–185, 187. Abb. 20, *31*). Оттуда же происходит и навершие бронзового пинцета, которое можно отнести к группе С, типу 16 (НГМ КП 42412; размеры 3,7×0,9 см — рис. 10, *2*). Ни та, ни другая находка не являются для Городища единичными (*Носов,* 1990. С. 160–161, рис. 64, *3; Янссон,* 1999. С. 27; *Носов и др.,* 2005. С. 57, табл. 29, *1*). Предположительно здесь же найдена и орнаментированная головка булавки из медного сплава с позолотой (НГМ КП 39855; размеры 3,9×3,0 см — рис. 10, *4*).

Редкая находка — накладка языковидного кресала из цветного металла поступила в фонды музея в 2002 г. предположительно из Поозерья (НГМ КП 42355; размеры 6,5×2,0 см — рис. 10, *3*). Она относится к типу 3а по классификации Б. Хорд (*Hårdh,* 1984б. S. 156). Полная аналогия этому изделию происходит из погребения Bj 99 Бирки (*Arbman,* 1940. Taf. 145, *1*). Находки подобных кресал зафиксированы в Норвегии, Финляндии и Прибалтике. На территории Карелии кресало с точно такими же накладками обнаружено в широко известном комплексе погребений X в. из Лопотти (*Сакса,* 2010. С. 62, 66, рис. 12, *22*). В Новгородской земле языковидное кресало найдено на городище «Городок на Маяте» (*Еремеев,* 2006. С. 272; *Еремеев, Дзюба,* 2010. С. 198–199, рис. 181, *1–1а*), а фрагменты близких по форме кресальных накладок обнаружены на Рюриковом городище (*Янссон,* 1999. С. 23, 27, рис. 1, *3*), а также на поселении Которского погоста, расположенном в бассейне р. Плюссы (*Соболев,* 2005. С. 78, рис. 3). Все перечисленные находки можно датировать в рамках X в.

Любопытной категорией артефактов, также относящихся, вероятно, к эпохе викингов, являются три связки фрагментов серебряного прута-дрота и еще один отдельный обломок подобного витого дрота-гривны с петлей на конце. Такие находки традиционно рассматриваются исследователями как комплексы платежного серебра. Все они, по имеющейся информации, происходят из одного микрорегиона в Южном Приильменье, а именно из окрестностей старой дороги между деревнями Ретле и Пустошь на южном берегу оз. Ильмень. Одна из связок дрота (НГМ КП 46276, вес 124 г — рис. 10, *6*) и отдельный фрагмент гривны (НГМ КП 46275, вес 54 г — рис. 10, *5*) поступили в Новгородский музей. Два остальных комплекса находятся в частном собрании (рис. 10, *7–8*). Стоит отметить, что их вес равен 217 и 147 г, что весьма близко к весу древнерусской гривны (*Янин*, 2009. С. 56–57, 170). Прямые аналогии связкам дрота именно такой формы мне неизвестны.

Завершая обзор, необходимо отметить, что этот малоинформативный по причине отсутствия археологического контекста материал, датируемый в основном X–XI вв., т. е. временем коренных изменений в характере отношений Руси и Скандинавии, все же позволяет сделать некоторые выводы. Несмотря на то что основная часть предметов происходит с Рюрикова городища, все же очевидно расширение географии скандинавских находок на территории Южного Приильменья и Ильменского Поозерья. Высокая концентрация продуктов скандинавского ремесла на Городище объясняется постоянным присутствием на поселении выходцев из этого региона и локальным производством по привозным образцам. Впрочем, для некоторых артефактов нет четкой привязки либо имеющаяся информация об их местонахождении вызывает сомнения. Значительное количество находок североевропейских предметов в Поозерье можно объяснить значением этой территории для раннего периода истории Новгородской земли и высокой концентрацией археологических памятников третьей четверти — конца I тыс. н. э., связанных со славянским расселением и началом формирования новгородского боярства.

На этом фоне Новгород и его ближайшие окрестности выглядят довольно скромно. Е. А. Рыбина и Н. В. Хвощинская выдвинули предположение, что основная масса скандинавских предметов в Новгороде может быть сосредоточена на Торговой стороне, где пока мало исследованных участков с культурными напластованиями X в. Другими факторами, влияющими на количество

находок, являются разница в хронологии и социальных функциях Новгорода и Городища, а также процент изученной площади этих памятников (*Рыбина, Хвощинская,* 2010. С. 76). В целом соглашаясь с выводами исследователей, хочу добавить, что ответом на этот вопрос мог быть полный анализ всей совокупности археологических данных, относящихся к периоду становления города. Нельзя исключать и возможность выявления следов догородской поселенческой структуры на участках будущей территории Новгорода.

Что касается Южного Приильменья, то на настоящем этапе его изучения с возможным пребыванием выходцев из Северной Европы можно связать лишь поселение и могильник у д. Устрека в устье р. Псижи. По своим внешним признакам, особенностям материальной культуры и известным нам элементам погребального обряда этот комплекс нехарактерен для территории Приильменья эпохи славянской колонизации и образования Древнерусского государства.

В связи с этим необходимо вспомнить, что в 1969 г. небольшие раскопки могильника в д. Устрека были предприняты Б. Д. Ершевским. На момент раскопок в могильнике насчитывались две сопковидные насыпи, значительно удаленные друг от друга, и группа из 8 небольших курганов. В этой группе, относящейся, видимо, к финальной стадии существования некрополя, было изучено пять насыпей (*Ершевский,* 1970. С. 17). Наиболее яркий комплекс представлен в кургане № 4. Это мужское погребение с наборным поясом, складными весами и комплектом гирек (НГМ КП 25294 / А 11: 7–9, 15–30, 44, 54–55 — рис. 11), датируемое второй половиной — концом XI в. В небольшой публикации, посвященной в основном этому погребению, Б. Д. Ершевский и В. Я. Конецкий, ссылаясь на рассказы местных жителей, предположили, что курганов могло быть значительно больше (*Ершевский, Конецкий,* 1985. С. 62). Это предположение подтверждается нашими разведочными исследованиями, проводившимися в

Рис. 11. Комплекс находок из кургана № 4 могильника у д. Устрека в Южном Приильменье (НГМ КП 25294/А 11: 7–9, 15–30, 44, 54–55), цветной металл.

Fig. 11. Assemblage of finds from barrow no. 4 at the cemetery near the village of Ustreka in the Southern Ilmen region (Novgorod State Museum КП 25294/А 11: 7–9, 15–30, 44, 54–55), nonferrous metal.

последние годы. Вероятно, некрополь мог занимать весьма значительную площадь, около 4000 кв. м.

Основным фактором появления и существования поселения в устье р. Псижи можно считать обслуживание пути по оз. Ильмень. Устье реки являлось единственным местом, где суда могли подойти к берегу и укрыться во время сильного ветра (Там же. С. 65). Это место используется для стоянки рыбацких судов и в настоящее время. Находки комплексов платежного серебра у д. Ретле и Пустошь, всего в 5 км от д. Устрека, вне контекста поселений, но с привязкой к дороге, функционировавшей еще 150–200 лет назад, позволяют высказать предположение о существовании в раннем средневековье сухопутного пути вдоль южного берега оз. Ильмень. Возможно, комплекс памятников у д. Устрека является не единственным объектом такого рода в Южном Приильменье, однако обнаружить другие поселения пока не удалось. Как уже было отмечено, памятники в устье р. Псижи явно связаны со скандинавской культурой и формированием Древнерусского государства. Интересно отметить, что закат и прекращение функционирования данного могильника и, очевидно, поселения приходится на время становления Руссы как раннесредневекового города. Скорее всего, эти события происходили параллельно: на смену открытым торгово-ремесленным поселениям приходили города, ориентированные на внутреннее производство и торговлю. Вопросы начальных этапов существования Старой Руссы еще далеки от разрешения, однако сегодня очевидно, что и в устье р. Псижи, и в городе периода становления проживали представители одной социальной и культурной группы, формировавшей элиту Древнерусского государства.

Амброзиани и др., 1994 — *Амброзиани Б., Гайдуков П. Г., Носов Е. Н., Янссон И.* Первая находка скандинавской равноплечной фибулы типа Вальста на Руси // АВ., 1994. № 3.

Бранденбург, 1895 — *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья. СПб., 1895 (Материалы по археологии России; № 18).

Гущин, 1936 — *Гущин А. С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л., 1936.

Дементьева, 2007 — Дементьева А. С. «Подвески гнездовского типа» на территории Древней Руси X–XII вв. // Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника / Отв. ред. В. В. Мурашева. СПб., 2007.

Дорофеева, 2010 — *Дорофеева Т. С.* Скандинавский амулет с Городища под Новгородом // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова / Под ред. Н. В. Хвощинской, А. Е. Мусина. СПб., 2010.

Ениосова, 2001 — *Ениосова Н. В.* Скандинавские рельефные фибулы из Гнездова // Гнездово. 125 лет исследования памятника. М., 2001 (Труды Государственного исторического музея; Вып. 124).

Ениосова, 2011 — *Ениосова Н. В.* Стилистическая и технологическая атрибуция скандинавской золотой фибулы из округи Брянска // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура. Вып. 2: К юбилею Инги Константиновны Лабутиной / Отв. ред. В. Л. Янин. Псков, 2011.

Еремеев, 2006 — *Еремеев И. И.* Славянский городок в Восточном Приильменье // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. (Великий Новгород, 24–26 января 2006). Великий Новгород, 2006. Вып. 20.

Еремеев, Дзюба, 2010 — *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф.* Очерки исторической географии лесной части «Пути из варяг в греки»: археологические и палеогеографические исследования между Зап. Двиной и оз. Ильмень. СПб., 2010.

Ершевский, 1970 — *Ершевский Б. Д.* Ильменские курганы // Археологические открытия 1969 года / Отв. ред. академик Б. А. Рыбаков. М., 1970.

Ершевский, Конецкий, 1985 — *Ершевский Б. Д., Конецкий В. Я.* Об одном из транзитных пунктов на древнем торговом пути // Новое в археологии Северо-Запада СССР / Отв. ред. В. М. Массон. Л., 1985.

Изюмова, 2002 — *Изюмова С. А.* Супрутский клад 1969 г. // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Тула, 2002. Т. 1: Археология.

Конецкий, 1978а — *Конецкий В. Я.* Отчет об исследованиях Новгородского музея в 1978 г. // Архив ИА РАН, ф. Р-1, д. № 7363.

Конецкий, 1978б — *Конецкий В. Я.* Отчет об исследованиях Новгородского музея в 1978 г.: Альбом иллюстраций // Архив ИА РАН, ф. Р-1, д. № 7363А.

Корзухина, 1954 — *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII веков / Отв. ред. М. К. Каргер. М.; Л., 1954.

Кочкуркина, Линевский, 1985 — *Кочкуркина С. И., Линевский А. М.* Курганы летописной веси X — начала XIII века / Науч. ред. В. В. Седов. Петрозаводск, 1985.

Кропоткин, 1965 — *Кропоткин В. В.* Новые находки византийских монет на территории СССР // Византийский временник. 1965. Т. 26.

Кузьмин и др., 2007 — *Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю., Тарасов И. И., Шмелев К. В.* Работы Северо-Западной археологической экспедиции НИИКСИ СПбГУ в сезоне 2006 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. (Новгород, 23–25 января 2007) / Под ред. В. Л. Янина. Великий Новгород, 2007. Вып. 21.

Лабутина и др., 1981 — *Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф.* Древнерусский некрополь Пскова (по раскопкам 1976 г.) // Средневековые древности. М., 1981 (КСИА; Вып. 166).

Лесман, 2003 — *Лесман Ю. М.* Псевдоушки — диагностический признак скандинавских подвесок эпохи викингов // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 2003.

Лесман, 2004 — *Лесман Ю. М.* Древнерусские находки поясной гарнитуры готландского типа в стиле Урнас // XV конф. по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл.: Ч. I. М., 2004.

Лесман, 2010 — *Лесман Ю. М.* Литейная форма из Вышгорода // Ювелирное дело и его истоки: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб., 2010.

Михайлов, 2003 — *Михайлов К. А.* Находка англо-саксонского наконечника ремня на Рюриковом городище // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. (Новгород, 28–30 января 2003) / Под ред. В. Л. Янина. Великий Новгород, 2003. Вып. 17.

Мурашева, 1998 — *Мурашева В. В.* Скандинавские наборные ременные накладки // Историческая археология: Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина / Под ред. В. Л. Янина и Т. А. Пушкиной. М., 1998.

Мурашева, 2008 — *Мурашева В. В.* Супрутский клад: Из раскопок 1969 года. М., 2008 (Труды ГИМ; Вып. 175).

Наследие варягов... 1996 — Наследие варягов: диалог культур / Отв. ред. И. Янссон. Стокгольм, 1996.

Новиков, 2009 — *Новиков В. В.* Уздечный набор из раскопок С. И. Сергеева в Гнездово // РА. 2009. № 2.

Новикова Г., 1991 — *Новикова Г. Л.* Скандинавские амулеты из Гнездова // Смоленск и Гнездово (К истории древнерусского города). М., 1991.

Новикова Г., 1998 — *Новикова Г. Л.* Щитообразные подвески из Северной и Восточной Европы // Историческая археология: Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина / Под ред. В. Л. Янина и Т. А. Пушкиной. М., 1998.

Новикова Е., 1999 — *Новикова Е. Ю.* Подвески-маски из кладов Швеции, Восточной Прибалтики и Древней Руси // Археологический сборник: Памяти Марии Васильевны Фехнер / Отв. ред. Н. Г. Недошивина. М., 1999 (Труды ГИМ; Вып. 111).

Носов, 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. Л., 1990.

Носов, 1991 — *Носов Е. Н.* Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тысячелетия н. э. (Каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли 1990 / Под ред. В. Л. Янина, Е. Н. Носова и П. Г. Гайдукова. М., 1991.

Носов, 2007 — *Носов Е. Н.* Тридцать лет раскопок Городища: итоги и перспективы // У истоков русской государственности. Историко-археологический сборник: Материалы междунар. науч. конф. (4–7 октября 2005 г., Великий Новгород, Россия). СПб., 2007.

Носов и др., 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья: Новые материалы и исследования. СПб., 2005 (Труды ИИМК РАН; Т. XVIII).

Носов и др., 2007 — *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Смирнов А. М., Хвощинская Н. В., Юшкова М. А.* Раскопки на Городищенском холме // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы научной конференции (Новгород, 23–25 января 2007) / Отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород, 2007. Вып. 21.

Носов и др., 2010 — *Носов Е. Н., Дорофеева Т. С., Смирнов А. М., Хвощинская Н. В.* Продолжение исследований центральной части Рюрикова городища // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. (Новгород, 26–28 января 2010) / Отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород, 2010. Вып. 24.

Носов, Хвощинская, 2006 — *Носов Е. Н., Хвощинская Н. В.* Некоторые аспекты изучения кольцевидных булавок на территории Древней Руси // Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур. Сборник докладов / Под ред. А. Н. Кирпичникова, Е. Н. Носова, А. И. Сакса. СПб., 2006.

Носов, Хвощинская, 2007 — *Носов Е. Н., Хвощинская Н. В.* Связи населения центрального Приильменья с Западной Финляндией и Эстонией в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX–X вв. // Северная Русь и народы Балтики / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб., 2007 (Труды ИИМК РАН; Т. XXIV).

ОАК за 1906, 1909 — Отчет Императорской Археологической комиссии за 1906 год. СПб., 1909.

Парчевский, 2011 — *Парчевский М.* Скандинавская находка из княжеского города Галича // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2011. № 5: Древности антов.

Пастернак, 1944 — *Пастернак Я.* Старий Галич. Археологічно-історичні досліди у 1850–1943 рр. Краків; Львів, 1944.

Петров, 2009 — *Петров М. И.* Славенский конец средневекового Новгорода: раскоп Посольский 2008 // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф., посвящ. 80-летию академика В. Л. Янина (Новгород, 27–29 января 2009) / Отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород, 2009. Вып. 23.

Пронин, 1979 — *Пронин Г. Н.* Отчет о работе Ильменской экспедиции ИА АН СССР в 1979 г. // Архив ИА РАН, ф. Р-1. д. № 7842, 7842А.

Путь из варяг... 1996 — Путь из варяг в греки и из грек...: Каталог выставки. М., 1996.

Пушкина, 1988 — *Пушкина Т. А.* Скандинавские находки из Городища под Новгородом // Скандинавский сборник. Таллин, 1988. Вып. XXXI.

Пушкина, 1999а — *Пушкина Т. А.* Трилистные скандинавские фибулы на территории Восточной Европы // Археологический сборник: Памяти Марии Васильевны Фехнер / Отв. ред. Н. Г. Недошивина. М., 1999 (Труды ГИМ; Вып. 111).

Пушкина, 1999б — *Пушкина Т. А.* Об одной группе скандинавских фибул на территории Древней Руси // Древности Пскова. Археология, история, архитектура. К юбилею Инги Константиновны Лабутиной / Отв. ред. В. В. Седов. Псков, 1999.

Рыбина, Хвощинская, 2010 — *Рыбина Е. А., Хвощинская Н. В.* Еще раз о скандинавских находках из раскопок Новгорода // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова / Под ред. Н. В. Хвощинской, А. Е. Мусина. СПб., 2010.

Сакса, 2010 — *Сакса А. И.* Древняя Карелия в конце — начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб., 2010.

Соболев, 2005 — *Соболев В. Ю.* Находки, сделанные на селище Которской погост в 2002–2004 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. (Великий Новгород, 18–20 января 2005) / Отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород, 2005. Вып. 19.

Соболев, Торопов, 2010 — *Соболев В. Ю., Торопов С. Е.* Находка древнерусского наборного пояса в Ильменском Поозерье // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран / Под ред. Е. Н. Носова, С. В. Белецкого. М., 2010. Т. 2.

Спицын, 1905 — *Спицын А. А.* Владимирские курганы // ИАК. 1905. Вып. 15.

Торопов, 2008 — Торопов С. Е. Два уникальных комплекса древнерусских ювелирных украшений // Ежегодник Новгородского гос. объединенного музея-заповедника 2008. Великий Новгород, 2008.

Френкель, 2010 — *Френкель Я. В.* Борьба за курган № 7 скандинавского могильника Плакун (О датировке кургана и о синхронизации его с культурными напластованиями Земляного городища Старой Ладоги) // Ювелирное дело и его истоки: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб., 2010.

Хвощинская, 1997 — *Хвощинская Н. В.* Подковообразная фибула со звериными головками с Рюрикова городища // Древности Поволховья / Под ред. А. Н. Кирпичникова и Е. Н. Носова. СПб., 1997.

Хвощинская, 1999 — *Хвощинская Н. В.* Подковообразные фибулы Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина / Ред. А. А. Гиппиус, Е. Н. Носов, А. С. Хорошев. М., 1999.

Хвощинская, 2007 — *Хвощинская Н. В.* Бронзолитейное производство Рюрикова городища в IX–X веках // Северная Русь и народы Балтики / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб., 2007 (Труды ИИМК РАН; Т. XXIV).

Янин, 2009 — *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009.

Янссон, 1999 — *Янссон И.* Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы: К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина / Ред. А. А. Гиппиус, Е. Н. Носов, А. С. Хорошев. М., 1999.

Aagård, 1984 — *Aagård G.* — *B.* Gleicharmige Spangen // Birka: Untersuchungen und Studien. II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde / G. Arwidsson (ed.). Stockholm, 1984.

Arbman, 1940 — *Arbman H.* Birka: Untersuchungen und Studien. I. Die Gräber: Tafeln. Stockholm, 1940.

Arents, Eisenschmidt, 2010 — *Arents U., Eisenschmidt S.* Die Gräber von Haithabu. Neumьnster: Wachholtz, 2010. Bd 2.

Arrhenius, 1984 — *Arrhenius B.* Bügelfibeln // Birka: Untersuchungen und Studien. II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde / G. Arwidsson (ed.). Stockholm, 1984.

Callmer, 1989 — *Callmer J.* Gegossene Schmuckanhänger mit nordischer Ornamentik // Birka: Untersuchungen und Studien. II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde / G. Arwidsson (ed.). Stockholm, 1989.

Duczko, 1985 — *Duczko W.* Birka: Untersuchungen und Studien. V. The filigree and granulation work of the Viking period: an analysis of the material from Björkö. Stockholm, 1985.

From Viking to Crusader... 1992 — From Viking to Crusader: The Scandinavians and Europe 800–1200 / E. Roesdahl, D. M. Wilson (eds.). København, 1992.

Hårdh, 1976 — *Hårdh B.* Wikingerzeitliche depotfunde aus Sьdschweden. Katalog und Tafeln //Acta archaeologika Lundensia. Series in 4°. No 9. Lund, 1976.

Hårdh, 1984а — *Hårdh B.* Kleeblattfibeln // Birka: Untersuchungen und Studien. II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde / G. Arwidsson (ed.). Stockholm, 1984.

Hårdh, 1984б — *Hårdh B.* Feuerstahle // Birka: Untersuchungen und Studien. II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde / G. Arwidsson (ed.). Stockholm: Almqvist & Wiksell international, 1984. P. 155–160.

Jansson, 1984а — *Jansson I.* Kleine Rundspangen // Birka: Untersuchungen und Studien. II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde / G. Arwidsson (ed.). Stockholm:, 1984.

Jansson, 1984б — *Jansson I.* Grosse Rundspangen // Birka: Untersuchungen und Studien. II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde / G. Arwidsson (ed.). Stockholm, 1984.

Petersen, 1928 — *Petersen J.* Vikingetidens Smykker. Stavanger: Dreyers grafiske anstalt, 1928.

Price, 2002 — *Price, Neil S.* The Viking way religion and war in late Iron Age Scandinavia. Uppsala: Dept. of Archaeology and Ancient History (Institutionen för arkeologi och antik historia), Univ., Stockholm, 2002.

Rydh, 1936 — *Rydh H.* Förhistoriska undersökningar på Adelsö. Stockholm, 1936 (Monografier, Kungl. Vitterhets-, historie- och antikvitetsakademien; 24).

Stenberger, 1958 — *Stenberger M.* Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. 1: Text. Stockholm, 1958.

Thunmark-Nylén, 1984 — *Thunmark-Nylén L.* Ringnadeln // Birka: Untersuchungen und Studien. II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde / G. Arwidsson (ed.). Stockholm, 1984.

Toropova, Toropov, 2011 — *Toropova E. V., Toropov S. E.* Le pays de Novgorod de l'époque proto-urbaine à la formation de la cité // Russie viking, vers une autre Normandie? Novgorod et la Russie du Nord, des migrations scandinaves a la fin du Moyen Âge (VIIIe–XVe s.) (Catalogue de l'exposition). Caen, Musée de Normandie, 24 juin — 31 octobre 2011 / S. Berthelot, A. Musin (eds.). Paris, 2011.

Waller, 1984 — *Waller J.* Nadlen / Pfrieme und Pinzetten // Birka: Untersuchungen und Studien. II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde / G. Arwidsson (ed.). Stockholm, 1984.

Chance finds of Scandinavian Viking Age objects in the Lake Ilmen region from collections of the Novgorod Museum

S. E. Toropov

This paper presents a review of stray archaeological finds dating from the Viking Age and produced in North-European manufacturing traditions. The objects under consideration now are housed in collections of the Novgorod State United Museum-Preserve.

Among the objects considered (totally about 70 pieces) there are ornaments, details of costume and pieces of belt and bridle sets. These are dated mostly to the 10th and 11th centuries and have been found within the basin territory of Lake Ilmen. The majority of the finds are lacking in any detailed information about their archaeological associations.

A hoard of silver ornaments revealed near the villages of Goroshkovo and Lyuboyezh in the lake area is the most representative assemblage.

Among the pendants and brooches, of note are both йlite objects manufactured by highly-skilled jewellers and some rather cheep imitations. Certain jewellery types have obtained new evolution in the local conditions.

Of interest among these artefacts are bunches of a fragmentary silver darts found in the southern Ilmen region. Their weights are fairly close to that of the Novgorod silver *grivna*.

Despite the absence of any reliable archaeological context, the materials under consideration will widen our notions about the geography of distribution of Scandinavian products throughout the regions of the Novgorod state. Three territorial zones are identifiable: 1) Ryurik Gorodishche (Rurik Hillfort) and the immediate surroundings of the city of Novgorod; 2) Lake region, and 3) Southern Ilmen area. The majority of the finds come from the Gorodishche. Of special note is Novgorod where the quantity of objects of the North-European circle is rather small but possibly this fact is due to a poor extent of archaeological investigation of the most ancient urban strata. The considerable concentration of products of North-European crafts in the Ilmen lacustrine area owes to the special role of this region in the early mediaeval history of Novgorod. In the southern Ilmen region, all of the known finds are concentrated within the area and surroundings of the cluster of sites near the village of Ustreka at the mouth of the Psizha River.

Гончарные плитчатые крышки болгарской традиции на Рюриковом городище[1]

В. М. Горюнова[2]

В статье вводится в научный оборот новая для Северо-Западной Руси керамическая форма XIII в. — гончарные плитчатые крышки с вертикальной ручкой, связанные с производственной традицией Волжской Болгарии. При этом сделаны предположения о назначении данной категории керамической продукции и факторах, которые способствовали ее появлению на Рюриковом городище.

Ключевые слова: Северо-Западная Русь, Рюриково городище, Великая Булгария, Волжская Болгария, гончарное производство.

In this paper, ceramic flat lids of the 8th century with a vertical handle, never previously described for the Northwestern Rus, are scientifically presented. These finds are related to the manufacturing traditions of Volga Bulgaria. Hypotheses about the purpose of these ceramic objects are proposed and the factors are suggested which induced their appearance at Ryurik Gorodishche.

Keywords: Northwestern Rus, Ryurik Gorodishche (Rurik's Hillfort), Great Bulgaria, Volga Bulgaria pottery production.

Во время полевых исследований на Рюриковом городище в 2011–2012 гг. керамическая коллекция памятника пополнилась новой, до этого неизвестной для Северо-Западной Руси категорией находок — плоскими плитчатыми круглыми крышками с вертикальной ручкой по центру (рис. 1). Они были изготовлены из песчанистого глиняного теста, в которое не вносились специальные добавки. Крышки сформированы на гончарном круге, снизу видны следы песчаной подсыпки. Край диска имеет вертикальный или косой срез, иногда слегка закругленный. Диаметр крышек колеблется в переделах от 16 до 27 см, преобладают размеры в 21–22 см. Ручки не сохранились, о наличии таковых можно судить по отпечаткам в центре крышек. Диаметр ручек не превышал 4 см. В двух случаях можно было проследить технику крепления ручки: в центре диска делалось углубление, в которое вставлялся суженный нижний конец ручки (штырь), а затем внешние края нижней части ручки примазывались к поверхности диска. Благодаря глиняному штырю обеспечивалась нужная жесткость крепления (рис. 1, *6, 7*)[3]. Вокруг ручки гребенчатым штампом наносились многорядные концентрические круги. В одном случае между двух рядов концентри-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке ОИФН РАН в рамках программы «Нации и государство в мировой истории» (проект «Древнерусская культура центральных районов Новгородской земли на перекрестках традиций народов Восточной Европы»).

[2] Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

[3] На этот технологический прием следует обратить внимание при решении вопроса происхождения такой формы крышек. Этот прием крепления ручек применялся также при изготовлении желто-глиняного кувшина из Новгорода (*Горюнова*, 2013. С. 155, рис. 6) и некоторых форм болгарской посуды X–XI вв. (*Хлебникова*, 1984. С. 118; группа IX). Н.А. Кокорина, обсуждая степень влияния огузской традиции на формирование керамического комплекса Волжской Болгарии, отмечала этот прием в качестве характерной черты, применяемой при изготовлении посуды с ручками, с одной стороны, гончарами оседлых племен южного Казахстана, а с другой — огузами Семиречья и Приаралья (*Кокорина*, 2002. С. 46).

ческого орнамента были нанесены семячковидные вдавления (рис. 1, *6*).

Часть крышек имеет серый цвет и трехслойную структуру на изломе черепка (6 фрагментов), у некоторых — верхняя поверхность и край прокалены до белого цвета (7 фрагментов), но есть фрагменты, у которых черепок однородного белого цвета (4

Рис. 1. Гончарные крышки из раскопа 2012 г. на Рюриковом городище.
Fig. 1. Ceramic lids from excavation of 2012 at Ryurik Gorodishche.

фрагмента). Таким образом, можно предполагать, что температура обжига была не всегда достаточной для полного прокаливания черепка до белого цвета. Один экземпляр был изготовлен из красножгущейся глины (рис. 1, *6*), но он также имел неравномерную прокаленность.

Все белоглиняные крышки (прокаленные насквозь) не имели следов нагара (рис. 1, *1, 2*, *5*). Крышки без белого прокала или частично обожженные до белого цвета (рис. 1, *1, 3, 7*) были покрыты нагаром по нижней поверхности, не доходя 1–2 см до внешнего края. Иногда нагар прослеживался также и на верхней части. Там, где край крышки был прокален до белого цвета, нагар всегда отсутствовал[4].

На Рюриковом городище фрагменты плитчатых крышек были выявлены в неблагоприятных стратиграфических условиях: вне комплексов, в переотложенном, значительно нарушенном культурном слое, среди разнородного материала, начиная от лепной керамики и кончая вещами XVII–XIX вв. При этом надо отметить, что они все же концентрировались на ограниченной площади нескольких квадратов (кв. 28–31 и 33, 38), где, по статистическим данным, преобладали фрагменты сосудов XIII–XIV вв. Не исключено, что фрагменты плитчатых крышек, возможно, были связаны с разрушенной верхней частью заполнения двух ям в кв. 38, в которых были найдены фрагменты керамики XIII в.

Определение исходной территории и уточнение хронологических рамок данной формы посуды Рюрикова городища возможно только с помощью привлечения аналогий. Подобной формы крышки среди керамических материалов Северо-Западной Руси мне неизвестны. На этой территории более распространены крышки конической формы с невысокой центральной ручкой, имеющей сверху чашевидное углубление. Они имеют разнообразную профилировку и покрыты разнообразным орнаментом и нередко поливой, использовались в качестве столовой посуды. Появляются в городской культуре не ранее второй половины XIV — начала XV в. Характерны для Южных и Западных земель, где широко распространены в XII–XIII вв. (*Кильдюшевский*, 2002. С. 14, 17, рис. 6, *13–22*).

В свое время мною в материалах последних двух десятилетий X в. Рюрикова городища были отмечены фрагменты крышек типологически близких форм. Они имели такое же плитчатое основание, но значительно меньший размер в диаметре (13,5–15 см), и у них отсутствовала орнаментация (*Горюнова*, 2013. С. 155, рис. 5, *1–2*). Но главное отличие ранних крышек Рюрикова городища от рассматриваемых в данной статье заключается в технике изготовления. И основа, и ручка маленьких плитчатых крышек были сделаны из единого куска глины. Как я уже писала, плоские крышки с центральной высокой ручкой лепные и гончарные, неорнаментированные или украшенные врезными концентрическими кругами, защипами и радиально расходящимися от ручки канелюрами встречаются как на памятниках Подонья, так и на территории Средней Волги. На памятниках салтово-маяцкой культуры они крайне редки. С. А. Плетнева, публикуя материалы Саркела — Белой Вежи и древнерусскую керамику с этого памятника, крышкам посвятила короткие заметки, поскольку материал был крайне ограничен, не более трех десятков фрагментов (*Плетнева*, 1959. С. 229; 1992. С. 109–110). Помимо конических крышек, характерных для древнерусской городской культуры (гончарные формы с нижним вертикальным бортиком) и для кочевников (лепные формы), в Саркеле — Белой Веже присутствует некоторое число плоских гончарных плитчатых крышек с невысокой грибовидной вертикальной ручкой в центре, вокруг которой нанесены концентрические окружности (*Плетнева*, 1992. С. 109–110, 127, рис. 12, *1*). К особенностям всех форм крышек Белой Вежи следует отнести их небольшой диаметр — не более 12–14 см. В публикации не указано конкретное количество тех или иных форм крышек, а также нет определения их конкретной хронологии. Исходя из общих положений, касающих-

[4] Эти наблюдения косвенно говорят о назначении крышек. Часть из них, без нагара и прокаленная насквозь (т. е. лучшего качества), использовалась в качестве либо столовой посуды, либо для покрытия какой-то тары. Остальные крышки, с нагаром, использовались не только при варке пищи, но, возможно, и для каких-то более высокотемпературных манипуляций, при которых нагар по краям крышек выгорал.

ся датировки разных типологических групп древнерусской керамики, а также несомненной связи крышек с керамикой, имеющей на венчике выемку для крышек, можно предполагать, что они существуют одновременно с самой поздней IV группой древнерусской посуды Белой Вежи в конце XI — первой половине XII в. (Там же. С. 229). При этом Плетневой отмечено, что плитчатые и лепные конические крышки встречаются на памятниках предшествующего, хазарского времени лесостепного и степного вариантов салтово-маяцкой культуры. Правда, она не приводит ссылок на конкретный материал предшествующего времени с территории салтово-маяцкой культуры. Мне известны на территории Подонья два пункта хазарского времени, где имеются плитчатые формы крышек. Это Дмитровский могильник, в котором среди остатков одной из тризн вместе с пифосообразным сосудом была найдена плоская круглая крышка со следами вертикальной ручки в центре. Диаметр ее близок ранним крышкам Рюрикова городища — 14 см (*Плетнева*, 1989. С. 135, рис. 79, *65*). И второй пункт — это Сидоровское городище, расположенное в среднем течении Северского Донца, где встречены два вида крышек — плоские и округло-выпуклые в центральной части с высокими вертикальными полыми внутри ручками[5]. Комплексы с крышками автор датирует X в., хотя надо сказать, что большая часть плоских крышек найдена в подъемном материале (*Кравченко*, 2005. С. 161–163, рис. 12; с. 269, рис. 19, *4*). Она также отмечает, что подобные крышки найдены на Сидоровском городище. В целом это редкое явление для памятников салтово-маяцкой культуры, где крышки в основном представлены коническими формами.

Плоские крышки с вертикальной ручкой характерны для памятников Среднего Поволжья эпохи Великой Булгарии. Они встречаются с самого начала формирования этого государственного образования и существуют весь домонгольский период. Самые ранние плоские плитчатые крышки (наряду с выпуклыми) с длинными вертикальными ручками зафиксированы в нижних слоях некоторых поселений Волжской Болгарии, которые можно датировать в пределах X — начала XI в. Среди них также есть небольшие, не более 12 см в диаметре, крышки, аналогичные крышкам Рюрикова городища (*Хлебникова*, 1962. С. 114, рис. 15), но в раннее время среди маломерных крышек преобладают конусовидные формы (Там же. С. 140, рис. 64, *5, 7*). Наряду с ними уже в конце X — начале XI в. появляются большемерные экземпляры, как плитчатые, так и выпуклые, и конусовидные (*Хлебникова*, 1984. С. 140, рис. 64, *1, 3, 4*; 1987. С. 53, рис. 5, *8, 12*)[6]. Такой же набор форм и размеров крышек продолжает существовать и в период XII — начала (или первой половины) XIII в. Вплоть до начала раннего золотоордынского времени (вторая половина XIII — первая треть XIV в.) диаметр крышек колеблется в пределах от 20–24 до 28–30 см, иногда и больше (*Хлебникова*, 1984. С. 140, рис. 64, *1, 3, 4*; с. 153, рис. 72, *13–16*; с. 183, рис. 99, *2–5*; 1988. С. 95, рис. 21–24). Таким образом, наиболее близкие аналогии плитчатым крышкам Рюрикова городища мы находим среди материалов ранних поселений Волжской Болгарии конца X — XIII вв.

В ранее написанной статье присутствие на Рюриковом городище малых форм плитчатых крышек с вертикальной ручкой в комплекте с гончарными охристо-желтыми кувшинами в

[5] Их нельзя назвать коническими, так как они очень невысокие и, в отличие от конических крышек, чаще всего имеют большие размеры — 28–30 см в диаметре.

[6] В работах Т.А. Хлебниковой, которая наиболее активно занимается исследованием формирования и развития керамических форм Волжской Болгарии, на мой взгляд, самый ранний этап формирования этого комплекса совершенно необоснованно датируется первой половиной X в. (а иногда и рубежом IX–X вв.), поскольку в нижних слоях ранних болгарских поселений присутствуют вещи широкого хронологического диапазона. И вывод о ранней дате этих отложений делается на основе сопряжения комплексов ранних слоев поселений с необоснованно заниженными датами ряда погребений Танкеевского (*Хлебникова*, 1984. С. 58, 74–86; 1987. С. 50–51). На мой взгляд, начало формирования поселений Волжской Болгарии происходило не ранее 60-х гг. X в. и его следует связывать с новым притоком населения из Подонья и значительно усилившимся к этому же времени культурным влиянием ремесла среднеазиатских регионов.

слоях после 979 г. (дата приводится по данным дендрохронологии) я объяснила проявлением торговых связей этого княжеского центра с Волжской Болгарией (*Горюнова*, 2013. С. 154). Но вот появление поздних крышек, обнаруженных при раскопках 2011–2012 гг., объяснить прямым результатом торговли со средним Поволжьем весьма затруднительно. Во-первых, на Рюриковом городище, как и в материалах Новгорода, для XII — первой половины XIII в. преобладающими являются все же византийские импорты или сирийские, попадающие на Северо-Восток Руси через Византию (*Носов и др.,* 2005. С. 36–39, 59–61; *Коваль*, 2010. С. 188–190). Во-вторых, в XII–XIII вв. торговля Волжской Болгарии в северо-западном направлении несколько сдерживалась агрессивной политикой владимиро-суздальских князей (*Коновалова*, 1999. С. 80), и распространение керамических импортов Волжской Болгарии, чаще всего связанных с тарной керамикой (перевоз сыпучих материалов, в том числе и зерна), ограничивалось Владимиро-Суздальским, Муромским и Рязанским княжествами (*Валеев*, 1986. С. 28; *Халиков*, 1986. С. 16; *Коваль*, 2010. С. 192). Все же, судя по наличию в Новгороде и на Рюриковом городище редкой престижной иранской люстровой посуды, Волжская Болгария не утратила своего значения в транзите предметов роскоши с Востока на Запад. Правда, по мнению В. Ю. Коваля, такая категория раритетных фаянсов могла попадать в древнерусские города не в результате торговли, а только с их владельцами или в результате военных трофеев или особого заказа (*Коваль*, 2010. С. 192). По-видимому, многие обменные процессы между территориями Северной Руси и Волжской Болгарией в данный период протекали при интенсивном перемещении не только торгового, но и ремесленного люда. Об этом свидетельствуют и письменные источники, и открытие в Биляре ремесленной постройки с признаками ювелирных работ по янтарю, в которой были найдены кости свиньи, что прямо указывало на присутствие не мусульманского, а русского ремесленника. С этим же периодом связано появление именно северных форм древнерусской керамики, которые могли здесь появиться только с древнерусскими гончарами (*Хлебникова*, 1984. С. 231–232; *Халиков*, 1986. С. 16–17). Учитывая все вышеизложенные обстоятельства, появление на Рюриковом городище плоских плитчатых крышек произошло именно не позже конца домонгольского периода (начала XIII в.). И данный факт можно связать с непосредственным культурным воздействием носителей ремесленных традиций Волжской Болгарии. В пользу такого заключения свидетельствует и то, что обжиг и состав глиняного теста городищенских находок не совсем соответствует болгарской традиции. В Болгарах в глину, из которой делали плоские плитчатые крышки, добавляли песок и растительную примесь, и черепок при обжиге получал красный или желтый цвет. На Рюриковом городище есть только один экземпляр красного цвета, остальные были серыми или белыми (см. выше). Хотя в редких случаях и в Болгарах встречается посуда серого цвета. Перемещение ремесленника-гончара на другие территории, удаленные от центра формирования определенной традиции, вынужденное применение местных глин нередко приводит к изменению состава теста и режиму обжига.

Валеев, 1986 — *Валеев Р. М.* Торговые связи Волжской Булгарии и Руси в домонгольский период (X–XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986.

Горюнова, 2013 — *Горюнова В. М.* О восточной неполивной керамике Рюрикова городища X в. // АВ. 2013. Вып. 19.

Кильдюшевский, 2002 — *Кильдюшевский В. И.* Керамика Пскова XII–XVII вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.

Коваль, 2010 — *Коваль В. Ю.* Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М., 2010.

Кокорина, 2002 — *Кокорина Н. А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI — начала XV веков. Казань, 2002.

Коновалова, 1999 — *Коновалова И. Г.* Древняя Русь и Волжская Болгария: торговля и политика в восприятии древнерусских летописцев // Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 1999.

Кравченко, 2005 — *Кравченко Э. А.* Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в хазарское время // Степи Европы в эпоху Средневековья. Хазарское время. Донецк, 2005. Т. 4.

Медведев, 2000 — *Медведев Д. П.* Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов-н/Д, 2000. Вып. 1.

Носов и др., 2005 — *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения северного Приильменья. СПб., 2005.

Плетнева, 1959 — *Плетнева С. А.* Керамика Саркела–Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.; Л., 1959. Т. 2 (МИА; № 75).

Плетнева, 1989 — *Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

Плетнева, 1992 — *Плетнева С. А.* Древнерусская керамика с городища Саркела — Белой Вежи // Древнерусская керамика. М., 1992.

Халиков, 1986 — *Халиков А. Х.* Волжская Булгария и Русь (этапы политических и культурно-экономических связей в X–XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986.

Хлебникова, 1962 — *Хлебникова Т. А.* Гончарное производство волжских болгар X — начала XIII вв. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. М., 1962. Т. IV (МИА; № 111).

Хлебникова, 1984 — *Хлебникова Т. А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984.

Хлебникова, 1987 — *Хлебникова Т. А.* История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар: Очерки истории и культуры. М., 1987.

Хлебникова, 1988 — *Хлебникова Т. А.* Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.

Ceramic flat lids from Ryurik Gorodishche manufactured in Bulgarian tradition

V. M. Goryunova

This paper first publishes a ceramic form known from northwestern Russia of the 8th century — flat ceramic lids with a vertical handle. This type of pottery is found both at archaeological sites of the Don regions and on the Middle Volga. In terms of typology, the flat lids from the site under consideration constitute a common group together with lids from the Seversky Donets and Middle Volga region. However, the examples from Ryurik Gorodishche must be attributed rather to the manufacturing traditions of Volga Bulgaria since they are extremely rare at sites of the Saltovo-Mayatskaya archaeological culture. Flat lids with a vertical handle are commonly found at sites of the Middle Volga of the Great Bulgaria period where they are peculiar to the very beginning of the rise of that state continuing in use throughout the entire pre-Mongolian period.

In the present article, hypotheses are proposed on the purpose of this type of ceramic ware. Some of these items, devoid of a sooty deposit and carefully fired (i.e. of the highest quality) were used either as tableware or to cover some containers. Other lids, which are sooted, were employed not only for cooking but possibly for some manipulations at higher temperatures during which the soot layer around the ledge of the lids was burnt out.

The appearance of lids of the 8th century at Ryurik Gorodishche was not a direct result of the trade with the Middle-Volga region since in that period the commerce of Volga Bulgaria oriented to the north-west was suppressed by the aggressive politics of Vladimir-Suzdal princes. Instead, intensive migrations of both trading and manufacturing people were characteristic of this period. Therefore this kind of pottery may have been connected with the immediate influence of bearers of manufacturing traditions from Volga Bulgaria.

Романские бронзовые сосуды XII в. на территории Новгородской земли

Е. В. Торопова[1]

В статье речь идет о находках романских бронзовых сосудов XII в. на территории Новгородской земли. Обстоятельства обнаружения позволяют предположить использование этих дорогих изделий в ритуальных целях. На чаше из Старой Руссы после реставрации был выявлен гравированный орнамент — вписанные в полукружия изображения идущих львов и четырехконечный крест на дне. На территории Древней Руси такие находки немногочисленны, но они хорошо известны среди древностей стран Балтийского региона. Наиболее вероятными местами производства бронзовых сосудов-чаш большинство исследователей называет долины Рейна и Мааса.

Ключевые слова: романская чаша, археология, средневековый город, западноевропейский импорт, торговля, Готланд, Новгородская земля, Старая Русса, Балтийский регион.

This article deals with finds of Romanic bronze vessels of the 12th century AD from the territory of the Novgorod state. The context of their discovery suggests that these expensive objects were used for ritual purpose. On a bowl from Staraya Russa, an engraved design was revealed after its restoration — representations of walking lions inscribed into semicircles and a four-ended cross on the bottom. Within the area occupied by Old Rus, finds of this type are not numerous but they are well known among the antiquities from the Baltic region. Most of researchers name the valleys of the Rhine and Meuse as their provenance.

Keywords: Romanic bowl, archaeology, mediaeval town, West-European import, trade, Gotland, Novgorod state, Staraya Russa, Baltic region.

История торговли Великого Новгорода со странами Западной Европы в эпоху средневековья давно привлекает пристальное внимание исследователей. Археологические материалы, наряду с данными письменных источников, безусловно, свидетельствуют об активных контактах жителей Новгородской земли со своими северными и западными соседями[2]. Помимо массовых предметов западного импорта (цветные металлы, янтарь, текстиль, оправы зеркал и т. д.) при археологических раскопках встречаются и уникальные изделия западноевропейских ремесленников.

В 1966 г. в серии «Свод археологических источников» В. П. Даркевичем была опубликована, интерпретирована и обобщена вся доступная на тот момент информация о находках произведений западноевропейского художественного ремесла на территории СССР. Каталог состоял из 99 предметов, каждый из которых исследован автором «с точки зрения ее назначения, места изготовления (или принадлежности к определенной школе), датировки, содержания и символики изображений» (*Даркевич*, 1966. С. 7). В перечень была включена и такая категория находок, как бронзовые чаши XI–XIII вв. — 10 экз., три из которых найдены на территории Новгородской земли (два неорнаментированных фрагмента чаши с Неревского раскопа в Новгороде, чаша с растительно-геометрическим орнаментом из кургана у с. Яровщина в Приладожье и неорнаментированная чаша из погребения

[1] Россия, 173014, г. Великий Новгород, Антоново. Гуманитарный институт Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.

[2] Историография и общий обзор истории новгородской торговли подробно представлен в работе Е. А. Рыбиной (*Рыбина*, 2001).

Рис. 1. Бронзовая чаша XII в. из Старой Руссы (рисунок Е. Г. Булыгиной после реставрации).
Fig. 1. Bronze bowl of the 12th century from Staraya Russa (drawing by E. G. Bulygina after restoration).

близ Приозерска Ленинградской области) (Там же. С. 32, 34). В последней трети XX в. этот список дополнился еще двумя экземплярами (*Торопова*, 2009).

В 1971 г. в Старой Руссе (раскоп XI) в слоях, датированных первой половиной XII в., был обнаружен сосуд из медного сплава (*Медведев*, 1974. С. 52), представляющий собой чашу полусферической формы с утолщенным, отогнутым наружу бортиком, покатыми стенками и поверхностью дна, которое выдается кверху. Диаметр сосуда — 26,5–27 см, ширина бортика — 1,1–1,2 см, высота — 7–7,2 см. Чаша изготовлена из отлитой заготовки способом холодной ковки. Ее поверхность была сильно повреждена коррозией, на стенках имелись значительные утраты (рис. 1).

После реставрации на внутренней поверхности чаши был выявлен гравированный орнамент — вписанные в полукружия изображения идущих львов (развернутых влево), расположенные в шестилепестковой композиции. Полукружия разделены символическими деревьями. Образы львов отличаются друг от друга способом отображения гривы — в трех случаях это вертикальные волнистые линии, а в трех — горизонтальные (возможно, львы и львицы?). На дне чаши выгравирован четырехконечный симметричный крест, обрамленный четырьмя концентрическими кольцами. Следует отметить, что гравировка была сильно истерта, а местами не читалась вообще (вероятнее всего, это свидетельствует об очень активной эксплуатации сосуда), и только благодаря тщательной работе художника Е. Г. Булыгиной была выполнена реконструкция орнамента (рис. 2, *1*). Мастер, сделавший гравировку, вероятнее всего, был знаком со средневековыми рукописями романского времени, украшенными красочными миниатюрами, о чем свидетельствуют отдельные детали изображений львов и деревьев (рис. 2, *3, 4*) (*Муратова*, 1984. С. 74, 79).

Как уже упоминалось, чаша была обнаружена в 1971 г. на раскопе XI, расположенном в историческом ядре средневековой Русы. В 1972 г. вплотную к его восточной границе был заложен раскоп XIII (*Медведев*, *Смирнова,* 1974), а в 1976 г. к южным границам обоих раскопов прирезан раскоп XIV (*Медведев*, 1978а). Все это позволило в значительной степени исследовать усадебный комплекс (вскрытая часть имеет площадь около 500 кв. м), на котором был найден сосуд. Чаша была обнаружена под настилом въезда в усадьбу 10-го яруса, сооружения которого датированы первой половиной XII в. (*Медведев*, 1974. С. 48) По мнению руководителя раскопок А. Ф. Медведева, это усадьба «богатых бояр, игравших важную роль в управлении городом и бывших, видимо, представителями новгородских князей. Усадьба передавалась по наследству вместе с властью из поколения в поколение. Уже в первой половине XI в. в этой усадьбе стоял большой деревянный дом, крытый дранкой и украшенный резными наличниками. Обилие выточенной на токарном станке деревянной посуды, наличие дорогой медной посуды и почти полное отсутствие простой глиняной свидетельствует о богатстве владельцев усадьбы в XI–XIII вв. В первой половине XII в. владельцем ее был Демьян — крупный феодал и ростовщик, что видно из содержания шести берестяных грамот, найденных в усадьбе. Свинцовая печать новгородского князя Мстислава Юрьевича (1155–1157 гг.), обнаруженная на полу дома, свидетельствует о важной должности Демьяна...» (*Медведев*, 1978б. С. 23). В. Г. Миронова, характеризуя эту усадьбу, также отмечала, что «...находки, обнаруженные на уровне выявленных сооружений усадьбы, свидетельствуют о высоком социальном и имущественном положении ее владельцев» (*Миронова*, 1990. С. 209). Действительно, тексты берестяных грамот (*Арциховский, Янин*, 1978. С. 145–150), значительное количество счетных бирок (на усадьбе обнаружено 93 экз.) (*Медведев*, 1974, 1978а; *Медведев, Смирнова*, 1974), находки фрагментов византийских шелковых тканей с золотным шитьем (XI–XII вв.) подтверждают благосостояние жителей усадьбы. Здесь же, в слоях второй половины XIII в., была найдена подвеска из морской раковины (Pecten maximus), известная как паломническая реликвия, связанная с культом гробницы св. апостола Иакова в Сантьяго-де-Компостелла в Испании (*Мусин и др.,* 2004. С. 626). Таким образом, даже краткий обзор показывает, что на данной усадьбе обнаружены не только находки, типичные для материальной культуры сред-

Рис. 2. 1 — бронзовая чаша из Старой Руссы, реконструкция орнамента, выполненная Е. Г. Булыгиной; *2–3* — изображения дерева и льва в английском рукописном бестиарии конца XII в. (Средневековый бестиарий, 1984. С. 74, 79).

Fig. 2. 1 — bronze bowl from Staraya Russa; reconstruction of the design by E. G. Bulygina; *2–3* — representation of tree and lion in English manuscript bestiary of the late 12th century.

невекового города, но и предметы роскоши, свидетельствующие об особом статусе ее владельцев и их знакомстве с западноевропейской культурой.

В 1993 г. на Лукинском раскопе, который был расположен на Торговой стороне Новгорода к северу от ц. Спаса Преображения на Ильине улице, при разборке материковой ямы № 7 в кв. 50 был обнаружен бронзовый сосуд (рис. 3). Яма состояла из двух частей. Ее северная часть, глубиной 1,4 м, была использована для установки воротного столба-«вереи» (здесь был расположен съезд в усадьбу с мостовой улицы Лубяницы). В южной части ямы был зафиксирован изучаемый сосуд (*Яременко*, 1995). Он изготовлен из медного сплава, имеет полусферическую форму с утолщенным, отогнутым наружу бортиком и покатыми стенками. Его диаметр 25,6–26 см, толщина бортика 0,83–1,1 см, высота — 6,6–6,7 см. Сосуд изготовлен способом холодной ковки, с внутренней стороны хорошо видны круговые царапины. В его верхней части и особенно у бортика фиксируются следы заглаживания. На стенке отмечены две небольшие трещины, но в целом сосуд хорошей сохранности. На основании стратиграфических наблюдений и анализа вещевой коллекции он может быть датирован XII в., вероятнее всего первой половиной этого столетия.

Рис. 3. Бронзовая чаша, найденная на Лукинском раскопе в Новгороде.
Fig. 3. Bronze bowl found at Lukinsky excavation in Novgorod.

Таким образом, оба рассматриваемых сосуда обнаружены в напластованиях первой половины XII в. Как для Новгорода, так и для Старой Руссы (да и в целом для территории Древней Руси) — это единичные находки. Основными причинами этого, по всей видимости, можно считать отсутствие традиции широкого употребления подобных сосудов, их высокую стоимость, а также использование в дальнейшем металла, из которого была изготовлена чаша, в качестве вторичного сырья (обломки бронзовых сосудов встречаются и в старорусской, и в новгородской коллекциях). В то же время они хорошо известны среди древностей Германии, Англии, Швейцарии, Бельгии, Голландии, Польши, Швеции, Дании, Норвегии, Финляндии, Эстонии, Латвии, начиная с эпохи викингов. Наиболее широкое распространение они получили позднее, в XII–XIII вв., в районе германской торговой активности, которая позднее совпадет с зоной распространения ганзейской торговли (Medeltidens ABC, 1985. P. 160). В литературе встречается также наименование «романские чаши», так как по времени они соответствуют романскому периоду западноевропейского средневекового искусства (*Даркевич*, 1966. С. 55).

Польским исследователем Т. Поклевским была разработана классификация этой категории находок, основанная на содержании орнамента. Автор разделил все сосуды на шесть типов: тип I — чаши с латинскими надписями и рисунками на христианские и мифологические темы; тип II — чаши с погрудными изображениями человеческих фигур, персонифицирующих христианские добродетели и пороки, с пояснительными легендами; тип III — чаши без надписей, с изображениями ангелов в виде крылатых погрудных фигур; тип IV — чаши без надписей, с изображениями животных и птиц; тип V — чаши без надписей, с геометрическим,

растительным или растительно-геометрическим узором; тип VI — чаши без надписей и орнамента (Там же. С. 55–57).

Старорусская находка, согласно этой классификации, относится к IV типу — чаши без надписей, с изображениями животных и птиц, и ранее сосуды такого типа на территории Древней Руси не встречались. Новгородский экземпляр относится к VI типу. В. П. Даркевич отметил, что, по мнению большинства исследователей, декорированные сосуды использовались как при совершении христианских обрядов, так и в светском обиходе, а неорнаментированные чаши, скорее всего, связаны с погребальным ритуалом (Там же. С. 57).

Как уже было отмечено, рассматриваемые сосуды выполнены методом холодной ковки из отлитой заготовки, что могло быть осуществлено только высококвалифицированными мастерами. Реконструкцию процесса их изготовления и набор инструментов, которые при этом использовались, обосновал Г. Тротциг (рис. 4) (*Trotzig*, 1991. P. 70–77) в монографии, посвященной всестороннему исследованию бронзовых сосудов-чаш, найденных на о. Готланд в захоронениях эпохи викингов.

Рис. 4. Реконструкция процесса изготовления бронзовых сосудов-чаш методом холодной ковки (*Trotzig*, 1991. P. 75).
Fig. 4. Reconstruction of the process of manufacture of bronze bowls by method of cold hammering.

Как могли использоваться подобные сосуды? Для чего они предназначались? Данные вопросы продолжают оставаться дискуссионными. В предварительной публикации чаш из Новгорода и Старой Руссы мною были приведены взгляды большинства исследователей (*Торопова*, 2009). На настоящем этапе исследования они могут быть суммированы следующим образом.

1. Изначально сосуды-чаши, по-видимому, предназначались для *гигиенических целей* — два металлических сосуда этого типа эпохи викингов имеют рунические надписи, которые обозначают их как сосуды для мытья рук. Это слово «муллог» хорошо известно по исландским сагам. Есть также косвенное свидетельство Ибн-Фадлана об обычае умывания в «миске» (*Trotzig*, 1991. P. 131).

2. Социальная функция. Подобные сосуды служили предметом роскоши, были показателем богатства, состоятельности, мерой социального престижа. Они изготовлены из очень ценного материала, высококвалифицированным ремесленником, многие из сосудов богато орнаментированы (*Ibid*. P. 132).

3. Сосуды этого типа, безусловно, не могли применяться для приготовления пищи (слишком тонкие стенки и дно), но вполне пригодны для сервировки стола и декоративных целей (*Ibid*.).

4. Ритуальные и церемониальные функции этих сосудов были тесно связаны с сугубо практическими целями. В средневековых христианских ритуалах они могли служить как для Евхаристии, так и для омовения рук священника. Известно использование подобных сосудов в Германии при совершении обряда крещения. Есть также точка зрения, что сосуды с христианской символикой могли употребляться монахинями при исполнении обрядов, связанных с покаянием (*Idid*. P. 128, 132).

5. Погребальная функция. Обычай использования бронзовых сосудов в погребальном обряде во времена эпохи викингов был распространен в скандинавских странах и Балтийском регионе. В XI в. в южной части о. Готланд были зафиксированы погребения с металлическими сосудами (*Ibid*. P. 133). Использование бронзовых чаш в погребальном обряде в XII веке отмечено в Эстонии, причем, как пра-

вило, эти погребения с богатым инвентарем и связываются с захоронениями ливской знати (*Граудонис, Тыниссон*, 1963. С. 249–250).

6. Учебное пособие — чаши могли применяться для получения знаний по ораторскому искусству в средневековых классах. Закругленная форма, удобный для держания обод, который поощряет к вращению, рассматриванию и риторической игре, а также выгравированные слова и изображения способствовали процессу обучения (*Cohen, Safran,* 2006; *Janowski*, 2008).

7. В качестве вторичного сырья для изготовления более мелких предметов.

Для каких целей использовались старорусская и новгородская бронзовые чаши, мы можем только догадываться. Скорее всего, они были приобретены или принесены в дар как предметы роскоши. Общим для обеих находок является факт обнаружения практически целых изделий при схожих условиях — непосредственно у въезда в усадьбы. Эти обстоятельства позволяют предположить использование этих дорогих изделий в ритуальных целях во время закладки усадьбы. Применение при совершении языческого обряда ритуальных сосудов ранее фиксировалось в ходе раскопок в Новгороде (*Седов*, 1956; 1957).

Наиболее вероятными местами производства бронзовых сосудов-чаш большинство исследователей называет долины Рейна и Мааса (*Даркевич*, 1966. С. 56). Вопрос о торговых путях, по которым этот сосуд в первой половине XII в. попал на Новгородскую землю, остается пока открытым. По мнению Е.А. Рыбиной, для XII в. характерны тесные связи Новгорода со странами Северной Европы, и прежде всего с Данией, Швецией и особенно с островом Готланд (*Рыбина*, 2001. С. 100). Не исключено, что именно через Готланд чаши попали в Новгород и Старую Руссу.

Арциховский, Янин, 1978 — *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978.

Граудонис, Тыниссон, 1963 — *Граудонис Я. Я., Тыниссон Э. Ю.* Раскопки ливских курганов в Кримулде // СА. 1963. № 1.

Даркевич, 1966 — *Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.). М., 1966 (САИ; Вып. Е 1–57).

Медведев, 1974 — *Медведев А. Ф.* Отчет об археологических раскопках в г. Старая Русса в 1970–1971 гг. Раскоп XI на Пушкинской улице // Научно-отраслевой архив ИА РАН, 1974, Р-I, д. № 5126.

Медведев, 1978а — *Медведев А. Ф.* Отчет об археологических раскопках в городе Старой Руссе в 1976–1977 гг. Раскоп XIV // Научно-отраслевой архив ИА РАН, 1978, Р-I, д. № 6613.

Медведев, 1978б — *Медведев А. Ф.* Раскопки в Старой Руссе // АО 1977 года. М., 1978.

Медведев, Смирнова, 1974 — *Медведев А. Ф., Смирнова Г. П.* Отчет об археологических раскопках в Старой Руссе в 1972 г. Раскоп XIII // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. 1974. Р-I. д. № 5217.

Миронова, 1990 — *Миронова В. Г.* История археологического изучения Старой Руссы // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990.

Муратова, 1984 — *Муратова К. М.* Средневековый бестиарий. М., 1984.

Мусин и др., 2004 — *Мусин А. Е., Торопова Е. В., Торопов С. Е.* Распятие с предстоящими из археологических находок в Старой Руссе — уникальный памятник древнерусской иконописи первой половины XIII в. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 2003. М., 2004.

Рыбина, 2001 — *Рыбина Е. А.* Торговля средневекового Новгорода: Историко-археологические очерки. Великий Новгород, 2001.

Седов, 1956 — *Седов В. В.* Языческая братчина в Древнем Новгороде // КСИИМК. 1956. Вып. 65.

Седов, 1957 — *Седов В. В.* К вопросу о жертвоприношениях в Древнем Новгороде // КСИИМК. 1957. Вып. 68.

Торопова, 2009 — *Торопова Е. В.* Бронзовые сосуды-чаши XII века скандинавского происхождения из раскопок в Новгороде и Старой Руссе // Хорошие дни: Памяти Александра Степановича Хорошева / Ред. — сост. А. Е. Мусин. Великий Новгород; СПб.; М., 2009.

Яременко, 1995 — *Яременко Е. В.* Отчет о работах на Лукинском раскопе за 1993 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН, 1995, Р-I, д. № 22698.

Cohen, Safran, 2006 — *Cohen A. S., Safran L.* Learning from Romanesque bronze bowls // Word & Image. 2006. Vol. 22. No 3.

Janowski, 2008 — *Janowski A.* The bronze bowl from Nowe Objezierze — archaeological contribution to the history of intellectual culture in medieval Western Pomerania // Kultura ludów Morza Bałtyckiego. T. 1: Starożytność i średniowiecze. Toruń, 2008.

Medeltidens ABC, 1985 — Medeltidens ABC / [red.: Nina Folin... et al.]. [Stockholm]: Gidlund; Statens historiska museum, 1985.

Trotzig, 1991 — *Trotzig G.* Craftsmanship and fuction / A study of metal vessels found in Viking Age tombs on the island of Gotland, Sweden. Stockholm, 1991.

Romanic bronze pottery of the 12th century from Novgorod lands

E. V. Toropova

During archaeological excavations of Old-Russian sites, unique products of West-European artisans are occasionally found along with mass imports. Of special importance among the former are finds of bronze bowls which have obtained the name of "Romanic" in scientific literature.

A vessel of this type was uncovered in 1971 in Staraya Russa. After restoration, an engraved pattern was revealed on its inner surface — representations of walking lions (turned left) inscribed into semicircles positions inside a six-petalled composition. The semicircles are divided by symbolical trees. The lion images differ from one another through the way of representing the manes — in three cases these are rendered by vertical wavy lines, while in three others it is horizontal lines (possibly, concerned are lions and lionesses?). On the bottom of the bowl, a symmetrical four-ended cross is engraved framed inside four concentric circles. In 1993, another vessel (undecorated) was found in Novgorod. The two bowls are both well-preserved. On the basis of stratigraphic studies and analysis of the associated finds, the bowls under consideration are dated to the first half of the 12th century. These are extremely rare finds as both Novgorod and Staraya Russa (or perhaps the entire territory of Old Rus) are concerned.

The majority of researchers consider the valleys of Rhine and Meuse as the most probable places of manufacture of bronze bowls of the type under consideration. The question as to the trade routes through which these vessels can have come to the Novgorod lands in the first half of the 12th century still remains open. Of the period specified, close ties of Novgorod with countries of Northern Europe, and primarily with Denmark, Sweden and especially the island of Gotland, are characteristic. We cannot rule out that exactly through Gotland our bowls were imported to Novgorod and Staraya Russa.

Also we are able only to guess how these vessels were used. Probably, they were acquired or given as presents in the quality of luxury objects and demonstrated the high status of their owners. A common circumstance concerned with the two finds is the discovery of these almost intact bowls under similar conditions — immediately near the entrances to the estates. This fact may suggest the ritual use of these expensive objects. The use of ritual vessels in the practice of heathen rites was noted before during excavations in Novgorod.

Деревянные детали окон жилых построек Новой Мангазеи–Туруханска (XVII–XVIII вв.)

М. А. Рудковская, Н. Н. Митина[1]

Вводятся в научный оборот деревянные элементы окон жилых построек города Туруханск — Новая Мангазея второй половины XVII — первой половины XVIII вв. Находки позволяют реконструировать варианты заполнения оконного проема в гражданском домостроении русского населения Нижнего Енисея и трансформацию традиций от волокового к косящатому окну.

Ключевые слова: Новая Мангазея, Старотуруханское городище, волоковое окно, косящатое окно, оконница, подоконник, наличник.

This publication describes wooden parts of windows in dwelling houses of the city of Turukhansk / New Mangazeya in the second half of the 17th to first half of the 18th century. Archaeological finds give us a possibility to reconstruct different variants of filling of window openings in house-building of the Russian population on the Lower Yenisey River and transformation of traditions from smoke-deflecting windows to construction of jambed ones.

Keywords: New Mangazeya, Staroturukhansk townsite, smoke-deflecting window, jambed windows, windowsill, window case.

Одним из важнейших элементов архитектуры жилища является окно. Дом — это защита, в семиотическом значении — граница между внешним миром и жилым, освоенным человеком пространством. Но если граница непроницаема, дом «без окон и дверей», то он становится жилищем «иного мира» (ср. избушка Бабы Яги; «домовина», «дом», в значении «гроб», из которого нельзя выйти (*Байбурин*, 1983. С. 134–135).

Среди археологических материалов русских городов детали окон либо отсутствуют среди находок, либо фрагментарны и не поддаются достоверной реконструкции. В литературе встречаются краткие упоминания типов окон, волоковые и косящатые, значительное внимание уделяется вопросу количества и расположения окон в избе, но их конструкция остается без должного внимания (*Засурцев*, 1963. С. 43; *Раппопорт и др.*, 1985. С. 143). Общие представления об окнах XVII–XVIII вв. мы имеем также по кратким упоминаниям в письменных документах, схематичным рисункам того времени и из этнографических источников (*Бломквист*, 1956). Этнографические источники дают конструктивные особенности окон русского жилища, но проблема этого типа источников состоит в их поздней датировке, XIX–XX вв., самые ранние редко датируются XVIII в. Особое внимание уделено в основном постройкам Русского Севера начиная с конца XIX в. Среди сибирских археологических материалов русских построек детали окон были известны до этого только из раскопок Мангазейского городища (*Белов и др.*, 1981. С. 17–18; *Визгалов, Пархимович*, 2008. С. 70).

Значительно пополнить сведения о конструктивных особенностях окон русских жилищ XVII–XVIII вв. позволяют новые материалы раскопок последних лет Старотуруханского городища.

[1] Рудковская М. А. — Россия, 628305, ХМАО-Югра Тюменской области. г. Нефтеюганск, проезд 5П, строение 9. ООО Научно-производственная организация «Северная археология-1».

Митина Н. Н. — Россия, 620620, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 50 а. Уральский научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт Российской академии архитектуры и строительных наук.

Старотуруханское городище (историческое название — г. Новая Мангазея) располагается на территории Туруханского района Красноярского края, в границах современной деревни Старо-Туруханск. Географически поселение находится на левом берегу р. Турухан (левый приток р. Енисей), в 5 км выше русла Енисея, на левобережном останце протоки Шар. Памятник содержит слои XVII–XX вв. Наибольший интерес представляют непереотложенные нижние слои, датирующиеся XVII–XVIII вв., временем русской колонизации Сибири и присоединения края к Российскому государству.

Городище находится в приполярной зоне, так же как и ближайший исторически связанный с ним памятник XVII в. — Мангазейское городище на р. Таз. Климатические особенности этого края обусловили формирование многолетних промерзающих грунтов, которые способствуют сохранности артефактов из органических материалов практически в первозданном виде.

В результате первых лет исследований Старотуруханского городища (2007–2013 гг.) получена представительная коллекция артефактов, в том числе из органических материалов. Самой массовой категорией находок являются находки из дерева. Среди них выделяется группа артефактов, относящихся к конструкции окон. В раскопе, заложенном в центральной части посада, найдено 38 деревянных частично и полностью сохранившихся элементов окон жилых построек.

В деревянном зодчестве XVII–XVIII вв. известны окна двух типов — волоковые и косящатые. Детали окон Старотуруханского городища дают представление о том и другом типе окон.

1. Детали волоковых окон

1.1. Рамные оконницы. Из деталей архитектурного каркаса, найденных на городище, к элементам волоковых окон можно отнести 28 брусков оконных рам (рис. 1, *1, 2, 5–7*). Об их принадлежности к волоковым окнам свидетельствуют малые размеры. Длина брусков от 11,6 до 38,5 см, ширина 1,4–6 см. Из них три набора деталей (четыре, три и два бруска) принадлежат рамам трех отдельных окон, которые при их обнаружении в раскопе лежали в собранном виде (рис. 1, *1, 5, 6*).

По способу углового соединения бруски обвязки оконниц Старотуруханского городища делятся на два типа — шиповой и накладной вполдерева. При шиповом соединении торец одной из планок представляет собой вилку, которая охватывает шип, сделанный в торце другого бруска. Шип вырезался в вертикальных планках, а паз, образующий вилку, — в горизонтальных[2]. В торцевом шипе вертикальных брусков выполнены продольные пазы по размеру вилки для ее жесткого крепления в конструкции рамы. Угловые соединения оконниц в отдельных случаях дополнительно крепятся мелкими деревянными нагелями. По типу паза в коллекции выделяются детали рам оконниц, выполненные для прямого и клиновидного соединения в углах.

Из всех деталей оконниц 20 соответствуют шиповому соединению. Из них 8 деталей с пазами, т. е. являются горизонтальными элементами; 12 — с шипами, вертикальные (рис. 1, *1, 2, 5*). Длина вертикальных брусков — от 12,2 до 33,6 см, ширина — от 1,4 до 6 см; длина горизонтальных от 15,5 до 38,5 см, ширина от 1,8 до 3,7 см. Два окна одинакового размера: 26,7–27 × 32–32,5 см.

Оставшиеся 8 деталей соответствуют накладному угловому соединению вполдерева, оно является простым, не требующим специальных столярных навыков (рис. 1, *6, 7*). В этом случае бруски между собой соединяются пазом вполовину толщины каждого элемента. И вертикальные, и горизонтальные бруски имеют одинаковую форму замка для вязки углового соединения. Замок вполдерева для стабильности требует дополнительного крепления, в данном случае между собой планки скреплялись деревянным нагелем, фиксировавшим центр соединения. Найденные бруски размером от 11,6 до 28 см, толщиной 2–2,5 см.

В 8 брусках длиной от 19,2 до 34,6 см, 6 из которых точно определяются как горизонтальные, в центре внутренних сторон фиксируется глухой прямоугольный паз, размером 0,8–1,2 см, глубиной 0,4–0,8 см для креплe-

[2] Здесь и далее описание деталей и соединения элементов даются по терминологии И. А. Киселева (*Киселев*, 2005), который впервые создал типологию оконных заполнений русского зодчества XVII–XIX вв.

Рис. 1. Оконницы посада Новой Мангазеи — Туруханска: *1* — целая оконница с накладным угловым соединением вполдерева; *2* — планка оконницы шипового соединения с продольным пазом для слюдяного заполнения; *3* — фрагменты слюды оконницы-«шитухи»; *4* — фрагмент металло-слюдяного каркаса; *5–7* — планки оконниц накладного углового соединения вполдерева. *1* — колл. № СТг2010/1060; *2* — колл. № СТг2008/148; *3* — колл. № СТг2010/200, СТг2010/587; *4* — колл. № СТг2013/1250; *5* — колл. № СТг2010/1118; *6* — колл. № СТг2010/1001, *7* — колл. № СТг2010/1158.
Fig. 1. Windows from the posad of New Mangazeya/Turukhansk: *1* — complete window with an attached corner fixation in half a log; *2* — lath of a tenon-and-slot window with a longitudinal mortise for the mica fill; *3* — fragments of mica from a «*shitukha*» type window; *4* — fragment of a metal-and-mica framework; *5–7* — laths of windows with superimposed corner fixation in half a log. *1* — collection № СТг2010/1060; *2* — collection № СТг2008/148; *3* — collection № СТг2010/200, СТг2010/587; *4* — collection № СТг2013/1250; *5* — collection № СТг2010/1118; *6* — collection № СТг2010/1001, *7* — collection № СТг2010/1158.

ния вертикального импоста — переплета (рис. 1, *1, 2, 6*). Импост служил для усиления жесткости конструкции рамы, препятствовал ее перекосу. С этой целью внутренний переплет мог использоваться как для оконного заполнения из эластичных материалов, так и для слюдяного.

На наружной стороне отдельных обвязочных брусков по внутреннему краю выбрана фаска — срезка под углом.

Волоковые окна являлись древнейшим типом окон русского жилища. Их устройство известно нам по данным этнографических исследований конца XIX — XX в., когда такой тип окон в постройках являлся уже анахронизмом и зачастую использовался в хозяйственных строениях и постройках для скота (*Ащепков*, 1950. Рис. 157; *Бломквист*, 1956. С. 119; *Маковецкий*, 1962. С. 145 и др.). Волоковые окна конструктивно представляли собой прямоугольные проемы, вырубленные между двумя смежными бревнами сруба, высотой равной около диаметра бревна. Изнутри такие окна закрывались задвижными щитами, двигающимися горизонтально или вертикально. В оконный проем могла вставляться деревянная рама с эластичным или слюдяным заполнением. Для установки вставных деревянных оконниц выбиралась четверть в бревнах сруба. Оконницы волоковых окон в подавляющем количестве были глухими, т. е. имели неподвижно закрепленную глухую вставную раму, детали которой мы и находим в раскопе.

Известные размеры волоковых окон не превышали соотношения 2:1, при этом длина оконного проема в срубе была больше размера высоты проема. Горизонтальные планки оконниц Старотуруханского городища в общей сложности длиннее вертикальных.

Из всей коллекции только три бруска имеют с внутренней стороны проема продольный паз для вставки оконного заполнения из металло-слюдяного каркаса или сшитого слюдяного полотна. Найденные детали оконниц имеют следующие размеры: 12,2; 20,4 и 33,6 см в длину; 1,4; 3,4 и 6 см ширину соответственно, паз для установки слюдяного заполнения глубиной и шириной — 0,4–0,5 см. Детали являются брусками шипового соединения, два из них — вертикальные (рис. 1, *2*), один — горизонтальный. Это элементы добротных оконниц, поскольку для выполнения узкого продольного паза требовался особый профессиональный навык.

В этнографии известно несколько вариантов заполнения оконных проемов. В качестве дорогого добротного заполнения использовались слюдяные пластины. Пластинки слюды и слюдяная крошка в раскопе Старотуруханского городища встречаются в большом количестве. В коллекцию собраны только самые крупные, некоторые из них достигают 70–90 мм. Края сохранившихся целых пластинок геометрически ровно обрезаны. Найдено два фрагмента слюды с сохранившимися металлическими полосами, которые предназначались для скрепления отдельных фрагментов в единый металло-слюдяной каркас (рис. 1, *4*). Остальные пластины по периметру имеют сквозные отверстия — следы прошивки провощенной суровой нитью (рис. 1, *3*). Это самый дешевый тип оконниц — рама с заполнением из сшитых между собой слюдяных пластин. Такой тип оконниц назывался «шитухами», «нитми шитые» (*Бломквист*, 1956. С. 120; *Киселев*, 1981. С. 18; *Жегалова*, 1979. С. 82).

Слюда являлась долговечным материалом, хорошо защищала от неблагоприятных внешних климатических факторов и достаточно пропускала свет. Известные способы крепления слюдяного заполнения различны. Готовое слюдяное полотно из слюдяных пластин, скрепленных двойными металлическими полосами, могло крепиться тремя способами: вставляться в продольный паз по принципу шпунтового соединения или крепиться в четверть, выбранную на внутренних гранях брусков обвязки либо внакладку (прибивалось гвоздями к внутренней стороне обвязки или выбранной четверти; *Киселев*, 2005).

Более дешевым и, соответственно, распространенным вариантом заполнения оконного проема было использование рыбьего пузыря — паюса, бычьего пузыря — брюховицы, или промасленного холста (*Бломквист*, 1956. С. 119). Вдоль нижней и верхней грани оконного проема устраивались отверстия для мелких деревянных из твердых пород древесины нагелей, с помощью которых натягивалось «пленочное» или тканевое заполнение. По бокам пузырь прижимался клиновидными брусочками, забиваемыми в соответствующий

паз (*Долгов*, 2008. С. 40). Некоторые бруски оконниц Старотуруханского городища имеют следы подобного крепления — отверстия под нагели. Шаг отверстий: от 4 до 5,5 см, что вполне соответствует вершку (4,445 см).

Большинство брусков оконниц из раскопа не имеют ни продольного паза, ни выбранной четверти, ни следов от гвоздей для крепления слюдяного каркаса. Возможно, основную часть окон Туруханска в XVII — начале XVIII в. закрывали эластичным материалом (тканью, рыбьим/бычьим пузырем), который размером превышал оконный проем и натягивался к бревнам стены, прибиваясь мелкими нагелями по периметру оконного проема.

1.2. Фиксаторы волокуши. В раскопе отдельно найдены элементы, которые можно определить как фиксаторы задвижек волоковых окон. Такого рода детали крепились к низу или верху оконных проемов в бревнах стен или, имея Г-образный профиль, прибивались к низу или верху оконного проема и собственной четвертью фиксировали волокушу.

В раскопе найдены две составные детали (рис. 2, *3, 4*) и четыре бруска-прибоины (рис. 2, *5, 6, 7*) от аналогичных составных элементов с угловыми пазами «на ус» по торцевым граням. Горизонтальные и вертикальные элементы прибивались друг к другу мелкими деревянными нагелями, от которых остались следы. Длина фиксирующих элементов варьируется от 27,4 до 32 см (6–7 вершков). Один из брусков сохранил остатки красной краски, другой орнаментирован параллельными резными линиями, образующими зигзагообразный орнамент.

Волоковые окна по этнографическим данным известны задвижные и отворные (*Забелин*, 2005. С. 114). Самым ранним типом являлись задвижные окна, которые закрывались деревянными задвижками — волокушами. Сбоку от оконного проема в бревнах стен выполнялась ниша для хода волокуши, обеспечивая возможность открывания окна. Волокуша устанавливалась в продольные пазы, выбранные в верхней и нижней частях оконного проема. Верхний паз выбирался в четверть для возможности установки волокуши, которая затем закреплялась в пазу бруском-прибоиной. Существовали варианты с верхней и нижней прибоинами, в таком случае четверть для хода волокуши выбиралась в этих элементах.

Найденные детали интересны своими малыми размерами. Скорее всего, в коллекции им соответствуют бруски оконниц минимального размера — от 12,2 до 15,6 см. Оконница крепилась в наружную четверть оконного проема, а бруски-фиксаторы обеспечивали таким образом не только пространство для движения в сторону щита-волокуши, но и воздушный зазор между задвижкой и оконницей.

Нельзя исключить принадлежность этих деталей к окну без волоковой задвижки. В этом случае вышеописанные детали могли являться брусками-прибоинами для крепления оконницы к стене по периметру. Найденные детали равны длине обвязок оконниц волоковых окон, известных по этнографическим источникам. Если предполагать этот вариант их использования, то для хода задвижки отсутствует свободное пространство. XVII–XVIII века — время развития конструкции косящатых окон и постепенного вытеснения ими волоковых. Возможно, описанные детали фиксируют этап перехода от волокового окна с задвижкой к окну со стационарной рамой, равной размеру проема.

1.3. Зимние оконницы-«вставни». В двух постройках (№ 7 и 9) найдено по одной деревянной цельнорезной половине зимней оконницы-«вставня». Зимние оконницы представляют собой цельные или составные деревянные плахи, соответствующие оконному проему, с выбранным посередине прямоугольным отверстием, имеющим четверть для установки оконного заполнения меньшей площади (*Киселев*, 2005).

Ширина рамы из постройки № 7 составляет 30,5 см (рис. 2, *1*), из постройки № 9–31,3 см (рис. 2, *2*). На раме меньшего размера в месте ее соединения со второй половиной фиксируется паз для крепления в потайной косой зуб. С наружной (уличной) стороны по внутреннему краю ставней выбрана фаска. С внутренней стороны — паз «в четверть», в который вставлялось слюдяное полотно или деревянная рама-обвязка с натянутым бычьим пузырем или тканью. На внутренней стороне нижней части оконницы сохранилось единственное отверстие для

закрепления заполнения с помощью гвоздя или деревянного нагеля. Наиболее вероятным объяснением такого способа крепления является версия об использовании в качестве заполнения ледяной пластины, вмораживаемой в оконный проем. Подтверждением служат плохая сохранность и неровность древесины по периметру проема оконницы, особенно в ее нижней части. В определенных условиях льдина периодически таяла, создавая постоянную влажность, поэтому древесина в «четвертном пазу» «вставня» сильно повреждена характерным гниением (труха). С внешней стороны проема окончины сохранились следы активного скобления ножом.

Щитовые деревянные «вставни» («ставни») применялись в зимнее время для защиты от холода и ветра. Щиты вставлялись в четверть оконного проема («втулялись») или навешивались на петли и закрывались (вариант косящатых окон). «Вставни» нередко обивались сукном или войлоком (*Забелин*, 2005. С. 115). Использование зимних вариантов оконниц характерно как для волоковых, так и для косящатых окон.

Рис. 2. Детали волоковых окон посада Новой Мангазеи — Туруханска: *1–2* — фрагменты зимних оконниц; *3–7* — детали подоконных досок/вершников.
1 — колл. № СТг2011/426; *2* — колл. № СТг2011/1159; *3* — колл. № СТг2010/651; *4* — колл. № СТг2010/542; *5* — колл. № СТг2010/672; *6* — колл. № СТг2010/340; *7* — колл. № СТг2010/215.
Fig. 2. Parts of smoke-deflecting windows from the posad of New Mangazeya/Turukhansk: *1–2* — fragments of winter windows; *3–7* — parts of under-window boards «*vershniks*».
1 — collection № СТг2011/426; *2* — collection № СТг2011/1159; *3* — collection № СТг2010/651; *4* — collection № СТг2010/542; *5* — collection № СТг2010/672; *6* — collection № СТг2010/340; *7* — collection № СТг2010/215.

Аналогичные «вставни» найдены при раскопках Мангазеи (*Белов и др.*, 1981. Табл. 5, *4, 7; Визгалов, Пархимович*, 2008. С. 70, рис. 100, *1*) и в Березовском городище (раскопки 2012 г., материалы не опубликованы).

2. Элементы косящатых окон

В деревянном зодчестве XVII–XVIII вв. конструкции косящатых («красных») окон широко применялись в культовом зодчестве, реже — в жилых постройках. Косящатое окно даже малого размера отличалось от волокового наличием мощной рамной конструкции, состоящей, как правило, из трех или четырех колод; встречаются и двухколодные окна. Рама вставлялась в массивную колоду, срубленную из толстых обработанных брусьев, соединенных под углом в 45° («в косяк», «на ус»). Рамная конструкция состояла на первых порах из двух, трех, позже — из четырех колод (две «боковины», притолока или «вершник», подоконный брус; *Бломквист*, 1956. С. 120). Для установки трех- и четырехколодных окон требовалось сохранение усадочного паза, который закрывался наличником или специально выполненным гребнем вершника.

Вертикальный размер косящатого окна, как правило, соответствовал высоте двух-трех венцов сруба дома. Возможный размер заполнения для косящатого окна значительно больше найденных в Старотуруханском городище оконниц.

Из-за значительной трудозатратности «красные» окна делали редко. Для колоды требовалась качественная, специально под-

Рис. 3. Элементы косящатых окон посада Новой Мангазеи — Туруханска: *1* — подоконник; *2* — наличник. *1* — колл. № СТг2008/155; *2* — колл. № СТг2010/414.

Fig. 3. Parts of jambed windows from the posad of New Mangazeya/Turukhansk: *1* — windowsill; *2* — finish casing.

1 — collection № СТг2008/155; *2* — collection № СТг2010/414.

готовленная высушенная древесина, чтобы впоследствии дерево не треснуло при эксплуатации. Для качественного изготовления оконных колод требовался специальный инструмент, и не каждый мастер брался за оформление окон. Уже в XVII в. в плотничьих артелях известны «оконечники» — мастера, занимающиеся изготовлением оконной коробки, заполнения и наличников (*Жегалова*, 1979. С. 81–82).

В Европейской России косящатые окна известны с XIII в., но были дорогим удовольствием, и до XVII в. даже в боярских хоромах они соседствовали с волоковыми окнами. В обычных крестьянских избах косящатые окна стали появляться только в XVIII в. и в народном творчестве оставались символом благополучия, радостной, светлой жизни (*Баранов, Шангина*, 1999. С. 39–40).

На Старотуруханском городище косящатое окно представлено двумя элементами — подоконник и наличник.

2.1. Подоконник. В глиняной отсыпке под строительство избы № 1а (начало строительства датируется 1709 г.) обнаружен подоконник косящатого окна хорошей степени сохранности, представляющий собой единую деталь Т-образной формы в сечении (рис. 3, *1*). Горизонтальный фрагмент (подоконник) — это трапециевидная доска размером 42×7 см. Вертикальным фрагментом является подзор, выполненный под прямым углом к подоконной доске. Подзор украшен по низу профильной резьбой геометрического начертания. Верхняя грань подзора выступает относительно лицевой поверхности подоконной доски по длине на 25,5 см. Этот размер соответствует ширине проема косящатого оконного блока. По краям подзора выполнены два сквозных отверстия, возможно, для крепления подоконника к стене.

В резьбе подоконника использованы распространенные в традиционном северорусском зодчестве элементы — парные округлые зигзагообразные линии (встречная волна), разделенные парой мелких трапециевидных зубцов. Такой декор является древнейшей устойчивой идеограммой воды. В целом в архитектуре Старотуруханского городища фиксируется развитая форма стилизованного геометрического орнамента.

2.2. Наличник. За восточной стеной постройки № 2, датирующейся 1700–1709 гг., найдена единственная деталь, которую можно интерпретировать как наличник (рис. 3, *2*). Деталь представляет собой доску длиной 43,7 см и шириной 8,6 см. Ее нижний край имеет декоративный волнообразный профиль — «встречная волна», конфигурация профиля повреждена. На внешней поверхности наличника фиксируются следы огня. Деталь является подзором — нижним элементом украшения косящатого окна. Аналогии находятся в вариациях наличников окон конца XVIII — XIX в. (*Маковецкий*, 1962. Табл. 70, *6*).

Наличники, как отдельно изготавливаемый элемент оконного обрамления, окончательно закрепляются в убранстве домов только к началу XIX в. Усадочный паз между бревенчатой стеной и косящатым окном мог быть прикрыт конструкцией вершника, деревянным клином или совершенно обычными досками, вплоть до неошкуренных горбылей (Там же. С. 153; Русские... 1970. С. 17).

* * *

Вариации отдельных элементов и способов их взаимного крепления для волоковых и косящатых окон до сих пор недостаточно изучены. Количество обследованных и зафиксированных древних деревянных объектов ограничено, что приводит к упрощению наших представлений об архитектурном облике построек ушедших веков, поэтому каждая подлинная деталь, обнаруженная в результате археологического исследования, позволяет расширить и углубить сведения о вариациях конструктивных решений и размеров и вносит свою лепту в общую реконструкцию локальных и региональных особенностей деревянного зодчества. Это ценный подлинный материал, позволяющий осуществлять научно обоснованные графические реконструкции определенных архитектурно-конструктивных форм своего времени. Представленные находки дают возможность реконструировать варианты оформления оконного проема — одного из важнейших элементов домостроения русского населения Сибирского Севера во второй половине XVII — начале XVIII в.

Ащепков, 1950 — *Ащепков Е. А.* Русское народное зодчество в Западной Сибири. М., 1950.

Байбурин, 1983 — *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Баранов, Шангина, 1999 — *Баранов Д. А., Шангина И. И.* Русская изба. Иллюстрированная энциклопедия: внутреннее пространство избы, мебель и убранство избы, домашняя и хозяйственная утварь. СПб., 1999.

Белов и др., 1981 — *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М., 1981. Ч. 2.

Бломквист, 1956 — *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов: Поселения, жилища, хозяйственные строения // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956 (Труды Ин-та этнографии АН СССР, Новая сер.; Т. 31).

Визгалов, Пархимович, 2008 — *Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2008.

Долгов, 2008 — *Долгов А. В.* Деревянное зодчество Свердловской области. Екатеринбург, 2008.

Жегалова, 1979 — *Жегалова С. К.* Обрабатывающие промыслы и ремесло // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1.

Забелин, 2005 — *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2005.

Засурцев, 1963 — *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Жилища древнего Новгорода. М., 1963 (МИА; № 123: Труды Новгородской археологической экспедиции: Т. 4).

Киселев, 1981 — *Киселев И. А.* Слюдяные оконницы // Декоративное искусство СССР. 1981. № 4.

Киселев, 2005 — *Киселев И. А.* Архитектурные детали в русском зодчестве XVIII — XIX веков: Справочник архитектора-реставратора. М., 2005.

Маковецкий, 1962 — *Маковецкий И. В.* Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., 1962.

Раппопорт и др., 1985 — *Раппопорт П. А., Колчин Б. А., Борисевич Г. В.* Жилище // Древняя Русь. Город, замок, село / Под ред. Б. А. Колчина. М., 1985 (Археология СССР; Т. 15).

Русские..., 1970 — Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1970.

Wooden parts of windows in dwellings of New Mangazeya — Turukhansk (7th — 18th centuries)

M. A. Rudkovskaya, N. N. Mitina

The Staroturukhansk hillfort is an archaeological site in the place of the historical city of Turukhansk or New Mangazeya.

In the course of the first years of interdisciplinary archaeological excavations (2007–2013), the central part of the *posad* (unfortified suburb) of the Staroturukhansk townsite was investigated. Finds from these excavations illustrate the everyday domestic culture of a Russian Siberian town of the second half of the 17th to first half of the 18th century. During the excavations, 38 wooden fragments and complete parts of smoke-deflecting and jambed windows have been found.

In the 17th and 18th centuries, two main types of windows were used in wooden house-building: smoke-deflecting and jambed ones. Both are represented among the materials from the Staroturukhansk townsite.

The smoke-deflecting windows represent the oldest type. They were made in a rectangular opening with a height equal to the diameter of a log in a log-house. This opening was cut between two adjoining logs the house. Among the collection from the Staroturukhansk townsite, 28 bars of the ledgers of window frames correspond to the dimensions of smoke-deflecting windows. In terms of their corner fixation, the bars of window frame ledgers are divided into two types: tenon-and-slot and superimposed ones measuring half of a log. In wintertime, panelled wooden “louvers” were used for protection against cold and winds. Winter windows presented solid or composite wooden

blocks corresponding to the window openings with a rectangular hole in the centre including a quarto for installation of a window with a lesser surface. At the Staroturukhansk townsite, halves of winter windows cut from a solid wooden block have been found in each of the two buildings excavated (№ 7 and № 9). Two composite parts and four bars are interpreted as pawls of the bolt of smoke-deflecting windows.

Jambed windows from the excavation in Staroturukhansk are represented by two window parts: a windowsill and a case.

The finds here published enable us to reconstruct the filling of the window opening as one of the most important structures in house-building among the Russian population of the Lower Yenisey in the second half of the 17th and early 18th century.

Корейские поселения конца XIX — начала XX в. в Российском Приморье: перспективы археологического изучения

И. С. Жущиховская, Ю. Г. Никитин[1]

Статья содержит предварительные результаты изучения корейских поселений 1860–1930-х гг. на территории Приморского края Дальнего Востока России, появившихся в результате миграционных процессов. В настоящее время они находятся в состоянии запустения и разрушения и по своим признакам могут быть определены как археологические объекты. Наибольшая концентрация корейских поселений прослеживается в южных и западных районах Приморья. Одними из наиболее интересных и перспективных для исследования зон являются п-ов Краббе и долина р. Кроуновка. Остатки жилых, хозяйственных, производственных, культовых сооружений, комплексы инвентаря и бытовой утвари представляют собой вещественные источники, содержащие информацию о различных сторонах жизни корейской диаспоры дореволюционного и советского Приморья.

Ключевые слова: Приморский край, п-ов Краббе, долина р. Кроуновка, поселения корейской диаспоры 1860–1930-х гг., усадебные комплексы.

This paper presents the preliminary results of archaeological investigation of Korean settlements of the 1860s — 1930s arisen due to migration processes in the Primorsky Kray of the Russian Far East. Now these settlements are desolated and devastated so that in these terms they may be considered as archaeological sites. The utmost concentration of Korean settlements is found in the southern and western regions of Primorye. Among the most interesting and prospective zones for investigations are the Krabbe Peninsula and the valley of the Krounovka River. Remains of dwelling, household, production and religious objects, assemblages of implements and utensils of everyday life partly surviving until now are material sources of information on various aspects of the life of the Korean diaspora in Primorye in the pre-revolutionary and Soviet periods.

Keywords: Primorsky Kray, Primorye, Krabbe Peninsula, Krounovka River valley, settlements of Korean diaspora of 1860–1930s, farmstead complexes.

В последние десятилетия в мировой археологической науке растет интерес к исследованию памятников, относящихся к периодам новой и новейшей истории (XVII — начало XX в.). Объектами раскопок становятся остатки промышленных предприятий, развалины жилых усадеб, культовых построек, военных лагерей и укреплений, транспортных и иных коммуникаций, традиционные поселения сельского типа и т. п. Изучение этих памятников позволяет получать разнообразные материальные свидетельства, которые в совокупности с письменными источниками делают наши знания по экономической, политической, культурной и этнической истории отдельных регионов более полными (*Кильдюшевский, Стеганцева,* 2012; *Hodder,* 2002. P. 9; *Aikens et al.,* 2011).

Территорию Приморского края Российского Дальнего Востока также можно рассматривать как перспективную для развития археологических исследований сравнительно недавнего исторического прошлого. Объектами изучения здесь могли бы стать остатки производственных комплексов, военных сооружений, усадеб конца XIX — начала XX в.,

[1] Жущиховская И. С. — Россия, 690950, Владивосток, ул. Пушкинская, 89. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Никитин Ю. Г. — Россия, 690950, Владивосток, ул. Пушкинская, 89. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

т. е. времени активного заселения и освоения этого региона русскими. Особый пласт памятников этого периода представляют многочисленные поселения, оставленные приморскими корейцами. До настоящего времени они не изучались целенаправленно, хотя тема корейской диаспоры юга Дальнего Востока последних десятилетий XIX в. — 30-х гг. XX в. не нова для исторической науки (*Аносов,* 1928; *Кузин,* 1993; *Петров,* 2000; 2001; *Лынша*, 2012; *Цой,* 2001*; Чернолуцкая,* 2011. С. 201–233; и др.). В публикациях рассматриваются в основном вопросы экономического, социального, политического и культурного развития корейцев в дореволюционный период и после установления советской власти. В меньшей степени внимание уделяется поселенческим структурам, материальной и бытовой культуре, ремесленным производствам и промыслам приморских корейцев. Существенный вклад в изучение именно этих аспектов могут внести исследования сохранившихся остатков их поселений.

Первые корейские поселения появились в южном Приморье в 60-х гг. XIX в. как результат вынужденных и несанкционированных миграций сельского населения из соседнего государства Корея. Побудительными мотивами явились, с одной стороны, тяжелое экономическое положение на родине и с другой — наличие обширных свободных земель на юге Дальнего Востока России, освоение которого только начиналось. Основной район концентрации корейского населения в конце XIX в. — Посьетский участок Приморской области (ныне Хасанский район). Процесс массовой иммиграции корейцев на российский и затем советский Дальний Восток, в первую очередь в Приморье, фактически продолжался до 1930-х гг. В Приморье в 1920–1930-х гг. корейское население было наиболее многочисленно в Посьетском, Суйфунском, Сучанском и Шкотовском районах. В целом же, согласно данным переписи населения, в 1937 г. на Дальнем Востоке проживало более 165 тыс. корейцев (*Чернолуцкая,* 2011. С. 201–227). В настоящее время остатки корейских поселений встречаются наиболее часто в Хасанском, Октябрьском, Уссурийском, Партизанском, Шкотовском районах Приморья. На севере края остатки корейских поселений отмечены в Пожарском районе, в устье р. Бикина.

После того как корейские села Приморья и других дальневосточных районов были спешно покинуты в результате депортации 1937 года, начался период их запустения и разрушения, продолжающийся и в наши дни. Следствием этого стал постепенный переход корейских поселений в разряд объектов археологии, каковыми они могут считаться сегодня. Основаниями для такой идентификации являются, во-первых, фрагментированное состояние поселений в целом и составляющих их функциональных компонентов и, во-вторых, наличие культурного слоя — почвенных отложений, в которых частично или полностью погребены различного рода артефакты (фрагменты построек, предметы инвентарного комплекса и т. д.).

В статье, предлагаемой вниманию читателей, предпринята попытка систематизировать имеющиеся сегодня материалы и оценить их перспективность для изучения старых корейских поселений Приморья. Базой данных послужили визуальные наблюдения остатков корейских поселений в Хасанском, Уссурийском, Октябрьском районах Приморья, сборы с поверхности на территории ряда поселений[2], результаты археологических исследований на отдельных памятниках.

Характер расселения, организация жилого пространства, домостроение. Для корейцев Приморья была характерна хуторская система расселения, в значительной степени обусловленная географическими и хозяйственно-экономическими факторами региона. Села нередко состояли из нескольких, достаточно отдаленных друг от друга хуторов, включавших от одного до нескольких дворов-усадеб. Иногда расстояние между хуторами одного села достигало нескольких верст (*Петров,* 2001. С. 114–119).

В публикациях приводятся очень краткие сведения об особенностях домостроения приморских корейцев. Дома имели прямоугольную планировку, опорные деревянные столбы по периметру, стены из тальникового каркаса, обмазанного смесью глины с резаной соломой, оштукатуренные снаружи, двускатную крышу из соломы или камыша,

[2] Значительную часть коллекций составляют артефакты, переданные авторам разными лицами.

стянутую для прочности травяной веревкой. С южной стороны дома обычно располагались дверь и широкое окно. Отличительной особенностью было наличие *ондоля* — подпольной отопительной системы с печным очагом, дымоходными каналами и выводной трубой снаружи. Печной очаг служил и для приготовления пищи, и для снабжения дымоходов горячим воздухом. Кухонной плитой являлась чугунная чаша, встроенная сверху печного очага. Труба для выхода дыма находилась на некотором расстоянии от стен дома и сооружалась либо из ствола дерева, либо из деревянных досок, обмазанных глиной (*Петров,* 2000. С. 239–240).

В работах корейских исследователей мы находим достаточно детальную информацию о принципах сооружения традиционных сельских усадеб и технологиях домостроения (*Han,* 2002; *Yim,* 2005; *Oh,* 2009; *Song,* 2006). Усадьба, или двор, представляет собой комплекс жилых и хозяйственных построек, занимающий территорию прямоугольной формы. В разных ландшафтно-климатических районах Кореи наблюдаются или наблюдались до недавнего времени свои исторически сложившиеся варианты отдельных элементов усадьбы. Особенности планировки и домостроения определялись также социальными факторами. Территория обычно ограждалась по периметру глинобитной или каменной стеной. Использование камня для сооружения стен достаточно широко практиковалось в Корее еще со времен раннего средневековья (*Oh,* 2009. P. 11–39, 149).

Основной элемент в структуре корейской усадьбы — жилой дом. Различаются несколько вариантов конфигурации жилого дома: линейный, где все помещения расположены вдоль одной линии, Г-образный, в котором два линейных блока помещений стыкуются под прямым углом, П-образный и в виде четырехугольника с внутренним двором. Главными конструктивными элементами жилого дома являются: основание-платформа из камней и утрамбованной земли, столбовой каркас по периметру, стены и крыша. В корейском домостроении крыша выступает весьма важным элементом, в прошлом имевшим не только функциональное, но и социально-статусное значение. Крыши *чога* (*choga*) из растительных материалов (солома, тростник, камыш) были характерны для домов простых сельских жителей и незнатных горожан. Дома общественной элиты *Янбянь* (*Yanbian*) имели в качестве обязательного маркера крышу *гива* (*giva*) с черепичным покрытием и обозначались термином *ханок* (*hanok*) (*Han,* 2006. P. 58; *Oh,* 2009. P. 97–101, 148–150; *Yim,* 2005. P. 13).

Согласно нашим данным, локализация поселений корейцев во многих районах Приморья соответствует рассредоточенной хуторской системе. В качестве наиболее выразительного примера приведем материалы по расселению корейцев на п-ве Краббе, где в 1872 г. было основано первое поселение с названием Хыджида. К началу XX в. село Краббе Посьетского участка стало одним из наиболее крупных и экономически благополучных корейских сел на юге Приморья. В селе было две школы, православный церковный приход, довольно большой «флот», включавший около 70 деревянных шаланд для ведения морских промыслов (*Петров,* 2000, 2001).

П-ов Краббе находится в Хасанском районе Приморья в заливе Посьета и фактически представляет собой довольно обширную замкнутую территорию. Он был впервые открыт и нанесен на карту в 1854 г. экспедицией вице-адмирала Е. В. Путятина. Полуостров простирается более чем на 18 км в направлении юго-восток — северо-запад от мыса Гаккеля до мыса Астафьева. Юго-западный берег полуострова крутой, скалистый, изрезанный глубоко вдающимися в сушу бухтами. Северо-восточная часть полуострова омывается мелководной бухтой Новгородская и имеет более пологий и менее изрезанный рельеф. В настоящее время на полуострове известно более 40 археологических памятников, относящихся к разным историческим периодам от неолита до раннего средневековья (*Андреева и др.,* 1976; *Никитин,* 1991). Наиболее примечательным древним объектом является земляной вал на перешейке, соединяющем полуостров с материком. Предварительно вал отнесен к эпохе средневековья. По результатам археологической разведки 1991 г. и дальнейшего обследования территории полуострова в 2008–2013 гг. были зафиксированы более 20 местонахождений с сохранившимися остатками корейских построек (рис. 1).

Рис. 1. Локализация остатков корейских поселений на п-ве Краббе Хасанского района Приморского края.
Fig. 1. Distribution of the remains of Korean settlements on the Krabbe Peninsula in the Khasan region of the Primorsk Kray.

Рис. 2. Остатки корейского хутора в бухте Миноносок на юго-западном побережье п-ова Краббе. Часть каменной стены-ограждения. Сверху на стене — чугунный котел. Вид с востока.
Fig. 2. Remains of a Korean farmstead at Bay Bukhta Minonosok on the southwestern coast of the Krabbe Peninsula. Part of stone fence. On the top of the wall there is a cast-iron cauldron. View from east.

Остатки корейских хуторов на п-ове Краббе привязаны в основном к устьям небольших водотоков и расположены вблизи морского побережья практически по всей окружности полуострова. Наблюдается разная степень локальной концентрации усадебных дворов. Так, в северо-восточной части бухты Миноносок (юго-западная сторона полуострова) в долине двух ручьев отмечены остатки более 15 усадеб, расположенных как в непосредственной близости от моря, так и по склонам прилегающих сопок[3]. Следы крупного хутора, включавшего около 15 усадеб, выявлены на северо-восточной стороне полуострова, в бухте между мысами Новгородский и Конечный[4]. Остатки хуторов из нескольких усадеб находятся на берегах бухт Темп, Крейсерок, Клыкова. В одной из небольших безымянных бухт на юго-западном побережье полуострова, к востоку от мыса Низменный зафиксированы остатки единичной усадьбы[5].

Материалы визуальных наблюдений на п-ове Краббе дают достаточно представительную информацию по особенностям организации усадебного пространства. Зафиксированы следы усадеб с огороженной и неогороженной территорией. Ограждение обычно представляет собой сложенную из камня стену высотой 0,5–1 м (рис. 2). Более редкий вариант ограждения — невысокий вал из земли и камней. Остатки каменных стен по периметру усадеб прослежены в ряде других районов Приморья — например в долине р. Кроуновки.

Огороженные территории бывших усадеб на п-ове Краббе имеют обычно четкую прямоугольную форму. Иногда ограждение маркирует территорию только с двух сторон, «углом». В нескольких случаях нами произведены замеры усадебных площадей, ограниченных каменными стенами. Так, в бухте Миноносок отмечены усадьбы площадью 200–400 кв. м. Усадьбы, расположенные на юго-западном побережье п-ова Краббе, были ориентированы входом в сторону моря, на юг и юго-запад. Место, где находились входные ворота, можно определить по проему в стене, ширина которого около 2 м.

Остатки жилых домов в местах корейских поселений определяются, в первую очередь, по наличию основания-платформы из земли и камней. Платформы, затянутые слоем дерна и покрытые густой травянистой растительностью, являются во многих случаях единственными сохранившимися до наших дней конструктивными элементами домов. Высота платформ составляет в среднем 0,7–1 м, а длина варьирует от 6 до 10 м и более. Как правило, платформы имеют вытянуто-прямоугольные в плане очертания, что соответствует линейной конфигурации дома. Иногда по очертаниям платформы можно предполагать Г-образную конфигурацию дома — такие случаи отмечены, например, на территории первого корейского села Тизинхэ в долине р. Виноградная в Хасанском районе.

По нашим наблюдениям на п-ове Краббе, внутри огороженной усадебной территории платформа обычно располагается почти вплотную к стене, противоположной входу. Существовал определенный стандарт соотношения длины и ширины прямоугольных платформ — примерно 2:1. Зафиксированы платформы, различные по площади — от 72 до 170 кв. м.

В большинстве случаев никаких следов от стен корейских жилых построек не сохранилось. Это может свидетельствовать о том, что стены или их каркасы действительно были сооружены из растительных материалов (дерево) или были глинобитными и полностью разрушились после того, как жилища были покинуты. Есть, однако, отдельные примеры, когда по периметру платформы прослеживается каменная кладка стен. Так, в усадьбе, обнаруженной в одной из бухт юго-западного побережья п-ова Краббе, остатки сложенных из камня-плитняка стен, высотой на отдельных участках до 1,3–1,5 м, тянутся по периметру платформы с северной, восточной и западной сторон.

Судя по тому, что следы крыш домов обычно отсутствуют, можно предположить использование для их сооружения недолговечных растительных материалов. Однако есть случаи обнаружения остатков черепичных крыш — например на месте упомянутого выше поселка Тизинхэ. Здесь на поверхности одной из платформ, имевшей Г-образные в плане очертания, найдены целые и фрагментированные черепицы — свидетельство рух-

[3] См. на карте (рис.1) № 14–16.

[4] См. на карте (рис.1) № 10,11.

[5] См. на карте (рис.1) № 18.

нувшей кровли. Черепицы полуцилиндрической формы изготовлены из ожелезненной глины, имеют яркий красно-оранжевый цвет и штампованный декор на внешней стороне. Один вариант декора — «елочный» узор, другой — заключенная в круг «розетка» с радиально расходящимися от центра лучами. Эти варианты декора имеют близкие аналогии в средневековом и традиционном черепичном производстве Кореи (рис. 3) (История и культура Чеджу, 2001. С. 114, 124). Данные о находках черепицы получены также от жителей современного пос. Цукановка, расположенного в долине р. Цукановка в Хасанском районе. Здесь находилось одно из крупнейших корейских сел южного Приморья — Нижняя Яньчихэ. Единичные находки кровельной черепицы сделаны и на п-ове Краббе. Наличие домов с черепичными крышами указывает, вероятно, на их особый социальный статус.

Для платформ жилых домов в местах старых корейских поселений характерно наличие следов *ондоля* (*ondol'*) — подпольной отопительной системы. На поверхности платформ во многих случаях достаточно отчетливо прослеживаются горизонтально лежащие плоские каменные плиты — перекрытия дымоходных каналов. Остатки ко-

Рис. 3. Образцы кровельной черепицы: *1–4* — черепица, собранная на месте бывшей деревни Тизинхэ, в долине р. Виноградная, Хасанского района Приморского края; *5–8* — традиционная корейская черепица (История и культура Чеджу, 2002. С. 214).
Fig. 3. Examples of roof tiles: *1–4* — tiles collected in the former village of Tizinhe in the valley of the Vinogradnaya River, Khasan region of the Primorsk Kray; *5–8* — traditional Korean tiles.

рейского жилища с *ондолем* были исследованы при раскопках многослойного поселения Чернятино 2, на правом берегу р. Суйфун в Октябрьском районе (*Никитин, Чжун*, 2009. С. 208–213). При обследовании остатков поселений на п-ове Краббе удалось зафиксировать платформы с сохранившимися очажными ямами, обложенными камнями. К очагу примыкали каналы *ондоля*. Часто в непосредственной близости от жилой платформы или на территории усадьбы можно обнаружить чугунный котел, служивший когда-то частью кухонной плиты.

На территориях усадеб фиксируются не только платформы домов, но и остатки подсобных сооружений, связанных, в первую очередь, с сельскохозяйственными операциями. Их функциональное назначение определяется по наличию массивных каменных жерновов, составлявших основные конструктивные части стационарного мельничного устройства. Судя по наблюдениям на п-ове Краббе, такое устройство могло размещаться в специальном помещении-сарае с каменными стенами, но чаще — на открытой, вымощенной камнем и немного приподнятой площадке округлых очертаний.

Инвентарь и бытовая утварь. Категории инвентаря, бытовой утвари и предметов обихода, которые присутствуют в местах корейских поселений, весьма разнообразны. Это керамическая и фарфоровая посуда, каменные жернова нескольких типов, железные сельскохозяйственные орудия и котлы для очагов, бронзовая посуда, украшения, металлические монеты и др. Заметим, что эти экзотические артефакты в последнее время все чаще становятся браконьерской добычей «черных» археологов, в результате деятельности которых происходит разрушение культурного слоя поселений. Системное изучение коллекций инвентаря и утвари могло бы стать ценным источником реконструкции особенностей бытовой культуры, хозяйственной и производственной деятельности, торгово-экономических связей приморских корейцев конца XIX — первой трети XX в.

Ограниченные рамки статьи позволяют остановиться коротко лишь на характеристике керамической и фарфоровой посуды — самой многочисленной категории находок. Собранная нами коллекция керамики и фарфора происходит из поселений Хасанского района (Краббе, Тизинхэ, Нижняя Яньчихэ, Сидими и др.) и включает как целые изделия, так и фрагменты. Можно выделить четыре основные группы посуды, которые находят аналогии в традиционной культуре Кореи. Первая группа представлена в основном фрагментами, иногда очень крупными, толстостенных глазурованных сосудов, которые могут быть сопоставлены с такими категориями корейской посуды, как *онгги* (*onggi*), *хангари* (*hangari*), *ток* (*tok*). Эти емкости использовались в домашнем хозяйстве, прежде всего для ферментации и хранения различных пищевых припасов — соевых продуктов, овощных солений, пасты из бобов и красного перца, рыбы и др. (*Han,* 2002. P. 81; *Rha,* 2006. P. 103–139). Вторая группа — посуда, также служившая для домашних хозяйственных нужд. Это в основном различные горшки, реже — чаши, изготовленные на гончарном круге, с неглазурованными стенками, иногда украшенными простым прочерченным узором. Вследствие особого режима обжига стенки часто имеют серый или темно-серый цвет. Третья группа посуды — целые изделия и фрагменты, стенки которых снаружи и изнутри покрыты блестящей глазурью серо-голубовато-зеленых тонов, что напоминает цвет селадоновой глазури (рис. 4, *1*). Целые сосуды чаще всего имеют форму небольших чаш и мисок. По ряду технологических признаков можно предполагать кустарное производство этих изделий. Данная группа может быть соотнесена с одной из наиболее интересных категорий традиционной корейской керамики *бунч'он* или *пунч'он* (*Buncheong*). Технология производства этой посуды восходит к производству настоящих корейских селадонов, но отличается меньшей тщательностью. Посуда *бунч'он*, изготовлявшаяся для массового потребления, представляла собой доступное по цене подражание столь почитаемым в Корее, но дорогостоящим селадонам (*Han,* 2002. P. 85). Четвертая группа посуды — фарфоровые изделия, представленные фрагментами и целыми экземплярами. Это в основном различные чаши, пиалы, тарелки, блюдца, служившие для столовых нужд.

Рис. 4. Образцы фарфоровой посуды, собранной на п-ове Краббе: *1* — чашка, покрытая глазурью типа селадон; *2* — фрагмент изделия с фабричным клеймом; *3* — блюдце с полихромным декором, предположительно японского производства.
Fig. 4. Examples of porcelain ware collected on the Krabbe Peninsula: *1* — cup coated with celadon type glaze; *2* — fragment of an object with the factory's stamp; *3* — saucer with polychromic decoration, presumably of Japan manufacture.

Рис. 5. Остатки гончарной обжигательной печи на памятнике Леопардовый 1, в верховьях р. Кроуновка: *1* — вид на топочное отверстие; *2–3* — план и разрез.
Fig. 5. Remains of potter's kiln at the site of Leopardovy 1 in the upper reaches of the Krounovka River: *1* — view of the furnace orifice; *2–3* — plan and section.

Интересен вопрос о местах производства керамической и фарфоровой посуды. Что касается фарфора, в ряде случаев на доньях снаружи имеются фабричные клейма, позволяющие идентифицировать происхождение изделий. В коллекции фарфора есть изделия корейского, японского и предположительно китайского производства[6] (рис. 4, *2*). Идентифицированы также изделия российского (дореволюционного) и советского производства.

Вместе с тем, по-видимому, существовало и местное гончарство, обслуживавшее потребности в бытовых емкостях. Одно из вероятных свидетельств этому — остатки обжигательной печи, обнаруженные в 2011 г. при обследовании старой корейской усадьбы в верховьях р. Кроуновки. Памятник получил название Леопардовый 1 по имени ближайшего ключа (*Телелюев,* 2011). Печь представ-

[6] Авторы благодарят сотрудников Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока к. и. н. А. Полутова и к. и. н. Е. Пустовойта за помощь в идентификации фарфоровых изделий японского и китайского производства.

ляла собой довольно массивную тоннелеобразную конструкцию из обломков коренной породы, собранной на берегу этого же ключа (рис. 5). Общая длина выявленной части печи составила около 4,5 м, ширина — более 2 м, высота с внешней стороны 0,85–0,9 м. Печь была сложена на краю первой береговой террасы, под уклоном, так что топка выходила прямо на берег. Топочное отверстие шириной около 50 см и высотой 25–30 см сооружено из двух массивных плоских камней, поставленных вертикально и перекрытых сверху горизонтальной массивной плитой. Верхняя часть камеры обжига провалилась внутрь печи, что давало возможность увидеть ее внутреннюю поверхность, обмазанную спекшейся от высокой температуры глиной. Поскольку раскопки печи не проводились, ее конструкция пока не совсем понятна. В непосредственной близости от печи найдено большое количество фрагментов сероглиняной посуды, часть из которых имеет признаки брака (деформация поверхности) вследствие слишком резкого подъема температуры во время обжига. Заметим, что печи тоннельного типа, расположенные на склоне, характерны для традиционного корейского гончарства (*Carrico,* 1973). Известны также случаи использования камня как строительного материала для сооружения печей (*Жущиховская,* 2010).

Каменные кучи. Интересной особенностью районов, где известны остатки корейских поселений, является наличие скоплений каменных куч. Они отмечены, например, на п-ове Краббе, в долине р. Кроуновка в западном Приморье, в некоторых других местах. Такие скопления располагаются на некотором отдалении от поселений. Высота куч, сложенных из камней небольшого размера, — 0,4–0,6 м. Некоторые кучи по очертаниям напоминают «платформы», почти квадратные либо удлиненно-прямоугольные в плане, иногда — Г-образные или П-образные. Часто, однако, сооружения из камней не имеют какой-то четкой формы. О назначении этих сооружений пока ничего нельзя сказать определенно. Возможно, это результат очистки площадей, отведенных под поля и огороды, от камней. Известно, однако, что в традиционной культуре Кореи, а именно в обрядово-ритуальной сфере, вплоть до начала XX в. был весьма распространен обычай сооружения ритуальных каменных куч, связанных с церемониями поклонения различным духам природы, божествам гор, молениями о дожде, благополучии, здоровье и т. д. Особенно распространен этот обычай был у сельских жителей. Каменные «алтари» располагались за пределами деревни, на возвышенностях, под деревьями (*Ионова,* 2011. С. 121–159). Не исключено, что и выявленные нами скопления каменных куч вблизи некоторых корейских поселений также имеют отношение к ритуально-обрядовой сфере.

Заключение. Даже самый общий обзор накопленных к настоящему времени данных об остатках корейских поселений в Приморье свидетельствует, во-первых, об их значительном разнообразии и представительности и, во-вторых, о возможности исследования этих объектов методами археологии. Выделяются различные категории источников, содержащих информацию о характере расселения, строительных принципах и технологиях, хозяйстве, ремесленно-производственной деятельности, бытовом укладе и других сторонах жизни корейской диаспоры Приморья последней трети XIX — первой трети XX в. Все эти материалы можно рассматривать как свидетельства процесса адаптации корейских мигрантов к новому культурному пространству.

Включение в сферу археологических исследований остатков корейских поселений представляет также определенный методический интерес. Новый тип археологических памятников, относящихся к сравнительно недавнему времени, требует разработки специальных подходов к их изучению и интерпретации. В частности, важная роль в исследованиях должна быть отведена корреляции с различными видами документальных источников, связанных с историей Приморья, российского и зарубежного Дальнего Востока в 1860–1930-х гг. Также полезными в плане методики могут стать наблюдения по динамике и особенностям формирования культурного слоя на местах поселений. Это будет способствовать расширению наших возможностей в понимании процесса археологизации культурных остатков.

Андреева и др., 1976 — *Андреева Ж. В., Жущиховская И. С., Третьякова С. В.* Отчет об археологических работах в Приморском крае и разведке в Хасанском районе Приморского края. Раскоп-

ки в Надеждинском районе Приморского края. 1976 г. // Архив ИА РАН, Р-1, д. № 6244, 1976.

Аносов, 1928 — *Аносов С.Д.* Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск; Владивосток,1928.

Жущиховская, 2010 — *Жущиховская И.С.* Керамическое производство стран Восточной Азии: традиции и современность // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения / Под ред. Ю. Цетлина, Н. Салугиной, И. Васильевой. М., 2010.

Ионова, 2011 — *Ионова Ю.В.* Этнография Кореи. М., 2011.

История и культура Чеджу, 2001 — История и культура Чеджу. Сеул, 2001 (на кор. яз.).

Кильдюшевский, Стеганцева, 2012 — *Кильдюшевский В.И., Стеганцева В.Я.* Системы водоотведения начала XVIII–XIX вв. во дворах Главного штаба Санкт-Петербурга (исследования 2009–2011 гг.) // ЗИИМК РАН, 2012. Вып. 7.

Кузин, 1993 — *Кузин А.Т.* Дальневосточные корейцы: жизнь и история судьбы: Документально-исторический очерк. Южно-Сахалинск, 1993.

Лынша, 2012 — *Лынша О.Б.* Ликвидация неграмотности среди корейского населения Приморья в 1920–30-х гг. // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: Материалы науч. конф.. Уссурийск, 2012. Вып. 2.

Никитин, 1991 — *Никитин Ю.Г.* Отчет об археологических исследованиях на полуострове Краббе [в Хасанском районе Приморского края] в 1991 г. // Архив ИА РАН, Р-1, д. № 16241, 1991.

Никитин, Чжун, 2009 — *Никитин Ю.Г., Чжун Сук Бэ.* Археологические исследования на поселении Чернятино 2 в Приморье в 2008 году. Тэджон, 2009. Т. 1–3 (на рус. и кор. яз.).

Петров, 2000 — *Петров А.И.* Корейская диаспора на Дальнем Востоке России в 60–90 годы XIX века. Владивосток, 2000.

Петров, 2001 — *Петров А.И.* Корейская диаспора в России. 1897–1917 гг. Владивосток, 2001.

Телелюев, 2011 — *Телелюев А.Л.* Отчет об археологических разведках на территории Октябрьского и Уссурийского районов Приморского края в 2011 г. // Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, ф. 1, оп. 2, д. № 705.

Цой, 2001 — *Цой В.В.* Чхве Джехен. Алма-Ата, 2001.

Чернолуцкая, 2011 — *Чернолуцкая Е.Н.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011.

Aikens et al., 2011 — *Aikens C.M., Konnolly T.J., Jenkins D.L.* Oregon Archaeology. Corvallis, 2011.

Carrico, 1973 — *Carrico J.A.* Korean Pottery // Ceramics Monthly. 1973. No 6.

Han, 2002 — *Han S.C.* Notes on Things Korean. Seoul, 2002.

Hodder, 2002 — *Hodder I.* The Archaeological Process. Ames, 2002.

Oh, 2009 — *Oh Hong-seok*. Traditional Korean Villages. Seoul, 2009.

Rha, 2006 — *Rha Sunhwa*. Pottery. Korean Traditional Handicrafts. Seoul, 2006.

Song, 2006 — *Song Ki-ho*. Ancient Heating System Kang of Northern Okjeo, Gogurueo and Balhae. Seoul, 2006.

Yim, 2005 — *Yim Seock Jae*. The Traditional Space. A Study of Korean Architecture. Seoul, 2005.

Korean settlements of the end of the 19th and early 20th centuries in Primorye District of the Russian Far East: prospects of archaeological investigation

I. S. Zhushchikhovskaya, Yu. G. Nikitin

This paper puts forth the problem of archaeological studies of Korean settlements of the last third of the 19th and first third of the 20th century in the Primorsky Kray of the Russian Far East. The Korean populations appeared in this region from the neighbouring Korean state due to unauthorized migrations caused by economic reasons. During the Soviet deportation of 1937, Korean villages in Primorye were abandoned initiating the process of their desolation and devastation which is continuing still now. Remains of dwelling, household, industrial and religious objects, assemblages of implements and utensils of everyday life partly surviving until now are material sources of information on various aspects of the life of the Korean diaspora in Primorye.

The present article presents the results of preliminary studies and surveys of the remains of Korean settlements on the Krabbe Peninsula in the southernmost Primorye (Fig. 1) and in the valley of the Krounovka River in the western Primorye. These settlements consisted of separate farmsteads. The farming complexes, often fenced by a stone wall around the perimeter, included dwelling houses and economic areas (Figs. 2). Characteristic features of a dwelling house include a platform constructed from earth and stone, as well as a special underfloor heating device (*ondol'*). The domestic utensils are represented by clay and porcelain ware (Fig. 4), millstones of several types, iron agricultural implements, fireplace kettles, bronze cooking ware, ornaments, coins, etc. Among the investigated objects were remains of a kiln employed in domestic pottery-making (Fig. 4). The notable finds include heaps of stone which presumably were of ritual purpose. These are located outside the limits of the settlements. The information obtained allows us to evaluate positively the prospects of studying old Korean settlements by archaeological methods.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

К постановке вопроса о керамике раннего протомеотского комплекса финала эпохи бронзы — начала раннего железного века в Закубанье

Ел. Н. Черных[1]

В статье на основе анализа керамики Закубанья эпохи поздней бронзы, протомеотского поселенческого и погребального посудного комплексов, а также белозерских, кизил-кобинских и кобанских сосудов выделена совокупность протомеотской керамики, соответствующая IX в. до н. э. Этот комплекс включает материалы 8-го, 7-го, 6-го раскопочных горизонтов протомеотского слоя поселения Красногвардейского II, 5-го раскопочного горизонта поселения Курджипского, кубок из погребения 21 (1963), черпак из погребения 50 Николаевского могильника и черпак из погребения 81 Псекупского могильника. Методы радиоуглеродного датирования позволяют удревнить всю стратиграфическую колонку предскифского периода на юге Восточной Европы минимум на одно столетие. Для Закубанья существуют две даты для этого периода (1000±80 лет до н. э., 2650±400 BP).

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, ранний железный век, Северо-Западный Кавказ, Закубанье, протомеотская группа памятников, белозерская культура, кизил-кобинская культура, кобанская культура, жаботинский керамический стиль, корчага, кубок, черпак, радиоуглеродное датирование.

This paper presents a type of proto-Maeotian ceramic ware dating from the 9th century BC as identified through analysis of pottery from the Trans-Kuban region of the Late Bronze Age, proto-Maeotian ceramic assemblages from settlement-sites and burial grounds, as well as Belozersk, Kizil-Koba and Koban pottery. The assemblage under study includes materials of the 8th, 7th and 6th excavated horizons of the proto-Maeotian stratum at the settlement-site of Krasnogvardeysky II, 5th horizon of the settlement-site of Kurdzhip, a beaker from burial No. 21 (1963), a scoop from burial No. 50 at the Nikolayevsky cemetery and a scoop from burial No. 81 at the cemetery of Psekup. Radiocarbon dating suggests more ancient dates, which are at least one century earlier, for the entire stratigraphic column of the pre-Scythian period in the south of Eastern Europe. Two dates are relevant to that period concerning the Trans-Kuban region (1000±80 BC and 2650±400 BP).

Keywords: Late Bronze Age, Early Iron Age, Northwestern Caucasus, Trans-Kuban region, proto-Maeotian group of sites, Belozersk culture, Kizil-Koba culture, Koban culture, Zhabotin style of pottery, large earthenware, beaker, scoop, radiocarbon dating.

Введение[2]**.** На сегодняшнем уровне исследований в Закубанье самые ранние погребальные протомеотские памятники специалисты датируют по сочетаемости деталей конской упряжи первой половиной VIII в. до н. э. (*Сазонов*, 2005. С. 246; *Эрлих*, 2007. С. 176), в редких случаях с осторожностью заглубляя дату в конец IX в. до н. э. (*Сазонов*, 1995а. С. 77;

[1] Россия, 385016, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Комсомольская, д. 107.

[2] Выражаю глубокую благодарность Н. Г. Ловпаче, А. А. Сазонову, А. Д. Резепкину, А. А. Тову за разрешение использовать неопубликованные материалы и М. Т. Кашубе за ценные консультации по тематике статьи.

2005, С. 244; *Эрлих*, 2007. С. 187). В то же время самые поздние погребения финала эпохи поздней бронзы ограничивают X в. до н. э. (*Шарафутдинова, Каминский*, 1988. С. 220). В итоге сформировалась ничем не заполненная лакуна протяженностью почти в столетие. С другой стороны, при выделении хронологических периодов раннего железного века, основной акцент делается на металлических изделиях, к которым затем «привязывается» остающаяся на периферии исследований керамика. Впервые эту асимметрию заметила и предложила свое решение вопроса о прототипах, иерархии связей и хронологии киммерийской керамики Н. А. Гаврилюк (*Гаврилюк*, 1979. С. 20–40; 1999. С. 85–97). При рассмотрении протомеотских памятников эти проблемы лишь отчасти затрагивались А. А. Сазоновым (*Сазонов*, 2005. С. 243–250) и В. Р. Эрлихом (*Эрлих*, 2007. С. 72–79). Поэтому представляется своевременным вновь поднять вопрос о заполнении образовавшегося хиатуса, привлекая керамический комплекс Закубанья.

Материалы финала эпохи бронзы. В массиве протомеотских захоронений Закубанья привлекают внимание три погребения с сосудами архаичного облика: два захоронения Николаевского могильника — погребение 21 (1963) (или 140 по сквозной нумерации) и погребение 50 (*Эрлих*, 2007. С. 328, рис. 136, *10*; *Анфимов*, 1971. С. 172, рис. 1, *1*); а также погребение 81 Псекупского могильника (*Ловпаче,* 1985. С. 37, табл. VIII, *4*).

Кубок из погребения 21 Николаевского могильника имеет высокое горло, слегка расширяющееся к устью, и округло-приплюснутое тулово, орнаментированное двумя параллельными прочерченными линиями по плечикам (рис. 1, *1, 1а*) (*Ловпаче*, 1981. С. 99, табл. 1, *5*)[3]. Этот сосуд имеет ряд аналогий в керамике балтской группы памятников белозерской культуры. Кубок близок сосудам из погребений могильника Дивизия 5/2 (*Ванчугов*, 1990. С. 78, рис. 31, *22*) (рис. 1, *5*), могильника Будуржель 22/20 (рис. 1, *6*) (Там же. С. 78, рис. 31, *7, 9, 11;* фото 2, *8*; рис. 32, *2*), кургана 193 Тирасполя (рис. 1, *7*). Как и николаевский экземпляр, они имеют округлое приплюснутое тулово, маленькое дно, высокое горло и прочерченные параллельные линии по плечикам. Эти кубки относятся к третьему типу (по В. П. Ванчугову) белозерских кубков Северо-Западного Причерноморья с высокой цилиндрической шейкой, составляющей от 1/3 до 2/3 высоты сосуда и низким приплюснутым корпусом (*Ванчугов*, 1990. С. 66). Кубок из Николаевского могильника по всем признакам относится к данному типу. Кроме соответствующих примеров, в балтской группе сосуду из погребения 21 (1963) находятся аналогии и в памятниках Крыма, гораздо более близких по территории к Закубанью. Эти соответствия просматриваются среди кубков поселений белозерского времени Дружное-2 и Скалистое-2 (рис. 1, *3, 4*) (*Колотухин*, 1990. С. 115, рис. 15, *5*; *Колотухин*, 2003. С. 122, рис. 55, *16*), которые, так же как и все вышеописанные сосуды, входят в группу цилиндрошейных белозерских кубков. В настоящее время белозерскими признаются ряд поселенческих памятников поздней бронзы Крыма, таких как Луговое, Фонтаны, Тау-Кипчак (*Кравченко*, 2010. С. 91). Меньшее сходство обнаруживается с кубками кобяковской культуры (рис. 1, *2*) приземистых пропорций, с плавным профилем, эллипсоидным туловом и более узким дном.

На Левобережье и Правобережье Кубани сейчас учтено пять сосудов кубковидной формы с цилиндрическим горлом эпохи поздней бронзы — раннего железного века. В Закубанье кроме николаевского известны кубок из погребения 100 могильника Пшиш I (рис. 1, *8*) (*Эрлих*, 2007. С. 263, рис. 65, *1*) и два небольших кубковидных сосуда из погребения 26 (рис. 1, *14*) и погребения 108 Псекупского могильника (рис. 1, *16*), все они происходят из протомеотских погребений и относятся к раннему железному веку.

В степном Прикубанье известен один такой сосуд, из погребения 2/3 могильника Анапский I, финала поздней бронзы

[3] Рисунок кубка есть в отчете Н. В. Анфимова, на который ссылается В. Р. Эрлих (*Эрлих*, 2007. С. 335, рис. 142, *4*), где прочерченные линии у основания горла не изображены. В то же время Н. Г. Ловпаче, работая с коллекцией керамики Николаевского могильника в 1981 г., обнаружил и зафиксировал эту деталь. Автору не удалось в настоящее время найти этот кубок. В статье на рис. 1 даются оба изображения кубка для исключения субъективности в оценке типа сосуда.

(рис. 1, *9*). Погребение из Анапского I вызывало у исследователей разногласия по поводу его культурно-хронологической позиции. Это погребение входит в группу захоронений финала поздней бронзы, намеченную еще в 1991 г. Э. С. Шарафутдиновой (*Шарафутдинова,* 1991а. С. 187), которая датировала погребение 2/3 Анапского I достаточно широко — рубежом поздней бронзы (белозерское время) — началом раннего железа (черногоровская ступень), отмечая в то же время, что сосуд из Анапского I имеет пропорции, характерные уже для киммерийских форм (*Шарафутдинова,* 1991а. С. 190, 193). Это же погребение О. Р. Дубовская отнесла к черногоровскому кругу памятников (*Дубовская*, 1993. С. 152, рис. 73, *77*). В самом деле, морфологически кубок из Анапского I сближается с сосудами следующей, предскифской эпохи (рис. 1, *11*) (*Махортых,* 2005. С. 218, рис. 121, *5*; С. 225, рис. 128, *2*). Позже В. В. Потапов включил эту группу, а также

погребение 2/3 из Анапского I в выделенную им отрадненскую культуру финала поздней бронзы (*Потапов,* 2010. С. 17). На сосуде из Анапского I ряд заштрихованных треугольников смыкающихся основаниями, предваряет фриз из двух параллельных линий и зигзага между ними. В этом стиле выдержана керамика на кобяковских памятниках Нижнего Дона и керамика поселений Красногвардейское I и II в Закубанье. Прямые аналогии орнаментальной композиции на Анапском сосуде имеются в материалах поселения Красногвардейское I (рис. 1, *12, 13*) — фриз из зигзагообразной линии, а также удлиненные свисающие заштрихованные треугольники (*Анфимов, Шарафутдинова*,1982. С. 143, рис. 4, *12*; с. 144, рис. 5, *2, 6*), такие же как и на экземпляре из Анапского I. Датировка погребения (финал поздней бронзы) и орнамент позволяют относить этот сосуд к керамике кобяковского круга, о чем осторожно высказывалась и Э. С. Шарафутдинова (*Шарафутдинова,* 1991а. С. 193).

Кубок из погребения 100 могильника Пшиш I представляет собой сосуд с шаровидным туловом, укороченным цилиндрическим горлом и слегка отогнутым наружу венчиком. Наиболее близкие аналогии этому кубку находятся в керамике финала позднего бронзового века Прикубанья (погребение 2/3 могильника Анапский I) и Крыма (поселение Бай-Кият) (рис. 1, *10*) (*Колотухин*, 2003. С. 121, рис. 54, *8*).

Из пяти учтенных кубков Закубанья два сосуда имеют шаровидное тулово и короткое раструбное горло. Один из них происходит из поселения эпохи поздней бронзы Красногвардейское I (рис. 1, *17*) (*Анфимов, Шарафутдинова*, 1982, рис. 5, *4*). Второй (рис. 1, *16*) — найден уже в погребении начала раннего железного века могильника Псекупский (*Ловпаче*, 1985. С. 37, табл. VIII, *1*). Эти сосуды типологически близки — по всей вероятности, сосуд из Псекупса продолжает линию развития этой керамической формы. Кубок могильника Пшиш I отвечает закубанской традиции изготовления шаровидных сосудов с коротким цилиндрическим или раструбным горлом. По совокупности находок (удила и псалии, черпак и кубок) это погребение датируется второй половиной VIII в. до н. э. (*Сазонов*, 2004. С. 394).

Сосуд из погребения 26 Псекупского могильника (рис. 1, *14*) морфологически близок николаевскому кубку, однако он более приземист и значительно меньших размеров. Ана-

Рис. 1. Кубки Закубанья начала эпохи раннего железа и аналогии к ним: *1, 1а* — Николаевский могильник, погребение 21 (1963) (*Ловпаче*, 1981. С. 99. Табл. I, *5*; *Анфимов*, 1958–1963: цит. по *Эрлих*, 2007. С. 335. Рис. 142, *4*; с. 411); *2* — поселение Нижнегниловское, песчаный слой над землянкой 3 (*Шарафутдинова*, 1980. С. 120. Табл. XXX, *4*); *3, 4* — *Крым* (*3* — поселение Дружное 2; *4* — поселение Скалистое 2 — *Колотухин*, 2003. С. 127, рис. 60, *1*; с. 122, рис. 55, *16*); *5–7* — Северное Причерноморье (*5* — могильник Дивизия, погребение 5/2; *6* — могильник Будуржель, погребение 22/20; *7* — Тирасполь, курган 193 — *Ванчугов*, 1990. С. 78, рис. 31, *22*; фото 3, *5*; с. 79, рис. 32, *2*); *8* — могильник Пшиш I, погребение 100 (*Сазонов*, 2004: цит. по *Эрлих*, 2007. С. 263, рис. 65, 1); *9* — могильник Анапский I, погребение 2/3 (*Шарафутдинова*, 1991а. С. 188, рис. 3, *5*); *10* — поселение Бай-Кият (*Колотухин*, 2003. С. 121, рис. 54, *8*); *11* — Пришиб, погребение 4/25 (*Махортых*, 2005. С. 225, рис. 128, *2*); *12, 13, 17* — поселение Красногвардейское I (*Шарафутдинова*, 1989. С. 73, рис. 12, *1*; *Анфимов, Шарафутдинова*, 1982. С. 144, рис. 5, *2, 4*); *14* — могильник Псекупский, погребение 26 (*Ловпаче*, 1985. С. 37, табл. VIII, *1*); *15* — поселение Кобяково, раскоп III, наземное жилище 1 (*Шарафутдинова*, 1980. С. 107, табл. XVII, *9*); *16* — могильник Псекупский, погребение 108 (*Ловпаче*, 1985. С. 37, табл. VIII, *5*). *1а, 2–7, 13, 17* — без масштаба.

Fig. 1. Beakers from the Trans-Kuban region of the Early Iron Age and their parallels: *1, 1a* — cemetery of Nikolayevskiy, burial 21 (1963); *2* — settlement of Nizhnegnilovskoye, sandy layer over pithouse 3; *3, 4* — *Crimea* (*3* — settlement of Druzhnoye 2; *4* — settlement of Skalistoye 2); *5–7* — Northern Black Sea littoral (*5* — cemetery of Diviziya, burial 5/2; *6* — cemetery of Budurzhel, burial 22/20; *7* — Tiraspol, barrow 193); *8* — cemetery of Pshish I, burial 100; *9* — cemetery of Anapa I, burial 2/3; *10* — settlement of Bay-Kiyat; *11* — Prishib, burial 4/25; *12, 13, 17* — settlement of Krasnogvardeyskoye I; *14* — cemetery of Psekups, burial 26; *15* — settlement of Kobyakovo, excavation III, surface dwelling 1; *16* — cemetery of Psekups, burial 108. *1a, 2–7, 13, 17* — without scale.

логии ему обнаруживаются в столовой посуде нижнедонского варианта кобяковской культуры (рис. 1, *15*) (*Шарафутдинова*, 1980. С. 107, табл. XVII, *9*). Как видно из приведенных примеров, николаевский кубок отличается от всех кубков Закубанья с цилиндрической или раструбной шейкой эпохи поздней бронзы — раннего железа, составляя в то же время единый типологический ряд с белозерской керамикой. Н. А. Гаврилюк отмечает такую же тесную связь кубков из черногоровско-камышевахских погребений на территории степной части Украины с белозерскими сосудами (*Гаврилюк*, 1979. С. 25).

Черпак из погребения 81 Псекупского могильника (*Ловпаче,* 1985. С. 37, табл. VIII, *4*) с округлым туловом, намеченным невысоким цилиндрическим горлом и слегка отогнутым венчиком (рис. 2, *1*) является вторым архаичным сосудом. Близкие аналогии ему обнаруживаются среди черпаков белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья: погребение у села Шершенцы (рис. 2, *2*), погребение 2, кургана 5 Васи-

льевского могильника (рис. 2, *3*) (*Ванчугов*, 1990. С. 75, рис. 28, *5*; с. 77, рис. 30, *5*), а также Крыма: поселения Кировское (рис. 2, *4*) и Фонтаны (рис. 2, *6*) (*Лесков*, 1970. С. 25, рис. 16, *3; Колотухин*, 2003. С. 127, рис. 60, *19*). Еще один черпак, подобный псекупскому и белозерским экземплярам, найденный в степном Прикубанье в погребении постсрубного времени 10/9 могильника Батуринский I (рис. 2, *5*) (*Шарафутдинова,* 1991а. С. 188, рис. 3, *2*), отнесен В. В. Потаповым к отрадненской культуре финала поздней бронзы.

Черпак из погребения 50 Николаевского могильника — третий архаичный сосуд, привлекающий внимание (рис. 3, *1*). Своим прототипом этот черпак, по-видимому, имеет сосуд из слоя поздней бронзы поселения Красногвардейское I (рис. 3, *2*) (*Шарафутдинова,* 1991б. С. 81, рис. 4, *11*). Они сближаются по пропорциям, профилировке и одинаковому способу и месту крепления ручки, хотя дно красногвардейского экземпляра очевидно скруглено. Рассматриваемый сосуд входит в 1-ю, раннюю, группу протомеотских глубоких черпаков, по В. Р. Эрлиху (*Эрлих*, 2007. С. 78). В то же время на этом сосуде еще сохраняются архаичный орнаментальный стиль и композиция, характерная для эпохи поздней бронзы. У черпака орнаментированы плечики и тулово, что присуще керамике поздней бронзы. Орнаментальной зоной, строго выдерживаемой для протомеотской посуды, является венчик с отходящими от него редко расположенными элементами (могильник Фарс, могильник Пшиш I) (*Лесков, Эрлих*, 1999. С. 154, рис. 62; *Сазонов*, 2005. С. 248, табл. 3). И на керамике финала поздней бронзы в Закубанье, и на керамике кобяковской культуры Нижнего Дона стиль и приемы орнаментации сосудов идентичны: свисающие треугольники в один или два ряда; фризы из двух параллельных линий, заполненных наклонными параллельными или зигзагообразными линиями; зигзагообразные ленты, расположенные всегда ниже линии треугольников в один или два ряда; реже — треугольники вершинами вверх в один или два ряда (рис. 4). Орнамент выполнен веревочным или зубчатым штампом, изредка прочерчен (*Шарафутдинова,* 1980. С. 52, рис. 20). Композиция на сосуде из погребения 50 — ряд свисающих заштрихованных треугольников, окаймленный снизу зигзагообразной лентой, заполненной прямой параллельной штриховкой — типична для керамики Красногвардейского I и поселений кобяковской культуры, прародиной которой, как установлено (*Шарафутдинова*, 1980. С. 76; *Потапов*, 2012. С. 292), является Закубанье. В слое поздней бронзы поселения Красногвардейское II зафиксированы фрагменты керамики с заштрихованными треугольниками, обрамленными зигзагообразной штрихованной лентой, заполнение которых выполнено частыми узкими линиями (рис. 3, *2а, 2б*) (*Шарафутдинова*, 1989. Рис. 4, *8, 12*). На сосуде из погребения 50 Николаевского могильника орнамент продавлен узким удлиненным штампом так же, как на указанных фрагментах из поселения Красногвардейское II.

Рис. 2. Черпаки и корчаги протомеотских памятников и их прототипы: *1* — Псекупский могильник, погребение 81 (*Ловпаче*, 1985. С. 37, табл. VIII, *4*); *2* — погребение у с. Шершенцы (*Ванчугов*, 1990. С. 75, рис. 28, *5*); *3* — могильник Васильевский, погребение 5/2 (*Ванчугов,* 1990. Рис. 30, *5*); *4* — поселение Кировское (*Лесков*, 1970. Рис. 16, *3*); *5* — могильник Батуринский I, погребение 9/10 (*Шарафутдинова*, 1991а. С. 188, рис. 3, *2*); *6* — поселение Фонтаны (*Колотухин*, 2003. С. 127, рис. 60, *19*); *7, 9* — могильник Абинский, погребения 1/19, 1/8а (*Анфимов*, 1981. С. 57. Рис. *5, 4*); *8* — поселение Петровская балка (*Колотухин*, 2003. С. 127, рис. 60, *12*); *10* — поселение Балта (*Ванчугов*, 1990. С. 75, рис. 28, *4*); *11* — могильник Ясеновая поляна, погребение 3 (*Дитлер*, 1961. Табл V, *2*); *12* — поселение Ялпуг IV, поселение Жовтневое (*Ванчугов*, 1990. С. 121, рис. 3, *27, 28*).
1, 3–4, 11–12 — без масштаба.

Fig. 2. Ladles and large earthenware vessels from proto-Maeotian sites and their prototypes: *1* — cemetery of Psekups, burial 81; *2* — burial near the village of Shershentsy; *3* — cemetery of Vasilyevskiy, burial 5/2; *4* — settlement of Kirovskoye; *5* — cemetery of Baturinsky I, burial 9/10; *6* — settlement of Fontany; *7, 9* — cemetery of Abinsk, burials 1/19, 1/8a; *8* — settlement of Petrovskaya Balka; *10* — settlement of Balta; *11* — cemetery of Yasenovaya Polyana, burial 3; *12* — settlement of Yalpug IV, settlement of Zhovtnevoye.
1, 3–4, 11–12 — without scale.

По наблюдениям А. А. Сазонова и В. Р. Эрлиха, ранние черпаки могильников Фарс и Пшиш I, которые датируются первой половиной VIII в. до н. э., как правило, не орнаментированы (*Сазонов*, 2005. С. 244; *Эрлих,* 2007. С. 75). Однако А. А. Сазонов допускает некоторое удревнение (попадание в IX в. до н. э.) выделенной им по материалам могильника Пшиш I ранней группы погребений с неорнаментированными черпаками.

По-видимому, черпак Николаевского могильника с архаичной орнаментацией, соответствующий по типу черпакам 1-й группы по Эрлиху и морфологически близкий ковшам ранней группы по А. А. Сазонову (*Эрлих*, 2007. С. 75; *Сазонов*, 2005. С. 246), относится ко времени, предшествующему ранним неор-

наментированным черпакам. А. А. Сазонов также предполагает, что дата николаевского черпака могла уходить в IX в. до н. э. (*Сазонов,* 1995а. С. 77).

На хронологическую лакуну между финалом поздней бронзы и протомеотским комплексом обращали внимание некоторые исследователи (*Махортых*, 2005; *Дударев*, 2009). На основании аналогий с белозерскими металлическими украшениями и керамикой С. В. Махортых предлагает погребения могильника Черноклен, погребения 29 и 32 могильника Кочипэ и погребение 51 могильника Пшиш I отнести к первой половине IX в. до н. э. (*Махортых*, 2005. С. 280–281). О близости ковшей 1-й группы могильника Пшиш I с черпаками Северного Причерноморья говорит и исследователь могильника А. А. Сазонов. Он датирует погребения с ковшами 1-й группы первой половиной VIII в. до н. э. с некоторым заходом в IX в. до н. э. (*Сазонов*, 2005. С. 244). В. Р. Эрлих также видит в этих комплексах ранние черты и относит могильник Черноклен, погребение 51 могильника Пшиш I и погребения 28, 29, 32 могильника Кочипэ к самому раннему раннечерногоровскому/предновочеркасскому горизонту (*Эрлих*, 2007. С. 177). Черпаки могильника Черноклен действительно очень близки образцам из белозерских поселений Крыма: Тау-Кипчак, Фонтаны, Альма I (*Колотухин*, 2003. С. 127, рис. 60, *10, 14*; с. 128, рис. 61, *19*). Правда, близкие по морфологии черпаки встречаются и в более поздних протомеотских погребениях. Так, и А. А. Сазонов, и В. Р. Эрлих помещают некоторые экземпляры, подобные сосудам из Черноклеповского могильника, во 2-ю хронологическую группу. И в поселении Красногвардейское II, где был найден такой черпак, он занимает место в верхних раскопочных горизонтах, до 5 штыка, который датируется VIII в. до н. э. (см. ниже) (*Сазонов*, 2005, С. 247, табл. 2; *Эрлих*, 2007. С. 327, рис. 135, *10*; *Шарафутдинова*, 1989. С. 70, рис. 9, *8*). Кроме того, эта форма сосудов продолжает развиваться и в более позднее время, доживая на правобережье Кубани до VI в. до н. э. (*Бочковой и др.*, 2013. С. 40). Бронзовые трубочки из погребения 1 могильника Черноклен находят аналогии в бронзовых пронизях погребений 9 и 19 Чернянского могильника белозерской культуры (*Кубышев, Черняков*, 1986. С. 146, рис. 5, *6*; 148, рис. 7). Однако авторы публикации могильника Черноклен показали, что подобные изделия известны и в комплексах VIII–VII вв. до н. э. (*Анфимов, Пьянков*, 1989. С. 16). Это же можно сказать и о височной подвеске в полтора оборота. Раннюю позицию погребений 29 и 32 могильника Кочипэ С. В. Махортых определяет по глубоким чашам с крупными пуговичными налепами, которые были обнаружены в сопровождающем инвентаре этих захоронений. Чаши

Рис. 3. Прототипы протомеотских форм в керамике поздней бронзы Закубанья: *1* — могильник Николаевский, погребение 50 (рисунок автора); *2* — поселение Красногвардейское I (*Анфимов, Шарафутдинова*, 1982. С. 144, рис. 5, *12*); *2а, 2б* — поселение Красногвардейское II (*Шарафутдинова,* 1989. С. 65, рис. 4, *8, 12*); *3* — могильник Фарс/Клады, погребение 16 (*Лесков, Эрлих,* 1999. С 140, рис. 48, *13*); *4* — могильник Пшиш I, погребение 131 (*Сазонов*, 2005а. С. 246, табл. 1); *5, 5а* — поселение Нечерезий, (случайная находка, сборы А. Това); *6* — могильник Николаевский, погребение 73 (*Сазонов*, 1995а. С. 81, рис. 4, *3*); *7* — поселение Пшиш I (случайная находка, сборы А. А. Сазонова); *8, 9* — могильник Фарс/Клады (*8* — погребение 36; *9* — курган 48; *Лесков, Эрлих*, 1999. С. 124, рис. 32, *1*; с. 135, рис. 43, *5*); *10* — поселение Лесное, квадрат А4, глубина 75–100 см; *11* — поселение Лесное, квадрат А'а6, глубина 70–80 см; *12* — пос. Лесное, квадрат Б'б6, глубина 70–80 см (раскопки автора). *1–7, 10–12* — масштаб а; *8–9* — масштаб б.

Fig. 3. Prototypes of the proto-Maeotian forms among the pottery of the Late Bronze Age of the Trans-Kuban region: *1* — cemetery of Nikolayevskiy, burial 50 (drawing of the author); *2* — settlement of Krasnogvardeyskoye I; *2a, 2б* — settlement of Krasnogvardeyskoye II; *3* — cemetery of Fars/Klady, burial 16; *4* — cemetery of Pshish I, burial 131; *5, 5a* — settlement of Necherezіy, (chance find, collected by A. Tov); *6* — cemetery of Nikolayevskiy, burial 73; *7* — settlement of Pshish I (chance finds, collected by A. A. Sazonov); *8, 9* — cemetery of Fars/Klady (*8* — burial 36; *9* — barrow 48); *10* — settlement of Lesnoye, square A4, depth 75–100 cm; *11* — settlement of Lesnoye, square A'a6, depth 70–80 cm; *12* — settlement of Lesnoye, square Б'б6, depth 70–80 cm (excavation by the author).
1–7, 10–12 — scale a; *8–9* — scale б.

имеют соответствия в белозерских образцах Северного Причерноморья (*Махортых*, 2005. С. 281). Аналогии сосудам этого типа присутствуют и в крымских материалах эпохи поздней бронзы (*Колотухин*, 2003. С. 126, рис. 59, *10*). Однако такая чаша встречена и в более позднем комплексе погребения 5 могильника Кочипэ (*Эрлих*, 2007. С. 177; 334, рис. 141, *5*). Таким образом, все приведенные С. В. Махортых вещи, в том числе и посуда, бытуют и позже IX в. до н. э.

С. Л. Дударев, обратив внимание на нижний уровень протомеотского слоя Красногвардейского II, кажется, ближе всего подошел к разрешению вопроса о наполнении выявленной лакуны реальным материалом, однако своего варианта раннего протомеотского комплекса не предложил (*Дударев*, 2009. С. 180).

Рис. 4. Композиции орнамента в керамике эпохи поздней бронзы Закубанья и в кобяковской культуре Нижнего Дона.

Fig. 4. Ornamental motifs on ceramics of the Late Bronze Age in Trans-Kuban region and Kobyakovo culture on the Lower Don.

В финале эпохи поздней бронзы фиксируется проникновение изделий белозерского типа: роговых псалиев, ножей с параллельными лезвиями, некоторых типов сосудов (черпаков, кубков) как в Прикубанье, так и в Закубанье (*Шарафутдинова, Каминский*, 1988. С. 220; *Шарафутдинова,* 1991а. С. 192, 193; *Лесков, Эрлих,* 1999. С. 44, 45). Закубанские мастера подражают отдельным типам белозерских вещей и налаживают их местное изготовление (двуушковые кельты) (*Иессен*, 1951. С. 86; *Черных*, 1976. С. 83). Спорным остается вопрос о происхождении некоторых категорий посуды. Взгляды исследователей на происхождение корчаг и черпаков кратко изложил В. Р. Эрлих. По его мнению, корчага как форма столовой и погребальной посуды развивается конвергентно в ряде обществ на юге Восточной Европы. Однако идея *лощеной* корчаги транслируется культурами, занимающими северопричерноморские степи. Происхождение протомеотских черпаков, как считает В. Р. Эрлих, генетически связано с белозерскими памятниками (*Эрлих*, 2007. С. 74). В. И. Козенкова полагает, что истоки происхождения лощеных корчаг следует искать в кобанской культуре и поэтому кавказские корчаги на два — два с половиной столетия старше гальштатских (*Козенкова*, 1998. С. 94).

Влияние культур Северного Причерноморья и Крыма отчетливо фиксируется в финале эпохи поздней бронзы — в начале раннего железного века и на ряде других керамических форм Закубанья. Так, гвоздевидные выступы на ручках черпаков Приморско-Абинской группы (рис. 2, *7, 9*) связывают с аналогичной керамикой горного Крыма (*Эрлих*, 2007. С. 76). Они широко распространены в материалах белозерского времени поселений Петровская балка (рис. 2, *8*), Дружное, Луговое (*Колотухин*, 2003. С. 127, рис. 60, *6, 12, 18*) и в памятниках белозерской культуры западной группы (поселение Балта) (рис. 2, *10*) (*Ванчугов*, 1990. С. 75, рис. 28, *4*). Некоторые типы корчаг в Закубанье (могильник Ясеновая Поляна, погребение 3) (рис. 2, *11*) (*Дитлер*, 1961. С. 171, табл. V, *1*) морфологически близки отдельным сосудам белозерской культуры поселений Ялпуг IV, Жовтневое (рис. 2, *12*) (*Ванчугов*, 1987. С. 121, рис. 3, *27, 28*).

Известны отдельные находки, идентичные белозерским образцам. С территории поселения Чишхо (южный берег Краснодарского водохранилища), имеющего слой эпохи поздней бронзы, происходят два сосуда с округленным дном белозерского облика: двуручный сероглиняный сосудик с лощением (ручки оббиты), тесто сосуда в изломе черное, комковатое, с примесью шамота (рис. 5, *1*), и черпак с резко выделенной нижней частью и подлощенной поверхностью (рис. 5, *3*).

Они аналогичны белозерским образцам балтской группы: двуручному сосуду из погребения в Черкасовом саду (рис. 5, *2*) (*Ванчугов*, 1990. Фото 3, *4*) и черпакам из поселений Балта (рис. 5, *4*) (*Ванчугов*, 1987. С. 122, рис. 4, *11*) и Кошница (рис. 5, *5*) (*Ванчугов*, 1990. С. 70, рис. 25, *12*), а также некоторым формам приземистых черпаков Крыма (рис. 5, *6*) (*Колотухин*, 2003. С. 121, рис. 54, *9*).

Третий сосуд — глубокий ковш-кружка (ручка утрачена, но, судя по слому, она была округлой в сечении) с округлым туловом, высоким раструбным горлом, скругленным и слегка вогнутым дном обнаружен на территории размываемого Краснодарским водохранилищем поселения Нечерезий (рис. 3, *5, 5а*; 5, *7, 7а*)[4]. Сосуд лощеный, желтоглиняный, толстостенный с розовыми и серыми пятнами на поверхности, излом и внутренняя поверхность серого цвета. Кружка орнаментирована четырьмя прочерченными параллельными линиями у основания горла и свисающими треугольниками, заполненными косой штриховкой. От угла каждого треугольника вниз, к центру дна прочерчена прямая линия так, что линии от двух треугольников образуют еще один треугольник вершиной вниз. Сосуд близок черпакам ранних типов, представленных в могильниках Фарс (погребение 16) и Пшиш I (погребение 131). Однако вогнутое дно кружки, желтое лощение поверхности и некоторые особенности орнаментации (линии, прочерченные к середине омфала-вдавления) — эти черты характерны для некоторых форм кизил-кобинской керамики старшего дотаврского периода. Такие кружки относятся к виду II/7, выделенному Е. А. Кравченко на поселениях Западного Крыма, — средние и малые за-

[4] Размеры сосуда: высота 8,4 см; диаметр тулова 10,0 см; диаметр венчика 8,1см; диаметр горла 7,0 см; высота горла — 2,5 см.

ЗАПАДНЫЕ ТЕРРИТОРИИ ЗАКУБАНЬЯ
КРЫМ, СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ
ВОСТОЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ ЗАКУБАНЬЯ
НИЖНИЙ ДОН, ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАВКАЗ
1
2
3
4
5
6
7
7а
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19

крытые лощеные сосуды (кубки, кружки) с S-образным профилем и диаметром венчиков, который равняется или меньше наибольшего диаметра тулова, с округлым донышком с омфалом (рис. 5, *11, 12*). Как отмечает Е. А. Кравченко, эта форма широко распространена в западных группах памятников типа Кишинэу-Корлатень и культуре Ноуа, творчески переработана в белозерской среде и в таком виде воспринята кизил-кобинскими мастерами. Как правило, в кизил-кобинской культуре сосуды этого типа не орнаментированы (*Кравченко*, 2010. С. 57). Но на тех экземплярах, где орнамент все-таки есть, он выполнен столь же широкими, скругленными в сечении желобками. На некоторых экземплярах прочерченные углы или линии покрывают все тулово сосуда, заходя и на придонную часть (Там же. С. 134, рис. 19, *18*; с. 178, рис. 104, *2*). В ряде случаев на донцах с омфалом-вдавлением есть прочерченные перекрещенные линии (Там же. С. 147, рис. 37, *6*; с. 148, рис. 41, *5, 6*; с. 174, рис. 93, *25*), которые на двух сосудах Е. А. Кравченко интерпретирует как знак гончара (Там же. С. 57). Кружки близких форм происходят из поселений Крыма белозерского времени Дружное 2, Тау-Кипчак, Фонтаны, где они тоже не орнаментированы (рис. 5, *8–10*) (*Колотухин*, 2003. С. 127, рис. 60, *3, 6, 7, 9, 14*). Однако на поселениях поздней бронзы горного Крыма есть и черпаки и сосуды других типов, на которых выделены орнаментальные зоны из свисающих заштрихованных треугольников, аналогичные изображенным на нечерезийской находке (Там же. С. 126, рис. 59, *1*; с. 127. рис. 60, *4*). На некоторых кубках ряд треугольников предваряет фриз из нескольких прочерченных параллельных линий (Там же. С. 121, рис. 54, *15*; с. 123, рис. 56, *12*). Очевидно, в Закубанье кружка была импортирована с территории Крыма.

Приведенные примеры еще раз демонстрируют интенсивные контакты населения левобережья Кубани в финале эпохи поздней бронзы с культурами Северного Причерноморья и Крыма. Это приводит как к прямому проникновению вещей белозерских типов в Прикубанье и в Закубанье, так и к восприятию населением Северо-Западного Кавказа идей и стереотипов, бытующих в Северном Причерноморье, а также воплощению их в реальных предметах, что неоднократно отмечалось рядом авторов (*Бочкарев*, 2010. С. 146–147; *Leskov*, 1981. С. 68; *Козенкова*, 1996. С. 45, 118; *Эрлих*, 2007. С. 191,192; *Махортых*, 2005. С. 281).

Рис. 5. Керамика Закубанья эпохи поздней бронзы с белозерскими и кобанскими чертами: *1, 3* — поселение Чишхо; *2* — могильник Черкасов сад, погребение (*Ванчугов*, 1990. С. 75, рис. 28, *6*); *4* — поселение Балта (*Ванчугов*, 1987. Рис. 4, *11*); *5* — поселение Кошнице (*Ванчугов*, 1990. Рис. 25, *12*); *6* — поселение Бай-Кият (*Колотухин*, 2003. С. 121, рис. 54, *9*); *7, 7а* — поселение Нечерезий (случайная находка, сборы А. Това, рисунок автора статьи); *8, 10* — поселение Тау-Кипчак (*Колотухин*, 2003. С. 127, рис. 60, *14*); *9* — поселение Фонтаны (*Колотухин*, 2003. С. 127, рис. 60, *9*); *11, 12* — поселение Уч-Баш, раскоп 1, сооружение 3 (*Кравченко*, 2010. С. 166, рис. 81, *3*; с. 167, рис. 82, *8*); *13* — поселение Пшиш I (случайная находка, сборы А. А. Сазонова, рисунок автора статьи); *14* — поселение Красногвардейское I (*Анфимов, Шарафутдинова*, 1982. Рис. 5, *12*); *15* — могильник Михайловский погребение 11/10, Закубанье (*Шарафутдинова, Каминский* 1988. С. 217, рис. 2, *6*); *16* — могильник Кировский I погребение 3/6 (*Потапов,* 2005. С. 146, рис. 4, *11*); *17* — могильник Эльхотовский (*Фидаров, Чшиев*, 2004. С. 205, рис. 20, *1*); *18, 19* — могильник Верхняя Рутха (*18* — могила 9; *Козенкова,* 1996. С. 18, рис. 3; с. 119, рис. 44, *2*).
2, 18–19 — без масштаба.
Fig. 5. Late Bronze Age pottery with Belozero and Koban features from the Trans-Kuban region: *1, 3* — settlement of Chishkho; *2* — cemetery of Cherkasov Sad, burial; *4* — settlement of Balta; *5* — settlement of Koshnitse; *6* — settlement of Bay-Kiyat; *7, 7a* — settlement of Nechereziy (chance find, collected by A. Tov, drawing by the present author); *8, 10* — settlement of Tau-Kipchak; *9* — settlement of Fontany; *11, 12* — settlement of Uch-Bash, excavation 1, structure 3; *13* — settlement of Pshish I (chance find, collected by A. A. Sazonov, drawing by the present author); *14* — settlement of Krasnogvardeyskoye I; *15* — cemetery of Mikhaylovskiy, burial 11/10, Trans-Kuban region; *16* — cemetery of Kirovskiy I, burial 3/6; *17* — cemetery of Elkhotovskiy; *18, 19* — cemetery of Verkhnyaya Rutkha (*18* — grave 9).
2, 18–19 — without scale.

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25

Остается открытым вопрос, когда те или иные белозерские прототипы попадают в Закубанье? Время существования белозерской культуры — XII — начало X в. до н. э. (*Тереножкин*, 1976. С. 187–208; *Куштан*, 2013. С. 9). Белозерские поселения Луговое, Фонтаны и Тау-Кипчак Крыма датируются серединой XI — X вв. до н. э. (*Колотухин*, 2003. С. 56), диапазон выделенного Е. А. Кравченко старшего дотаврского периода кизил-кобинской культуры — это вторая половина XI — середина IX в. до н. э. (*Кравченко*, 2010. С. 91, 92). Очевидно, все контакты Закубанья с белозерской культурой Северного Причерноморья и Крыма ограничиваются финальной стадией существования белозерских памятников Крыма, т. е. временем не позже X в. до н. э. Основанием для подобного ограничения является то, что в памятниках как западной, так и центральной групп кизил-кобинской культуры отсутствуют белозерские цилиндрошейные кубки (Там же. С. 51), которые могли появиться в Закубанье только благодаря контактам с носителями белозерской культуры Северного Причерноморья или Крыма.

Из этого следует, что двуручный лощеный сосудик и лощеный черпак, найденные на поселении Чишхо и являющиеся прямыми белозерскими импортами, были доставлены в Закубанье не позже X в. до н. э. Сосуды типа николаевского кубка и черпака из могильника Псекупский, которые, в связи с отсутствием на них лощения, не могут быть признаны импортными, а являются, по-видимому, очень точными подражаниями белозерским образцам и, скорее всего, от-

Рис. 6. Жаботинские элементы орнамента в керамике Северо-Западного Кавказа: *1* — могильник Псекупский, погребение 130 (*Ловпаче*, 1985. С. 41, табл. XII, *7*); *2* — могильник Грушевский, курган 11, погребение 3 (*Прохорова*, 1983. С. 209, рис. 2, *5*); *3* — могильник Пшиш I, погребение 53 (*Сазонов*, 2006. С. 84, рис. 4, *14*); *4* — кобанская культура, восточный вариант (*Козенкова*, 1982. С. 173, табл. L, *5*); *5* — Жаботинское поселение, горизонт Жаботин I, фриз корчаги (*Дараган, Кашуба*, 2008. С. 52, рис. 4, В/11); *6, 19* — кобанская культура, лощеные сосуды (*Козенкова*, 1998. С. 193, табл. XXXLII, *19*; с. 188, табл. XXXII, *7*); *11* — Кубанский могильник, погребение 20 *(Эрлих,* 2007. С. 270, рис. 75, *4*); *7*, *21* — могильник Пшиш I, погребения 86 и 108 (*Сазонов*, 1995а. Табл. 4, *2, 1*); *8* — Васильевка, курган 1, погребение 8 (*Гаврилюк*, 1999. С. 88, рис. 3, *6*); *9* — Жаботинское поселение, раскоп 19 (*Дараган, Кашуба*, 2008. С. 66, рис. 12, *7*); *10* — могильник Сержень-Юрт, погребение 44 (*Козенкова*, 2002. С. 189, рис. 34, *8*); *11* — могильник Кубанский, погребение 5 (*Эрлих,* 2007. С. 335, рис. 142, *1*); *12* — разрушенное погребение у поселка Удобный (*Сазонов*, 2006. С. 81, рис. 1); *13* — Жаботинское поселение, раскоп 16, землянка (*Дараган, Кашуба*, 2008. С. 83, рис. 10, *11*); *14, 15* — могильник Белореченский 2-й (*14* — случайная находка; *15* — погребение 28 — *Дударев*, 2004. С. 96, рис. 35, *7*; с. 87, рис. 26, *1а*); *16, 24* — Жаботинское поселение, горизонт Жаботин I (*Дараган, Кашуба*, 2008. С. 52, рис. 4, В/*21, 16*); *17* — поселение Кужорское (раскопки А. А. Нехаева, рисунок автора статьи); *18* — поселение Сахарна-Циглэу, раскоп I, яма 6 (*Дараган, Кашуба*, 2008. С. 48, рис. 2, *13*); *20* — поселение Жаботин, керамика из «большой ямы» раскопа 22, горизонта Жаботин II (*Дараган, Кашуба*, 2008. С. 672, рис. 13, *7*); *22* — Змейское поселение (*Деопик*, *Крупнов,* 1961. С. 23, рис. 6, *3*); *23* — Жаботинское поселение, горизонт Жаботин I (*Дараган, Кашуба*, 2008. С. 52, рис. 4, В/*14*); *25* — Жаботинское поселение, раскоп 2, полуземлянка *(Дараган, Кашуба*, 2008. С. 54, рис. 5, *9*).

Fig. 6. Zhabotin elements of decoration on pottery from the Northwestern Caucasus: *1* — cemetery of Psekups, burial 130; *2*— cemetery of Grushevskiy, barrow 11, burial 3; *3* — cemetery of Pshish I, burial 53; *4* — Koban culture, eastern variant; *5* — settlement of Zhabotin, horizon Zhabotin I, frieze of a large earthenware vessel; *6, 19* — Koban culture, polished pottery; *11* — cemetery of Kubanskiy, burial 20; *7*, *21* — cemetery of Pshish I, burials 86 and 108; *8* — Vasilyevka, barrow 1, burial 8; *9* — settlement of Zhabotin, excavation 19; *10* — cemetery of Serzhen-Yurt, burial 44; *11* — Kubanskiy cemetery, burial 5; *12* — disturbed burial near the village of Udobny; *13* — settlement of Zhabotin, excavation 16, pithouse; *14, 15* — cemetery of Belorechenskiy 2, 14 — stray find; 15 — burial 28; *16, 24* — settlement of Zhabotin, horizon Zhabotin I; *17* — settlement of Kuzhorskoye (excavation by A. A. Nekhaev, drawing by the author of the paper); *18* — settlement of Sakharna-Tsigleu, excavation I, pit 6; *20* — settlement of Zhabotin, pottery from the «large pit» at excavation 22, horizon Zhabotin II; *22* — settlement of Zmeyskoye; *23* — settlement of Zhabotin, horizon Zhabotin I; *25* — settlement of Zhabotin, excavation 2, semi-dugout.

носятся к IX в. до н. э., так как на сегодняшний день, и это уже было показано ранее, они не имеют близких аналогий в Закубанье ни в предшествующем периоде, ограниченном X в. до н. э., ни в материалах протомеотского посудного комплекса VIII в. до н. э.

Желтолощеная кружка попала на территорию Северо-Западного Кавказа, возможно, не позднее середины IX в. до н. э., что соответствует верхней дате бытования кизил-кобинского керамического комплекса старшего дотаврского периода, к которому она относится (Там же. С. 57, 91, 92).

Восточные памятники Закубанья в финале поздней бронзы указывают на *контакты с кобанским культурным кругом*. Форма чер-

пака из погребения 11/10 Михайловского могильника (рис. 5, *15*) аналогична форме черпака из погребения отрадненской культуры 3/6 могильника Кировский I (рис. 5, *16*), который и по типу, и по орнаменту принадлежит кобанскому миру (*Потапов*, 2005. С. 146, рис. 4, *9–11*), и близка форме черпака из кобанского Эльхотовского могильника (рис. 5, *17*) (*Фидаров, Чшиев*, 2004. С. 250, рис. 20, *1*). По пропорциям, четкому профилю и форме ручки михайловский сосуд тяготеет также к черпакам кобанского могильника Верхняя Рутха (рис. 5, *18, 19*), исходной формой для которых был, по-видимому, крупный черпак из жилища Былымского поселения финала эпохи средней бронзы (*Батчаев*, 1986. С. 62, рис. 3, *11*; *Козенкова*, 1998. С. 105; *Черных Ел.*, 2006. С. 129–131). Взаимоотношения с племенами западного ареала кобанской культуры прослеживаются по керамике вплоть до бассейна р. Белой. Так, в материалах двух поселений на керамике отмечены орнаментальные элементы, присущие сосудам кобанской культуры. Среди керамики поселения Грозный выделяются два фрагмента с утолщенным и уплощенным верхним краем, утолщение выполнено усилением внутренней части венчика. По плоскому верхнему краю — ряд глубоких врезов, двумя рядами таких же глубоких врезов декорирована и внешняя часть горла (раскопки автора). Такой прием усиления и уплощения верхнего края сосудов с глубокими врезами известен в кобанской керамике (*Козенкова*, 1989. С. 163, табл. XVI, *25, 26, 28*; с. 167, табл. XX, *1, 8*). Орнамент по широкому уплощенному верхнему краю зафиксирован на фрагменте, найденном и на территории Уляпского поселения (*Эрлих*, 2007. С. 282, рис. 87, *13*). Насыпь Кужорского кургана, раскопанного А. А. Нехаевым, с погребальным комплексом IV в. до н. э. была сооружена из культурного слоя поселения эпохи бронзы — начала раннего железного века. Часть коллекции керамики из насыпи относится к протомеотскому времени. Показателен в этом отношении фрагмент чернолощеного черпака с геометрическим орнаментом, затертым желтой краской (рис. 6, *17*), в котором свисающие прочерченные треугольники на тулове черпака состоят из ряда мелких ромбовидных заштрихованных фигур. Орнаментальные сюжеты из небольших заштрихованных ромбов отмечены на миске из погребения 28 2-го Белореченского могильника (рис. 6, *15*), на сосуде из села Каменномостского (*Крупнов*, 1960. С. 441, табл. XIX, *3*) кобанской культуры.

Местные технологические приемы. Однако в столовой посуде финала поздней бронзы отмечаются и сугубо специфические для Закубанья формы, признаки и технологические приемы. Так, способ крепления ручки штиф-

Рис. 7. Керамика 8-го — 6-го раскопочных горизонтов поселения Красногвардейское II и аналогии к ней из материалов поселений эпохи поздней бронзы: *1, 3, 6* — поселение Красногвардейское II, 6 штык (*Шарафутдинова,* 1989. Рис. 4, *7*; рис. 1, *13*; рис. 4, *1*); *2, 5, 16, 17* — поселение Красногвардейское I (*Шарафутдинова*, 1987. С. 73, рис. 12, *6*; Анфимов, *Шарафутдинова,* 1982; рис. 3, *9*; рис. 5, *1, 3*); *4, 7, 11, 14* — поселение Лесное, слой эпохи поздней бронзы (раскопки автора); *8, 9* — поселение Красногвардейское II, 7 штык (*Шарафутдинова,* 1987. Рис. 1, *1, 3*); *10* — насыпь кургана у станицы Кужорской (раскопки А. А. Нехаева, рисунок автора статьи); *12* — поселение Чишхо, слой эпохи поздней бронзы (раскопки автора); *13* — поселение Красногвардейское II, 8 штык (*Шарафутдинова,* 1987. Рис. 4, *13*); *15, 18* — поселение Красногвардейское II, 5, 6 штык (*Шарафутдинова,* 1987. Рис. 4, *6, 11*); *19* — поселение Кобяково, землянка 6 (*Шарафутдинова*, 1980. С. 107, табл. XVII, *17*).
2, 4–7, 10–14, 16–18 — без масштаба.
Fig. 7. Pottery from the 8th to 6th excavated horizons at the settlement of Krasnogvardeyskoye II and its parallels among materials of Late Bronze Age settlements: *1, 3, 6* — settlement of Krasnogvardeyskoye II, 6th spade's depth; *2, 5, 16, 17* — settlement of Krasnogvardeyskoye I; *4, 7, 11, 14* — settlement of Lesnoye, Late Bronze Age level (excavation by the author); *8, 9* — settlement of Krasnogvardeyskoye II, 7th spade's depth; *10* — mound near the Cossack village of Kuzhorskaya (excavations of A. A. Nekhaev, drawing by the present author); *12* — settlement of Chishkho, Late Bronze Age level (excavation by the author); *13* — settlement of Krasnogvardeyskoye II, 8th spade's depth; *15, 18* — settlement of Krasnogvardeyskoye II, 5th and 6th spade's depthes; *19* — settlement of Kobyakovo, pithouse 6.
2, 4–7, 10–14, 16–18 — without scale.

том у черпака из погребения 11/10 Михайловского могильника является отличительным технологическим приемом керамического производства культур эпохи бронзы именно Закубанья. Этот способ отмечен В. И. Марковиным уже в материалах дольменной культуры как крепление «по типу заклепок» (*Марковин*, 1978. С. 241, рис. 121, *10–13;* с. 242; *Рысин*, 1991. С. 33), доживает в Закубанье до эпохи раннего железа, что отмечается в материалах поселения у хутора Грозный, и для кобанского керамического производства нехарактерен.

С территории поселения Пшиш I происходит фрагмент широкого приземистого черпака с широким плоским, отчетливо выделенным дном (рис. 5, *13*). Изготовленный из желтой глины черпак имеет «замыленную» поверхность, со следами формовки пальцами на внешней поверхности[5]. Пшишский сосуд очень близок резко профилированному черпаку с плоским достаточно широким дном из поселения Красногвардейское I эпохи поздней бронзы (рис. 5, *14*) (*Анфимов, Шарафутдинова*, 1982. Рис. 5, *12*), типологически отличному как от белозерских, так и от кобанских образцов. Характеристики сосуда позволяют отнести его к эпохе поздней бронзы. Таким образом, особенной чертой местной керамики этого типа в финале эпохи бронзы является плоское, широкое, выделенное дно, характерное только для черпаков западной части Закубанья.

В слоях поздней и финала средней бронзы поселения Лесное обнаружены три фрагмента верхних частей сосудов с узким цилиндрическим горлом и резко почти горизонтально отогнутым широким венчиком. Поверхность двух фрагментов тщательно заглажена (рис. 3, *10–12*). Один из трех фрагментов мог попасть в нижние слои в результате нарушения целостности слоя (в квадрате А4, где был найден обломок, в слое финала средней бронзы зафиксирована поздняя яма). Однако два черепка найдены в слое финала средней бронзы, где не было отмечено следов поздних перекопов.

Полученные новые материалы позволяют дополнить ряд прототипов протомеотских форм. Глубокие черпаки, кувшиноподобные по В. Р. Эрлиху или кубковидные по А. А. Сазонову (рис. 3, *3, 4*), исходной формой, возможно, имеют сосуды типа кружки из Нечерезия (рис. 3, *5, 5а*). Некоторая часть протомеотских черпаков, в основном это черпаки ранних групп, в настоящее время находят свои прототипы в местной керамике эпохи бронзы. Резкопрофилированные широкие и глубокие черпаки (рис. 3, *1*) (*Эрлих*, 2007. С. 326, рис. 134, *1–5, 7, 8, 11*), очевидно, происходят от сосудов типа Красногвардейское I (рис. 3, *2, 2а, 2б*). В то же время округлое дно с вдавлением и без вдавления, характерное для белозерской и кизил-кобинской посуды, становится одной из специфических черт протомеотских ковшей. Одним из прототипов широких приземистых резкопрофилированных черпаков из 1-й и 2-й групп по В. Р. Эрлиху (рис. 3, *6*) (*Эрлих*, 2007. С. 326, рис. 134, *15*; с. 328, рис. 136, *9*), по-видимому, является черпак из поселения Пшиш I (рис. 3, *7*). Обнаруженные на поселении Лесное верхние части узкогорлых сосудов с резко отогнутым, почти горизонтальным, широким венчиком и тщательно заглаженной поверхностью (рис. 3, *10–12*) принадлежат, скорее всего, сосудам типа корчаг (рис. 3, *8, 9*). Находки целых форм в будущем, возможно, позволят разрешить вопрос о генезисе протомеотских корчаг, однако на сегодняшний день уже нельзя не учитывать приведенную серию фрагментов.

Интересны материалы *поселения Красногвардейское II*, на котором протомеотский слой имел мощность 1,3–1,5 м. Граница между слоем поздней бронзы и слоем начала раннего железа определялась уровнем залегания строительных остатков и резким сокращением числа находок ниже строительного горизонта (*Шарафутдинова,* 1991а. С. 80). В 4-м раскопочном горизонте протомеотского слоя поселения был найден обломок костяного дырчатого псалия муфтовой схемы. Эти псалии так называемого черногоровского типа в настоящее время относят к первой половине VIII в. до н. э. (*Сазонов,* 1995б. С. 86). Следовательно, этим временем можно датировать и весь горизонт 4 поселения Красногвардейское II. К этому же периоду, по-видимому, относится и раскопочный горизонт 5. В его материалах присутствуют сосуды с «ложномноговаликовым» оформле-

[5] Размеры сосуда: высота — 6,3 см, диаметр — 11,7 см, диаметр дна — 8 см.

нием горла, которые отмечены на поселениях, хорошо датированных VIII в. до н. э. (поселение у хутора Грозный) по находке звена стремявидных удил с ложновитой обмоткой грызел (раскопки автора), присутствию в материалах черпаков с зооморфными ручками (поселение Чишхо, раскопки автора) и керамики с вертикальными налепами, зафиксированной в погребениях последней четверти VIII в. до н. э. (*Сазонов,* 2005. С. 247, табл. 2; *Лесков, Эрлих*, 1999. С. 68). Ниже 5-го горизонта располагалась еще довольно внушительная часть протомеотского слоя — 6-й, 7-й и 8-й раскопочные горизонты, мощность которых составляла около 0,6 м. Вызывает интерес комплекс керамики этой части протомеотского слоя. Достоверно к 6-му горизонту относятся два сосуда: небольшой плавно профилированный кубок и цилиндрический сосуд с валиком, расположенным на 2 см ниже края венчика (рис. 7, *1, 3*) (*Шарафутдинова*, 1987. С. 93. Рис. 4, *7*; с. 89, рис. 1, *13*). Типологически близкий кубок отмечен в материалах поселения эпохи поздней бронзы Красногвардейское I, где он орнаментирован (рис. 7, *2*) (*Шарафутдинова*, 1989. С. 73, рис. 12, *6*). Здесь же обнаружен и фрагмент стаканоподобного сосуда с валиком (рис. 7, *5*) (*Анфимов, Шарафутдинова*, 1982. С. 142, рис. 3, *9*). Сосуд с валиком, цилиндрической формы, зафиксирован в слое поздней бронзы поселения Лесное (раскопки автора) (рис. 7, *4*). В 6-м раскопочном горизонте Красногвардейского II отмечен фрагмент с внутренним усилением венчика (рис. 7, *6*). Этот способ оформления верхнего края наблюдается и в материалах поздней бронзы поселения Лесное (рис. 7, *7*). К 7-му горизонту относятся два сосуда с крутыми плечиками и цилиндрическим горлом. По венчику они армированы широкой глиняной лентой, так называемым воротничком (рис. 7, *8, 9*) (*Шарафутдинова*, 1987. С. 89, рис. 1, *1, 3*). Сосуды с «воротничками» обнаружены и в слоях поздней бронзы поселений Лесное и Чишхо (рис. 7, *11, 12*) (раскопки автора) и поселения Кужорское (раскопки А. А. Нехаева). К 8-му раскопочному уровню относится миска с небольшим уступом на слегка загнутом внутрь бортике (рис. 7, *13*) (Там же. С. 93, рис. 4, *13*). По-видимому, это дальнейшая модификация мисок эпохи поздней бронзы с желобком по внешнему краю бортика, которые найдены в слое поздней бронзы поселения Чишхо (раскопки автора) (рис. 7, *14*). В смешанном материале 6-го и 5-го штыков Красногвардейского II выделяются еще два сосуда с плавным профилем и раструбным горлом (рис. 7, *15, 18*), которые находят соответствия в керамике эпохи поздней бронзы. Один из них (рис. 7, *15*) имеет шаровидное тулово (Там же. С. 93, рис. 4, *6, 11*). Наиболее близки этому сосуду кувшины с раструбным горлом и плавным профилем из поселения эпохи поздней бронзы Красногвардейское I (рис. 7, *16, 17*) (*Анфимов, Шарафутдинова*, 1982. С. 144, рис. 5, *1*). Верхняя часть второго — идентична сосуду из Кобяково (рис. 7, *19*) (*Шарафутдинова*, 1980. С. 107, табл. XVII, *17*). Описанная керамика достаточно архаична и сохраняет пережиточные черты эпохи поздней бронзы. В материалах VIII в. до н. э. сосуды с такими чертами уже не встречаются, за исключением открытых форм с прямыми цилиндрическими стенками и сосудов с раструбным горлом, которые к этому времени приобретают резко профилированные формы. Таким образом, керамический материал раскопочных уровней 8, 7, 6 поселения Красногвардейское II относится ко времени, предшествующему первой половине VIII в. до н. э. К этому же периоду относится и горизонт 5 поселения Курджипское, который имеет даты, полученные с помощью радиоуглеродного анализа, — 1000 ± 80 лет до н. э. (ЛЕ № 4648, лаборатория ИИМК РАН СПб) (*Сазонов*, 2003. С. 55–58). Облик керамики этого слоя характерен для протомеотского поселенческого материала (*Сазонов*, 1995а. С. 82, 83, табл. *4, 5*), что вызывало недоверие к полученной радиоуглеродной дате. Горизонты 5–1 поселения Красногвардейское II и верхние слои поселения Курджипское датируются VIII в. до н. э. Это не противоречит выводам, сделанным исследователями этих памятников. Э. С. Шарафутдинова датировала весь протомеотский слой Красногвардейского II IX — серединой VIII в. до н. э., при этом указывала на очень незначительный хронологический разрыв между слоями поздней бронзы и протомеотским слоем и даже предполагала, что этого разрыва вообще могло не быть (*Шарафутдинова*, 1991а. С. 90). В предварительной публикации поселение Курджипское по облику

Керамика с поселений
Керамика из погребений
Орнаменты
VIII век до н. э
IX век до н. э.
XII - X вв. до н. э.
НАЧАЛО ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
ЭПОХА ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

материала датировано А. А. Сазоновым VIII–VII вв. до н. э. (*Сазонов*, 1992. С. 67–69).

Изменение устойчивых орнаментальных композиций эпохи поздней бронзы Закубанья и их трансформацию в элементы декора протомеотской посуды можно попытаться проследить, анализируя весь комплекс как поселенческой, так и погребальной керами-

Рис. 8. Динамика изменения орнамента керамики в финале эпохи поздней бронзы и начале раннего железного века: *1, 2, 6–8* — поселение Красногвардейское I (*Шарафутдинова,* 1991а. Рис. 4, *4, 10*; рис. 5, *11*; рис. 4, *11*; *Шарафутдинова*, 1991б. Рис. 2, *2*); *3* — поселение Нечерезий (п/ м, сборы А. Това, рисунок автора статьи); *4, 5* — Унакозовская пещера (раскопки Н. Г. Ловпаче, Археологический кабинет Адыгейского государственного университета, рисунок автора статьи); *9* — поселение Пшиш I (случайная находка, сборы А. А. Сазонова, фонды Национального музея Республики Адыгея, рисунок автора статьи); *10* — Михайловский могильник, погребение 11/10 (*Шарафутдинова, Каминский*, 1988. С. 217, рис. 2, *6*); *11, 14–16* — поселение Лесное, слой эпохи поздней бронзы (раскопки автора); *12* — поселение Чишхо, слой эпохи поздней бронзы (раскопки автора); *13* — поселение Красногвардейское II, слой эпохи поздней бронзы (*Шарафутдинова*, 1991б. Рис. 2, *3*); *17* — поселение Красногвардейское II, горизонт 6 (*Шарафутдинова,* 1987. Рис. 3, *18*); *18, 22, 24, 25, 26* — поселение Курджипское, горизонт 5 (*Сазонов*, 1995а. Табл. 5, *10*; 6, *9*; 5, *8*; 6, *7, 8*); *19* — поселение Ольховско-Фарсовское (*Аутлев*, 1972. С. 52, рис. 1); *20* — Николаевский могильник, погребение 50 (рисунок автора статьи); *21, 23* — поселение Красногвардейское II, горизонт 6 (*Шарафутдинова*, 1987. Рис. 3, *10*; Шарафутдинова, 1991а. Рис. 7, *11*); *27* — Николаевский могильник, разрушенное погребение 1959 г. (*Анфимов,* 1971. Табл. 1, *6*); *28* — поселение Абадзехское (*Аутлев,* 1972. С. 59, рис. 8, *17*); *29* — поселение Чишхо (сборы автора, фонды НМРА); *30* — поселение Кужорское (раскопки А. А. Нехаева, рисунок автора статьи); *31–33* — поселение у хутора Грозный (раскопки автора); *34* — поселение Красногвардейское, слой начала эпохи раннего железа (*Шарафутдинова*, 1991б. Рис. 8, *17*); *35, 42–44* — Ленинохабль, культовый комплекс (Сазонов, 1995а. Табл. 1, *21, 17, 20, 28*); *36, 37* — могильник Пшиш I погребения 131, 61 (*Сазонов*, 2005. С. 246, табл. 1); *38, 39* — могильник Пшиш I, погребения 86, 108 (*Сазонов*, 1995а. Табл. 4, *2, 1*); *40* — разрушенное погребение у пос. Удобный (*Сазонов*, 2006. С. 81, рис. 1); *41* — поселение Красногвардейское II, слой начала эпохи раннего железа (*Шарафутдинова*, 1989. Рис. 11, *10*); *45* — могильник Колосовка, погребение 3 (*Дитлер*, 1961. С. 169, табл. III, *3*; *Эрлих*, 2007. Рис. 100, *12*); *46* — могильник Фарс/Клады, курган 46 (*Эрлих*, 2007. Рис. 109, *3*); *47, 49* — могильник Пшиш I, погребения 5, 112 (*Сазонов*, 2004; *Эрлих*, 2007. Рис. 66, 1*6*; 2); *48* — могильник Кочипэ, погребение 15 (раскопки Н. Г. Ловпаче, сосуд не опубликован).

Fig. 8. Dynamics of evolution of pottery at the final stage of the Late Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age: *1, 2, 6–8* — settlement of Krasnogvardeyskoye I; *3* — settlement of Necherezіy (stray finds collected by A. Tov, drawing by the author of this paper); *4, 5* — Unakozovskaya cave (excavations of N. G. Lovpache, Archaeological Cabinet of the Adyghe State University, drawing by the author of the paper); *9* — settlement of Pshish I (chance find collected by A. A. Sazonov, collection of National Museum of the Republic of Adygeya, drawing by the author of the paper); *10* — cemetery of Mikhaylovsky, burial 11/10; *11, 14–16* — settlement of Lesnoye, Late Bronze Age level (excavation by the author); *12* — settlement of Chishkhho, Late Bronze Age level (excavation by the author); *13* — settlement of Krasnogvardeyskoye II, Late Bronze Age level; *17* — settlement of Krasnogvardeyskoye II, horizon 6; *18, 22, 24, 25, 26* — settlement of Kurdzhipskoye, horizon 5; *19* — settlement of Ol'hovsko-Farsovskoye; *20* — Nikolaevskiy cemetery, burial 50 (drawing by the author of the article); *21, 23* — settlement of Krasnogvardeyskoye II, horizon 6; *27* — Nikolayevskiy cemetery, disturbed burial discovered in 1959; *28* — settlement of Abadzekhskoye; *29* — settlement of Chishkho (collected by the author, kept in the National Museum of the Republic of Adygeya); *30* — settlement of Kuzhorskoye (excavations of A. A. Nekhaev, drawing by the author of this article); *31–33* — settlement near the Grozny farmstead (excavation by the author); *34* — settlement of Krasnogvardeyskoye, level of the beginning of the Early Iron Age; *35, 42–44* — Leninokhabl, ritual complex; *36, 37* — cemetery of Pshish I, burials 131, 61; *38, 39* — cemetery of Pshish I, burials 86, 108; *40* — disturbed burial near the village of Udobny; *41* — settlement of Krasnogvardeyskoye II, level of the beginning of the Early Iron Age; *45* — cemetery of Kolosovka, burial 3; *46* — cemetery of Fars/Clady, barrow 46; *47, 49* — cemetery of Pshish I, burials 5, 112; *48* — cemetery of Kochipe, burial 15 (excavation by N. G. Lovpache, the jar has not been published).

ки. В финале эпохи поздней бронзы для керамики поселений характерны свисающие треугольники, заштрихованные или заполненные вписанными углами, выполненные веревочным или зубчатым штампом (рис. 8, *1–5*). Ряд смыкающихся треугольников может предварять фриз из двух параллельных линий, заполненный косой штриховкой. Снизу композицию иногда завершает зигзагообразная лента, также заштрихованная. Мотивы декорирования — паркетный (рис. 8, *11*) и елочный (рис. 8, *13*) орнамент, косо перекрещенные линии (рис. 8, *12*), косые кресты (рис. 8, *14*) и расчлененные резкой косой насечкой валики (рис. 8, *15, 16*). Техника нанесения орнамента: оттиски веревки (рис. 8, *11*), зубчатый штамп (рис. 8, *4, 5, 12*), вдавления линейным штампом (рис. 8, *13, 14*). В материалах нижнего 6-го раскопочного горизонта протомеотского слоя поселения Красногвардейское II и 5-го горизонта поселения Курджипское еще зафиксированы фрагменты сосудов с архаичной орнаментацией: паркетное сочетание штрихованных треугольников (рис. 8, *17*, *21*) (*Шарафутдинова*, 1989. С. 92, рис. 3, *10*, *18*), ряд свисающих соединенных треугольников (рис. 8*, 18, 19*) (*Сазонов,* 1995а. С. 82, табл. 5, *10; Аутлев,* 1972), хотя нанесен орнамент гравировкой. На обломках сосудов поселения Курджипское отмечены технологические приемы орнаментации и орнаментальные мотивы эпохи поздней бронзы: зубчатый штамп (рис. 8, *22*), горизонтальная «елка» (рис. 8, *23*), косые кресты на валиках (рис. 8, *24*), валики, расчлененные насечками (рис. 8, *25, 26*) (*Сазонов,* 1995а. С. 82, табл. 5, *8;* с. 83, табл. 6, *7*, *8, 9*), но уже в несколько измененном виде, чем на черепках в слое эпохи поздней бронзы поселений Красногвардейское II, Чишхо, Лесное (рис. 8, *11–13*). Так, чаще используется гравировка, не применяется веревочный штамп, зубчатый штамп становится крупнее, а зубцы в некоторых случаях имеют не квадратное, а прямоугольное сечение (рис. 8, *22*) (Там же. С. 83, табл. 6, *9*). Косые кресты меньше по размеру и аккуратно прочерчены (рис. 8, *24*), в то время как на керамике поздней бронзы они выполнены вдавлением штампа (рис. 8, *14*). В верхних штыках протомеотского слоя поселений Красногвардейское II и Курджипское эти элементы уже не фиксируются. Зубчатый штамп некоторое время сохраняется на поселенческой керамике. Его наличие отмечала Э. С. Шарафутдинова в слое начала эпохи раннего железа Красногвардейского II (*Шарафутдинова,* 1991а. С. 82). В материалах поселения Абадзехское раннего железного века отмечен фрагмент, орнаментированный с использованием зубчатого штампа (рис. 8, *28*) (*Аутлев*, 1972. С. 59, рис. 8, *17*). Наиболее устойчивой орнаментальной композицией эпохи поздней бронзы оказалось сочетание свисающих заштрихованных треугольников, окаймленных снизу заштрихованной зигзагообразной лентой (рис. 8, *20*), в некоторых случаях эти два элемента дополняет третий — неширокий фриз, заполненный косой штриховкой с пересекающими ее в обратном направлении редко прочерченными линиями (рис. 8, *18, 19*). Треугольники в такой композиции соприкасаются основаниями. Этот архаичный сюжет сохраняется в течение раннечерногоровской/предновочеркасской ступени, но уже в другой технике (только прочерченный). Прослеживаются и стилистические новации: контур треугольника выполняется многорядной заштрихованной лентой (рис. 8, *27*) или рядами зубчатого штампа (рис. 8, *28*). В памятниках, которые хорошо датируются VIII в. до н. э., таких как протомеотский слой поселения Чишхо, поселение у хутора Грозный, поселение Кужорское, керамика демонстрирует дальнейший отход от графических канонов эпохи поздней бронзы, нарушаются ритм и сопряженность элементов орнамента: треугольники отделяются друг от друга интервалами. Они вписаны в углы, выполненные заштрихованной лентой. На фрагменте сосуда из разрушенного погребения (1959) Николаевского могильника (*Анфимов*, 1961. С. 122, табл. 1, *6*) треугольники маленькие, их обрамляет зигзаг в виде многорядной ломаной заштрихованной ленты. На этом фрагменте уже фиксируются и зеркально расположенные элементы (рис. 8, *26*). Еще более деформирована композиция на обломках из поселения Чишхо, из насыпи Кужорского кургана и на сосуде из разрушенного погребения у поселка Удобный. На этой керамике нарушен ритм соединения углов (рис. 8, *29, 40*), они смещаются, образуя кроме треугольников еще и ромбы (рис. 8, *30, 38, 39*). Со второй половины VIII в. до н. э. на

сосудах орнаментируется только венчик или зона в верхней его трети, меняется стиль орнаментации, появляются новые, ранее неизвестные элементы: фестоны, ромбы, многорядные зигзаги, волнообразные линии, квадраты, полукруги с отходящими черточками, волюты, окружности с крестами (*Лесков, Эрлих,*1999. С. 142, рис. 50; *Сазонов*, 2005. С. 244, 248, табл. 3) (рис. 8, *33, 38–40; 42–49*). Устойчивые орнаментальные композиции эпохи поздней бронзы на протомеотских сосудах этого времени уже не встречаются, меняется техника нанесения орнамента, рисунок только гравируется (прочерчивается).

Материалы начала эпохи раннего железа. Известно несколько комплексов, которые авторы также датируют самой ранней порой предскифского времени. Так, А.А. Сазонов относит сосуд из разрушенного погребения у пос. Удобный в Майкопском районе Республики Адыгея (рис. 6, *12*) к финалу поздней бронзы или к началу эпохи раннего железа, что приходится на X–IX вв. до н. э. Исследователь видит аналогии орнаментальной композиции удобненского сосуда в керамике кобяковских поселений Красногвардейское I, Курджипское и в нижнем слое поселения Красногвардейское II (*Сазонов*, 2006. С. 81, рис. 1). Следует отметить, что в узоре этого сосуда не только нарушены графические стереотипы эпохи поздней бронзы, но и введены новые элементы, изменен ритм сопряжения этих элементов. А.А. Сазонов делает акцент на технологию изготовления и нанесения орнамента на удобненский сосуд. Обжиг сосуда в бескислородной среде, как он справедливо отмечает, характерен для керамики протомеотской группы памятников как погребальной, так и поселенческой. Вместе с тем использование гребенчатого штампа А.А. Сазонов допускает только для керамики финала поздней бронзы (*Сазонов*, 2006. С. 76). Но в протомеотском материале поселения Лесное и поселения Абадзехское также отмечено применение гребенчатого штампа, что подтверждает предположение Э.С. Шарафутдиновой о продолжении использования гребенчатого штампа и в протомеотское время (*Шарафутдинова,* 1991а. С. 88). Инкрустация прочерченного орнамента белой пастой зафиксирована в протомеотском слое Красногвардейского II, желтой пастой — в комплексе протомеотской керамики поселения Кужорского (рис. 6, *17*), отмечается она и в кобанской керамике (*Козенкова*, 1998. С. 97). Однако этот декоративный прием неизвестен в орнаментации кобяковской посуды и керамики Закубанья в эпоху поздней бронзы. Типологически данный кувшин очень близок сосуду из погребения 5 Кубанского могильника (рис. 6, *11*), который исследователями признается достаточно поздним памятником (*Эрлих,* 2007. С. 179, 180). Отличаются сосуды только наличием у удобненского экземпляра ручки (уплощенной в сечении) в месте соединения горла и плечика сосуда. Однако расположение маленькой ручки в месте соединения горла и плечика сосуда для протомеотской керамики не такой уж редкий случай. Кроме сосуда из Кубанского могильника, есть еще не очень точная, но типологически близкая аналогия — сосуд из погребения 44 кобанского могильника Сержень-Юрт, VIII в. до н. э. (рис. 6, *10*) (*Козенкова*, 2002. С. 189, табл. 34). А.А. Сазонов проводит аналогию сосуда из Удобного с сосудом из комплекса погребения 3 кургана 11 у станицы Грушевской на Нижнем Дону (рис. 6, *2*), датированного Т.А. Прохоровой IX — первой половиной VIII в. до н. э. (*Прохорова*, 1983. С. 208–210). Аналогия А.А. Сазонова базируется на биконичности тулова обоих сосудов и на близости орнаментальной композиции. Однако по типу и размерам грушевский кувшин аналогичен не сосуду из Удобного, а двум сосудам из Закубанья с биконическим туловом, цилиндрическим горлом и маленькими ручками в месте соединения горла и плечиков. Один сосуд происходит из довольно позднего комплекса погребения 130 (1982) Псекупского могильника с железным кинжалом и ковшом с зооморфной ручкой (рис. 6, *1*) (*Ловпаче*, 1985. С. 41, табл. XII, *7*) и второй из погребения 53 могильника Пшиш I (рис. 6*, 3*) (*Сазонов*, 2006. С. 84, рис. 4, *14*), где он найден вместе с цимбальскими псалиями типа IVA, по Эрлиху. Эту аналогию приводит и А.А. Сазонов (Там же. С. 78). Для грушевского сосуда есть еще одна аналогия из материалов восточного варианта кобанской культуры, сосуд из погребения 4 могильника Исти-Су (рис. 6, *4*) (*Козенкова*, 1982. С. 173, табл. L, *5*). Этот сосуд морфологически близок грушевскому, однако он довольно поздний и датируется VII–IV вв. до н. э. (Там же. С. 83).

Представляется, что орнаментальная композиция грушевского сосуда, которую

Н. А. Гаврилюк (*Гаврилюк,* 1999. С. 92, 93) и И. В. Бруяко (*Бруяко*, 2005. С. 39, рис. 7, *10*) относят к кобанской, является синкретичной, соответствующей орнаментальным тенденциям, распространяющимся в декоре керамики эпохи раннего железа на обширной территории. Так, по наблюдениям И. В. Бруяко, элемент орнамента «песочные часы» (тип 20) отмечается в южной Фракии с рубежа II–I тыс. до н. э., на поздней чернолесской керамике он появляется в IX–VIII вв. до н. э. (Там же. С. 22, рис. 2. *20*; с. 28), на кобанской керамике вертикальное и горизонтальное расположение этого элемента отмечается в памятниках VIII–VII вв. до н. э. и доживает до раннескифского времени (*Козенкова,* 2013. Рис. 54, *2*; 2014. С. 162, рис. 1, *2*). Группы вертикальных параллельных линий широко распространены в кобанской керамике западного варианта (*Козенкова,* 1998. С. 188, табл. XXXII, *4, 5, 8, 9*; с. 191, табл. XXXV, *18*; с. 192, табл. XXXVI, *1, 3, 4, 7, 9, 10, 11*; с. 193, табл. XXXVII, *1, 2, 9, 10, 11*; с. 194, табл. XXXVIII, *7, 11*), но встречаются и в жаботинских композициях как разделители орнаментальных зон (*Дараган, Кашуба,* 2008. С. 52, рис. 4, *11–13*; с. 54, рис. 5, *1*, *9*; с. 58, рис. 7, *7*). Вложенные друг в друга углы, «свисающие» или направленные вершинами вверх, которые выполнены из заштрихованных лент, чаще встречаются на жаботинской керамике (рис. 6, *5, 9, 13*) (Там же. С. 52, рис. 4, *11–13*; с. 63, рис. 10, *11*; с. 65, рис. 11, *9, 11*; с. 66, рис. 12, *7*). Орнаментальные зоны из пересекающихся заштрихованных зигзагов, треугольников, направленных вершинами друг к другу, или сочетания зигзагов и треугольников, с направленными навстречу углами, характерны и для кубков третьего периода новочеркасской группы Северного Причерноморья (*Махортых,* 2005. С. 158, рис. 61, *11*; с. 218, рис. 121, *5, 6*; с. 243, рис. 146, *1*). Из опубликованных В. И. Козенковой сосудов западного варианта кобанской культуры, только два — миска (*Козенкова,* 1998. С. 192, табл. XXXVI, 7) и лощеный горшочек из бассейна реки Кумы (рис. 6, *6*) (*Козенкова,* 1989. С. 164, табл. XVII, *4*) в чистом виде повторяют этот композиционный элемент. В то же время на горле сосуда из Грушевской изображен узор, состоящий из четырех зон, отображающих центростремительное расположение элементов. Эта орнаментальная композиция — «четырехзональность поясков и центрическое (розеточное) построение узоров» (рис. 6, *8, 18, 25*) (*Дараган, Кашуба,* 2008. С. 64) характерна для керамики позднего периода культуры Сахарна Среднего Поднестровья (*Кашуба*, 2000. С. 30 сл., рис. XXIII), оказавшей влияние на формирование посудного комплекса Жаботинского поселения Правобережья Днепра (*Дараган, Кашуба*, 2008. С. 64). С. В. Махортых также видит аналогии орнаментации кубков третьего периода новочеркасской группы в орнаментации жаботинской керамики (*Махортых,* 2005. С. 273).

В последнее время была уточнена дата основания Жаботинского поселения и выделено несколько этапов его существования. Ранняя фаза Жаботин I датируется VIII в. до н. э. (*Дараган, Кашуба*, 2008. С. 46).

В грушевском комплексе вместе с сосудом находился и бронзовый нож с горбатой спинкой. Опираясь на черты погребального обряда (скорченное положение погребенного) и бронзовый нож, который, по мнению автора публикации, предшествует однотипным железным ножам, Т. А. Прохорова относит грушевский комплекс к IX–VIII вв. до н. э. (*Прохорова*, 1983. С. 209, рис. 2). В Закубанье в погребении 20 протомеотского Николаевского могильника бронзовый нож с горбатой спинкой найден при вытянутом на спине костяке, а в погребении 5 при скорченном костяке обнаружен железный нож с изогнутой спинкой и подвеской шаренградского типа (*Анфимов*, 1961. С. 106, 110). Как сейчас установлено, бронзовые и железные ножи в раннечерногоровское — предновочеркасское время сосуществуют (*Эрлих,* 2007. С. 153). Таким образом, грушевский комплекс представляется несколько более поздним и, вероятно, относится к первой половине VIII в. до н. э.

Орнаментация на сосуде из Удобного отсылает к одному фрагменту из Николаевского могильника (*Анфимов*, 1961. С. 122, табл. 1, *6*) (рис. 8, *27*), где треугольники уже отделены друг от друга интервалами — они вписаны в углы, выполненные несколькими рядами заштрихованной ленты. На сосуде из Удобного количество ломаных линий еще более увеличивается, их ритм нарушен, они прерываются, появляются перевернутые (зеркальные) элементы, также с нарушением ритма, что совершенно не

соответствует орнаментальным канонам эпохи поздней бронзы. И. В. Бруяко, рассматривая «геометрический» стиль керамики в Восточной Европе в начале I тыс. до н. э., отмечает, что признаками вырождения стиля являются небрежно выполненные, асимметричные композиции, производящие впечатление незавершенных (*Бруяко*, 2005. С. 29). А. А. Сазонов сравнивает орнамент сосуда из Удобного с композициями черпаков могильника Пшиш I. Два черпака, орнаментированные ромбами, из погребений 86 и 108 этого могильника (рис. 6, *7, 21*) А. А. Сазонов датировал IX — первой половиной VIII в. до н. э. (*Сазонов,* 1995а. С. 77). Геометрический орнамент в виде прямоугольников и ромбов появляется в эпоху поздней бронзы в орнаментальных композициях керамики кобанской культуры (поселение Змейское, каменный ящик № 9 у с. Каменномостского) (*Деопик, Крупнов*, 1961. С. 22, рис. 5, *2*; с. 23, рис. 6, *3*; *Гриневич*, 1951. С. 134, рис. 8, *22*) (*Козенкова*, 1996. С. 94, рис. 35, *53*), где геометрические фигуры заполнены косой прочерченной штриховкой, при этом ромбы, ромбовидные фигуры или прямоугольники и композиции из этих элементов также бытуют в VIII–VII вв. до н. э.

Все примеры протомеотской керамики с ромбами и ромбовидными или прямоугольными фигурами: обломок чарки из погребения 46 (*Анфимов*, 1961. С. 115, рис. 6); ромбы, составленные из двух ломаных линий, на черпаке из погребения 57 Николаевского могильника; два черпака из Ленинохабльского святилища; четыре черпака из могильника Пшиш I (*Эрлих*, 2007. С. 328–333); фрагмент черпака из материалов поселения Курджипского (*Сазонов,* 1995а. С. 83, табл. 6, *4*) датируются не ранее первой половины VIII в. до н. э. (*Эрлих*, 2007. С. 174–176). Предлагая датировку двух сосудов с ромбами из погребений 56 и 108 IX–VIII вв. до н. э., А. А. Сазонов никак не аргументирует эту дату (*Сазонов,* 1995а. С. 77). Как представляется, элементы в виде ромбов, ромбовидных фигур и прямоугольников появляются в декоре сосудов протомеотской группы памятников к VIII в. до н. э. (рис. 6, *7, 17, 21*). Подтверждением этого вывода может служить то обстоятельство, что ромбы и композиции из них зафиксированы только в верхних, 1–3-м горизонтах протомеотского слоя поселения Красногвардейское I (*Шарафутдинова*, 1987. Рис. 8, *12, 13, 17*).

На сосуде из Удобного «свисающие» треугольники на плечиках заполнены клетчатой штриховкой. Клетчатая штриховка фигур характерна для керамики Жаботинского поселения (начиная с раннего горизонта Жаботин I) Правобережья Днепра (рис. 6, *9*, *13, 16, 23–25*) (*Дараган, Кашуба*, 2008. С. 51) и киммерийских сосудов новочеркасской группы (*Гаврилюк*, 1999. С. 89, рис. 6, *8*). Среди лощеных сосудов кобанской культуры В. И. Козенковой опубликована корчага из гробницы 3 могильника Терезе с геометрическим орнаментом, заполненным клетчатой штриховкой (рис. 6, *19*) (*Козенкова*, 1998. С. 188, табл. XXXII, *7*). В узоре сосуда из Терезе отчетливо прослеживаются черты керамики раннежаботинского круга. Каждый верхний угол зигзагообразной ленты на плечиках корчаги завершается треугольником из трех кольцевидных вдавлений. Это треугольное или, по М. Дараган и М. Т. Кашубе, — пирамидальное построение фигур, выполненных кольчатым штампом с различным количеством элементов (рис. 6, *13*, *25*), характерно для местной лощеной посуды горизонта Жаботин I (*Дараган, Кашуба*, 2008. С. 51). Также для этого горизонта характерен и S-видный штамп (Там же. С. 58, рис. 7, *15, 17*; с. 63, рис. 10*, 11*; с. 67, рис. 13*, 7*), который, выполненный небрежно или неумело, в некоторых случаях трансформируется в некое подобие «букраниев» (рис. 6, *20*). Двумя рядами таких «букраниев» орнаментировано горло корчаги. Имеются и другие примеры параллелей между жаботинскими мотивами узора и орнаментацией на кобанской керамике: многорядные, вписанные друг в друга углы, выполненные из заштрихованных лент (рис. 6, *6*) (*Козенкова*, 1998. С. 193, табл. XXXVII, *19*), и зональное центрическое построение орнаментальных фризов, разделенных вертикальными метопами (рис. 6, *14*) (*Дударев*, 2004). В связи с этим хотелось бы отметить, что зональное, центрическое или, по Н. А. Гаврилюк, бантичновидное построение узоров с вертикальными метопами на новочеркасской керамике, отмечаемое Н. А. Гаврилюк как кобанское влияние (*Гаврилюк*, 1999. С. 92), все-таки является позднесахарнянской/жаботинской композицией, распространившейся с подвижными новочеркасскими группами населения вплоть до Центрального Кавказа.

В раскопочном горизонте 4 поселения Красногвардейское II отмечен черпак позднего типа с клетчатой штриховкой фигур (рис. 8, *34*) (*Шарафутдинова*, 1987, рис. 3, *1*). Причем штриховка выполнена приемом, характерным для раннежаботинской керамики: в одну сторону линии прочерчены сплошные, в другую — нанесены черточками-отрезками между двумя параллельными линиями. Принимая во внимание клетчатую штриховку ромбов на черпаке из погребения 108 и фриза на венчике черпака из погребения 56 могильника Пшиш I и опираясь на дату ранней фазы Жаботин I (начало — середина VIII в. до н. э.), эти два сосуда, по всей видимости, следует датировать VIII в. до н. э.

Комплекс поздних признаков, таких как тип сосуда, клетчатая штриховка треугольников, многорядная зигзагообразная лента, изображающая как прямые, так и перевернутые (зеркальные) элементы, — не позволяет отнести удобненский сосуд к финалу поздней бронзы и ранней поре предскифского времени, скорее его дата соответствует VIII в. до н. э.

Как уже было показано выше, двуручный сосудик, лощеный черпак, цилиндрошейные кубки с прочерченными линиями по плечикам и черпаки с невысокой цилиндрической шейкой и резко сужающимся ко дну округлым туловом теоретически могли попасть из Северного Причерноморья в Закубанье в течение всего периода существования белозерской культуры с XII по X в. до н. э. По-видимому, обмен шел через Крым, где такая керамика фиксируется в памятниках типа Фонтаны, Тау-Кипчак и Луговое со второй половины XI и в течение X в. до н. э. Желтолощеная кружка могла проделать этот путь в период с середины XI по середину IX в. до н. э. во время старшего дотаврского периода кизил-кобинской культуры.

Согласно общепринятой в настоящее время точке зрения, аридизация климата в финале эпохи поздней бронзы — начале раннего железа (*Эрлих*, 2007. С. 5*; Дударев*, 2009. С. 181; *Куштан*, 2013. С. 83) привела к миграциям в позднебелозерское время (середина XI — X в. до н. э.) в меридиональном направлении. Скорее всего, сосуды этих типов попадали на Северо-Западный Кавказ именно в процессе движения групп населения или отдельных индивидуумов, и датировать их следует в пределах середины XI — X в. до н. э. По-видимому, к концу этого периода в Закубанье проникают все западные прототипы протомеотской керамики в виде прямых импортов или подражаний белозерским образцам, такие как цилиндрошейные кубки, черпаки некоторых типов, в том числе и с гвоздевидными выступами на ручках, корчаги некоторых типов, чаши с парными пуговичными налепами и сосуды кизилкобинских типов — кружки (или глубокие черпаки). Представляется, что именно в конце X в. до н. э. в Закубанье начинается процесс переоформления культур эпохи поздней бронзы и сложение протомеотского культурного комплекса. В связи с этим уже не кажется ошибочной дата нижнего, 5-го раскопочного горизонта поселения Курджипское 1000±80 лет до н. э. И если это действительно так, то все ранние группы керамики с новационными чертами в морфологии и технологии и архаичной стилистикой, в том числе и черпак из погребения 50 Николаевского могильника, а также, возможно, и некоторые неорнаментированные черпаки ранних групп можно датировать IX в. до н. э. Верхней границей бытования такой посуды является распространение жаботинских мотивов в виде композиций из заштрихованных зигзагообразных лент с зеркальным отражением элементов, ромбов, клетчатой штриховки фигур, креста в окружности. Контакты Правобережного Поднепровья в VIII в. до н. э. с Северным Причерноморьем, Кавказом и Закавказьем фиксируются и исследователями Жаботинского поселения (*Покровская*, 1973. С. 188). М. Дараган и М. Т. Кашуба в своей статье приводят пример корчаги, которая происходит из культурного слоя Жаботин I, но декорирована совершенно в кобанском стиле горизонтальными рядами параллельно расположенных, заштрихованных зигзагообразных лент, между которыми сохраняются белые зигзагообразные промежутки (*Дараган, Кашуба*, 2008. С. 60, рис. 8, *12*). Н. А. Гаврилюк отмечает проникновение и протомеотских типов сосудов в новочеркасские комплексы, хотя исследователь оговаривает тот факт, что в керамике влияние протомеотов на посудный комплекс новочеркасской группы было ограниченным (*Гаврилюк*, 1999. С. 96). При этом интенсивные контакты Северо-Западного Кавказа, связанные с обеспечением

новочеркасских групп металлической уздой, привели к появлению на протомеотской керамике жаботинских элементов орнамента. Отсюда намечаются два вектора западных связей Закубанья: один — на рубеже финала эпохи поздней бронзы и начала раннежелезного века направлен на запад в сторону Крыма и степей Северного Причерноморья, второй — в начале VIII в. до н. э. — направлен северо-западнее, в степную и лесостепную часть Восточной Европы.

Выводы

1. В финале эпохи поздней бронзы усиливается интенсивность контактов с позднебелозерским и постсрубным культурным миром, выразившаяся в проникновении белозерских типов вещей и инокультурных типов керамики на территорию Закубанья в поселенческие и в погребальные комплексы финала поздней бронзы и, позднее, в погребения начала эпохи раннего железа. Не исключено, что отдельные представители населения Северного Причерноморья проникали на территорию Северо-Западного Кавказа[6]. Контакты с территорией Крыма, очевидно, продолжались и в раннечерногоровское/предновочеркасское время.

2. Признаки влияния белозерской и кизил-кобинской культуры на формирование протомеотского керамического комплекса прослеживаются на территории от Таманского полуострова до устья Лабы (Николаевский могильник).

3. Контакты с западным вариантом кобанской культуры отмечаются на керамике в финале поздней бронзы и в начале эпохи раннего железа морфологически (черпак Михайловского могильника) и в виде отдельных элементов орнаментации посуды (поселения Кужорское и у хутора Грозный) в пределах территории между реками Урупом и Белой.

4. Черты керамики, специфичной только для территории Закубанья, как будто улавливаются в ареале восточнее русла р. Пшиш (поселения Пшиш и Красногвардейское I и II), однако восточная граница этого ареала пока не определена.

5. Керамический комплекс, призванный заполнить хиатус между финалом эпохи поздней бронзы и ранним горизонтом протомеотской группы памятников, складывается из типов, продолжающих местные традиции эпохи поздней бронзы, и отдельных проникающих на территорию Закубанья инокультурных форм. В керамике поселений в этот период еще сохраняются не только типы сосудов, но также каноны и приемы орнаментации эпохи поздней бронзы. В это же время формируется и специфический протомеотский погребальный посудный комплекс, отмеченный белозерским и кизил-кобинским влиянием. К этому комплексу, как представляется, относятся материалы 8-го, 7-го, 6-го раскопочных горизонтов протомеотского слоя поселения Красногвардейского II, 5-го раскопочного горизонта поселения Курджипского, сосуды из погребений 21 (1963) и 50 Николаевского могильника и погребения 81 Псекупского могильника.

6. Интенсивные контакты с раннекочевническими племенами новочеркасской группы, способствовавшие распространению раннежаботинских элементов орнамента, оказали значительное влияние на формирование декора поздней протомеотской керамики. К VIII в. до н. э. сокращается разнообразие заимствованных типов сосудов в погребальном наборе и в протомеотском керамическом комплексе оформляется новый орнаментальный стиль.

В заключение хотелось бы отметить, что в настоящее время предложен ряд радиоуглеродных дат для памятников эпохи поздней бронзы и раннего железного века юга Восточной Европы. Для построек поселения позднесабатиновского времени Ягодинка 2 получена целая серия дат (16). Время жизни поселка определяется 1310–1190 cal BC. Срубные жилища этого поселения по керамике датируются XVII–XV вв. до н. э. (*Цыбрий*, 2013. С. 14). В. В. Потапов предлагает удревнить нижнюю границу кобяковской культуры до начальных этапов финала эпохи поздней бронзы, кото-

[6] Здесь уместно обратить внимание на ошибочную позицию автора, изложенную в предварительном сообщении о поселении Лесное, о переселении одного из племен Северного Причерноморья в Закубанье (*Черных Ел.*, 1996. С. 156). В настоящее время автор атрибутирует поселение Лесное как многослойный памятник, оставленный представителями местных культур от финала эпохи средней бронзы до эпохи средневековья (*Черных Ел.*, 2009. С. 413–419).

рые по радиоуглеродным датам перемещаются к рубежу XV–XIV вв. до н. э. (*Потапов*, 2012. С. 297). Свод радиоуглеродных дат памятников эпохи поздней бронзы Центральной Украины опубликован Д. П. Куштаном (*Куштан*, 2013. С. 84). Второй этап бережновско-маевской срубной культуры (сабатиновское время) по этим датам располагается в диапазоне 1500–1300 гг. до н. э., белогрудовско-белозерское время соответствует 1300–900 гг. до н. э. На территории Закубанья для поселения Курджипского раннего железного века есть дата — 1000±80 лет до н. э. В настоящее время получена еще одна дата для поселения финала эпохи поздней бронзы — протомеотского времени Деметра-3 — 2650±400 BP (*Эрлих, Болелов*, 2014. С. 211–215). Произошло также уточнение и удревнение начальной даты раннего горизонта поселения Жаботин до начала VIII в. до н. э. (*Дараган, Кашуба*, 2008. С. 46, рис. 1). Дата «старших» келермесских курганов сейчас определяется до 670 г. до н. э. (*Алексеев, Рябкова*, 2013. С. 17). Таким образом, благодаря методам радиоуглеродного датирования наметилось удревнение всей стратиграфической колонки предскифского периода как минимум на одно столетие. В. Р. Эрлих, определяя абсолютную дату предновочеркасского/раннечерногоровского комплекса первой половиной VIII в. до н. э., признает, что IX в. до н. э. для этого периода не исключен (*Эрлих*, 2007. С. 187). В связи с этим назрел вопрос: какова дата нижней границы предскифского периода в Закубанье?

Алексеев, Рябкова, 2013 — *Алексеев А. Ю., Рябкова Т. В.* Относительная хронология скифских Келермесских курганов // Шестая междунар. кубанская археологическая конф.: Материалы конф. Краснодар, 2013.

Анфимов, 1961 — *Анфимов Н. В.* Протомеотский могильник с. Николаевского // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961.

Анфимов, 1971 — *Анфимов Н. В.* Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. М., 1971.

Анфимов, 1981 — *Анфимов Н. В.* Древнемеотский могильник близ г. Абинска // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981.

Анфимов, Пьянков, 1989 — *Анфимов Н. В., Пьянков А. В.* Протомеотские погребения в курганах эпохи бронзы Закубанья // Меоты — предки адыгов. Майкоп, 1989.

Анфимов, Шарафутдинова, 1982 — *Анфимов Н. В., Шарафутдинова Э. С.* Поселение Красногвардейское на Кубани — новый памятник кобяковской культуры // СА. 1982. № 3.

Аутлев, 1972 — *Аутлев П. У.* Новые памятники бронзового века Прикубанья // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1972. Т. III.

Батчаев, 1986 — *Батчаев В. М.* Былымский оборонительно-жилой комплекс эпохи бронзы // Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.

Бочкарев, 2010 — *Бочкарев В. С.* Знаменская находка // Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб., 2010.

Бочковой и др., 2013 — *Бочковой В. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Протомеотские погребения из курганов могильника Железнодорожный-2 // Шестая междунар. кубанская археологическая конф.: Материалы конф. Краснодар, 2013.

Бруяко, 2005 — *Бруяко И. В.* Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до Р. Х.). Кишинев, 2005

Ванчугов, 1987 — *Ванчугов В. П.* Памятники тудоровского типа в Северо-Западном Причерноморье (К вопросу о белозерской культуре) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987.

Ванчугов, 1990 — *Ванчугов В. П.* Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1990.

Гаврилюк, 1979 — *Гаврилюк Н. А.* Лощеная керамика степных погребений предскифского времени // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979.

Гаврилюк, 1999 — *Гаврилюк Н. А.* Местные и заимствованные компоненты киммерийской культуры (по материалам керамики) // ВДИ., 1999. № 1.

Гриневич, 1951 — *Гриневич К. Э.* Новые данные по археологии Кабарды // МИАСК. М., 1951 (МИА; № 23).

Дараган, Кашуба, 2008 — *Дараган М., Кашуба М. Т.* Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения // Revista arheologica. Chişinău, 2008. Vol. IV. No 2.

Деопик, Крупнов, 1961 — *Деопик Д. В., Крупнов Е. И.* Змейское поселение кобанской культуры // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.

Дитлер, 1961 — *Дитлер П. А.* Могильник в районе поселка Колосовка на реке Фарс// Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Т. II.

Дубовская, 1993 — *Дубовская О. Р.* К вопросу сложения инвентарного комплекса черногоровской культуры // Археологический альманах. Донецк,1993. № 2.

Дударев, 2004 — *Дударев С. Л.* Белореченский 2-й могильник — памятник эпохи раннего железа

Кавказских минеральных вод // МИАСК. Армавир, 2004. Вып. 3.

Дударев, 2009 — *Дударев С. Л.* Рецензия на книгу: Эрлих В. Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников // РА. 2009. № 1.

Иессен, 1951 — *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки // МИАСК. М., 1951 (МИА; № 23).

Кашуба, 2000 — *Кашуба М. Т.* Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000. № 3: Мельпомена археологическая.

Козенкова, 1982 — *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант М., 1982 (САИ; Вып. В2–5).

Козенкова, 1989 — *Козенкова В. И.* Кобанская культура: Западный вариант. М., 1989 (САИ; Вып. В2–5).

Козенкова, 1996 — *Козенкова В. И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.

Козенкова, 1998 — *Козенкова В. И.* Материальная основа быта кобанских племен: Западный вариант М., 1998 (САИ; Вып. В2–5).

Козенкова, 2002 — *Козенкова В. И.* У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы — раннего железа у аула Серженьюрт. Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М., 2002. Вып. III.

Козенкова, 2013 — *Козенкова В. И.* Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М., 2013.

Козенкова, 2014 — *Козенкова В. И.* Хронология Перкальского могильника в контексте новых материалов скифского облика в Предкавказье // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа: XXVIII Крупновские чтения: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 21–25 апреля 2014 г.). М., 2014.

Колотухин, 1990 — *Колотухин В. А.* Горный Крым в эпоху поздней бронзы — начале железного века. Киев, 1990.

Колотухин, 2003 — *Колотухин В. А.* Поздний бронзовый век Крыма. Киев, 2003.

Кравченко, 2010 — *Кравченко Е. А.* Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ, 2010.

Крупнов, 1960 — *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Кубышев, Черняков, 1986 — *Кубышев А. И., Черняков И. Т.* Грунтовый могильник белозерской культуры у села Чернянка (Херсонская обл.) // СА. 1986. № 3.

Куштан, 2013 — *Куштан Д. П.* Периодизация и хронология памятников эпохи поздней бронзы Центральной Украины // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической науч. конф. СПб., 2013.

Лесков, 1970 — *Лесков А. М.* Кировское поселение // Древности восточного Крыма. Киев, 1970.

Лесков, Эрлих, 1999 — *Лесков А. М., Эрлих В. Р.* Могильник Фарс/Клады: Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М., 1999.

Ловпаче, 1981 — *Ловпаче Н. Г.* Эволюция форм и художественных средств в меотской керамике // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981.

Ловпаче, 1985 — *Ловпаче Н. Г.* Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985.

Марковин, 1978 — *Марковин В. И.* Дольмены западного Кавказа. М., 1978.

Махортых, 2005 — *Махортых С. В.* Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005.

Покровская, 1973 — *Покровская Е. Ф.* Предскифское поселение у с. Жаботин // СА. 1973. № 4.

Потапов, 2005 — *Потапов В. В.* О культурной атрибуции памятников поздней бронзы Нижнего Подонья // II Городцовские чтения. М., 2005 (Тр. ГИМ; Вып. 145).

Потапов, 2010 — *Потапов В. В.* Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья: Авт. дис. ... к. ист. н. М., 2010.

Потапов, 2012 — *Потапов В. В.* Кобяковские памятники в низовьях Дона: проблемы появления и исчезновения // РАЕ. 2012. Вып. 2.

Прохорова, 1983 — *Прохорова Т. А.* Погребение предскифского времени из станицы Грушевской // СА. 1983. № 3.

Рысин, 1991 — *Рысин М. Б.* Поселение Старчики и проблемы периодизации эпохи средней бронзы Западного Кавказа // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991.

Сазонов, 1992 — *Сазонов А. А.* Поселение Курджипское — новый памятник протомеотской культуры // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 гг. Ейск, 1992.

Сазонов, 1995а — *Сазонов А. А.* Протомеотский культовый комплекс в урочище Ленинохабль на реке Пшиш // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995.

Сазонов, 1995б — *Сазонов А. А.* Ранняя группа конских жертвоприношений протомеотского могильника Пшиш I // Там же.

Сазонов, 2003 — *Сазонов А. А.* Конская упряжь эпохи поздней бронзы из Центрального Закубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2003. Вып. 3.

Сазонов, 2004 — *Сазонов А. А.* О хронологии протомеотских погребений Закубанья — Kimmerowie, Skytowie, Sarmaci. Księga poświęcona. Pamięci Profesora Tadeusza Sulimirkiego. Kraków, 2004.

Сазонов, 2005 — *Сазонов А. А.* Керамика протомеотских могильников Пшиш-I и Фарс (к сопоставлению лепных ковшей) // Четвертая Кубанская археологическая конф. Краснодар, 2005.

Сазонов, 2006 — *Сазонов А. А.* Кувшин эпохи финальной бронзы из Майкопского района Адыгеи // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2006. Вып. 6.

Тереножкин, 1976 — *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976.

Фидаров, Чшиев, 2004 — *Фидаров Р. Ф., Чшиев Х. Т.* Новые материалы бытовых памятников кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии // МИАСК. Армавир, 2004. Вып. 3.

Цыбрий, 2013 — *Цыбрий Т. В.* Поселение Ягодинка 2 и некоторые вопросы домостроительства на Нижнем Дону в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... к. ист. н. СПб., 2013.

Черных, 1976 — *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М., 1976.

Черных Ел., 1996 — *Черных Ел. Н.* Новые памятники бронзы в Закубанье // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: XIX «Крупновские чтения»: тез. докл. М.,1996.

Черных Ел., 2006 — *Черных Ел. Н.* Еще раз о культурной принадлежности михайловского могильника финала эпохи поздней бронзы в Закубанье // Человек. Сообщество. Управление. Актуальные проблемы исторической науки. Краснодар, 2006.

Черных Ел., 2009 — *Черных Ел. Н.* Новые данные о керамическом комплексе Закубанья в конце эпохи бронзы // Пятая Кубанская археологическая конф. (материалы конф.). Краснодар, 2009.

Шарафутдинова, 1980 — *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (Кобяковская культура). Л., 1980 (САИ; В1–11).

Шарафутдинова, 1987 — *Шарафутдинова Э. С.* Поселение Красногвардейское II — новый памятник начала эпохи раннего железа на Кубани // Древние культуры Кавказа и Причерноморских степей. М., 1987 (КСИА; Вып. 192).

Шарафутдинова, 1989 — *Шарафутдинова Э. С.* Двуслойное поселение Красногвардейское II — памятник эпохи поздней бронзы — начала раннего железа на Кубани // Меоты — предки адыгов. Майкоп, 1989.

Шарафутдинова, 1991а — *Шарафутдинова Э. С.* Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье // СА. 1991. № 1.

Шарафутдинова, 1991б — *Шарафутдинова Э. С.* Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала раннего железа на Кубани // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991.

Шарафутдинова, Каминский, 1988 — *Шарафутдинова Э. С., Каминский В. Н.* Михайловский могильник конца эпохи поздней бронзы в Закубанье // СА. 1988. № 4.

Эрлих, 2007 — *Эрлих В. Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М., 2007.

Эрлих, Болелов, 2014 — *Эрлих В. Р., Болелов С. Б.* Поселение «Деметра» и неизвестный ранее керамический комплекс эпохи перехода к железному веку // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа: XXVIII Крупновские чтения: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 21–25 апреля 2014 г.). М., 2014.

Leskov, 1981 — *Leskov A. M.* Jung- und Spätbronzezeitliche Depotfunde im nordlichen Swarzmeergebeit I // Prähistorische Bronzefunde. München; Stuttgart, 1981. Abt. XX. Bd 48.

Problem of the pottery of the early proto-Maeotian assemblage of the Final Bronze Age — Early Iron Age in the Trans-Kuban region

El. N. Chernykh

This paper considers the assemblage of pottery from burials and settlement-sites of the proto-Maeotian circle. The assemblage under consideration may be helpful for filling the lacuna between the Final Bronze Age and early sites of the proto-Maeotian period. Comparison of the pottery of the lower level of the proto-Maeotian stratum in the settlement-site of Krasnogvardeyskoye II with that from settlements of the Late Bronze Age of the Trans-Kuban region and Kobyakovo ware from the Lower Don River has enabled us to establish that technologies, types and ornamental canons of the Late Bronze Aged continued in use through the beginning of the Early Iron Age. The most stable ornamental composition which had survived from the Late Bronze Age was presented by a combination of "impending" hatched triangles bordered with a hatched zigzag band from below. Infiltration of objects and ideas of the Belozersk and Kizil-Koba cultures to the Trans-Kuban region resulted in adoption of some vessel types by the population of the Northwestern Caucasus: cylinder-necked beakers, scoops, including those with nail-shaped projections on the handles, large earthenware vessels, bowls with paired button applications and vessels of the Kizil-Koba types — mugs (or deep scoops). These types, having been artistically reworked in the autochthonous medium, became components of the proto-Maeotian ceramic complex which was establishing itself on the local substrate under a considerable influence of the Belozersk, Kizil-Koba and Koban archaeological cultures. It seems that the process of reworking of cultural formations of the Trans-Kuban region of the Late Bronze Age and establishing of the proto-Maeotian cultural complex started in the late 10th century BC. The finds from the 8th, 7th and 6th excavated horizons of the proto-Maeotian stratum at the settlement-site of Krasnogvardeyskoye II, 5th excavated horizon of the Kurdzhip settlement-site, pottery from burials 21 (1963) and 50 at the Nikolayevsky cemetery and burial 81 at the Psekup cemetery seem to be dating from the 9th century BC.

The aggravation of the ecological situation in the northern Black Sea region in the late 2nd millennium BC resulted in modification of the economic and cultural type in this part of Eastern Europe and migration of its population. These processes affected the Trans-Kuban area too. Intensive contacts with the early nomads promoting the spread of early Zhabotin elements of ornamentation influenced considerably the formation of the decoration pattern of the late proto-Maeotian pottery. By the 8th century BC, the diversity of borrowed types of pottery in the burial sets and proto-Maeotian ceramic assemblages had been reducing and a new ornamental style was being established. From the 8th century BC, only rims or zones in their upper third were ornamented; new, unknown before, motifs appeared: festoons, rhombuses, multi-row zigzags, wavy lines, squares, semicircles with radiating dashes, volutes and circles with crosses inside. Radiocarbon analysis has established a tendency for obtaining more ancient dates for the beginning of the Early Iron Age in the northern Black Sea littoral within the span of the 11th to 10th century BC. In the Trans-Kuban, the corresponding archaeological studies now are based on two dates: the 5th excavated horizon of the Kurdzhip settlement is dated to 1000±80 BC while the settlement of "Demetra-3" near Maykop is broadly dated to the span of 2650±400 BP.

Скифские варны

С. В. Кулланда[1]

Памяти Эдвина Арвидовича Грантовского

В статье рассматриваются проблемы происхождения индоиранской системы варн и ее функционирования в скифском обществе. Анализ лингвистических материалов и письменных источников позволяет отвергнуть некоторые распространенные трактовки скифских личных имен и названий социальных групп и предложить новые, не противоречащие историческим данным и установленным особенностям скифской фонетики.

Ключевые слова: варны, скифы, скифские этимологии.

This paper is focused on the origin of the Indo-Iranian varṇa *system and its functioning among the Scythians. The study of linguistic evidence and written sources allows the author to reject some generally accepted interpretations of Scythian personal names and denotations of social groups and suggest new etymologies based on regular phonetic correspondences between Scythian and other Iranian languages.*

Keywords: varṇa*, Scythians, Scythian etymologies.*

Более полувека тому назад замечательный иранист Э. А. Грантовский (1932–1995), которому тогда не исполнилось и тридцати, подробно и убедительно обосновал уже высказывавшуюся ранее гипотезу о функционировании в скифском обществе социальной структуры, характерной для индийских и древних иранских народов: деления всех полноправных на наследственные социальные группы (др.-инд. *várṇa*, авестийское *pištra* — оба слова означают ‘цвет’) священнослужителей, воинов и простолюдинов (индийские брахманы, кшатрии и вайшьи, авестийские атраваны, ратайшты и вастрьо-фшуянты и т. п.)[2] (историю вопроса см. подробно в работе: *Хазанов*, 1974). С тех пор дискуссии о трактовке релевантных данных, прежде всего сохраненных Геродотом так называемых скифских генеалогических легенд, не затихают, но попыток критически пересмотреть, в частности, имеющиеся этимологии имен и названий социальных групп практически не предпринималось. Именно это и побудило меня вернуться к их анализу.

В одном из вариантов известной легенды о происхождении скифов, записанной Геродотом (IV, 5–7), говорится, что у первочеловека Таргитая было три сына: Липоксай, Арпоксай и самый младший (νεώτατος) Колаксай. После того как младшему брату удалось завладеть упавшими с неба священными предметами, старшие братья передали ему царскую власть. Далее повествуется, что от старшего, Липоксая, «произошли те скифы, которые именуются родом авхатов. От среднего, Арпоксая, произошли именуемые катиарами и траспиями. От самого же младшего из них — цари, которые именуются паралатами» (пер. И. А. Шишовой по изданию: *Доватур и др.*, 1982. С. 101). Уже А. Кристенсен в начале века предложил

[1] Россия, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12. Институт востоковедения РАН. Отдел истории и культуры Древнего Востока.

[2] Эта и ряд других работ Э. А. Грантовского — лучшее опровержение высказываемого иногда в полемическом запале мнения, будто «скифологом невозможно быть, не будучи археологом. Причем полевым археологом. Это правило не имеет исключений» (*Гаврилюк*, 2007. С. 119).

считать эти «роды» (γένεα[3]) скифов социальными группами («Nous avons ici une légende sociale» — *Christensen*, 1918. P. 137). Затем эту трактовку развивали Ж. Дюмезиль и Э. А. Грантовский. Последний убедительно показал, что потомки старшего брата были жрецами, среднего — земледельцами-скотоводами, а младшего — военной аристократией, причем попытки «исправить» такую последовательность на том основании, что-де предводитель воинов должен быть старше предводителя скотоводов-земледельцев, неправомерны, поскольку именно вышеописанная последовательность наблюдается и в иранских традициях, в частности в авестийской (*Грантовский*, 1960. С. 10–11). Кроме того, Э. А. Грантовский обратил внимание на цветовую символику, связанную в «Аргонавтике» Валерия Флакка с именами Колакса (соответствующего геродотовскому Колаксаю) и Авха (соответствующего старшему брату генеалогической легенды, Липоксаю, предводителю авхатов). По Флакку, Авх от рождения имел белоснежные волосы, а инсигнии отряда Колакса были золотисто-красными, цвета пламени, в то время как «белый цвет и в Иране, и в Индии считался цветом жреческой касты, так же как цветом военной касты — красный, точнее желто-красный, золотисто-красный, цвета пламени» (Там же. С. 6). Следующим напрашивающимся шагом в интерпретации скифской генеалогической легенды могло бы стать соположение социальной интерпретации с гипотезой В. Бранденштейна (*Brandenstein*, 1953. S. 183 сл.) о том, что скифские γένεα по происхождению суть возрастные группы: Липоксай предводительствовал старшими, Арпоксай — средними, а Колаксай — младшими. Именно такую интерпретацию предложил (правда, без ссылки на Бранденштейна, которого, видимо, не читал) Э. О. Берзин. По его словам, у первобытных народов «в большинстве случаев преобладало деление на три основных возрастных класса, соответствующих главным социальным функциям: 1) юноши-воины, 2) зрелые мужи, домохозяева, производители материальных благ и 3) старики, основными занятиями которых были отправление культа и регулирование отношений между членами племени... С течением времени... внутри индоевропейских племен началась специализация отдельных групп населения на одном из трех основных занятий. Некоторые роды стали давать прежде всего жрецов. Члены их, независимо от возраста, считались стариками, и символом этих родов была седина — белый цвет. Другие роды, а иногда и целые племена... специализировались на войне. Их символом стал красный цвет (огня и крови) ... Члены этой группы считались вечными юношами... Основная же масса населения... кормила две другие группы. В глазах общества эти производители материальных благ представлялись вечнозрелыми мужами. Присвоенные им цвета... соответствовали цвету земли (черный, коричневый) или воды (синий). Так из возрастных классов постепенно возникли варны... Варна воинов, несмотря на свое постоянно возрастающее значение, в течение еще долгого времени продолжала считаться младшей» (*Берзин*, 1986. С. 46). К сожалению, работы В. Бранденштейна и Э. О. Берзина наряду с верными, на мой взгляд, положениями о роли половозрастной стратификации в формировании системы варн содержали и немало натянутых утверждений и прямых ошибок[4], что обусловило скептическое к ним отношение. Статья Берзина, кроме того, была опубликована в популярном издании, что также не способствовало

[3] Большинство авторов, анализировавших текст Геродота (Ж. Дюмезиль, Э. А. Грантовский и др.), предпочитало нормализованную литературную форму γένη, но в Геродотовом ионийском диалекте именительный множественного от γένος имеет форму γένεα (ср. Herod. I 101: ἔστε δὲ Μήδων τοσάδε γένεα). Об употреблении γένος у Геродота см.: *Jones*, 1996. К принимаемому здесь переводу ср. также трактовку этого слова в египетском логосе (II 164) Ф. Г. Мищенком (*Геродот*, 1888 Т. I. С. 206): ‘класс’ и Г. А. Стратановским (*Геродот*, 1972. С. 163): ‘каста’.

[4] Так, например, В. Бранденштейн считал, что скифские γένεα связаны со сменявшими друг друга в Северном Причерноморье народами: трипольскими земледельцами (потомками старшего брата), носителями культуры боевых топоров (потомками среднего брата) и собственно скифами (потомками младшего брата), что представляется, мягко говоря, маловероятным; Э. О. Берзин утверждал, что индоевропейцы были конными воинами, тогда как верховая езда не получила распространения даже в индоиранский период.

ее адекватному восприятию научным сообществом[5].

Имеющиеся материалы позволяют, однако, вернуться к гипотезе о роли половозрастной стратификации в формировании системы варн на новом уровне. В частности, есть основания утверждать, что именно такая форма организации общества была свойственна носителям индоевропейского праязыка. Автор данной статьи посвятил этому ряд работ, основные выводы которых суммируются ниже.

О существовании в праиндоевропейском обществе половозрастной стратификации свидетельствует прежде всего анализ праязыковых этимонов, в соответствии с семантикой большинства их рефлексов традиционно считающихся терминами родства и свойства. Реконструируемую для праиндоевропейского (ПИЕ) систему терминов родства обычно подразделяют на две подсистемы: 1) термины для обозначения кровных родственников и 2) термины для обозначения свойственников. При этом, однако, мы навязываем обществу, язык которого пытаемся реконструировать, привычную нам систему счета родства и свойства, для чего приходится идти на прямое насилие над материалом. Скажем, ПИЕ **bʰréh₂tēr*, традиционно включаемое в подсистему терминов родства с реконструируемым значением ‘(кровный) брат’, столь же традиционно считается показателем принадлежности к некоей социальной общности (ИЭСОЯ, II. С. 438–439; *Трубачев*, 1959. С. 58 сл.; *Benveniste*, 1969. I. P. 213–214; *Szemerényi*, 1977. P. 23–24; *Гамкрелидзе*, *Иванов*, 1984. С. 764 и др. работы). Кроме того, при таком подходе разъединяются морфологически сходные (например, оформленные одним суффиксом) термины и объединяются несходные, тогда как «значительно более эффективен анализ не искусственных, а естественных подсистем, выделяемых на основе общности формальных языковых признаков, а не на основе наших субъективных представлений о членении мира» (*Поздняков*, 1989. С. 96).

По объективному формальному признаку сразу же выделяются праиндоевропейские социальные термины, оформленные суффиксом **-tēr*, который Эмиль Бенвенист считал показателем лексического класса терминов родства (*Benveniste*, 1969. I. P. 212, 255). Таких слов всего пять, а именно: **ph₂tḗr* (традиционно реконструируемое значение ‘отец’), **méh₂tēr* (‘мать’), **bʰréh₂tēr* (‘брат’), **dʰugh₂tḗr* (‘дочь’) и **h₂i̯ŭnh₂tēr* (‘ятровь’, т. е. жена брата мужа)[6]. Только они в языках всех подгрупп индоевропейской семьи, в которых засвидетельствованы, дают исключительно рефлексы с интересующим нас суффиксом.

Реально засвидетельствованные рефлексы этих праязыковых этимонов в подавляющем большинстве случаев действительно представляют собой термины родства и свойства. Существуют, однако, обстоятельства, препятствующие реконструкции соответствующих значений для индоевропейского праязыка. Так, латинское *pater* без всяких дополнительных уточнений могло означать ‘сенатор’ (обычно во множественном числе — *patres*). Согласно авторитетному латинскому этимологическому словарю, «*pater* не обозначает физического отцовства, обозначаемого скорее словами *parens* и *genitor*, а имеет социальное значение» (Ce qu’indique *pater*, ce n’est pas la paternité physique, qui est plutôt indiquée par *parens* et par *genitor*. *Pater* a une valeur sociale) (*Ernout*, *Meillet*, 2001. P. 487). Греческое πατήρ — также в первую очередь не термин родства, а «термин, имеющий прежде всего социальное и религиозное значение» (un terme dont la

[5] Несколько слов об Эдуарде Оскаровиче Берзине (1931–1997), впервые эксплицитно сформулировавшем развиваемую ниже гипотезу о происхождении индоиранских варн из половозрастных классов. Он начинал как археолог-античник, но, не получив возможности трудиться по призванию, поступил на работу в Институт востоковедения АН СССР в Москве, где специализировался по истории Таиланда и Юго-Восточной Азии в целом. Защитив докторскую диссертацию и добившись тем самым определенного положения в науке, он стал для души писать в журнал «Знание — Сила» популярные статьи о по-настоящему интересовавших его сюжетах. Хотя там и встречались характерные для дилетантов ошибки (ср. выше, примеч. 4), он выдвигал и смелые и в то же время находящие подтверждение в фактическом материале идеи.

[6] Для экономии места я не привожу ниже всех засвидетельствованных рефлексов этих праязыковых этимонов. Достаточно сказать, что к ним восходят русские слова ‘мать’, ‘брат’, ‘дочь’ и ‘ятровь’, а к **ph₂tḗr*, видимо, древнерусское *стрыи* ‘дядя по отцу’ (из **ph₂truu̯io-*).

valeur est surtout sociale et religieuse) (*Chantraine*, 1947. P. 235). Относительно ПИЕ *b^hrŭh_2tēr общепризнано, что им обозначалось не только и не столько кровное родство, сколько принадлежность к более широкой общности. В пользу «некровнородственной» трактовки говорит значение таких рефлексов, как др.-греч. φράτηρ ‘член фратрии’, причем это слово употребляется исключительно во множественном числе (*Benveniste*, 1969. I. P. 214) и пр.

Хотя субъектами власти в исторически засвидетельствованных индоевропейских обществах были прежде всего мужчины, женские термины также дают рефлексы с потестарным значением. Так, латинское *mater* «несет в себе, как и *pater*, идею почтения... и добавляется к имени той или иной богини... в знак почитания (*Terra māter*), причем идея материнства может и не подразумеваться: *Vesta māter*» (Il [Ce mot] comporte, comme *pater*, une idée de respect... et s’ajoute au nom d’une déesse... pour l’honorer (*Terra māter*), et sans que l’idée de maternité soit nécessairement impliquée dans l’appellation: *Vesta māter*) (*Ernout*, *Meillet*, 2001. P. 389).

К ПИЕ *d^hugh_2tḗr, как показал Э. Бенвенист (*Benveniste*, 1966. P. 34–50), восходят др.-перс. *duxçi, сохранившееся в эламской передаче *du-uk-ši-iš* и означавшее, как и ср.-перс. *duxš*, ‘царевна’, и армянское *dšxoy* ‘царица’ (иранское заимствование). Таким образом, данный этимон также имеет потестарные коннотации и навряд ли может однозначно трактоваться как термин родства.

Наконец, последний ПИЕ этимон, оформленный интересующим нас суффиксом — *h_2i̯énh$_2$tēr, — реконструируется на основании следующих рефлексов: др.-инд. *yātar*-; пашто *yōr*; арм. *ner*; греч. (гомеровское) мн. ч. εἰνατέρες, вообще греческое слово употребляется почти исключительно во множественном числе и в таком виде приводится в словарях — единственное появляется только в поздних надписях из Малой Азии и у Геродиана (*Chantraine*, 1999. P. 323; *Beekes*, 2010. P. 389); лат. *janitrices* (зафиксировано только множественное число); ст.-лит. *jentė* (gen. *jenters*); рус. ятровь. Как справедливо отметил О. Семереньи (*Szemerényi*, 1977. P. 92), для праязыкового состояния вполне правомерно реконструировать как основное значение не единственное (‘жена брата мужа’), а множественное число — ‘жены братьев’.

Итак, для праиндоевропейского реконструируется определенным образом (посредством суффикса *-tēr) оформленная лексическая группа, включающая четыре парных термина, которые могут быть сгруппированы как по половому (два мужских, *$p^h$$_2$tḗr и *$b^h$réh$_2$tēr, и два женских — *méh$_2$tēr и *d^hugh$_2$tḗr либо *h_2i̯énh$_2$tēr), так и по возрастному (два для обозначения старших возрастных категорий, *ph$_2$tḗr и *méh$_2$tēr, и два для обозначения младших — *b^hréh$_2$tēr и *d^hugh$_2$tḗr либо *h_2i̯énh$_2$tēr) признаку, а также еще один термин для обозначения женщин, которому нет пары. Все эти термины, судя по их рефлексам, явно служат преимущественно для обозначения групп лиц, а не индивидуумов, и практически для всех рефлексы дают как значение терминов родства, так и иную, прежде всего властно-управленческую, семантику. На мой взгляд, эти термины адекватно описывают общество, структурированное по половозрастному принципу, где генеалогическое родство не играет существенной роли в системе социальных связей: важна принадлежность к экзогамной группе, полу и поколению. Вырисовывается деление всех полноправных, т. е. имеющих право на вступление в брак, мужчин и женщин на две группы: старших (т. е., видимо, тех, чьи социальные дети прошли инициацию) и младших, что вполне соответствует этнографическим материалам (ср. *Артемова*, 1987. С. 84–100; *Калиновская*, 1980. С. 75–76). Что касается ПИЕ *h_2i̯énh$_2$tēr, все его рефлексы дают значение ‘жена брата’ (точнее, ‘жены братьев’), а жены при господствовавшем на ранних этапах социогенеза экзогамном браке брались из другой общины или из другой экзогамной группы внутри той же общины. Этим, видимо, и объясняется асимметричность, при которой одному мужскому термину соответствуют два женских: один из женских терминов обозначал жен (как реальных, так и потенциальных) членов группирования молодых мужчин (принадлежность к которому маркировалась термином *b^hréh$_2$tēr), взятых из другой экзогамной общины, а второй — молодых женщин той же возрастной группы — социальных сестер молодых мужчин данной экзогамной группы, предназначенных «на выданье» в другую экзогамную общину.

Нас не должно смущать то, что значения показателей принадлежности к половозрастному группированию для рефлексов рассмо-

тренных этимонов реально не засвидетельствовано. Реконструируя семантику праязыковых этимонов, в том числе и праязыковую социальную терминологию, подавляющее большинство исследователей приписывает соответствующим праязыковым лексемам то или иное реально засвидетельствованное значение (обычно наиболее часто встречающееся). При реконструкции фонетики такую практику однозначно признали бы порочной: во многих случаях для семей и групп с маломальски сложной фонетикой восстанавливаются не зафиксированные в языках-потомках прафонемы, позволяющие вывести из них все имеющиеся рефлексы. Представляется, что и семантику праязыковых этимонов следует реконструировать таким образом, чтобы из нее непротиворечиво выводилось значение их реально зафиксированных рефлексов, даже если подобное значение ни в одном из языков-потомков не отмечено.

За пределами данной классификации, включающей только полноправных членов общества, находящихся в социально активном периоде жизни, остаются неинициированные дети, еще не вступившие в период социальной активности, старики, уже вышедшие из него, а также юноши, прошедшие инициацию, но еще не успевшие воинскими подвигами заслужить право на вступление в брак. Их наименования, соответственно, не снабжены суффиксом *-*tēr* и потому здесь не рассматриваются, хотя последняя группа приняла непосредственное участие в формировании системы варн (ср. ниже о древнеиндийском *márya* и родственных словах других языков)[7].

В дальнейшем, как явствует из семантики рефлексов праязыковых этимонов, половозрастная стратификация эволюционирует, с одной стороны, в системы вначале коллективного классификационного, а затем и индивидуального генеалогического родства, а с другой — в системы социальной организации, в которых половозрастные классы превращаются в функциональные группы вроде римских *patres* и т. п. Типы систем родства и функциональных групп зависят от обстоятельств. Так, в одних обществах класс старших мужчин сохранял властно-управленческие функции (как в Риме), в других же эти функции «перехватывала» группа юношей-воинов, а старшим отводилась жреческая функция (как в индоиранском обществе).

К сожалению, в большинстве случаев у нас нет прямых подтверждений гипотезы о трансформации половозрастных институтов

[7] Я должен попросить прощения у читателя за подробное изложение сюжета, имеющего лишь опосредованное отношение к заявленной теме, но, увы, излагаемая здесь теория социогенеза (и, соответственно, происхождения варн) в корне противоречит основанной исключительно на противопоказанных научным изысканиям житейском здравом смысле и личном жизненном опыте исследователей убежденности в том, что человеческому обществу было изначально присуще представление о кровном родстве. Убежденность эта настолько велика, что перед ней бессильна любая логика. Достаточно вспомнить отклики на мою статью в журнале «Current Anthropology» (*Kullanda*, 2002). Скажем, Р. Беекеса, всемирно известного индоевропеиста, настолько вывели из себя мои попытки усовершенствовать семантическую реконструкцию праязыковых этимонов, что, стремясь их отмести, он сподобился на утверждение, подрывающее основы его собственной специализации, а именно: «использование слова *pater* для обозначения сенатора в Риме — очень позднее по сравнению с датировкой праиндоевропейского и не может быть использовано как свидетельство для праязыка» (the use of *pater* to indicate a senator in Rome is very late compared with the date of Proto-Indo-European and cannot be used as evidence for the proto-language) (*Beekes*, 2002. P. 100). В дальнейшем то же утверждение повторяется в более общем виде («the evidence given for old age/sex meaning is based on the material too late to be used for Proto-Indo-European») (*Ibid*. P. 101), так что речь не идет о *lapsus calami*. Право, неловко напоминать почтенному компаративисту, что *любые* данные для *любой* индоевропейской реконструкции, будь то фонетической или семантической, засвидетельствованы по меньшей мере через несколько тысячелетий после распада праязыка, так что своим заявлением он походя отменяет сравнительно-историческое языкознание. Это, конечно, крайний случай, но и куда более конструктивно настроенный и в целом благожелательный критик рассуждает о гипотезе половозрастной подоплеки социальных институтов в терминологии генеалогического родства: «Если есть отец, должен быть и сын... Братья есть, а сестра где?» (*Клейн*, 2013. С. 141). Я, однако же, не теряю надежды добиться адекватного понимания отстаиваемых мною идей, почему и не могу ограничиться изложением гипотезы без аргументации.

в варны[8], но о варне воинов такие сведения имеются. В древних текстах, помимо известного повествования о жертвоприношении Пуруши (*Puruṣasūkta*, RV X, 90, 11–12), информации о происхождении варн очень мало, но имеющиеся данные позволяют судить о том, что воинская варна кшатриев генетически связана с возрастным классом юношей-воинов. Так, ведийский Индра, царь и воин *par excellence*, описывается в Ригведе как «нестареющий» (*ajuryá*) юноша (*yúvan*) и *márya*. Последний термин, буквально означающий «юноша», постоянно используется в эротическом контексте: приближаться или стремиться к кому-либо «как юноша к девице» (*máryo ná yóṣām*) — обычная формула в Ригведе. Но тем же словом именуется Индра и его свита, Маруты, также природные воины. Родственные слова в иных индоевропейских языках означают «негодяй, разбойник, молодчик» (авестийское *mairiiō*), «раб» (пашто *mrayáy* < **marya-ka*) и «муж или жених» (среднеперсидское *mērak*, латинское *marītus*). Все значения могут быть без натяжек возведены к праязыковому этимону, означающему принадлежность к половозрастной группе юношей-воинов, в мирное время представлявшей угрозу общественному спокойствию (отсюда значение «негодяй»), но во время войны представлявших основную ударную силу социума (отсюда воинские коннотации). Юноши, прошедшие инициацию, исторически и этнографически засвидетельствованный искус квазирабского служения старшим (отсюда значение «раб») и проявившие себя в набегах на соседей, переходили в следующий возрастной класс, получая тем самым право и обязанность жениться (отсюда значения, связанные с браком).

Индра и Маруты по описанию Ригведы — именно такая группа. Маруты в Ригведе — юноши (*yúvānas* и *máryās*), упоминающиеся только как группа (*śárdha*, *gaṇá* или *vrā́ta*), внутри которой отсутствуют какие бы то ни было индивидуальные характеристики. Маруты «родились одновременно» (*sākáṁ jajñire* [RV I, 164, 4]; *sākáṁ jātā́ḥ* [RV V, 55, 3]), « [происходят] из одного гнезда» (*sánīḷāḥ* [RV I, 165, 1; VII, 56, 1], «родня друг другу» (*sábandhavaḥ* [RV V, 59, 5]), «схожи как близнецы» (*yamā́ iva súsadṛśaḥ* [RV V, 54, 4]). «Среди них, как среди спиц (колесницы), нет последнего» (*téṣām… arā́ṇāṁ ná caramás* [RV VIII, 20, 14]; см. также V, 58, 5). «Нет среди них ни старших, ни младших, ни средних» (*té ajyeṣṭhā́ ákaniṣṭhāsa udbhídó ’madhyamāso*… [RV V, 59, 6]) (см. подробно *Wikander*, 1938; *Кулланда*, 1995).

Полагаю, что приведенный материал позволяет с большой долей уверенности утверждать, что воинская варна кшатриев генетически связана с возрастным классом юношей-воинов. К сожалению, мы не располагаем столь же выразительными данными относительно двух других изначальных варн (четвертая варна, шудры, появилась, видимо, позднее), если не считать цветовой символики (которая, впрочем, весьма важна, раз нашла отражение в наименовании института), но отдельные части любой системы должны рассматриваться во взаимосвязи. Если у нас имеются веские свидетельства того, что праиндоевропейское общество, по крайней мере на ранних этапах своего существования, структурировалось по половозрастному принципу, а одна из индийских варн была связана с определенным половозрастным классом, есть все основания предполагать, что и две другие уходят корнями в половозрастную стратификацию.

Вернемся к анализу скифского материала. О существовании элементов половозрастной стратификации в скифском обществе свидетельствует сообщение Николая Дамасского (*FHG* III F. 123 = *FGH* II A F. 90) о том, что «млекоеды, скифский народ» «называют старших себя ‘отцами’, младших ‘сыновьями’, а сверстников ‘братьями’» (…τοὺς μὲν πρεσβυτέρους αὐτῶν πατέρας ὀνομάζειν, τοὺς δὲ νεωτέρους παῖδας, τοὺς δ᾽ ἥλικας ἀδελφούς). Если же обратиться к наиболее ранним и оттого, как представляется, более надежным по сравнению со свидетельствами поздних авторов данным Геродота, легенда, охарактеризованная им как собственно скифская (IV 5–6)[9], явно повествует о делении, подобном варновому (*Грантовский*, 1960), чьи истоки прослеживаются в индоевропейской древности (*Kullanda*, 2002;

[8] Приходится прибегать к косвенным, например, к тому факту, что, скажем, у восточноафриканских кикуйю, для которых характерна половозрастная стратификация, жрецами могли быть только представители старшего возрастного класса (*Prins*, 1953. P. 56–57, 113–114).

[9] Изложение этой легенды см. выше.

Кулланда, 2006б, ср. также выше). Вторую Геродотову версию легенды (IV 8–10)[10], которую Отец истории приписывает причерноморским грекам, вроде бы можно понимать как этногенетическую, поскольку в ней имена сыновей Геракла соответствуют этнонимам, но фраза, что от Скифа, сына Геракла, произошли все сущие цари скифов, заставляет думать, что и этот вариант изначально повествовал о возникновении социального членения[11].

Обратимся теперь к этимологии скифских имен и слов, упоминаемых в генеалогических легендах. В первую очередь проанализируем имена сыновей прародителя скифов Таргитая. Еще П. Й. Шафарик (*Šafařik*, 1836. S. 236) отметил, что вторая часть имен трех братьев — -ξαϊς — есть не что иное, как иранское *xšaya* ‘власть’. Первый элемент имени старшего брата, Λιπόξαϊς (вар. Λειπόξαϊς, Νιπόξαϊς, Νιτόξαϊς), Эбель (*Ebel*, 1857. S. 400) возводил к индоевропейскому корню **leip-* ‘лепить, мазать’, трактуя все имя как ‘царь-помазанник’, gesalbter König, а Э. А. Грантовский (*Грантовский*, 1960. С. 7–10) — к иранскому *ripa*, названию Рипейских гор, а также гор *par excellence*. Однако производные от **leip-* в иранских языках имели в анлауте *r* (ср. ср.-перс. *frēb* [*pra-raip* <] «обман» с обычным в индоиранском семантическим переходом), а в скифском не происходило перехода *ri* в *li*, и имя Липоксая (если принимать чтение с начальной ламбдой — варианты с начальным ню вроде бы не поддаются осмысленному истолкованию из иранского) может восходить только к иранскому этимону с начальным **d-*[12]. В этом случае возможны две

[10] «Когда Геракл прибыл... в страну, называемую ныне Скифией... то... заснул, а кони из его колесницы... были таинственным образом похищены по божественному предопределению. Когда же Геракл проснулся, он отправился на поиски. Обойдя всю страну... он нашел в пещере некое существо двойной природы: наполовину ехидну, наполовину деву... Геракл спросил ее, не видела ли она где-нибудь бродящих коней. Она же сказала ему, что лошади у нее и что она их ему не отдаст, пока он с ней не совокупится. Геракл вступил с ней в связь за такую цену... Наконец она... сказала: “Я сохранила для тебя этих коней”..., а ты дал награду — ведь у меня от тебя три сына. Ты мне скажи, что нужно делать с ними... он, как говорят, на это ответил: “...как увидишь, что кто-то из них натягивает этот лук вот так и подпоясывается поясом вот таким образом, именно его сделай жителем этой страны. Того же, кто не сможет выполнить то, что я приказываю, вышли из страны...”... Она же, когда родившиеся у нее дети возмужали, сначала дала им имена: одному из них — Агафирс, следующему — Гелон и Скиф — самому младшему... И вот двое ее детей — Агафирс и Гелон, которые не смогли справиться со стоявшей перед ними задачей, ушли из страны, изгнанные родительницей, а самый младший из них — Скиф, — выполнив все, остался в стране. И от Скифа, сына Геракла, произошли нынешние цари скифов» (пер. И. А. Шишовой по изданию *Доватур и др.*, 1982. С. 103).

[11] Прежде, в советское время, противники такой трактовки прибегали к квазимарксистской аргументации, выставляя себя защитниками «единственно верного учения» от ревизионистских посягательств. Так, Е. В. Черненко в рецензии на книгу о скифском обществе писал: «...при реконструкции многих сторон скифской социальной организации А. М. Хазанов намеренно прибегает к методу этнографических аналогов — частному проявлению сравнительно-исторического метода, одного из основных инструментов марксистской исторической науки... Таким образом, автор исходит из марксистского тезиса: близость социально-политического бытия определяется близостью социально-экономических и исторических условий жизни..., а не внеисторическим “национальным духом”» (*Черненко*, 1978. С. 148). Современные их последователи соответствующей терминологии по понятным причинам избегают, но логика рассуждений от этого не меняется. Анализ данных Геродота, подкрепленных индоиранским материалом, во внимание не принимается, а скифской социальной организации приписываются те же черты, что и более поздним кочевым обществам. Ср. в недавней работе В. Ю. Мурзина (впрочем, то же самое уже было опубликовано по-русски в работе *Мурзин*, 1990. С. 73, 79): «Тріадна організація виникала внаслідок підкорення іноплемінних груп населення та ставала знаряддям панування правлячої верхіви (“центру”), що спиралася на “природних” підданих, над щойно підкореними групами населення» (Триадная организация возникала вследствие покорения иноплеменных групп населения и служила орудием господства правящей верхушки («центра»), опиравшейся на «природных» подданных, над недавно покоренными группами населения) (*Мурзін*, 2013. С. 27–28). Это, однако, тот самый случай, когда comparaison n’est pas raison (сравнение — не довод).

[12] Ф. Корнильо предположил, что начальный *l-* в имени Липоксая мог произойти из **t-*, и, реконструируя праформу как **Tipo-xšaya*, возводил первый элемент имени к иранскому **təpor* «топор» (*Cornillot*, 1981. P. 44–45). Однако в афганском (пашто) (как и в прочих юговосточноиранских языках), на аналогичное фонетическое развитие в котором ссылается французский ученый, начальный *t-* никогда не переходит в *l-* (переход имеет место только в положе-

трактовки: первая часть имени восходит либо к корню **daiH[1]-* со значением ‘наблюдать; прозревать; мыслить’ (ср. древнеиндийское *dhī́* ‘мысль’) (ЭСИЯ 2. С. 291–297; *Cheung*, 2007. P. 48–50), либо к омонимичному **daiH[2]-* со значением ‘сиять’ (ср. древнеиндийское *dī* ‘сверкать, блистать’) (ЭСИЯ 2. С. 288–291; *Cheung*, 2007. P. 50–51) (в обоих случаях с суффиксом *-pa*), либо к варианту последнего с элементом *-p* — ср. йидга *velivo* «молния» от корня **daiHp-/diHp-* ‘сверкать’ (ЭСИЯ 2. С. 299–301; *Cheung*, 2007. P. 72–73) и суффиксом *-u* (который, в частности, объяснил бы появление -о- в греческой передаче). Таким образом, имя предводителя авхатов, бывших, по всей вероятности, жрецами (ср. ниже), можно было бы перевести как «Владыка блистательных» или «Владыка прозревающих»[13], хотя уверенности в этом нет.

Первую часть имени среднего сына Таргитая, Арпоксая (Ἀρπόξαϊς), предка катиаров и траспиев, В. И. Абаев (*Абаев*, 1949. С. 242) сравнил с осетинским *arf* «глубокий» (<**āpra*) и перевел все имя как «владыка вод», однако метатезы **pr > rp* не происходило не только в скифском, но и в раннесарматском, о чем свидетельствует сарматское название Днепра, сохраненное в греческой форме Δάναπρις (скифы называли Днепр Борисфеном, Βορυσθένης), следовательно, первая часть имени Арпоксая не может восходить к слову **āpra-* ‘глубина’. Ф. Корнильо (*Cornillot*, 1981. P. 18) сближает первый элемент имени Арпоксая с древнеиндийским глаголом *arpay-* ‘устанавливать, утверждать’. Однако древнеиндийская форма — каузатив от корня *ar/ṛ* при помощи суффикса *-paya-*, а для иранского характерен лишь каузативный суффикс *-aya-*. Каузативные суффиксы с элементом, восходящим к *-p-*, засвидетельствованы только в языках, прямо или опосредованно контактировавших с индоарийскими, и потому соответствующую праформу обычно считают старым индоарийским заимствованием (*Стеблин-Каменский*, 1999. С. 456). С другой стороны, есть основания полагать, что глагольный элемент *-p-* не является индоарийским новообразованием, поскольку встречается, например, в литовском (*Барроу*, 1976. С. 334). Не исключено, следовательно, что и в скифском мы имеем дело с архаизмом, так что гипотеза Корнильо имеет право на существование. Ему же принадлежит сравнение с авестийским корнем *rap-* ‘помогать, оказывать поддержку’, отвергаемое Шмиттом (*Schmitt*, 2003. S. 7, примеч. 21). Фонетически возможно возведение к незасвидетельствованному иранскому **harpa* ‘змея’ (ср. др.-инд. *sarpá-* ‘id.’) (*Mayrhofer*, 2006. S. 11), но неясна семантика (в связи с матерью, полудевой-полузмеей?). Первую часть имени Арпоксая можно также считать именным производным от корня **Har/ṛ* — ср. древнеиндийское *ṛbhú* ‘умелый’, которому в иранском должно было соответствовать **arbu*, сопоставимое с Ἀρπό- (иранские звонкие в сочетании согласных в инлауте могут передаваться греческими глухими: Виндафарна — Интаферн) (*Кулланда*, 2006а. С. 205). Относительно сочетаемости двух элементов имени ср. древнеиндийское *ṛbhukshán* — «Владыка Рибху», эпитет ряда

нии между гласными) (*Эдельман*, 1986. С. 164–165), да и многочисленные скифские примеры (хотя бы те же паралаТы, сколоТы и т. п.) свидетельствуют о сохранении иранского **t* во всех позициях.

[13] Утверждение, будто « [с] огласно Кулланде..., в Λιπόξαϊς первая основа восходит к корню со значением «сиять» или «мыслить», но такого иранского корня нет, автор апеллирует к древнеиндийской лексике...» (*Яйленко*, 2011. С. 254, примеч. 52), не соответствует действительности: во-первых, речь идет о двух разных корнях, привлеченных в качестве альтернативных объяснений, во-вторых, оба они наличествуют в иранском (ср. выше). Просто в иранских языках из-за слияния звонких придыхательных с непридыхательными эти корни стали омонимичными, и индийский материал я привожу для того, чтобы проиллюстрировать их разную природу. Моему анализу имени Липоксая почему-то вообще не везет с пересказами. Так, М.Д. Бухарин (*Бухарин*, 2013. С. 30), ссылаясь на мою работу 2006 года, отводит приведенное там гипотетическое сопоставление первого элемента имени с корнем, означающим ‘мыслить’, на том основании, что «[н] еясной оказывается семантическая связь “царя мысли” с ролью Липоксая в скифской мифологической картине мира». Все бы ничего, но о предложенной мною не просто в той же работе, но и в той же фразе альтернативной этимологии (к корню «сиять») в следующем абзаце по недосмотру говорится без ссылки и в сослагательном наклонении («...более продуктивным было бы сравнение с... основой... “сиять”»), отчего у читателя создается впечатление, что Кулланда до этой этимологии не додумался и предлагается она впервые (чего уважаемый автор цитируемой статьи, разумеется, в виду не имел).

божеств. Имя в таком случае означало бы ‘Владыка умелых’. Наконец, учитывая, что греческая анлаутная альфа с тонким придыханием закономерно передает, помимо всего прочего, иранское *ha-*, можно возводить имя Арпоксая к сочетанию иранских корней **har-* ‘заботиться, беречь, охранять’ (ср. авест. *har-* ‘заботиться’; подробнее см. ЭСИЯ 3. С. 367–369; *Cheung*, 2007. P. 129–130) и синонимичного **pā-* (*Cheung*, 2007. P. 288–289), возможно, в виде производного на *-van* (ср. др.-перс. *-pāvan-*, именительный падеж – *pāvā*), что объяснило бы греческое омикрон (из иранского **-ava-*), с примерным значением ‘охраняющий [и] стерегущий’ (видимо, скот — ср. предполагаемую этимологию слова Τράσπιες). Впрочем, все приведенные этимологии неизбежно умозрительны.

Начальный элемент имени младшего из сыновей Таргитая, Колаксая, В. И. Абаев (*Абаев*, 1949. С. 243) возводил к иранскому *xᵛar* ‘солнце’ и переводил как ‘Солнце-царь’. Э. А. Грантовский (1960, примеч. 26) предположил, что Κολά- восходит к иранскому *xᵛarya-* (с характерным аланским переходом *ri/ry>l*), а все имя следует переводить как «царь неба». Однако в скифском не происходило перехода *ri* в *li* или *ry* в *l*, что видно хотя бы из записанных Геродотом скифских имен: Ариапиф, Ариант, Орик. Следовательно, первый элемент имени Колаксая не может восходить к иранскому *xᵛarya-*. Его следует возводить к общеиранскому слову с интервокальным **-d-* и начальным **k-* или **x-*. Ф. Корнильо (*Cornillot*, 1981. P. 9–11) первым предположил, что речь идет о юговосточноиранском слове со значением «шапка» — ср. современное персидское *kolah* ‘шапка’ (заимствование, возможно, скифское, поскольку в персидском наличествует и исконная форма *xud* ‘шлем; каска’), но, к сожалению, не распознал в нем регулярного юговосточноиранского и скифского рефлекса общеиранского **x/kauda* ‘шапка, шлем’[14]. Возражения М. Д. Бухарина против этимологического родства приведенных выше иранских слов с начальным *k-* с одной стороны, и *x-* — с другой, не представляются убедительными. Для слов с начальным *k-* он некритически принимает устаревшую этимологию Горна, сравнивавшего их с лат. *celare* ‘скрывать, прятать’ и синонимичным германским этимоном (ср. совр. нем. *hehlen* ‘скрывать, прятать’, *Hülle* ‘оболочка, покров’) (Horn, 1893, С. 192–193), на самом деле родственными др.-инд. *śárman-* ‘защита’, хот. *śaraima* ‘покрытие’ (EWAia II. С. 620–621; *De Vaan*, 2008. С. 106): лат. с/нем. *h* (из и.-е. **ḱ*) и лат. и нем. *l* (из и.-е. **l*) соответствуют индоиранским **ś* и **r* (ввиду индоиранского ротацизма), а никак не **k* и **l*. Скифский материал, кстати, дает основания полагать, что речь идет не о шлеме, а именно о шапке. Я имею в виду известный пассаж из новеллы Лукиана «Скиф, или друг на чужбине» (1), где упоминаются «носящие войлочные шапки» (πιλοφορικοί), обладающие более высоким социальным статусом, чем простые скифы. Вопрос только в том, кем считать представителей этой группы. Согласно Ж. Дюмезилю (*Dumézil*, 1962 С. 194–199), они были знатью, а по мнению Э. А. Грантовского (1980. С. 143) и М. Д. Бухарина (*Бухарин*, 2013. С. 38–39 и примеч. 106) — жрецами. И в самом деле, Лукиан отличает их от царского рода, который в изложении Геродота явно отождествляется с воинской варной[15], и от простолюдинов, так что в рамках трехчленной организации им вроде бы остается только место священнослужителей. Возможно, однако, что в источнике Лукиана имелась в виду (как и у Геродота) воинская варна, resp. царский род, но скептически настроенному автору отождествление царей и воинов показалось странным, и он провел между ними различие; именно так поступали некоторые позднейшие издатели Геродота, вносившие в

[14] Ошибочно посчитав, что *k* не может соответствовать *x* (*Cornillot*, 1981. P. 48), тогда как чередование *k- / x-* в начальной позиции в иранских языках весьма распространено. Ср. **kad- / *xad-* ‘бить’, **kafa- / *xafa-* «пена; слюна», **kan- / *xan-* ‘копать’ (ЭСИЯ, 4. С. 161–168, 199–214) и др. Его собственная этимология (якобы из **kərəθawan-* ‘защищающий’ > ‘головной убор’) (*Cornillot*, 1981. P. 48) неприемлема хотя бы потому, что индоевропейского корня **skuδ-* ‘защищать, укрывать’, к которому он, вслед за Гюбшманом, возводит иранское слово, не существует.

[15] Это явствует из конструкции фразы οὐ τοῦ βασιλείου γένους ὢν οὐδὲ τῶν πιλοφορικῶν: «не (οὐ) ... и не (οὐδέ)», хотя в русском переводе Лукиана она передана как «...не принадлежал к царскому роду “шапошников” в войлочных шапках» (*Лукиан*, 2001. I. С. 66).

текст соответствующего пассажа произвольные исправления. Кроме того, Дион Кассий (LXVIII, 8 [по Ксифилину], 9) описывал дакское посольство к императору Траяну состоящим из «знатнейших из носящих войлочные шапки» (οἱ ἄριστοι τῶν πιλοφόρων, в тексте в аккузативе)[16], под которыми явно имеются в виду представители военной аристократии. Наконец, в пользу отнесения пилофоров к воинской варне свидетельствует этимология имени родоначальника этой варны Колаксая, точнее, отмеченное Лукианом наименование пилофоров и этимология имени Колаксая взаимно подкрепляют друг друга. Еще одним аргументом в пользу предлагаемой трактовки первого элемента имени Колаксая является предложенное С. Р. Тохтасьевым (*Тохтасьев*, 2005. С. 84, примеч. 148) сравнение с бактрийским словом κολαυο [*kulah*] 'правитель', явно восходящим к той же праформе. Таким образом, имя Колаксая можно трактовать как «Владыка носящих особый головной убор, resp. воинов/правителей»[17]. В качестве иранской параллели приведу прозвище (или подлинное имя) персидского царя Дария III — Кодоман (*Codomannus* — Just. X 3), которое можно трактовать как «Шлемоносец» — **Xaudamant-*. М. Д. Бухарин (*Бухарин*, 2013. С. 36-37), вслед за И. М. Стеблиным-Каменским (*Стеблин-Каменский*, 1999. С. 312), считает, что начальный *x-* древнеперсидского *xauda-* восходит к общеиранскому **sk-*, а поскольку этот кластер в скифском языке сохранялся (ср. их самоназвание), первая часть имени Колаксая не может восходить к общеиранскому **skauda-* 'шапка; шлем'. Однако в древнеперсидском элемент **sk-* также сохранялся (ср. др.-перс, *skauθi-*), что не мешало существованию слова *xauda-*. Отсюда следует, что отсутствие в иранском *s-mobile* в анлауте рефлексов соответствующей праформы не может служить основанием для их отнесения к другой основе. Сам М.Д. Бухарин этимологизирует первую часть имени Колаксая как производное от иранского корня **ka(H)ud-* 'бить' со значением 'ударно-рубящий инструмент; своего рода скипетр', *resp.* маркер принадлежности к царскому сословию (*Бухарин*, 2013. С. 48–49). Такая трактовка не противоречит иранской исторической фонетике, семантическое развитие также возможно (ср. хорезмийское производное от этой основы *ckwndyk* 'молот'). Однако боевые молоты-чеканы (и, видимо, молоты вообще) индоиранцев, судя по заимствованиям в финских языках, назывались не производными от корня **ka(H)ud-*, а **vaźra-* (ср. эстонское *vasar*, финское *vasara* 'молот' и т. п.).

Обратимся к анализу наименований членов скифских «каст», или наследственных социальных групп. Для первых из них, авхатов (Αὐχάται), потомков старшего брата Липоксая и потому явно жрецов (*Грантовский*, 1960. С. 10–13; *Берзин*, 1986. С. 46; *Кулланда*, 2006б), В. И. Абаев (*Абаев*, 1949. С. 186 = 1979. С. 307) предложил (с вопросительным знаком) этимологию из иранского **vahu* 'хороший, добрый'[18] + показатель множественности *-ta*. С. Р. Тохтасьев (*Тохтасьев*, 2005. С. 74, примеч. 85) отклоняет ее на том основании, что в греческом «ожидалось бы что-то вроде Αὐχο(υ)ται». Это не совсем верно, учитывая, что нам неизвестны скифские слова, где иранский *h* передавался бы греческим хи. В анлауте он в скифском, как во многих других восточноиранских, переходил в ø, чему в греческом соответствует тонкое придыхание; инлаутных примеров, насколько мне известно, нет, но есть все основания предполагать, что и в интервокальной позиции иранский *h* в скифском, как в пашто, мунджанском и бактрийском (*Эдельман*, 1986. С. 100), давал ø. Возможно, абаевскую этимологию стоит несколько видоизменить, предположив, что скифскому **va(h)u* соответствует греческое Αὐ-, а вторая часть греческого слова передает скифское **xᵛaitu* (ср. староавест. *xᵛaētu-* 'семья; род'). Все слово означало бы тогда 'благой

[16] «Децебал еще до этого своего поражения отправил послов, причем не из числа тех, кто носит длинные волосы, как прежде, но наиболее знатных из пилофоров» (*Кассий Дион Коккейан*, 2011. С. 94; см. также примеч. 47 на той же странице и с. 96).

[17] Параллель между отстаиваемой здесь этимологией имени Колаксая и наименованием пилофоров упустил из виду А. И. Иванчик, иронизировавший над неблагозвучным именем «Царь-колпак» (*Иванчик*, 2009. С. 79).

[18] Что Э. А. Грантовский толковал как «благие» в религиозном и моральном смысле, приводя в подкрепление такой этимологии наименования жрецов-авхатов название наследственной жреческой касты в древней Армении — *Vah-ounik'* (< от иранского *vahu-*) (*Грантовский*, 1960. С. 6–7).

род’ или ‘[принадлежащие к] благому роду’. Соответствие иранских *ai* и *u* альфе нерегулярно, но на греческую передачу мог повлиять, в частности, упоминаемый Тохтасьевым (*Тохтасьев*, 2005) греческий суффикс -ᾱ́τᾱ- (*Schwyzer*, 1968. I. S. 500)[19]. Гумбах (*Humbach*, 1960. S. 322) предлагал возводить имя авхатов к иранскому **ava-hāta* ‘развязанные’, что сомнительно фонетически (ср. выше об отсутствии примеров передачи скифского *h* греческим хи) и семантически. См. также *Mayrhofer*, 2006. S. 11, с литературой.

Название потомков среднего сына, катиаров (Κατίαροι), Г. Гумбах (*Humbach*, 1960. S. 322) делил на вопросительное слово *ka-* ‘was für ein’, ‘что за’ и греческое τιάρα «тиара», предлагая перевод «носящие уродливые тиары», по аналогии с саками тиграхауда. Учитывая, однако, что катиары составляют пару с траспиями, чье название, видимо, означает что-то вроде «коневоды» (см. ниже), вероятнее, что и первое обозначение указывает на особенности хозяйственно-культурного уклада. В первой части слова Κατίαροι (Κατί-) можно видеть иранское **kata-* ‘дом’ (см. подробно ЭСИЯ 4. С. 340–348). Окончание -ι в таком случае должно передавать либо окончание прилагательного на *-i-* (ср. авестийское личное имя *Siiauuaspĭ-*) или *-in-* (ср. др.-инд. *aśvín*, именительный падеж *aśvī́*), либо окончание локатива. Вторую же часть можно возводить к корню **ar-* ‘двигать (-ся), передвигать (-ся)’, видимо, с суффиксом *-u̯a* (ср. авест. *auruua-* ‘быстрый’), что объяснило бы греческое окончание -οι (иначе окончание иранской основы на *-a* отразилось бы скорее как -αι). Κατί-αροι можно, таким образом, понимать как сложное слово либо типа *bahuvrīhi*, ‘имеющие передвижные дома/жилища’, либо типа *tatpuruṣa*, ‘передвигающиеся в домах/жилищах’[20]. Трактовка Дюмезиля: -τίαροι к иранскому **čahr̥ia* ‘пастбище’ (ср. авест. *caŋra-ŋhak-* ’пастбищный [о домашних животных]’, ср.-перс. *čarag* ‘пастбище, пастьба; стадо’), Κα- к **gau-* ‘корова’ или *hu-* ‘хороший’ (*Dumézil*, 1962. P. 200–202; 1978. P. 190–191; русский перевод *Дюмезиль*, 1990. С. 148–149) не представляется убедительной. Окончание -οι указывает скорее на иранскую основу на *-u*, а иранские *g-* и *h-* передаются в греческом гаммой и нулем звука/тонким придыханием соответственно. Название представителей той же социальной группы траспиев (Τράσπιες) по наиболее вероятной этимологии означает ‘охраняющие (*θrā-*, ср. авест. *θrā-*, др.-инд. *trā-* ‘охранять’) коней (*aspa-*), коневоды’ (к иранскому **θrāspi* <**θrā-aspi-* <**θrā-aspa*) (*Mayrhofer*, 2006. S. 18, с литературой)[21].

Цари, resp. члены воинской варны скифов, паралаты (Παραλάται), соответствуют, как отмечал уже К. Мюлленгоф (*Müllenhoff*, 1866. S. 562 = 1892. S. 112), мифическим авестийским первоцарям *paraδāta* (Vd 20, 1; слово встречается также в единственном числе как эпитет Хушенга-Хаушьянгхи — Yt V 21; XV 7; XVII 26; XIX 26) с характерным скифским переходом *d* > *δ* > *l*. Слово означает ‘Впереди (παρα-) поставленный (-λάτα < *δāta*)’.

Поскольку скифская воинская варна произошла от младшего (νεώτατος) сына прародителя скифов, нельзя не вспомнить сообщение Геродота (IV 5), что скифы считают свой народ «самым молодым» (νεώτατον). Не имели ли в виду скифские информанты Геродота, что их народ — самый воинственный? В связи с этим интересны и упоминания в Авесте вместе с туранцами, врагами оседлых иранцев, народа «быстроконных наутаров»: *tura… āsu.aspa naotaraca* («туранцы... и быстроконные наутары»[22] — Yt XVII, 55–56). Ведь *naotara*

[19] Относительно предполагаемого скифского *ai* ср. приводимые Плинием (NH, IV 88; VI 22) формы *Auchaetae*, *Auchetae* и т. п.

[20] Ту же этимологию первой части слова Κατίαροι предложили Г. Гумбах и К. Файсс (*Humbach*, *Faiss*, 2012. P. 11), что может служить косвенным подтверждением такой трактовки.

[21] Г. Гумбах и К. Файсс (*Humbach*, *Faiss*, 2012. P. 14–15), основываясь на рукописных чтениях Τράπιες и Τράπιοι, возводят наименование тра(с)пиев к иранскому **tara-āp-iya* ‘заречный’, что едва ли подходит для обозначения членов социальной группы.

[22] Правда, эпитет «быстроконные» можно относить и к туранцам (как поступал, например, Бартоломе — *Bartholomae*, 1904, стб. 656; понимание зависит от того, где проводить границу, обозначаемую постпозитивным союзом *ca* ‘и’), но принципиального значения это не имеет: оба народа так или иначе упоминаются в одном контексте и, соответственно, эпитет характеризует и тех, и других, тем более что в другом яште наутарьи (производное от наутара) испрашивают у Ардвисуры Анахиты не чего-нибудь, а «быстроконности» (*āsu.aspiia* — Yt V, 98).

можно трактовать как сравнительную (в значении превосходной) степень от слова «молодой», однокоренного приведенному выше греческому (**паца-tara*). Так, например, этимологизировал этот этноним Ф. Юсти (*Justi*, 1895. S. 226–227: sehr jung). Правда, его не поддержали коллеги, начиная с К. Бартоломе (*Bartholomae*, 1904. Стб. 1037) и кончая М. Майргофером и Ж. Келленсом (*Mayrhofer*, 1979. S. I/63; *Амбарцумян*, 2002. С. 45, примеч. 27), но все прочие трактовки (см. их обзор в упомянутых выше работах М. Майргофера и А. А. Амбарцумяна) ничуть не более убедительны (ср., например, ‘плывущий на корабле’, по Ломмелю). Приведенный скифский материал позволяет вернуться к этимологии Юсти. В случае ее принятия «быстроконных наутаров» можно считать азиатскими скифами, тем более что в авестийском языке выделяется пласт неисконных слов, с высокой долей вероятности являющихся скифскими по происхождению (см. об этом *Кулланда*, 2012).

Рассмотренный скифский материал, как представляется, подтверждает гипотезу о происхождении системы варн из половозрастной стратификации: старшая возрастная группа эволюционирует в сословие жрецов, средняя — производителей материальных благ, младшая — воинов. О функционировании варновой системы в скифском обществе помимо данных письменных источников свидетельствует, при всех неизбежных оговорках, этимология имен персонажей и названий социальных групп скифской генеалогической легенды.

Абаев, 1949 — *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М. — Л., 1949. Т. I.

Абаев, 1979 — *Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М., 1979.

Амбарцумян, 2002 — *Амбарцумян А. А.* Этноним «хйаона» в Авесте // Записки Восточного отделения Российского археологического общества (ЗВОРАО): НС. СПб., 2002. Т. I (XXVI).

Артемова, 1987 — *Артемова О. Ю.* Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М., 1987.

Барроу, 1976 — *Барроу Т.* Санскрит / Пер. с англ. Н. Лариной; Ред. и коммент. Т. Я. Елизаренковой. М., 1976.

Берзин, 1986 — *Берзин Э. О.* Сивка-Бурка, вещая Каурка, или Древняя Европа в зеркале мифов и сказок // Знание — сила. М., 1986. № 11.

Бухарин, 2013 — *Бухарин М. Д.* Колаксай и его братья (античная традиция царской власти у скифов). — «Аристей» № 8.

Гаврилюк, 2007 — *Гаврилюк Н. А.* Отклик на публикацию В. П. Яйленко «Очерки этнической и политической истории Скифии в V–III вв. до н. э.» // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор. М.; Киев; Запорожье, 2007.

Гамкрелидзе, *Иванов*, 1984 — *Гамкрелидзе Т. В.*, *Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984.

Геродот, 1888 — *Геродот*. История в девяти книгах / Пер. с греч. Ф. Г. Мищенка, с его предисл. и указ. 2-е изд., испр., добавленное в предисл. и снабженное картами. М., 1888. Т. I–II.

Геродот, 1972 — *Геродот*. История / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. М., 1972.

Грантовский, 1960 — *Грантовский Э. А.* Индоиранские касты у скифов. М., 1960.

Доватур и др., 1982 — *Доватур А. И.*, *Каллистов Д. П.*, *Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты, перевод, комментарий. М., 1982.

Дюмезиль, 1990 — *Дюмезиль Ж.* Скифы и Нарты. М., 1990.

Иванчик, 2009 — *Иванчик А. И.* К вопросу о скифском языке // ВДИ. 2009. № 2.

Калиновская, 1980 — *Калиновская К. П.* Категория «возраст» в представлениях некоторых народов Восточной Африки // Africana: Африканский этнографический сборник. Л., 1980. Вып. XII.

Кассий Дион Коккейан, 2011 — *Кассий Дион Коккейан*. Римская история. Книги LXIV–LXXX / Пер. с др.-греч. под ред. А. В. Махлаюка. Коммент. и ст. А. В. Махлаюка. СПб., 2011.

Клейн, 2013 — *Клейн Л. С.* Рецензия на: Вопросы языкового родства / Под ред. В. А. Дыбо. 2013. № 9. М. // ВЯ. 2013. № 6.

Кулланда, 1995 — *Кулланда С. В.* Царь богов Индра: юноша — воин — вождь // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.

Кулланда, 2006а — *Кулланда С. В.* Lingua Scythica ad usum historici // Древности скифской эпохи: Сб. статей. М., 2006.

Кулланда, 2006б — *Кулланда С. В.* Истоки индоиранских варн // Smaranam: Памяти О. Ф. Волковой: Сб. статей. М., 2006.

Кулланда, 2012 — *Кулланда С. В.* Скифские слова в Авесте? // Восток (Oriens). М., 2012. № 1.

Лукиан, 2001 — *Лукиан Самосатский*. Сочинения. СПб., 2001. Т. I–II.

Мурзин, 1990 — *Мурзин В. Ю.* Происхождение скифов: Основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990.

Мурзін, 2013 — *Мурзін В. Ю.* Деякі міркування щодо трактування скіфських етногенетичних легенд // Археологія. Київ, 2013. № 3.

Поздняков, 1989 — *Поздняков К. И.* Лексика и грамматика в реконструкции элементов культуры // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тез. докл. Междунар. конф. (Москва, 29 мая — 2 июня 1989 г.). М., 1989. Ч. 3.

Стеблин-Каменский, 1999 — *Стеблин-Каменский И. М.* Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.

Тохтасьев, 2005 — *Тохтасьев С. Р.* Проблема скифского языка в современной науке // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Edited by Victor Cojocaru. Iaşi, 2005.

Трубачев, 1959 — *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.

Хазанов, 1974 — *Хазанов А. М.* Скифское общество в трудах Ж. Дюмезиля // ВДИ. 1974. № 3.

Черненко, 1978 — *Черненко Е. В.* Рецензия на: Хазанов А. М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Наука, 1975 // ВИ. 1978. № 8.

Эдельман, 1986 — *Эдельман Д. И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Фонология. М., 1986.

Яйленко, 2011 — *Яйленко В. П.* Индоарийский Ахилл, индоарии и киммерийцы Северного Причерноморья в VIII–VII вв. до н. э. // В царстве Клио. Российско-германский сборник статей по историческим дисциплинам. М.; Берлин, 2011. Вып. 2. ч. 1.

Bartholomae, 1904 — *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.

Beekes, 2002 — *Beekes R. S. P.* Comment on Kullanda, 2002 // Current Anthropology. 2002. Vol. 43. No 1.

Beekes, 2010 — *Beekes R.* with the assistance of Lucien van Beek. Etymological Dictionary of Greek. Leiden–Boston, 2010 (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series / Ed. By Alexander Lubotsky. Vol. 10/1–2).

Benveniste, 1966 — *Benveniste É.* Titres et noms propres en iranien ancien. Paris, 1966.

Benveniste, 1969 — *Benveniste É.* Le vocabulaire des institutions indo-européennes. Paris, 1969. Vol. 1–2.

Brandenstein, 1953 — *Brandenstein W.* Die Abstammungssagen der Scythen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien, 1953. Bd 52, 1–2.

Chantraine, 1947 — *Chantraine P.* Les noms du mari et de la femme, du père et de la mère en grec // Revue des Etudes Grecques. Paris, 1947.

Chantraine, 1999 — *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Nouvelle édition mise à jour. Avec un Supplément sous la direction de: Alain Blanc, Charles de Lamberterie, Jean-Louis Perpillou. Paris, 1999.

Cheung, 2007 — *Cheung J.* Etymological Dictionary of the Iranian Verb. Leiden–Boston, 2007 (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series / Ed. by Alexander Lubotsky; Vol. 2).

Christensen, 1918 — *Christensen A.* Le premier homme et le premier roi dans l'histoire légendaire des Iraniens. I. Archives d'Études Orientales publiées par J. — A. Lundell. Upsala, 1918. Vol. 14.

Cornillot, 1981 — *Cornillot F.* De Skythès a Kolaxais // Studia Iranica. Paris, 1981. T. 10, fasc. 1.

Dumézil, 1962 — *Dumézil G.* La société scythique avait-elle des classes fonctionnelles? // Indo-Iranian Journal, 's-Gravenhage / Dordrecht–Boston, 1962. Vol. V. No 3.

Dumézil, 1978 — *Dumézil G.* Romans de Scythie et d'alentour. Paris, 1978.

Ebel, 1857 — *Ebel H.* Scytische Namen // (Kuhns) Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung 6. Göttingen, 1857.

Ernout, *Meillet*, 2001 — *Ernout A.*, *Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Retirage de la 4e édition augmentée d'additions et de corrections par Jacques André. Paris, 2001.

Humbach, 1960 — *Humbach H.* Scytho-Sarmatica. // Die Welt der Slaven 5, München, 1960.

Humbach, *Faiss*, 2012 — *Humbach H.*, *Faiss K.* Herodotus's Scythians and Ptolemy's Central Asia Semasiological and Onomasiological Studies. Wiesbaden, 2012.

Jones, 1996 — *Jones C. P.* ἔθνος and γένος in Herodotus // Classical Quarterly. Cambridge, 1996. Vol. 46 (II).

Justi, 1895 — *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895. Фототипическое переиздание Hildesheim, 1963.

Kullanda, 2002 — *Kullanda S.* Indo-European 'Kinship Terms' Revisited // Current Anthropology. Chicago, 2002. Vol. 43. No 1.

Mayrhofer, 1979 — *Mayrhofer M.* Die avestischen Namen. Wien, 1979.

Mayrhofer, 2006 — *Mayrhofer M.* Einiges zu den Skythen, ihrer Sprache, ihrem Nachleben. Wien, 2006.

Müllenhoff, 1866 — *Müllenhoff K.* Über die herkunft und sprache der pontischen Scythen und Sarmaten. Auszug aus dem Monatsbericht der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Berlin, 1866. August.

Müllenhoff, 1892 — *Müllenhoff K.* Die Sprache der Pontischen Scythen und Sarmaten. // Deutsche Altertumskunde. Berlin, 1892. Bd. III.

Prins, 1953 — *Prins A. H. J.* East African Age-class Systems. An inquiry into the social order of Galla, Kipsigis and Kikuyu. Groningen; Djakarta, 1953.

Šafařik, 1836 — *Šafařik P. J.* Slawanské Starožitnosti. Oddil Děgepisný. Swazek II. Arch. 11–20. Pomoci českého musea w Praze. Praha, 1836.

Schmitt, 2003 — *Schmitt R.* Die skytischen Personennamen bei Herodot // Annali dell'Istituto Universitario di Napoli [AION]. Napoli, 2003. Vol. 63/1.

Schwyzer, 1968 — *Schwyzer E.* Griechische Grammatik. München, 1968. Bd. I–IV.

Szemerényi, 1977 — *Szemerényi O.* Studies in the Kinship Terminology of the Indo-European Languages. With Special Reference to Indian, Iranian, Greek, and Latin. Téhéran-Liège, 1977 (Acta Iranica; 16).

De Vaan, 2008 — *de Vaan M.* Etymological dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden

Wikander, 1938 — *Wikander S.* Der arische Männerbund. Studien zur Indo-Iranischen Sprach- und Religionsgeschichte. Lund, 1938.

Scythian *varṇa*s

Sergey Kullanda

This paper outlines the origin of the Indo-Iranian *varṇa* system which involves the division of society into priests, rulers and warriors, and commoners. The evidence is claimed to show that the Proto-Indo-European words usually interpreted as kinship terms were originally classifiers of age-sex groups. It seems likely therefore that early Indo-European social structure was based on age-sex stratification. The detailed consideration of the linguistic and historical data suggests that the *varṇa*s had evolved from age-sex groups, hence the hierarchy of mythical brothers, founders of hereditary social groups, in the Iranian tradition. Thus, it is the youngest brother, resp. the chief of the youth bands, who, contrary to the birth order, becomes the progenitor of the warriors. Certain widely accepted etymologies of Scythian proper names and markers of belonging to social groups recorded by classical authors, such as Λιπό- (ξαϊς) < Iranian *ripa*, Ἀρπό- (ξαϊς) < **āpra*, and Κολά- (ξαϊς) < *xᵛar*, are rejected on phonetic grounds. New etymologies based on regular phonetic correspondences between Scythian and other Iranian languages are suggested. It appears, e.g., that the names of Targitaos' sons (Hdt. IV 5–7) have nothing to do with the three spheres of the universe as it has been believed but are rather indicative of their social roles. Thus, given the **d > l* change characteristic of the Scythian, the first element of the elder son's name can be traced back to either Iranian **daiH*[1]- 'to perceive; to have insights' or to the homonymous **daiH*[2]- 'to shine' with the suffix *-pa*), or perhaps to **daiHp-/diHp-* 'to shine'. The first part of the second son's name, Ἀρπό-, can derive from a combination of synonymous Iranian roots **har-* and **pā-* 'to protect, guard'. The element *Κολά-* of the youngest son's name seems likely to be a Scythian reflex of Iranian **x/kauda* 'cap; helm' (cf. Persian *kolah* 'cap'). It is all the more probable considering that, according to Lucian (Scyth. 1), Scythians of a higher social position were called πιλοφορικοί, i.e., 'bearing felt caps'. The name of the Scythian social group of Αὐχάται, presumably priests, can be explained as **va(h)u-xᵛaitu* '(belonging) to the blessed clan'. The names Κατίαροι and Τράσπιες denoting members of the second group, supposedly husbandmen and cultivators, can be etymologized as 'moving (**ar-*) in houses (**kata-*)' and 'guarding (*θrā-*, cf. Avestan *θrā-*, Old Indian *trā-* 'id.') horses (*aspa-*)'. It is universally accepted that the name of the Scythian royal caste, Παραλάται, is akin to Avestan *paraδāta*, the mythical dynasty of kings. Thus, the functioning of the *varṇa* system among the Scythians is implied by the study of narrative sources and etymological considerations.

Стрелец или кентавр: специфика формирования и функционирования одного образа в культурах Древнего мира в I тыс. до н. э.

С. А. Зинченко[1]

Статья посвящена анализу процессов, связанных с формированием и особенностями функционирования образа «Стрельца-Кентавра» в I тыс. до н. э.

Этот образ не может восприниматься как простая цитата античного изобразительного текста, так как в переднеазиатском искусстве образ Стрельца обрел более раннее визуальное воплощение. При обозначении созвездия Стрельца в Месопотамии используется не абстрактный символ, а исключительно имя собственное — Пабилсаг. В изобразительном искусстве Пабилсаг представлен образом Стрельца-Кентавра, известного в искусстве Месопотамии с касситского и среднеассирийского времени.

Сравнительный анализ изображения в петроглифах Жалтырак-Таша, изображений на мечах из Келермесского кургана № 1 и из Мельгуновского кургана во многом способствует пониманию специфики формирования и функционирования образа Пабилсага-Стрельца.

Ключевые слова: стрелец, кентавр, катастеризмы, Пабилсаг, искусство Месопотамии I тыс. до н. э., искусство евразийских номадов I тыс. до н. э., Келермесский курган № 1, Мельгуновский курган, Жалтырак-Таш.

This article analyses the processes concerned with evolution and functioning of the image of «Archer/Centaur» in the 1st millennium BC.

This image should not be perceived as a common citation from the antique figurative context since, in the West-Asiatic art, the image of Sagittarius had received its visual form still earlier. In denotation of the Sagittarius constellation in Mesopotamia, no abstract symbol is used but exclusively the proper name of Pabilsag. In visual art, Pabilsag is represented by the image of Centaur The Archer known in the art of Mesopotamia since the Kassite and middle Assyrian times.

Comparative analysis of petroglyphs of Zhaltyrak-Tash, the representations on the swords from Kelermes Kurgan № 1 and those from the Melgunov barrow helps us much to understand the specifics of formation of the image of Pabilsag (Sagittarius).

Keywords: Sagittarius, Centaur, Catasterismi, Mesopotamian art of the 1st millennium BC, art of Eurasian nomads of the 1st millennium BC, Kelermes barrow No 1, Melgunov barrow, Zhaltyrak-Tash.

Изучение данной темы началось с детального анализа образа стреляющего всадника из Жалтырак-Таша[2] (*Зинченко, Шер*, 2011). Среди опубликованных в предварительном порядке рисунков с этого местонахождения наскальных изображений есть фантастиче-

[1] Россия, 125993, Москва, Миусская пл., 6. Российский государственный гуманитарный университет.

[2] Местонахождение наскальных изображений в верхней части ущелья Ур-Марал в Таласском хребте (Кыргызстан). Скала с петроглифами представляет собой выход коренной породы в виде огромной «ступени», вытянутой с запада на восток примерно на 60 м, высота «ступени» 8–10 м. Она находится на левом берегу горной речки Каман-Су близ перевала (высота 2200 м над уровнем моря), за которым начинается спуск в Чаткальскую долину. Петроглифы расположены на двух плоскостях: верхней горизонтальной и боковой наклонной. Обе плоскости, особенно наклонная, до глянца отполированы природой. Плотный пустынный загар, бликующий на солнце (от чего и происходит название скалы), придает поверхности темно-фиолетовый оттенок. Преобладают две техники нанесения изображений: силуэтная и контурная выбивка и тонкие, едва заметные гравировки. Часть изображений публиковалась в разные годы (*Гапоненко*, 1963; *Шер*, 1980а; *Шер и др.*,1987).

ское существо (рис. 1, *1*), ошибочно названное в одной из публикаций кентавром (*Шер и др.*, 1987. С. 75–76). Правда, в той же публикации слово «кентавр» было взято в кавычки и в комментарии отмечалось, что такое название достаточно условно, поскольку по некоторым признакам данный персонаж не вполне соответствует образу кентавра, принятому в античной и последующей за ней художественной традиции. В частности, не бывает парнокопытных кентавров, и кентавры не вооружены луком со стрелами. Позднее стало ясно, что гравировка изображает не кентавра, а Стрельца[3].

Изображение стреляющего всадника перекрывает более раннее изображение оленя[4]. Принадлежность изображения оленя к раннескифскому звериному стилю не вызывает сомнений, поскольку здесь представлены все соответствующие стилистические особенности (подробнее см. *Шер*, 1980а; 1980б. С. 243–249; 2006. С. 179–184). Манера изображения Стрельца несколько иная и больше соответствует эллинистическому времени: так, форма лука позволяет датировать рисунок периодом около IV в. до н. э.[5]

Среди высказываемых ниже предположений о происхождении образа Стрельца или Кентавра (который также может быть назван Стрельцом-Кентавром) есть и те, что могут инициировать более углубленный анализ генезиса зооантропоморфных персонажей, сопоставимых с образом Стрельца, как на конкретных предметах торевтики скифского времени, так и в целом в репертуаре сложных образов звериного стиля Евразии соответствующего периода. Поэтому в статье рассматриваются такие разные и, на первый взгляд, далекие по происхождению образцы древнего искусства, как петроглиф с изображением Стрельца из Жалтырак-Таша и декор золотых обкладок ножен мечей из Келермесского кургана № 1 и Мельгуновского кургана.

Рассмотрение образа Стрельца-Кентавра приводит к мысли о том, что он не может восприниматься как простая цитата античного прототипа (о чем свидетельствует наличие парных копыт и лука), что позволяет к его интерпретации привлечь примеры из других художественных культур. При этом выстраивается ряд интересных аналогий, прежде всего из ареала переднеазиатского искусства, и особенно в художественной культуре Месопотамии, где образ Стрельца обрел более раннее визуальное воплощение[6].

Детальный анализ данного образа в искусстве Древнего мира ставит ряд вопросов, среди которых выделяются следующие.

1. Чем обосновано наличие разницы в восприятии этих образов в различных культурах?

2. Возможно ли выделение в качестве источника некоей исходной традиции и с какой культурой данная традиция может быть связана?

3. Если выделение одной исходной традиции не представляется возможным, то какие прототипы лежат в основе генезиса данного типа изображений, каково их «процентное соотношение» между собой и их «культурный провенанс»?

Говоря о сходстве/различии в визуальных «транскрипциях» того или иного образа как о возможном проявлении процесса заимствования, нужно иметь в виду многоаспектность этого процесса, во многом связанного со спецификой цитирования. Возможно, в качестве важной причины выбора этих образов в различных художественных традициях можно предположить их полифункциональность, связанную не только с тем, что это просто изображение неких мифологических персонажей: эти образы, прежде всего, функционируют и усваиваются как изобразительные символы знаков Зодиака и выступают в качестве своеобразных «иллюстраций» астро-

[3] Эта подсказка была высказана в устной беседе Л. С. Клейном Я. А. Шеру.

[4] При первичном осмотре и копировании была не вполне ясна последовательность нанесения изображений и даже возникало сомнение, не является ли гравированная фигура Стрельца современной подделкой. Однако позднее с помощью современных компьютерных методов удалось изображение увеличить так, что внутри линий гравировки стали различимы микролишайники, такие же, как и на других гравированных изображениях на данной плоскости. Стрелец был выгравирован поверх оленя.

[5] Это вполне соответствует мнению Б. А. Литвинского о следах движения армии Александра Македонского, высказанному им Я. А. Шеру в 1986 г. в Самарканде.

[6] Благодарю за неоднократные консультации по данному вопросу Г. Ю. Колганову.

логических представлений. Конструируя подобный тезис, важно помнить, как отмечал Д. С. Раевский, что «любая гипотеза о происхождении Зодиака предполагает привлечение и собственно астрономических (астрометрических), и культурно-исторических данных» (*Раевский*, 1995. С. 194). Предположим также и то, что визуализация опорных понятий определенной культуры происходила в режиме не столько обозначения, «проговаривания» — сколько, «проговаривая», связывала образ с магией астрологического прототипа, наделяла его силой качеств, присущих и почитаемых в первообразе и, следовательно,

желаемых быть закрепленными в последующих воспроизведениях.

Высказывая этот тезис, важно еще раз отметить, что анализ образа Стрельца-Кентавра указывает на то, что он не может ассоциироваться в качестве образа, связанного исключительно с античной традицией, которая в процессе его формирования далеко не единственная и не изначальная. Так, по мнению Г. Е. Куртика, «сопоставление данных греческих и месопотамских источников... позволяет утверждать, что не названия, а символы месопотамских созвездий послужили основой для формирования системы зодиакальных созвездий в античном мире» (*Куртик*, 2002. С. 77).

Обратим внимание на то, как приживается и входит в пространство античной культуры представление о созвездии Стрельца. Плиний Старший приводит данные о том, что грекам созвездие Стрельца стало известно еще в последней трети VI в. до н. э.: «затем (после 548–545 гг. до н. э.) созвездия на нем (то есть Зодиаке) (открыл) Клеострат, причем первыми (созвездиями) Овен и Стрелец» (приводится по: *Куртик*, 2002. С. 78)[7]. При этом также необходимо обратить внимание на тот факт, что многие исследователи фиксируют ненадежность сообщений Плиния (см. Там же). Эти данные, по мнению Г. Е. Куртика, позволяют предположить, что подобное изложение материала Плинием свидетельствует о том, «... что сведения о зодиакальных созвездиях проникали в Грецию не единовременно, а в разное время случайным образом» (Там же. С. 79).

Однако принимая во внимание вышесказанное, необходимо заметить, что не рассматривать античные источники в качестве источников, важных для понимания генезиса образа Стрельца-Кентавра, было бы не вполне верно. Анализируя античные памятники, прежде всего письменные, связанные с данными образами, на мой взгляд, важно обратиться к проблеме катастеризмов. Катастеризмы выступают в качестве важного свидетельства об исходности для данной культуры конкретного образа либо, наоборот, заимствования того или иного образа. Также катастеризмы свидетельствуют о характере и времени заимствования (воспринят ли этот образ давно и ему уже будут даны вполне логические или мифологически обоснованные объяснения или же описание процесса катастеризма полно противоречий). Катастеризмы могут рассматриваться как своего рода свидетельства специфики функционирования конкретного образца в рамках определенной культуры.

Сохранилось два античных произведения, датируемых, вероятно, II–I вв. до н. э. — «Катастеризмы» Псевдоэратосфена (II в. до н. э.) (*Торшилов*, 1999. С. 253) и «Астрономия» Гигина (I в. до н. э.) (*Гигин*, 1997)[8].

[7] По мнению Г. Е. Куртика, это также свидетельствует о том, что «зодиакальные созвездия, имеющие месопотамское происхождение, уже были, по крайней мере частично, известны Клеострату» (*Куртик*, 2002. С. 79).

[8] Далее все цитаты из «Астрономии» Гигина приводятся по этому изданию.

Рис. 1. Образы Стрельца в культурах Древнего мира в I тыс. до н. э.: *1* — петроглиф с изображением Стрельца из Жалтырак-Таша (*Шер и др.*, 1987. С. 75–76); *2* — изображение Пабилсага (Стрелец) на межевом камне (кудурру) касситского времени (XII в. до н. э.) (*Куртик,* 2007. Илл. 7); *3–5* — печати из Урука со стреляющими из лука крылатыми «кентаврами» с двумя хвостами — скорпиона и коня (эпоха эллинизма) (*Куртик,* 2007. Ил. 33; 34; 35); *6–7* — изображения демонов и монстров с чертами морских или речных существ в новоассирийском искусстве (*Black, Green,* 1992. P. 131); *8* — новоассирийская цилиндрическая печать с изображением бога солнца Шамаша, стоящего на коне, окруженного человекобыками, человекорыбой и молящимся (*Black, Green,* 1992. P. 103); *9а–в* — изображения на ножнах меча из Келермесского кургана № 1 (*Галанина*, 1997. Табл. 8, *9*).

Fig. 1. Images of Sagittarius in cultures of the Ancient World in the 1st millenium BC: *1* — petroglyph from Zhaltyrak-Tash representing Sagittarius; *2* — representation of Pabilsag (Sagittarius) on a boundary stone (kudurru) of the Kassite period (12th century BC); *3–5* — seals from Uruk with bow-shooting winged «centaurs' with two tails — one scorpio's and one horse's (Hellenistc period); *6–7* — representatons of demons and monstres with traits of marine and riverine creatures in Neo-Assyrian art; *8* — Neo-Assyrian cylindrical seal with a representation of the Sun-God Shamash standing on a horse surrounded by man-bulls, a man-fish and prayer-offerers; *9а–в* — representations on the sheath of a sword from the Kelermes barrow № 1.

Псевдоэратосфен в «Катастеризмах» пишет о Стрельце: «это лучник, которого большинство называют кентавром, в то время как другие не соглашаются, поскольку видно, что не четвероногий, а стоит прямо и стреляет из лука; из кентавров же никто лука не употреблял. Он имеет тело мужа и ноги и хвост коня — совершенно как у Сатиров; поэтому кажется им маловероятным, чтобы он был кентавром» (Небо, наука, поэзия... 1992. С. 77). Далее в тексте (в конце описания данного созвездия) Псевдоэратосфен еще раз говорит об этом, подчеркивая, что «...изображающие его кентавром заблуждаются» (Там же. С. 77). Затем рассказ Псевдоэратосфена об этом созвездии связан с передачей информации о появлении подобного образа: так, появление среди созвездий образа Стрельца Псевдоэратосфен связывает с Кротосом (имя которого упоминается нечасто и известно с его участием не так уж много мифов) и толкует как выполнение просьбы Муз, адресованной к Зевсу: «...Музы, в благодарность за славу, которую они снискали из-за него, попросили Зевса, чтобы он прославил Крота за благочестие. Так оказался он среди созвездий, получив в руки лук в ознаменование своего занятия» (Там же. С. 77)[9].

Рассмотрим, как трактует образ созвездия Стрельца Гигин в своем труде «Астрономия». Он отмечает: «Стрелец. Многие говорят, что это кентавр. Другие же отрицают это на том основании, что ни один кентавр не пользовался стрелами» (*Hygin*, II. 27). Далее Гигин, стараясь объяснить «...почему его представляют с лошадиными ногами и хвостом как у сатира» (*Hygin*, II. 27), представляет процесс сотворения образа в следующем виде: «так как он (Юпитер. — *С. З.*) хотел отличить особенными приметами все его умения в одной фигуре, он наделил его (Кротоса. — *С. З.*) лошадиными ногами, ведь Кротос часто пользовался лошадью, и прибавил стрелы, ибо они являются знаком проницательности и быстроты» (*Hygin*, II. 27).

Приведенные и описанные выше катастеризмы демонстрируют, что не всегда греческая традиция в состоянии логично или точнее мифологично объяснить появление не столько на небосклоне, сколько в поле интересов греческой культуры рассмотренных образов: отсюда наличие крайне невнятного объяснения в текстах. Возможно, катастеризмы отражают процессы, которые Г. Е. Куртик описывает следующим образом: «для того чтобы месопотамская традиция, связанная с Зодиаком, утвердилась в Греции, достаточно было усвоить две вещи: во-первых, получить представление о фигурах созвездий, выделенных в зодиакальном поясе; во-вторых, установить их положение на небе относительно неподвижных звезд... Месопотамские названия мало что говорили греческому воображению. И тогда греки вводили свои собственные названия для зодиакальных созвездий, они просто называли по-гречески месопотамские символы» (*Куртик*, 2002. С. 102).

Также в пользу того, что созвездие Стрельца греческой культурой заимствовано с территорий, не входящих в Эгеиду, говорят следующие факты. Петер Бломберг из Уппсальского университета, анализируя находки из святилищ Петсофас и Траосталос, датируемые ок. 2000 г. до н. э., как символы созвездий, предложил реконструкцию карты минойского неба (*Blomberg*, 2000. P. 93–94). Среди найденных статуэток нет ни одной, которая была бы связана с образом коня. По этому поводу П. Бломберг пишет, что «минойцы не использовали коня, поэтому напрасно было бы искать созвездие, которое мы знаем сегодня, и по традиции эллинистической Греции называем Пегас (Священный конь)» (Ibid. P. 100)[10].

На базе анализа древнегреческих текстов (прежде всего, текста III в. до н. э. «Явлений» Арата) С. Житомирский и П. Бломберг каждый со своей стороны предположили, что в основе произведения Арата, выступавшего в качестве важнейшего источника по греческой астрономии, среди разных составляющих использованы сведения об астрономии, относящиеся к рубежу III–II тыс. до н. э.

[9] Псевдоэратосфен связывает появление лука при изображении созвездия Стрельца с изобретением Кротом стрельбы из лука (Небо, наука, поэзия... 1992. С. 77).

[10] В связи с вышеприведенными фактами стоит вспомнить и о том, что, как отмечает П. Бломберг, на территории минойской культуры, как и у ее соседей (например, в Египте), в качестве логичного символа при обозначения созвездия, располагаемого около современного Пегаса, использовался образ Овцы (*Blomberg*, 2000. P. 100).

и происходящие с территории минойской культуры (*Житомирский*, 2001. С. 23–45; *Blomberg*, 2000. P. 94–97). Что и было проиллюстрировано предметами, происходящими из святилищ Петсофас и Траосталос, среди которых отсутствуют какие-либо изображения, связанные с конем или отдельными его частями (*Blomberg*, 2000. P. 94–95).

Таким образом, приведенные факты указывают на то, что изобразительный прототип Стрельца был заимствован достаточно поздно и это было связано с запоздалым знакомством древнегреческой культуры с астрономическими знаниями Месопотамии, откуда вполне вероятно и происходят прямые аналогии.

При исследовании образа Стрельца-Кентавра ранее обращали внимание на то, что уже около 1000 г. до н. э. в Вавилоне встречаются сведения об одиннадцати зодиакальных созвездиях, в числе которых есть созвездие под названием $^{mul/d}$PA.BIL.SAG, соответствующее созвездию Стрельца (Sagittarius) и части созвездия Змееносца (*Black, Green,* 1992. P. 190; *Куртик,* 2007. С. 404). При этом В. В. Емельяновым было высказано замечание, что «полный список зодиакальных созвездий появляется только в текстах Персидского и Селевкидского периодов (конец VI — IV в. до н. э.)» (*Емельянов,* 1999. С. 181).

Безусловно, как отмечает Г. Е. Куртик, «...необходимо различать астрономические и неастрономические изображения. Зодиакальная символика, используемая в астрологии, астральной магии и как декоративный элемент для украшения предметов, могла существенно отличаться от изображений фигур созвездий, принятых в астрономии» (*Куртик,* 2002. С. 82). Немаловажным является и тот факт, что все созвездия имеют абстрактные символы (например, Лев, Рак — для одноименных созвездий; Борозда, Колос — для созвездия Девы). И только для обозначения созвездия Стрельца используется не абстрактный символ, а исключительно имя собственное — Пабилсаг (Там же. С. 89). При этом, по мнению Г. Е. Куртика, символ в виде стреляющего из лука крылатого кентавра уже во II тыс. до н. э. (когда большинство изображений не имело астральных признаков) рассматривался астрономами как фигура созвездия $^{mul/d}$PA.BIL.SAG (Там же. С. 100).

Пабилсаг ($^{mul/d}$PA.BIL.SAG — «Старейшина, Священник» (*Куртик*, 2007. С. 403) — не только обозначение девятого знака Зодиака и созвездия, но и имя одного из древнейших месопотамских богов (Там же. С. 403, 406), известного еще с раннединастического периода (*Black, Green*, 1992. P. 147). Пабилсаг, начиная со старовавилонского времени, идентифицируется с разными богами, в первую очередь с богом Нинуртой (Ibid. P. 147). При этом важно отметить, что одна из функций Нинурты — покровитель плодородия, в том числе и скота (*Афанасьева*, 1982б. С. 222). Среди символов Нинурты фигурируют молнии (*Black, Green*, 1992. P. 147).

Нинурта, в свою очередь, в I тыс. до н. э. отождествлялся с Нергалом — богом войны, внезапной смерти и правителем царства мертвых (*Емельянов*, 1999. С. 186; *Якобсен*, 1995. С. 254). Как отмечает В. К. Афанасьева, «как и его брат Нинурта, Нергал — божество войны, сокрушающее враждебные страны» (*Афанасьева*, 1982а. С. 212). Также В. К. Афанасьева приводит описание одного из изображений Нергала на старовавилонской печати: «...с серповидным мечом и дубинкой, *с двумя львиными головами* (курсив мой. — *С. З.*)» (Там же. С. 212). В качестве одного из возможных изобразительных эквивалентов Нергала (*Black, Green*, 1992. P. 146; Ill. 12, 65, 112), датируемого либо периодом Исин-Ларса, либо Старовавилонским временем, ряд исследователей рассматривает изображение на саркофаге мужской фигуры, нижняя часть которой заканчивается рыбьим хвостом (что превращает данный образ в так называемого «человекорыбу»), либо это может восприниматься как деталь «костюма», свойственного персонажу, получившему наименование «фигуры в рыбьем одеянии» (Ibid. P. 131). Подобные изображения встречаются в искусстве Новоассирийского периода (рис. 1, *6–8*) и рассматриваются некоторыми исследователями как аналогичные такому же миксаморфному существу, как лев-кентавр (Ibid. P. 141).

Возможно, следует вспомнить и о том, что Нергал в I тыс. до н. э., в свою очередь, был идентифицирован с Эррой — первоначально богом «выжженной земли», набегов и мятежей (*Якобсен*, 1995. С. 254), чумы (*Афанасьева*, 1982в. С. 669).

Пабилсаг связан с такими понятиями, как военная сила, царская власть. Среди эпитетов Пабилсага встречаются следующие: «воин великий, господин Пабилсаг» (*Куртик*, 2007. С. 406); «офицер подземного мира» (*Емельянов*, 1999. С. 186). А среди стандартных эпитетов Нергала упоминаются «хозяин степи» (Там же. С. 191); «Нергал — Мардук натиска» (*Якобсен*, 1995. С. 262).

Также важно выделить представления из области астрологии и магии, связанные с рассматриваемым божеством: «родился в области Пабилсага: (он будет искусен) в стрельбе из лука, в езде на лошади» (*Куртик*, 2007. С. 405); астрологическое значение «Области Пабилсага» есть угроза для жизни, нападение духа «лилиту» (*Емельянов*, 1999. С. 193–194; *Куртик*, 2007. С. 405).

В изобразительном искусстве Пабилсаг представлен образом Стрельца-Кентавра. Стрелец-Кентавр в искусстве Месопотамии известен с касситского и среднеассирийского времени на печатях и кудурру (*Black, Green*, 1992. P. 51; *Куртик*, 2007. С. 406). Астральные изображения, отождествляемые с Пабилсагом (Стрельцом), есть на печатях из Урука эллинистического времени (*Куртик*, 2007. С. 406).

Принято считать, что символом этого божества и изобразительным эквивалентом созвездия является «стреляющий из лука кентавр (на некоторых изображениях — крылатый) с двумя головами (человека и льва) и двумя хвостами (лошади и скорпиона)» (Там же. С. 406) либо кентавр с четырьмя лошадиными копытами, иногда с хвостом скорпиона, часто держащий в руках лук или дубинку (*Black, Green*, 1992. P. 51). Приведенному выше описанию тождествен образ, представленный на кудурру касситского времени (XII в. до н. э.) (рис. 1, *2*).

Однако это не означает, что данный образ стал каноническим, повторяемым вплоть до деталей. Изобразительные материалы, происходящие непосредственно с территории Месопотамии, свидетельствуют о существовании различных изобразительных вариаций на тему Стрельца. Так, на некоторых эллинистических печатях из Урука представлен образ Пабилсага (Стрельца) в виде стреляющего из лука крылатого кентавра без львиной головы, но с двумя хвостами (скорпиона и коня), при этом у него передние ноги с копытами лошади, а задние предположительно — когти орла (рис. 1, *3–5*).

Возможно, что образ Стрельца как проекция Пабилсага может не только предполагать, но и обязательно включать в себя вариативность в способах воплощения при сохранении самого главного — визуально представлять эпитеты, слагающие узнаваемый «портрет». Подобное свойство образа, по-видимому, порождено отождествлением Пабилсага с различными божествами и, как следствие, необязательностью набора выразительных элементов, которые бы неизменно повторялись в разных изображениях. Отсутствие набора сформулированных и прописанных атрибутов и символов Пабилсага (что, вполне возможно, выражается в отсутствии строгой знаковой фиксации данного персонажа, предполагающей наличие изобразительного символа), помноженное на «многоликость», возникающую в результате особенностей функционирования этого образа в культурах Ближнего Востока в начале I тыс. до н. э., делает этот образ чрезвычайно многогранным в содержательном плане.

Помимо вышеописанных процессов, происходящих в рамках формирования и функционирования одного образа, важно помнить, что в искусстве старовавилонского, касситского и среднеассирийского периодов начинает складываться, а в искусстве новоассирийского, нововавилонского периодов получает свое окончательное сложение иконография различных демонов и монстров (*Black, Green*, 1992. P. 63), таких как кентавр-стрелец, лев-кентавр, бык и лев с человеческой головой, лев-дракон, козел-рыба и др.

Сформировавшись на территории ассиро-вавилонской культуры, эти образы станут популярны в искусстве Ахеменидского Ирана и Селевкидов (Ibid. P. 121, 132), а затем появятся (хотя бы эпизодически) и в искусстве евразийских степей I тыс. до н. э.

Рассматриваемые образы Стрельца-Кентавра содержат в себе большое количество значимых эпитетов и метафор, созерцание которых порождает многоассоциативные ряды. Образ может напоминать о таких понятиях, как богатство, плодородие, власть над степными пространствами, военные набеги, искусное владение верховой ездой на лошади и стрельбой из лука, власть над подземным

миром. Все эти понятия оказываются востребованными при выборе и определенного адресата («царь» номадов) и, возможно, при выборе акцента на определенную функцию предмета (важная часть погребального инвентаря). И здесь, принимая во внимание вышеописанный контекст отбора данного образа, «многоликость» Пабилсага, его неоднородность выступают как качества, необходимые для сохранения и трансляции всех этих важнейших представлений.

Для расшифровки изображений на золотых обкладках ножен мечей из Келермесского 1-го (рис. 1, *9, 9а–в*) и Мельгуновского курганов весьма важно понимание специфики формирования и функционирования образа Пабилсага-Стрельца. Предметы, произведенные в среде художественной культуры Ближнего Востока, декорировались символами, порожденными этой средой, а наряду с этим воспринимались культурой номадов и выступали для нее в качестве основополагающих. Ближний Восток транслировал не только вышеописанные представления, но и механизм, сам процесс творения подобных образцов. Возможно, что немаловажную роль при выборе подобных образов в более позднее время могло играть то обстоятельство, что, например, в парфянский период Нергал (который тогда уже представлял собой крайне синкретическое божество) отождествлялся с греческим Гераклом (*Black, Green*, 1992. P. 136).

Как уже было отмечено выше, анализируя сходство/различие в визуальных «транскрипциях» того или иного образа, необходимо связывать эти процессы со спецификой цитирования. Цитирование может быть прямым или косвенным. В случае прямого цитирования совпадают не только общие черты изображения (формульный «скелет»), но и особенные стилистические элементы, что в целом и слагает подобный (или даже идентичный) образ. И чем больше получается совпадений (особенно в рамках иконографических и стилистических элементов), тем правомернее постановка вопроса о заимствовании конкретного художественного образа. Косвенное цитирование связано, прежде всего, с приоритетным воспроизведением формульной схемы, передача же «второстепенных» стилистических элементов не так важна. В таком случае «процитированный» образ никогда не будет стремиться к полному повторению прототипа.

Привлечение ближневосточной традиции для создания образа, представленного Стрельцом из Жалтырак-Таша или персонажами на золотых обкладках ножен мечей из Келермесского 1 и Мельгуновского курганов, не связано напрямую с желанием повторить, копировать исходный образец, передающий конкретное божество или, тем более, знак созвездия. Вероятно, рассматриваемый прототип находит свое место в культуре евразийских степей, прежде всего в силу того, что является визуализацией опорных для данной культуры понятий — военной доблести, прекрасного владения конем, царской власти и господства над степными просторами. При этом необходимо выделять основные «потоки» (ближневосточный, античный, эллинистический), через которые происходит знакомство с этими образами и их дальнейшее заимствование, вполне возможно, прежде всего в силу их астральных магических значений (см. подробнее: *Зинченко*, 2013).

Популярностью данного образа, возможно, объясняется его достаточно долгая «жизнь» — следы персонажа обнаруживаются в искусстве Средневековья (как христианского, так и мусульманского).

Афанасьева, 1982а — *Афанасьева В. К.* Нергал // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2.

Афанасьева, 1982б — *Афанасьева В. К.* Нинурта // Там же.

Афанасьева, 1982в — *Афанасьева В. К.* Эрра // Там же.

Гапоненко, 1963 — *Гапоненко В. М.* Наскальные изображения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

Галанина, 1997 — *Галанина Л. К.* Келермесские курганы. М., 1997.

Гигин, 1997 — *Гигин*. Астрономия / Пер. с лат. и коммент. А. И. Рубана. СПб., 1997.

Емельянов, 1999 — *Емельянов В. В.* Ниппурский календарь и ранняя история зодиака. СПб., 1999.

Житомирский, 2001 — *Житомирский С.* Античная мифология и орфизм. М., 2001.

Зинченко, 2013 — *Зинченко С. А.* О возможных путях генезиса и «транскрипции» образа Стрельца-Кентавра в искусстве Древнего Востока // Иранский мир в I тыс. до н. э. М., 2013.

Зинченко, Шер, 2011 — *Зинченко С. А., Шер Я. А.* Стрелец из Жалтырак-Таша // Древность: историческое знание и специфика источника. М., 2011. Вып. 5.

Куртик, 2002 — *Куртик Г. Е.* О происхождении названий греческих зодиакальных созвездий // Вопросы истории естествознания и техники. М., 2002. Т. 23. № 1.

Куртик, 2007 — *Куртик Г. Е.* Звездное небо Месопотамии. СПб., 2007.

Небо, наука, поэзия... 1992 — Небо, наука, поэзия. Античные авторы о небесных светилах, об их именах, восходах, заходах и приметах погоды / Пер. и комм. А. А. Россиуса; Под ред. Н. А. Федорова, П. В. Щеглова. М., 1992.

Раевский, 1995 — *Раевский Д. С.* История Зодиака: факты, гипотезы, реконструкции // ВДИ. 1995. № 1.

Торшилов, 1999 — *Торшилов Д. О.* Античная мифография: мифы и единство действия. СПб., 1999.

Шер, 1980а — *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.

Шер, 1980б — *Шер Я. А.* Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.

Шер, 2006 — *Шер Я. А.* Первобытное искусство. Кемерово, 2006.

Шер и др., 1987 — *Шер Я. А., Миклашевич Е. А., Самашев З. С., Советова О. С.* Петроглифы Жалтырак-Таша // Проблемы археологии степей Евразии. Кемерово, 1987.

Якобсен, 1995 — *Якобсен Т.* Сокровища тьмы. История месопотамской религии. М., 1995.

Black, Green, 1992 — *Black J., Green A.* Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. London, 1992.

Blomberg, 2000 — *Blomberg P. E.* An Attempt to Reconstruct the Minoan Star Map // JENAM-2000: Associated Symposium Astronomy of Ancient Civilizations. M., 2000.

Archer or Centaur: specifics of formation and functioning of an image popular in cultures of the Ancient World in the 1st millennium BC

S. A. Zinchenko

This article analyses the processes concerned with evolution and functioning of the image of the so-called Sagittarius or Centaur (also called Centaur The Archer). Consideration of this image suggests that it should not be perceived as a mere citation of an ancient Greek prototype (indicated by the presence of paired hooves and a bow), therefore examples from other artistic cultures must be used for its interpretation. Correspondingly, a series of interesting parallels come to light firstly from the sphere of West-Asian art and particularly from the artistic culture of Mesopotamia where the image of Sagittarius obtained its earliest visual embodiment.

In order to ground that the antique tradition is not of priority, here the Greek notions on the constellation of Sagittarius and the problem of Catasterismi are discussed ("Catasterismoi" of Pseudo-Eratosthenes of the 2nd century BC and the second book of "De Astronomia" by Hyginus of the 1st century BC). The Catasterismi are very important evidence of either the authenticity of a particular image in the given culture or, vice versa, of its borrowed character. The Catasterismi analysed in this article suggest that the Greek tradition was occasionally unable to explain logically, or rather mythologically, the appearance of the images under consideration and not so in the sky but rather in the sphere of interests of the Greek culture: hence the presence of very obscure explanations in the texts. These facts indicate that the artistic prototype of Sagittarius was borrowed fairly late owing to the delayed acquaintance of the ancient Greek culture with the astronomic knowledge of Mesopotamia wherefrom probably the direct analogues had come.

During analysis of the image of Centaur The Archer it was noted that while mentioning of the Archer constellation in Mesopotamia no abstract symbol is applied but exceptionally a proper name of Pabilsag. Pabilsag ($^{mul/d}$PA.BIL.SAG — the "Elder", "Priest" is not only the denomination of the

9th sign of the zodiac and constellation but also the name of one of the most ancient Mesopotamian gods. Pabilsag, since the Old-Babylonian time, was identified with different deities: first with the god Ninurta, afterwards with the gods Nergal and Erra. Pabilsag, when identified with different gods, simultaneously adopts their epithets, their attributes and imaginative symbols. Thus it is linked with such notions as the domination over steppe spaces, military force, royal authority etc. In the figurative art, Pabilsag is represented by the image of Centaur The Archer known on seals and kudurru in the Mesopotamian art since the Kassite and middle Assyrian times. It is held that the symbol of this deity and the figurative equivalent of the respective constellation are represented by a "centaur drawing a bow (in some representations it is winged) with two heads (one human and one of a lion) and two tails (one of a horse and the other of a scorpion)" (*Куртик*, 2007. P. 406) or a centaur with four horse hooves, occasionally with a scorpion's tail, often handing a bow or a club (*Black, Green*, 1992. P. 51). Figurative materials originating immediately from Mesopotamia suggest the existence of different artistic variations of the subject of Sagittarius. Possibly, the image of Sagittarius as a projection of Pabilsag, not only may have admitted variants but must have been variable in the ways of its realization with retaining of the most important features — representation of visual epithets composing a recognizable "portrait". This property of the image under consideration was possibly engendered by identification of Pabilsag with different deities and, consequently, there existed no distinctive set of expressive elements which would have been constantly repeated in different representations.

The images of Centaur The Archer here considered contain a large number of meaningful epithets and metaphors, contemplation of which engenders multi-associative sequences. It is very possible that the understanding of the specifics of formation and functioning of the image of Sagittarius/Palibsag can be very helpful in the attempts of deciphering of representations from Zhaltyrak-Tash, those on swords from Kelermes Barrow № 1 and Melgunov barrow. Objects produced in the medium of the artistic culture of the Near East were decorated by symbols generated by that medium and understandable also by the culture of nomads and therefore they were fundamental ones. The Near East translated not only the notions described above but also the mechanism and the very process of creation of similar examples. Perhaps, the prototype under consideration came to find its place in the culture of Eurasian steppe primarily due to its visualisation of the ideas basic for that culture — military valour, excellent skill in handling horse, royal authority and domination over the steppe expanses.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Одиссея первых американцев

K. E. Graf, C. V. Ketron, M. R. Waters (eds.).
Paleoamerican Odyssey. College Station: Center for the study of the First Americans, 2013. 573 p.

Осенью 2013 г. в г. Санта-Фе (США) состоялась представительная международная конференция, посвященная проблеме древнейшего заселения человеком Америки. Изданный к открытию форума объемистый том, содержащий более 30 статей специалистов из США, Канады, России, Австралии, европейских, азиатских и латиноамериканских стран, подводит итоги новейших достижений в области изучения ранних памятников в северо-восточной Азии и на двух континентах Нового Света.

Сборник состоит из пяти частей. Открывает книгу раздел, посвященный палеолиту Старого Света и Берингии.

П. Хискок дает очерк современных представлений о древнейших обитателях Австралии. Тема сравнительного изучения характера первоначального заселения континентов, форм адаптации человека к новым, непривычным для него условиям жизни уже традиционна для сборников подобного плана. Правда, в характере освоения Австралии и Америки все же больше различий, чем сходства.

В. В. Питулько с соавторами представляет итоги продолжающегося исследования Янской стоянки — расположенной в арктической зоне Якутии серии местонахождений, датирующихся в основном каргинским временем, около 27–28 тыс. лет назад. М. Изухо суммирует данные по позднему палеолиту острова Хоккайдо в период последнего ледникового максимума.

Более широким охватом отличается статья К. Граф, озаглавленная «Сибирская Одиссея». На основании публикаций отечественных археологов американская исследовательница представляет краткий общий очерк памятников и культур верхнего палеолита Сибири. Увы, не обошлось без фактических ошибок. Так, на рис. 4.1 находящиеся непосредственно друг против друга на противоположных берегах Енисея Майнинская стоянка и Уй 1, с одной стороны, и Голубая 1 с другой, оказались разнесены на несколько сотен километров. К тому же расположенная значительно южнее Голубой стоянка Нижний Иджир 1 совмещена на карте с Голубой. Автор повторяет неоднократно опровергнутую версию депопуляции Сибири во время последнего ледникового максимума.

К сожалению, представленные в сборнике статьи не дают общей картины палеолитических древностей региона, имеющего ключевое значение для понимания процессов первоначального заселения Америки. Бросается в глаза отсутствие очерков по стоянкам Приморья, Приамурья, Сахалина, Камчатки, Чукотки. Подобный фрагментарный подход к описанию древностей северо-востока Азии,

© С.А. Васильев

заданный списком участников конференции, сужает поле дискуссии.

Следующая серия статей касается территории Северной Америки. Б. Поттер с соавторами представляет новый обзор памятников финального плейстоцена, расположенных во внутренней части Аляски. Привлекает внимание впервые приводимая в печати серия планов распределения находок в культурных слоях стоянок Мид, Броукен Мэммос и Свон Пойнт. Географическое распределение памятников по хронологическим срезам показывает продвижение популяций из Сибири в Аляску по внутренней части Берингийской суши в эпоху, предшествовавшую освоению прибрежных областей.

Одним из наиболее интересных аспектов ранней археологии Аляски является наличие здесь серии местонахождений с бифасиальными наконечниками. Иногда наконечники представлены желобчатыми формами, напоминающими изделия, характерные для палеоиндейских культур основной части Северной Америки. Эта проблема подробно рассмотрена в статье Х. Смит и ее соавторов. Приведен полный обзор памятников, датированных концом аллереда — молодым дриасом и относимых к трем различных культурным комплексам — Мейза, Слюсевей, и группа с желобчатыми наконечниками. Распространение последнего культурного комплекса в Берингии авторы связывают с «обратной» миграцией групп охотников с основной территории Северной Америки по безледному коридору в северо-западном направлении вслед за распространением форм бизонов, характерных для Великих равнин.

Вторая часть книги содержит статьи, посвященные поискам путей заселения основной части Северной Америки из Берингии. Одни исследователи концентрируют внимание на изменчивой палеогеографической картине северо-западного побережья Северной Америки в финале плейстоцена, пытаясь наметить вероятные маршруты передвижения древнего человека. Другие пробуют построить картину расселения на базе генетических данных. Д. Эрландсон пишет о береговом пути миграции — концепции, наиболее популярной в наши дни. Автор связывает первую волну приморского расселения с распространением тихоокеанской традиции черешковых наконечников, носители которой оставили следы на островах у побережья Калифорнии и в пещерах Пэйсли в Орегоне.

М. Макки с соавторами подводит предварительные итоги ведущихся сейчас интенсивных изысканий в области подводной археологии, ориентированной на выявление следов древнего человека на затопленных ныне участках северо-западного тихоокеанского побережья. К сожалению, шансы найти следы древнейшего заселения малы, и самые ранние свидетельства присутствия человека в регионе (стоянка Килги Гвай) относятся ко времени 10,7 тыс. лет назад.

Д. Ивз с соавторами анализирует современные палеогеографические и археологические данные по второму возможному пути проникновения человека на равнины Северной Америки — межледниковому коридору Маккензи. Новые открытия демонстрируют наличие следов ранних палеоиндейцев (кловис) в пределах южной части коридора. Данные по хронологии памятников, расположенных к северу (Берингия) и югу от коридора, показывают, что проход между ледниковыми щитами мог служить путем разнонаправленных миграций.

К. Маллиган и Э. Кичен на основании генетических данных выдвигают трехступенчатую модель колонизации. По их мнению, после первоначального продвижения палеолитического человека из Центральной Азии в Берингию (30–40 тыс. лет назад) последовал период длительной стабилизации населения Большой Берингии в интервале от 30 до 16 тыс. лет. Лишь затем происходит быстрая миграция группы людей вдоль Тихоокеанского побережья на юг, приведшая к освоению Америки.

Д. Андерсон с соавторами анализирует географическое распространение следов древнейшего расселения на территории Северной Америки, расположенной к югу от ледниковых щитов. Рассмотрена модель первоначального проникновения человека от Тихоокеанского побережья в восточном направлении, по долинам рек Колорадо и Сонора, с дальнейшим распространением на юге и востоке США.

В третьей части тома собраны исследования по археологии и палеоэкологии кловис, первой из серии детально изученных палео-

индейских культур, область распространения которой охватывала в конце плейстоцена практически всю Северную Америку к югу от ледниковых щитов. Ш. Миллер с соавторами представляет общую картину территориального распространения, типологии наконечников и хронологической привязки культуры кловис. Помимо наконечников кловис классического типа, авторы выделяют локальные особенности морфологии наконечников в северо-восточном и западном регионах. Хронологически кловис является кратковременным культурным явлением, существовавшим в интервале от 13,4 до 12,7 тыс. лет назад.

Палеогеография Североамериканского континента в эпоху кловис — тема статьи В. Холлидея и Ш. Миллер, которые показывают влияние на распространение и характер адаптаций древнего человека процессов сокращения ледников, распространения водоемов, изменения уровня океана и др. Сумма палеогеографических данных не подтверждает распространенную в научной и научно-популярной литературе версию о грандиозной космической катастрофе («комета кловис»), произошедшей около 12,9 тыс. лет назад и якобы повлиявшей на судьбу плейстоценовой фауны и самой культуры кловис.

Б. Бредли и М. Коллинз анализируют приемы обработки камня в культуре кловис. Основываясь на факте поразительного единообразия технологических цепочек, использовавшихся носителями культуры кловис в различных природных зонах, авторы полагают, что в данном случае мы имеем дело не с формой адаптации, а с исключительно сложным социальным явлением. Чрезвычайно информативный обзор кладов каменных изделий культуры кловис представили Д. Килби и Б. Хаскелл. Помимо широко известных кладов типа Анадарко, Фенн, Ист Уэнатчи и других, мы находим здесь сведения о серии новых и малоизвестных находок.

Сложнее была культурная ситуация на западе Североамериканского континента. Известные знатоки археологии Большого бассейна Ш. Бек и Д. Джонз вновь обращаются к теме соотношения культуры кловис и традиции черешковых наконечников. Серия датировок доказывает сосуществование этих культур, а в ходе сравнительного анализа инвентаря обнаружены принципиальные различия в характере обработки камня.

Г. Хейнз и Д. Хатсон на основании анализа фаунистических остатков предлагают реконструкцию хозяйственной деятельности носителей культуры кловис, основанной на добывании животных различного размера. Традиционная тема плейстоценовых вымираний рассмотрена в статье Н. Вагерспак. Исследовательница уверенно придерживается версии о заметном вкладе охотничьей деятельности первых палеоиндейцев в истребление ряда видов.

Четвертый раздел книги посвящен памятникам Латинской Америки, региона, пока еще недостаточно изученного с точки зрения древнейших следов человека. Информация, поступающая отсюда, порой причудлива и противоречива, что в очередной раз доказывают помещенные в книге статьи. А. Гонзалес с соавторами излагает новые сведения по археологии и палеоантропологии полуострова Юкатан в Мексике, где в затопленных пещерах и карстовых воронках обнаружены следы пребывания древнего человека. Здесь встречены обильные остатки фауны, очаги. Наибольший интерес вызывает открытие девяти скелетов человека, относимых к периоду перехода от плейстоцена к голоцену.

А. Диас и Л. Буэно анализируют материалы по древнейшим местонахождениям на территории Бразилии. Немногочисленные стоянки с датировками 11–12,4 тыс. лет назад указывают на первичное освоение человеком региона (исследователи скептически относятся к предположительно более древним находкам из пещеры Педра Фурада). С наступлением голоцена число местонахождений резко увеличивается; в основном они относятся к традиции итапарика. Авторы предполагают, что древнейшее расселение в плейстоцене шло с севера вдоль атлантического побережья Бразилии, позднее, уже в голоцене, человек осваивает с запада бассейны Амазонки и Ла-Платы. В статье Н. Флегенхаймер с соавторами приведены новые данные по памятникам с наконечниками «в виде рыбьего хвоста» (фиштейл), открытым на территории Пампы и северной Патагонии. Большинство местонахождений относится ко времени 9,5–11 тыс. лет назад.

Крупнейший специалист по ранней археологии Южной Америки Т. Диллехей представляет свою версию раннего расселения человека на континенте. В самом общем виде комплексы позднего плейстоцена делятся на традицию изготовления орудий с краевой обработкой и традицию бифасов (к последней отнесены разнообразные комплексы фиштейл, эль хобо, пайхан и др.). Особое внимание исследователь обращает на раннее появление сложных архитектурных конструкций, зафиксированное на комплексе памятников Пайхан в Перу. Здесь, начиная со времени 10,2–10,6 тыс. лет назад, встречены остатки долговременных построек с каменным основанием. Известный антрополог В. Невеш с соавторами представляет результаты исследования богатой серии черепов, происходящих из раскопок раннеголоценовых погребений на пещерных местонахождениях Лагоа Санта в центральной Бразилии.

Последняя, пятая, секция тома включает статьи, посвященные вопросам изучения древнейших, докловисских памятников (заметим, что, по логике изложения, эта часть книги должна была бы предшествовать кловис). Раздел открывает статья В. Андрефски, в которой автор рассматривает традиционную проблему различения признаков естественного и искусственного раскалывания камня. Данный вопрос напрямую касается споров вокруг многих предположительно древнейших памятников Америки. В результате серии экспериментов автор формулирует ряд четких критериев оценки искусственного характера сколов, основываясь прежде всего на характеристиках ударной площадки.

Популярная в свое время концепция так называемой «мамонтовой степи» снова стала предметом обсуждения в статье С. Холен и К. Холен. По мнению авторов, человек заселил Новый Свет еще во время третьей изотопно-кислородной стадии (каргинское время в Сибири), проникнув из Азии через Берингию вслед за фауной по широкой полосе единообразной мамонтовой степи в период ранее 22 тыс. лет назад. Представляется, что авторы преувеличивают однородность ландшафтов каргинского времени; данные по памятникам Сибири скорее свидетельствуют о мозаичном характере природных обстановок. В доказательство ранней версии проникновения людей в Америку авторы приводят описание давно известных местонахождений плейстоценовой фауны на Великих равнинах с датировками от 15 до 40 тыс. лет назад; следы присутствия человека здесь неоднократно оспаривались.

Столь же странное впечатление производит статья Э. Бойды с соавторами, где исследователи сообщают об открытии в Бразилии серии неожиданно ранних памятников. Приводимые ими рисунки и фотографии расколотых галек из Вале де Педра Фурада и Ситио до Мейо вызывают сомнения в искусственном характере обработки. Более убедительно выглядят некоторые находки из Тока ди Пейя с ОСЛ-датировками до 22 тыс. лет назад. Работы здесь сейчас ведутся, и, как признают сами авторы, многое еще предстоит сделать для прояснения стратиграфической картины и установления хронологической привязки артефактов.

Группа пунктов с мамонтовой фауной и следами деятельности человека, открытых в районе Великих Озер (штат Висконсин), стала темой публикации Д. Джойса. Рассмотрены находки останков мамонтов в Шефер, Хебиор и Мад Лейк и мастодонта в Фенске. Датировки местонахождений лежат в интервале от 11,2 до 13,5 тыс. лет назад, т. е. речь идет о периоде, непосредственно предшествовавшем эпохе кловис. В пунктах Хебиор и Шефер кости сопровождались находками изделий из камня.

Одним из наиболее сенсационных открытий в области древнейшего заселения Америки стало сообщение о находках из пещер Пэйсли в Орегоне. Исследователь памятников Д. Дженкинз с соавторами останавливается на результатах раскопок пещер № 2 и 5, откуда происходят копролиты человека, датированные от 12,8 до 14,8 тыс. лет назад. Здесь же встречены немногочисленные фрагменты черешковых наконечников.

Страстный пропагандист концепции докловисского заселения Америки Д. Адовазио совместно с Д. Педлером представляет очередную сводку местонахождений со следами деятельности человека, предшествующих кловис. В статье М. Коллинза с соавторами рассмотрены имеющиеся на сегодняшний день свидетельства обитания человека в Северной Америке в период древнее, чем культура кло-

вис. Авторы разделили все местонахождения с предполагаемым возрастом от 13 до 27 тыс. лет назад на несколько групп, включая, наряду с серией бесспорных докловисских памятников, также ряд пунктов неясного характера с сомнительными датировками.

Завершая книгу, М. Уотерс и Т. Стаффорд заключают, что культура кловис, относимая ко времени порядка 12,6–13 тыс. лет назад по калиброванной радиоуглеродной шкале, вероятно, возникла от предковой группы на территории, расположенной к югу от ледниковых щитов. Как в Северной, так и в Южной Америке комплексы с возрастом древнее 13 тыс. лет назад лишены характерных черт кловис. Для обозначения памятников древнее кловис (с возрастом до 15 тыс. лет назад) авторами предложен термин «период освоения» (Exploration period); приживется ли это новшество, пока сказать трудно.

Подводя итоги, можно отметить несколько важных положений, определяющих ныне направления исследовательского поиска. Прежде всего, это всеобщее признание факта докловисского заселения Нового Света, причем следы его обнаруживаются как в Северной, так и в Южной Америке. Далее, стоит отметить понимание того, что процесс первоначального освоения человеком Нового Света носил сложный характер; вместо доминировавшей в свое время версии единой линейной миграции из Берингии через коридор Маккензи постепенно вырисовывается картина разнонаправленных передвижений групп населения. Представленные в книге материалы свидетельствуют об огромном прогрессе в деле изучения древнейших следов человека в Америке и необходимости пересмотра сложившихся в науке представлений о времени и путях расселения.

С. А. Васильев
Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН,
Отдел палеолита

Фундаментальное исследование архаической керамики Ольвии

А. В. Буйских. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Киев: «Стародавній Світ», 2013. ISBN 978–966–2608–13–8. 246 с. 208 рис.

Археологов-античников, специалистов по классической истории и археологии Северного Причерноморья, не может не обрадовать такое событие, как выход в свет книги А. В. Буйских. В основе этого издания — огромная работа в фондах научных учреждений и музеев Украины и России (в числе которых и ИИМК РАН), в процессе которой автор проанализировала ок. 6 тысяч фрагментов художественной античной посуды, подготовив полную сводку находок основных групп ранней греческой расписной керамики из раскопок Ольвии. Это — первое обобщающее исследование такого рода после выхода в свет в 1914 г. известной статьи Б. В. Фармаковкого «Архаический период на юге России» (Фармаковский, 1914), в которой этот выдающийся исследователь Ольвии обратил внимание на самые яркие известные в то время находки.

Совершенно очевидно, что за прошедшее столетие не только существенно расширился круг источников, но и подход к исследованию этих материалов и их интерпретации также претерпел ряд существенных изменений.

Исследование архаической расписной керамики, происходящей из древнейших слоев и комплексов греческих колоний, интересно и важно не только с точки зрения ее атрибуции. Анализ этого круга находок дает возможность прийти к принципиально важным выводам более широкого плана; о некоторых из них мы скажем ниже.

© М.Ю. Вахтина

Монография А. В. Буйских является обобщающим изданием образцов расписной архаической посуды, найденной за все годы раскопок городища Ольвия — самой значимой греческой колонии Северо-Западного Причерноморья. Основание этого поселения в Нижнем Побужье знаменовало собой важнейший этап освоения греками берегов Понта, а развитие Ольвийского полиса на многие века определило историко-культурный облик региона. Нет необходимости подробно останавливаться на том, какое огромное значение для понимания колонизационного процесса, его рамок, этапов и других важных и взаимосвязанных проблем имеют археологические материалы, изучение которых позволяет приблизиться к пониманию конкретных реалий, связанных с возникновением и начальным периодом существования этого города.

Среди материалов, происходящих из древнейших слоев и комплексов античных поселений, особая роль принадлежит привозной расписной посуде. Изучение ранней греческой расписной керамики из Ольвии расширяет наши знания о распространении античных художественных изделий в окраинных районах ойкумены. Анализ этого материала дает возможность судить о связях греческих переселенцев с метрополией Ольвии — Милетом, а также другими центрами Восточной и материковой Греции, о «составляющих» колонизационного потока. Находки эти также являются важнейшими хроноиндикаторами: их изучение позволяет получить наиболее

точные «узкие» даты, что является надежной основой для хронологии.

В результате огромной работы, проделанной автором, был изучен весь круг материалов, собранных с начала исследований памятника в 1902 г., а также все случайные находки. История формирования коллекции, история изучения керамических находок из Ольвии, принадлежащих к архаическому времени, получила отражение в первой, вводной главе книги, предваряющей раздел, посвященный систематизации и анализу материалов. Здесь же затронут важный круг вопросов, связанных со спецификой изучения такого источника, как ранняя греческая столовая посуда.

В каталог, составляющий основную часть работы, включены 1858 единиц керамики. Иллюстрации, представленные в книге, многочисленны, профессиональны и дают полное представление о яркой и разнообразной коллекции греческой архаической посуды, собранной за более чем столетний период раскопок древнего города.

Большинство находок, учтенных и изученных автором, составляют образцы керамики, вышедшие из мастерских Восточной Греции. Среди них А. В. Буйских выделила продукцию Эолии, Северной и Южной Ионии, Клазомен и клазоменского круга, Хиоса. Отдельно рассмотрены группы ионийских чаш («с лотосами», «с точечными розеттами», «с глазами») и ионийская керамика с росписью в виде полос. В каталог включены и находки архаического времени, вышедшие из мастерских материковой Греции — Коринфа и Лаконики, обнаруженные при раскопках Ольвии. Особенно хочется отметить выделение в круге рассматриваемой керамики особой группы сосудов, представляющих собой имитации продукции ведущих керамических центров эпохи архаики.

Предложенные автором определения и даты надежно обоснованы и аргументированы. Систематизация находок, их описание, атрибуция выполнены на высочайшем уровне и отражают прекрасное знание как самого археологического материала, так и существующих в настоящее время методик и принципов работы с этого вида источниками, новейших хронологических разработок, которые отражены в литературе. Каталог построен четко, логично и дает возможность читателю составить полное представление как о конкретных образцах и группах материала, так и обо всей коллекции в целом.

Всестороннее и полное изучение находок греческой расписной архаической посуды из раскопок Ольвии привело А. В. Буйских к ряду принципиальных выводов, позволяющих по-новому взглянуть на процесс освоения греками Нижнего Побужья—Приднепровья. Новые даты и корреляции датировок керамического материала позволили автору обосновать дату основания Ольвии в пределах 620/610—590 гг. до н. э. Эта новая дата является в настоящее время самой надежной. Она имеет принципиальное значение для понимания этапов и характера освоения региона. Вывод о времени основания Ольвии, близком дате основания поселения на о. Березань/Борисфена, позволил синхронизировать начальные этапы существования обоих поселений, сопоставить их пространственные модели, соотнести традиции домостроительства этих поселений и основные черты их материальной культуры. Затронута и проблема освоения близлежащих земель, знаменовавшего начальный этап формирования хоры. К наиболее интересным выводам, на наш взгляд, принадлежит уточнение границ ранней хоры Ольвии — автор обосновал принадлежность большинства известных в районе поселений к хоре Ольвии. Все это дало А. В. Буйских возможность предложить новый подход к осмыслению раннего этапа существования Ольвии и Березани и рассматривать эти центры в рамках единой, согласованно функционирующей системы.

Целый ряд интересных, конкретных выводов и наблюдений был сделан и в области, касающейся облика самой Ольвии архаического времени. Так, например, изучение топографии находок позволило автору прийти к заключению о том, что Ольвия изначально была организована как полис и равномерно заселена. А. В. Буйских удалось показать, что при освоении Ольвийского региона греки использовали способы освоения пространства, разработанные в процессе колонизации Средиземноморья. Предложенная автором гипотеза развития греческого им-

пульса в районе Нижнего Побужья является новой, оригинальной и отражает современный, комплексный подход к историческим явлениям.

В заключение хочется отметить, что книга А. В. Буйских является достаточно редким в наши дни примером исследования, в котором тщательное изучение конкретного археологического материала, проведенное на высоком профессиональном уровне, позволило автору обосновать выводы, отражающие новый взгляд на важнейшие исторические процессы, связанные с включением региона Северного Причерноморья в систему античной цивилизации.

Фармаковский, 1914 — *Фармаковский Б. В.* Архаический период на юге России // МАР. М., 1914. № 34.

М. Ю. Вахтина
Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН,
Отдел истории античной культуры

Культура Северной Европы: традиции и приобретения

Harjula J. Before the heels. Footwear and shoemaking in Turku in the Middle Ages and at the beginning of the Early Modern period. Turku: Suomen Keskiajan arkeologian seura. 2008. 224 p. ISBN: 978-951-96801-7-0. ISSN: 1236-5882. (Archaeologia Medii Aevi Finlandiae; XV).

Работа посвящена изучению средневековой кожаной обуви, найденной при археологических раскопках и наблюдениях в г. Турку (Финляндия) за последние 100 лет. Но основной объем материалов получен в 1998 г. при раскопках на месте строительства главного здания Академии Або (раскоп АА) и на других объектах раскопок двух последних десятилетий. В работе использовано не менее 1163 моделей обуви, учитывая полную обувь или части, определенно составляющие одну модель. Но они охватывают лишь несколько процентов всех обувных деталей из археологических контекстов. Раскоп АА дал 845 конструкций, т. е. 73% всех моделей обуви в Турку, рассмотренных в этой работе.

Работа содержит две основные части и четыре приложения. Во введении изложена история изучения археологической обуви в Турку, а также методы полевой и камеральной работы разных исследователей. В первой части сделан детальный анализ всех археологических находок элементов обуви в Турку. Описаны конструкция, способы раскроя и сшивания деталей, а также типы и стили обуви. Для каждого типа обуви даны техническое определение, история его изучения, описание и статистика находок по раскопам и средневековым кварталам Турку, разделение на подтипы и варианты, а также взгляд на распространение и датировку.

© А.В. Курбатов

В начале работы объясняются принципы разделения обуви по технике пошива. Эти различия, по мнению автора, имели глубокое влияние на типы и стили обуви, которые различаются для средневековья и нового времени, хотя способы крепления моделей на стопе оставались в ряде случаев идентичными. К эпохе средневековья (до конца XV в.) отнесены выворотная многочастная и однодетальная конструкции обуви, а к раннему новому времени (XVI в.) — рантовая обувь. Кроме того, особым видом средневековой обуви названы патины. В основе деления средневековой выворотной обуви на типы лежат два признака — высота обуви и способ ее крепления на ноге. По высоте обувь разделена на башмаки (boot) и туфли (shoes). Последние делятся по способам крепления на туфли с оборами, завязками, пуговицами, боковой или фронтальной шнуровкой, пряжками и с комбинированным креплением.

В главе 1 рассмотрены все типы обуви, выделенные в археологических материалах Турку, даны их датировка и распределение на территории города и замка. В черте города находки привязаны к местам раскопок в трех древнейших кварталах — Кафедральном (Cathedral), Конвент (Convent), Матаярви (Mätäjärvi) и позднейшем квартале Анинкайнен (Aninkainen), лежащем на западном берегу р. Аура (River Aura). Время появления, существования и исчезновения обувных стилей определяют материалы из

датированных комплексов. Но параллельно дается и «типологическая» датировка, основанная на сочетании признаков конструкции и декора обуви. При анализе Я. Харьюла привел процентное соотношение всех типов обуви для каждой фазы развития города, установленной по археологическим комплексам.

Вторая часть работы посвящена средневековой технике и производственной практике в Турку на основе письменных и археологических данных. В первой главе обувь рассмотрена с технической точки зрения, от материалов до конструирования и декора. Одна из глав посвящена обсуждению письменных данных о кожевенном деле и обувном ремесле в городе, замке и сельской округе. Рассмотрены характер письменных данных и ценность этой информации. В третьей главе автор обращается к археологическим свидетельствам о выделке кожи и сапожном производстве в Турку. В заключительной главе подводятся итоги и сделаны выводы из проделанной работы и поставлены вопросы, оставшиеся открытыми, но перспективные для дальнейшего изучения.

Кроме исследовательской части работа включает четыре приложения: в первом и втором приведен список мест и количество находок, обсуждаемых в данной работе, в третьем — заключение Хейни Кирьявайнена по анализу волокон; четвертое приложение представляет собой словарь терминов обуви и обувного ремесла, используемых в работе.

Большое значение представительной обувной коллекции Турку для изучения средневекового быта заставляет с большим вниманием отнестись к оценке каждого типа обуви.

Однодетальной обуви в Турку найдено мало, всего 16 предметов в городской зоне и один — в замке. Из трех форм раскроек преобладает прямоугольная, а варианты более сложных форм единичны. Несколько туфель сшиты из кожи вторичного использования. В городской черте эта обувь найдена в трех местах, в кварталах Кафедральном и Матаярви. Древнейшая обувь найдена в комплексе первой четверти XIV в., но большинство ее находок в раскопе АА датировано второй половиной XIV — первой половиной XV в. Находки, относимые к XV — началу XVI в., показывают сохранение традиции пошива однодетальной обуви в Турку до нового времени. По оценке Я. Харьюлы, этот тип обуви имеет древние корни, но сохраняется в средние века и позже, особенно в регионах стран Восточной Европы. Простая форма туфли была функциональна и практична в условиях, когда ношение иной обуви затруднено. При работе вне помещений было практичнее носить простую, дешевую и легко заменяемую обувь. Она была удобна и в качестве детской обуви. По мнению исследователя, однодетальная обувь могла быть сделана в сельской местности, поскольку большинство изделий, видимо, пошили «любители», хотя немногие вещи могли быть и работой профессионалов.

Туфли с оборами — это обувь, крепившаяся ремешками-оборами, проходящими вокруг верхнего края по низу голени или лодыжке. В городской черте найдено не менее 19 деталей верха, и все они низко кроеные. Туфли представляют конструкцию «обертывания», с одной или несколькими вставками на внутренней стороне стопы. Вдоль верхнего края тачным обметочным швом крепилась обшивка верха или подкладка. Пяточные усилители присутствуют, начиная с первой четверти XIV в., но это не было стандартом. Различаются два типа профиля обуви: с горизонтальным верхним краем и со скругленным/угловатым вырезом сбоку. Последний, видимо, был более употребим. Датированные комплексы с туфлями отмечены в четырех местах раскопок. Древнейшие туфли найдены в комплексах конца XIII в., пик изделий приходится на первую четверть XIV в., а во второй половине XIV в. отмечено резкое снижение числа находок. Туфли с оборами не найдены в комплексах XV в., но здесь выделены детали со вторичными прорезями для обор, что позволяет расширять употребление этого типа обуви до XV в. В целом же, как тип обуви, туфли с оборами, видимо, бытовали в Турку в конце XIII — XIV в. Зоной их распространения были кварталы Кафедральный, Конвент и примыкавший к ним участок квартала Матаярви. В Замке Турку туфли с оборами найдены в комплексах конца XIII — XIV в., и это только взрослые размеры низко кроеных стилей, что от-

личает их от обуви из городских кварталов. Обувь имеет типологическое и хронологическое единство с находками на континенте. В сравнении с городами Швеции, где есть аналоги в XV в., этот тип обуви в Турку исчезает раньше.

Туфли с ремнями/завязками — это туфли с креплением ремнями через подъем. Судя по числу находок (не менее 153), этот тип обуви в Турку был популярным. В основе конструкции — метод «обертывания», с одной или несколькими вставками. Но три туфли имели отдельную головку и заднюю деталь. В моделях применялись дополнительные детали — пяточные усилители, рант, прокладки в шов (tongue) и обшивка верха.

В Турку выделены два подтипа туфель с ремнями, это туфли с креплением через подъем пуговицами и завязками: первый включает 130 находок (85%), а второй представлен четырьмя экземплярами (3%). В 19 случаях подтип не установлен. Для первого подтипа характерны прорез через подъем и кожаная пуговица на горловине головки. Два ремня на задней части обоих креплений для этой пуговицы через подъем. У второго подтипа нет пуговицы на горловине. Крепление обеспечивает соединение ремней узлом (tie-lace) или раздвоенным ремешком (latchet). Туфли с ремнями разделены на низкие (35%), лодыжные и высокие (65%). Вторые имеют всегда крепление пуговицами. На низких туфлях преобладает крепление пуговицами, но встречаются и завязки. В целом туфли с ремнями бытовали в период с конца XIII в. до конца средних веков. Низкие формы были основным типом в конце XIII — XIV в. в кварталах Кафедральном, Конвент и северной части Матаярви. Туфли лодыжной высоты встречаются на тех же участках города, в основном во второй половине XIV — первой половине XV в. Бытование этих туфель в Турку, по мнению Я. Харьюлы, не отличается от городов центральной Швеции.

Туфли с узелковыми пуговицами — это туфли, имевшие вертикальный разрез спереди и крепление одной или несколькими узелковыми завязками. В Турку их найдено не менее 185. В раскрое использовали две схемы — с конструкцией обертывания или с раздельными головкой и задней частью, подошвы имели округлый или приостренный носок. Последний встречен на 12 туфлях второй половины XIV — начала XV в. По высоте модели могли быть лодыжными и высокими. Туфли в Турку найдены в 11 местах раскопок в кварталах Кафедральный, Матаярви и Конвент. В целом по контексту туфли датируют второй половиной XIV — первой половиной XV в., хотя отдельные изделия встречены в слоях второй половины XV в.

Туфли с боковой шнуровкой — это туфли с зашнурованным разрезом на боку. В городской зоне их найдено 28 и две туфли — в замке. Туфли с боковой шнуровкой скроены двояко: 1) форма обертывания с возможными надставками; 2) раздельные головки и берцы. Число пар шнуровых отверстий варьирует от 2 до 11. Высота туфель — от низких до высоких форм, но лодыжные модели были наиболее популярны. Типичными для туфель были усилительный корд, усилители мест шнуровых отверстий и пятки. Стилевыми признаками были высокий округлый задник и две формы носка — округлый и приостренный. Основные находки сделаны на пяти раскопах в кварталах Кафедральный, Конвент и северной части квартала Матаярви. В замке туфли встречены среди находок XIV в. на наружном бастионе. В целом туфли с боковой шнуровкой как тип обуви бытовали в Турку очень короткое время — в конце XIV — начале XV в. с пиком на рубеже XIV/XV вв. Их количество мало. Из 30 туфель 6 (23%) были сделаны бахтармой вверх, что, вероятно, было феноменом моды для них в Турку. Туфли из замка имели вырезной декор, что не отмечено в городской зоне. Кроме того, туфли в замке могли бытовать уже в первой половине XIV в., т. е. раньше, чем в городе.

Фронтально шнурованные туфли имеют разрез и шнуровку спереди. В городской черте Турку их найдено 651, а в замке — 8, что показывает абсолютную популярность данного типа обуви. Туфли имеют обернутую конструкцию, с одной или несколькими вставками. В ней присутствуют пяточный усилитель, ранты, ремешки и обшивка верха. Туфли разделены на два подтипа — обувь со шнурками-завязками (tie-lace fastening) и с передней накладкой-завязкой (frontal lace-up fastening). Первый подтип — встречают-

ся три варианта в зависимости от высоты и профиля. Туфли имеют от 3 до 10 пар шнуровых отверстий, преобладают модели с 4 или 5 парами отверстий. Обычно у туфель есть отдельная, часто декорированная деталь для голени, со шнуровыми отверстиями. Туфли найдены в Турку в 31 месте во всех трех средневековых кварталах, а в квартале Анникайнен являются единственным средневековым типом обуви. Древнейшие модели, второй четверти XIV в., найдены на Старой Большой торговой площади. Другие находки показывают бытование туфель во второй половине XIV — начале XVI в. Находки на раскопе АА позволяют говорить, что такие выворотные туфли использовали еще во второй половине XVI в. и начале XVII в. Кроме Турку, туфли с фронтальной шнуровкой найдены в трех средневековых городах Финляндии — Наантали, Порву и Выборге.

Туфли с пряжками бывают с одной или двумя железными пряжками, иногда лужеными оловом, округлой и прямоугольной формы. В черте города найдено более 52 таких туфель, и все относятся к закрытым стилям, тогда как одна находка из замка Турку представляет открытый стиль обуви. Большинство находок сделаны в квартале Матаярви, и одна туфля происходит из квартала Конвент. Туфли закрытого стиля имеют две формы профиля. Они отнесены к XV в., хотя некоторые пряжки можно датировать концом XIV в. В целом закрытые туфли с пряжками в Турку датированы XV в., что согласуется с датировками в других городах. Но такие в Северо-Западной Европе дают общую датировку XIV в. Датировка находки из замка концом XIII — первой половиной XIV в. показывает, что здесь туфли с пряжками могли бытовать раньше, чем в городской зоне. Считая, что открытый стиль туфель с пряжками явно был раритетом в Скандинавии, находку в Замке можно считать «модной» обувью высших слоев общества.

Башмаки — это форма обуви, закрывающая лодыжку и низ голени, не имевшая разреза на верхнем крае или крепления. Судя по малому числу деталей головок (4 предмета), обувь такого типа была в Турку редкой. Голенища башмаков не найдены, что объясняется повторным использованием кожи. Детали встречены в кварталах Кафедральном и Матаярви в комплексах XIV — начала XV в.

Туфли с комбинированным креплением определены как обувь, сочетавшая не менее двух типов первоначального крепления, например шнурки и пуговицы или шнурки и пряжки. Находки датируются второй половиной XIV — первой половиной XV в.

Деревянные патины — это особый вид предохранительной обуви, состоящий из деревянной подошвы, кожаного ремня вокруг подъема и кожаного покрытия пальцев. При раскопках в основном находят кожаные ремни трех видов — однодетальные и двухдетальные. Часть ремней имеет декор — геометрические сюжеты в разной технике. Покрытия пальцев имеют в основе треугольную раскройку. Декор на них встречается реже, чем на ремнях, а техника его более унифицирована и мотивы упрощены. В коллекции имеется четыре деревянные подошвы двух типов — с двумя «каблучками» на нижней стороне и с плоской подошвой или с очень низкими «каблучками». Подошвы делали из *Salix sp*. или *Alnus sp*. Все деревянные подошвы и покрытия пальцев, а также большинство ремней патин происходят из одного раскопа АА. Можно говорить о наличии в коллекции деталей не менее 32 патин, ранние из которых отнесены к концу XIV в. Расцвет патин отмечен в первой половине XV в., но их продолжали носить и в первой половине XVI в. Патины найдены только в трех древнейших кварталах — Матаярви, Кафедральном и Конвент. Такое распространение патин, а также их контекст не показывают каких-либо особенностей в социальном плане. Тем не менее нахождение большого числа патин позволяют сравнивать их с другими типами обуви. По осторожной оценке Я. Харьюлы, они, видимо, носились широким кругом жителей, хотя, возможно, это была элита.

Обувь раннего нового времени Я. Харьюла относит к двум стилям — низко кроеному и закрытому. Определение типа обуви делается на основе подошвы. В городской черте есть подошвы с квадратными и округлыми носками. Все детали верха представляют низко кроеные стили. Форма носков верха варьирует от квадратного до широких коро-

вьих носов. Обувь этого времени найдена в кварталах Кафедральном и Матаярви, а также в замке. В отличие от средневековой, обувь нового времени отражена в письменных источниках. Новая рантовая техника, которую видят в названии «обувь с двойной подошвой», отмечена в записях о раздаче обуви персоналу в замке Турку с 1551 г. Ранее же называлась только «обувь с одной подошвой». В археологической обуви из замка есть много обуви с двойной подошвой, которую можно типологически датировать первой половиной XVI в., а такие виды, как широкие «коровьи носы», относить к самому началу столетия. Эти археологические находки представляют фасоны обуви высшего класса. Прислуга же чаще носила «одноподошвенную» обувь средневековых типов и во второй половине XVI в.

Большое собрание обуви Я. Харьюла использует для получения статистической информации о размерах стопы и половозрастной градации обуви. Для определения размеров обуви только из раскопа АА были измерены 538 подошв. Полученные два пика длины подошв признаны наиболее популярными размерами женской и мужской обуви. Для мужских туфель в Турку это длина 23–25 см и некоторых до 27,5 см (континентальные размеры 34,5–35 до 37,5 и отдельные — до 41,5). Длина женской обуви составляла 19,5–22,5 см (континентальные размеры 29–34). Наименьшие подошвы имели длину 10–10,5 см (континентальный 16-й размер). Такую обувь носили дети годовалого возраста, только начавшие ходить. По размеру обуви установлено, что коллекция содержит 32% детской обуви и 68% взрослой, включая 41% женской и 27% мужской обуви. Однако отмечено, что, учитывая специфику археологического материала, эти проценты не могут отражать пропорции в человеческой популяции.

Были сделаны выводы о половозрастной специфике ношения разных типов обуви. Однодетальные туфли, туфли с оборами, с завязками, фронтально шнурованные и с язычками-застежками одинаково носили мужчины, женщины и дети, хотя последние были наиболее популярны как обувь детей в возрасте до шести лет. Туфли с завязками и фронтальной шнуровкой были наиболее распространены среди детей старше шести лет. Изменение в ношении разных типов обуви на уровне шести-семи лет показывает границу между детством и юношеством. Эта граница отражена в костюме, частью которого была и обувь. Другим признаком детской обуви названа ее высота. Высокие туфли, доходящие до середины икры, были особо популярны в малых детских размерах. Причина тому — их использование зимой или поддержка лодыжки. Кроме того, детскую обувь иногда делали из более мягкой кожи. С другой стороны, туфли с боковой шнуровкой и с пряжками, также башмаки названы определенно обувью взрослого населения. Находки достоверно не подтверждают ношение детьми патин, хотя автор учитывает такую возможность. По его наблюдениям, мужчины и женщины, видимо, использовали одни типы обуви, хотя отмечаются гендерные тенденции для отдельных типов.

Кроме анализа типов обуви Я. Харьюла выделил три сюжета, связанных с модой. Вопрос о вытянутых носках в обуви для Турку остается открытым, особенно для «длинных вытянутых носков». Они были только на взрослой обуви, но не всегда понятно, мужской или женской. Малое число находок такой обуви в Турку (шесть — около 1% подошв) объяснимо их модой только у людей высокого статуса. Короткие вытянутые носки имеются на обуви в основном конца XIV — XV в. Они присутствуют преимущественно во взрослых (мужских и женских) размерах, хотя часть их могла быть подростковой обувью. Но они точно отсутствуют в обуви младших детей. Короткие носки есть почти у 10% туфель, в том числе у тех, где нет других признаков высокого статуса владельцев. Вероятно, их использовал более широкий круг горожан.

Другой признак «моды» в Турку — это замшевые туфли, имевшие явное визуальное отличие от массы обычных туфель. Но сейчас трудно определить широту этого феномена по причине редкости находок. Он связан почти исключительно с туфлями, имевшими боковую шнуровку. Данное явление находит соответствие во многих городах Европы. Не все туфли с боковой шнуровкой были «люксовыми», но при наличии признаков изысканности (вытянутые носки, вырезной де-

кор, «замшевый» верх) — это всегда туфли с боковой шнуровкой. Редкость «замшевых» туфель можно объяснять технической трудностью производства, плохой защитой от воды, быстрым истиранием и плохой археологической представительностью. Возможно, что замшевые туфли были своего рода «домашней модой».

Декор туфель в Турку можно разделить на четыре категории: вырезы на головках и декор проема для стопы в средневековых туфлях, декор ремней и покрытий пальцев на патинах и декор головок туфель раннего нового времени. Пробивные (punching) вырезы встречены в городской зоне на головке одной малой детской туфли конца XIII в. Он также был на двух туфлях с боковой шнуровкой из замка с широкой датой — конец XIII — XIV в. Близкие аналоги для туфель с вырезным декором есть в Шлезвиге, Лунде, Эребру, Таллине, Тарту и Риге.

Массовой формой декора обуви в городской зоне Турку был декор устья (проем для стопы) в обуви, в том числе и края верха отдельной детали, закрывавшей голень. Он включает пробивной (punching), вырезной (excision) и вырубной (slashing) способы, где использованы комбинации простых мотивов для создания разных геометрических форм. Наиболее частым мотивом были зубцы на верхнем крае обуви в сочетании с рядами круглых отверстий под ним. Этот декор есть на туфлях с фронтальной и боковой шнуровкой, а также с язычками-застежками. Точных аналогов для декора на устье обуви особенно много в Скандинавии, где они были явлением в XIV и XV вв.

Среди ремней и покрытий пальцев для патин, происходящих из раскопа АА, были декорированы более 60%. Ремни патин из других раскопов Турку не имели декора. Наиболее популярным на ремнях и покрытиях пальцев был гравированный линейный декор. Другая форма — это вырезанные или выбитые зубцы на переднем крае ремней. Третий метод декора — прокалывание (stabbing), с помощью которого создаются геометрические фигуры на ремнях патин. Иногда он сочетается с вышивкой, где проколы использованы для стежков.

В общих выводах первой главы Я. Харьюла отмечает довольно ясное различие в ношении обуви в замке Турку и в городской зоне. Это видно в типах и подтипах обуви, соотносимых со временем бытования. Можно также думать, что некоторые жители замка уже на ранних стадиях его существования имели прочные связи с другими регионами Европы. В основном это Южная Скандинавия и Северная Германия, где создавались стили и фасоны обуви, распространившиеся в разные части Европы, и где феномен моды раньше других сильно проявлялся в археологическом материале. Надо видеть, что и Лунд, и Шлезвиг были епископскими городами, и это создавало им положение значимых городов.

Датировка и типы обуви в городской зоне Турку лучше всего представлены среди находок в городах центральной Швеции. Среди них Стокгольм выделяется удивительным сходством типов обуви и периодом их бытования. Это надо объяснять тем, что оба города были частью одного королевства Швеция с общими экономическими и культурными контактами. Также находится много сходства между обувью Турку и Таллина, чего не найти даже в Любеке.

Вторая часть работы Я. Харьюлы посвящена обувному производству. В ней обувь рассматривается с точки зрения техники и методов раскроя и сшивания. В отдельных разделах, очень детально, рассмотрены все части обувных конструкций — подошвы, основные и дополнительные детали верха, завязки, а также методы их сшивания между собой. Среди подошв автор выделил «ступательные», т. е. внешние, нижние в конструкции подошвы и внутренние. Кроме того, указаны подметки как способ продления срока службы обуви без ремонта. Немногие выворотные конструкции в Турку были снабжены подметками, названными в работе «дополнительной внешней подошвой». Такая подошва состоит из нескольких слоев кожи, соединенных вместе деревянными шпеньками. По имеющимся данным, подошвы на деревянных шпеньках главным образом применяли в Скандинавии в XIV–XVI вв., в большей степени характерные для рантовой конструкции XVI в.

Для верха обуви использовали два метода конструирования и раскроя. При первом верх имел одну основную деталь, которая при

сшивании «оборачивалась» вокруг стопы. Второй метод использует для верха две детали — головку и задник. В Турку «обернутая» форма преобладала и использовалась во всех средневековых типах обуви. Двучастный раскрой верха был свойствен туфлям с завязками, с хвостатыми пуговицами, с боковой и фронтальной шнуровкой и башмакам. Двухчастный верх большинства туфель с боковой шнуровкой показывает их отличие от других типов средневековой обуви Турку. Кроме основной детали и вставок, в конструкции верха рассмотрены пяточные усилители, усилители на отверстия для пуговиц и шнурков, обшивка верха, усилительный корд, язычки, шнурки, пуговицы, ремешки пряжек и оборы.

В основном соединении (подошва и верх) использовались четыре разные техники — выворотная, сквозная вертикальная, рантовая и смешанная (turn-welt). В выворотной конструкции преобладал тип 1, где основное соединение имеет тачные стежки на подошве и сквозные стежки выворотного шва на детали верха (рис. 1).

Рис. 1. Схемы техники сшивания обуви в Турку. Разрез основного соединения (подошвы и верха): *1* — вертикальное сквозное сшивание; *2* — рантовое соединение; *3* — смешанное соединение (выворотно-рантовое). Схемы взяты из рецензируемой работы (*Harjula*, 2008. Fig. 100, 101, 104).
Fig. 1. Schemes of sewing together footwear in Turku. Section of the main juncture (sole and top): *1* — vertical end-to-end sewing together; *2* — welt juncture; *3* — combined juncture (inside-out and welted). The schemes are taken from the reviewed publication.

В конструкции со сквозными вертикальными стежками нижний край детали верха был отогнут наружу и пришит прямо к стельке и внешней подошве, и в обуви без стельки — прямо к внешней подошве. По аналогам в других местах эта техника появляется в позднем средневековье, ранее рантовой конструкции, появившейся в раннее новое время и быстро захватившей рынок. В рантовой конструкции рант — это полоса кожи, пришитая вдоль внешнего края нижней стороны детали верха вместе со стелькой в предварительном сшивании, а внешняя подошва пришивается позднее. В конструкции turn-welt рант пришивался между верхом и подошвой выворотным методом. Рант был широким, и внешняя подошва пришивалась к нему вертикальным сквозным швом. В Турку конструкция turn-welt бытовала в конце XIV — начале XV в.

Здесь обращается внимание на материалы, используемые при пошиве обуви. Наблюдения показали, что кожа крупного рогатого скота (КРС) реально преобладает с конца XIII в. Другие виды кожи, определяемые как овца, коза, свинья и нерпа, единичны в материале. Исключительность иных типов кожи, кроме КРС или козы, видимо, была следствием правил. В Уставах ремесленников Стокгольма было прямо запрещено использовать шкуры лошади, тюленя или овцы в обуви вместо КРС. Эти типы кожи явно были дополнительными материалами. Кроме пород животных, в некоторых случаях можно увидеть свидетельства особого рода выделки кожи. Так, на подошвах видно, что дубильные вещества не всегда проходили сквозь всю толщу кожи и в середине лежал непродубленный слой. Такой вид «сырого дубления» был ошибкой при дублении кожи, что часто встречается на подошвах в Турку. Материалом сшивных нитей обычно были лен или конопля, но последняя стала преобладать со второй половины XIV в.

В средневековых документах Турку упомянуты три обувщика, ременник и полировщик мечей. Первое упоминание обувщика в Турку в 1336 г. показывает, что это ремесло здесь имело давнюю традицию. В одном документе 1425 г. названы два обувщика, т. е. тогда в городе работало более одного обувщика. Упоминание ременника в 1347 г. отмечает, что на этой стадии развития города существовала определенная специализация. Полировщик мечей, отмеченный в 1488 г.,

может быть связан с кожевенной обработкой как показатель роста числа специалистов. Дубильщики впервые упомянуты в документах XVI в. Среди прочих кожевенных специальностей XVI в., не найденных в средневековых документах, были сумочники, замшенники, седельщики и рукавичники. Сохраняются и профессии обувщика, ременника и полировщика мечей. Изучение документов показало, что в городе неизвестно приезжих мастеров или учеников. Вероятно, обычно мастерскую обслуживали сам мастер и члены его семьи. Также в средневековом Турку неизвестны ремесленные объединения. Первая ремесленная гильдия была образована после Декрета о корпорациях в Швеции в 1621 г. Обувщики в сельской местности появились как минимум с XV в. Единственное средневековое упоминание обувщика в Финляндии около Муурла датировано 1467 г.

Археологические свидетельства деятельности кожевников найдены на девяти раскопах в Турку — это кадки круглой или овальной формы, диаметром 80–150 см, использовавшиеся для дубления. Кадки были частично закопаны в грунт и содержали остатки растений. Чаны датируются XV–XVII вв., но некоторые определенно средневековые. Все они найдены в кварталах Матаярви и Анинкайнен, что показывает вынесение зловонных процессов дубления за черту города. Из других приспособлений для дубления найдены строгальные колоды для мездрения шкур и рамы для их высушивания. Скопления костей (кости нижних конечностей овцы и рога) и споро-пыльцевые материалы также свидетельствуют о работе кожевников.

Некоторые растения и субстанции, полученные из растений, использовались как дубильные материалы. Так, на раскопе АА найдены 13 кг скорлупы лесных орехов. Обычно эту скорлупу применяли для дубления кожи и крашения кожи и ткани. Среди других дубильных растений найдена bearberry. В то же время исследователь отметил, что отдельные растения (кора и листья деревьев, кустарников и трав, а также орехи) одинаково использовали и при выделке (дублении и крашении) кожи, и для крашения тканей.

Среди инструментов кожевников найдены шилья, маркеры (creasers) и один сапожный нож полулунной формы, найденный в слоях конца XIV в. на раскопе АА. Маркером осуществляли наметку ряда сшивных отверстий, для упрочнения концов кожи давлением и для декоративных целей. Инструмент надавливал на кожу и отпечатывал на ней линию. При нагревании орудия проводилась более темная и глубокая линия. Имеется как минимум один деревянный и один железный маркер от второй половины XIV — начала XV в. из раскопа АА. Также в археологических контекстах Турку найдены семь колодок. Причина небольшого числа таких находок — их использование как топлива. Применение колодок видно по обувным подошвам. На выворотной обуви подошва обычно фиксировалась на колодке двумя–тремя деревянными шпеньками или железными гвоздями. На подошвах и колодках остаются следы от шпеньков (или гвоздей?). Если на подошвах не было отверстий от шпеньков, то обувь могли сшивать без применения колодок. По подсчетам Я. Харьюлы, такие отверстия были на 94% подошв. Кроме инструментов и кожевенных отходов, свидетельством работы обувщиков были кожаные шаблоны для подошв, в основном найденные на раскопе АА.

Яркой иллюстрацией кожевенной деятельности являются отходы кожи от ее выделки и пошива кожаных изделий. На раскопе АА встречено 70 литров «лохмотьев» и обрывков мездры, являющихся отходами от строгания кож. Они происходят только из слоев второй половины XIV — первой половины XV в. Максимальная концентрация строгальных отходов имеется только на одном участке и не связана с какими-либо приспособлениями кожевников. Вероятно, их выбросили на свободные участки недалеко от места работы.

Подобно отходам строгания, обрезки от раскроя кож также многочисленны в Турку. Они найдены почти на всех раскопах в слоях с органикой. Можно выделить скопления обрезков на раскопе АА, их собрано около 50,5 тысяч. Имеются куски, легко определяемые как обрезки от раскроя подошв, это участки кожи между раскроенными деталями. Другие виды изделий трудно определить по форме обрезков. Разные виды обрезков смешаны вместе. Обрезки с края шкуры,

найденные вместе с обрезками от раскроя изделий, показывают, что мастер при раскрое использовал и целые шкуры. Подобно распределению отходов строгания, обрезки от раскроя кожи также могут находить на всей площади раскопа. Иногда они заполняют пространство между домами и другими строениями во дворах или были перенесены из места кроения на более широкий участок, например требующий осушения.

Самые поздние слои с обрезками от раскроя датируются второй половиной XV — началом XVI в., тогда как отходы от строгания шкур фиксируются в слоях не позднее второй половины XIV — начала XV в. Можно предполагать, что пошив изделий на участке раскопа АА продолжался до конца средних веков, а выделка кож прекратилась в первой половине XV в. О наличии выделки кож и пошива кожаных изделий на других участках города, но без привязки к определенным местам, свидетельствуют находки на берегу пруда в квартале Матаярви, на границе средневековой городской застройки. Это показывает, что профессиональные обувщики могли заниматься и выделкой кож.

О ремонте обуви в Турку можно говорить в основном по изношенным подошвам. Большинство обуви с перешитой подошвой имели грубые куски подметок, пришитые кожаными ремешками. Использование нитей при ремонте встречается редко, что может подтверждать ремонт обуви самими пользователями. С другой стороны, полную замену подошвы, видимо, выполняли профессиональные обувщики. Ремонт верха обычно ограничивался наложением заплаты, но это было не так часто, как ремонт подошв.

Большое число вторично раскроенных кожаных предметов показывает, что все виды изделий ремонтировали и эксплуатировали вторично после износа. В то же время много выброшенной обуви, найденной на раскопе АА, имело хорошее состояние. Более того, многие туфли, видимо, выбрасывали после минимального износа, и они даже не были расшиты для повторного использования. Поэтому можно предполагать избыток обуви и отсутствие недостатка в кожевенном материале.

Итак, на сегодня коллекцию обуви в Турку по времени бытования и представительности можно соотносить только с одной коллекцией в средневековых русских городах, обработанной с сопоставимой тщательностью и опубликованной в монографической работе. Это материалы из раскопок Тверского кремля в 1993–1997 гг. (*Курбатов*, 2004), датируемые последней четвертью XIII — первой половиной XV вв. Работа имела положительную рецензию в академическом издании (*Осипов*, 2005).

Коллекции обуви Турку и Твери наглядно подтверждают принципиальную противоположность самостоятельного и длительного развития кожевенного дела и обувного моделирования, а также декора в Западной Европе и на Руси. Такое видение было высказано ранее (*Курбатов*, 2004. С. 73), но только теперь может быть подтверждено по объективным признакам представительных коллекций, выраженных в статистических данных. Прежде всего, различается сам набор типов обуви. Это было ранее показано при сравнении истории обуви в Скандинавии и Руси (*Курбатов*, 2005). В русских средневековых городах представлены мягкие туфли, сапоги, поршни и «рабочие» или «домашние» туфли. Последние два типа обуви характерны только для Руси. Если в Турку немногие поршневидные модели Я. Харьюла называет работой любителей, и возможно, из сельской местности, то многочисленные поршни в древнерусских городах определенно делали профессионалы. Это наглядно видно в широком распространении специфичных «ажурных» поршней, мода на которые в русских городах, видимо, ограничивается XIII — первой половиной XIV в. (*Курбатов*, 2012. С. 23).

Вторым самобытным направлением обувного конструирования была высокая обувь с «глухим», т. е. неразрезным голенищем — сапоги. Как особая конструкция обуви с разделенной деталью голенища такая обувь в западных городах не приживалась до второй половины XVI в. (*Курбатов*, 2005. С. 237–238; *Swann*, 2001. S. 94–96).

Третье характерное отличие западной обуви от древнерусской состоит в широком наборе вариантов крепления обуви на стопе, не практиковавшихся в древнерусском обувном моделировании, — боковая и фронтальная шнуровка, разнообразные короткие

завязки, пуговицы, пряжки. Поэтому, например, находки в русских городах отдельных кожаных пуговиц (в Новгороде и Твери) можно определенно связывать с изделиями западных мастерских.

Четвертым принципиальным отличием служит система декора западной обуви и кожаных изделий в целом. Можно отметить разнообразие вариантов декора обуви, популярных в кожевенном деле стран Западной и Северной Европы, — прорезной орнамент, выполненный ножом и пуансоном, сюжетные и геометрические оттиски, сделанные пуансоном, выскабливание мереи (*Курбатов*, 2011. С. 186–187).

В целом уже названные обувные формы, имеющие длительное развитие в древнерусских городах и не привившиеся в западных городах, показывают коренные отличия в традициях кожевенного ремесла в древнерусских землях от аналогичного профессионального ремесла в странах Западной и Северной Европы. На этом фоне сегодня выглядят анахронизмом ранние предположения о единстве кожевенного ремесла и обувного моделирования в Западной и Восточной Европе. Правда, такие предположения делались в «мягкой», несколько неопределенной форме, прежде всего в силу отсутствия сравнимых между собой крупных коллекций, обработанных на близких методических принципах и введенных в научный оборот с максимально возможной полнотой. Например, в обобщающей работе В. В. Бебре о кожаной обуви Риги XII–XIV вв. был сделан общий вывод, «что в Риге как в транзитном торговом центре было распространено несколько различных видов обуви. Это свидетельствует как о смешанном этническом составе населения, так и о высоком уровне кожевенно-сапожного ремесла, и о взаимодействии различных культур в XII–XIV вв.» (*Бебре*, 1987. С. 30). Но в изложении материалов видно, что автор не находит региональных различий в изготовлении отдельных форм обуви и древнерусские изделия рассматриваются в типологических группах с обувью, сшитой в традициях западноевропейских городов. Наличие в средневековой Риге древнерусских изделий как бы подтверждают многочисленные находки и поршней, в том числе «ажурных», и туфель с нитяной расшивкой, стиль которой имеет многочисленные аналогии в разных древнерусских городах. Однако обращение к детальному анализу рижских материалов в латышском научном издании показывает, что древнерусские формы обуви в Риге и других средневековых городах на территории современной Латвии значительно уступают в численности другим вариантам обуви, близким по манере раскроя, конструирования, крепления на ноге и декору средневековой обуви, составляющей основу коллекций во многих европейских городах северной половины Европы, преимущественно тяготеющих к побережью Атлантического океана и бассейнам Северного и Балтийского морей. Наличие в латвийских городах древнерусских обувных форм, равно как и присутствие в некоторых русских городах обуви западных фасонов, надо объяснять торговыми связями, подразумевающими приезд в города и длительное проживание в них инородных купцов. Такое объяснение сделано на основе специальной работы, где собраны признаки инородных технических традиций, отмеченные в археологических находках (*Курбатов*, 2011. С. 183 и сл.).

Многообразие типов и фасонов обуви в средневековом Турку можно считать отражением менталитета горожан западноевропейского города. В этом плане обувь из древнерусских городов показывает существенные отличия во взгляде на обувную продукцию как элемент средневековой городской культуры.

Выводы. Работа Я. Харьюлы по истории обуви и кожевенному ремеслу в средневековом Турку продолжает изучение кожевенного ремесла в этом городе, первым крупным результатом которого стала монография о чехлах для ножей, кинжалов и мечей (*Harjula*, 2005), уже получившая научную рецензию в России (*Курбатов*, 2010. С. 212 и сл.). Интерес к данному собранию древностей имеет, прежде всего, региональную подоплеку. Турку служит ярким примером развития западноевропейского города в ареале Балтийского моря, своего рода эталоном для других городов ареала, еще недостаточно изученных в археологическом плане. Он также может служить эталоном для сравнения многих элементов истории средневеко-

вой жизнедеятельности с древнерусскими городами, торговая деятельность которых также ориентирована на бассейн Балтийского моря — Новгород, Псков, Смоленск, Полоцк.

В совокупности мы имеем сегодня прекрасно исследованный представительный комплекс археологических материалов из Турку, отражающий разные аспекты использования кожи в средневековом производстве и быту населения крупнейшего средневекового города на территории современной Финляндии. Разработка этого комплекса показала широкие возможности массового археологического материала для понимания быта, средневекового производства, социальной структуры населения и развития общественных отношений в средневековой городской среде.

Бебре, 1987 — *Бебре В. В.* Типы кожаной обуви Риги XII–XIV вв. и их ареалы // Средневековые древности Восточной Европы. М., 1987 (КСИА; Вып. 190).

Курбатов, 2004 — *Курбатов А. В.* Кожевенное производство Твери XIII — XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб., 2004.

Курбатов, 2005 — *Курбатов А. В.* История обувной моды в Скандинавии и восточноевропейские параллели: Рец.: *June Swann*. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. Stockholm. 2001. P. 357, fig. 443 // АВ. 2005. № 12.

Курбатов, 2010 — *Курбатов А. В.* Кожаные предметы личного обихода в позднесредневековом Турку: Рец.: *Janne Harjula*. Sheaths, scabbards and grip covering. The use of leather for portable personal objects in the 14th — 16th century Turku / Archaeologia Medii Aevi Finlandiae, X. 2005. 163 с., 208 ил. // АВ. 2010. № 16.

Курбатов, 2011 — *Курбатов А. В.* «Инородные» кожаные предметы в средневековой Руси: движение людей и вещей // Stratum plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2011. № 5: Древности антов.

Курбатов, 2012 — *Курбатов А. В.* Кожевенное ремесло в средневековой России: Автореф. дис. ... д. ист. н. СПб., 2012.

Осипов, 2005 — *Осипов Д. О.* Рец. на книгу А. В. Курбатова «Кожевенное производство Твери XIII–XV вв.» // РА. 2005. № 3.

Harjula, 2005 — *Harjula J.* Sheaths, scabbards and grip coverings. The use of leather for portable personal objects in the 14th –16th century Turku. Turku, 2005 (Archaeologia Medii Aevi Finlandiae; X).

Swann, 2001 — *Swann J.* History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm, 2001.

А. В. Курбатов
Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН,
Отдел славяно-финской археологии

Просветительская работа как метод обеспечения сохранности наскального искусства. На примере деятельности Музея Аликанте (MARQ) в окрестностях неолитического святилища в Пла де Петракос (Кастель де Кастельс, Аликанте, Испания)

Хорхе А. Диаз Солер[1]

Музеи локальных памятников прекрасно подходят для внешкольного распространения исторических знаний. С одной стороны, они проводят развлекательную деятельность, дополняя при этом школьный курс; с другой — обогащают учащихся сведениями, которые отсутствуют в образовательных программах. В то же время нет никакого сомнения, что они стимулируют уважительное отношение молодежи к культурному наследию, что возможно только при непосредственном соприкосновении с ним.

Что касается первобытного периода и, в частности, наскальной живописи, эта тема не всегда в достаточной мере освещается учебниками. Возможно, кому-то она может показаться устаревшей, поэтому так важно, чтобы исследователи и преподаватели встречались на семинарах и слушаниях.

Понятно, что информация, передаваемая научными работниками преподавателям, должна быть непротиворечивой, хотя и не скрывающей дискуссионных вопросов.

Проект, реализованный между 1998 и 2003 гг. в святилище Пла де Петракос и в городском совете Кастель де Кастельс, включал действия по «повышению важности памятника», а также возведение защитного ограждения и обеспечение организованного доступа к нему; а в том, что касается городского совета, — основание галереи наскальной живописи, предназначенной для ознакомления с памятником и его интерпретаций с помощью графической и аудиовизуальной информации. Весь проект проводился Советом провинции Аликанте в тесном сотрудничестве с архитекторами, музейными работниками, учеными, а также с доктором Мауро Эрнандез как главным исследователем памятников искусства.

Живопись Пла де Петракос относится к двум изобразительным типам: один принадлежит к макросхематическому искусству — под четырьмя скальными навесами, а другой — к левантинскому искусству — в отдельном скальном навесе с изображением оленя, выполненным красной краской.

Изображения в углублениях четырех навесов сделаны широкими мазками и пятнами красной краски. Они имеют большие разме-

[1] Jorge A. Díaz Soler. Curator of Prehistory MARQ (Alicante, Spain).
Испания, Кастель де Кастельс, провинция Аликанте. Хранитель Первобытного отдела MARQ.

ры, что делает их удобными для осмотра с некоторого расстояния публикой, посещающей музей.

Макросхематические изображения в Пла де Петракос созданы как огромный алтарь, фигура в центре которого с руками и ногами, распростертыми вертикально к солнцу, соотносится с несколькими сюжетами, включая группу людей, соответственно воспроизводящую семейные узы (Навес IV), верования, связанные с земледельческим циклом, где змееподобное изображение рассматривается как священный символ растительности (Навес VII), плодородия и плодовитости, как можно заключить по изображениям женщины и быка (Навес VIII).

Для сохранения этой великолепной группы росписей была сооружена новая ограда с наружной площадкой, которая позволяла осматривать фигуры, не заходя за ограду. За металлическим ограждением, напротив четырех скальных навесов размещены четыре стенда, на которых посетители могут рассматривать прорисовки живописи, а также пояснительный текст на каталанском, испанском и, сжато, английском языках.

Скальный навес с левантинской живописью имеет свою собственную ограду, площадку и стенд с пояснениями.

Памятник, посещение которого является бесплатным, пользуется большой популярностью, и посетители с удовольствием осматривают это замечательное место. По соглашению между Провинциальным советом и городским Советом Кастель де Кастельс памятник поддерживается в прекрасном состоянии при незначительных расходах.

В городе Кастель де Кастельс основана выставка наскального искусства в рамках более широкого музейного комплекса, рядом с постоянной экспозицией этнографической коллекции. Она расположена в Городской ратуше, во-первых, чтобы привлечь к памятнику внимание городских властей, а во-вторых, для развития местного туризма, который становится важным фактором экономического развития области. За пять лет после открытия выставка принесла большую выгоду городку.

С одной стороны, проблема значительного, приблизительно 15-километрового, расстояния от памятника до *Выставки наскального искусства* решается размещением информации рядом с памятником. Это полезно, потому что это непрерывное информирование о статусе памятника. Посетителей также информируют о явном ухудшении его сохранности. С другой стороны, большое расстояние между MARQ и памятником в какой-то мере компенсируется заинтересованностью Местного совета сообщать о ежедневной работе музея. Областной совет непосредственно заинтересован в отслеживании консервации этнографической коллекции, содержании здания, надлежащем обслуживании аудио-видеоаппаратуры или переиздании брошюр и каталогов. Выставка наскального искусства всегда принимает посетителей по пятницам и субботам с момента ее открытия в 2003 г.

Эта заинтересованность муниципалитета существенна для философии проекта, так как нам необходимо довести до широкой публики уникальность художественной экспрессивности образцов наскальной живописи Средиземноморской дуги, которые в 1998 г. были объявлены ЮНЕСКО культурным наследием человечества. Однако фактически памятник находится рядом с поселком, население которого не превышает 500 человек, которые, конечно, должны гордиться таким культурным достоянием, но при этом не испытывать неудобств от наплыва посетителей. По этой причине в соответствии с предложением Городского совета в проект интегрирована и местная этнографическая коллекция таким образом, что в уникальном музее рядом с предметами недавнего прошлого — «кровать бабушки», «дом моих родителей» и т. д. соседствуют образцы древнейшей живописи. Назначение такого соседства с этнографическими материалами в том, чтобы привлечь внимание и обеспечить признание ценности памятников Петракоса у тех, кто прежде всего должен защищать их — соседей из Кастель де Кастельс.

Сначала дается краткое введение в макросхематическое искусство с копиями изображений, представляющими характерные мотивы этой живописи на территории провинции Аликанте. Соответственно, посетителей подготавливают к оценке первобытного искусства как поразительно экспрессивного и современного.

Просмотр фильма резюмирует важность памятника Пла де Петракос, значение его

открытия в 1980 г. и последующего исследования. Объясняется, зачем нужны действия администрации по пропаганде его важности. Нужно заметить, что на выставке, посвященной первобытному искусству, подлинных экспонатов нет. Поэтому это не музей, а скорее кабинет наскальной живописи.

Во второй части представлена аудиовизуальная информация о распространении неолитической культуры.

В зале, посвященном святилищу, о Пла де Петракос эмоционально рассказывается как о месте для религиозных обрядов и общинных собраний, представляющем общую культуру первобытных земледельцев и скотоводов, где искусство поддерживалось как инструмент сохранения культуры с ее обрядами и верованиями для усиления социальных связей и регулирования деторождения. Все это, в свою очередь, помогало преодолевать трудности существования в окружающей среде, которая в самом начале неолита была еще малоизвестна человеку и, во всяком случае, еще лишь слабо эксплуатировалась.

Для усиления впечатления и для того, чтобы связать выставку с археологическим памятником, в конце фильма представлен призывный стенд с надписью: «Вы еще не осмотрели живопись?». На нем показаны изображения ограждений и план памятника. Далее наиболее заинтересовавшимся посетителям, желающим ознакомиться с артефактами и жизнью раннего неолита, предлагают посетить экспозиции четырех музеев, где можно расширить знания, полученные при осмотре выставки: MARQ в Аликанте, Музей первобытной истории Валенсии, Музей Консентайны и Музей Алкоя.

В настоящее время Пла де Петракос — место проведения успешного проекта, спонсируемого MARQ. Самые разные посетители приходят осмотреть памятник: учащиеся, семейные группы и даже сельские туристы. Для знакомства с памятником MARQ обеспечивает их необходимыми брошюрами, при помощи музея разрабатываются образовательные программы для школьников. Кроме того, учащиеся, посещающие памятник и выставку наскального искусства в сопровождении своих учителей или родителей, просто узнают, что в Пла де Петракос в глубокой древности жили художники, которые создавали изображения, свидетельствующие о ранних верованиях древних людей, сохранившиеся в летописи наскального искусства. Может быть, память об этом выходном дне, когда они совершили визит в Пла де Петракос, со временем возбудит в них неизмеримое уважение к культурному наследству, доставшемуся нам от людей неолитической эпохи, которые своей культурой начали развитие нашей цивилизации.

Мониторинг состояния археологического ансамбля Игнатиевской пещеры в 2009–2012 гг.[1]

В. С. Житенев, Т. Е. Солдатова, О. Я. Червяцова[2]

Игнатиевская пещера расположена в Катав-Ивановском районе Челябинской области, на правом берегу р. Сим, в 8 км северо-западнее д. Серпиевка.

Вход в пещеру арочной формы (высота/ширина — 12 м) находится на высоте около 13 м над уровнем р. Сим, в горе Ямазы-Таш. Общая длина ходов Игнатиевской пещеры составляет 545 м. Пещера коридорного типа относится к этажным карстовым полостям, являясь системой галерей и залов на двух гипсометрических уровнях (этажах), разработанных «по тектоническим трещинам на северо-запад и восток», «последнее направление представлено короткими соединительными ходами между параллельными галереями, образующими замкнутые “кольцовки”. В дальней части пещеры — круто уходящий наверх широкий лаз, разработанный по межпластовой трещине... В остальной части пещера горизонтальная» (*Лобанов и др.*, 1971. С. 43).

Впервые в научной литературе Игнатиевская пещера была представлена П. С. Палласом, который составил ее описание, а также обнаружил антропологические останки (*Паллас*, 1786; *Житенев*, 2011).

В 1886 г. академик Ф. Чернышев дал краткую характеристику пещеры и передал рассказ о происхождении названия пещеры. «Гора носит у русских название Игнатиевская по имени келейника, жившего в пещере, тут находящейся. Келейник Игнатий, умерший лет 40 тому назад, считался среди окрестных крестьян, особенно раскольников, за святого, и до сих пор память о нем благоговейно чтится всем населением. Игнатиевская пещера одна из самых обширных в Южном Урале и представляет целую сеть галерей и мелких камер. Две такие маленькие пещеры, в которые возможно добраться лишь ползком, служили жилищем Игнатию, и в одной из них он похоронен» (*Петрин*, 1992. С. 4).

Информацию об Игнатиевской пещере в связи с почитанием отшельника передает известный ученый П. П. Семенов-Тян-Шанский: «В девятую пятницу после Пасхи (День всех святых, празднуемый через неделю после Троицы. — *В. Ж.*) в пещеру стекается масса народа из соседних заводов, сел и деревень» (Там же).

Первое комплексное изучение Игнатиевской пещеры, включавшее и археологические исследования, провел в 1913 г. С. И. Руденко (*Руденко*, 1914). В 1938 г. осмотр пещеры произвел С. Н. Бибиков (*Бибиков*, 1950). В 1951 г. разведочные работы во Входном гроте провела М. А. Бадер, а в 1960–1961 гг. там же проходили исследования под руководством О. Н. Бадера (*Бадер*, 1980).

В 1980 г. археологической экспедицией под руководством В. Т. Петрина в Игнатиевской пещере была зафиксирована настенная

[1] Исследование выполнено при частичной финансовой поддержке РФФИ (грант 13-06-00277).

[2] Житенев В. С. — Россия, 119992, Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, исторический факультет, кафедра археологии.

Солдатова Т. Е. — Россия, 119992, Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, исторический факультет, кафедра археологии.

Червяцова О. Я. — Россия, 453585, Республика Башкортостан, Бурзянский район, д. Иргизлы, ул. Заповедная, 14. ФГБУ «Государственный заповедник «Шульган-Таш».

живопись, комплексные работы продолжались с 1980 по 1986 г. (*Петрин*, 1992) В 1990–2000-е гг. большие работы по изучению пещеры были проведены В. Н. Широковым (например, *Scelinskij, Sirokov*, 1999). Несколько полевых сезонов в эти годы на памятнике работал и В. И. Юрин.

В 1998 г. В. Н. Широков совместно с коллегами из США отобрал образцы для прямого радиоуглеродного датирования с рисунков черного цвета, в том числе «Черный мамонт» из Дальнего зала. Полученные результаты даже после калибровки свидетельствуют о голоценовом возрасте ряда изображений (*Широков*, 2006).

С 2009 г. по настоящее время исследования в Игнатиевской пещере проводит коллектив Южно-Уральской археологической экспедиции МГУ. Основными задачами мониторинга памятника являются: изучение состояния настенных рисунков; определение основных факторов, оказывающих деструктивное влияние на сохранность изображений; оценка антропогенного и биогенного влияния на состояние археологического комплекса пещеры и др.

В результате наблюдений выявлен ряд нарушений археологического комплекса Игнатиевской пещеры. Зафиксирован большой туристический поток (в пиковые дни нагрузок — до 1100 человек в день). Проводить изучение рыхлых отложений при таком количестве людей летом невозможно и опасно для сохранности культурных отложений.

Рис. 1. План Игнатиевской пещеры (съемка выполнена С. Г. Боталовым, В. И. Юриным, В. А. Куприяновым и Н. М. Меньшениным в 2003 г.). Условные обозначения: *а* — стены, сложенные коренными породами; *б* — обвальные отложения; *в* — изогипсы пола; *г* — археологические шурфы и раскопы; *д* — места грабительских раскопок.

Fig. 1. Plan of the Ignatievskaya cave (photography by S. G. Botalov, V. I. Yurin, V. A. Kupriyanov and N. M. Men'shenin in 2003). Notations: *a* — walls built of bedrock; *б* — collapsed deposits; *в* — isohypses of the floor; *г* — archaeological trenches and excavations; *д* — robber trenches.

В начале ноября поток туристов значительно меньше (в день — не более 20 человек), но работать с промывкой уже нет возможности из-за погодных условий.

Удручающим, но, к сожалению, уже привычным фактом являются многочисленные следы незаконных раскопок на первом этаже пещеры. Судя по наблюдениям, в стенках неглубоких ям культурных остатков и остеологического материала практически нет.

Работы по нарушению современной дневной поверхности производились с высокой интенсивностью, о чем свидетельствуют остатки светло-желтого суглинка на участках стены над ямами. Следует особенно отметить, что рядом с ямами грунт отсутствует.

По сообщению Л.Л. Пядышевой (педагог Серпиевской школы, зав. методическим отделом Катав-Ивановского краеведческого музея), летом недалеко от памятника и непосредственно в самой пещере были замечены сектанты, проводящие обряды. Одна из групп сектантов поселилась в с. Аратском, расположенном рядом с памятником. Следы деятельности сектантов, активно посещающих пещеру, особенно явно прослеживаются по использованию определенных типов свечей и распространению микробиоты на парафине. Во всех залах пещеры, а также в Основном коридоре были обнаружены практически полностью выгоревшие свечи, большое количество застывшего парафина, поросшего плесневыми грибами, а также монеты мелкого номинала, оставленные в качестве подношения, — причем не обычной туристической забавы — в виде монетки «на память»/«чтобы вернуться», а в виде небольших «кладиков» и только в определенных местах.

Следствием большого туристического потока в летний период служат разнообразный мусор и некоторые хозяйственные предметы, например напильник, оставленный на одном из крупных камней в Большом зале, а также использование некоторых полостей пещеры в качестве туалета, что, в свою очередь, служит основой для роста микромицетов.

Зафиксированная осенью 2009 г. вспышка плесневых грибов (когда их колониями оказалась покрыта вся доступная часть пола Большого зала) на некоторое время приостановилась. Однако в 2011 и 2012 гг. случились новые вспышки численности плесневых грибов — еще более интенсивные, чем наблюдавшиеся в 2009 г. По визуальным наблюдениям, плотность колоний составляет 5–6 шт./кв. м. Также они имеются на стенах (в меньшем количестве). Поскольку плесневые грибы расположены не только на полу пещеры, но и в непосредственной близости к рисункам, это создает безусловную угрозу сохранности изображений.

По данным исследований 2009–2012 гг. в Каповой пещере, около 50–60% выявленных на ее стенах микромицетов способны к биоповреждениям скальных поверхностей с рисунками. Биологическая коррозия известняка происходит при растворении породы органическими кислотами и другими продуктами жизнедеятельности живых организмов, в том числе мицелиальных грибов, а также за счет выделения CO_2, образующего угольную кислоту при взаимодействии с водой.

Необходимо отметить, что в целом поражение Дальнего зала микромицетами (по визуальной оценке) ниже, чем Большого зала. Вероятно, это связано с особенностями микроклимата зала и его меньшей посещаемостью.

Только в ходе работ 2011–2012 гг. не зафиксировано новых следов антропогенного нарушения красочного слоя настенных изображений. С другой стороны, обнаружены новые свидетельства ухудшения сохранности ряда рисунков и/или их частей, вероятно, под воздействием естественных (увлажнение) и антропогенных (значительный поток посетителей) факторов.

К сожалению, зафиксированы и новые нарушения кальцитового слоя, на котором выполнены отдельные рисунки, что, по всей видимости, обусловлено термическим разложением карбоната кальция в результате нагревания источниками открытого огня (многочисленные следы установки свечей на выступы стен, использование факелов). Красочный слой рисунков находится между двумя очень тонкими (до 0,5 мм) слоями натечного кальцита — во многих местах визуально заметно разуплотнение межслоевых соединений и отшелушивание их вместе с красителем.

По-прежнему особую озабоченность вызывает состав, генезис и время образования неопределенных отложений светло-серого цвета, покрывающих до 60% стен и потолков Большого зала (в том числе изображения). По дан-

ным рекогносцировочных исследований, этот слой имеет мощность меньше 1 мм и находится в пластичном состоянии. Большую тревогу вызывает тот факт, что этих отложений светло-серого цвета на стенах становится все больше. Ими затронуты (фактически — под ними начинают скрываться) уже не только современные надписи, но и ряд изображений.

Настенные изображения в Дальнем зале находятся в состоянии сильного увлажнения, изменяющегося в течение календарного года. Наибольшая зона увлажнения находится в районе конуса осыпи. Увлажнение, скорее всего, имеет инфильтрационную природу (*Червяцова*, 2011).

Во время проведения мониторинга пещеры в 2011 г. было сделано крайне интересное открытие. В юго-восточной части Южного коридора (стена Б/2 по В. Т. Петрину), на верхней поверхности нависающего карниза, было обнаружено небольшое скопление красного пигмента — охры. Любопытно, что недалеко от скопления, на нижней поверхности карниза, на высоте 1,3 м от пола прослеживается красное пятно «в» (по В. Т. Петрину). Кроме того, в конце Южного коридора, на противоположной стене, известно еще одно небольшое красное пятно — «г», а также рисунок красного цвета, перекрытый кальцитом (по В. Т. Петрину). По всей видимости, зафиксированное скопление охры является свидетельством деятельности художника, оставившего настенные изображения. Физико-химические результаты анализа этого пигмента и охры с настенных рисунков, готовящиеся к печати, показали значительную схожесть.

Продолжение археологических работ дает положительный эффект и в научно-практическом плане: появилась возможность для масштабного детального изучения фрагментов красочного пигмента из скопления охры и сравнения с красками настенных изображений. Данные материалы необходимы для решения ряда вопросов, связанных с сохранностью пещерных рисунков.

Для аналитического определения причин и динамики процесса разуплотнения межслоевых соединений и отшелушивания их вместе с красителем инициированы исследования физико-химических параметров обоих кальцитовых слоев и коренных пород.

Обнаружение свидетельств художественной деятельности первобытного человека со всей очевидностью демонстрирует тот факт, что пещера нуждается в дальнейшем тщательном археологическом изучении.

Выявленные факты незаконных нарушений рыхлых отложений требуют скорейшей организации охраны и обязательного экскурсионного сопровождения туристов.

Бадер, 1980 — *Бадер О. Н.* Следы палеолита в пещере Ямазы-Таш (Игнатиевской) на Южном Урале // Первобытная археология — поиски, находки. Киев, 1980.

Бибиков, 1950 — *Бибиков С. Н.* Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала (Экспедиционные исследования ИИМК АН СССР и Областного Челябинского музея) // СА. 1950. Т. 12.

Житенев, 2011 — *Житенев В. С.* Антропологические материалы из южно-уральских пещерных памятников с настенными изображениями: к постановке проблемы // Палеолит и мезолит Восточной Европы. М., 2011.

Лобанов и др., 1971 — *Лобанов Ю. Е., Щепетов В. О., Илюхин В. В., Максимович Г. А., Костарев В. П.* Пещеры Урала. М., 1971.

Паллас, 1786 — *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1786. Кн. 1, ч. 2.

Петрин, 1992 — *Петрин В. Т.* Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.

Руденко, 1914 — *Руденко С. И.* Лаклинская и Игнатиева пещеры Южного Урала // Труды Общества землеведения при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1914. Т. 3.

Червяцова, 2011 — *Червяцова О. Я.* Исследования микроклимата Игнатиевской пещеры // Спелеология и спелестология. Набережные Челны, 2011.

Широков, 2006 — *Широков В. Н.* Проблемы возраста настенных рисунков Игнатиевской пещеры в связи с первыми радиоуглеродными датировками красочного пигмента // РА. М., 2006. № 2.

Scelinskij, Sirokov, 1999 — *Scelinskij V. E., Sirokov V. N.* Hohlenmalerei im Ural. Kapova und Ignatievka. Die altsteineitlichen Bilderhohlen im sudlichen Ural. Thorbecke, 1999.

Экспериментально-трасологическая экспедиция 2012 г.[1]

Н. Н. Скакун, Х. Плиссон

Идея С. А. Семенова об организации экспериментально-трасологических экспедиций воплотилась в полной мере во второй половине XX в., когда под его руководством в ЛОИА АН СССР были организованы ежегодные летние работы (*Семенов,* 1957; 1963; 1970; *Семенов, Коробкова*, 1979; 1983). Необходимость проведения этих экспедиций диктовалась не только дальнейшим развитием метода трасологического анализа функций древних орудий труда, созданием базы эталонных образцов, позволяющих верифицировать функциональные определения, но и углубленным исследованием и реконструкцией особенностей древних технологий обработки различных материалов (*Семенов,* 1957; 1959; 1965; 1968; 1974). Экспериментально-трасологические исследования Сергея Аристарховича отличались системностью, глубокой продуманностью, четкой постановкой целей, стремлением максимально приблизить эксперимент к древним условиям и охватывали широкий спектр разнообразных производственных операций. При этом эксперименты никогда не были самоцелью и не являлись демонстрацией способностей экспериментаторов изготавливать реплики древних орудий и использовать их в работе, без ориентации на решение определенных научных задач (*Семенов*, 1963. С. 191–214; 1965; *Семенов, Коробкова*, 1979; *Semenov*, 1964). Коллективами экспериментально-трасологических экспедиций была проделана огромная работа, в результате которой были получены важные данные по различным способам расщепления кремня, обработки разных пород камня, обсидиана, кости, рога, бивня, раковин, глины, дерева, травы, тростника, злаковых растений и других материалов, проделаны опыты по изготовлению и использованию многочисленных реплик древних инструментов. Обязательным условием опытов являлись их массовость, серийность и повторяемость.

Отношение к экспериментальным работам как к лабораторному изучению древней техники было и у Г. Ф. Коробковой, соединившей экспедиционные научные исследования с образовательной программой, в процессе реализации которой происходила серьезная подготовка трасологов (*Коробкова,* 1974; 1975; 1978; 1978а; 1980; 1980а; 1994). Многие из них стали известными высококвалифицированными специалистами (*Коробкова,* 1991; Петербургская трасологическая школа... 2003).

В продолжение этих традиций были проведены экспериментальные работы по изучению материалов эпохи палеометалла (*Скакун,* 1981; 1981а; 2006; *Skakun,* 2008; 2008а).

В настоящее время более широкие исследования технологий изготовления и использования древних инструментов проводятся Экспериментально-трасологической экспедицией в Тернопольской обл. Украины, вблизи трипольского поселения — кремнеобрабатывающей мастерской Бодаки (*Скакун*, 2004; 2006). В 2012 г. во время экспедиции кроме основных работ была еще организована летняя школа-семинар (руководители Н. Н. Скакун, ИИМК РАН, Санкт-Петербург и Х. Плиссон, Лаборатория первобытной технологии, г. Бордо).

Основными задачами экспедиции являлись:

1 — изучение специфики обработки крупногалечного кремневого сырья для получения крупных пластин;

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 12–06–00100).

2 — уточнение с помощью экспериментов назначения некоторых трудно дифференцируемых орудий, в том числе вкладышевых;

3 — пополнение эталонной коллекции реплик древних орудий разного назначения;

4 — лекционно-образовательная программа с практическими занятиями.

В настоящее время реконструкция способов получения крупных кремневых пластин, характерных для инвентаря многих памятников Евразии эпохи палеометалла, несмотря на большое количество теоретических и экспериментальных работ, нуждается в дополнительных исследованиях. Это связно с тем, что нередко результаты конкретных экспериментов механически переносятся на все виды крупных пластин, не принимая во внимание их существенные морфологические отличия, которые указывают на применение различных приемов в расщеплении кремня. Источниковедческой базой для наших экспериментов послужил инвентарь кремнеобрабатывающих мастерских поселения Бодаки (*Скакун,* 2004). Основной продукцией этих мастерских являлись крупные пластины, причем по форме их можно разделить на две группы. Одни, судя по их фрагментам, имели суперправильные очертания: прямой профиль, низкую спинку, треугольное или трапециевидное поперечное сечение, параллельные боковые края, небольшую эллипсовидную, гладкую или с небольшой подработкой ударную площадку, низкий ударный бугорок. По мнению технологов (устное свидетельство Ж. Пелегра и В. Мигал), этот тип пластин мог быть получен с помощью различных способов рычагового расщепления.

Пластины другой группы тоже крупных размеров, но не имеют столь правильных геометрических очертаний: у них более массивные ударные площадки и выступающие ударные бугорки. Проведенные опыты показали, что этот тип пластин можно получить с помощью разных способов отжимной техники. Кремневое сырье — крупные гальки волынского кремня были собраны в обнажениях вблизи памятника. Обработка конкреций, оформление нуклеусов производились с помощью округлых кремневых отбойников и роговых посредников, аналогичных найденным в мастерской поселения Бодаки. Полученные пластины по форме оказались близки оригинальным изделиям. Однако несмотря на положительные результаты проведенных опытов, для получения стабильной статистики, что необходимо для обоснованных заключений, планируется дальнейшее продолжение этих работ.

Помимо расщепления кремня в экспедиции сделана серия опытов по уточнению диагностирующих признаков кремневых ретушеров, рабочая часть которых располагалась на участках, прилегающих к ударным площадкам пластин или отщепов. Ряд других экспериментов связан с уточнением разницы в признаках утилизации между орудиями, использовавшимися для срезания растений: злаков, травы и тростника. Шесть экспериментальных серпов в изогнутой рукояти, четыре карановского, два египетского или ближневосточного типов, использовались для жатвы современных сортов пшеницы. Их рукояти — пять деревянных и одна роговая — были полностью изготовлены кремневыми орудиями. Вкладышами послужили части пластин, полученные при расщеплении волынского кремня. Они (3–4 экз.) закреплялись в пазах с помощью фруктового клея. Орудия для срезания травы и тростника — пластины и их фрагменты использовались в деревянной рукояти под углом к ней либо без рукояти, их обушковая часть оборачивалась кусочком кожи. Опыты показали, что следы утилизации на вкладышах серпов, независимо от места их нахождения в пазу рукояти и длительности эксплуатации, отличаются по большинству признаков от орудий, применявшихся для срезания травы, тростника. Диагностика разницы в следах утилизации на ножах для травы и ножах для тростника, в особенности для малоиспользованных инструментов, более затруднительна.

В дальнейшем планируется проведение полного цикла земледельческих работ с помощью реплик трипольских орудий, причем опыты будут проводиться с древними сортами пшеницы.

В ходе работ производилось полное описание орудий, полученные результаты тщательно фиксировались, учитывалась квалификация экспериментаторов, определялась примерная производительность инструментов. Эти наблюдения после соответствующей обработки будут опубликованы.

Вторая часть экспедиции, посвященная пополнению эталонной коллекции реплик древних орудий разного назначения и лекционно-

образовательной программе с практическими занятиями, проходила в форме полевого семинара-школы. Кроме практических задач его целью являлось привлечение внимания заинтересованных коллег к современным проблемам технологических и экспериментально-трасологических исследований в археологии.

Собравшийся в Бодаках коллектив состоял из 26 человек: исследователей, аспирантов и студентов из России, Украины, Франции, Польши, Болгарии, Испании. Среди присутствующих были также музейные работники. Их интерес к нашему мероприятию был обусловлен тем, что несколько лет тому назад усилиями постоянных сотрудников Энеолитической экспедицией ИИМК РАН в Национальном архитектурном заповеднике «Замки Тернопольщины» в г. Збараж была оформлена тематическая экспозиция, посвященная демонстрации материалов, освещающих особенности различных производственных комплексов трипольского поселения Бодаки (Триполье BII).

Программа школы-семинара включала лекции по технологии расщепления кремня, специфике обработки различных видов сырья экспериментально изготовленными инструментами (разных пород камня, дерева, рога, кости, растений), методике определения функций древних инструментов, а также вопросам значения экспериментов и этнографических свидетельств для трасологических исследований. Особое внимание отводилось современным способам фиксации следов утилизации с помощью цифровой техники.

Практические занятия включали расщепление кремня различными способами, изготовление и использование экспериментальных инструментов, работу с микроскопом по определению функций и освоение новых методик фиксации следов утилизации.

В устройстве быта экспедиции большую роль кроме организаций, под эгидой которых она проводилось (ИИМК РАН, РГНФ, Комиссия UISPP «A 17», Львовский отдел службы спасательной археологии НАН Украины, при содействии Национального архитектурного заповедника «Замки Тернопольщины»), сыграла бескорыстная помощь крестьян с. Бодаки. Нужно отметить также, что выполнение научной части было бы трудно осуществимым без деятельной помощи одного из ведущих трасологов Х. Плиссона (Франция), неравнодушное отношение которого к состоянию трасологических исследований способствует дальнейшему развитию и популяризации этой важной дисциплины в среде мирового сообщества археологов.

Работа семинара-школы была организована следующим образом: в первой части дня шли теоретические лекции, во второй, более длинной, — практические занятия и эксперименты. В конце каждого дня проводились обсуждения проделанной работы и дискуссия. Многонациональность коллектива не мешала общению, а, напротив, способствовала получению новых знаний и приобретению полезных научных контактов.

Вступительная лекция была посвящена значению экспериментально-трасологического метода для изучения истории развития техники и построения социоэкономических реконструкций в археологии (лектор Н. Н. Скакун). Х. Плиссон в своем докладе остановился на особенностях, сходстве и различии русской и западноевропейских трасологических школ. В выступлении Г. В. Сапожниковой была приведена история применения экспериментально-трасологического анализа к археологическим материалам с территории Украины.

Во второй день участники школы-семинара имели возможность услышать доклады Б. Матевой (Болгария) и Б. С. Жураковского (Украина) о разных типах месторождений кремня в Болгарии и в Украине, о способах его добычи в энеолите. В окрестностях с. Бодаки была проведена экскурсия по месторождениям волынского кремня, где можно было увидеть условия его залегания и собрать сырье для экспериментальных работ.

В следующие дни С. Мори и Л. Кларик (Франция) прочитали нескольких лекций по теории расщепления, практиковавшегося в разные периоды древней истории. Были продемонстрированы способы обработки кремня твердым и мягким отбойниками, с посредниками и без таковых, производилось нанесение крутой, длинной, уплощенной ретуши различными ретушерами.

Лекция Н. Б. Ахмедгалеевой (Россия) была посвящена особенностям технологии обработки кости, рога, бивня и изготовлению из этого сырья различных изделий в эпоху палеолита. После лекции были проведены эксперименты по подготовке сырья к обработке

и обработка кости и рога различным способами: рубкой, пилением, скоблением, строганием и резанием. Н. Б. Васильева (Россия) в своем выступлении рассказала о работах, связанных с реконструкцией способов изготовления и использования каменных абразивов, прототипами которых явились находки из стоянок Вологодчины. Кроме того она поделилась опытом организации летнего лагеря для детей с элементами археологической школы. Из ее лекции музейные работники почерпнули много нового как для административной организации подобных мероприятий, так и для музейной педагогики.

Большая тема «Основы экспериментально-трасологического анализа и современные способы фиксации следов утилизации» освещалась коллективом трасологов, прошедших специализацию в эксприментально-трасологической лаборатории ЛОИА АН ССР или в ИИМК РАН (Н. Н. Скакун, Х. Плиссон, Г. В. Сапожникова, Н. Б. Ахмедгалеева, Б. И. Матева, Н. Б. Васильева, В. В. Терехина).

Н. Н. Скакун и Г. В. Сапожникова, получившие в свое время опыт работы в экспедициях С. А. Семенова и Г. Ф. Коробковой, подробно охарактеризовали значение макротрасологических исследований.

Большой интерес вызвала высокопрофессиональная лекция Х. Плиссона «Трасология и цифровая фотография», в которой докладчик продемонстрировал новейшие способы микро- и макрофиксации разнообразных следов утилизации на орудиях труда, изготовленных из различных материалов, а также дал практические рекомендации по использованию компьютерных программ для качественной обработки фотографических изображений. Пониманию всех нюансов этой лекции существенно помог ее перевод на русский язык, сделанный Л. Б. Вишняцким (Россия).

На практических занятиях проводились опыты по обработке: дерева — рубка, соскабливание коры, строгание, пиление; шкур — скобление, удаление шерсти, резание; растительных материалов — срезание разных видов трав, тростника и камыша. Все присутствующие имели возможность изготовить реплики разных типов орудий (скребки, резцы и сверла), зафиксировать все этапы экспериментов, описав, сфотографировав и сделав видео. В ходе практических занятий значительное число опытов было связано с изучением костеобрабатывающих орудий из мезолитической стоянки Верхней Волги Ивановское VII. Целая серия экспериментов была посвящена изучению способов изготовления изогнутых, полностью ретушированных кремневых серпов, характерных для многих позднебронзовых — раннежелезных памятников Европы, в том числе и высоцкой культуры, кремневые материалы одного из поселений которой — Мыльное V — изучались членами экспедиции (раскопки В. В. Ильчишина в Тернопольской обл. Украины). Слушатели семинара ознакомились с применением в трасологии бинокуляра и металлографического микроскопа «Олимпус» и имели возможность усвоить первые практические навыки работы с ними.

Таким образом, участники Экспериментально-трасологической экспедиции и летней трасологической школы-семинара в Бодаках познакомились с основами трасологии и приобрели знания о полном цикле проведения научно выстроенных экспериментов: от выбора сырья, подготовки его к обработке, изготовлению реплик древних орудий, их использованию до изучения следов утилизации и документирования всех этапов экспериментально-трасологических исследований.

Заключительная дискуссия и подведение итогов работы состоялись в центральном зале средневекового замка г. Збаража. Участники единодушно констатировали, что Экспериментально-трасологическая экспедиция и школа-семинар, проведенный в ее рамках, стали не только источником новых знаний для ее участников, но и местом обмена идеями и методами работы исследователей, занимающихся проблемами реконструкций в археологии.

В завершение Экспериментально-трасологической экспедиции сотрудники осмотрели замок и достопримечательности г. Збаража, а также посетили областной историко-краеведческий музей г. Тернополя, французские коллеги имели возможность познакомиться с достопримечательностями г. Львова.

Коробкова, 1974 — *Коробкова Г. Ф.* Экспериментальное изучение орудий труда трипольской культуры // АО 1973 г. М., 1974.

Коробкова, 1975 — *Коробкова Г. Ф.* Экспериментальный метод в процедуре археологических исследований // Предмет и объект археологии и

вопросы методики археологического исследования. Л., 1975.

Коробкова, 1978 — *Коробкова Г.Ф.* Древнейшие жатвенные орудия и их производительность (в свете экспериментально-трасологического изучения) // СА. 1978. № 4.

Коробкова, 1978а — *Коробкова Г.Ф.* Экспериментальный анализ и его место в методике и теории археологии // Вопросы теории и методологии археологической науки. М., 1978 (КСИА; Вып. 152).

Коробкова, 1980 — *Коробкова Г.Ф.* Методические и методологические обоснования комплексного изучения орудий труда // Методика археологических исследований и закономерности развития древних обществ: Тез. докл. Ашхабад, 1980.

Коробкова, 1980а — *Коробкова Г.Ф.* Палеоэкономические разработки в археологии и экспериментально-трасологические исследования // Первобытная археология. Поиски и находки. Киев, 1980.

Коробкова, 1991 — *Коробкова Г.Ф.* Международная школа по трасологии // Древние культуры и археологические изыскания. СПб., 1991.

Коробкова, 1994 — *Коробкова Г.Ф.* Экспериментально-трасологические разработки как комплексное исследование в археологии // Экспериментально-трасологические исследования в археологии. СПб., 1994.

Петербургская трасологическая школа... 2003 — Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии: В честь юбилея Г.Ф. Коробковой. СПб., 2003.

Семенов, 1957 — *Семенов С.А.* Первобытная техника. М., 1957. (МИА; № 54).

Семенов, 1959 — *Семенов С.А.* Экспериментальные исследования первобытной техники // СА. 1959. № 2.

Семенов, 1963 — *Семенов С.А.* Изучение первобытной техники методом эксперимента // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963.

Семенов, 1965 — *Семенов С.А.* Экспериментальный метод изучения первобытной техники // Археология и естественные науки. М., 1965. С. 216–222 (МИА; № 129).

Семенов, 1968 — *Семенов С.А.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.

Семенов, 1970 — *Семенов С.А.* Производство и функции каменных орудий // Каменный век на территории СССР. М., 1970 (МИА; № 166).

Семенов, 1974 — *Семенов С.А.* Происхождение земледелия. Л., 1974.

Семенов, Коробкова, 1979 — *Семенов С.А., Коробкова Г.Ф.* Исследования Литовской экспериментально-трасологической экспедиции // АО 1978 г. М., 1979.

Семенов, Коробкова, 1983 — *Семенов С.А., Коробкова Г.Ф.* Технология древнейших производств: мезолит — энеолит. Л., 1983.

Скакун, 1981 — *Скакун Н.Н.* Експерименты в експедиции «Добруджа — 79» // Интердисциплинарни изследвания. София, 1981. VII–VIII.

Скакун, 1981а — *Скакун Н.Н.* Експриментална археология // Наука и техника за младежта. София, 1981. 7.

Скакун, 2004 — *Скакун Н.Н.* Предварительные результаты изучения материалов трипольского поселения Бодаки (кремнеобрабатывающие комплексы) // Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии (по материалам эпох палеолита — бронзы). СПб., 2004.

Скакун, 2006 — *Скакун Н.Н.* Орудия труда и хозяйство древнеземледельческих племен Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита (по материалам культуры Варна). СПб., 2006 (Труды ИИМК РАН. Т. 21).

Semenov, 1964 — *Semenov S.A.* Prehistoric technology: An experimental study of the oldest tools and artifacts from traces of manufacture and wear. London, 1964.

Skakun, 2008 — *Skakun N.N.* Comprehensive analysis of prehistoric tools and its relevance for paleoeconomic reconstructions // "Prehistoric Technology" 40 Years Later: Functional Studies and the Russian Legacy. Oxford, 2008. P. 9–20 (BAR International Series; 1783).

Skakun, 2008а — *Skakun N.N.* Experimental archaeology and studies of the functions of ancient tools // II International congress of experimental archaeology. 26, 27, 28 November 2008 Ronda (Málaga, Spain). Abstracts. Ronda, 2008.

Н.Н. Скакун
Россия. Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН.
Экспериментально-трасологическая лаборатория

Х. Плиссон.
Université Bordeaux 1,
Laboratoire Pacea, France

XXIX Жешувская международная конференция «Археологические исследования на территории юго-восточной Польши, западной Украины и северной Словакии» (23–24 апреля 2013 г., Жешув, Польша)

Важным весенним научным событием стало проведение 23–24 апреля 2013 г. в г. Жешув (Rzeszyw) (Республика Польша) ежегодной международной археологической конференции. Организаторами конференции были: Фонд «Жешувский археологический центр», Институт археологии Жешувского университета, Окружной музей г. Жешув (Muzeum Okr gowe w Rzeszowie). В актовом зале последнего, уже традиционно, проходили сессионные заседания. Нынешняя конференция состоялась благодаря финансовой поддержке из бюджета Подкарпатского воеводства.

Открыл конференцию директор Окружного музея г. Жешув Б. Качмар (B. Kaczmar), который поздравил участников, пожелал им плодотворных научных дебатов и заверил, что дирекция музея и впредь будет содействовать археологическому сообществу региона в проведении подобных научных мероприятий.

К участникам конференции обратился директор Института археологии Жешувского университета профессор С. Чопек (S. Czopek). Он обратил внимание присутствующих на то, что нынешняя конференция более дискуссионная, теоретическая, проблемно-аналитическая, чем предыдущие, которые были отчетно-итоговыми.

Сессионным заседаниям предшествовало награждение студентов — победителей конкурсной программы на лучшую магистерскую работу по археологии. От имени жюри профессор М. Рыбицка (M. Rybicka) наградила Дипломами первой степени и денежной премией В. Райпольда (W. Rajpold) за работу «Динамика заселения долины средней части Вислы в эпоху бронзы и в раннем железном веке» (руководитель — проф. С. Чопек) и Д. Чудзика (D. Czudzik) за работу «Христианская сакральная архитектура Галицко-Волынской Руси (до завершения правления Даниила Романовича)» (руководитель — проф. И. Калага (J. Kalaga)). Дипломами и ценными подарками также были отмечены: Э. Ковальчык (E. Kowalczyk) за работу «Создатели позднесредневековых керамических статуэток из Силезии»; Я. Ковальский-Белокрылый (J. Kowalski-Bilokrylyj) за исследование «Хронология западноподольской группы скифской культуры»; П. Веек (P. Wiejak) за магистерскую работу «Археология преступлений Второй мировой войны на отдельных примерах из польских исследований»;

© Г. И. Панахид, Г. Н. Поплевко

О. Альдона (O. Aldon) за работу «Необычные конструкции могил поморской культуры».

На конференции была широко представлена география участников и специфика результатов научных исследований.

В нынешнем международном научном мероприятии приняли участие более 80 ученых из Польши, Украины, Чехии, Словакии, России, Германии. В течение пяти сессий был озвучен 31 устный доклад и представлено 18 стендовых.

На ***первой сессии***, председателем которой был проф. Б. Гинтер (B. Ginter), было представлено 10 докладов.

Открыл сессионные заседания *А. Сытник* (г. Львов) докладом «Многослойная палеолитическая стоянка Большой Глыбочок I: вопросы датировки и технологии каменной индустрии». Были проанализированы особенности культурных слоев памятника, их датирование и представлены находки — орудия труда и фаунистические останки степных видов.

Авторская группа: *А. Богуцкий (г. Львов), М. Ланчонт (M. Łanczont) (г. Люблин), Т. Мадейска (T. Madejska) (г. Варшава), Я. Кусяк (Y. Kusiak) (г. Люблин), О. Томенюк (г. Львов)* представила доклад «Многослойное поселение Большой Глыбочок I и проблемы начала среднего палеолита». За многолетний период исследования памятника были проведены палеомагнитные, геоэлектрические, геофизические, геохимические, гранулометрические исследования, а также датировки культурных слоев, что дало возможность реконструировать палеоэкологическую ситуацию в регионе.

В докладе *О. Кононенко (г. Киев)* «Верхнепалеолитическое поселение Радомышль I на Житомирщине» были по-новому проанализированы результаты исследований памятника, открытого И. Шовкоплясом в 1956 г.

М. Полтович-Бобак (M. Połtowicz-Bobak), Д. Бобак (D. Bobak) (г. Жешув) в докладе «Верхний палеолит в юго-восточной Польше по результатам новых исследований» представили группу памятников Лонка, открытых во время строительства автострады А4 в конце 1990-х гг. и представленных находками артефактов мадленской и свидерской культур.

Доклад *Т. Ткачука (г. Ивано-Франковск)* «Исследования керамики из Белого Потока (Чортковский район, Тернопольская обл.) из собраний Археологического музея в Познани» касался обработки музейных материалов памятника, исследованного Й. Костжевским (J. Kostrzewski) в 1924 г.

Я. Махник (J. Machnik), К. Щепанек (K. Szczepanek) (г. Краков), Д. Павлов, В. Петегирич (г. Львов) в докладе «Итоги естественно-археологических исследований в Верхнем Поднестровье» представили карту памятников Журавненско-Букачевских ворот. В этом регионе зафиксировано 102 памятника, 87 из них были открыты Польско-Украинской экспедицией.

Авторы *О. Дьяченко (г. Киев)* и *А. Позиховский (г. Острог)* представили особенности модели пространственных связей в докладе «Гравитационная модель: моделирование взаимодействий в анизотропном пространстве». Эта методика была апробирована на памятниках энеолита Западной Волыни.

Д. Круль (D. Król) (г. Жешув), А. Позиховский (г. Острог), М. Рыбицка (г. Жешув) выступили с докладом «Исследование поселений культуры воронковидных кубков на востоке Волыни». Во время раскопок на поселении в Новомалине (урочище Подобанка) было обнаружено много трипольских материалов.

Докладчик *А. Шнайдровска (A. Sznajdrowska) (г. Жешув)* в сообщении «Поселения культуры воронковидных кубков на памятниках Щитна 5 и 6, гмина Павлосюв (Pawłosiyw)» представила результаты исследований комплекса поселений на Каньчуцкой возвышенности. Во время раскопок было зафиксировано более 140 объектов, на которых обнаружены осколки посуды, амфор, кувшинов, «керамическая брусчатка», которые дают представление о быте жителей того времени.

В докладе *П. Зависьляка (P. Zawiślak) (г. Жешув)* «Неолитические объекты из памятника 1С в Грудке, Грубешовский повет (исследования С. Ястржебского (S. Jastrzebski), проведенные в 1983–1985 гг.)» были охарактеризованы материалы (осколки керамики) культуры воронковидных кубков и любельско-волынской культуры, полученные в результате раскопок.

Сессия завершилась *дискуссией*, в которой выступили М. Рыбицка, А. Шнайдровска, А. Пелисяк *(A. Pielisiak),* К. Щепанек, О. Дьяченко, Т. Ткачук, Я. Махник. Обсуждались вопросы интерпретации линейно-ленточной

керамики, палеоклиматические особенности в Поднестровье, проблемы периодизации трипольских памятников, важность внедрения математических методов в археологию и т. д.

На ***постерной сессии*** были представлены следующие стендовые доклады: *М. Байка (г. Сандомеж)* «Охранно-спасательные исследования двух могил злоцкой культуры — на Малом Рынке в Сандомере и в Свенцице в 2012 году». *П. Гарчар (P. Harčár) (г. Прешов*) «Археологические исследования юго-восточных въездных ворот Зборовского замка». *Л. Мацкевый, Г. Панахид (г. Львов)* «Использование человеком пещер на западе Украины (работы Львовской и Подкарпатской археологических экспедиций)». *Г. Лукач (G. Lukáč) (г. Левоча)* «Национальный исторический памятник Фричковце — археологические исследования в подземельях». *З. Крижовска (Z. Križovská) (г. Прага)* «Археологические исследования в городском доме на Рыночной площади в Бардееве». *Н. Войцещук*, *О. Силаев (г. Львов)* «Археология бассейна р. Вишни: результаты археологических разведок, проведенных в 2011–2012 гг.». *З. Пьяновски (Z. Pianowski) (г. Жешув*), *М. Кшеминьски (M. Krzemiński), А. Костек (A. Kostek), М. Кшеминьска (M. Krzemińska*) *(г. Пшемысль)* «Результаты III этапа исследований развалин церкви Св. Иоанна Крестителя (так наз. Князя Володара) на Замковой горе в Пшемысле в 2012 г.». *М. Полтович-Бобак*, *Д. Бобак, А. Новак (г. Жешув), М. Ланчонт, П. Мрочек (г. Люблин)* «Исследования стоянки мадленской культуры в Вежавицах в 2012 г.». *А. Шнайдровска, А. Новак (A. Nowak) (г. Жешув)* «Погребения культуры шаровидных амфор с памятника № 42 в Розбоже, гмина Пшеворск». *С. Чопек, К. Трибала-Зависьляк (K. Trybała-Zawiślak) (г. Жешув*) «Исследования 2012 г. на памятнике № 6 в Дембице, повет Ланьцут». *Н. Скакун (г. Санкт-Петербург)* «К вопросу об организации кремнеобрабатывающего производства в эпоху развитого Триполья (по материалам поселения Бодаки)». *А. Рещиньска (A. Reszczyńska*) *(г. Жешув), Я. Блажек (J. Blažek) (г. Мост), Л. Ондрачкова (L. Ondráčkova) (г. Хомутов*) «Раскопки могильника римского времени в Незабилицах (округ Хомутов, Чехия)». *Д. Вольски, (D. Wolski) А. Новак (г. Жешув)* «Трасологический анализ бифасиальных серпов эпохи бронзы на примере находок с Боратина 17 и Орлиск Сокольницких 1». *П. Гембица (P. Gębica) (г. Жешув), С. Суперсон (S. Superson) (г. Краков*), *А. Байда-Весоловска (A. Bajda-Wesołowska), М. Гозер (M. Hozer) (г. Жешув)* «Стратиграфия аллювия и следы деятельности древнего человека на памятнике № 19 в Бялобжегах на р. Вислок». *П. Манчиньски (P. Mączyński) (г. Жешув)* «Итоги первого сезона исследований на поселении Руда 6, Яновский повет». *К. Солярска (K. Solarska) (г. Радом*) «История города и городища Пьотрувка в Радоме». *Б. Полит (B. Polit) (г. Жешув)* «Бижутерия из могильника Нейзатц, обнаруженная во время раскопок 2012 года». *М. Дембец (M. Dębiec) (г. Жешув), М. Поссельт (M. Posselt) (г. Регенсбург)* «Магнитометрические исследования на памятнике Янковице 9 — археологические работы на месте строительства автострады А4».

На ***второй сессии*** под председательством проф. М. Парчевского было заслушано восемь докладов.

Коллектив авторов: *М. Зелиньска (M. Zielińska) (г. Санок), З. Пьяновски (Z. Pianowski*) *(г. Жешув), М. Глинянович (M. Glinianowicz), П. Котович (P. Kotowicz) (г. Санок*) представил доклад «Укрепления города Санок в свете письменных источников и археологических исследований», в котором реконструировали локализацию оборонных сооружений города по письменным и археологическим источникам.

М. Кромпец (M. Krąpiec) (г. Краков) в докладе «Колодцы из поселения Розбуж 28, датированные дендрохронологическим методом» представил результаты датировок 18 деревянных колодцев, самый старый из которых имеет возраст 4200 лет.

М. Флорек (M. Florek) и *М. Байка (M. Bajka) (г. Сандомеж)* представили результаты исследований энеолитических погребений в докладе «Археологические исследования 2012 г. на памятнике Злота 6 возле Сандомежа, Свентокшиское воеводство».

Доклад *И. Адамик (J. Adamik) (г. Жешув)* «Материалы к изучению так называемой “классической” фазы тщинецкой культуры на территории лессовой Предкарпатской возвышенности между Вислоком и Сяном в свете раскопок на памятнике № 7 в Сколошеве, Ярославский повет» касался исследований,

проведенных на упомянутом памятнике в связи со строительством автострады А4.

В. Райпольд (W. Rajpold) (г. Жешув) представил доклад «Динамика заселения долины средней части Вислы в эпоху бронзы и в раннежелезном веке». На территории исследований автор локализировал 1300 памятников, проанализировал их топографию и природные условия региона.

В докладе *И. Внучек (I. Wnuczek) и М. Бургхардта (M. Burghardt) (г. Жешув)* «Планирование поселений лужицкой культуры на примере памятника № 26 в Лонке, гмина Тшебовниско» были представлены результаты раскопок, проведенных на общей площади 1,5 га, в результате которых обнаружено более 5 тыс. артефактов.

А. Бардецкий (г. Дубно) в докладе «Культурная ситуация в раннежелезном веке на территории бассейнов верхних течений рек Стир и Горынь в свете новых материалов» предложил новую интерпретацию керамики так называемого могилянского типа из Хорова, Славуты, Дорогощи, Нетешина.

Доклад *Я. Ганцарского (J. Gancarski) (г. Кросно)* «Шурфование на памятниках эпохи бронзы и раннего железа на памятнике № 6 в Брисце (гмина Ясло), а также на памятнике № 52 в Ясло» касался исследований, проведенных на площади более 4 га в связи с выделением участка под строительство.

Сессию подытожила *дискуссия*, в которой выступили: Д. Павлов, А. Бардецкий, С. Чопек, М. Парчевски, С. Кадров, М. Рыбицка, Д. Бобак, А. Пелисяк, Я. Махник. Вопросы и дискуссионные выступления касались хронологии памятников, новой интерпретации археологических материалов, целесообразности археологических исследований новых территорий, важности дендрологического датирования для интерпретации артефактов. Ученые обратили внимание на проблемные вопросы: введение названий новых культур, особенности использования в археологии отдельных методик и т. д.

Третья сессия проходила под руководством проф. А. Розвалки. Было представлено девять докладов.

М. Вавжчак (M. Wawrzczak) (г. Щавница) в докладе «Эпоха камня и эпоха бронзы в Пенинах в свете поверхностных исследований» представил результаты полевых исследований. С помощью GPS-навигатора были зафиксированы артефакты эпохи среднего и позднего палеолита, мезолита и мадленской эпохи, а также создана карта памятников.

Группа авторов: *Н. Войцещук, Д. Павлов, В. Петегирич (г. Львов)* представила доклад «Археологическая карта запада Львовской области (бассейн реки Вишни): памятники и их культурно-хронологическая классификация». В докладе говорилось о результатах разведок, проведенных как на уже известных, так и на вновь открытых памятниках. В общей сложности в бассейне р. Вишни известно более 1000 археологических памятников.

М. Парчевски (M. Parczewski) (г. Жешув) в докладе «Замечания к изображению знака свастики на раннеславянской посуде из Ожаньска, Ярославский повет» дал версию происхождения этого изображения. Автор привел доказательства из литературных и археологических источников, которые подтверждают, что свастика как знак (символ) был известен еще до христианских времен.

Авторы *Р. Миська* и *Я. Погоральский (г. Львов)* прочитали доклад «Городище Тептюж (Модричи I) в предгорье Карпат: историко-археологическая интерпретация (исследования 2010–2012 гг.)». Исследователи представили результаты раскопок и шурфования — локализированы оборонные объекты, выявлены осколки керамики, кремневые отщепы, пережженное дерево и т. д.

Я. Кусяк (J. Kusiak) (г. Люблин) представил результаты термолюминесцентного датирования в сообщении «Кирпич и керамика как источник важных хронологических данных для архитектурных объектов от средневековья до современности».

А. Любельчик (A. Lubelczyk) (г. Жешув) озвучил два доклада. Первый, «Замок Голеш на древней Сандомерской земле (Крайовице, повет Ясло, пам. 1) — итоги археологических исследований 2010–2012 гг.», касался результатов раскопок на 2,5 га поверхности. Археологи зафиксировали оборонительные сооружения замка, обнаружили более 8,5 тыс. артефактов — осколки керамики, кафель, черепица, металлические предметы. Во втором докладе, «Уникальная коллекция кафеля XVI и XVII веков, собранная в процессе шурфования на территории древнего оборонного двора в Твердзы, повет Стрыжув», автор иссле-

довал подборку ренессансного кафеля (200 фрагментов).

Д. Мазур (D. Mazur) (г. Краков) в докладе «Новые источники к исследованию иконографии и техники изготовления кафеля — что может рассказать кафель о жителях Казимежа на рубеже XV–XVI веков?» представила орнаменты на кафеле (портретные барельефы, растительные мотивы, розетки и т. д.) и интерпретировала эти изображения.

Сессия завершилась *дискуссией*. Ученые коснулись вопросов возможности датирования отдельных находок (в частности — пережженной керамики, запеченной глиняной обмазки). Отдельную дискуссию вызвал вопрос частной собственности на земельные участки, на которых находятся археологические памятники, и юридические аспекты необходимости проведения археологических исследований на таких участках.

На ***четвертой сессии*** было озвучено четыре доклада. Председатель — проф. С. Кадров (*S. Kadrow*).

Открыла сессию *Г. Поплевко (г. Санкт-Петербург)* докладом «Технологические признаки ручной лепки керамики на экспериментальных и археологических материалах». Прозвучали результаты экспериментального изготовления посуды по древним технологиям, было проведено сравнение признаков ручной лепки на археологической и экспериментальной керамике.

М. Глинянович и П. Котович (г. Санок) в докладе «Древние саноцкие кладбища — итоги предыдущих и новых исследований» представили локализацию древних сакральных сооружений на территории города, охарактеризовали местные традиции погребального обряда. В следующем докладе тех же авторов «Несуществующие саноцкие костелы в свете самых новых исследований» были даны результаты раскопок первого парафиального костела Св. Михаила. На основании этих материалов, а также письменных источников создана компьютерная модель костела.

Последний доклад, прозвучавший на конференции, — «Результаты исследований на ул. Пидмурной во Львове», который представил *Я. Ковальский (г. Львов),* касался результатов охранно-спасательных раскопок. Во время работ были обнаружены стены XIX в., водопровод и деревянная конструкция XVII в., а также осколки керамики, металлические предметы, изделия из кожи.

В ходе *завершающей дискуссии* ученые подвели итоги работы конференции и очертили проблемные моменты археологических исследований. В частности, по мнению М. Парчевского, важными были результаты работ молодых ученых. С. Чопек обратил внимание присутствующих на разнообразную тематику и широкую географию докладов, их высокую научную значимость; важность обсуждения проблем охраны археологического наследия; а также на интердисциплинарность исследований.

Слово для закрытия XXIX Жешувской конференции взял директор Окружного музея Б. Качмар. Он поблагодарил участников за активность, организаторов и спонсоров — за подготовку конференции и поддержку.

Проведение следующей юбилейной XXX Жешувской международной археологической конференции было запланировано на весну 2014 г.

Г. И. Панахид
Украина, Львов.
Издательство «Лига Львов»
Г. Н. Поплевко
Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН

Юбилейная конференция «Археология Запада Украины» (22–24 мая 2013 г., Львов, Украина)

Археологическая наука в Западной Украине имеет давние традиции. Львов был центром развития научного (теоретического), образовательного и исследовательского направлений в археологии. Одним из очагов археологической науки во Львове был и остается Отдел археологии Института украиноведения им. Ивана Крипякевича Национальной академии наук Украины. Одной из традиций отдела является проведение ежегодных весенних Международных археологических конференций.

Почти сотня докладов, заявленных в программе Конференции, более 120 археологов и историков из Польши, Словакии, России, Беларуси, а также из разных регионов Украины — так было представлено научное сообщество на юбилейной Десятой Международной научной конференции «Археология запада Украины», которая состоялась 22–24 мая 2013 г. во Львове.

Количество участников и предложенных докладов было настолько большое, что впервые конференция проходила в режиме пленарного заседания и двух секций — «Первобытной археологии» и «Археологии средневековья и нового времени». Каждая из секций провела по две сессии — утреннюю и вечернюю. Заседания проходили в Актовом зале Научного общества им. Т. Шевченко и в Археологическом музее.

Открывая конференцию, с приветственным словом к участникам и гостям обратился директор Института украиноведения им. И. Крипякевича НАН Украины, доктор исторических наук *Никола Литвин*. Он отметил хорошую традицию археологов региона встречаться во Львове на ежегодной научной конференции. Примечательно, что внимание к конференциям не угасает, а наоборот — возрастает с каждым годом. Это свидетельствует о ее высокой научной значимости и роли Львова как центра археологической науки.

Пленарное заседание, утренняя сессия которого проходила под председательствованием заведующего отделом археологии доктора исторических наук *Александра Ситника*, началось с его доклада «Конференции “Археология запада Украины” во Львове — десять лет подряд». Докладчик представил детальный анализ и статистику проведенных конференций, рассказал об истории становления, участии археологов региона в их проведении, представительстве ученых и научных институций, обширной тематике и проблематике представленных докладов. Популярность и научный уровень Львовской конференции растет, что свидетельствует о необходимости продолжения этой традиции.

Доклад *Н. Булык* (г. Львов) «Кароль Гадачек — первый профессор археологии Львовского университета (к 140-летию со дня рождения)» касался анализа жизненного пути и научного наследия известного археолога.

А. Яненко (г. Киев), проанализировав архив М. Я. Рудинского в докладе «Музеи Западной Украины в 1945–1946 гг. и перспективы археологических исследований региона» рассказала о передаче фондовых материалов, обмене литературой и археологическими материалами между музеями в послевоенный период.

Г. Поплевко (г. Санкт-Петербург) в докладе «Возможности экспериментально-трасологических исследований в применении к археологическому материалу», изучив орудия для обработки кожи, дерева, мяса, камня, кости

© Г. Н. Поплевко, Г. И. Панахид, П. Макарович

и керамики, показала возможность использования трасологической методики в археологии. Именно этот доклад отметил проф. Я. Махник *(Jan Machnik)* в последующей дискуссии, указав на необходимость и важность обращения в археологических исследованиях к методам смежных наук.

О. Лозовская (г. Санкт-Петербург) в докладе «Стратегия использования древесных ресурсов и реконструкция палеоландшафта в позднем мезолите Восточной Европы» проанализировала памятники, на которых зафиксированы деревянные артефакты. Большинство таких памятников локализовано на востоке Европы.

В докладе *В. Лозовского и А. Мазуркевича* (г. Санкт-Петербург) «Начало раннего неолита на территории Восточной Европы: палеогеографический и археологический аспекты» была охарактеризована территория Украины, Беларуси и европейской части России и проанализированы наработки археологов по локализации центров возникновения керамики.

Группа авторов из Кракова: *П. Ярош (P. Jarosz), Я. Махник (J. Machnik), М. Мазурек (M. Mazurek), А. Щепанек (A. Szczepanek)* рассказала о заселении лессовой Каньчуцкой возвышенности в докладе «Поздненеолитическое раннебронзовое поселение в Мироцине, повет Ярослав». Были представлены результаты раскопок нишевых погребений с инвентарем, которые вместе с артефактами со смежных поселений дают представление об особенностях заселения этого региона.

К. Туня (K. Tunia) и М. Пшибыла (M. Przybyła) (г. Краков) в докладе «Типы мегалитических погребений южно-восточной группы культуры воронковидных кубков» представили результаты археологических работ, которые дополняют представления о погребальных обрядах древних жителей.

Доклад *А. Резепкина* (г. Санкт-Петербург) «Культура воронковидных кубков на Северо-Западном Кавказе» касался погребений этой культуры, которые впервые были зафиксированы в 1970-х гг. и, из-за своих особенностей, не вписывались в уже известные там другие культуры.

Д. Круль (D. Kryl), Я. Рогозински (J. Rogoziński), М. Рыбицка (M. Rybicka), А. Шнайндровска (A. Sznajdrowska) (г. Жешув) в реферате «Проба датирования могильников и мегалитического погребения из прикарпатских лессов» проанализировали артефакты и их датирование с памятников Щитна 6, Сьвента 11 и Сколошув 7.

Вечерняя сессия пленарного заседания проходила под председательствованием *Д. Павлива*. Было заслушано 10 докладов.

Б. Гедига (B. Gediga) (г. Вроцлав) в докладе «Искусство ситул как источник знаний» представил особенности создания и украшения этого типа посуды, обнаруженного во время проведения раскопок на территории Польши. Информация *Н. Бандривского*, *Л. Крушельницкой и М. Билык* (г. Львов) «Бронзовые ситулы типа Гойдубесермень как индикатор голиградского происхождения верхнеднестровских сокровищ (по материалам из Неделиск и Заречья на Львовщине)» также касалась специфических особенностей ситул.

Об истории археологических исследований Борщивщины, богатстве найденных артефактов, историко-культурной привлекательности Бильче-Золотого и необходимости дальнейшего изучения пещерных памятников Тернопольской области рассказал *М. Сохацкий* (г. Борщив) в докладе «Археологические исследования в пещере Вертеба».

Е. Зайковский (г. Минск) представил реферат «Сакральная полоса Главного Европейского водораздела», в котором проиллюстрировал тезис о том, что значительная часть сакральных объектов Европы сосредоточена вдоль Главного водораздела.

О «Происхождении названия Бескидов в свете археологических данных» рассказал *М. Парчевски (M. Parczewski)* (г. Жешув). В сообщении автор проанализировал немецкую, албанскую и славянскую этимологии этого названия.

Доклад *Д. Павлива* и *В. Петегирыча* (г. Львов) «Существовали ли раннесредневековые города, не упомянутые в письменных источниках?» перешел в дискуссию, участники которой — *А. Ситник, М. Парчевски, Я. Махник* — отметили важность как письменных, так и археологических источников и их комплексного анализа в исследовании истории поселений, крепостей, городищ.

А. Скиба (г. Киев) в реферате «Матрицы для изготовления поясных деталей с городища Зимно на Волыни» представил металлические матрицы, которые использовались

для изготовления глиняных форм, в которых, в свою очередь, методом оттисков изготовлялись поясные детали.

Сообщение «Неолитические объекты с памятника 1С в Грудке, Грубешовского повета», которое подготовил *П. Завислак (P. Zawiślak)* (г. Жешув), было посвящено объектам культуры воронковидных сосудов и любельско-волынской культуры, зафиксированные во время раскопок, которые проводил *С. Ястржебски* (*S. Jastrzębski*) в 1983–1985 гг.

Доклад «Элементы украшения сарматской одежды XVII в. из костела Непорочного Зачатия» подготовила *А. Дрожковска (A. Drążkowska)* (г. Торунь). Автор обратила внимание, что именно из-за утонченности и высокой стоимости отделочных материалов (пуговиц, шнурков, петелек, гафтов, плетений, китиц и т. д.) польские национальные костюмы имели большую стоимость.

С. Рассадин (г. Минск) в реферате «Археологические открытия Лавришевского монастыря и его наидревнейшая история» представил историю исследования этого объекта и обнаруженные находки, большинство из которых датируются XVI–XVIII вв., а самые давние — мезолитом.

Утренняя сессия Секции «Первобытной археологии» началась с доклада польско-украинского авторского коллектива: *А. Богуцкий, А. Ситник* (г. Львов), *М. Ланчонт (M. Łanczont)* (г. Люблин), *Т. Мадейска (T. Madejska)* (г. Варшава), *Я. Кусяк (J. Kusiak)* (г. Люблин), *Е. Томенюк* (г. Львов) «Итоги стратиграфических и палеогеографических исследований палеолитических памятников тернопольской группы стоянок». Докладчики представили очередной этап междисциплинарных исследований, которые проводятся совместно польскими и украинскими учеными на Подолье уже много полевых сезонов.

А. Закосцельна (A. Zakościelna) (г. Люблин), *Т. Хмелевски (T. Cmielewski), М. Фурманек (M. Furmanek)* (г. Вроцлав) *и М. Мацкевич (M. Mackiewicz)* охарактеризировали «Фортификационные особенности поселений любельско-волынской культуры в Микулине 8 на Западноволынской возвышенности». Авторы представили результаты раскопок и выводы касательно локальных жилищно-бытовых аспектов человеческой деятельности.

Сообщение «Новые погребения подольской группы культуры шаровидных амфор» *В. Захарьева* (г. Хмельницкий) касалось итогов работ последних полевых сезонов.

М. Войтович (г. Львов) представила доклад «Культура шнуровой керамики на Западе Украины: памятники типа Кавско-Колпец», в котором проанализировала историю исследований, результаты раскопок других исследователей и особенности этого типа памятников.

В сообщении «Чем вызвано изменение трипольского орнаментирования на этапе В II?» *Т. Ткачук* (г. Галич) проиллюстрировал связь между климатическими изменениями в регионе и переходом от цветного орнаментирования керамики к монохромному.

Авторы: *П. Макарович (P. Makarowicz)* (г. Познань), *С. Лысенко* (г. Киев), *И. Кочкин (г. Ивано-Франковск)* в докладе «Предварительные результаты исследований курганного могильника комаровской культуры в Букивной над Днестром» представили первые итоги исследований, которые проводились несколько последних лет в Приднестровье.

Т. Слободян (г. Киев) в сообщении «Антропологический анализ кремации с кургана 2 могильника Букивна» представила результаты исследований останков женского скелета, обнаруженных во время раскопок 2012 г.

Вечерняя сессия Секции «Первобытной археологии», на которой председательствовали *В. Конопля и Я. Онищук,* началась с доклада *Г. Тарас (H. Taras)* (г. Люблин) «Новые находки оружия с восточными признаками эпохи бронзы в Центрально-Восточной Польше». Всего в этой части было заслушано 13 докладов.

В докладе *О. Войтюк* (г. Ровно) «Исследование строения милоградской культуры в селе Пересопница Ровненской области» были представлены итоги прошлогодних раскопок.

О большом черняховском поселении с мощной производственной базой и инфраструктурой рассказал *В. Войнаровский* (г. Львов) в реферате «Комаров на Днестре: мифы и реальность». Автор рассказал о проведенных археологических раскопках, охарактеризовал найденные артефакты и поды-

тожил доклад основательными выводами о Комарове как большом населенном пункте черняховской культуры с развитой инфраструктурой древнего поселка.

Ю. Башкатов (г. Киев) в сообщении «К вопросу о формировании славянского жилища (по материалам первой половины I тыс. н. э.)» охарактеризовал культурно-архитектурные особенности жилищных сооружений у славян.

З. Кришовска (Z. Krišovská) и Г. Лукач (G. Lukáč) (г. Левоча) представили «Находки костяных энеолитических идолов и украшений с Древеника на Спише (Словакия)». Докладчики представили результаты работ последних полевых сезонов, а также историю археологических исследований этого объекта.

После представления части докладов началась дискуссия, в которой приняли участие *А. Ситник, В. Войнаровский, П. Макарович*. Обсуждались вопросы культурной принадлежности находок и интерпретации памятников. Оживленное обсуждение вызвала проблема Комарова. Этой тематике были посвящены несколько следующих докладов: *О. Петраускас* (г. Киев), *Т. Мылян* (г. Львов) «К вопросу об этнокультурных составляющих жителей производственной фактории позднеримского времени Комаров»; *О. Петраускас, Д. Козак* (г. Киев), *Т. Мылян, О. Осаульчук* (г. Львов) «Комаров — производственная фактория варварской Европы позднеримского времени. К вопросу разработки программы изучения уникального археологического памятника» и сообщение *С. Диденко* (г. Киев) «Античный керамический импорт из исследований поселения позднеримского времени Комаров».

В. Прокопов (г. Львов) в сообщении «Находки костяных расчесок на памятниках первой половины I тыс. н. э. с территории Верхнего Приднестровья и Западного Побужья» проанализировал отличия способов изготовления и особенностей отделки расчесок у представителей разных культур — зубрицкой, липицкой, вельбарской, черняховской.

В докладе *Я. Онищука* (г. Львов) «Археологические исследования поселения римского времени Малинище I на границе Волыни и Подолии» были даны первые результаты новейших работ на памятнике и показаны обнаруженные находки — керамика высоцкой культуры, позднеримского времени, а также локализированные объекты — ямы, стены сооружений и т. д.

Об истории исследований известного памятника и о находках — костях человеческого скелета, керамике, костяной расческе, бронзовых пряжках — рассказал *А. Милашевский* (г. Киев) в реферате «К вопросу о хронологии Раковецкого могильника черняховской культуры».

В докладе *Б. Полит (B. Polit)* (г. Жешув) «Браслеты, сережки, перстни — металлические украшения, обнаруженные во время раскопок, проведенных в 2012 г. в Нейзац в Крыму» классифицировалась большая коллекция украшений, зафиксированных в сарматских погребениях.

Завершил заседание Секции «Первобытной археологии» *П. Менчински (P. Męczyński)* (г. Жешув) сообщением «Презентация исторических материалов, полученных в результате шести полевых исследовательских сезонов на памятнике № 7 в с. Добрынь Малый, гмина Залесье». Автор рассказал о многолетних исследованиях мезолитического поселения на площади 2 га, на котором были обнаружены более 600 артефактов каменного века.

Две сессии достоялись в ***Секции «Археология средневековья и нового времени»***, включавшей более 20 докладов многоплановой тематики. В этих докладах были представлены артефакты, обосновывались концепции и высказывались дискуссионные предположения касательно специфических особенностей отдельных культур и особенностей жизни людей в эпоху средневековья.

Значительная часть сообщений касалась результатов археологических работ, проведенных на территории Львовской области. Это, в частности, доклады львовских археологов *Р. Мыськи, Я. Погоральского* «Исследования городищ Дрогобычского Предгорья в 2012 г.» и этих же авторов в соавторстве с *В. Ляской* «Новооткрытое городище у деревни Фийна на Росточье»; *А. Гавинского* и *В. Опрыска* «История исследования археологического памятника возле села Потелич»; *И. Франкова* «История археологических исследований средневековых памятников Николаевского района».

Группа сообщений касалась результатов раскопок, проведенных на территории городов Галиции. Это, в частности, результа-

ты спасательных археологических работ во Львове: *Ю. Лукомский, О. Лазурко, М. Шницар* «Исследования на территории еврейского квартала во Львове»; *Н. Войтович, М. Войтович* «Спасательные археологические исследования на ул. Краковской, 6–12 в г. Львове в 2011 г.». Другие археологические объекты западной части Украины были представлены в докладах львовских исследователей: *Я. Кныш* «Мстиславово граффити в церкви Св. Пантелеймона в Галиче»; *О. Лазурко* «Локализация линии обороны Белза XIV–XVI вв.»; *Р. Берест* «Средневековые пещерные храмы Предкарпатья».

Рис. 1. 1–2 — материалы из пещеры Вертеба; *3* — вход в пещеру Вертеба.
Fig. 1. 1–2 — finds from Verteba cave; *3* — entrance to Verteba cave.

Несколько докладов касались результатов археологических работ, проведенных на Волыни: *В. Савицкий* (г. Луцк) «Новые находки на Волыни древнерусских крестиков с выемчатыми эмалями»; *Б. Прищепа* (г. Ровно) «Новые исследования средневековых сельских поселений в бассейне р. Горынь».

На Секции «Археология средневековья и нового времени» были произнесены доклады, которые представили результаты работ в других регионах Украины, а также на территории Беларуси и Польши. Это доклады украинских ученых: *М. Сергеевой* (г. Киев) «Об одном типе средневековых костяных пуговиц: происхождение, проблема производства, функциональное назначение»; *С. Пивоварова, В. Калиниченко* (г. Черновцы) «Поселения райковецкой культуры в Ридкивцах (археологические исследования 2010 г.)»; *А. Виноградской* (г. Киев) «Средневековый керамический комплекс с раскопок Лядовского монастыря»; *И. Прохненко* (г. Ужгород) «Проблема племенной атрибуции погребений кочевников X в. н. э. в Пшемыславе».

В сообщениях польских коллег был представлен широкий спектр исследований — от детальных анализов конкретного типа артефактов до широкомасштабных полевых работ. Так, группа рефератов была посвящена анализам керамических изделий и стекла: *М. Брошко (M. Broszko)* (г. Ярослав) «Геральдический кафель и кафель с религиозными мотивами с Ярослава»; *Д. Мазур (D. Mazur)* (г. Краков) «Коллекция печного кафеля, собранного во время археологических исследований на ул. Цемней в Кракове»; *Е. Наврот (E. Nawrot)* (г. Жешув) «Керамика с Мехоцина, повет Тарнобжег»; *С. Семяновска (S. Siemianowska)* (г. Вроцлав) «Находки раннесредневекового стекла русского происхождения с Вроцлав-Остров Тумски и Ополе-Острувек».

Результаты археологических работ на территории Беларуси представили археологи из Минска: *М. Плавински* «Новые раскопки курганного могильника Наури Мядзельского района Минской области»; *М. Климов* «Некоторые археологические свидетельства климатических изменений на территории севера Беларуси во второй половине XIII–XIV вв.»; *А. Башков* «Предварительные результаты исследований родового поместья Достоевских в 2012 г.».

Юбилейная Десятая конференция во Львове закончилась Полевой экскурсией на Тернопольщину в пещеру Вертеба (рис. 1). Исследования здесь начались в 1770-х гг. Первые письменные воспоминания о результатах археологических исследований этого объекта опубликованы в газете «Pszczółka Krakowska» («Краковская Пчелка») в 1820 г. В пещере Вертеба работали известные польские и украинские археологи: А. Киркор, А. Шнайдер, Л. Сапега, Г. Оссовски, В. Деметрикевич, Б. Януш, Я. Пастернак, О. Кандыба-Ольжич, И. Свешников, М. Сохацкий. Археологические материалы с Бильче-Золотого находятся в Музее неолита Средней Европы при Краковском (Ягеллонском) университете (Польша) и в музеях Украины. Пребывание в «Приднестровской Помпее», возможность осмотреть залы и лабиринты Вертебы, а также артефакты, которые хранятся в Борщевском краеведческом музее, произвели незабываемое впечатление на участников конференции.

Г. Н. Поплевко
Россия, Санкт-Петербург.
Институт истории
материальной культуры РАН
Г. И. Панахид
Украина, Львов.
Издательство «Лига Львов»
П. Макарович
Польша, Познань.
Институт праистории
университета им. Адама Мицкевича

ИСТОРИЯ НАУКИ

Планы Новгорода Великого начала XVIII в. из Собрания иностранных рукописей Петра I Библиотеки Академии наук

Н. Ю. Скрипинская[1]

«*...в древности русские смело говорили: кто может итти против Бога и Великаго Новгорода?*» — писал в конце XVII столетия путешественник Яков Рейтенфельс в «Сказании светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии» (*Рейтенфельс*, 1906. С. 200), справедливо замечая, что одной из лучших крепостей Московии считался Великий Новгород. Располагаясь на важном оборонительном рубеже: «*Псков и Новгород-Великий, а также и снег и непрерывные пустынные леса* — (защищают. — *Н. С.*) *от Шведов*» (Там же. С. 195).

К концу XVII в. оборонительная система Новгорода Великого состояла из трех линий обороны: детинца, или «Каменного города» (Новгород Великий... 1986), «города деревянного меньшого» (Там же. С. 176; Дополнения к актам... 1848. С. 160) на Софийской стороне и «деревянного города» («Большого земляного города») на Торговой и Софийской стороне (Новгород Великий... 1986).

Бастионная система Новгорода Великого в период до фортификационных преобразований Петра I была представлена Малым дерево-земляным городом на Софийской стороне. К концу XVII в. он состоял из рва, 7 бастионов («выводов» — Новинского, Спасского, Веденского, Воскресенского, Ростинского, Розважского и вывода около башни, «что на Кривом мосту»), деревянных башен (Спасская Новинская проезжая, башня «наугольная... к реке к Волхову», Новинская башня «6 уголная» на Новинском выводе, башня «глухая четвероугольная» на Спасском выводе, Веденская «глухая четвероугольная» башня на Веденском выводе, башня «четвероугольная с проезжими вороты» на прясле между Веденским и Воскресенским выводами, башня Воскресенская «глухая четыреугольная» на Воскресенском выводе, башня «Ростынская глухая девятиугольная» на Ростинском выводе, башня Никольская Розважская «четвероугольная с проезжими вороты», башня Розважская «наугольная четыреугольная к реки к Волхову») и деревянных стен (прясел), располагавшихся на выводах.

В современной историографии существует несколько позиций относительно проблемы наличия бастионной системы в допетровской Руси, в том числе и в Новгороде Великом. По мнению Кристофера Даффи, впервые бастионная система в России была воспроизведена в 1618 г. в Москве: «*Иностранные офицеры начали приезжать в большом количестве после первых Романовых, и в 1618 г. бастионная система была впервые воспроизведена в России, когда Земляной город в Москве был усилен лег-*

[1] Россия, 191186, Санкт-Петербург. Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел славяно-финской археологии.

ко узнаваемыми голландскими линиями. Некий “Юст Матсон”, известный тем, что должен был укрепить обширный земляной периметр Новгорода в современном стиле в 1632 г., и в том же году Ян Корнелиус ван Роденбург построил девятибастионную крепость в Ростове Великом» (*Duffy*, 1979. P. 174). Это относится и к вопросу времени возникновения бастионов в Новгороде Великом. Так, например, А. Глаголев, А. Г. Захаренко, в противовес мнению А. Л. Монгайта (*Монгайт*, 1952), полагали, что «*бастионная система в Новгороде... была сооружена в начале XVIII века, одновременно с созданием псковских и печорских земляных бастионов*» (*Захаренко*, 1959. С. 185; *Глаголев*, 1839. С. 88), что бастионы Новгорода до 1701 г., возможно, были лишь «*земляными укреплениями бастионного типа, но которые в XVII веке были уже разрушены*» (*Захаренко*, 1959. С. 185). Однако необходимо заметить, что в фортификационной науке существует точное определение понятияй «бастион» и «бастионная система»: под бастионом (с итал. «bastionato») понимается всякое выступающее строение. Это пятиугольное укрепление, представляющее собой выступ в углах крепостной ограды, позволяет держать под обстрелом пространство вдоль крепостных стен и впереди них или — «пятиугольная постройка на изломах стены» (*Шперк*, 1940), что соответствует той системе обороны Малого Земляного города, которая подробно описана в описях Новгорода XVII в. и которую можно наблюдать на ряде планов этого же времени. Обстоятельством, на которое указывают и А. Г. Захаренко, и А. Л. Монгайт, является то, что система земляных бастионных укреплений («выводов») была дополнена деревянными конструкциями поверх них. В связи с этим несомненно верным является замечание А. Л. Монгайта: «*сама идея бастионов становится бессмысленной, если они нагружены высокими деревянными башнями и стенами. Бастион должен был служить удобной площадкой для активной артиллерийской обороны, и загромождавшие его деревянные постройки по существу вредны. Они появились в результате позднейшего искажения идеи бастионов*» (*Монгайт*, 1952. С. 47).

Существует ряд изображений конца XVII — начала XVIII в. системы обороны Новгорода Великого, всей или отдельных ее элементов. Часть из них широко известна и опубликована с обширным источниковедческим анализом и оценкой их достоверности: план Николо-Разважского монастыря и его окрестностей 1695 г. (*Греков*, 1926; *Монгайт*, 1952. С. 43; *Кузьмина*, *Филиппова*, 1997; *Янин*, 1999. С. 39–40), изображение на кивоте Знаменской иконы не ранее 1700 г. (по В. Л. Янину) (*Монгайт*, 1952. С. 37; *Кузьмина*, *Филиппова*, 1997; *Янин*, 1999. С. 40–43), чертеж Детинца и Малого земляного города Новгорода 1701 г., озаглавленный «Великой Новогородской каменой город 1701 г.» (РГАДА, Архив МИД, Картогр. отд., Карты Новгородской губ., № 7; *Кузьмина*, *Филиппова*, 1997; *Янин,* 1999. С. 44–47), Флоро-Лаврское изображение первых двух десятилетий XVIII в. (по В. Л. Янину) (*Гусев*, 1900. С. 16; *Кузьмина*, *Филиппова*, 1997; *Янин*, 1999. С. 48), три чертежа из Рукописного отделения БАН из так называемого Собрания иностранных рукописей Петра I (*Янин*, 1999. С. 48; НИОР БАН, F. 266, т. 2, л. 4, 5; т. 3, л. 31, Чертеж № 156), план постройки бастионов в Новгороде в 1701 г. (РГВИА, ф. 349, оп. 20, д. 6480; *Монгайт*, 1952. С. 94)[2].

Но существуют еще два неизвестных ранее изображения оборонительной системы Новгорода Великого, хранящиеся в Рукописном отделе БАН, в Собрании иностранных рукописей Петра I. Это «План Новгорода на берегу р. Волхова» (НИОР БАН, F. 266, т. 3, л. 32, Чертеж № 157) и «План Новгородской крепости на берегу р. Волхова» (Там же. л. 30, Чертеж № 155). Эти два документа, входившие в состав Собрания Петра I, как и другие фортификационные чертежи и гравюры русских и иностранных крепостей (с обозначениями и надписями на русском или на иностранных языках), архитектурные чертежи гражданских зданий и других объектов, географические карты первоначально были пе-

[2] В. Л. Янин, ссылаясь на этот план, находящийся в РГВИА (РГВИА, ф. 349, оп. 20, д. 6480), опубликованный А. Л. Монгайтом, в своей публикации 1999 г. помещает под этим названием изображение иного плана, ранее неопубликованное — чертеж 1701 г. из Собрания чертежей Петра I, хранящийся в НИОР БАН (НИОР БАН. F. 266, т. 3, л. 31, чертеж № 156). Таким образом, ссылаясь на один ранее опубликованный план, помещает изображение другого, неопубликованного. Очевидна ошибка.

реданы Академии наук в 1728–29 гг. Многие из этих ценных документов датированы в основном концом XVII — XVIII в. Однако большая часть данных рукописных изображений не только не имеет точной датировки, но и ни аннотации, ни сведений, ни характеристики того, что именно за объект изображен. Несомненно, они нуждаются в детальном источниковедческом анализе. «*В середине XVIII в. эти планы и чертежи с некоторыми картами были переплетены в несколько альбомов одинакового размера с однотипными картонными переплетами, оклеенными желтой кожей. На корешках переплетов были вытиснены золотом орнамент и надписи на немецком языке. Вследствие этих надписей и ряда чертежей с текстом на иностранных языках альбомы с чертежами Собрания Петра I были включены в XIX в. в состав Собрания иностранных рукописей Библиотеки Академии Наук без указания на прежнюю принадлежность чертежей, а некоторые альбомы были затеряны в общих книжных фондах Библиотеки*[3]» *(Исторический очерк... 1961. С. 250). В настоящее время документы определены как чертежи Собрания иностранных рукописей Петра I, распределены в восемь альбомов и хранятся в Рукописном отделе БАН.*

Чертеж, обозначенный как «План Новгорода на берегу р. Волхова» (НИОР БАН, F. 266, т. 3, л. 32, Чертеж № 157) (рис. 1), не закончен и не имеет никаких обозначений и даты. На нем изображена система обороны Новгорода Великого, представленная Детинцем («Каменным городом») и многочастной системой защиты Малого земляного города. «В красках... Масштаб в саженях. 31 × 40,5. С оборота листа просвечивают надписи: “Новгороцкой”; “Plan de Novogorod”; “Dieses empfange den 31 January/ C.S.” и условный знак “CB. 4P”» (Исторический очерк... 1961. С. 73).

Этот план имеет достаточно много сходных черт с «Планом Новгородской крепости на берегу р. Волхова» (НИОР БАН, F. 266, т. 3, л. 30, чертеж № 155). На нем также внутри Детинца, первой фортификационной линии обороны, обозначены различные постройки, жилые кварталы, церкви, улицы, мост через Волхов. Внутри Детинца также имеются два дополнительных огороженных стенами с башнями участка (Воеводский и Владычный дворы). Внутри одного из них (Воеводский двор) обозначен сад (на Чертеже № 155 сад обозначен внутри обоих огороженных участ-

[3] Имеется ввиду Библиотека РАН.

Рис. 1. «План Новгорода на берегу р. Волхова» (НИОР БАН, F. 266, Т. 3, Л. 32, чертеж № 157).
Fig. 1. «Plan of Novgorod on the bank of the Volkhov River» (НИОР БАН. F. 266, Vol. 3, Sheet 32, Drawing № 157).

ков Детинца). На этом незаконченном плане Детинец, так же как и на чертеже № 155, имеет 10 квадратных в плане башен (три из которых обозначены как проезжие с мостами через ров и один через Волхов) и две круглых (Митрополичья и Федоровская), обозначенных схематически.

Однако бастионная система Малого земляного города, обозначенная на этом плане, отличается от той, которая спроектирована на чертеже № 155. Во-первых, она не закончена, что видно на самом чертеже (в правой его части намечены контуры планируемых равелинов или, возможно, других дополнительных средств защиты), во-вторых, количество бастионов не семь, как на чертеже № 155, а шесть. На этом плане бастионы имеют орильоны. Система выездов проектировалась по старой схеме XVII в., количество выездов совпадает на обоих чертежах — четыре проезда с тремя мостами через ров. Около Розважского бастиона намечены контуры дополнительных бастионных укреплений, очевидно, горнверка (как на чертеже № 156), которые, видимо, планировалось построить здесь. Бастионы, так же как и на плане № 156 «Plan et profile d'une nouveau Fortificat du Novogorod le Grand, dedié à Sa Majesté Tzarrienne Anno 1701», широкие, имеют орильоны, фланки, перпендикулярные куртине, что говорит об использовании идей строительства французских бастионов или «простой системы» С. Ле Претр де Вобана.

На чертеже, обозначенном как «План Новгородской крепости на берегу р. Волхова» (НИОР БАН, F. 266, т. 3, л. 30, чертеж № 155) (рис. 2), изображена система обороны Новгорода Великого, представленная Детинцем («Каменным городом») и многочастной системой защиты Малого Земляного города. Чертеж сделан при помощи туши и киновари (пером). На плане внизу листа указан масштаб в саженях, приведена масштабная линейка. Размер плана: 22,5 × 30,5. Размер листа: 44,5 × 61,5 (Исторический очерк... 1961. С. 99–100). На обороте листа помещена надпись: «Чертежи Новгороцкой фортификации».

На плане внутри Детинца, первой фортификационной линии обороны, обозначены различные постройки, схематически изображены 10 башен, квадратных в плане (три из которых обозначены как проезжие с мостами через ров и один через Волхов) и две башни (Митрополичья и Федоровская), круглые в плане, одна из которых (Митрополичья) широко выдается вперед. Это соответствовало

Рис. 2. «План Новгородской крепости на берегу р. Волхова» (НИОР БАН. F. 266, Vol. 3, Sheet 30, Чертеж № 155).
Fig. 2. «Plan of Novgorod on the bank of the Volkhov River» (НИОР БАН. F. 266, Vol. 3, Sheet. 30, Drawing № 155).

инженерии огнестрельного фортификационного периода, когда только появлялась и начинала широко использоваться артиллерия в крепостной обороне и атаке, в соответствии с чем узлы обороны закономерно выдвигались вперед в поле для наилучшего фланкирования. Территория Детинца разделена на три части, две из них — участки крепостного пространства, огороженные дополнительно. В юго-западной части укреплен Воеводский двор, построенный в 1695 г. В северо-западной части — Владычный двор. На стене, расположенной в юго-западной части Детинца, имеется угловая круглая башня. На стене, огораживающей Владычный двор, также помещена круглая башня, но не на углу, а прямо в центре. Малый земляной город Софийской стороны на чертеже имеет вид многочастной бастионной системы, состоящей из рва, семи бастионов с показанными на них амбразурами для пушек, пяти равелинов, четырех проездов с тремя мостами через ров.

Вид бастионной системы, спроектированный хотя и довольно схематично, на обоих чертежах примерно совпадает. Очевидно, автор (или авторы) этих проектов опирались на так называемую простую систему французского архитектора С. Ле Претр де Вобана (*Вобан,* 1724; 1744), отличительной чертой которой являлось наличие орильонов и отказ от ярусных фланков, которые активно использовались другим французским фортификатором Б.-Ф. Пагана. Им фланки проектировались прямолинейно или вогнуто. Фланки новгородских бастионов на обоих чертежах не являются ярусными, «*длина линии полигона, на которой строится фронт, — от 315 до 420 м; перпендикуляр вниз — для построения фронта — имеет длину от 1/6 до 1/8 длины линии полигона... Равелин имеет большой выпуск наружу: фасы его направлены в точки, находящиеся в расстоянии 10 м от вершин плечных углов... она действительно проста, по-тогдашнему была дешева...*» (*Яковлев*, 1931.

Рис. 3. «Plan et profile d'une nouveau Fortificat du Novogorod le Grand, dedié à Sa Majesté Tzarrienne Anno 1701» (НИОР БАН, F. 266, T. 3, Л. 31, Чертеж № 156).
Fig. 3. «Plan et profile d'une nouveau Fortificat du Novogorod le Grand, dedié à Sa Majesté Tzarrienne Anno 1701» (НИОР БАН, F. 266, Vol. 3, Sheet 31, Drawing № 156).

С. 64–65). Однако не стоит переоценивать роль европейских фортификационных школ, поскольку при проектировании того или иного оборонного сооружения главным являлось адаптирование проекта к конкретной местности с наименьшей затратой времени и средств: «*С другой стороны, подчиняясь обстоятельствам, при которых производилось в его (Петра I. — Н. С.) царствование сооружение большей части крепостей, а именно необходимости быстраго исполнения с наименьшими издержками, он должен был придерживаться тех способов укрепления, которыя, без вреда для сооружаемого пункта, могли скорее других удовлетворить этим условиям. Из этого не следует однакоже заключать, чтобы все проекты по инженерным сооружениям принадлежали собственно Петру... они большею частью составлялись иностранными инженерами; но проходя, так сказать, чрез ценсуру царственнаго инженера, приобретали тот общий характер, который, при всем разнообразии крепостных сооружений, явственно на них отпечатлился*» (*Ласковский*, 1861. С. 221). И подчас определить мотив выбора той или иной фортификационной системы сложно, так как «*всего вернее, кажется, предположить, что это разнообразие происходило преимущественно от различной национальности инженеров*» (Там же. С. 222).

Очевидно, что эти два рассмотренных выше чертежа относятся к периоду до реконструктивных мероприятий Петра I в Новгороде Великом начала XVIII в. и отражают крепостную планировку более раннего периода. По мнению В. Л. Янина, опубликованные им два чертежа из Т. № 2 Собрания рукописей Петра I учитывают «ситуацию работ, произведенных в 1701 г.» (*Янин*, 1999. С. 48), содержат «*непринятые предложения по созданию бастионной системы по всей линии Окольного города на Софийской и Торговой сторонах*» и рекомендации по исправлению конфигурации Новинского бастиона (Там же. С. 48). Они отличаются по своей крепостной структуре от рассмотренных выше чертежей из Т. № 3 (чертежи № 155 и 157), которые, вероятно, также являются проектными и нереализованными, о чем речь пойдет ниже.

В отличие от А. Л. Монгайта и И. И. Кушнир, считавших, что Малый земляной город был сильно реконструирован в 1701 г., о чем свидетельствует опубликованный А. Л. Монгайтом «План постройки бастионов в Новгороде» 1701 г. (*Монгайт*, 1952. С. 94; *Кушнир*, 1974. С. 60), В. Л. Янин считал, что этот чертеж также не был до конца реализован, полагая, что «*создание дополнительных поясов укреплений... не было воплощено в жизнь*» (*Янин*, 1999. С. 48). План предусматривал постройку не только девяти бастионов, но и пяти равелинов (А. Л. Монгайт ошибочно называет их также бастионами, которые «в виде лучей» выступали «на значительную длину от кремля» — *Монгайт,* 1952. С. 93).

Кроме приведенных выше документов существует еще один чертеж «План и профиль новой фортификации Великого Новгорода» 1701 г. («Plan et profile d'une nouveau Fortificat du Novogorod le Grand, dedié à Sa Majesté Tzarrienne Anno 1701») из Собрания рукописей Петра I (НИОР БАН, F. 266, т. 3, л. 31, чертеж № 156 — рис. 3), опубликованный В. Л. Яниным (*Янин*, 1999), но без пояснения к чертежу[4].

Чертеж исполнен пером и кистью коричневой и серой красками. Масштаб не указан, «33 × 47,5. На обороте листа следующие надписи: "Нову городу", "Новгороцкой", "Plan de Novogorod et project de Fortification", "Dieses empfange den 31 January 1736. C.S."; две последние надписи написаны во второй четверти XVIII в., одновременно с условным знаком "СВ 4.О"» (Исторический очерк... 1961. С. 164).

Этот план несколько отличается от двух вышеописанных из Собрания иностранных рукописей Петра I (НИОР БАН, F. 266, т. 3, л. 32, чертеж № 157; л. 30, чертеж № 155). Прежде всего, в отличие от них, он имеет точную дату, обозначенную в левом верхнем углу, — 1701 г. Общие элементы представлены в основном планировкой внутри Детинца и общей системой обороны, состоящей из цитадели (Детинца), первой фортификационной линии обо-

[4] В. Л. Янин, ссылаясь на этот план, находящийся в НИОР БАН (НИОР БАН, F. 266, т. 3, л. 31, чертеж № 156), опубликовав его изображение в иллюстрациях своей книги (*Янин*, 1999), дает ссылку под ним на план, опубликованный А. Л. Монгайтом (*Монгайт*, 1952), хранящийся в РГВИА (РГВИА, ф. 349, оп. 20, д. 6480). Таким образом, ссылаясь на один ранее опубликованный план, помещает изображение другого, не опубликованного. Очевидна ошибка.

роны и преобразованного Малого Земляного города. Схожие черты с двумя предыдущими планами планировки Детинца проявляются в регулярной застройке территории, обозначении различных построек, церквей, улиц, моста через Волхов. Внутри него также имеются два дополнительных укрепленных стенами с башнями участка, Воеводский и Владычный дворы, с обозначением внутри них, кроме всего прочего, еще и садов (на «Плане Новгородской крепости на берегу р. Волхова» сады также обозначены внутри обоих огороженных участков Детинца — НИОР БАН, F. 266, т. 3, л. 30, чертеж № 155). На этом плане Детинец, так же как и на двух предыдущих, имеет 10 квадратных в плане башен, одна из которых является проезжей через Волхов, и две круглых (Федоровская и Митрополичья), обозначенных схематически.

Несколько иначе на этом плане спроектирован бастионный фронт. Крепость имеет ров, шесть полноценных бастионов, пять равелинов (три из них имеют внутри редюиты), горнверк. Необходимо обратить внимание на фланки бастионов: на данном плане они с орильонами, обозначены как вогнутые, что являлось оригинальной особенностью простой системы С. Ле Претр де Вобана: «*они не перпендикулярны к куртине, а идут по хордам дуг, описанных радиусом, равным расстоянию между вершинами плечных углов*» (*Яковлев*, 1931. С. 64). Равелины тоже достойны особого внимания: три из них имеют редюиты, к которым подходят мосты через ров от куртины. Наличие редюитов свидетельствует не просто о системе С. Ле Претр де Вобана, а об использовании одной из его «усиленных систем», которые «*появились во вторую половину его жизни, когда Франции вместо овладения чужими крепостями пришлось оборонять свои* [крепости. — *Н. С.*]» (Там же, 1931. С. 65–66). В усиленной системе «*равелин ... обширнее, чем в простой системе, и внутри него расположен редюит в виде каменной стенки такого же люнетообразного начертания в плане, как и сам равелин*» (Там же). Кроме того, на плане показан бастионный профиль, который состоит здесь из валганга, рампара, парапета, эскарпа, рва, кувета (предусматривался французской системой С. Ле Претр де Вобана — *Вобан*, 1724. С. 15), контрэскарпа, прикрытого пути, гласиса. Помимо всего прочего, необходимо обратить внимание на то, что на плане изображен горнверк, изобретение голландской фортификационной школы: «*кроме пониженного вала применялась масса так называемых “наружных» вспомогательных построек, впервые появляющихся в Голландии и изобретенных итальянцем Марки. Так, впереди бастионного фронта с равелином устраивался горнверк (от слова Hornwerk — рогатая постройка) ... или кронверк (от слова kronwerk увенчивающая постройка) ... Иногда устраивались двойные, даже тройные горнверки... Дело доходило до того, что нидерландцы располагали до семи наружных вспомогательных построек, одна перед другой*» (*Яковлев*, 1931. С. 48). Однако голландское изобретение впоследствии активно применялось в других странах — например, его также использовал и С. Ле Претр де Вобан (чертежи горнверков содержатся в его трактате «Прямый способ укрепления городов»). Таким образом, наличие горнверка на плане не противоречит той мысли, что автор этого проекта руководствовался одной из «усиленных систем» С. Ле Претр де Вобана.

При сравнении системы организации проездов, рассматриваемых в статье планов, привлекает внимание схожее местоположение проездов, соответствующее старой планировке выездов из Малого Земляного города, но их разная организация. Первое различие заключается в том, что на плане 1701 г. выезды ведут от куртин к равелинам, а из равелинов — за пределы крепости, за исключением того, что из третьего равелина выход не показан. В отличие от двух предыдущих рассматриваемых чертежей, выходы из Детинца здесь не соединены с проездами из Малого Земляного города и отсутствует проезд из башни, «что на Кривом мосту». На плане 1701 г. изображены четыре проезда из крепости: три из Малого Земляного города (Новинский у Новинского вывода, проезд между Веденским и Воскресенским выводами и Никольский Розважзский проезд у Розважского вывода) и один — из Детинца (Пречистенская проезжая башня на мосту через Волхов).

На двух выше рассмотренных чертежах из Собрания Петра I обозначено пять проездов. Три проезда из Детинца через Спасскую, Воскресенскую, Пречистенскую башни. Спасская и Воскресенская башни соответствовали проезду у Новинского вывода и проезду

между Введенским и Воскресенским выводами (ближе ко второму). Кроме того, два проезда вели из Малого Земляного города. Один располагался около Розважского вывода — Никольский Розважзский проезд, а второй — через башню, «что на Кривом мосту».

Таким образом, рассматриваемые нами примеры отличаются в планировке проездов и их количестве. На двух недатированных планах — четыре проезда из Малого Земляного города, на плане 1701 г. — три. Их схожее местоположение соответствует старой планировке выездов из Малого Земляного города до петровской реорганизации, упоминание о которой содержится в описях конца XVII в. В описи 1675 г. подробно рассказывается, что «*на Софейской стороне город деревянной меньшой, рубленой по земляному валу от Каменного города*» (Новгород Великий... 1986. С. 176) и пять его проездов: «*Башня Спаская Новинская четыреугольная // с проезжими вороты (этот проезд не показан ни на одном из рассматриваемых трех петровских чертежей) ... Башня Новинская 6 уголная с проезжими вороты... А от Веденского выводу до Воскресенского выводу городовой стены 93 сажени... А в той стене башня четвероугольная с проезжими вороты, в длину и поперег три сажени без четверти... Башня Никольская Розважская четвероугольная с проезжими вороты... Башня на Кривом мосту четвероугольная с проезжими вороты ...*» (Там же. С. 176–181).

Изображение на плане 1701 г. схоже с бастионной структурой крепостей С. Ле Претр де Вобана Mont Dauphin и Navarrenx (Аквитания), которые можно привести в качестве аналогии. Они также имеют вогнутые фланки, орильоны, а крепость Mont Dauphin — еще и равелины с редюитами, к которым подходят выезды из крепости от куртины. Что опять-таки говорит о тяготении автора «Плана и профиля новой фортификации Великого Новгорода» 1701 г. к использованию элементов французской системы С. Ле Претр де Вобана, возможно, одной из его «усиленных систем».

Бастионная структура двух вышеупомянутых планов без даты (чертеж № 155 и 157) имеет схожие черты с планом 1611 г., на сегодняшний день — первым известным изображением бастионной системы Малого земляного города Новгорода. План, хранящийся в Королевском Военном архиве в Стокгольме, впервые был введен в научный оборот на XV археологическом съезде в Новгороде в 1911 г. профессором Т. Арне (*Арне*, 1914). Он вместе с его «облегченной копией» (или его черновиком) с экспликацией на французском языке, хранящейся в Упсале и впервые обнаруженной О. Л. Вайнштейном, входил в отчет Якоба Делагарди о взятии Новгорода. Среди общих черта этих планов можно выделить систему организации проездов, местоположение и плановую структуру бастионов. Проезды располагались в одних и тех же местах, соответствующих старой планировке проездов крепости, до петровской переорганизации. За исключением одного проезда, который на плане 1611 г. показан проходящим через Розважский бастион, а на двух других упомянутых планах — через куртину между Розважским и Ростинским бастионами. Количество и местоположение бастионов также совпадает, за исключением незаконченного плана № 157, на котором не показано укрепление, выведенное к реке Волхову. По мнению Н. Н. Кузьминой и Л. А. Филипповой, чертеж 1611 г. имеет более раннюю датировку и относится как раз ко времени строительства укреплений на Софийской стороне в 1582–1584 гг., а в 1611 г. он, вероятно, был использован как подоснова для шведского плана в отчете Делагарди. Убедительно обосновывая свою точку зрения, авторы приводят несоответствия и противоречия некоторых частей изображения с описью Новгорода 1626 г.: «*наблюдается точное совпадение одних участков и расхождение других... на Софийской стороне показаны оборонительные сооружения 1582–1584 гг., а на Торговой — более раннего времени. Судя по летописным данным, это, очевидно, крепостные сооружения 1537 г., когда после большого пожара 1508 г. были восстановлены фортификации Торговой стороны*» (*Кузьмина*, *Филиппова*, 1988. С. 469; 1997). Совершенно очевидно, что на плане большое внимание уделено именно фортификационным сооружениям — они показаны подробно, в отличие, например, от топографии улиц Софийской стороны, которые лишь условно отображают реальную ситуацию, «*правильно обозначены лишь дороги, на которых показаны входящие в город шведские войска*» (Там же. С. 471).

Таким образом, рассматриваемые планы из Собрания иностранных рукописей Петра I (чертежи № 155 и 157), судя по организации проездов в крепость, являются **проектными чертежами** и **фиксируют ситуацию, которая имела место до 1701 г.**, до перепланировки системы проездов из Малого Земляного города, что можно наблюдать на других планах XVIII в. («Великий Новогородской каменой город 1701 г.», «Nowegrod mit der Situation», План новгородского кремля первой половины XVIII в., «Новъградъ съ ситуациею», План постройки бастионов в Новгороде в 1701 г. и т. п. (*Янин*, 1999; *Монгайт*, 1952. С. 94). А исходя из их принципиального сходства с чертежом 1611 г., восходящего к более раннему времени, они имеют в качестве своей подосновы **систему выводов, которая была создана еще в конце XVI в.**, ее планировали дополнить укреплениями в виде равелинов, которые на чертеже № 155 присутствуют полностью, а на чертеже № 157 не закончены и лишь слегка нанесены. Бастионная система, возводившаяся в Новгороде Великом при Петре I, строилась на основе старой системы выводов, которая была воздвигнута в Новгороде столетием ранее, дополненная и слегка усовершенствованная, о чем, в частности, и свидетельствуют проектные планы из собрания рукописей Петра I.

Акцент в этих документах делался именно на бастионной системе, так как изображение Детинца на них практически идентично и достаточно схематично, а планировка бастионного фронта подробна, неоднозначна, с различными вариациями и предложениями. Кроме того, на чертеже 1701 г. для уточнения характера бастионного фронта крепости приведен еще и его профиль с некоторыми неотъемлемыми важными деталями.

В самом начале XVIII в. по инициативе Петра I укрепления Малого Земляного города на Софийской стороне перестраивают, о чем свидетельствует ряд документов 1701 г. (это совсем не означает, что бастионы там возводятся заново, как полагал А. Г. Захаренко — *Захаренко*, 1959). Так, в письме к Тихону Никитичу Стрешневу, «господину судье воинских дел», (январь 1701 г.) от имени Петра I сообщается: «*Естли какого наступления от нас не будет, Новгород, также и Псков зачатое доделать и, что приказано во Пскове, еще вновь сделать, чего в прошлом лете не успели...*» (Письма и бумаги... 1887. С. 422). В письме Петра I к Федору Матвеевичу Апраксину (1701, февраль-март) также упоминаются крепостные работы в Новгороде «*...и сие писмо мое ради верности покажи, и изволь о сем показать радение, чтоб зделать как о крепости, так и о стругах*» (Там же. С. 440). Из донесения Я. В. Брюса: «*...Доношу тебе, милостивому государю, что по приказу, государь, твоему для изготовления всяких припасов к строению городовому указы послал я во все городы Новгородцкого розряду...*» (осень 1701 г.) (Там же. С. 876), а в донесении от 6 декабря 1701 г. говорится, что «*...Городовое дело, государь, столь далеко зделано, что огорожено кругом, а куртины и по них бруствер за морозами не успели дерном выложить. Место, которое было не сделано у реки, от болверка, который ты, государь, изволил делать, загорожено турами...*» (Там же. С. 878). В записках современника Ивана Афанасьевича Желябужского сообщается о конкретных мероприятиях, которые проводились в Новгороде и в Пскове в 1701 г.: «*делали, рвы копали и церкви ломали, полисады ставили с бойницами, а около полиса докладывали с обеих сторон дерном; также и раскаты делали, а кругом окладывали дерном; ... а башни насыпали землею, а сверху дерн клали; работа была насыпная; а верхи с башен деревянные и с города кровлю деревянную всю сломали*» (Записки... 1841. С. 81). О крепостных работах в Новгороде на Софийской стороне, о размерах новых шести раскатов подробная информация содержится и в Описи Я. Брюса от 24 декабря 1701 г. Там же генерал-майор и губернатор Новгорода Великого сообщает, что работу не над всеми объектами удалось завершить: «*Построено вновь земляного валу и с роскаты, толко те валы и роскаты не доделаны... Около того вышеписанного новопостроенного валу и роскатов поставлено полисаду 817 сажен с полусаженью и з двумя вершки*» (Новгород Великий... 1986. С. 281–282).

Очевидно, именно тогда бастионы XVII в. на Софийской стороне были переустроены, территория, ими занимаемая, расширена, о чем и свидетельствуют планы Новгорода начала XVIII в.

Словарь используемых фортификационных терминов

Бастион (с итал. «bastionato») — всякое выступающее строение. Пятиугольное укрепление, представляющее собой выступ в углах крепостной ограды. Позволяет держать под обстрелом пространство вдоль крепостных стен и впереди них.

Бруствер — вал из дерева, земли или камня, имеющий в разрезе форму трапеции. Служит защитой обороняющихся против обстрела.

Валганг — «*часть крепостного вала, прикрытая спереди бруствером и предназначенная главным образом для размещения крепостных орудий*» (*Шперк*, 1946).

Гласис — грудная оборона прикрытого пути.

Горнверк — роговой шанец.

Контрэскарп — «*...есть склонение или скат рва, от наполнои стороны, хотя под сим имянем значится и покрытая дорога с ее парапетом*» (*Вобан*, 1724. С. 12).

Крепостные верки (раскаты) — специальный деревянный помост, пристраиваемый к крепостной стене для установки пушек.

Кувет — «*...есть малый ровик, широтою в 4 туаза (около 7 м. — Н. С.), который копается обыкновенно посреди болшаго сухаго рва, до тех мест, пока до воды докопаются; оный ровик пригоден для помешательства подкопов осажателем*» (Там же. С. 15).

Куртина — фрагмент крепостной стены или вала, соединяющий два бастиона. «*...есть самая должашиая линия прямая, которая кругом рампара делается, проведенная от фланка к фланку с парапетом, вышиною 5 футов, позади которого солдаты становятся, для стреляния на покрытую дорогу и в ров*» (Там же. С. 16) или это «*часть стены или рампара, которая расположена между фланками двух бастионов...*» (Там же. С. 16).

Орильон (от фр. oreillon — ушко) — фортификационное сооружение, закругленный выступ, удлиняющий фас бастиона. Основным назначением орильона являлась возможность вести огонь вдоль фланка бастиона.

Парапет — «*(итал. parapetto — перила) — защитная стенка в крепостях, игравшая роль бруствера*» (*Шперк*, 1946).

Полисад (частокол) — «*суть стоячия бревна, вышиною 5, до 7 футов, скованныя вверху железом, и двумя или тремя остреями, которыя ставят пред крепостями, куртинами, рампарами и гласисами, иные же и не окованы железом*» (*Вобан*, 1724. С. 20).

Потерна — «*суть потаиные вороты, которыя делаются внизу куртины и ориллиона, для потайной выласки*» (Там же. С. 23).

Прикрытый путь — контрэскарп, покатость и покрытие пути перед валом.

Равелин — «*есть малое троеугольное строение без фланков, имеющее токмо два фаса, и делается оное обыкновенно пред куртиною, где бывает... угол наружу выходящий рва*» (Там же. С. 23).

Фасы — «чело», «*или лицо есть часть бастиона, которая болие всех выдалася в поле, и всегда она первая есть в атаке*» (Там же. С. 30).

Фашины — «*...суть мелкие прутья связанные вместе по середине, и по концам шириною 2 футов, а длиною 4 футов, бросают их в ров, когда в нем воды много обретается, да бы свободнее можно до стены проити*» (Там же. С. 30).

Фланк (боковой участок) — «*...или бок, есть часть которая совокупляет куртину с фасом бастиона, имеет свою дефензию*» (Там же. С. 31).

Фортификация (от фр. «fortifier» — усиливать, укреплять) — наука об укреплении.

Цитадель — замок или костел, «*есть крепость о четырех, 5, до 6 бастионов, которая делается, в пристоином месте города, как для обороны его от неприятеля, так и для содержания его в послушности, чтоб он неприятелю не здался ...*» (Там же. С. 33).

Эскарп или контрэскарп — земляной откос рва, «*есть склонение или скат, которыя делается пред рвом у стены, для лутшаго поддержания*» (Там же. С. 22)

Арне, 1914 — *Арне Т. И.* Новгород во время Шведскаго владычества по Балтийскому Поморью (1611–117 гг.) // Труды Пятнадцатого археологического съезда в Новгороде 1911 года. М., 1914. Т. 1.

Вобан, 1724 — *Вобан Себастьян Ле Претр де*. Прямый способ укрепления городов. СПб., 1724.

Вобан, 1744 — *Вобан Себастьян Ле Претр де*. Книга о атаке и обороне крепостей. СПб., 1744.

Глаголев, 1839 — *Глаголев А.* Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников // Материалы для статистики Рос-

сийской Империи, издаваемые, с высочайшаго соизволения, при статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб., 1839.

Греков, 1926 — *Греков Б.Д.* План части Новгорода конца XVII века. Л., 1926.

Гусев, 1900 — *Гусев П.Л.* Новгород XVI века по изображению на Хутынской иконе: «Видение пономаря Тарасия» // Вестник археологии и истории, издаваемый С.-Петербургским археологическим институтом. СПб., 1900. Вып. XIII.

Дополнения к актам...,1848 — Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя Археографическою комиссиею. СПб., 1848. Т. 3.

Записки..., 1841 — Записки Ивана Афанасьевича Желябужскаго // Записки русских людей: События времен Петра Великаго. СПб., 1841.

Захаренко, 1959 — *Захаренко А.Г.* Создание оборонительных укреплений вокруг каменных стен Новгорода, Пскова и Печорского монастыря в начале XVIII века // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9.

Исторический очерк... 1961 — Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1961. Вып. 3: Карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры собрания Петра I.

Кузьмина, *Филиппова*, 1988 — *Кузьмина Н.Н., Филиппова Л.А.* К вопросу о датировке основы шведского плана осады Новгорода 1611 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник, 1987. М., 1988.

Кузьмина, *Филиппова*, 1997 — *Кузьмина Н.Н., Филиппова Л.А.* Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб., 1997.

Кушнир, 1972 — *Кушнир И.И.* Новгород. Л., 1972.

Ласковский, 1861 — *Ласковский Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1861. Ч. II.

Монгайт, 1952 — *Монгайт А.Л.* Оборонительные сооружения Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. М., 1952. Т. II: Крепостные сооружения древней Руси (МИА; № 31).

НИОР БАН — Научно-исследовательский Отдел рукописей Библиотеки Российской Академии наук: F. 266. Собрание иностранных рукописей: Т. 2; Т. 3. СПб.

Новгород Великий... 1986 — Новгород Великий в XVII в.: Документы по истории градостроительства. М., 1986.

Письма и Бумаги..., 1887 — Письма и бумаги императора Петра Великаго. СПб., 1887. Т. 1: 1688–1701.

РГАДА — Архив МИД, Картогр.. отд., Карты Новгородской губ, № 7. М.

РГВИА — Ф. 349, оп. 20, д. 6480. М.

Рейтенфельс, 1906 — *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии (Падуя, 1680 г.) // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. М., 1906. Кн. III.

Шперк, 1940 — *Шперк В.Ф.* Фортификация: Очерки истории и развития. М., 1940.

Шперк, 1946 — *Шперк В.Ф.* Фортификационный словарь. М., 1946.

Яковлев, 1931 — *Яковлев В.В.* Эволюция долговременной фортификации. М., 1931.

Янин, 1999 — *Янин В.Л.* Планы Новгорода Великого XVII–XVIII веков. М., 1999.

Duffy, 1979 — *Cristopher Duffy*. Siege Warefare. The Fortress in the Early Modern World 1494–1660. London, 1979.

Археолог Владимир Нилович Глазов

М. В. Медведева, В. Ю. Соболев[1]

Имя Владимира Ниловича Глазова широко известно в современной археологической науке. Он проводил раскопки известных и интереснейших памятников на территории европейской части Российской империи. К его архивным и печатным материалам постоянно обращаются специалисты в своих исследованиях. Вместе с тем личность В. Н. Глазова до сих пор остается нераскрытой загадкой для профессионального сообщества, неизвестны даже даты его жизни. Деятельность и вклад в историю отечественной археологии, научное и рукописное наследие Владимира Ниловича до сих пор должным образом не оценены. В историографических публикациях чаще всего содержится лишь краткая справочная информация о нем (Археологические исследования... 2011. С. 5; *Бессуднов, Захарова*, 2012. С. 50–51; *Платонова*, 2004. С. 44; *Щавелев*, 2009. С. 87).

Биография. К настоящему времени удалось собрать информацию из различных архивных источников, достаточную для восстановления основных фактов его биографии и более точной оценки археологической деятельности[2].

Владимир Нилович Глазов происходит из потомственных военных дворян Псковской губернии (РГИА. ф. 1291, оп. 28, 1891, д. 142, л. 46). Он родился 27 июня 1862 г. в семье Марии Николаевны и Нила Ивановича Глазовых (Там же. л. 23; РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 27127, л. 36 об.). Выявленные на сегодняшний момент источники не содержат сведений о семье и детстве Владимира Ниловича. Его личное дело, заведенное во время поступления в Полоцкую военную гимназию, не сохранилось: по всей вероятности, оно уничтожено при эвакуации Полоцкого кадетского корпуса в Симбирск и последующем отступлении кадетов с Русской армией через Одессу в Сербию. Отрывочные упоминания о чине, месте службы и имущественном положении отца, которые удалось обнаружить, не дают возможности реконструировать цельную картину, но позволяют восстановить основные этапы его жизни.

По данным формулярного списка В. Н. Глазова 1906 г. (РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 27127, л. 36 об.), его отец имел чин коллежского советника в г. Осташков Тверской губ. и позже получил чин статского советника. Он служил в Лесном департаменте Министерства государственных имуществ. Общее число детей в семье неизвестно, но, судя по косвенным упоминаниям, у Владимира был

---

[1] Медведева М. В. — Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Научный архив ИИМК РАН.

Соболев В. Ю. — Россия, 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3. СПбГУ, Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия.

[2] Благодарим В. В. Бондаренко, А. Ю. Дорошенко, А. Кашелькова, А. В. Марыняка, Д. Матвейчика, Н. А. Плавинского, К. В. Шмелева, оказавших неоценимую помощь в сборе материалов для настоящей статьи.

брат Николай[1], родившийся 4/17 февраля 1876 г. Большой разрыв между братьями дает возможность предполагать наличие и других детей в семье.

Владимир, по всей вероятности, старший сын четы Глазовых. Его судьба была решена родителями вполне традиционно для людей этого круга и достатка: он должен был стать офицером. Его определили на учебу в Полоцкую военную гимназию — закрытое среднее военно-учебное заведение с богатой историей и солидными традициями, в котором обучались сыновья из небогатых дворянских родов. Выпускниками Полоцкого кадетского корпуса, преобразованного в 1865–1882 гг. в военную гимназию, были многие известные военачальники, ученые, политические деятели: командир Лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка генерал-лейтенант К. В. Левицкий, один из организаторов обороны Порт-Артура генерал-лейтенант Р. И. Кондратенко, ученые братья В. Л. и М. Л. Кирпичевы, сенатор Е. М. Субботкин, генерал-губернатор Великого княжества Финляндского Ф.-А. А. Зейн.

В военную гимназию В. Н. Глазов поступил в 1875 г. В Национальном историческом архиве Белоруссии сохранился Фонд Полоцкого кадетского корпуса, насчитывающий 256 дел и включающий документы за интересующий нас период (Фонды... 2006. С. 141–142). В сохранившихся документах удалось найти лишь одно упоминание фамилии Глазова — среди учеников, переводимых из IV класса в V «в разряде удовлетворительных» в «Списке воспитанников Полоцкой Военной Гимназии удостоеных перевода в следующие классы в 1878 г.» (НИАБ, ф. 2613, оп. 1, д. 43, л. 3). Из этого документа следует, что В. Н. Глазов не был отличником, но успешно справлялся с положенной программой, включавшей как общеобразовательные, так и специальные предметы. Обучение в гимназии предполагало семилетний курс (*Поляков,* 2010. С. 17), однако в списках выпускников, опубликованных в приложении к очерку по истории кадетского корпуса (*Викентьев,* 1910), имя В. Н. Глазова отсутствует как среди успешно окончивших курс обучения, так и в списках отчисленных. Возможно, он держал экзамены в другом кадетском корпусе или обычной гимназии, по какой-то причине покинув Полоцк.

23 июня 1881 г. В. Н. Глазов согласно поданному на высочайшее имя прошению «вступил в службу» и приказом по 37-й пехотной дивизии за № 192 определен в 145-й пехотный Новочеркасский Его Величества полк рядовым на правах вольноопределяющегося 3-го разряда (РГИА, ф. 1291, оп. 28, 1891, д. № 142, л. 23). Полк был расквартирован в столице, на Малой Охте. Впрочем, прослужил он в этом полку недолго — уже в начале сентября 1881 г. был командирован в Санкт-Петербургское юнкерское пехотное училище.

Училище образовано 1 декабря 1869 г. и составляло одну роту юнкеров. Оно занимало флигель упраздненной в 1869 г. Военно-Чертежной школы в Большой Гребецкой улице, позднее территория училища была значительно расширена. Курс училища состоял из двух классов: младшего — общего и старшего — специального. Военные науки преподавались в объеме, достаточном для роста выпускника в должности до командира батальона. Выпускавшиеся офицеры определялись для дальнейшего прохождения службы преимущественно в части армейской пехоты.

Вероятно, в училище были сильны традиции преподавания топографии и связанных с ней наук и практических навыков, актуальных как в офицерской службе, так и в некоторых сферах гражданской жизни. Глазомерные планы, снятые В. Н. Глазовым во время его многочисленных археологических работ, отличаются точностью и подробностью, показанные на них участки местности надежно

[1] Николай Нилович Глазов стал флотским офицером, служил на Балтике, проживал в столице, участвовал в Цусимском сражении в должности младшего флаг-офицера в составе 3-го броненосного отряда 2-й эскадры флота (http://www.libava.ru/270.html, http://militera.lib.ru/h/bykov_pd/05.html#, http://wap.kortic.borda.ru/?1-16-120-00000001-000-90-0). В 1915 г. «за отличн. ревн. службу и особ. труды, вызванные обст. войны» был произведен в чин полковника Корпуса гидрографии (http://www.petergen.com/publ/omsn204.shtml). После 1917 г. он жил в Тотьме, где и был арестован и осужден. Реабилитирован посмертно. На сайте Правительства Вологодской области были опубликованы списки лиц, преследовавшихся по политическим мотивам в уголовном порядке, составленные по данным Управления ФСБ по Вологодской области. В них было имя и Н. Н. Глазова, однако в настоящее время данный ресурс неактивен и информация недоступна.

локализуются и в настоящее время, позволяя установить места расположения многих ныне утраченных археологических памятников.

Как и во время обучения в Полоцкой военной гимназии, в юнкерском училище В. Н. Глазов успешно осваивал положенный курс наук и в середине второго года обучения, 21 декабря 1882 г., «по выдержании установленного экзамена приказом по училищу за № 355, произведен в унтер-офицеры» (Там же. л. 24). В августе следующего года он «по окончании курса наук по 2 разряду, приказом Начальника Штаба войск Гвардии и Петербургского военного Округа за № 1 произведен в подпрапорщики» (Там же. л. 24–25) и откомандирован обратно в полк, где и прослужил почти три года — до мая 1885 г.

Для дальнейшего прохождения службы подпрапорщик Владимир Глазов определен командованием в 92-й пехотный Печорский полк (Там же. л. 25), квартировавший в Нарве.

Подробности армейской службы В. Н. Глазова нам неизвестны. Сохранившиеся в архивных документах послужные и формулярные списки позволяют констатировать ее «ровное» прохождение при отсутствии как проступков и наложенных взысканий, так и внеочередных награждений и особых заслуг. Свой следующий чин подпоручика он получил вовремя, по выслуге установленных лет, в октябре 1885 г. (Там же.).

Возможно, армейская служба и офицерский быт несколько тяготили молодого человека, иначе трудно объяснить факт увольнения В. Н. Глазова от службы при первой же возможности летом 1888 г., сразу же по окончании обязательно положенных к выслуге после училища 5 лет. Он даже не дождался присвоения следующего воинского звания, хотя производство в поручики должно было состояться примерно в течение полугода.

После увольнения из армии, осенью того же 1888 г., В. Н. Глазов поступил в службу в Лесной департамент канцелярским чиновником. Сменив армейский мундир на мундир гражданского чиновника, определением Правительствующего Сената он получил классный чин губернского секретаря, соответствовавший прежнему армейскому чину подпоручика, а спустя год — в декабре 1889 г. — его произвели в коллежские секретари со старшинством с 16 декабря 1888 г.[2] (Там же. оп. 35, 1911, д. 199, л. 9 об. —10).

В Лесном департаменте Владимир Нилович служил в течение трех лет. Документов, относящихся к этому периоду его жизни, найти пока не удалось, характер и род его занятий в это время остается неизвестным.

Весной 1891 г. он подает прошение о переводе на службу в Министерство внутренних дел, ходатайствуя о предоставлении ему должности уездного земского начальника (Там же. оп. 28, 1891, д. 142, л. 1). Он хотел бы получить место в Санкт-Петербургской губернии, но вместе с тем хорошо осознавал, что скромный чин, отсутствие землевладения и протекции не позволяют претендовать ему на должность рядом со столицей, поэтому он просит знакомых похлопотать за него о месте хотя бы в Самарской губернии (Там же. л. 2). И все же благодаря удачному стечению обстоятельств и положительной характеристике с прежнего места службы (Там же. оп. 35, 1911, д. 199, л. 1) в июле 1891 г. В. Н. Глазова назначили земским участковым начальником 3-го участка Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии.

«Штаб-квартира» начальника 3-го участка находилась в самом городе Гдове, а его обязанности территориально распространялись на Гдов, Гдовскую, Мошковскую и Добручинскую волости (Памятная книжка... 1898. С. 157).

В первый же год своей службы земским начальником В. Н. Глазов женился на вдове выборгского 1-й гильдии купца Анне Федоровне Краватынской[3] (РГИА, ф. 1291, оп. 35, 1911, д. 199, л. 8 об. —9), проживавшей в Нарве, в Нарвском форштадте. Вероятно, знакомство с будущей супругой состоялось еще во время службы в Печорском пехотном полку; детей семейная чета Глазовых не имела.

Гдовский уезд на 13 лет стал местом службы В. Н. Глазова, где он последовательно в разные годы занимал пост земского начальника 3-го, 6-го, 1-го, 2-го и снова 1-го участ-

[2] Старшинство в чине определяло срок службы до получения следующего чина или звания, давало преимущественное право в получении «вакансий» и т. п.

[3] В архивных документах встречаются два вида написания фамилии: Краватынская и Кроватынская.

ков[4]. Дольше всего, в течение 7 лет в общей сложности, он служил в 1-ом участке и жил на ст. Поля[5] (Памятная книжка... 1898. С. 157; Памятная книжка... 1900. С. 25; Памятная книжка... 1905. С. 80). Причины его переводов из одного участка в другой в личном деле не отражены, но исполнение им должностных обязанностей оценено Санкт-Петербургским губернатором графом С. А. Толем положительно (РГИА, ф. 1291, оп. 28, 1891, д. 142, л. 64, 78), а в сохранившейся официальной переписке Земского отдела МВД отмечается, что Владимир Нилович «в своей служебной деятельности отличается большим усердием, а также благонамеренностью и добросовестностью» (Там же. л. 10).

Должностные обязанности уездного начальника, связанные с решением широкого спектра административных (вопросы крестьянского землепользования, надзорные полномочия за деятельностью выборных крестьянского самоуправления и утверждение в должности волостных старшин, разбор жалоб на должностных лиц сельских и волостных управлений, проверка приговоров сельских и волостных сходов, надзор за мирскими капиталами, деятельностью сельских ссудно-сберегательных касс и подобных им учреждений мелкого кредита, надзор за опекунством, организация и обеспечение деятельности сельских школ и др.) и судебных функций (в юрисдикции уездного начальника находились мелкие уголовные дела), требовали не только хорошего знания местных реалий (многие вопросы общественного пользования угодьями и водными ресурсами подчинялись не писаному, но традиционному праву), но и постоянного личного присутствия в самых отдаленных уголках вверенного участка. Переводы из одного участка в другой и частые разъезды по территории участка по служебным делам («по казенной надобности») дали В. Н. Глазову возможность попутно собирать сведения о местных древностях и археологических памятниках, о находках кладов и отдельных предметов. Информацию о последних он переправлял в Императорскую Археологическую комиссию.

В 1894 г. В. Н. Глазов подавал прошение о назначении его на более высокую должность председателя Уездного съезда в Олонецкой губ. Кандидатура была одобрена в Земском отделе МВД, но назначение не состоялось по не зависящим от него обстоятельствам. Глазов продолжил свою службу в Санкт-Петербургской губернии (Там же. л. 63).

За время службы в Гдовском уезде В. Н. Глазов вырос в чине и в 1903 г. был произведен в коллежские советники (Там же. л. 51; оп. 35, 1911, д. 199, л. 10 об. —11), в этот же период он награждается двумя медалями: в память царствования Александра III и «*за труды по первой всеобщей переписи населения 1897 г.*» (Там же. л. 10 об. —11). За «беспорочную службу» его представили к ордену св. Анны, который В. Н. Глазов получил лишь спустя полтора года — в феврале 1905 г.

Исполнение служебных обязанностей требовало, по всей видимости, не только знания законов и местных обычаев, аккуратности в ведении документации, но и навыков общения с крестьянами. Отдельные поступавшие от крестьян жалобы на земского начальника В. Н. Глазова обычно признавались начальством не заслуживающими внимания (Там же. оп. 28, 1891, д. 142, л. 42; ЦГИА, ф. 258, оп. 5, д. 1139, л. 1–2 об.), а проверка его делопроизводства, проведенная непременным членом губернаторского Присутствия действительным статским советником Соколовым в 1899 г., выявила лишь мелкие недочеты, констатировала нехватку рабочих помещений и отсутствие у уездного начальника «камеры для разбора дел».

В то же время в своей служебной деятельности В. Н. Глазов предстает перед нами как человек, способный спорить с начальством и отстаивать свою точку зрения. В 1898 г. он отменил решение о разделе имущества между братьями Герасимовыми, ущемлявшее права младшего в пользу старшего брата-пьяницы (ЦГИА, ф. 258, оп. 6, д. 56, л. 3–4 об.), а позднее отказался исполнить постановление Уездного съезда, неправильное, по его мнению (Там же.оп. 5, д. 1256).

---

[4] Территория Гдовского уезда была разделена на 7 земских участков (Памятная книжка... 1898. С. 157; Памятная книжка... 1900. С. 25; Памятная книжка... 1905. С. 80), т. е. В. Н. Глазов служил в бóльшей части из них и досконально знал практически весь уезд, возможно, за исключением его самой восточной — юго-восточной части, относившейся к 4-му и 5-му участкам.

[5] Ст. Поля располагалась в д. Большие Поля, ныне западная окраина г. Сланцы Ленинградской обл.

Еще более серьезным, чем жалобы крестьян, оказался рапорт о «неуместных выражениях» земского начальника В. Н. Глазова «против Священных Особ в Бозе Почивающаго Императора Александра II и ныне благополучно царствующаго Государя Императора»[6]. Донос составил пристав I стана П. П. Тимошенко, находившийся ко времени разбора обстоятельств дела под следствием за растрату казенных средств. После выяснения заявление признали «не заслуживающим доверия» и вызванным «неприязненными отношениями заявителей к названному земскому начальнику». Дело было закрыто (Там же. д. 1139, л. 1–2 об).

В 1903 г. В. Н. Глазов планировал поступить вольнослушателем в Санкт-Петербургский археологический институт, собирал необходимые для поступления документы (РГИА, ф. 1291, оп. 28, 1891, д. 142, л. 66). Трудно сказать, каким образом он мог бы сочетать слушанье лекций в столице с исполнением служебных обязанностей, требовавших его постоянного присутствия в Гдовском уезде и личного участия в решении повседневных дел.

Война с Японией вызвала подъем патриотических настроений в русском обществе, а неудачи русских войск стали причиной возвращения в армию офицеров, считавших своим долгом поддержать свою страну в трудный час.

Летом 1904 г. Владимир Нилович подал рапорт об отставке от должности земского начальника и о зачислении в действующую армию. Обе просьбы были удовлетворены. 18 июня 1904 г. он «определен из отставки вновь на службу, добровольцем, в 147-й пехотный Самарский полк, куда и зачислен прежним чином подпоручика» (Там же. оп. 35, 1911, д. 199, л. 11 об. —12), и через 3 недели прибыл в полк.

В 1904 г. Сенат по результатам проверки жалобы крестьянина д. Глазовой Горы отменил одно из решений В. Н. Глазова о взыскании с нескольких крестьян штрафа за неисполнение общественных обязанностей и указания земского начальника о «поддержании в должном порядке» обочин дорог. История дела показывает, какая степень выдержки и самообладания требовалась подчас для исполнения служебных обязанностей земского начальника. Судя по сохранившейся в архивных делах переписке, конфликт имел длительную историю и, возможно, был «отягощен» стычками более раннего времени — все это вынудило сдержанного и имеющего положительные характеристики чиновника «войти в сношение» с приставом 3-го участка Литейной части, где проживал один из крестьян — Прокофий Андреев Королев, с просьбой о немедленном взыскании штрафа, а в случае отказа от платы — отправить П. Королева «**по этапу**» на родину в Гдовский уезд (Там же. оп. 28, 1891, д. 142, лл. 56–59). Дело о превышении власти было доложено товарищу министра внутренних дел и Санкт-Петербургскому Губернатору, но осталось без последствий — в это время В. Н. Глазов уже был уволен от должности уездного начальника, зачислен в полк и прибыл в действующую армию (Там же.).

Личное офицерское дело, сохранившееся в Военно-историческом архиве, не содержит никаких подробностей его армейской службы[7]. В послужном списке указано, что В. Н. Глазов «*приказом по войскам 1-й Маньчжурской армии, от 28 ноября 1904 г., за № 24, за отличие в делах против Японцев, награжден орденом Св. Анны 4 степени, с надписью «за храбрость», — 28 ноября 1904 г.*» (Там же. оп. 35, 1911, д. 199, л. 11 об. —12). Получить орден в полку он не успел. Война закончилась для В. Н. Глазова 1 октября 1904 г., когда при отбитии атаки японской армии на Янтуньских высотах он получил пулевое ранение в левое колено и попал в лазарет.

Врачи не смогли спасти ногу, по всей вероятности, из-за начавшейся гангрены. В. Н. Глазов перенес две операции, в результате которых потерял левую ногу до середины бедра (РГИА. Ф. 1291, оп. 28, 1891, д. 142, л. 65; оп. 35, 1911, д. 199, л. 1, 3; РГВИА ф. 409, оп. 2, д. 27127, л. 28–28 об.).

---

[6] Согласно поступившему в Санкт-Петербургское жандармское управление и прокурору Окружного суда доносу В. Н. Глазов на одном из волостных сходов говорил, что портрет Государя Императора «*вышел, как будто бы снят с пьянаго*», а 16 февраля 1897 г. на волостном сходе выразился: «*глупо Император Александр II сделал, что освободил крестьян и опоздал раньше назначить нас Земских Начальников*» (ЦГИА, ф. 258, оп. 5, № 1139, л. 1 об.).

[7] Возможно, информация сохранилась в полковых документах и/или приказе о награждении, однако данные архивные материалы пока оказались для нас недоступны.

5 февраля 1905 г. В. Н. Глазов возвращается в Россию, после выписки живет с женой в г. Нарве, в Нарвском форштадте, в доме Морозовой. До осени он находился на лечении и реабилитации, а в ноябре и декабре того же года прошел медицинское освидетельствование в лазарете 9-го пехотного Печорского полка[8].

Найти фотографию Владимира Ниловича не удалось, но акты медицинских освидетельствований сохранили скупые описания его внешности как человека высокого, выше среднего, роста, крепкого, но худощавого — «посредственного» — телосложения (РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 27127, л. 28–28 об; РГИА, ф. 1291, оп. 28, 1891, д. 142, л. 65). Аналогичное описание его внешности и физического строения содержится и в акте, составленном спустя 5 лет при увольнении от службы (РГИА, ф. 1291, оп. 35, 1911, д. 199, л. 3–3 об.).

Конец 1905 и начало 1906 гг. — хлопотное время для Владимира Ниловича. Он вел активную переписку и с Главным штабом, устраивая свое окончательное увольнение из армии, с производством в следующий чин поручика и мундиром, и доказывая право на полную военную пенсию; и с Александровским комитетом по приисканию места воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией; и с Министерством внутренних дел в поисках новой службы. Он претендовал на должность председателя Уездного съезда в одной из западных (Витебской, Минской, Могилевской) губерний либо заведующего одним из загородных императорских дворцов или управляющего одним из имений Удельного ведомства (Там же. оп. 28, 1891, д. 142, л. 60–61). Вероятно, знание законов, знакомство с бюрократической системой, 13-летний опыт государственной службы и положительные отзывы как от бывшего Санкт-Петербургского губернатора графа С. А. Толя, так и от состоящего в этой должности в 1906 г. Д. А. Зиновьева помогли положительно решить все поставленные задачи.

В марте 1906 г. он получает назначение на должность председателя Вельского Уездного съезда в Вологодской губернии и уезжает из Нарвы к новому месту службы (Там же. л. 76, 79; оп. 35, 1911, д. 199, л. 11 об. —12).

В это же время он ходатайствует о несостоявшемся награждении за беспорочную службу по гражданскому ведомству, и в начале февраля выходит высочайший приказ о присвоении ему ордена Св. Анны 3-й степени (Там же. оп. 35, 1911, д. 199, л. 11 об. —12).

Должность председателя Уездного съезда предполагала, помимо контроля над деятельностью уездных земских начальников, широкий спектр служебных дел административного и судебного характера — контроль и утверждение приговоров волостных сходов, увольнение от службы и предание суду должностных лиц сельского и волостного управлений, рассмотрение жалоб на действия земских начальников, решение земельных споров, утверждение выделений земельных участков в личную собственность крестьян и многое другое.

Подробностей о служебной деятельности В. Н. Глазова в Вельске ни в собраниях РГИА, ни в фондах ЦГИА найти не удалось, поиски в Вологодском областном архиве и в самом Вельске также не увенчались успехом. В нашем распоряжении имеются лишь послужной и формулярный списки, скупо информирующие о присвоении очередного классного чина, наград, назначениях на должности и утверждении в оных, отсутствии взысканий и использовании отпусков, из которых, что всякий раз отмечалось в формулярных списках, Владимир Нилович всегда возвращался точно в срок.

Начало службы на новом месте помимо служебных дел ознаменовалось и новыми внеслужебными хлопотами. Представленные из Министерства внутренних дел в Вологодское Губернское правление послужные документы и личные данные В. Н. Глазова были неполны: в них отсутствовали сведения о подошедшем времени получения следующего гражданского чина и о награждении орденом. В. Н. Глазов сообщил об этом губернатору, который, в свою очередь, запросил и получил в Министерстве его полный послужной список (РГИА, ф. 1291, оп. 28, 1891, д. 142, л. 82–82 об., 83–84, 92–97) и представил Владимира Ниловича к следующему чину.

В Вельске опыт и знания В. Н. Глазова были высоко оценены. Уже через год, в апреле 1907 г., к обязанностям председателя Уезд-

[8] В акте, хранящемся в РГВИА (РВГИА, ф. 409, оп. 2, д. 27127, лл. 28–28 об.) местом ранения ошибочно указана битва под Мукденом, тогда как во всех остальных случаях, и в том числе в документах, составленных В. Н. Глазовым лично, указано, что он был ранен в сражении при р. Шахэ.

ного съезда добавляется должность директора вельского Уездного тюремного отделения, в августе — председателя вельской Уездной землеустроительной комиссии, а постановлением очередного вельского Уездного земского собрания от 28 сентября 1907 г. он был единогласно избран на должность почетного мирового судьи (Там же. оп. 35, 1911, д. 199, л. 11 об. —13). Осенью 1908 г. В. Н. Глазов был утвержден на эту должность на три года указом Сената (Там же. л. 12 об. —13).

В 1907 г. его произвели «за выслугу лет в статские советники[9], со старшинством с 22 декабря 1906 года» и наградили орденом Св. Станислава 2-й степени (Там же.).

Весной 1910 г. он был награжден памятной медалью в память 25-летия восстановления церковной школы (Там же.).

Причины, побудившие В. Н. Глазова к увольнению от должности, не нашли своего отражения в сохранившихся документах. Можно предположить, что к подаче рапорта о выходе на пенсию осенью 1911 г. в возрасте 49 лет привел целый комплекс различных соображений: и общая усталость от службы, и нездоровье, выдвинутое как официальный повод к отставке, и невозможность служебного роста, требовавшая для производства в следующий чин 10 лет выслуги.

Летом 1911 г. Владимир Нилович получает двухмесячный отпуск, который проводит в Пятигорске. Перед увольнением со службы, в октябре, В. Н. Глазов вновь просит об отпуске и о выдаче пособия на лечение, но не получает (Там же. оп. 28, 1891, д. 142, л. 101–106). Он вновь проходит медицинское освидетельствование в Совещательном присутствии Врачебного отделения Вологодского губернского правления, подтвердившее его «тяжкое болезненное состояние» и невозможность обходиться без постороннего ухода. К рапорту, где ходатайствует об увольнении «с мундиром» и о назначении ему «усиленной» пенсии как участнику и инвалиду войны и чиновнику, прослужившему на гражданской службе 30 лет, он прикладывает также и справку из Пятигорской грязелечебницы (Там же. оп. 35, 1911, д. 199, л. 1–4). Вологодский губернатор поддержал его ходатайство перед министром внутренних дел. Переписка о назначении пенсии и ее размерах затянулась до конца января 1912 г., по мере прохождения по инстанциям испрашиваемая сумма сократилась вдвое и в итоге составила 1200 руб. в год с прекращением выплаты пенсии по ранению (Там же. л. 19–22).

Оставив службу, В. Н. Глазов переехал в столицу. В Санкт-Петербурге и окрестностях он проводит только зиму. Боли в суставах и страсть к археологии заставляли его проводить все лето на раскопках и в различных грязелечебницах Крыма и Кубанской области. Не имея в Санкт-Петербурге собственного жилья и возможностей для его приобретения, он часто переезжает, снимая квартиру в разных недорогих районах столицы: в 1911–1912 гг. в Новом Петергофе, в даче № 8 на Казарменной ул. и в доме 3 по Ольгинской улице, невдалеке от казарм Самарского полка, в котором он когда-то служил, весной 1912 г. — в кв. 5 дома 31 по Подольской улице, в 1913 гг. — на Подольской ул. в кв. 14 дома 17.

Сохранившийся отчет об археологических раскопках катакомбы у ворот каменной ограды Южного кордона пограничной стражи на Таманском полуострове близ Тузлянской грязелечебницы, датированный концом марта 1916 г. (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1913, д. 350, л. 49), дает основания предположить, что зимой 1915/1916 гг. В. Н. Глазов не возвращался в Петербург, а провел ее в Восточном Крыму или на Тамани и, возможно, вновь устроился на службу.

Где и как провел В. Н. Глазов лихолетье Гражданской войны и 1920-е гг. неизвестно. По складу характера он вряд ли мог приветствовать перемены, происходившие в стране и в обществе, очевидно, тяжело переживал положение на фронте, маловероятно, что, несмотря на выход в отставку с государственной службы, мог бы рассчитывать на сочувствие и снисхождение новой власти, но в силу возраста и увечья вряд ли мог принимать деятельное участие в борьбе с ней. Место и время его смерти удалось установить совершенно случайно. Группа энтузиастов, реставрировавших русское кладбище при храме во имя Рождества Христова в г. Шипка в Болгарии, предоставила нам копию акта о смерти, согласно которому Владимир Нилович скончался от воспаления легких вечером 2 мая 1933 г. в возрасте 70 лет в приюте для увечных

[9] Классный чин статского советника соответствовал чину генерал-майора армии.

воинов при храме-памятнике Шипка в Болгарии (рис. 1).

В. Н. Глазов и археология. В начальный период археологической деятельности В. Н. Глазова главным объектом исследований для него стали древние памятники Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии, что, несомненно, было обусловлено местом его службы. Он внес большой вклад в развитие археологического изучения этой территории. В архивных документах Императорской археологической комиссии имя Владимира Ниловича Глазова впервые встречается в 1894 г. В этом году в деревне на острове Желачок у восточного берега Чудского озера был найден клад мелких серебряных русских монет XVII в. весом 5 фунтов 35 золотников. Информация о нем поступила в ИАК от земского начальника 6-го участка Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии. В собрание Эрмитажа монеты не попали и были сплавлены на Монетном Дворе, а находчикам-крестьянам выплатили более 90 руб. по стоимости и весу металла (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1894, д. 139. лл. 1–13). Данное дело больше всего интересно не фактом находки клада монет, а тем, что в нем описывается первый случай многолетнего впоследствии сотрудничества В. Н. Глазова с ИАК. Именно он и был тем самым земским начальником, который представлял клад 1894 г. в Комиссию.

На протяжении всего периода своей службы в Гдовском уезде В. Н. Глазов присылал оттуда случайные археологические находки на рассмотрение специалистов

АКТЪ № 24
за смъртъ на Владимиръ Ниловичъ Глазовъ

Рис. 1. Акт о смерти В. Н. Глазова.
Fig. 1. V. N. Glazov's death statement.

Рис. 2. Лист из отчета В. Н. Глазова о раскопках курганно-жальничного могильника у дер. Жидилов Бор Псковского уезда и губ.
Fig. 2. A sheet from V. N. Glazov's report on excavations of a kurgan and *zhalnik*-grave burial ground near the village of Zhidilov Bor in Pskov uyezd and province.

26
Замечательны раскопки грунтовики не производились, как за недостатком времени, так и въ виду подмоченности находокъ въ вершинахъ вышеописаннаго кургана при д. Криковицахъ.
Но многія могилы какъ почти вовсе истлѣли въ бронзѣ сохранились плохо, благодаря - сырости грунта бывъ Ильмень, сравнительной глубинѣ ихъ и близости подпочвенной воды (озера).
Планшет. Чертежъ кургана при дер. Ильмовъ-Боръ.
д. Ильмовъ-Боръ
Примѣчаніе
Кресты
Карандашомъ
помѣчены
раскопанныя
могилы
курганы
Псков.
озеро
Псков.
Дорога д. Криковицы
могилы
Кусмарникъ

Рис. 3. Находки из раскопок В. Н. Глазова старинного кладбища XVI–XVII вв. при дер. Замошье Псковского уезда и губ.

Fig. 3. Finds from V. N. Glazov's excavations of cemetery of the 16th and 17th centuries near the village of Zamoshye in Pskov uyezd and province.

ИАК и для оценки их исторического значения. В 1901 г. он передал «древнюю саблю», найденную крестьянами о. Желачка (Там же. 1901, д. 275); в 1902 г. — железную секиру XV–XVII вв., обнаруженную на пахотном поле крестьянами д. Гверездно (Там же. 1902, д. 68, лл. 5–6); в 1903 г. — клад средневековых серебряных западноевропейских монет из окрестностей д. Куклина Гора (Там же. 1903, д. 230); в 1904 г. — древности из случайных раскопок курганов древнерусского времени у д. Городище под Гдовом (Там же. 1904, д. 3, л. 145). Благодаря усилиям В. Н. Глазова все эти артефакты пополнили музейные коллекции.

Первые археологические раскопки памятников Гдовского уезда он произвел в 1898 г. Все дальнейшие исследования на этой территории, продолжавшиеся до 1904 г., являлись, судя по всему, частью задуманного им планомерного изучения различных типов погребальных сооружений, охватывающих хронологический период с X по XIV вв. За годы службы в Гдовском уезде В. Н. Глазов раскопал более 400 курганов и жальничных могил. Большая часть присланных им в ИАК отчетов об этих работах вошла в подготовленную А. А. Спицыным монографическую публикацию «Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова», изданную в 1903 г., почти без изменений первоначального глазовского текста. А. А. Спицын в предисловии к книге высоко оценил качество археологических изысканий В. Н. Глазова и его полевые отчеты. Литографии для иллюстраций, сопровождающих публикацию в части описания погребального обряда и типов погребальных сооружений, были сделаны с оригинальных рисунков В. Н. Глазова (*Спицын,* 1903а).

Однако его исследования далеко не ограничивалась пределами Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии. Рукописные журналы полевых работ В. Н. Глазова, сохранившиеся в собрании ИАК в Научном архиве ИИМК РАН, показывают широкий географический и хронологический диапазон археологических изысканий, произведенных В. Н. Глазовым с 1898 по 1916 г.

В 1899 г. В. Н. Глазов по ходатайству Императорского Русского Археологического общества получил Открытый лист на производство археологических исследований в Псковской губернии. Данные раскопки открывали цикл работ по программе планомерного изучения «собственно русских курганных насыпей», задуманной Н. И. Веселовским и А. А. Спицыным. Они предполагали в течение нескольких лет поручать различным исследователям раскопки погребений в неизученных ранее районах средневековой Новгородской земли. В 1899 г. в своей программной записке Н. И. Веселовский и А. А. Спицын, очевидно, имеют в виду именно Владимира Ниловича, говоря, что «*часть их ассигнованной суммы можно было бы направить на изыскания в другой местности Новгородской земли, именно в окрестности г. Пскова, где раскопки прошлого года, произведенные Археологическим Институтом, дали весьма любопытные факты и где нынешним летом будет проживать лицо, вполне благонадежное для археологических изысканий*» (Протоколы... 1915. С. 11). В. Н. Глазов успешно справился с поставленной задачей: произвел раскопки на высоком для того времени методическом уровне, представил подробный отчет в ИАК (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1899, д. 90, л. 13–38; рис. 2; 3) и 21 декабря 1899 г. сделал доклад о результатах своих археологических работ в Псковской губернии на заседании Отдела русской и славянской археологии РАО. Заслушав отчет, члены Общества «единогласно признали произведенные им раскопки вполне обстоятельными» и постановили избрать В. Н. Глазова «в члены-сотрудники», принимая во внимание пожертвование им значительной коллекции курганных древностей в Музей РАО (Там же. Ф. 3, д. 14. л. 200). 22 апреля 1900 г. Общим собранием РАО он был принят в члены-сотрудники Общества (Там же. л. 213–214).

В 1900 г. Открытый лист на проведение археологических работ в Псковской губернии В. Н. Глазов получил по ходатайству Русского Археологического общества. В октябре того же года он пишет в Археологическую Комиссию: *«...я с своей стороны желал бы передать мою коллекцию предметов древности из раскопок сего года, а равно и коллекции 1898 и 99 годов в собственность Императорского русского археологического общества, в распоряжении коего мною пред-*

полагается передавать и все прочие, могущие быть найденными предметы, в случае продолжения мною дальнейших археологических изысканий в будущем» (Там же. ф. 1, оп. 1, 1900, д. 50, л. 60–65).

Наиболее активно по археологическим проектам РАО В. Н. Глазов работал в Псковской, Новгородской и Тверской губерниях до 1904 г., эти работы частично финансировались Обществом. Следует отметить, что постепенно первоначальный замысел Общества по изучению только средневековых памятников Новгородской земли расширился: в цели и задачи археологических полевых изысканий были включены исследования древностей каменного и раннего железного веков. В отчете В. Н. Глазова за 1903 г. содержится информация о предпринятом им по заданию РАО целенаправленном поиске памятников этого типа в верховьях Волги (Там же. 1903, д. 49).

С Русским Археологическим обществом В. Н. Глазов продолжал сотрудничать и в последующие годы: в 1906 г. по поручению РАО он занимался раскопками могильников в Смоленской губернии (Там же. 1906, д. 59), в 1910-е гг. — произвел масштабные работы в Курской губернии (Там же. 1913, д. 123, 1915, д. 93). Свои находки В. Н. Глазов всегда старался передать в РАО для пополнения его музейной коллекции. Основные результаты исследований по поручению РАО на Северо-Западе России в начале XX в. опубликованы им самим и А. А. Спицыным[10] в серии ЗОРСА.

Императорская археологическая комиссия, начиная с 1902 г., также неоднократно привлекала В. Н. Глазова к своим работам. В этом случае на раскопки выделялись денежные средства от Министерства Императорского двора. По поручению ИАК В. Н. Глазов работал в 1902 г. в Тамбовской губернии и на побережье Чудского озера (Там же. 1902, д. 49, 91), в 1903 г. — в Новгородской и Псковской губерниях (Там же. 1903, д. 49), в 1908 г. — в Нижегородской губернии (Там же. 1898, д. 197), в 1909 г. — в Саратовской губернии (Там же. 1909, д. 18), в 1911 г. — в Вологодской губернии (Там же. 1911, д. 79).

В. Н. Глазов также принимал участие и в исследовательских проектах Петербургского археологического института. В первые годы XX в. его привлекли к составлению археологической карты Санкт-Петербургской губернии, создание которой было задумано сотрудником института Н. К. Рерихом. В рамках этого проекта В. Н. Глазов подготовил подробную карту археологических памятников Гдовского уезда, сведения о которых он начал собирать еще с 1895 г., с пояснительной запиской (РО НА ИИМК РАН, ф. 37, д. 3, 4).

19 сентября 1903 г. датируется копия формулярного списка, выданная «*Земскому Начальнику 1 уч. Гдовскаго Уезда Коллежскому Советнику Владимиру Ниловичу Глазову для представления таковой в археологический Институт при ходатайстве о поступлении его в число вольнослушателей этого Института*» (РГИА, ф. 1291, оп. 28, 1891, д. 142, л. 66). К сожалению, пока не удалось обнаружить, какие именно курсы профессиональной археологической подготовки он закончил.

В 1912 г. В. Н. Глазов произвел по поручению Археологического института раскопки нескольких курганов в могильнике у ст. Войсковицы. В собрании ИАК сохранился его рукописный отчет об этих работах, подробно освещающий причины и процесс раскопок:

«*Вследствие выраженного многими из слушателей Императорского Археологического Института желания ознакомиться с практическими приемами раскопки курганов, я решился произвести небольшие показательные раскопки в окрестностях г. СПетербурга, для чего наметил предварительно осмотренную мною группу курганов XII–XIII вв., имевшуюся на земле 1 Удельного Гатчинского имения, близ ст. “Войсковицы” Балт. жел. дор.*

Извещенные о дне раскопки, назначенных на 20 Мая с. г. господа слушательницы и слушатели Института собрались на ст. Войсковицы и

[10] Судя по сохранившимся в архивных делах упоминаниям, в РАО существовала практика присылки докладов и чтения их в заседаниях, когда автор не мог сделать этого лично, «реферат» читался кем-то из присутствующих, близко знакомых с предметом исследования. Работы В. Н. Глазова обычно зачитывал А. А. Спицын. В этом случае в публикации в ЗОРСА РАО заметки идут без фамилии автора или под инициалами ААС.

отправились осматривать раскопки курганов, подготовленных уже мною накануне.

Намечая помянутую группу к исследованию, я полагал, что нахождение курганов на земле Удельнаго Ведомства гарантирует их целость от хищников.

На деле же, к сожалению, оказалось, что почти все, целые по наружному виду, насыпи были уже перерыты более 30 лет тому назад фельдшерами покойного Д-ра Ивановского самым хищническим приемом.

Из 17 насыпей, вскрытых мною, только два кургана оказались нетронутыми, остальные же все были рыты небольшими ямами с запада, т. е. со стороны головы погребений.

Костяки до тазовых костей были потревожены: головы их, руки и грудные кости лежали в беспорядке, часто даже в верхних слоях насыпи.

Очевидно фельдшера, обобрав бусы, серьги, кольца, браслеты и другие украшения, наскоро засыпали насыпь и переходили к другой, не трогая остальной части костяка, где у бедер часто находились не тронутыми ножи.

Поэтому полной картины раскопки курганов дать не пришлось, так как сдвинутые верхние части костяка были не на месте.

Курганы раскапывались широкою выемкою насыпи до самой поверхности материка, чтобы подойти к костяку сбоку. [...] На многих костях рук в перерытых курганах ясны были следы зелени (окиси меди) от снятых браслетов, что указывало на не безплодность работы фельдшеров.

Грунт насыпей был довольно твердый суглинок, большинство имело погребения на материке, хотя некоторые курганы имели и неглубокие грунтовые ямы, так что группу эту можно отнести к XII–XIII вв.» (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1912, д. 60, л. 13–15).

Как видно из приведенных выше материалов, В. Н. Глазов в начале XX в. являлся востребованным специалистом в области археологических исследований у трех наиболее крупных и авторитетных в деле археологии столичных организаций и успел принять участие во всех значимых научных проектах по изучению славянских древностей.

Сохранившиеся в делах ИАК рукописные отчеты В. Н. Глазова свидетельствуют о тщательности производимых раскопок и о научном подходе к написанию полевых отчетов, их всегда отличает подробная графическая и описательная фиксация процесса работ, точность, четкость и ясность изложения. Каждый отчет содержит аналитическую часть и может быть опубликован как отдельная научная статья. Многие рукописи сопровождаются фотографическими снимками памятников и рабочих моментов раскопок, сделанными, судя по всему, самим В. Н. Глазовым, хотя в то время фотофиксация не являлась еще обязательным элементом полевого отчета. Находки из раскопок обязательно снимались на фототаблицы с пояснительными подписями, сделанными рукой В. Н. Глазова, фотографом ИАК И. Ф. Чистяковым. Видимо, В. Н. Глазов понимал важность и значение этого вида фиксации.

Перед началом экспедиции В. Н. Глазов обычно собирал общую историческую справку о местах археологических находок на той территории, где планировал произвести раскопки, по имеющимся литературным источникам и сведениям местных жителей. Все его научные поездки характеризуются неутомимостью и постоянным стремлением обследовать и описать как можно больше археологических памятников в выбранном для работ регионе. Переезжая из одного места раскопок к другому, он всегда описывал все археологические объекты, встреченные в пути: внешний вид, расположение, степень сохранности, делал зарисовки.

Можно привести несколько характерных примеров из отчетов В. Н. Глазова о его полевой практике разных лет.

В конце февраля 1902 г. в ИАК поступило сообщение из аппарата Эстляндского губернатора о находке в Чудском озере затонувшего судна с грузом каменных ядер на борту. Находка была сделана рыбаками, они же подняли на лед несколько ядер. Сообщение было заслушано сотрудниками на заседании: постановили просить В. Н. Глазова побывать на месте находки, «провести расследование» и обсудить меры для подъема ядер. Расходы на поездку и работы обещали возместить (Там же. 1902, д. 49, л. 1–2).

А. А. Спицын настолько был уверен в том, что В. Н. Глазов точно и быстро испол-

нит просьбу Комиссии, что — не дожидаясь его согласия, информировал Эстляндского губернатора о том, что на место находки от ИАК командирован земский начальник Гдовского уезда.

Уже через неделю В. Н. Глазов нашел время и выехал в с. Сыренец, осмотрел находку. Местные жители, хорошо знакомые с гидрорежимом озера, указали, что ранняя весна — самое удачное время для подводных работ, поэтому В. Н. Глазов приступил к подъему «безотлагательно». Результатом работ стал подъем почти 50 ядер и нескольких досок с железными скобками, крепившими обшивку к шпангоутам. Продолжение исследования было бы слишком дорогостоящим (не менее 100 руб.), о чем В. Н. Глазов доложил в ИАК. Кроме работ по подъему ядер, были проведены обмеры остатков судна, а также опрошены местные рыбаки, по словам которых, на мелководье, ближе к берегу, лет 30–40 назад, было найдено еще одно судно аналогичной конструкции с грузом ядер, но замытое теперь песком (Там же. л. 5–9).

В ходе работ были сделаны зарисовки как самой ладьи, так и приспособления, с помощью которого производился подъем груза. Спустя восемь лет отчет был представлен на заседании разряда военной археологии Во-

Рис. 4. Общий вид и план городища у погоста Овселук. 1903 г.
Fig. 4. General view and plan of the fortified site near Ovseluk churchyard. 1903.

енно-исторического общества; рисунки и текст отчета опубликованы (*Глазов*, 1911).

История с находкой ладьи имела неожиданное продолжение. Осенью 1902 г. один из крестьян обратился в Министерство путей сообщения с ходатайством о выделении ему средств на расчистку дна Чудского озера и подъем оставшихся ядер и фрагментов судна как мешающих промыслам и представляющих угрозу для судоходства.

Министерство послало запрос об этом в ИАК, в связи с чем опять обратились к В. Н. Глазову с просьбой организовать доставку ядер в Нарву, а часть отправить в Петербург, во вновь образованный Артиллерийский музей. В Нарве от «подарка» отказались и ядра остались на хранении у волостного старшины в с. Сыренец (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1902, д. 49, л. 15, 17–18).

Закончилась история с ядрами только в 1910 г. В ИАК «вспомнили» об этой находке в 1909 г. и попытались передать ядра во Псков. На этот раз организовать отправку по заданию А. А. Спицына должен был К. Д. Трофимов, но псковское Археологическое общество от ядер отказалось, интерес проявило только Главное артиллерийское управление, высказавшее готовность принять ядра и оплатить их доставку в Санкт-Петербург (Там же. л. 29–30).

В мае 1903 г. по поручению РАО В. Н. Глазов произвел исследования в верховьях Волги и на Селигере (*Спицын*, 1905б). Его задача состояла «*в отыскании следов каменного века в этом районе и некоторых городищ Дьякова типа*». В отчете В. Н. Глазов пишет: «*К величайшему сожалению поездка наша не достигла намеченной цели и была неудачна, как вследствие неблагополучных климатических условий, так отчасти и вследствие неопытности и малой подготовки нашей к успешному выполнению помянутой задачи. Холодная и дождливая погода первой половины мая сильно испортила грунтовые дороги, что замедляло поездку, и настолько подняла обычный уровень воды в реках и озерах, что все отмели и мысы — на коих предполагалось найти кремневые наконечники, стрелы и другие каменные орудия — оказались затопленными, а к низким берегам некоторых озер и вовсе подступа не было*» (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1903, д. 49, л. 81–81 об.). По словам местных, «самое благоприятное время» для исследования берегов водоемов — конец июля и начало августа, когда уровень воды самый низкий, что В. Н. Глазов рекомендовал обязательно учитывать будущим исследователям данной местности. «Потерпев фиаско с каменным веком» сотрудники экспедиции занялись обследованием средневековых и дьяковских городищ и древнерусских могильников (Там же. л. 81 об.) (рис. 4). Затем, переезжая на место работ в Демянском уезде Новгородской губ., где раскопал еще несколько памятников, В. Н. Глазов описывает все встреченные на пути археологические объекты. Фрагмент из его отчета: «*Не доезжая версту до погоста Егорьевского (со стороны Осташковского тракта), близ реки имеется несколько курганов сопочного характера от 2 до 3 аршин высоты при диаметрах 2–3 сажени. Один самый крупный раскопан глубокой кладокопательской ямой. Близ погоста Егорьевского есть имение г. Дирина, где, по словам крестьян, есть много сопок, но владелица имения почему-то не дозволяет их разрывать, в чем отказала и Г-ну Репникову в 1902 году*» (Там же. л. 99 об.)

В 1908 г. В. Н. Глазов запросил Открытый лист на раскопки древнего Мерянского могильника близ г. Галича Костромской губернии и на обследование курганных групп в том же уезде, располагавшихся по соседству с южной границей Вологодской губернии, где он в это время проживал. Археологические изыскания он планировал осуществить на свои средства. В связи с тем, что в это же лето ему предложили провести раскопки по заданию ИАК в Нижегородской губ., у него осталось мало времени на работы, задуманные в Галичском уезде. Он смог приступить к ним только в конце июля 1908 г., когда приехал по служебным делам в Вологду и посвятил научным делам три дня. За это время он исследовал траншеями два городища при погосте Унорож и при д. Брюхова и начал раскопки на холме-стоянке «Поп», произвел работы разведочного характера по выявлению новых памятников, все это подробно описал в отчете и представил в ИАК. Приведем выдержку из его отчета о поездке на городище Столбище под Галичем на обратном после раскопок пути: «*Еще с озера,*

не доезжая до г. Галича, красиво расположенного по склону холмистого берега озера, стала вырисовываться, левее города, плоская, как стол, вершина городища, господствующего над городом, называемого “Столбищем”.

Так как до отхода поезда на Вологду оставалось более 3-х часов, то по приезде в город, я взял извозчика и поехал за город осматривать “Столбище”» (Там же. *1908, д. 59, л. 16*). Далее следует подробное описание самого городища и его рисунок. По мнению В. Н. Глазова, *«верхние слои культурного пласта площадки дадут кости животных и поздние вещи русских городищ, а более глубокие слои и валы должны дать находки каменного или медного веков.*

Ввиду наступавшей темноты и начинавшегося дождя [...], полюбовавшись с вала городища величественным видом широкого горизонта, открывавшегося на озеро и на город Галич, прятавшийся в лощине, я отправился прямо на вокзал, чтобы ехать в г. Вологду, куда призывали меня неотложные служебные обязанности, решив при первой же возможности основательно исследовать это городище, сулящее, по-видимому, интересную и богатую добычу для археолога.

Если Бог приведет, то намерение свое постараюсь осуществить в течение лета будущего 1909 г.» (Там же. л. 17–17 об.) Раскопки были произведены летом 1909 г. (рис. 5).

Приемы и тщательность сбора и записи предварительной информации перед проведением раскопок хорошо продемонстрированы в отчете об исследованиях по заданию ИАК в 1908 г.: «*В начале июня месяца с/г. вследствие предложения Императорской Археологической Комиссии, мною произведены археологические раскопки и изыскания близ г. Сергача Нижегородской губ., главной целью которых было исследовать древний могильник меднаго века, находящийся по сведениям*

Рис. 5. Городище под г. Галичем «Столбище». 1909 г.
Fig. 5. Fortified site of «Stolbishche» near the town of Galich. 1909.

Комиссии, на городской земле, у кирпичных сараев пригородной слободы Скочихи. Прибыв 8 Июня с/г в г. Сергач я обратился за сведениями о могильнике к жителям слободы Скочихи, которые объяснили, что в прежние годы (лет 20 тому назад) при разработке глины для выделки кирпича, в отвале земли с краев городского поля, у самой почтовой дороги, идущей из г. Сергача в г. Лукоянов, на глубине около 3 аршин, где начинался слой глины, действительно часто находили небольшие горшочки темной глины с круглым дном и узорами по краям, а один из крестьян по имени Петр (фамилию, к сожалению, забыл) нашел горшок, в котором лежал медный топор или молоток. По словам крестьян, занимающихся выделкою кирпича, в последние годы горшки попадаются очень редко и то место (центр могильника?), где горшки встречались чаще, давно уже выработано и отстоит от края дороги саженях в 7–8. Теперь тут не разрешают брать глину, чтобы не портить дороги и пахоты. Человеческих костей при горшках не замечалось и горшки обыкновенно тут же разбивались и бросались в землю, так как находкам этим никакого значения не придавалось, хотя для крестьян и было удивительно нахождение в глине горшков столь своеобразной формы, не похожей на современные изделия. [...] Один старичок направил меня в соседнюю под городом слободу Кожину, где у самой дороги, при поправки ея, лет 12 тому назад, находили целые человеческие костяки с разными медными вещами, бусами и другими украшениями. По его словам, тогда приезжал какой-то член из Нижняго, который и увез с собой найденные вещи.

Один старый отставной солдат по фамилии Ананьин, умерший года три тому назад, открыл случайно еще могильник, находящийся у дороги в г. Лукоянов, в овраге, у так называемого "Святаго Ключа", верстах в 4 от города Сергача. Ананьин и другие крестьяне находили там много человеческих костей, бус, медных колечек, браслетов и других вещей.

Сыновья покойнаго Ананьина молодые люди, по профессии слесаря, очень любезно предложили проводить меня на место могильника и показали некоторые вещи, найденные там ими лично в песке.

Представленная мне небольшая связка красных бус из пасты и обломки гривны, скрученной из квадратного в сечении меднаго прута [...], не оставляли никакого сомнения в том, что могильник у "Святого Ключа" совершенно аналогичен Кошибеевскому, почему я и решил немедленно же съездить и осмотреть его.

Между двумя оврагами на плоском песчаном холме, отлого спускающееся к долине речки Пьяной, впадающей в р. Суру, имеющем в длину до 150 сажень и в ширину (посередине) до 25 сажень. Верхний слой площадки могильника состоит из светлого тонкого песка, настолько слабо задернованного, что почти вся середина площадки оказалась выдутой ветром, где среди сыпучего песка, особенно после дождей, в прежние годы находили много красных бус (преимущественно), колечек, браслетов, шейных гривен, фибул и других медных украшений и вещей, а также черепков от горшков, мелкаго угля и золы.

При обходе площадки могильника, даже при сильном солнечном освещении мне удалось найти красную бусу средняго размера, несколько мелких черепков горшка и нижнюю челюсть от человеческого черепа с сильными следами зеленой окиси меди.

Ввиду аналогичности этого могильника с Кошибеевским я решился произвести здесь пробную раскопку в первую же голову и на другой же день с 8 часов утра начал работу с артелью в 12 человек» (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1898, д. 197, лл. 1–3; рис. 6).

В марте 1911 г. один из земских начальников Вологодской губернии сообщил в Археологическую комиссию о 15 курганах, расположенных на берегу р. Сученги между д. Ягрыш и д. Медведево Великоустюжского уезда. Крестьяне окрестных деревень незаконно раскапывали насыпи и постоянно находили «человеческие кости, черепа» и «медные украшения», а «однажды выкопали целый костяк женщины, которая погребена была в сидячем положении. Толстую косу этой женщины крестьяне повесили на куст, но волосы быстро распылились» (Там же. 1911, д. 79, л. 5). Вологодский губернатор приказал местному исправнику «принять меры к недопущению дальнейших раскопок могил» и попросил Археологическую комиссию вмешаться в ситуацию (Там же. 1911, д. 79, л. 5). Комиссия обратилась к В. Н. Глазову с просьбой провести иссле-

Рис. 6. Находки из раскопок В. Н. Глазова в Нижегородской губ. 1908 г.
Fig. 6. Finds from excavations by V. N. Glazov in Nizhegorodskaya province. 1908.

дование: уже был накоплен большой опыт успешного сотрудничества с ним в археологических изысканиях по поручению ИАК и РАО, В. Н. Глазов ближе всех археологов в тот момент проживал к месту расположения памятника, так как являлся председателем Вельского уездного съезда Вологодской губернии.

В конце мая в свой отпуск В. Н. Глазов отправился на перекладных (лошадьми и пароходом) на место исследования. Там выяснилось, что почти все курганы разрыты местными крестьянами в поисках клада еще за два года до этого. «*Клада, конечно, не нашли*, — писал он в отчете, — *а насыпи сильно попортили большими круглыми ямами-колодцами, доходившими до сажени в диаметре. Раскопки производились всей деревней, и земский начальник, осматривавший группу, не понял, конечно, что она испорчена окончательно, и для археолога погибла*» (Там же. л. 18). Все же В. Н. Глазов решил раскопать наиболее сохранившиеся насыпи, чтобы выяснить их устройство и «характер погребений». По вещевому материалу и конструкции он датировал курганы XII–XIII вв. Несмотря на сильные повреждения исследуемых памятников и немногочисленность находок, В. Н. Глазов признал свою экспедицию результативной, так как «*была установлена наличность в Вологодской губернии русских курганов XII–XIII вв.*», о существовании которых до того времени не было известно (Там же. л. 21). Древности из курганов были переданы в Музей Вологодского общества изучения Северного Края (ОАК, 1914. С. 69–70).

Последние несколько полевых исследований В. Н. Глазов осуществил на юге России, где он, по всей видимости, проводил отпуск, лечился и заодно занимался любимым делом. 9 апреля 1913 г. из Нового Петергофа В. Н. Глазов пишет письмо в ИАК, что планирует ехать в мае месяце в Крым для лечения в Чокракской грязелечебнице и просит выдать Открытый лист для производства раскопок за свой счет у Карантина, близ Чокракского озера, и продолжения археологических изысканий, начатых предыдущим летом, в окрестностях древней Фанагории и по р. Кубани, в районе Темрюкского отдела (Там же. л. 1). Лист был выдан. В октябре этого же года В. Н. Глазов прислал в ИАК рукопись отчета о раскопках с приложением описи находок и самих находок (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1913, д. 350, л. 5).

В начале отчета В. Н. Глазов дает общее описание ландшафта, гидрологической и почвенной ситуации побережья у ст. Тамань, описывает, как богата земля Таманского полуострова археологическими древностями, которые зачастую можно найти в «*любом месте вдоль морского берега*» (Там же. л. 6 об.). В связи с этим он сетует на чрезвычайно развитое кладоискательство. Он заложил несколько пробных траншей на берегу Азовского моря на территориях нескольких усадеб и в районе Суворовской Фанагорийской крепости с целью поисков не памятников классической эпохи, а средневековых, современных Тмутаракани. Раскопки не принесли желаемых результатов.

Тогда он занялся исследованиями греческого кладбища в восьми верстах от Тамани, «на войсковой земле», близ Южного Кордона пограничной Стражи (рис. 7). Определенный интерес вызывают его заметки, предваряющие непосредственно описание раскопок. Он писал, что береговая линия Черного моря значительно передвинулась в сторону материка, и считал чрезвычайно перспективными исследования подводной части памятника: «*...за 2000 лет ушло в море не менее версты берега с лучшей, центральной и древнейшей частью кладбища. Громадное количество черепков и амфорных ручек, находимых в воде у пляжа берега, красноречиво свидетельствуют, что древнейшие погребения находятся теперь на дне и что здесь, собственно говоря, следует делать не береговые раскопки, а производить работы землечерпательными машинами или землеотсосами*» (Там же. л. 14).

Намеченный к раскопкам памятник был «*изрыт во всех направлениях кладоискательскими ямами*», В. Н. Глазов «*решил начать работы не сплошной траншеей, требующей много труда и времени, а пробной пробивкой небольших ям*». «*Таким образом, за четыре дня работы была вскрыта в разных частях площадь более ста квадратных сажень*» «*при средней глубине могил около 2х аршин, при работе в твердом суглинке киркою, при десяти*

Рис. 7. «Чертеж греческого кладбища у Южного кордона» пограничной стражи. 1913 г.
Fig. 7. «Drawing of a Greek cemetery near the Southern Cordon» of the frontier guard. 1913.

рабочих» (Там же. л. 14 об., 16). В итоге он исследовал 21 гробницу, многие из них оказались разграбленными. В. Н. Глазов датировал кладбище VI–IV вв. до н. э.

Последние археологические исследования В. Н. Глазова, информация о которых представлена в собрании ИАК, были произведены в 1916 г. Сохранился рукописный отчет о раскопках нескольких погребений 23 марта, в том числе катакомбы у ворот каменной ограды Южного Кордона пограничной Стражи на Таманском полуострове близ Тузлянской грязелечебницы Кубанского Казачьего войска.

В. Н. Глазов пишет, что «*будучи в марте месяце по служебным делам в Кубанской области и располагая некоторым свободным временем, я не мог удержаться от искушения произвести маленькие раскопки древнего греческого кладбища*», на том же месте, где он занимался исследованиями за два года до этого (Там же. л. 49). Осуществить небольшие раскопки его «соблазнил» один из работавших у него ранее таманских станичников — «страстный кладоискатель и знаток этого дела», рассказавший ему о новых интересных находках. «В седьмом часу утра 23 марта» группа из 4 казаков под руководством В. Н. Глазова выдвинулась на памятник и «ровно в 8 утра приступили к работе» (Там же. л. 49 об.). «*Работали двое, не переставая, сменяя друг друга на кирках и лопате и в 5м часу вечера ясно определилось направление входа в катакомбу [...]. За очисткою коридора провозились еще больше часа, т.к. землю пришлось вынимать уже железной бадьей на веревке, когда показался край плиты, закрывающей вход в катакомбу*» (Там же. л. 50). «*Когда извлекли плиту и очистили землю, засыпавшуюся в саму катакомбу у ее входа [...], то стало уже совсем темно. Из кордона принесли керосиновую жестяную лампочку и лестницу, по которой я и Анисим спустились на дно коридора ко входу в камеру катакомбы ... и вошли, вернее вползли, так как арка входа была не выше аршина [...] При тусклом свете лампы обрисовалась картина полного разграбления коллективного погребения*» (Там же. л. 51) (рис. 8). Никаких находок, кроме фрагментов керамики, не было обнаружено. «*Поздно вечером возвратились мы в станицу, а катакомба была засыпана солдатами-пограничниками на другой день утром под наблюдением самого вахмистра, которому я поручил это дело*» (Там же. л. 51 об.)

На протяжении всей своей деятельности В. Н. Глазов часто сталкивался со следами разрушения памятников кладоискателями в разных губерниях Российской империи и неоднократно обращал внимание государственных учреждений на то, что необходимо срочное принятие мер для охраны памятников, чтобы спасти национальное достояние от повсеместного разграбления.

Еще в конце XIX в. В. Н. Глазов, как представитель власти, принимал участие в борьбе с незаконным кладоискательством в Гдовском уезде Санкт-Петербургской губернии. Об этом свидетельствует сохранившееся в документах Археологической комиссии его письмо от 4 марта 1899 г.: «*Согласно приговора моего от 16 января с.г. по делу № 69/98 г., вступившего в законную силу, крестьяне с. Рудна Андрей Ефимов, Дмитрий Савельев и др. присуждены к штрафу за кладоискательство и самовольное разрытие древних могил при дер. Малых Рожках, а найденные вещи определено представить на распоряжение Императорской Археологической Комиссии на основании циркуляра МВД от 31 мая 1884 г. за № 11. Ввиду вышеуказанного имею честь при сем препроводить на распоряжение Комиссии отобранные от обвиняемых вещи: серебряную монетку и сломанное медное колечко от серьги или подвески, найденные при костяках, в одной из грунтовых могил с большими камнями в головах и ногах погребения*» (Там же. 1899, д. 49, лл. 1–1об.).

Свое личное отношение к проблеме кладоискательства он ясно выразил в 1909 г. в конце отчета о раскопках в Аткарском уезде Саратовской губернии, где ему встретилось большое количество грабленых курганов. В том году по заданию Археологической комиссии В. Н. Глазов занимался обследованием у д. Липовки. По сведениям председателя Саратовской Архивной комиссии, именно там в 1908 г. в осыпи оврага были обнаружены остатки возможного погребения с конем и выявлены некоторые случайные находки, позволившие предположить наличие «кочевнического могильника XII–XIII вв.». В. Н. Глазов заложил пробную траншею площадью 12 саженей, но ничего не обнаружил.

Рис. 8. Катакомба у Южного кордона пограничной стражи. 1916 г.
Fig. 8. Catacomb near the Southern Cordon of the frontier guard. 1916.

В задачу В. Н. Глазова входила также разведка по выявлению курганных групп на близлежащих территориях и пробные раскопки. Он раскопал порядка 50 курганов, многие из исследованных курганов были нарушены грабительскими ямами. После проведенных работ он представил отчет в ИАК, где писал: «*В заключение считаю должным обратить внимание Императорской Археологической Комиссии на видимо широко распространенное в степях этой части Саратовской губернии кладоискательство, сводящее почти «на нет» все труды археолога и отбивающее всякую охоту для продолжения в этой местности работ и изысканий. Кладоискательство есть, конечно, явление общероссийское и сильно развито в нашем темном и грубом крестьянстве, но борьба с ним все же, полагаю, возможна и даже необходима, как изданием специального карательного строгого закона, преследующего это зло, так и путем введения в курсы начальных народных училищ и школ, хотя бы самых кратких сведений по истории Государства Российского и о русских памятниках старины. Тогда, быть может, подрастающие поколения, ознакомившись с памятниками старины, не станут портить еще немногие уцелевшие из них и не поверят нелепым басням о кладах и несметных богатствах, хранящихся будто бы в курганах и могильниках*» (Там же. 1909, д. 18, лл. 89 об., 90).

В 1910 г. он вновь «убедительнейшее просит» ИАК и РАО «*в прямых интересах науки и дела археологии*» «*возбудить энергичное ходатайство перед правительством о скорейшем издании строгого специального закона, преследующего кладоискательство и вообще всякое бессмысленное и преступное уничтожение и искажение памятников родной старины*» (Там же. 1910, д. 68, л. 11об.)

В 1911 г. В. Н. Глазов опять столкнулся с разграблением археологических памятников. Весной он обратился в ИАК с просьбой о выдаче открытого листа, так как собирался летом на Кавказ и «*попутно за свой счет желал бы произвести разведки и раскопки могильников близ г. Пятигорска и у колонии Каррас*» (Там же. 1911, д. 79, л. 1). Когда он приехал на место, оказалось, что в «*окрестностях Пятигорска на склонах и в долинах гор Машук и Бештау, за рекой Подкумкой, по направлению к горе Юсе, и у колоний Каррас, Николаевской и Константиновской имеется множество курганов по преимуществу небольших и довольно расплывчатых. При ближайшем осмотре почти все эти курганы оказываются перекопанными в разное время более или менее основательно, как различными исследователями, так и местными кладоискателями, видящими в каждом бугре груды золота*» (Там же. 1911, д. 79, л. 30)

Особый размах этого катастрофического для российской археологии явления В. Н. Глазов отмечал в отчетах о своих работах на Таманском полуострове. «*Среди казаков станции Тамани, имеющей до тысячи отделенных дворов, существует целая артель, так называемых «счастливчиков», главное занятие коих (даже в летнюю рабочую пору) состоит в постоянных и систематических поисках и раскопках курганов, гробниц и катакомб. Находки, среди коих нередко попадаются ценные расписные черно-лаковые вазы, блюда и даже золотые вещи сбываются обыкновенно в г. Керчи особым скупщикам, среди коих наиболее известны: Запорожченко и особенно доктор (ветеринар?) Терлецкий, как дающий за находки более высокую цену и затем перепродающий вещи за цену, еще более высокую, в Археологическую Комиссию и посторонним любителям*» (Там же. 1913, д. 350, л. 6).

«*По словам работавших у меня «счастливчиков», в неурожайный 1906 год население Тамани целыми партиями производили здесь раскопки и нередко находили хорошие вещи и золотые украшения. Так золотые серьги с привесками были проданы в Керчи скупщикам за 300 рублей. В этот год не то что не разрешалось производить раскопки, но полиция не преследовала кладоискателей и станичники вошли во вкус этого дела, стали разбираться в находках и узнали их ценность, ранее же случайным находкам древних вещей не придавалось большого значения и скупщики приобретали их за бесценок*» (Там же. л. 22 об—23). И в заключении к отчету 1913 г. он писал: «*[...] не могу не сообщить еще раз Археологической Комиссии, что кладоискательство в Кубанской области, слабо преследуемое местными властями, страшно развито и с каждым годом усиливается. Казалось бы, что привлекать к ответственности следует не только кладоискателей, но и скупщиков, сильно спо-*

собствующих расхищению государственного достояния, к коему должны быть отнесены все ископаемые предметы древности, не исключая и земель частновладельческих. Только тогда неблаговидная деятельность гг. Терлецких [...] и прочих любителей легкой наживы может быть значительно сокращена» (Там же. л. 28 об).

Археологические исследования на Таманском полуострове стали последними известными нам полевыми исследованиями В. Н. Глазова. Открытый лист на их проведение он не получал, но отчет, как и было положено по инструкции, отослал в Императорскую Археологическую комиссию.

В. Н. Глазов посвятил более 20 лет своей жизни изучению различных археологических памятников Европейской части Российской империи. Его работам давали высокую оценку виднейшие представители археологической науки начала XX в.: Н. И. Веселовский и А. А. Спицын, члены Императорской Археологической комиссии и Русского Археологического Общества, в полной мере считали В. Н. Глазова археологом-исследователем (Записки... 1911. С. XIII) и доверяли участие в разработанной ими программе изучения русских памятников ключевых регионов.

Документальное наследие В. Н. Глазова не перестает быть актуальным уже более 100 лет и активно используется в работах современных специалистов. В. Н. Глазов опубликовал всего несколько небольших статей, не принимал участия в развитии теоретической мысли археологической науки, не создавал глобальных обобщающих монографических публикаций, но его многолетний и упорный труд в поле как прекрасного археолога-практика с большим опытом, интуицией и определенной степенью удачливости, а также многочисленные неизданные или изданные частично рукописные материалы, где он подробно описывал результаты всех своих раскопок и разведок, также бесценны для науки. Количество исследованных памятников не поддается подсчету, можно только с уверенностью утверждать, что В. Н. Глазов провел более 30 экспедиционных выездов в разные губернии (приложение 1), в том числе и осуществил первые подводно-археологические работы на Северо-Западе России; объектами изучения стали древности самых разнообразных культур от эпохи античности до позднего Средневековья.

Приложение 1

Материалы полевых исследований В. Н. Глазова из собрания Императорской Археологической комиссии Рукописного и Фотографического отделов Научного архива Института истории материальной культуры РАН (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1; ФО НА ИИМК РАН, ф. 1)

1898 г. *Дело ИАК № 49 о раскопках В. Н. Глазова в Гдовском уезде, СПетербургской губ. Началось 9 марта 1898 г. Окончилось 24 октября 1900 г. На 75 л.* Раскопки в Санкт-Петербургской губ. Материалы исследований курганов и жальников в Выскатской и Константиновской и Добручинской вол.: могильники при дд. Большие и Малые Поля, Хрель, Хотил, Гостиж Бор, Гостилицы. В состав дела входит журнал археологических раскопок (начат 4 мая 1898 г., окончен 17 сентября 1898 г.), отчет с планами памятников с указанием раскопанных объектов, опись находок, рисунки вещей, каменных крестов, планы расположения костяков и находок в погребениях (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1898, д. 49). Находки поступили в РАО. Опубликовано частично в Материалах по археологии России, Вып. 29 (*Спицын*, 1903а).

1899 г. *Дело ИАК № 50 по ходатайству г. В. Н. Глазова о разрешении ему производства раскопок в Гдовском уезде СПетербургской губ. Началось 4 марта 1899 г. Окончилось 24 марта 1901 г. На 72 л.* Раскопки в Санкт-Петербургской губ. Материалы исследований курганов и жальников у дд. Гусева-гора, Савиновщина, Засторонье, Заянье, Бакин Конец, Малая Руя, у м. Куричек и Верхоляны: переписка, отчет с рисунками находок, каменных крестов, погребений, планы и разрезы курганов, чертежи расположения курганных групп и жальников, опись и фототаблицы находок, список старинных могильников, жальников, отдельных курганов, городищ и других памятников древности Гдовского уезда (к археологической карте 1899 года) (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1899, д. 50). Находки поступили в РАО. Опубликовано частично в Материалах по археологии России, Вып. 29 (*Спицын*, 1903а). Негативы фототаблиц находок изготовлены И. Ф. Чистяковым в 1899 г.: ФО НА ИИМК РАН, нег. II 26224–26226, III 7346–7357.

Дело ИАК № 90 о раскопках Императорского Русского Археологического Общества в Псковской и Новгородской губерниях. Началось 29 апреля 1899 г. Окончилось в ноябре 1903 г. На 48 лл. Раскопки в Псковской губ. Материалы исследования по ходатайству Русского Археологического Общества могильников в Псковском и Порховском уездах у с. Кривовицы (23 кургана, 58 грунтовых могил), дд. Жидилов-Бор (3 кургана и 20 грунтовых могил), Замошье, Лопатово (16 курганов), Подмогилье: журнал раскопок с рисунками погребений, планами расположения жальников и курганных групп, описью и фотографиями находок (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1899, д. 90; Отчет Глазова..., 1903б). Находки поступили в РАО. Негативы фототаблиц находок изготовлены И. Ф. Чистяковым в 1899 г.: ФО НА ИИМК РАН, нег. III 7427–7435.

1900 г. *Дело ИАК № 50 о раскопках В. Н. Глазова в Гдовском уезде СПетербургской губ. Началось5 марта 1900 г. Окончилось 27 октября 1900 г. На 65 лл.* Раскопки в Санкт-Петербургской губ. Материалы исследований курганных групп и жальников в Гдовском уезде при дд. Скарятина Гора, Ольгин крест, Кушела, Калихновщина, Патреева Гора, Куклина Гора, Криуши, Борки: отчет и журнал раскопок с рисунками планов и разрезов курганов, погребений, планами расположения курганов, жальников; опись и фототаблицы находок из раскопок. Всего летом 1900 г. было вскрыто 129 курганов и пять грунтовых могил в восьми курганных группах (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1900, д. 50). Находки поступили в Музей РАО. Опубликовано частично в Материалах по археологии России, Вып. 29 (*Спицын*, 1903а). Негативы фототаблиц находок изготовлены И. Ф. Чистяковым в 1900 г.: ФО НА ИИМК РАН, нег. III 7543–7545.

Дело ИАК № 114 о раскопках Императорского Русского Археологического Общества в Новоржевском и Опочецком уу. Псковской губ. Началось 19 мая 1900 г. Окончилось в июне 1900 г. На 44 лл. Раскопки в Псковской губернии. Материалы исследований в Новоржевском и Опочецком уездах: обзор средневековых могильников на территории Опочецкого уезда и юго-западной части Новоржевского уезда (их наличие, состояние, степень изученности), отчет о раскопках могильников у дд. Кирово, Щурупово, Макушино, Волково, Рогово, Шильско, Бабино, Кудово, Патрухново, Дыркино, Тютино, Романово, Заозерье, пог. Жадрицы, с. Загрязье с рисунками каменных крестов, планов и разрезов курганов, погребений, чертежами-планами расположения курганов, жальников (ИИАК, 1902. С. 60–61; *Глазов*, 1901. С. 210–227). Всего было раскопано 70 курганов и около 50 могил. Отчет сопровождается фотографиями (контрольными отпечатками) общих видов памятников и рабочих моментов раскопок, описью находок (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1900, д. 114). Находки поступили в РАО.

1901 г. *Дело ИАК № 46 о раскопках В. Н. Глазова в Гдовском уезде, СПетербургской губ. Началось 4 марта 1901 г. Окончилось 2 мая 1902 г. На 59 лл.* Раскопки в Санкт-Петербургской губ. Материалы исследований памятников восточного побережья Чудского озера, верховьев реки Наровы и среднего течения реки Плюсы: краткий обзор и список жальников, отчет о раскопках курганов и жальников у дд. Малая Каменка, сс. Крапивна, Ольгин крест, Павлов Погост с рисунками курганов, погребений, планами памятников. Все-

го было вскрыто 39 курганов и 40 каменных грунтовых могил. К отчету приложены опись и фототаблицы находок (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1901, д. 46). Находки поступили в РАО. Опубликовано частично в Материалах по археологии России, Вып. 29 (*Спицын*, 1903а). Негативы фототаблиц находок изготовлены И. Ф. Чистяковым в 1901 г.: ФО НА ИИМК РАН, нег. III 7875, III 7877, III 7879, III 7890–7900.

Дело ИАК № 86 о раскопках Императорского Археологического Общества в Тверской и Псковской губ. Началось 21 апреля 1901 г. Окончилось 26 октября 1901 г. На 57 лл. Раскопки в Псковской губ. Материалы исследований в Холмском и Великолукском уездах по ходатайству РАО: отчет о раскопках курганов, грунтовых могил и жальников в районе верхнего течения р. Ловати у дд. Клюницы, Ржавенье, Кузнецово, Дохино, Васюково, Сатонкино, Яновище, Козлово, Прошково и Шелковец, при погосте Бологово и городища при погосте Захолмье (Отчет Глазова... 1903а. С. 44–58, Протоколы... 1904. С. 104–105). Всего были исследованы одна сопка, пятьдесят восемь курганных насыпей и пятнадцать каменных грунтовых могил. В отчет вошли рисунки курганов и погребений, планы памятников, опись находок (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1901, д. 86). Находки поступили в РАО. Негативы фототаблиц находок изготовлены И. Ф. Чистяковым в 1901 г.: ФО НА ИИМК РАН, нег. III 7876–7878.

1902 г. *Дело ИАК № 49 об обнаружении на дне Чудского озера старинного судна с грузом каменным. Началось 28 февраля 1902 г. Окончилось 28 декабря 1910 г. На 39 л.* Материалы экспедиции по поднятию позднесредневекового судна и его груза близ с. Сыренца в истоках р. Наровы по поручению и финансированию ИАК (17 руб.): отчет о работах, переписка, финансовая документация, рисунки процесса подъема груза с методическими рекомендациями (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1902, д. 49; ОАК, 1904. С. 121; *Глазов*, 1911. С. 30–34).

Дело ИАК № 68 о раскопках В. Н. Глазова в Гдовском и Ямбургском уездах, СПб губ. Началось 23 марта 1902 г. Окончилось 2 ноября 1902 г. На 7 л. Раскопок не производил «за недостатком свободного времени» и «ввиду холодного и дождливого лета, крайне неблагоприятствовавшего земляным работам» (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1902, д. 68).

Дело ИАК № 91 о раскопках г. В. Н. Глазова в с. Кошибееве, Елатомского уезда Тамбовской губ. Началось 3 мая 1902 г. Окончилось 8 мая 1907 г. На 63 л. Раскопки в Тамбовской губ. Материалы исследований Кошибеевского грунтового могильника по поручению и финансированию (175 руб.) ИАК в продолжение работ А. А. Спицына в 1895 г.: опись находок, план памятника с обозначением раскопов, рукопись отчета «Кошибеевский могильник», фототаблицы находок, документы финансовой отчетности, переписка (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1902, д. 91; ОАК, 1904. С. 110–111; *Шитов*, 1988. С. 4–44). Всего было исследовано 97 могил. Находки поступили в собрание Императорского Российского Исторического музея. Негативы фототаблиц находок изготовлены И. Ф. Чистяковым в 1903 г.: ФО НА ИИМК РАН, нег. III 8506–8518.

Дело ИАК № 99 о выдаче открытых листов на раскопки Императорскому Русскому Археологическому Обществу. Началось 10 мая 1902 г. Окончилось 5 февраля 1904 г. На 62 лл. Раскопки в Псковской губ. Материалы исследований курганных групп и разведочных работ в Торопецком уезде у погостов Бенец, Хворостьево, Чистово, у дд. Селяня, Низинка, Бариново, Ермаки, Финево, в имениях «Подгай», «Масловка», включая описание городищ у г. Торопец, результаты осмотра памятников на северо-западной части Холмского уезда и нижнего течения р. Ловать у с. Ильинское, дд. Дунаево, Макаровой, рукопись отчета, фотографии городища у г. Торопец, снимки рабочих моментов раскопок, чертежи курганных групп и жальников, раскопок, погребений, планы и разрезы погребальных сооружений, опись находок (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1902, д. 99; Отчет Глазова..., 1903а. С. 58–66). Находки поступили в РАО. Фототаблицы находок изготовлены И. Ф. Чистяковым в 1903 г.: ФО НА ИИМК РАН, нег. III 2480, III 13357, отп. Q 463/54.

1903 г. *Дело ИАК № 49 о раскопках г. В. Н. Глазова в Гдовском и Ямбургском уездах СПетербургской губ. и в Новгородской и Тверской губ. Началось 14 марта 1903 г. Окончилось без даты. На 126 л.* (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1903, д. 49).

1. Раскопки в Новгородской губ. (ОАК, 1906. С. 125–126; *Глазов*, 1904. С. 50–60). Материалы исследований могильника у д. Бор, курганных групп у дд. Низовка, Дубровка, Жерновка и Далево, жальников у дд. Поджарье, Горки и Казань в Крестецком уезде по заданию и финансированию ИАК (100 руб.): переписка, отчет о раскопках с планами памятников и рисунками погребений и курганов, опись находок, финансовая документация. Находки поступили в Императорский Российский Исторический музей.

2. Раскопки в Тверской и Новгородской губ. (*Спицын*, 1905б. С. 97–106). Материалы обследования по заданию РАО в Осташковском и Демянском уездах: отчет о разведке у истоков Волги и в береговой зоне Селигера с целью поиска памятников каменного века и городищ Дьякова типа, описание средневековых памятников в этом же регионе, отчет о раскопках курганов и городища у погоста Овселук, курганов у озера и погоста Хвошня, курганов и грунтовых могил у д. Малый Бохот, курганов и городища у оз. Стерж; описание ряда памятников Демянского уезда между Моловотицами и до погоста Егорьевский, отчет о раскопках могильников на Богодарских высотах и у д. Пески и на городище Княжья Гора около Демянска, курганов у д. Мамаевщина Демянского уезда. Отчеты сопровождаются рисунками общих видов и планов памятников, разрезов курганов, погребений, описью находок.

3. Раскопки в Псковской губ. (*Спицын,* 1903в. С. 196–202–74*;* 1905а. С. 71–74). Материалы исследований могильников у погостов Чирскова, Лыбуты (на берегу р. Великой, у дд. Першино и Голодуши) в Псковском уезде по заданию и финансированию ИАК (150 руб.): переписка, отчет о раскопках с планами и фотографиями памятников, с рисунками погребений и курганов, финансовая документация, опись находок. Находки переданы в распоряжение Псковского Археологического Общества.

4. Раскопки в Санкт-Петербургской губ. (*Спицын*, 1903б. С. 139–142) Материалы исследования курганного могильника у д. Мануйлово, произведенных по ходатайству РАО: общее описание и план памятника, отчет о раскопках 21 кургана с рисунками разрезов, погребений и описью находок. Находки поступили в РАО.

1904 г. *Дело ИАК № 75 о раскопках г. Глазова в Гдовском и Ямбургском уездах, Санкт-Петербургской губ. Началось 10 апреля 1904 г. Окончилось 23 мая 1904 г. На 6 лл.* Заказал Открытый лист и получил в апреле 1904 г. Работы не проводил. «Выбыл в действующую армию» (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1904, д. 75).

Дело ИАК № 82 о раскопках гг. Глазова и Смирнова во Владимирской губ. Началось 13 апреля 1904 г. Окончилось 24 февраля 1905 г. На 33 лл. Открытый лист был выдан в апреле 1904 г. Раскопок не производил (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1904, д. 82).

1906 г. *Дело ИАК № 59 о раскопках Императорского Русского Археологического Общества в Поречском уезде Смоленской губернии. Началось 2 мая 1906 г. Окончилось 2 ноября 1906 г. На 20 лл.* Раскопки в Смоленской губ. Материалы исследований в северо-западной части Поречского уезда близ границы Невельского и Витебского уездов Витебской губ. Отчет о раскопках могильников у дд. Клименок, Ланские Шарки, Силуянова, Ковали с рисунками курганов, планами памятников, описью и фотографией находок (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1906, д. 59; *Спицын*, 1907. С. 237–240). Негатив фототаблицы находок изготовлен И. Ф. Чистяковым в 1907 г.: ФО НА ИИМК РАН, нег. II 28141.

Дело ИАК № 65 о раскопках В. Н. Глазова в Вельском и Тотемском уездах Вологодской губ. Началось 24 апреля 1906 г. Окончилось 8 мая 1907 г. На 18 л. Материалы исследований в Вологодской губ.: общий обзор археологических памятников в Вельском уезде, отчет о раскопках городища у д. Городок, рукописи заметок «Каменный век Крайнего Севера», «Медный гребень», отчет о разведке по течению р. Кокшеньга в Тотемском уезде, опись находок (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1906, д. 65). Все работы В. Н. Глазов производил за свой счет, коллекцию вещей пожертвовал в РАО.

1907 г. *Дело ИАК № 35 о раскопках г. В. Н. Глазова в Вельском и Кадниковском уездах Вологодской губ. Началось 29 марта 1907 г. Окончилось 9 апреля 1907 г. На 15 л.* Раскопки не производились. В деле хранится рукопись В. Н. Глазова «Список курганов, могильников и городищ по уездам Костромской губернии,

Вологодской губернии и по некоторым (ближайшим к Вологодской губ.) уездам Новгородской губернии» (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1907, д. 35).

Дело ИАК № 95 о раскопках г. В. Н. Глазова в Самарском уезде. Началось 30 июня 1907 г. Окончилось 29 мая 1910 г. На 24 лл. Раскопки в Самарской губернии. Материалы поездки в Самару: отчет об обследовании могильника в урочище Барбашева Поляна (осмотр и сбор сведений у местных жителей), описание пробных раскопок двух погребений, глазомерный план и фотографии могильника, опись находок, план погребения (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1907, д. 95). Находки переданы в РАО (Археологические исследования... 2011. С. 4–7, 12–31).

1908 г. *Дело ИАК № 197 за* ***1898 г.*** *о находке древностей в могильнике около родника «Святой Ключ», в 4 в. от г. Сергача, Нижегородской губ. Началось 17 августа 1898 г. Окончилось 17 февраля 1912 г. На 40 л.* Раскопки в Нижегородской губ. Материалы исследований раннесредневекового могильника у «Святого Ключа» по поручению и финансированию ИАК (200 руб.), пробных раскопов у с. Скочиха и у слободы Кожиной: обзор сведений о могильнике, полученных в процессе опроса местного населения; отчет о раскопках погребений и разборке заполнения траншей с планом памятника и обозначением мест работ, рисунками погребений; отчет о раскопках у с. Скочиха и у слободы Кожиной с планами (ОАК, 1912. С. 166). К отчетам прилагается опись находок (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1898, д. 197). Фототаблицы находок изготовлены И. Ф. Чистяковым в 1911 г. ФО НА ИИМК РАН, нег. II 31453–31455, отп. Q 653/16–18.

Дело ИАК № 59 о раскопках В. Н. Глазова в Галичском уезде, Костромской губ. Началось 30 апреля 1908 г. Окончилось 21 января 1912 г. На 26 л. Раскопки в Костромской губ. Материалы исследований в Галичском уезде: общее описание памятников, отчет о раскопках городища у погоста Унорож с планом памятника, городища у д. Брюхово с общим глазомерным планом его расположения, рисунком профиля и чертежом площадки городища с указанием границ траншеи и грабительской ямы, отчет о раскопках «дюны-холма-стоянки «Пуп» с рисунками профиля и плана. К отчетам прилагаются опись и фотографии находок. Раскопки производились за свой счет (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1908, д. 59). Негативы фототаблиц находок изготовлены И. Ф. Чистяковым в 1912 г. ФО НА ИИМК РАН, нег. III 12164–12166.

1909 г. *Дело ИАК № 18 о случайном обнаружении древнего погребения крестьянами с. Липавого Аткарского уезда Саратовской губ. Началось 27 января 1909 г. Окончилось 13 октября 1912 г. На 107 л.* (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1909, д. 18).

1. Раскопки в Саратовской губ. (ОАК, 1913. С. 190–192; ИИАК, 1909. С. 94–96). Материалы исследований в Аткарском уезде по заданию и финансированию ИАК (300 руб.): отчет об обследовании места случайных находок у д. Липовки, осмотре и выявлении на близлежащих территориях других курганных групп, рукопись отчета о раскопках 27 средневековых курганов могильника у Пахотной Слободы г. Аткарска с планом памятника и раскопанных курганов, с рисунками насыпей курганов в разрезе и погребений; отчет о раскопках 3 курганов у д. Липовка, курганов у д. Б. Дмитриевка и 8 курганов у д. Двоенки с планами могильников, рисунками погребений, описями находок и фотографиями находок. В деле содержатся финансовые отчеты и документация. Вещи переданы в Музей Саратовской Губернской Ученой Комиссии. Фототаблицы находок изготовлены И. Ф. Чистяковым в 1911 г. ФО НА ИИМК РАН, нег. III 11924–11927, отп. Q 653/19–22.

2. Материалы исследований в Галичском у. Костромской губ.: журнал раскопок городища «Столбище» с описью находок, планом памятника с указанием мест раскопанных траншей, отчет о раскопках на «Заячьей горке» (3 траншеи). Вещи поступили в РАО. Фототаблица находок изготовлена И. Ф. Чистяковым в 1911 г. ФО НА ИИМК РАН, нег. III 11924, отп. Q 653/19.

1910 г. *Дело ИАК № 68 о раскопках г. В. Н. Глазова в Задонском уезде, Воронежской и Буйском у., Костромской губ. Началось 6 апреля 1910 г. Окончилось 6 ноября 1910 г.* На 25 л. (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1910, д. 68).

1. Раскопки в Воронежской губ. Материалы исследований у с. Тюнина и у мужского

монастыря в Задонском уезде: отчет о раскопках семи курганов эпохи бронзы с общим описанием памятника, с рисунками разрезов и планов погребений и насыпей, описью находок. Вещи переданы в РАО (*Бессуднов, Захарова*, 2012. С. 46–60, 187–196).

2. Материалы разведочной поездки в Буйский у. Костромской губ. с целью выявления памятников каменного века на р. Корег у Волотовой горы, включая обзор общеисторического характера о наличии археологических памятников, случайных находках и достопримечательных местах уезда, основанный на опросе местных жителей. К отчетам приложена опись находок, которые поступили в коллекцию Музея РАО.

1911 г. *Дело ИАК № 79 о раскопках В. Н. Глазова в Пятигорском отд., Терской области и Устюгском у., Вологодской губ. Началось 19 апреля 1911 г. Окончилось 19 ноября 1911 г. На 36 л.* (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1911, д. 79).

1. Материалы исследований в пределах Пятигорского отдела Терской обл., раскопки курганов у колонии Каррас, на южном склоне горы Бештау, погребений в Второ-Афонском Успенском монастыре и курганов в его окрестностях: рукопись отчета о раскопках, рисунки погребения и находок, план предполагаемого могильника у монастыря с обозначением места раскопок.

2. Раскопки в Вологодской губ. (ОАК, 1914. С. 69–70). Материалы исследований в Вострой волости Устюжского уезда по заданию и финансированию ИАК (75 руб.): отчет о раскопках древнерусских курганов у на р. Сученга с глазомерным планом памятника, рисунком погребения и курганной насыпи в разрезе, описью находок. Фототаблица находок в Вологодской губ. изготовлена И. Ф. Чистяковым в 1913 г. ФО НА ИИМК РАН, нег. II 34885, отп. Q 709/22.

1912 г. *Дело ИАК № 60 о раскопках В. Н. Глазова в Царскосельском уезде, СПетербургской губ., и близ Темрюка, Кубанской обл. Началось 16 марта 1912 г. Окончилось 23 марта 1915 г. На 26 л.* (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1912, д. 60).

1. Исследования в Санкт-Петербургской губ. Материалы показательных раскопок могильника у ст. Войсковицы для слушателей Археологического института: рукопись отчета с рисунками погребений, описью находок. Находки поступили в Археологический институт.

2. Раскопки в Кубанской губ. Материалы исследований в пределах местности древней Фанагории: рукопись отчета о поездке в гг. Керчь, Темрюк с описанием некоторых археологических памятников, отчет о раскопках каменных гробниц и девяти курганов у ст. Варениковской, двух курганов у хутора г. Сумарокова с рисунками погребений и находок, планом курганной группы у ст. Варениковская, описью находок. В. Н. Глазов производил работы за свой счет, находки поступили в РАО.

1913 г. *Дело ИАК № 50 о раскопках В. Н. Глазова в Таврической губ. и Кубанской обл. в 1913 г. Началось 25 апреля 1913 г. Окончилось 13 января 1915 г. На 53 л.* Материалы исследований в Кубанской области: отчет о раскопках в ст. Тамань и ее окрестностях, у Суворовской Фанагорийской крепости, греческого кладбища у Южного Кордона (21 гробница VI–IV вв. до н. э.) близ ст. Тамань с планом памятника, рисунками погребений и описью находок. Находки поступили в Эрмитаж, Российский исторический музей, в кабинет искусства Императорского Петроградского университета (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1913, д. 50). Фотография находок изготовлена И. Ф. Чистяковым в 1914 г. ФО НА ИИМК РАН, нег. II 34976.

Дело ИАК № 123 о раскопках Императорского Русского Археологического Общества в СПб и Курской губ. в 1913 г. /Н. И. Репников и В. Н. Глазов/. Началось 1 мая 1913 г. Окончилось 27 января 1916 г. На 36 л. Раскопки в Курской губ. Материалы исследований курганной группы близ д. Гочево Обоянского уезда по поручению РАО: отчет о раскопках с общим описанием могильника, рисунками курганов и погребений, опись находок, план Гочевского городища и курганной группы. Всего вскрыто 105 курганов (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1913, д. 123). Находки переданы в РАО.

1915 г. *Дело № 93 о раскопках В. Н. Глазова в Обоянском уезде, Курской губернии. Началось 8 мая 1915 г. Окончилось 27 мая 1915 г. На 26 л.* Материалы исследований памятников у с. Гочева Обоянского у. Курской губ.: отчет о раскопках могильника с рисунками курганов и погребений (всего раскопан 101 курган), план курганной группы; описание и отчет о

раскопках городища «Высокого» в окрестностях могильника, план городища с обозначением раскопанной части, рисунок стратиграфии вала городища (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1915, д. 93).

1916 г. *Дело ИАК № 350 за* ***1913 г.*** *о раскопках В. Н. Глазова в Таврической губ. и Кубанской обл. в 1913 г. Началось 25 апреля 1913 г. Окончилось 13 января 1915 г. На 53 л.* Раскопки на Таманском полуострове. Рукопись «Катакомба у ворот каменной ограды Южного Кордона пограничной стражи на Таманском п-ове близ Тузлянской грязелечебницы Кубанского казачьего войска, вскрытая членом-сотрудником Императорского Русского Археологического Об-ва В. Н. Глазовым 23 марта 1916 г.» с рисунком катакомбы и погребения (РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1913, д. 350).

Археологические исследования... 2011 — Археологические исследования на территории города Самары. Раскопки В. Н. Глазова и В. А. Миллера на Барбашинском могильнике. Самара, 2011.

Бессуднов, Захарова, 2012 — *Бессуднов А. Н., Захарова Е. Ю.* В поисках древностей забытого урочища. О находках окрестностей Задонска. Тула, 2012.

Викентьев, 1910 — *Викентьев В. П.* Полоцкий кадетский корпус. Исторический очерк 75-летия его существования. Полоцк, 1910.

Глазов, 1901 — *Глазов В. Н.* Отчет о раскопках, произведенных в 1900 г. в Опочецком и Новоржевском уездах // ЗРАО. Н. С., 1901. Т. 12. Вып. 1/2.

Глазов, 1904 — *Глазов В. Н.* Отчет о поездке 1903 г. в Крестецкий у. Новгородской губ. // ИИАК., 1904. Вып. 6.

Глазов, 1911 — *Глазов В. Н.* Ладья с каменными ядрами, затонувшая в Чудском оз. // ЗРВААРВИО., 1911. Т. 1.

Записки... 1911 — Записки разряда военной археологии и археографии Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1911. Т. 1.

ИИАК, 1902 — ИИАК. СПб., 1902. Вып. 3. Прибавл.

ИИАК, 1909 — ИИАК. СПб., 1909. Вып. 32. Прибавл.

НИАБ, ф. 2613, оп. 1, д. 43: Список воспитанников Полоцкой Военной Гимназии, удостоенных перевода в следующие классы в 1878 году.

ОАК, 1904 — Отчет ИАК за 1902 г., 1904.

ОАК, 1906 — Отчет ИАК за 1903 г., 1906.

ОАК, 1912 — Отчет ИАК за 1908 г., 1912.

ОАК, 1913 — Отчет ИАК за 1909/1910 гг., 1913.

ОАК, 1914 — Отчет ИАК за 1911 г. П., 1914.

Отчет Глазова..., 1903а — Отчет В. Н. Глазова о раскопках, произведенных в Псковской губ. в 1901 и 1902 гг. // ЗОРСА ИРАО. СПб., 1903. Т. 5, вып. 1.

Отчет Глазова..., 1903б — Отчет В. Н. Глазова о раскопках, произведенных в 1899 г. в Псковском у. // ЗОРСА ИРАО., 1903. Т. 5, вып. 1.

Памятная книжка... 1898 — Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1898 год. СПб., 1898.

Памятная книжка... 1900 — Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1900 год. СПб., 1900.

Памятная книжка... 1905 — Памятная книжка С.-Петербургской губернии. Описание губернии с адресными и справочными сведениями. СПб., 1905.

Платонова, 2004 — *Платонова Н. И.* Истоки Санкт-Петербургской школы археологии (конец XIX — 1-я треть XX века: Н. П. Кондаков, В. Р. Розен, А. А. Спицын, Ф. К. Волков, А. А. Миллер) // Археолог: детектив и мыслитель: Сборник статей, посвященный 77-летию Льва Самойловича Клейна. СПб, 2004.

Поляков, 2010 — *Поляков С. И.* Полоцкий кадетский корпус. История в лицах. Полоцк, 2010. (Наследие Полоцкой земли; Вып. 12).

Протоколы..., 1904 — Протоколы заседаний Отделения археологии русской и славянской РАО за 1901–1903 // ЗОРСА РАО. СПб., 1904. Т. 5, Вып. 2.

Протоколы..., 1915 — Протоколы общих собраний Императорского Русского Археологического общества за 1899–1908 гг. Петроград, 1915.

РГВИА. Ф. 409, оп. 2, д. 27127 (пс. 319–134). Министерства Военного Главного штаба № 16 Об увольнении от службы 147-го пехотного Самарского полка подпоручика Владимира Глазова.

РГИА. Ф. 1291, оп. 28, 1891, д. 142: Дело (Земскаго начальник 1 участка Гдовского уезда СПетербургской)[11] губернии Владимира Ниловича Глазова.

РГИЯ. Ф. 1291, оп. 35. 1911, д. 199: Дело о назначении пенсии быв. Председателю Вельскаго Уез. Съезда Вологодской губ. Ст. Сов. Глазову.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1894, д. 139: О старинных русских серебряных монетах, найденных в дер. Остров-Желачка, Гдовского у. СПетербургской губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1898, д. 49: О раскопках В. Н. Глазова в Гдовском уезде, СПетербургской губ.

[11] Текст в скобках зачеркнут, сверху надписано «Председателя Вельскаго Уезднаго Съезда Вологодской».

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1898, д. 197: О находке древностей в могильнике около родника «Святой Ключ», в 4 в. от г. Сергача, Нижегородской губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1899, д. 49: О древностях, найденных при самовольной раскопке крестьянами могил при д. Малых Рожках, Гдовского у. Санкт-Петербургской губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1899, д. 50: По ходатайству г. В. Н. Глазова о разрешении ему производства раскопок в Гдовском уезде СПетербургской губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1899, д. 90: О раскопках Императорского Русского Археологического Общества в Псковской и Новгородской губерниях.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1900, д. 50: О раскопках В. Н. Глазова в Гдовском уезде СПетербургской губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1900, д. 114: О раскопках Императорского Русского Археологического Общества в Новоржевском и Опочском уу. Псковской губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1901, д. 46: О раскопках В. Н. Глазова в Гдовском уезде, СПетербургской губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1901, д. 86: О раскопках Императорского Археологического Общества в Тверской и Псковской губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1901, д. 275: О древностях, представленных в Комиссию на рассмотрение В. Н. Глазовым.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1902, д. 49: Об обнаружении на дне Чудского озера старинного судна с грузом каменным.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1902, д. 68: О раскопках В. Глазова в Гдовском и Ямбургском уездах, СПб губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1902, д. 91: О раскопках г. В. Н. Глазова в с. Кошибееве, Елатомского уезда Тамбовской губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1902, д. 99: О выдаче открытых листов на раскопки Императорскому Русскому Археологическому Обществу.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1903, д. 49: О раскопках г. В. Н. Глазова в Гдовском и Ямбургском уездах СПетербургской губ. и в Новгородской и Тверской губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1903, д. 230: О находке старинных серебряных монет близ дер. Куклиной горы Гдовского уезда, СПетербургской губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1904, д. 3: О присылке разными лицами монет и вещей на рассмотрение Комиссии.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1904, д. 75: О раскопках г. Глазова в Гдовском и Ямбургском уездах, Санкт-Петербургской губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1904, д. 82: О раскопках гг. Глазова и Смирнова во Владимирской губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1906, д. 59: О раскопках Императорского Русского Археологического Общества в Поречском уезде Смоленской губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1906, д. 65: О раскопках В. Н. Глазова в Вельском и Тотемском уездах Вологодской губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1907, д. 35: Дело ИАК о раскопках г. В. Н. Глазова в Вельском и Кадниковском уездах Вологодской губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1907, д. 95: О раскопках г. В. Н. Глазова в Самарском уезде.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1908, д. 59: О раскопках В. Н. Глазова в Галичском уезде, Костромской губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1909, д. 18: О случайном обнаружении древнего погребения крестьянами с. Липавого Аткарского уезда Саратовской губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1910, д. 68: О раскопках г. В. Н. Глазова в Задонском уезде Воронежской и Буйском уезде Костромской губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1911, д. 79: О раскопках В. Н. Глазова в Пятигорском отд., Терской области и Устюжском у., Вологодской губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1912, д. 60: Дело о раскопках В. Н. Глазова в Царскосельском уезде, СПетербургской губ., и близ Темрюка, Кубанской обл.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1913, д. 123: Дело ИАК о раскопках Императорского Русского Археологического Общества в СПб. и Курской губ. в 1913 г. / Н. И. Репников и В. Н. Глазов.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1913, д. 350: Дело ИАК о раскопках В. Н. Глазова в Таврической губ. и Кубанской обл. в 1913 г.

РО НА ИИМК РАН, ф. 1, оп. 1, 1915, д. 93: Дело о раскопках В. Н. Глазова в Обоянском уезде, Курской губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 3, д. 14: Об избрании в члены Общества, о назначении членов в разные должности, а также и о выбытии членов из Общества. Ч. 4.

РО НА ИИМК РАН, ф. 37, д. 3: Материалы для составления археологической карты Гдовского у. Петерб. губ.

РО НА ИИМК РАН, ф. 37, д. 4: Археологическая карта Гдовского у., составленная В. Н. Глазовым.

Спицын, 1903а — *Спицын А. А.* Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова. СПб., 1903 (Материалы по археологии России; Вып. 29).

Спицын, 1903б — *Спицын А. А.* Отчет о раскопках В. Н. Глазова 1903 г. близ д. Мануйловой Ямбургского у. // ЗОРСА РАО. СПб., 1905. Т. 7. Вып. 1.

Спицын, 1903в — *Спицын А. А.* Удлиненные и длинные русские курганы // ЗОРСА ИРАО. СПб., 1903. Т. 5. Вып. 1.

Спицын, 1905а — *Спицын А. А.* Раскопки В. Н. Глазова близ погоста Лыбуты // ИИАК. СПб., 1905. Вып. 15.

Спицын, 1905б — *Спицын А. А.* Отчет В. Н. Глазова о поездке 1903 г. на верховья Волги и в Демянский у. // ЗОРСА ИРАО., 1905. Т. 7. Вып. 1.

Спицын, 1907 — *Спицын А. А.* Отчет о раскопках, произведенных в 1906 г. В. Н. Глазовым в Смоленской губ. // ЗОРСА ИРАО., 1907. Т. 7. Вып. 2.

Фонды... 2006 — Фонды Национального исторического архива Беларуси: Справочник. Минск, 2006.

Шитов, 1988 — *Шитов В. Н.* Кошибеевский могильник (По материалам раскопок В. Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I — начале II тыс. н. э. Саранск, 1988 (Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы и экономики; Вып. 93).

Щавелев, 2009 — *Щавелев С. П.* Историки Курского края: Биографический словарь. Курск, 2009.

ЦГИА, ф. 258, оп. 5, д. 1139: О деятельности земского начальника 1-го участка Гдовского уезда Глазова.

ЦГИА, ф. 258, оп. 5, д. 1256: О нарушении земским начальником 1-го участка Гдовского уезда Глазовым служебных обязанностей.

ЦГИА, ф. 258, оп. 6, д. 56: По жалобе крестьянина дер. Выскатки Выскатской вол. Гдовского у. Терентия Тарасова на неправильный раздел имущества и нанесение ему побоев земским начальником 1-го участка Глазовым.

ПЕРСОНАЛИИ

Памяти Галины Вацлавны Длужневской (10.03.1946–01.07.2014)

1 июля 2014 г. не стало Галины Вацлавны Длужневской, доктора исторических наук, заведующей Научным архивом Института истории материальной культуры РАН (ИИМК). Вся активная жизнь Галины Вацлавны — а это чуть менее 50 лет и единственное место ее постоянной работы — были связаны с институтом. До последнего дня она оставалась энергичным и жизнедеятельным человеком, и никто не мог предвидеть самой возможности случившегося, так больно отозвавшегося в сердцах всех знавших и любивших Галину Вацлавну, не только в Санкт-Петербурге, но и далеко за его пределами.

Галина Вацлавна Длужневская родилась 10 марта 1946 г. в послевоенном Ленинграде в семье военнослужащего. Обыкновенная советская школьница с косичками, изначально добросовестная и дружелюбная (могу судить об этом, так как начиная с первого класса она была ближайшей подругой моей сестры Таты — Наташи Савиновой, также нынче покойной). Однако что-то сыграло здесь свою особую роль — Галя Длужневская проявила завидное упорство в достижении поставленной цели — поступила на кафедру археологии ЛГУ, что тогда было далеко не просто, успешно окончила ее в 1970 г. и стала археологом. В то время девушки-археологи были еще достаточно редким явлением, но зато относились к избранной ими специальности «по-настоящему».

Уже в 1965 г. состоялась первая археологическая экспедиция Галины Вацлавны в Туве, в четвертом, руководимом мною отряде Саяно-Тувинской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (СТЭАН). Создатель и начальник экспедиции — тогда тоже совсем молодой, а впоследствии один из мэтров центральноазиатской археологии — А. Д. Грач. Тогда же, в январе 1966 г., появилась первая запись о зачислении Г. В. Длужневской в СТЭАН, в составе которой (сначала в должности старшего лаборанта, затем младшего научного сотрудника, затем научного сотрудника и начальника отряда) она находилась на всем протяжении существования экспедиции вплоть до 1983 г. Все эти годы творческие интересы Галины Вацлавны были целиком и полностью свя-

заны с Тувой, которую она действительно любила, знала, была близка по духу ее удивительной природе, степям, горам, археологическим памятникам. Были и другие экспедиции — например, в Среднюю Азию (Пенджикент), но на первом месте неизменно, так или иначе, оставалась Тува.

Объектом непосредственных научных изысканий Галины Вацлавны во время работы в СТЭАН стали материалы одного из самых ярких и во многом еще загадочных периодов в истории Центральной Азии, образно названного «кыргызским великодержавием». Было открыто много новых памятников, проведены общая систематизация источников и их культурно-историческая реконструкция. В итоге в 1986 г. Г. В. Длужневской была защищена кандидатская диссертация на тему «Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX–XII вв.)», руководитель М. П. Грязнов. В этой работе, на мой взгляд, было два ключевых положения, полностью сохранивших свое значение и в наши дни: 1) использование тамг в петроглифах и на стелах с руническими надписями как свидетельство путей расселения енисейских кыргызов в Туве в различные периоды их истории; 2) художественно-технологический анализ орнаментальных композиций на металлических предметах культуры енисейских кыргызов с выделением ряда мотивов, характерных и для датированных изделий периода династии Западное Ляо (киданей), что может стать базой для периодизации материальной культуры енисейских кыргызов в Туве. С докладами по этим темам Г. В. Длужневская неоднократно выступала на различного рода конференциях и симпозиумах, в том числе международных. После этого имя Г. В. Длужневской как авторитетного специалиста в области изучения средневековых памятников Центральной Азии стало хорошо известно как археологам, так и востоковедам.

В связи с тувинским периодом деятельности Г. В. Длужневской не могу не отметить еще одного обстоятельства. После увольнения — несправедливого и спровоцированного — А. Д. Грача из Института, руководство первым, т. е. головным, отрядом СТЭАН было поручено Длужневской, что само по себе предполагало большую степень ответственности. В это же время основной фронт работ СТЭАН перенесся из степной части ложа будущего водохранилища на территорию Енисейского каньона, непосредственно примыкающего к плотине Саяно-Шушенской ГЭС. А это 220 км зажатого в скальных массивах Западного Саяна могучего течения Улуг-Хема (Енисея), ширина которого в некоторых местах составляла не более 100–80 м, с труднопроходимыми порогами и редкими, на излучинах пригодными для обитания (как в древности, так и сейчас) террасами. Область, практически незаселенная. Редкие жители здесь — мотористы, геодезисты, обитатели кордона — люди суровые и далекие от археологии. В этих сложнейших условиях Галина Вацлавна — маленькая мужественная женщина в кожаной куртке, как комиссар из «Оптимистической трагедии», — сумела стать настоящей «хозяйкой» Енисейского каньона, пользовавшейся уважением и поддержкой «аборигенов». А это многого стоит!

Назначение в 1985 г. на должность заведующей Фотоархивом ИИМК, а затем (2004 г.) Научным архивом института кардинально изменило вектор жизненного пути Г. В. Длужневской, переведя его на более «мирные» рельсы и значительно расширив сферу ее интересов. Главным объектом внимания и изучения Г. В. Длужневской теперь становятся материалы Фотоархива ИИМК, образно говоря, история российской археологии «в лицах». Уникальность собрания фотографических материалов архива ИИМК предопределила большое количество времени и сил, которые потребовались на их систематизацию и освоение. Тем не менее Г. В. Длужневская сумела в достаточно короткий срок освоиться с этой новой для нее формой деятельности. При этом можно только поразиться широте охвата используемых ею источников. Один за другим выходят в свет яркие и насыщенные фотографиями альбомы, где изображения сопровождаются статьями и комментариями Длужневской — «Мусульманский мир Российской империи», «Утраченные храмы Петербурга», «Православные святыни Балкан», «Кремли России XV–XVIII вв.» и др. Стоит ли говорить, какое значение имеют подобные издания в деле сохранения культурного наследия России! Не меньший интерес они представляют и для тех

стран, культурным ценностям которых посвящены.

Естественным завершением этих работ стала защита Г. В. Длужневской докторской диссертации на тему «Историко-археологическое наследие Азиатской России в фотодокументах второй половины XIX — первой половины XX в. (по данным Научного архива ИИМК РАН)», успешно защищенной в 2008 г. Это исследование вывело Г. В. Длужневскую на уровень ведущих историографов отечественной археологии. Позднее в слегка переработанном виде докторская диссертация Г. В. Длужневской опубликована в виде отдельной монографии (2011). Последние два года Галина Вацлавна собирала материалы и уже практически закончила работу над второй частью этого фундаментального труда, посвященного археологическому изучению Восточной Европы, Кавказа и Крыма по материалам Фотоархива ИИМК. К сожалению, ее работа так и осталось незавершенной.

Говоря об этом периоде деятельности Г. В. Длужневской, следует особо отметить то значение, которое она придавала археологической фотографии как самостоятельному виду источников, показав истинный пример того, как фотоискусство может быть использовано в культурно-исторических исследованиях. В плане реализации этого направления имеют большое значение специальные курсы по истории фотографии, которые Галина Вацлавна вела на исторических факультетах Санкт-Петербургского и Екатеринбургского университетов, руководство архивной практикой студентов кафедры археологии СПбГУ, организация специальных тематических выставок, подготовка материалов к фундаментальному изданию ИИМК, посвященному 150-летнему юбилею Императорской Археологической Комиссии, и многое другое.

Следует сказать, что обращение к новым видам источников, проблемам их освоения и введения в научный оборот ни в коей мере не подменили собой прошлых, тувинских, интересов Галины Вацлавны. Более того, в ходе работы с архивными материалами для нее еще более ясно обозначилась необходимость скорейшей публикации археологических материалов, полученных во время полевых исследований крупных новостроечных экспедиций и, в первую очередь, конечно, СТЭАН. Благодаря постоянной поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН были подготовлены к изданию и опубликованы в соавторстве несколько монографий, в какой-то степени решающих эту актуальную задачу. Как одна серия выходят в свет книги «Памятники древности на дне Тувинского моря» (2007), «Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования» (2010), «Древние тюрки в Центральной Туве» (2013) и другие. Остались любимые ею кыргызы, но до них — увы! — дело уже не дойдет.

За годы заведования Г. В. Длужневской маленькое помещение Фотоархива ИИМК с небольшим коллективом гостеприимных сотрудников превратилось в одно из самых оживленных мест в институте — сюда стремятся приезжие из других городов археологи за нужными материалами и просто для общения с коллегами, здесь назначают встречи, оставляют новые книги для передачи... И все это оборвалось в одно мгновение со смертью Галины Вацлавны Длужневской.

Остались 197 опубликованных ею научных работ, в том числе 10 монографий и еще 10 в соавторстве. Остались столь любимая ею Тува и замечательный Фотоархив института. Остался еще совершенно живой, не затуманенный временем образ Галины Вацлавны, нашего друга и сотрудника. Неизменная преданность своему делу, добросовестность и доброжелательность, широкий круг научных интересов и высокий профессионализм, скромность и отчетливо выраженное чувство собственного достоинства — отличительные черты Галины Вацлавны Длужневской, которые редким образом объединились в одном человеке.

Светлая ей память!

Д. Г. Савинов, доктор исторических наук.

К 110-летию М. А. Наливкиной (1904–1981)

Ю. А. Виноградов[1]

В истории науки есть личности, без упоминания имен и публикаций которых не обходится ни один историографический обзор любого крупного исследования. Для античной археологии в ряду таких выдающихся деятелей можно назвать М. И. Ростовцева, Б. В. Фармаковского, В. Д. Блаватского, В. Ф. Гайдукевича, Ю. Г. Виноградова. Имена других упоминаются значительно реже, многие из этих ученых после своей смерти не удостоились даже некролога, и совсем неудивительно, что с течением времени о них постепенно забывают. Такова суровая проза нашей жизни, но с этой прозой мне с годами все чаще и чаще хочется поспорить, рассказать о жизни археологов, с которыми пришлось познакомиться и поработать вместе, а также и о тех, которых я знаю только по публикациям и обрывочным воспоминаниям современников.

Среди последних — Мария Арсеньевна Наливкина, которую сейчас если и вспоминают, то лишь в отношении ее исследований античных городов Северо-Западного Крыма Керкинитиды и Калос Лимена (*Щеглов*, 1978. С. 8, 35–37, 78–79; *Кутайсов*, 1990. С. 19–20; 1992. С. 30, 35, 40, 54; 2013. С. 15; *Уженцев*, 2006. С. 12–13), что явно недостаточно. За написание небольшого очерка о жизни и научной деятельности этой женщины меня заставило взяться знакомство с материалами ее личного дела, хранящегося в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН (НА ИИМК, ф. 35, оп. 5, д. 213), в особенности с воспоминаниями Марии Арсеньевны о блокаде Ленинграда, трагедии, пережитой ею во время переправы по льду Ладожского озера. Понятно, что любой документ, связанный с тем великим и страшным временем, должен стать достоянием исторической науки. Воспоминания М. А. Наливкиной увидят свет в год 70-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады, и в этом я нахожу выражение пусть очень запоздавшего, но самого искреннего преклонения перед памятью о тех годах, перед той великой ценой, которую ленинградцы заплатили за победу.

Мария Арсеньевна Наливкина (Пронина) родилась 31 марта 1904 г. в г. Шлиссельбурге. В своих анкетах она неоднократно указывала на две ошибки, которые попали в ее личное дело. Первая связана с отчеством — отца часто называли Арсентием, хотя на самом деле он был Арсением. Вторая ошибка происходила из того, что в графе «место рождения» указывалась деревня Кулатино Тверского уезда, где родился ее отец Арсений Павлович Пронин. Однако в 1904 г. он уже не проживал в деревне, а трудился приказчиком в лавке у богатого шлиссельбургского купца. Еще одно обстоятельство можно было бы назвать третьей ошибкой, но эту ошибку нельзя назвать бюрократической. Мария Арсеньевна во всех документах указывала на свое крестьянское происхождение, хотя, строго говоря, к моменту ее рождения отец уже не принадлежал к крестьянскому сословию, а занимался коммерцией. Тем не менее

[1] Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел истории античной культуры.

М. А. Наливкина вряд ли заслуживает за это слов осуждения; в раннее советское время, как все понимают, такая «неточность» могла облегчить жизнь.

В 1921 г. Мария Арсеньевна окончила Единую трудовую школу г. Ленинграда. В том же году она поступила в Ленинградский университет на факультет общественных наук, где проходила обучение на литературно-художественном отделении, которое вскоре было реорганизовано в археологическое. В 1924 г. обучение было закончено, и выпускница стала практиканткой ГАИМК, специализируясь по античной керамике.

Молодая женщина вскоре вышла замуж за Б. В. Наливкина, старшего геолога ЦНИГРИ, в 1926 г. у них родился сын Адриан. У мальчика обнаружилась опасная болезнь (туберкулез коленного сустава), для лечения сына М. А. Наливкина была вынуждена переехать в Евпаторию летом 1926 г. Здесь она приняла участие в раскопках Керкинитиды, которые проводились под руководством Л. А. Моисеева. В 1930–1931 гг. Мария Арсеньевна трудилась в Евпаторийском музее, сначала экскурсоводом, а затем штатным научным сотрудником. Здоровье сына не улучшалось, врачи советовали увезти его на родину. Следуя этим советам, М. А. Наливкина оставила работу в музее и вернулась в Ленинград, где два года нигде не работала, находясь при больном. Несмотря на это, она окончила курсы переводчиков немецкого языка, начала серьезную исследовательскую работу и подготовила публикацию по греческой колонизации Северо-Западного побережья Крыма (*Наливкина*, 1934. С. 161–165). В ней Мария Арсеньевна уделила пристальное внимание раскопкам Керкинитиды, самый ранний слой которой, из выявленных к тому времени на городище, относился к IV в. до н. э., что, конечно, не давало возможности нарисовать более или менее адекватную картину освоения греками этой территории. М. А. Наливкина охарактеризовала раскопки Л. А. Моисеева на Керкинитиде как почти дилетантские (Там же. С. 163), что, как представляется, никак не может соответствовать действительности.

Нет сомнения, что памятники классической культуры Северо-Западного Крыма очень заинтересовали молодую исследовательницу. Особый ее интерес вызвали рельефы с изображением Геракла, на примере которых она попыталась проследить переработку античных форм в местной, варварской среде. Именно местные черты, по мысли Наливкиной, придают этим памятникам большую культурно-историческую ценность (*Наливкина*, 1940а. С. 107–119; 1940б. С. 307–308). В наши дни такую трактовку вряд ли можно признать удовлетворительной (*Щеглов*, 1978. С. 125), но в 30-е гг. прошлого века она вполне укладывалась в основное русло научных поисков советских археологов-антиковедов.

В ноябре 1934 г. М. А. Наливкина была принята в Институт истории рабовладельческого общества ГАИМК. Здесь тридцатилетняя сотрудница приняла участие в разборе материалов, полученных во время раскопок Мирмекия в 1934 г. На этом городище ей пришлось потрудиться в 1935 г. В. Ф. Гайдукевич дал следующий отзыв (НА ИИМК, ф. 35, оп. 5, д. 213, л. 11) о ее работе:

«*М. А. Наливкина в 1935 г. работала на раскопках Мирмекия под моим наблюдением в качестве помощника заведывающего* (так в документе. — *Ю. В.*) *раскопочным участком Е. И. Леви. За время работы в экспедиции М. А. Наливкина проявила себя как полевой работник, уже обладающий значительным практическим опытом и — что особенно важно — хорошо разбирающийся в античном вещевом материале. В связи с болезнью Е. И. Леви, М. А. Наливкина смогла вести даже самостоятельную работу на участке, конечно, под общим моим руководством. В дальнейших экспедициях М. А. Наливкина, безусловно, может быть поставлена на самостоятельную работу на квадратах. Считаю, что М. А. Наливкина имеет все основания на получение более высокой квалификации, чем научно-технический сотрудник*».

Младшим научным сотрудником Института истории рабовладельческого общества Мария Арсеньевна стала в феврале 1937 г. (Там же. л. 13). Как можно понять из имеющихся документов, сотрудником она оказалась достаточно требовательным по отношению к начальству. Для примера приведу некоторые документальные свидетельства. В июне 1937 г. М. А. Наливкина обращалась к

директору института С. И. Ковалеву со следующей просьбой (Там же. л. 14):

«*Прошу дать мне дополнительный отпуск для повышения историко-археологической квалификации и изучения древних языков, недостаток знаний которых я сильно ощущаю. Обязуюсь прочитать что-нибудь из греческих и латинских авторов, представив письменный перевод.*

В течение этого отпуска предполагаю также часть времени уделить изучению неизвестных еще мне работ классиков марксизма-ленинизма».

Обещание «прочитать что-нибудь из греческих и латинских авторов» звучит, надо признать, не очень убедительно, тем не менее С. И. Ковалев поддержал просьбу о выделении дополнительного отпуска, ограничив его лишь 10 днями. Марию Арсеньевну такое решение не удовлетворило, и в июле она написала еще одно, более пространное заявление (Там же. л. 17):

«*Свой месячный отпуск для повышения квалификации предполагаю использовать следующим образом: чувствуя себя не совсем подготовленной для чтения более сложных текстов как греческих, так и римских авторов, собираюсь заняться чтением древних текстов (продолжаю чтение последней главы «Анабасиса» Ксенофонта и Корнелия Непота) с подробным грамматическим анализом. Кроме того, должна прочесть ряд археологических и исторических работ в связи с предстоящей экспедицией в Керчи. Должна прочесть и ряд работ классиков марксизма, неизвестных мне. За 10 дней смогу лишь начать чтение Ксенофонта*».

В итоге М. А. Наливкина получила 10 дней отпуска (Там же. л. 18). Вряд ли за это время она сумела прочитать в подлиннике «Анабасис» Ксенофонта, проштудировать археологическую и историческую литературу и проработать труды классиков марксизма. Во всяком случае, специальное знание античных источников в ее опубликованных позднее работах не очень ощущается.

В Керченскую экспедицию 1937 г. она действительно поехала, после чего приступила к изучению терракотовых статуэток, обнаруженных во время раскопок Мирмекия и Тиритаки (*Наливкина*, 1941. С. 284–288). В это же самое время М. А. Наливкина приняла участие в подготовке крупной публикации об ольвийских древностях, в работе над которой были заняты ученые из Киева и Ленинграда. Ею были изучены костяные изделия (*Наливкина*, 1940в).

В целом работа Марии Арсеньевны в институте развивалась вполне успешно. Вплоть до 1940 г. она ежегодно выезжала в Боспорскую экспедицию, руководила исследованиями на отдельных раскопах. К празднику 8 Марта в 1940 г. Наливкина даже получила благодарность «*за отличную работу в секторе древнего Причерноморья и успешную разработку большого археологического материала*» (НА ИИМК, ф. 35, оп. 5, д. 213, л. 34). В семейной жизни, как представляется, тоже все шло нормально — в конце 1940 г. родилась дочь.

Дальше была война! Впервые М. А. Наливкина была освобождена от работы в институте в связи с предполагавшейся эвакуацией из Ленинграда 9 июля 1941 г. Эвакуация не состоялась, и второй раз ее «освободили» 20 августа, затем была «отсрочка эвакуации матерей» 3 сентября (Там же. л. 39). Марии Арсеньевне вместе с мужем и детьми пришлось пережить в Ленинграде первую, самую страшную блокадную зиму. Наконец приказ об увольнении в связи с эвакуацией был подписан 11 марта 1942 г.[2] Обстоятельства этой эвакуации, проведенной по льду Ладожского озера, во время которой умерла дочь Марии Арсеньевны, изложены в воспоминаниях, которые публикуются ниже.

Сейчас же — немного о судьбе сестер и брата М. А. Наливкиной (Там же. л. 93).

Сестра Анастасия была убита осколком снаряда на Среднем проспекте Васильевского острова 5 ноября 1941 г.

Сестра Анна умерла в эвакуации в Свердловске в 1943 г.

Сестра Елизавета, вышедшая замуж за советского немца, проживала на спецпоселении в с. Усть-Дербино Даурского района Красноярского края.

Брат Александр уехал из Ленинграда, и о его судьбе Мария Арсеньевна почти ничего не знала.

---

[2] Из публикуемых ниже воспоминаний Марии Арсеньевны следует, что эвакуация произошла 10 февраля 1942 г., а это означает, что приказ об увольнении был подписан задним числом.

М. А. Наливкина вместе с мужем и сыном была эвакуирована в Ташкент, где в годы войны находилась Ташкентская группа ИИМК. Здесь она продолжила научные исследования, трудилась в Фархадской археологической экспедиции, работала в музеях Самарканда и Термеза, готовила каталог терракот из собрания Самаркандского музея. Совместно с М. З. Паничкиной Мария Арсеньевна подготовила для запланированного «Ташкентского сборника» статью «Некоторые данные о древних рудниках Нуратинских гор».

После победного завершения Великой Отечественной войны 18 мая 1945 г. вместе с другими ленинградскими археологами (В. Ф. Гайдукевич, Т. Н. Книпович, Е. И. Леви, А. Н. Карасев) она возвратилась из эвакуации; к работе приступила 13 сентября, после отпуска. Медаль «За доблестный и самоотверженный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945» стала ее заслуженной наградой.

В Боспорскую экспедицию М. А. Наливкина стала регулярно выезжать, начиная с первого послевоенного года. Вскоре она приступила к работе над кандидатской диссертацией «Боспорские амфоры римской эпохи как источник изучения торговых связей» (Там же. л. 75). Пережитое в годы войны, конечно, не прошло бесследно и часто напоминало о себе. В этом отношении хочу обратить внимание на то, что свой очень небольшой по объему обзор последних публикаций о раскопках Коринфа, увидевший свет в «Кратких сообщениях» в 1947 г., Мария Арсеньевна снабдила эпиграфом из стихотворения Антипатра Сидонского о разрушении римлянами этого древнегреческого города: «Все разорила вконец, все поглотила война» (*Наливкина*, 1947. С. 132). Этими словами она, скорее всего, хотела выразить свои чувства не столько о трагическом событии древней истории, сколько о страданиях и потерях, выпавших на долю советских людей в совсем недавнее время.

Наряду с этим Мария Арсеньевна все активней интересовалась памятниками западного Крыма. В 1948 г. она участвовала в исследованиях Тавро-скифской экспедиции ИИМК в Калос Лимене (НА ИИМК, ф. 35, оп. 5, д. 213, л. 78; *Наливкина*, 1952а. С. 114, 116–117; 1957. С. 265)[3], в 1950 г. — в работе Евпаторийского отряда этой экспедиции в Керкинитиде (НА ИИМК, ф. 35, оп. 5, д. 213, л. 83; *Наливкина*, 1952а. С. 114–116; 1955; 1957. С. 265–266). Напомню, что в раскопках Керкинитиды она впервые участвовала в 1929 г., т. е. научный интерес к античным древностям Северо-Западного Крыма у М. А. Наливкиной уже имел немалую историю. Совсем неудивительно, что в том же 1950 г. тема ее диссертационного исследования была решительным образом изменена, теперь она базировалась на обработке архивных материалов о раскопках, прежде всего, в Керкинитиде и Калос Лимене (НА ИИМК, ф. 35, оп. 5, д. 213, л. 98). В конце концов, диссертация получила название «Античные города Западного Крыма» (Там же. л. 100).

Раскопки в Керкинитиде были продолжены в 1951 г. (*Наливкина*, 1953. С. 128–131). В 1952 г. М. А. Наливкина возглавила Евпаторийский отряд (НА ИИМК, ф. 35, оп. 5, д. 213, л. 102). В мае 1953 г. она вместе с Е. Г. Кастанаян оформила соискательство, были успешно сданы кандидатские экзамены. Более того, в мае 1952 г. Мария Арсеньевна вступила в КПСС. Казалось бы, для карьерного роста были обеспечены все необходимые условия, но что-то не сложилось, и кандидатская диссертация так и не была защищена. Чем это можно объяснить? Простой ответ на такой вопрос вряд ли можно найти.

Большим успехом раскопок Керкинитиды тех лет стало обнаружение слоя, относящегося к рубежу VI–V вв. до н. э., что дало основание М. А. Наливкиной считать, что город основан в начале V в. до н. э., т. е. он никак не мог быть колонией Херсонеса, как это порой считалось ранее (*Наливкина*, 1957. С. 267; 1959. С. 183; 1963а. С. 289; 1963б. С. 55)[4]. Находки керамики кизил-ко-

[3] Тавро-скифская экспедиция была создана в 1946 г. Крымским филиалом АН СССР совместно с ИИМК АН СССР. Во главе ее стоял П. Н. Шульц.

[4] Сейчас самые ранние строительные комплексы Керкинитиды датируют рубежом VI–V вв. до н. э., хотя находки импортной архаической керамики позволяют считать, что город был основан в середине — третьей четверти VI в. до н. э. (*Кутайсов*, 1990. С. 79; 1992. С. 44–46; 2013. С. 20).

бинского типа, происходящие из раннего слоя, были интерпретированы ею как свидетельство того, что апойкия была выведена на место туземного поселения (*Наливкина*, 1957. С. 267; 1959. С. 184; 1963б. С. 55), что, надо признать, соответствовало концепции греческой колонизации, господствовавшей в советской науке тех лет (см.: *Гайдукевич*, 1949. С. 11; *Гайдукевич, Капошина*, 1951. С. 166; *Каллистов*, 1949. С. 69; *Блаватский*, 1954, С. 15 сл.). В наши дни такая трактовка не пользуется популярностью, но, в принципе, она вполне допустима.

Что касается Калос Лимена, то основание этого города М. А. Наливкина относила к концу IV — началу III в. до н. э. (*Наливкина*, 1957. С. 183). Современная наука удревнила эту дату на целое столетие; теперь основание Калос Лимена связывают либо с активностью Херсонеса, либо с ионийской колонизацией западной Таврики в конце V — начале IV в. до н. э., предшествующей херсонесской экспансии (*Кутайсов, Уженцев,* 1997. С. 46; *Уженцев*, 2006. С. 21; *Кутайсов*, 2011. С. 5, 70; ср.: *Виноградов, Щеглов*, 1990. С. 313). Мария Арсеньевна признавала, что Керкинитида и Калос Лимен «представляли собой типичные греческие полисы» (*Наливкина*, 1963б. С. 58). Здесь она явно допустила неточность, поскольку с момента включения этих городов в состав Херсонесского государства их следовало бы трактовать лишь как зависимые полисы. В некоторых выводах исследовательницы легко заметны противоречия, объяснения которым, вероятнее всего, следует искать в недостаточной структурированности ее работ. К примеру, Мария Арсеньевна в одной из своих публикаций признала, что Керкинитида испытывала двойную угрозу — и со стороны Херсонеса, и со стороны скифов (*Наливкина*, 1963а. С. 292), что, очевидно, можно допустить только для времени независимости полиса. В другой работе отмечается, что «в борьбе со скифами Керкинитида опиралась в первую очередь на поддержку и помощь Херсонеса» (*Наливкина*, 1963б. С. 56), что тоже вполне вероятно, но скорее для периода, когда Керкинитида потеряла независимость. При работе над диссертацией все эти «шероховатости», конечно, можно было устранить, но сосредоточиться на теме, как представляется, мешала большая занятость в других делах.

Мария Арсеньевна выпускала одну за другой работы, которые прямого отношения к теме диссертационного исследования не имели (*Наливкина*, 1952б; 1958; 1960; 1961). Для сборника «Античные города Северного Причерноморья» она совместно с М. И. Максимовой подготовила весьма содержательный очерк о скульптуре (*Максимова, Наливкина*, 1955. С. 297 сл.). Лишь публикации, посвященные находкам терракотовых статуэток из раскопок Керкинитиды и Калос Лимена, полностью соответствуют теме диссертационного исследования (*Наливкина*, 1970а. С. 64; 1970б. С. 66–68).

В 1957–1958 гг. М. А. Наливкиной пришлось поработать в советско-польской экспедиции на раскопках Мирмекия, а в 1959 г. и особенно в 1960–1961 гг. — в Нижне-Донской на раскопках Танаиса (*Наливкина*, 1965). Более того, предполагалось ее участие в албано-советской экспедиции (НА ИИМК, ф. 35, оп. 5, д. 213, л. 120). Работу над диссертацией Марии Арсеньевне приходилось совмещать и с изучением керамики римского времени из Херсонеса (Там же. л. 121). Наконец, нельзя упускать из виду семейных обстоятельств — к концу 50-х гг. у нее уже были две внучки (Ольга и Елена). Большая семья нуждалась в квартире, за которую тоже надо было бороться.

Старожилы ИИМКа вспоминают М. А. Наливкину как седовласую женщину невысокого роста, несколько полноватую. Все отзываются о ней как о человеке очень приветливом и доброжелательном. Такое единодушие, нечастое в кругу археологов, можно понимать как свидетельство честности этой характеристики.

Мария Арсеньевна умерла 23 марта 1981 г. и была похоронена на кладбище поселка Комарово под Ленинградом.

Документ, который публикуется ниже, был составлен в 1975 г., когда по случаю 30-летия победы у ветеранов Великой Отечественной войны и у жителей блокадного Ленинграда стали собирать воспоминания о пережитых ими годах. Надо признать, что далеко не все откликнулись на это предложение. Слишком многое из пережитого вспоминать было страшно! Предел челове-

ческих возможностей есть и в этом. Тем не менее Мария Арсеньевна нашла в себе силы на составление коротких мемуаров. Текст написан довольно четким почерком, в нем почти нет исправлений. Ясно, что первоначально был подготовлен черновик, который потом был переписан набело. Лишь в самом конце текста, когда рассказ переходит на самое ужасное обстоятельство, буквы начинают «прыгать», а строчки путаться. Старая женщина сильно разволновалась, в очередной раз переживая трагедию, забыть которую она, конечно, не смогла до конца своих дней.

Блаватский, 1954 — *Блаватский В. Д.* Архаический Боспор. М.; Л., 1954 (МИА; № 33).

Виноградов, Щеглов, 1990 — *Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н.* Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990.

Гайдукевич, 1949 — *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949.

Гайдукевич, Капошина, 1951 — *Гайдукевич В. Ф., Капошина С. И.* К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. 1951. Т. XV.

Каллистов, 1949 — *Каллистов Д. П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949.

Кутайсов, 1990 — *Кутайсов В. А.* Античный город Керкинитида. Киев, 1990.

Кутайсов, 1992 — *Кутайсов В. А.* Керкинитида. Симферополь, 1992.

Кутайсов, 2011 — *Кутайсов В. А.* Курганный некрополь Калос Лимена. Киев, 2011.

Кутайсов 2013 — *Кутайсов В. А.* Античный полис Керкинитида: Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь, 2013. Вып. XII.

Кутайсов, Уженцев, 1997 — *Кутайсов В. А., Уженцев В. Б.* Калос Лимен (раскопки 1988–1995 гг.) // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. I.

Максимова, Наливкина, 1955 — *Максимова М. И., Наливкина М. А.* Скульптура // Античные города Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры. М.; Л., 1955. I.

Наливкина, 1934 — *Наливкина М. А.* Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 9–10.

Наливкина, 1940а — *Наливкина М. А.* О некоторых памятниках античной эпохи Северо-Западного Крыма // СА. 1940. Т. VI.

Наливкина, 1940б — *Наливкина М. А.* Новая находка рельефа в Херсонесе // Там же.

Наливкина, 1940в — *Наливкина М. А.* Костяные изделия из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. Киев, 1940. Т. I.

Наливкина, 1941 — *Наливкина М. А.* Терракотовая головка из Мирмекия // СА. 1941. Т. VII.

Наливкина, 1947 — *Наливкина М. А.* Античный Коринф в свете новейших археологических исследований (Обзор последних изданий, посвященных Коринфу) // КСИИМК. 1947. Т. 14.

Наливкина, 1952а — *Наливкина М. А.* Основные итого работ Евпаторийского отряда // КСИИМК., 1952. Т. 45: Сессия Отделения истории и философии АН СССР и Пленум ИИМК АН СССР, посвященный итогам полевых археологических исследований Института истории материальной культуры за 1950 г.

Наливкина, 1952б — *Наливкина М. А.* Терракоты Мирмекия и Тиритаки // Боспорские города. М., 1952. Ч. 1: Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. (МИА; № 25).

Наливкина, 1953 — *Наливкина М. А.* Раскопки в Евпатории // КСИИМК. 1953. Т. 51.

Наливкина, 1955 — *Наливкина М. А.* Раскопки в Евпатории // КСИИМК. 1955. Т. 58.

Наливкина, 1957 — *Наливкина М. А.* Раскопки Керкинитиды и Калос Лимена (1948–1952) // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.

Наливкина, 1958 — *Наливкина М. А.* Кубок из Тиритаки с изображением подвигов Геракла // Боспорские города. М.; Л., 1958. Ч. II: работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг. (МИА; № 85).

Наливкина, 1959 — *Наливкина М. А.* Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма (Керкинитида и Калос Лимен в V–II вв. до н. э.) // Проблемы истории Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1959.

Наливкина, 1960 — *Наливкина М. А.* Мраморный светильник из Тиритаки // СА. 1960. № 1.

Наливкина, 1961 — *Наливкина М. А.* Костяная фигурка из Ольвии // КСИА., 1961. Вып. 83.

Наливкина, 1963а — *Наливкина М. А.* Херсонес и Керкинитида в «Херсонесских этюдах» А. И. Тюменева // Проблемы социально-экономической истории древнего мира: Сб. памяти академика Александра Ильича Тюменева. М.; Л., 1963.

Наливкина, 1963б — *Наливкина М. А.* Керкинитида и Калос Лимен // Античный город. М., 1963.

Наливкина, 1965 — *Наливкина М. А.* Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960–1961 гг.) // Древности Нижнего Дона. М., 1965 (МИА; № 127).

Наливкина, 1970а — *Наливкина М. А.* Терракоты из Прекрасной Гавани // Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970 (САИ. Вып. Г 1–11).

Наливкина, 1970б — *Наливкина М. А.* Терракоты из Керкинитиды // Там же.

НА ИИМК, ф. 35, оп. 5, д. 213: Личное дело М. А. Наливкиной.

Уженцев, 2006 — *Уженцев В. Б.* Эллины и варвары Прекрасной Гавани. Симферополь, 2006.

Щеглов, 1978 — *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.

Памяти военных лет 1941–1945 гг. (Случай на Ладоге)[1]

М. А. Наливкина

В связи с приближающимся во всем прогрессивном мире празднованием дня Победы Советской Армии и Советского государства над фашистской Германией хочется отдать признание, очень низкий поклон всем сотрудникам ЛОИА АН СССР, принимавшим участие в прошедшей войне и вернувшимся к мирному труду на благо советской археологии!

Хочется в 30-й раз почтить память наших товарищей[2], погибших на фронтах и от голода в блокированном Ленинграде. Эти имена всем нам известны, и они никогда не будут забыты! Мы не должны забывать и оставшиеся в живых их семьи!

Пережив первую, самую трудную голодную блокадную зиму 1941–1942 гг., 8 февраля 1942 г. группа сотрудников ЛОИА вместе с другими ленинградцами была назначена к эвакуации. Мы тронулись в тяжелый путь на Большую землю. А путь тогда был один — ледовая трасса через Ладожское озеро. Отправка была от главного здания АН, что на Университетской наб., д. 5. До Академии добрались кто как мог. Наша семья, состоявшая из 4 человек, везла друг друга по очереди на детских санках. В Румянцевском садике отдыхали[3].

М. А. Наливкина
M. A. Nalivkina

Под слабым обстрелом и под очень сильной в тот день бомбежкой в автобусах мы были доставлены на Финляндский вокзал. Без освещения и без единого гудка, т. е. в темноте, в полной тишине, все уселись в поезд. Очень был слаб ехавший с нами Е. Ю. Кричевский, горевший одним желанием добрать-

---

[1] Печатается по рукописи, хранящейся в Научном архиве ИИМК РАН (ф. 35, оп. 5, д. 213, л. 133–141). Здесь и далее все примечания сделаны Ю. А. Виноградовым.

[2] Это указание убеждает в том, что воспоминания были составлены к 30-й годовщине победы в Великой Отечественной войне, то есть в 1975 г.

[3] Семья Наливкиных проживала на Васильевском острове, по адресу Третья линия, д. 16, кв. 5.

ся до семьи[4]. И ему помогли сесть в поезд. Доехав до станции Борисова Грива, мы были пересажены в машины, шедшие по «Дороге Жизни». Нам достался открытый грузовик с неприятным на вид шофером. Всех усадили в кузов, а меня с маленькой дочуркой на руках (ей было тогда 1 г. 3 мес.) дежурный милиционер посадил в кабину рядом с шофером. Пересадка происходила быстро. Ждали обстрела гитлеровцев, особенно свирепствовавших на Ладоге. Насколько помню, в кузове находились: Е. Ю. Кричевский, С. Н. Замятнин, М. З. Паничкина, С. А. Семенов, Т. Н. Барсукова, 2 или 3 сотрудника БАН (фамилии не помню), А. А. Драгунов с женой Е. Н. Драгуновой (ин-т Востоковедения),[5] В. В. Романовская-Третьякова с Витей (ему было тогда 3 года)[6], стремившиеся встретиться с родными, и Б. В. Наливкин с сыном Адрианом (15 лет)[7]. Всего 14 или 15 человек. Все едва-едва двигались.

Весь путь по озеру с западного на восточный берег, включая «ледовый» участок пути, машина проходила за 3–4 часа (из 90 км пути 30 — по льду). Наш же шофер возил нас и вдоль озера, и по озеру 14 часов. Он неоднократно отводил машину в сторону от основной, героически проложенной трассы, останавливал ее, заходя в соседние прибрежные деревни. Забывая, что везет не дрова, а пока еще живой груз — слабых, голодных ленинградцев, спешащих скорее миновать озеро и получить первое нормальное питание. В одну из его очередных «отлучек» я почувствовала, что руки мои, державшие девочку, раздулись от мороза. Шофер ушел, стянув с меня теплые варежки. Плакавшую малышку унять я не могла.

На седьмом километре «ледового» отрезка пути, у установленной на льду палатки нас остановила молодая девушка в белом военном полушубке с краснокрестной повязкой на рукаве. Не была ли она той Ольгой Писаренко, которая провела 3 или 4 месяца на льду, спасая замерзавших и раненых при обстреле людей в оборудованной для этой цели палатке и которую так хорошо описал А. Сапаров в книге «Дорога жизни». Лениздат, 1957, стр. 163–172? Она заглянула и в кузов, и в кабину нашей машины. Услышав плач ребенка в кабине и узнав его возраст, девушка, увидев, что я обеспокоена плачем, успокоила меня, заявив уверенным тоном: «Не волнуйтесь! Поплачет и уснет». Признаться, и я тогда так думала. Мы обе глубоко ошибались!

Мотор своей машины шофер отапливал торфяными чурочками. При горении торфа выделялся угарный газ. Видимо, во время хода какое-то количество этого газа попадало в наши легкие и в легкие ребенка. Открыть окно кабины шоферу что-то мешало. Вскоре и я почувствовала какое-то недомогание. Воспользовавшись тем, что девочка немного притихла и я начала терять сознание, наш шофер попытался снять с мня пальто, но я, собравшись с силами, открыла дверь кабины и, воспользовавшись тем, что шофер снова исчез, сидевшие в кузове товарищи стали выходить на лед. Решено было не ждать возвращения нашего шофера, а попытаться пересесть на идущую вслед за нами попутную машину. Шофер второй машины оказался совершенно другим человеком. Он не только помогал и нам, и особенно сильно ослабевшему Е. Ю. Кричевскому завершить сложную тогда для всех нас пересадку из одной машины в другую, но и получил нашу благодарность. И это было в то время, когда было никому ни до чего! Видимо, и здесь от пословицы не уйдешь. «В се-

---

[4] Евгений Юрьевич Кричевский (1910–1942) — известный советский археолог, специалист в области неолита и энеолита юго-восточной Европы. В эвакуации к тому времени уже находилась его жена (С. И. Капошина) и дети.

[5] Сергей Николаевич Замятин (1899–1955) — видный советский археолог-палеолитовед; Мария Захаровна Паничкина (1904–1977) — видная исследовательница палеолита; Сергей Аристархович Семенов (1898–1978) — известный советский археолог, создатель трасологического метода; Татьяна Николаевна Барсукова (род. 1907) — заведующая архивом ИИИМК; Александр Александрович Драгунов (1900–1955) и Екатерина Николаевна Драгунова (1901–1964) — ученые-китаеведы.

[6] В. В. Романовская-Третьякова — супруга археолога Петра Николаевича Третьякова. Витя — их сын, Виктор Петрович Третьяков, в будущем археолог, исследователь неолита (1940–1985).

[7] Борис Васильевич Наливкин — муж Марии Арсеньевны, геолог, палеонтолог (1895–1979); Адриан — их сын, в будущем геолог (1926–1986).

мье не без урода»! Наряду с награжденными героями войны — шоферами, были и такие! Хорошо, что их были единицы!

Доехав до Жихарева и высадившись на землю, группа наша отправилась в эвакопункт за получением пайка на продолжение пути. Это было 10 февраля 1942 года. Желая наконец-то взглянуть на свою дочь, уже не издававшую из-под одеяла ни одного звука, я увидела, что она мертва. Уснула навсегда. Смерть ее констатировал и врач медпункта эвакопункта Жихарево, выдав соответственную справку. Долго ходить мне с трупиком не пришлось. Мне указали на сарай, возле которого стоял очень высокий, молодой, розовощекий солдат Ленинградского фронта. Он взял девочку, положил ее на гору трупов в сарае и сказал: «Идите, спасайте других членов семьи, если они еще живы! Ведь скоро начнется бомбежка!».

Кто знает, остался ли в живых этот милый солдат, напомнивший мне о других членах семьи и о теплушке, которая увезет меня далеко от любимой девочки! Путь от сарая до теплушки был для меня самым тяжелым за военные годы.

Не видели мы больше и Е. Ю. Кричевского. Думаем, что Жихарево оказалось и его могилой, как многих, многих ленинградцев!

Весь ужас прошедшего пути смягчался сознанием того, что по нему прошли и пойдут ради Победы миллионы матерей, потерявших своих детей <и> близких. Хорошо, что со мной еще были муж и сын.

Мы должны быть благодарны труженикам «Ледовой» трассы за прекрасную организацию перевозки и по льду, и водой, когда по льду перевозки людей и грузов машинами стали невозможными.

Дальнейшие наши работы сгладили и отодвинули на какое-то время все ужасы прошедшей войны. Но то, что я впервые решила рассказать здесь всем, — не забудется НИКОГДА.

ХРОНИКА

Институт истории материальной культуры РАН в 2013 г.

В 2013 г. сотрудники ИИМК РАН, в рамках «Программы фундаментальных исследований государственных академий наук на 2013–2020 годы», успешно провели научно-исследовательские работы по 10 темам, утвержденным для Института Президиумом РАН.

По направлению № 104 «Изучение эволюции человека, обществ и цивилизаций, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии, анализ взаимоотношений власти и общества» утверждены следующие шесть тем:

1. «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде» (рук. — д. и. н. С. А. Васильев).

2. «Развитие материальной культуры населения каменного века Российского Севера» (рук. — к. и. н. В. Я. Шумкин).

3. «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии» (рук. — к. и. н. В. А. Алёкшин).

4. «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)» (рук. — В. С. Бочкарев).

5. «Субкультура правящей элиты античных государств Северного Причерноморья» (рук. — д. и. н. В. А. Горончаровский).

6. «Технологии обработки камня и органических материалов в культурах каменного века на территории Предкавказья и Русской равнины (трасологические, технологические и экспериментальные исследования археологических коллекций)» (рук. — д. и. н. В. Е. Щелинский).

По направлению № 105 «Исследование государственного развития России и ее места в мировом историческом и культурном процессе» исследования велись по двум темам:

1. «Средневековые города Руси по данным археологии: культура, быт, структура власти» (рук. — д. и. н. А. Н. Кирпичников).

2. «Славяне, финны и германцы в эпоху Средневековья. Этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития» (рук. — д. и. н. А. И. Сакса).

По направлению № 101 «Сохранение и изучение историко-культурного наследия: выявление, систематизация, научное описание, реставрация и консервация» разрабатывались две темы.

1. «Исследование археологического материала эпохи бронзы Северного Кавказа и сопредельных территорий с использованием естественно-научных методов: радиоуглеродное датирование, масс-спектрометрическое исследование, спектральный анализ металла, дериватография, остеология» (рук. — к. т. н. А. Н. Егорьков).

2. «Археологическая и реставрационная деятельность Государственной академии

истории материальной культуры на территории Евразии в 1926–1928 гг. (по материалам Научного архива ИИМК РАН)» (рук. — д. и. н. Г. В. Длужневская).

В 2013 году сотрудники института продолжили исследования по 10 проектам Программы фундаментальных исследований Президиума РАН и трем проектам Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН.

РФФИ в 2013 г. сотрудникам ИИМК РАН профинансировал девять новых и продолжающихся инициативных (5) проектов, а также гранты на проведение полевых исследований.

К. и. н. Н. Н. Скакун стала руководителем совместного с Украиной исследовательского проекта «Изучение сырьевой базы основных отраслей хозяйства древнеземледельческих культур Юго-Восточной Европы (по материалам кукутено-трипольской общности».

В ИИМК успешно начаты исследования по трем грантам РФФИ по целевой программе «офи_м».

1. «Динамика природной среды и формирование древнейших раннепалеолитических культур Юго-Западной Азии (Армения)» (рук. — д. и. н. В. П. Любин).

2. «Природная среда позднего неоплейстоцена и голоцена и модели жизнеобеспечения культур каменного века Сибирской Арктики» (рук. — к. и. н. В. В. Питулько).

3. «Радиоуглеродная хронология древностей раннего и среднего неолита регионов Центральной и Северо-Западной России» (рук. — к. х. н. Г. И. Зайцева).

РГНФ в 2013 г. финансировал работы сотрудников ИИМК РАН по 17 исследовательским проектам и грантам на проведение полевых исследований и создание информационных систем. Следует выделить получение к. и. н. М. А. Юшковой гранта РГНФ на «проведение научных исследований, выполняемых коллективом (до 10 человек), состоящим полностью из молодых ученых, включая руководителя». Особо надо отметить получение двух совместных грантов РГНФ с Белорусской академией наук (рук. — к. и. н. Г. В. Синицына и к. и. н. Г. Н. Поплевко). К. и. н. Н. Н. Скакун являлась руководителем международного гранта РГНФ — Национальный центр научных исследований Франции (CNSR France) по теме «Технология изготовления и функциональное назначение костяных изделий в древних культурах Евразии».

В 2013 г. в Институте были организованы полевые работы более 30 экспедиций и отдельных отрядов в различных регионах России как научно-исследовательского так и аварийно-спасательного характера.

Были продолжены многолетние полевые изыскания на нижнепалеолитических памятниках Армении (д. и. н. В. П. Любин и к. и. н. Е. В. Беляева) и Приднестровья (д. и. н. Н. К. Анисюткин). В области изучения среднего палеолита ведется активное междисциплинарное исследование групп сосредоточения памятников в Поволжье (Шлях) и на Десне (Хотылево) (к. и. н. П. Е. Нехорошев, к. и. н. А. К. Очередной, д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, К. Н. Степанова, А. В. Ларионова). В области изучения верхнего палеолита продолжались раскопки на ряде многослойных памятников в Воронежской области в селах Костенки (к. и. н. А. А. Синицын, к.и. н. Г. В. Синицына, к. и. н. А. А. Бессуднов, К. Н. Степанова) и Борщево (к. и. н. С. Н. Лисицын, М. Н. Желтова). Успешно продолжены экспедиционные изыскания на Кольском полуострове (к. и. н. В. Я. Шумкин, к. и. н. Е. М. Колпаков), на Северо-Западе и в Центре России (к. и. н. С. Н. Лисицын, к. и. н. В. М. Лозовский, Е. С. Ткач), на Северо-Востоке Сибири (к. и. н. В. В. Питулько). На юге России Северо-Кавказская экспедиция (к. и. н. А. Д. Резепкин), Западно-Кавказская экспедиция (к. и. н. В. А. Трифонов), Северо-Кавказский отряд (к. и. н. А. В. Субботин) и отряды Боспорской экспедиции (д. и. н. Ю. А Виноградов, д. и. н. В. А. Горончаровский, к. и. н. М. Ю. Вахтина и С. В. Кашаев) успешно провели раскопки памятников различных эпох на Северо-Западном Кавказе и на Таманском полуострове. На Северо-Западе России продолжили исследования Новгородская областная (чл.-корр. РАН Е. Н. Носов, к. и. н. И. И. Еремеев), Староладожская (д. и. н. А. Н. Кирпичников), Выборгская (д. и. н. А. И. Сакса) и другие экспедиции и отряды.

Спасательный характер носили археологические работы в Сибири на памятниках истории и культуры по трассе строительства железной дороги «Элегест–Кызыл–Курагино», в Республике Тыва и в Красноярском крае.

Значительные охранные археологические работы были проведены экспедициями и отрядами Отдела охранной археологии ИИМК РАН, выполнено более 70 договоров. Обширна география предпринятых работ — от Тувы на востоке страны до г. Выборга — на ее Северо-Западе. Масштабные исследования проводились в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. В последние годы, в связи с принятием Закона Санкт-Петербурга «О границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга и режимах использования земель в границах указанных зон», возрос объем охранно-спасательных работ на территории города и пригородов, особенно в историческом центре Санкт-Петербурга.

Сотрудники института принимали участие в работах совместных и международных экспедиций в Сибири, Украине и в Крыму, в Молдове, в Средней Азии, в Азербайджане и Турции.

В 2013 г. в ИИМК РАН были выполнены два государственных контракта по Федеральной целевой программе «Культура России (2012–2018 гг.)» (рук. — к. и. н. А. Д. Резепкин и к. и. н. И. И. Еремеев). В 2013 г. Староладожская экспедиция ИИМК РАН (рук. — д. и. н. А. Н. Кирпичников) продолжала финансироваться по Долгосрочной целевой программе «Культура Ленинградской области на 2011–2013 годы».

В истекшем году в Институте проведена работа по установлению стоимости и постановке на баланс ранее зарегистрированных объектов интеллектуальной собственности — трех патентов на изобретения, сделанные коллективом авторов в Лаборатории археологической технологии.

Основные итоги работы ученых ИИМК за последний год нашли отражение в многочисленных публикациях (388), в том числе в 11 монографиях, пяти сборниках статей, четырех сборниках материалов научных конференций, Вып. 19 «Археологических вестей» и № 8 «Записок ИИМК РАН», № 3 «Бюллетеня ИИМК РАН». Из 364 статей и заметок, вышедших в 2013 г., 58 были опубликованы в российских и зарубежных журналах, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ, 118 статей были изданы в других зарубежных журналах и сборниках.

Вышел в свет очередной номер ежегодника ИИМК РАН «Археологические вести» № 19 (гл. ред. Е. Н. Носов, зам. гл. ред. Н. В. Хвощинская) — СПб.: «Дм. Буланин», 2013. 312 с., ил. В выпуск включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. Среди авторов — ученые из России (Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Читы, Владивостока), Украины, Молдовы, Англии, Польши.

В 2013 г. институт выпустил новый номер периодического издания «Записки ИИМК РАН» № 8 (отв. ред. — чл.-корр. РАН Е. Н. Носов, отв. секретарь Л. Б. Кирчо) — СПб.: «Дм. Буланин», 2013. 214 с., ил. В очередном номере публикуются научные работы, отражающие новейшие аналитические разработки, открытия и исследования в области археологии и древней истории. В разделе «Хроника» дана информация о расширенных заседаниях Отдела палеолита, посвященных юбилеям В. П. Любина и С. Н. Астахова.

Опубликован третий номер периодического издания «Бюллетень ИИМК РАН. [№] 3 (охранная археология)» (отв. ред. и сост. — к. и. н. Н. Ф. Соловьева) — СПб.: Периферия, 2013. 288 с., ил. Этот выпуск посвящен охранно-археологической деятельности Института на широкой территории, в том числе, в Санкт-Петербурге.

Вышел в свет «Российский археологический ежегодник» № 3 (гл. ред. — д. и. н. Л. Б. Вишняцкий) — СПб.: ООО «Университетский изд. консорциум», 2013. 728 с., ил. Он преимущественно посвящен обсуждению актуальных проблем археологии и древней истории. В центре обсуждения на этот раз находится проблема социокультурной интерпретации раннеземледельческой пластики, вопросы изучения древнейшей глиняной посуды, а также продолжена начатая в предыдущем номере дискуссия о переходе от бронзового века к железному. Впервые подробно публикуется ряд уникальных архивных материалов (к примеру, материалы Тузлинских курганов).

В 2013 г. издана монография д. и. н. Ю. В. Андреева «Поселения эпохи бронзы на территории Греции и островов Эгеиды» — СПб.: Нестор-История, 2013. 360 с., ил. Кни-

га Ю. В. Андреева — единственное в отечественной науке исследование проблемы происхождения раннегреческого города, основанное на изучении материалов поселений материковой и островной Греции.

В Канаде опубликована монография к. и. н. В. В. Питулько «Vladimir V. Pitul'ko. The Zhokhov Island Site and Ancient Habitation in the Arctic: A Mesolithic Wet Site in the Arctic Ocean» — Vancouver; Simon Fraser University: Archaeology Press, Burnaby, B. C., Canada, 2013. 209 p., il. «Жоховская стоянка и древнее заселение Арктики. Ванкувер, 2013». Она посвящена публикации материалов уникального археологического памятника на крайнем севере Евразии, расположенного под 76° с. ш. на острове Жохова (архипелаг Новосибирские о-ва).

Под грифом ИИМК издана книга д. и. н. Д. Г. Савинова «Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.) — СПб.: Элек-Сис, 2012. 180 с., ил. В ней дается полная публикация материалов раннетагарской культуры — одной из самых ярких культур скифского типа степного пояса Евразии, полученных в результате археологических раскопок экспедиции ЛОИА АН ССР на юге Минусинской котловины в 1986–1989 гг. (Республика Хакасия).

Вышло в свет исследование д. и. н. Н. К. Анисюткина «Мустьерская стоянка Кетросы в контексте среднего палеолита Восточной Европы». Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 7 — СПб.: «Нестор-История», 2013. 178 с. и 55 ил. В книге проанализированы материалы одного из наиболее ранних мустьерских памятников Юго-Запада Русской равнины.

В Японии опубликована коллективная монография Г. А. Хлопачева, Е. Ю. Гири, Х. Кимуры «Homo Sapience, освоение северных территорий в ледниковом периоде. Жизнь и техника охотников на мамонтов и их потомков» — Токио: Изд. «Rokuichi Shobo» и «Юзанкаку», 2013. Япония. 210 стр., ил. (на яп. яз.), посвященная исследованию евразийских технологий обработки бивня мамонта и рога оленя в период верхнего палеолита.

Сборник научных статей «Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии» (под ред. С. А. Васильева, А. В. Ларионовой) — СПб.: ИИМК РАН, 2013. 144 с., подготовлен к 95-летию старейшего российского археолога д. и. н. В. П. Любина. Сборник включает статьи ведущих специалистов из России, Украины, Грузии, Ирландии, Великобритании, Бельгии, Франции и Израиля по археологии древнекаменного века, палеоантропологии, четвертичной геологии и палеогеографии, методам абсолютного датирования.

Коллективная монография «Классификация в археологии» (отв. ред. Е. М. Колпаков) — СПб.: ИИМК РАН, 2013. 248 с. является переизданием в новой редакции терминологического словаря-справочника «Классификация в археологии», впервые опубликованного в 1990 г., и книги Е. М. Колпакова «Теория археологической классификации», вышедшей в 1991 г. Работа предназначена для специалистов в области исторических наук и в области теории и методов классификации, может служить учебным пособием для студентов исторических факультетов университетов и педагогических институтов.

В коллективной монографии «Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита–неолита в бассейне Верхней Волги» (отв. ред. к. и. н. В. М. Лозовский, к. и. н. О. В. Лозовская, др. И. Клементе Конте) — «Паретопринт», 2013. 400 с., ил. представлены материалы новейших исследований уникального памятника эпохи среднего каменного века — стоянки Замостье 2 (Сергиево-Посадский р-н Московской области).

В сборнике статей «Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы)» (ред. к. и. н. Г. В. Синицына) — СПб.: Элек-Сис, 2013. 262 с. рассматривается широкий круг дискуссионных вопросов, связанных с проблемой заселения северо-запада Восточной Европы в постгляциальный период.

В 2013 г. вышла в свет в Южной Корее монография с. н. с., к. и. н. Н. А. Боковенко «N. Bokovenko, S. Legrand. Ancient cultures of the Minusinsk Basin in Eastern Eurasia (IV–I millenniums BCE)» — Seoul, 2013. 100 p.

Коллективная монография «Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции)» (отв. ред.

д. и. н. Д. Г. Савинов) — СПб.: Элек-Сис, 2013. 232 с., ил., посвящена публикации и интерпретации археологических материалов периода господства Древнетюркского и Уйгурского каганатов (вторая половина I тыс. н. э.), полученных в результате полевых исследований Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС (Центрально-Тувинская котловина) в 1965–1982 гг.

Вышел в свет сборник статей «Афанасьевский сборник 2» (отв. ред. к. и. н. Н. Ф. Степанова) — Барнаул: АЗБУКА, 2012. 226 с., ил., в котором продолжена публикация материалов, посвященных проблемам афанасьевской культуры.

Издан сборник «Третья Абхазская международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Материалы» (отв. ред. к. и. н. М. Т. Кашуба и к. и. н. А. Ю. Скаков) — Сухум: ИИМК РАН; Абхазский Институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии; Республ. управл. печати «Дом печати», 2013. 396 с., ил. В книге публикуются материалы работы международной археологической конференции «Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа», посвященной памяти академика АН Абхазии Георгия Кучовича Шамба.

В очередном томе «Боспорских исследований» опубликован труд д. и. н. Ю. А. Виноградова, раскрывающий деятельность ИАК по изучению древностей Боспора Киммерийского — одного из главных центров греческой колонизации северного берега Черного моря. «Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859–1917)»: (Боспорские исследования. Вып. XXVII / Отв. ред. В. Н. Зинько) — Симферополь; Керчь, 2012. 368 с., ил.

В Молдавии вышла в свет «монография в журнале» д. и. н. К. К. Марченко «Хора Ольвии (дополнения к этнокультурной характеристике сельскохозяйственной территории полиса)» // STRATUM plus. СПб., Кишенев, Одесса, Бухарест, 2013. № 3. С. 17–132.

Д. и. н. И. Ю. Шауб издал учебно-методическое пособие «Римская цивилизация». СПб., Изд. ист. ф-та СПбГУ., 2013 и книгу «Р. В. Кинжалов. Из прошлого (И. Ю. Шауб. Подготовка текста, предисл., коммент.). (Приложение к вестнику античной истории, археологии, классической филологии «Новый Гермес») — Свято-Алексеевская Пустынь; СПб., 2012. 238 с., ил.

Опубликован сборник статей «ФИДИТИЯ. Памяти Юрия Викторовича Андреева» (ред. д. и. н. Ю. А. Виноградов, к. и. н. М. Ю. Вахтина, д. и. н. В. А. Горончаровский) — СПб.: «Дм. Буланин», 2013. 111 с., ил., почти на сорок лет связавшего свою жизнь с историей и археологией античного мира.

Монография к. и. н. А. А. Песковой и Л. В. Строковой «Христианские древности Византии в «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко» — СПб.; Киев: «Петербургское Востоковедение», 2012. 224 с., ил. является первой публикацией научного каталога византийских крестов из знаменитой «сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко, хранящейся ныне в Национальном музее истории Украины (НМИУ) в Киеве.

Многие сотрудники ИИМК РАН являются членами редакционных коллегий ведущих российских и международных периодических изданий. Они активно выступали в средствах массовой информации по популяризации археологической науки и пропаганде сохранения историко-культурного мирового наследия с различными комментариями на общероссийских и местных телевизионных каналах.

Сотрудники Научного архива ИИМК (зав. д. и. н. Г. В. Длужневская) создали научный информационно-аналитический ресурс (сайт) «Древнерусские памятники в фотодокументах» (авторы Г. В. Длужневская, Д. О. Цыпкин, Г. М. Шеин, Т. А. Ершова, О. С. Головина — www.oldrusphoto.ru). Домен ИИМК РАН получил новое наполнение в части представления изданий института, благодаря усилиям зам. директора ИИМК РАН по науке, к. и. н. О. И. Богуславского. В Интернете, кроме страницы ИИМК РАН (www. archeo. ru), активно функционируют сайты Отдела охранной археологии (www. rescuearcheo. ru), Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН (http://kae. rekvizit. ru).

В ноябре Отдел истории античной культуры при участии Санкт-Петербургского института истории РАН, Государственного Эрмитажа и Южно-Российского центра археологических

исследований и провел Международную научную конференцию «Боспорский феномен: греки и варвары на евразийском перекрестке». Это 10-е юбилейное заседание международного симпозиума «Боспорский феномен» — крупнейшего в Российской Федерации международного научного форума, посвященного проблемам истории и культуры Северного Причерноморья. В нем приняли участие более 150 археологов, историков, искусствоведов и филологов из России, ближнего и дальнего зарубежья. Главной темой стало рассмотрение вопросов взаимодействия античных и варварских культур. Были изданы материалы форума «Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы международной научной конференции» (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.) — СПб.: Нестор-История, 2013. 828 с., ил.

В апреле Отдел охранной археологии ИИМК РАН организовал и провел научную конференцию молодых ученых Санкт-Петербурга «Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования». В ее работе приняли участие молодые ученые, аспиранты и студенты археологи и историки не только из Санкт-Петербурга, но и из Москвы, Казани, Барнаула, Ельца и Кишинева. Было заслушано и обсуждено 44 доклада, охвативших широкий круг проблем полевых и кабинетных изысканий, особое внимание уделялось применению в археологии новейших методов исследований. К началу работы конференции вышло издание «Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования»: Тезисы науч. конф. молодых ученых Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2013 г. (отв. ред. к. и. н. В. А. Алёкшин, составитель к. и. н. А. А. Бессуднов) — СПб.: ИИМК РАН, 2013. 124 с.

Большое внимание сотрудников института привлекло расширенное заседание Методического семинара «Неолит в системе трех веков» в марте 2013 г. (рук. — д. и. н. С. А. Васильев), собравший ведущих специалистов по данной проблематике из Санкт-Петербурга и Москвы. Были заслушаны девять докладов, вызвавших горячее обсуждение.

Сотрудники ИИМК РАН возглавляли оргкомитеты и принимали активное участие в подготовке и проведении различных международных научных форумов. Чл.-корр. РАН, Е. Н. Носов, к. и. н. М. Т. Кашуба, к. и. н. О. А. Щеглова, В. С. Бочкарев выполнили большую работу по проведению 2–3 декабря 2013 г. российско-германского коллоквиума «Принципы датирования памятников эпохи бронзы, железного века и средневековья», организованного ИИМК РАН, кафедрой археологии исторического СПбГУ, Государственным Эрмитажем и Институтом преисторической археологии Свободного университета Берлина. Это научное мероприятие объединило более 70 представителей ведущих университетских, академических и музейных научных центров России (Санкт-Петербург, Москва, Новосибирск) и Германии (Берлин, Кельн, Геттинген, Тюбинген). Коллоквиум был направлен на решение актуальных проблем теории и практики датирования археологического материала с помощью как археологических, так и естественно-научных методов анализа. К началу его работы был выпущен сборник материалов «Принципы датирования памятников эпохи бронзы, железного века и средневековья: Материалы российско-германского коллоквиума» — СПб.: СПбГУ, 2013. 192 с., ил.

К. и. н. Н. Н. Скакун возглавила оргкомитет Международной конференции «Особенности обработки органических материалов в верхнем палеолите–мезолите Евразии», проведенной в октябре 2013 г. в г. Курчатове (Московская обл.) в рамках международной российско-французской программы «Технология изготовления и функциональное назначение костяных изделий в древних культурах Евразии (GDRE)», при участии CNRS и GDRE (Франция).

Д. и. н. А. Н. Кирпичников и д. и. н. В. А. Лапшин принимали активное участие в организации и проведении Международной конференции «Старая Ладога и Северная Русь в эпоху викингов и период славянского расселения», состоявшейся в ГБУК ЛО «Музей-заповедник «Старая Ладога», Ленинградская область, в июле 2013 г.

К. и. н. П. Е. Сорокин, к. и. н. К. А. Михайлов были членами оргкомитета по подготовки и проведению Международной научной конференции «Оборонительные сооружения и монументальное зодчество Древней Руси»,

посвященной 100-летию со дня рождения П. А. Раппопорта, прошедшей 22–23 октября 2013 г. в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург).

К. и. н. Г. В Синицына много лет является членом Оргкомитета ежегодного «Тверского археологического семинара», а в марте 2013 г. в Твери прошла работа V конференции «Тверская земля и сопредельные территории от палеолита до Новейшего времени. “Сопредельность территорий” в археологическом аспекте».

Д. и. н. С. А. Васильев стал одним из организаторов LIII региональной археолого-этнографической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Археология, этнология и антропология АТР. Междисциплинарный аспект», Владивосток, Дальневосточный федеральный университет, в марте 2013 г.

Д. и. н. А. И. Сакса был одним из организаторов юбилейной конференции, посвященной 720-летию Выборгского замка (г. Выборг, 19 сентября 2013 г.) и Российско-финского археологического семинара (ИИМК РАН; Музей Лаппеенранта; Летний университет Лаппеенранта; Университет Восточной Финляндии, г. Йоенсуу), состоявшегося в г. Выборге 06 сентября 2013 г.

К. и. н. А. А. Синицын и к. и. н. А. А. Бессуднов приняли активное участие в подготовке и проведении научных экскурсий в Курской и Воронежской областях для участников XII Международного симпозиума и полевого семинара «Палеопочвы, педоседименты и рельеф как архивы природной среды» (ISFWP–XII).

Сотрудники ИИМК РАН принимали самое активное участие в проведении целого ряда международных научных форумов, как в России, так и в ближнем и дальнем зарубежье, ученые ИИМК РАН прочитали на них 274 доклада. Д. и. н. А. И. Сакса был в числе организаторов создания и открытия в 2013 г. Музея археологии Выборга в г. Выборге, Ленинградская область.

Ученый совет ИИМК РАН в 2013 г. провел восемь заседаний, на которых обсуждались организационные вопросы и научные проблемы. В январе было проведено расширенное заседание Ученого совета и отдела палеолита, посвященное 95-летию старейшего археолога России, создателя школы по изучению каменного века Кавказа д. и. н. А. П. Любина.

В апреле 2013 г. на расширенном заседании Ученого совета, посвященном итогам полевых исследований за 2012 г., были сделаны сообщения: А. В. Поляковым, Н. А. Боковенко, И. П. Лазаретовым, С. В. Александровым «Работы Саянской экспедиции ИИМК РАН в 2012 г.»; С. А. Васильевым «Ирба 2 — новая палеолитическая стоянка в Красноярском крае»; В. А. Семеновым и М. Е. Килуновской «Работы Тувинской экспедиции ИИМК РАН в 2012 г.».

В ноябре 2013 г. на заседании Ученого совета заслушан доклад проф. Хидэаки Кимура (Саппоро, Япония) «Погребение периода позднего Дземона и возможности социальной интерпретации», после которого ему был вручен диплом «Почетного доктора ИИМК РАН» № 15 за многолетний вклад во взаимное научное сотрудничество археологов России и Японии.

В отчетном году Диссертационный совет ИИМК РАН провел защиты одной докторской и семи кандидатских диссертаций. Состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук м. н. с. ИИМК Е. В. Грицик на тему «Эллинистический Мирмекий». Три кандидатских диссертации были выполнены исследователями, прикрепленными к аспирантуре института: Т. В. Цыбрий (Ростов-на-Дону) по теме «Поселение Ягодинка 2 и некоторые вопросы домостроительства на нижнем Дону в эпоху поздней бронзы»; Е. Г. Застрожнова (Санкт-Петербург) «История археологического изучения Фанагории (конец XVIII в. — 1940 г.)»; Ф. А. Раззоков (Ашхабад, Туркменистан) «Строительные комплексы древнеземледельческого поселения Саразм в IV–III тыс. до н. э.».

Четыре сотрудника ИИМК РАН назначены аттестованными экспертами Министерства культуры РФ (О. И. Богуславский, В. А. Завьялов, Н. А. Боковенко, В. А. Лапшин). Чл.-корр. РАН Е. Н. Носов — эксперт по «историческим наукам» в Санкт-Петербургском госуниверситете, восемь сотрудников ИИМК РАН — эксперты РФФИ, РГНФ и РГО. Завотделом славяно-финской археологии ИИМК РАН д. и. н. А. Н. Кирпичников является советником по культуре

при губернаторах Ленинградской и Псковской областей, а также заместителем председателя Совета по охране памятников г. Пскова (при губернаторе г. Пскова).

Зав. Научным архивом ИИМК д. и. н. Г. В. Длужневская — член Экспертно-проверочной комиссии Петербургского филиала Архива РАН. Д. и. н. А. И. Сакса — эксперт Общества «Россия–Финляндия» и был включен в состав правительственной делегации на праздновании 35-летия горно-обогатительного комбината в Костамукше (Карелия) и открытии памятника А. Н. Косыгину и У. К. Кекконену (13–14 сентября 1213 г.).

В 2013 г. сотрудники ИИМК РАН активно сотрудничали со специалистами, представлявшими смежные естественнонаучные дисциплины, в рамках выполнения тем НИР, а также в работах по различным программам и грантам — это Геологический институт РАН, Институт географии РАН, Институт геоэкологии РАН (Москва); Зоологический институт РАН, Институт озероведения РАН, ВСЕГЕИ, ААНИИ, С.-Петербургский госуниверситет (Санкт-Петербург) и др.

К. и. н. Е. Ю. Гиря организовал и провел в сентябре 2013 г. на базе ООО «Этно-Археологический комплекс «Затерянный Мир» (Ростовская обл.)» Международную экспериментально-трасологическую школу при поддержке «Донского археологического общества» (Ростов-на-Дону). Работа школы финансировалась за счет средств бюджета ИИМК и Президиума РАН. В ней приняли участие научные сотрудники, аспиранты и студенты из археологических институтов и университетов России и Украины (Барнаула, Новосибирска, Воронежа, Москвы, Санкт-Петербурга, Донецка и Луганска). Помимо экспериментов и практических занятий участникам школы был прочитан основной курс «Экспериментально-трасологические исследования в археологии». К. и. н. Н. Н. Скакун провела в 2013 г. на базе Энеолитической экспедиции ИИМК Летнюю экспериментально-трасологическую школу в Тернопольской области (Украина) для российских и украинских студентов и аспирантов.

В ИИМК проходили подготовку три аспиранта, 17 соискателей ученой степени кандидата исторических наук и один стажер из различных научных и музейных центров России и СНГ. Ведущие ученые ИИМК осуществляют научное руководство и консультирование в различных археологических центрах России (восемь человек) и за рубежом (шесть исследователей). В 2013 г. сотрудниками Института составлено 11 официальных отзывов и рецензий на диссертации и другие научные работы.

Специфика научно-исследовательской деятельности ИИМК РАН как археологического центра России отражается и на формах участия ИИМК в образовательном процессе. Некоторые экспедиции Института уже много лет считаются базовыми для проведения археологической практики студентов различных вузов страны.

В Научном архиве ИИМК ежегодно проходят архивную практику студенты из С.-Петербургского госуниверситета, С.-Петербургского госуниверситета культуры и искусств, С.-Петербургского университета профсоюзов.

ИИМК РАН имеет давние связи с Русским географическим обществом (Санкт-Петербургское отделение), а, начиная с 2011 г., Институт активно участвует в работе по нескольким крупным проектам РГО, привлекающим российских и зарубежных студентов и молодежь для участия в археологических экспедициях. В 2011 г. был начат крупный проект РГО «Открой тайну Долины царей» на трассе будущей железной дороги «Элегест–Кызыл–Курагино», где в 2013 г. в двух палаточных лагерях в качестве волонтеров работали около 300 молодых людей. Специалисты ИИМК РАН в рамках этого проекта разработали программу археологических исследований, проводили раскопки и осуществляли научное руководство волонтерами, которым было прочитано 15 лекций по археологии и истории. В 2013 г. ИИМК РАН принял участие в проекте РГО по исследованию острова Гогланд в Финском заливе, сотрудники ИИМК РАН организовали и провели для волонтеров полевую и экспериментальную археологические практики, прочитали лекции по археологии и истории.

Научные сотрудники ИИМК РАН постоянно участвуют в научном руководстве курсовыми, дипломными и аспирантскими работами на исторических факультетах

С.-Петербургского госуниверситета, С.-Петербургского госуниверситета культуры и искусств, С.-Петербургского университета профсоюзов.

Сотрудники ИИМК ведут регулярную педагогическую деятельность в вузах Санкт-Петербурга: С.-Петербургский госуниверситет, С.-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, С.-Петербургский госуниверситет культуры и искусств, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, С.-Петербургский госуниверситет технологии и дизайна, Университет профсоюзов, Суворовское военное училище МВД, г. Санкт-Петербург. К. и. н. Р. В. Стоянов в 2013 г. был руководителем семинаров «Межкультурные взаимодействия в Северо-Западной Анатолии в VII–II вв. до н. э.» и «Методика полевой и камеральной обработки античной керамики» в Университете г. Чанаккале, Кафедра археологии, Фонд Трои (Турция).

Кафедра археологии исторического факультета С.-Петербургского госуниверситета является основным источником пополнения молодыми научными кадрами ИИМК РАН. Директор Института член-корр. РАН Е. Н. Носов, заведующий кафедрой археологии, читает лекционные курсы на кафедре и на историческом факультете университета. Штатными преподавателями кафедры археологии состоят сотрудники ИИМК: с.н. с. В. С. Бочкарев, который преподает ряд предметов по археологии эпохи энеолита — бронзы, к. и. н. О. А. Щеглова, доцент кафедры археологии, читает также курс на кафедре музеологии.

ИИМК РАН продолжал интенсивно поддерживать старые и развивать новые научные контакты с зарубежными коллегами. В Институте выступали с докладами, проходили стажировку и работали с материалами археологи из Франции, Японии, Дании, Ирана, Болгарии, Польши, Финляндии, Эстонии, Украины, Беларуси, Азербайджана, Молдовы. ИИМК РАН имеет давние и прочные контакты со многими зарубежными археологическими учреждениями. В 2013 г. ИИМК РАН продолжал активно развивать сотрудничество с родственными учреждениями стран СНГ, заключено пять договоров о сотрудничестве, которые являются основой для более конкретных соглашений о совместных мероприятиях, экспедициях и т. д.

Завотделом охранной археологии к. и. н. Н. Ф. Соловьева в 2013 г. руководила работами Международной российско-немецко-туркменской комплексной археологической экспедиции в рамках договора о сотрудничестве с Министерством культуры Туркменистана. Южно-Таджикская экспедиция ИИМК (нач. к. и. н. Ю. Г. Кутимов) успешно вела изучение памятников бронзового века в Таджикистане.

В 2013 г. ИИМК РАН продолжал укреплять и развивать творческое сотрудничество с научными, музейными и образовательными организациями дальнего зарубежья, некоторые из них закреплены договорами о сотрудничестве. Были заключены новые договоры о сотрудничестве с Институтом общества и культуры Орхусского университета (Дания) и Университетом г. Гранада (Испания).

Зав. Экспериментально-трасологической лабораторией ИИМК РАН д. и. н. В. Е. Щелинский осуществлял руководство международным российско-болгарским проектом в рамках Соглашения о научном сотрудничестве между РАН и Болгарской академией наук. Совместный проект «Древние пути заселения Европейского континента: миграционные процессы через Приазовье и Балканы. Характеристика индустрий и развитие культурного обмена между человеческими группами».

В рамках международного сотрудничества РАН и НАН Азербайджана ученый секретарь ИИМК к. и. н. С. А. Кулаков является соруководителем проекта «Совместная комплексная археологическая экспедиция по исследованию известных и открытию новых памятников первоначального заселения (более 1 млн лет тому назад) территорий Азербайджана и юга России (Таманский полуостров)». В результате работ открыт новый раннепалеолитический памятник — ашельское местонахождение Гараджа на южном берегу Мингечаурского водохранилища на р. Кура (Западный Азербайджан).

К. и. н. А. А. Пескова и д. и. н. А. Е. Мусин в рамках Программы сотрудничества РАН и ПАН успешно закончили проект «Между романизацией и ромеизацией. Русь Рюриковичей и Польша Пястов на путях европеизации», 2011–2013 гг. д. и. н. В. А. Горончаров-

ский был руководителем (с российской стороны) проекта «Греческие центры Северного и Восточного Причерноморья» по программе сотрудничества РАН и Польской академии наук на 2011–2013 гг.

Д. и. н. А. И. Сакса является координатором ИИМК по сотрудничеству с Финляндией (Музейное ведомство, университеты Хельсинки и Турку) и Эстонией (Институт археологии университета Таллина). В 2013 г. он стал соруководителем Российско-финского проекта по возрождению в г. Выборге комплекса «Церковь Святой Марии и Святого Олафа и Часовая башня XV–XVIII вв.» (университет Турку, философский факультет, отд. археологии).

В 2013 г. д. и. н. С. А Васильев и к. и. н. А. А. Синицын представляли археологов России в постоянной комиссии по верхнему палеолиту Международного Союза доисторических и протоисторических наук (UISPP). К. и. н. Н. Н. Скакун является председателем Комиссии по трасологии Международного Союза доисторических и протоисторических наук (UISPP), членом Совета международной археологической программы «Земля». К. и. н. В. М. Лозовский и к. и. н. О. В. Лозовская являются членами международной научной организации «Stone Age Bog Group/ Исследования торфяниковых стоянок каменного века». К. и. н. Е. Ю. Гиря — член Совета «International traceological information site «Traceo 2».

Д. и. н. А. И. Сакса в 2013 г. назначен экспертом ученого совета гуманитарного факультета Университета Хельсинки (Финляндия). К. и. н. Н. Н. Скакун избрана Почетным членом ученого совета Итальянского института до- и протоистории в г. Флоренция.

В 2013 г. д. и. н. проф. А. Н. Кирпичников избран почетным гражданином Ленинградской области и стал лауреатом премии Фонда Митрополита Макария за книгу «Старая Ладога — древняя столица Руси». Завотделом истории античной культуры ИИМК РАН д. и. н. В. А. Горончаровский и к. и. н. М. Ю. Вахтина удостоились грамот Министерства культуры Автономной Республики Крым (Украина) «за многолетний вклад в развитие исторической науки, формирование музейных коллекций, являющихся национальным достоянием государства».

С. А. Кулаков
Ученый секретарь ИИМК РАН

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААНИИ — Федеральное государственное бюджетное учреждение Арктический и антарктический научно-исследовательский институт (ФГБУ «ААНИИ»). Л.; СПб.

АВ — Археологические вести. СПб.

АО — Археологические открытия. М.

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., СПб.

БАН — Библиотека Российской академии наук. СПб.

БКИЧП — Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. М.

БФ — Боспорский феномен. СПб.

ВДИ — Вестник древней истории. М.

ВИ — Вопросы истории. М.

ВСЕГЕИ — Всероссийский научно-исследовательский институт им. А. П. Карпинского. Л.; СПб.

ВЯ — Вопросы языкознания. М.

ГБУК ЛО — Государственное бюджетное учреждение культуры Ленинградской области.

ДБ — Древности Боспора. М.

ДВО РАН — Дальневосточное отделение Российской академии наук. Владивосток.

ЗОРСА ИРАО — Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб.

ЗРАО — Записки Императорского русского археологического общества. СПб.

ЗРВААРВИО — Записки Разряда военной археологии и археографии Русского Военно-исторического общества. СПб.

ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук. М.

ИАК — Императорская Археологическая Комиссия. СПб.

ИИАК — Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб.

ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук. СПб.

ИЭГТ КБНЦ РАН — Институт экологии горных территорий Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. Нальчик.

ИЭСОЯ — Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–IV, Указатель. Л.; М., 1958–1995.

КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л.

МАИКЦ — Международная ассоциация по изучению культуры Центральной Азии. М.

МАР — Материалы по археологии России. СПб.

МАЭ — Музей антропологии и этнографии. Л., СПб.

МВД — Министерство внутренних дел. СПб.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.

МИАК — Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.

МИАР — Материалы и исследования по археологии России. М.

МИАСК — Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир.

МИИКНСК — Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М.

МИС — Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3.

МПС — Министерство Путей Сообщения. СПб.

НАВ — Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.

нег. — негатив.

НИАБ — Национальный исторический Архив Белоруссии. Минск.

НИИКСИ СПбГУ — Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.

НИР — Научно-исследовательская работа.

Н. С. — Новая Серия.

НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.

ОАК — Отчет Императорской археологической комиссии. СПб.

ОИФН РАН — Отделение историко-филологических наук Российской академии наук

отп. — отпечаток.

«офи_м» — Конкурс ориентированных фундаментальных исследований по актуальным междисциплинарным темам

ПАВ — Петербургский археологический вестник. СПб.

РА — Российская археология. М.

РАЕ — Российский археологический ежегодник. СПб.

РАН — Российская академия наук.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов. М.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. М.

РГИА — Российский государственный исторический архив. Л., СПб.

РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд.

РГО — Русское географическое общество. СПб.; М.

РО — Рукописный отдел.

РО НА ИИМК РАН — Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры. СПб.

РСМ — Раннеславянский мир. М.

РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований.

СА — Советская археология. М.

САИ — Свод археологических источников по археологии СССР. М.; Л.

САИПИ — Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства. Кемерово.

СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Пг.; Л.

СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.

СМАА — Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп.

СТАЭ — Саяно-Тувинская археологическая экспедиция.

ТКАЭЭ — Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция.

Труды ИИМК РАН — Труды института истории материальной культуры РАН. СПб.

Труды ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.

ФО НА ИИМК РАН — Фотографический отдел Научного архива Института истории материальной культуры. СПб.

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив. Л., СПб.

ЭСИЯ — Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. М., 2000. Т. 1; 2003. Т. 2; 2007. Т. 3, 2011. Т. 4 (издание продолжается).

ACSS — Ancient Civilizations from Scythia to Siberia

BAR — British Archaeological Reports. Oxford.

BSPF — Bulletin de la Société Préhistorique Française

CA — Cambridge Ancient History. London.

CIG — Corpus inscriptionum Graecorum. Berlin.

CNSR — Centre National de la Recherche Scientifique.

EWAia — Mayrhofer Manfred. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Heidelberg. 1992 – 1996 – 2001. Bd. I–III

FGH — Die Fragmente der Griechischen Historiker. Von F. Jacoby. Photomechanischer Nachdruck der vermehrten Neudruckes von 1957. Leiden; New York; Köln, 1995 –

FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum. Carolus et Theod. Mülleri (eds). Parisiis, 1841–1848–1849–1851–1870. Vol. 1–5.

IIJ — Indo-Iranian Journal, 's-Gravenhage/Dordrecht; Boston.

IOSPE — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli.

ISFWP — International Symposium and Field Workshop of Paleopedology.

KEWA — Mayrhofer Manfred. Kurzgefaßtes Etymologisches Wörterbuch des Altindischen. , Heidelberg, 1956–1980. Bd. I–IV.

MAB — Monumenta Archaeologica Barbarica. Kraków.

RV — Rigveda/Ригведа

SI — Studia Iranica, Paris.

SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikaus kirja (Finska forminnesföreningens tidskrift).

Vd — Vendidad/Вендидад

WA — Wiadomości archeologiczne. Warszawa.

Y — Yasna/Ясна

Yt — Yašt/яшт

Научное издание

Археологические вести
Выпуск 20

Утверждено к печати
Ученым советом
Института истории материальной культуры
Российской академии наук

Издательская группа ИИМК РАН
А. В. Гилевич, Н. В. Головачева,
Т. С. Дорофеева, Г. А. Кузнецова,
В. Я. Стеганцева

Адрес редакции:

Россия. 191186. Санкт-Петербург.
Дворцовая наб., 18.
Институт истории материальной культуры
Российской академии наук.
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
http://www.archeo.ru; vesti@archeo.ru

Редактор: *В.Ю. Ганчурина*
Корректор: *Л. А. Мешкомаева*
Верстка: *А.В. Ганчурина*

Издательство «Арт-Экспресс»
Формат 60×84/8. Заказ № 986
Подписано в печать 09.12.2014 г.

Отпечатано в типографии «Art-Xpress»
199155, Санкт-Петербург, В.О., ул. Уральская, 17/3, офис 4
E-mail: zakaz@art-xpress.ru
http://www. art-xpress.ru